ISSN 2309-1584

НАЗИРОВСКИЙ АРХИВ

№2 (28), 2020

ISSN 2309-1584

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема»

НАЗИРОВСКИЙ АРХИВ

научный журнал

№2 (28), 2020

Основан в 2013 г.

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«ПРИАМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА»

Главный редактор:
Б. В. Орехов, кандидат филологических наук (Москва)

Зам. главного редактора:
Сергей С. Шаулов, кандидат филологических наук, доцент (Москва)

Редакционная коллегия:
В. В. Борисова, доктор филологических наук, профессор (Уфа)
Е. А. Выналек, кандидат филологических наук (Вроцлав)
Е. Е. Жигарина, кандидат филологических наук (Москва)
П. Н. Толстогузов, доктор филологических наук, профессор (Биробиджан)
В. В. Файер, кандидат филологических наук (Москва)

дизайн — Д. Муслимов

Адрес журнала в Интернете:
http://nevmenandr.net/nazirov/journal.php

Адрес редакции:
105066 г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1. к. А-117
e-mail: nevmenandr@gmail.com

Ссылка на журнал обязательна.
Подписано в печать 30.6.2020. Усл. печ. л. 9,30. Уч.-изд. л. 9,31.

Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема
679015, г. Биробиджан, ул. Широкая, 70-А

© ФГБОУ ВПО «ПГУ им. Шолом-Алейхема», 2020
© Редакция журнала, 2020

Назировский архив
2020 № 2 (27)

Содержание

Публикации **9**

Типы контактных связей в литературе **9**
Р. Г. Назиров

Эпическая поэма. Данте Алигиери, Камоэнс, Тассо, Мильтон **15**
Р. Г. Назиров

Превращения сюжетов **59**
Р. Г. Назиров

Заключение о диссертации Л. А. Пермяковой **216**
Р. Г. Назиров

Поэты-радищевцы и декабристская поэзия. **219**
Р. Г. Назиров

История одного взыскания. Рассказ. Автокомментарий **299**
Р. Г. Назиров

Из дневника 1958 года **302**
Р. Г. Назиров

Из дневника 1959 года **347**
Р. Г. Назиров

Биографический отдел **372**

Воспоминания выпускницы филфака БашГУ Елены Петровой (Авдониной) 372

Воспоминания выпускницы филфака БашГУ Елены Челышевой 373

Колоризованные фото из архива Р. Г. Назирова 374

Исследования 391

Биографический нарратив о Назирове 391
Б. В. Орехов

Библиография 406

Дополнения к библиографии Р. Г. Назирова 406

Правила для авторов 407

Публикации

Бахтин: „Функция дурака, шута, плута — овнешнять чужое бытие. Они «чужие» и имеют особые права и привилегии, восстанавливают публичность чл'ческого образа."

Перси Лаббок ставил Генри Джеймса выше Толстого. Бахтин выдвинул противоположную концепцию: полифонич. структура выше монологической.

В. Шкловский назвал посторонний пейзаж «ложным финалом».

Публикации

Типы контактных связей в литературе

Р. Г. Назиров

Изучение контактных связей в литературе страдает некоторым дилетантизмом. Мы говорим, что Пушкин «испытала влияние» лёгкой поэзии Парни; однако на Пушкина «влияли» и Данте, и Шекспир. Неужели все эти связи покрываются термином «влияние»? Слишком расплывчатый, он превратился ныне в asulum ignorantiae, в убежище нашего незнания. Между накопленной массой эмпирических фактов и обобщениями обнаружился зияющий пробел, дедукция общих утверждений не опосредована систематизацией фактов. Эта систематизация нуждается в системе понятий, по возможности точно определяющих характер, уровень и значимость конкретных литературных связей.

Такие понятия существуют в науке, но не образуют системы. Дать черновой эскиз её — задача настоящей работы. Мы разделяем все типы контактных связей по двум уровням — стилевому и сюжетно-композиционному (второй также может быть разделён). В пределах этих двух уровней мы рассматриваем типы связей в порядке возрастающей независимости результирующего текста.

I.

Рассмотрение связей на уровне стиля должно отталкиваться от общих мест (loci communi), характерных не только для фольклора, но в меньшей степени и для литературы. Фольклорные формулы находят своеобразное продолжение в достаточно устойчивых формулах литературного стиля; таковы пейзажные зачины и концовки повестей, над которыми издевался Толстой: «Когда я читаю «Было раннее утро»... я больше не могу, мне хочется спать».

Но то, что мы сегодня называем штампом или клише, не всегда вызывало к себе отрицательное отношение. Вот что рассказывает Д. С. Лихачёв о нестилизационных подражаниях в древнерусской литературе: «Они заимствуют отдельные готовые элементы формы своего оригинала, но они не дополняют и не развивают оригинал творчески. Эти подражания не являются стилизациями. Такие нестилизационные подражания существуют преимущественно в эпохи, когда понятие литературной собственности отсутствует или носит неразвитый характер. Отдельные элементы старой формы используются в новом произведении как своего рода украшения. Из этих украшений составляется мозаичная новая композиция. При этом элементы старой формы, приспосабливаясь к новому содержанию, часто деформируются,

упрощаются, сокращаются. Заимствуются не все, а только некоторые элементы оригинала, и эти некоторые элементы по нескольку раз повторяются в новом произведении...»[1] Указывая на особое развитие таких подражаний в конце XIV – XV вв., учёный замечает, что они имели место и в дальнейшем. Скажем сразу: исторически возникшие типы литературных связей почти никогда не исчезают полностью, что и позволяет сводить их в единую систему.

Ясно, что никакой стиль не может обойтись без общепринятых средств выражения. Но, оставаясь только на этом уровне, стиль быстро теряет свою содержательность и становится знаком культуры, а не стилем. Противоположная крайность — полный отказ от общепринятых средств, о чём хорошо сказал Т. С. Элиот: «Стих, который абсолютно оригинален, является абсолютно плохим; он «субъективен» в дурном смысле слова и не имеет никакой точки соприкосновения с миром, к которому обращается». Иными словами, оригинальным следует признать стиль, творчески использующий традиционные, уже существующие элементы. Гений сказывается в искусстве трансформации.

Уже на небольшом расстоянии от простой конвенциональности начинается искусство. Первый вид творческой связи возникает в сфере перевода (который сам по себе входит в наш предмет). Так, в 7-й книге «Тезеиды» Болкаччо есть стих «E con gli occulti forri i tradimenti» («И предательства с тайною сталью). Чосер в своей «Knight's Tale» переложил это т стих так: «The smyler with knyf under the cloke» («Весельчак с ножом за пазухой»). Таким же образом он перелагает Боккаччо в «Троиле». Стилевое переложение может достичь относительно большой независимости от оригинала — таковы пушкинские переложения баллад Мицкевича (Барри Корнуолла Пушкин уже не перелагал, а варьировал — это другой разговор). И «Людмила» Жуковского, и полемически ей противопоставленная «Ольга» Катенина — переложения одной и той же «Леноры». Переложение может совершаться в пределах одного языка — таковы современные поэтические переложения «Слова о полку Игореве». Они уже соприкасаются с **парафразой**.

Парафразирование — слабо изученная область контактных связей. В старой поэтике парафразой (или парафразом) называлось переложение поэтического текста стихами. Так, в платоновском диалоге «Федон» Сократ говорит: «Я понял, что поэт — если только он хочет быть настоящим поэтом — должен творить мифы, а не рассуждения. Сам же я даром воображения не владею, вот я и взял то, что было мне всего доступнее, — Эзоповы басни. Я знал их наизусть и первые же, какие пришли мне на память, переложил стихами».

Из этого видно, что у платона парафразирование не пользовалось особым почётом. Но за 2000 лет положение сильно изменилось. В эпоху классицизма очень распространилось парафразирование античных и библейских текстов. Особенно вольное парафразирование вело к отрыву от стиля оригинала и превращалось в сюжетную парафразу, о которой речь ещё впереди. Сакральный характер библейских текстов налагал на поэтов более строгую дисциплину. В результате соревнования Ломоносова, Тредиаковского и Сумарокова на лучшее парафразирование 143-го псалма возникло коллективное издание «Три оды парафрасти-

[1] Д. С. Лихачёв. Поэтика древнерусской литературы. «Наука», Л., 1967, с. 186

ческие». Другой псалом явился источником блестящей парафразы Державина — «Властителям и судьям». Жуковский уже парафразировал «свежие» тексты, например, «Ундину» Ламотт-Фуко и «Матео Фальконе» Мериме. Пушкин парафразировал «Песнь песней» в своем гениальном «В крови горит огонь желанья». Все эти парафразы связаны со стилем оригинала. Стилевая парафраза имеет своим источником один определённый текст.

Более независимы произведения, связанные с текстом-источником по принципу **подражания**. Вернее говорить о группе текстов, ибо подражание следует не одному, а многим текстам (творчеству одного автора, школе, течению, национальной литературе в целом). Явления подражательности старше литературы: в фольклоре подражание авторитетным древним образцам (предельно близкая передача исходных текстов) есть достоинство. На ранних стадиях литературного процесса подражатели стремились к сокрытию своего авторства, но это не было подделкой, а необходимой культурной позицией — позицией скромности и пиэтета. Такие подражания Лихачёв считает продолжениями оригинала: «Так, например, восточные продолжатели Гафиза использовали и форму стихов Гафиза, и их общее содержание, лишь несколько его варьируя от произведения к произведению. Такие стихи воспринимали как стихи Гафиза не только их читатели. Их авторы искренне не считали себя их «авторами», а, надписывая их именем Гафиза, как бы посвящали их ему, считали Гафиза не только вдохновителем их стихов, но и своего рода автором»[1]. Исследователь квалифицирует такие продолжения как «своеобразное «сотворчество»»: по нашему мнению, мы здесь имеем дело с долговечным пережитком коллективного авторства.

Но такие же продолжающиеся подражания в эпоху индивидуального авторства третируются как «рабские», «эпигонские», «ученические». Действительно, они обычно ведут к автоматизации авторитетного стиля: таковы «Мечты и звуки» юного Некрасова («продолжение» Жуковского) или стихи эпигонов Пушкина типа барона Розена. В наше время такое подражание не может рассматриваться в ряду **творческих** связей.

Творческое подражание с большой свободой использует формы и мотивы исходной группы текстов. В антологической лирике русских классиков античность становится внешней формой, стиль глубоко оригинален, а эмоция современна («Леда» Баратынского, «Вакханка» Фета). Ещё дальше уходит от образцов чисто условные «подражания» — подцензурная маскировка актуальной политической лирики и сатиры (Рылеев, Пушкин); все эти инвективы временщикам и псевдо-переводы с латыни не являются подражаниями в точном смысле слова. Они трактуют подражание как независимый жанр, а не как тип связи. В наше время этот жанр исчез, тип связи остался по-прежнему.

Литература знает и подлинно высокие подражания, которые нельзя смешать ни с продолжением, ни со стилизацией. Ряд подражаний Байрону, Анакреону или восточной поэзии имел большую ценность для русской поэзии. Их установкой было обогащение родного искусства инокультурным материалом, экзотической или остро-актуальной эмоцией, непри-

[1] Там же.

вычными формами. В таких подражаниях мы видим энтузиазм сотворчества, которому сама эпоха развитого авторства придаёт форму благородного соперничества.

Творческое подражание без указания имени его автора, т. е. приписывание собственного произведения авторитету, есть мистификация. Это законного явление искусства в современных работах о «замаскированной литературе» совершенно неправомерно рассматривается в одном ряду с фальсификациями (подлогами). Термин «фальсификация» коннотирует некий художественный уровень, тогда как мистификация может быть гениальной. Произведения Макферсона или Чаттертона не имели целью корысти Лии славы. Их нельзя смешивать и со стилизациями, ибо и поэмы Оссиана, и творения мнимого Роули были глубоко актуальны и поверхностно использовали топику гэльского фольклора или средневековой поэзии. В этих мистификациях вымышленный автор — древний бард Оссиан или монах Роули — был маской предромантического лиризма.

Мистификация — это творческое подражание с вымышленным автором, который фактически является лирическим героем в поэзии и героем-рассказчиком в прозе, как, например, Робинзон Крузо и Гулливер. Две величайшие книги Дефо и Свифта сначлаа были изданы как документальные воспоминания и являлись мистификациями популярнейшего нехудожественного жанра «путешествия».

Стилизация — явление относительно позднее. Ю. Тынянов очень верно говорит в статье «Достоевский и Гоголь»: «Здесь стилизация; здесь нет следования за стилем, а скорее игра им»[1]. В высокой стилизации всегда заключена деформация исходного стиля. Д. С. Лихачёв, целиком относя к стилизации пушкинские «подражания», поясняет: «Он как бы экспериментировал, типизируя стиль и содержание того автора, которому подражал»[2]. На наш взгляд, у Пушкина соседствуют и подражания, и мистификации («Стамбул гяуры нынче славят»), и стилизации, но смысл его стилизаций точно определён Лихачёвым.

Высокая стилизация, имитируя чужую авторскую позицию, на деле подчиняется актуальной точке зрения, новому видению мира: таковы «Западно-восточный диван» Гёте, «Пентесилея» Клейстан, «Тиль Уленшпигель» Ш. де Костера.

Когда стилизация становится самоцелью, возникает пастишь — крайняя стилизация, симптом перезрелой культурной стадии и тоски по утраченной непосредственности. В отличие от упомянутых продолжений Гафиза пастишь подчеркивает личное авторство, но момент авторского достижения выражается в отказе от актуальности, в тщеславии музейной реставрации исходного стиля, в полноте культурного перевоплощения. Крайнтй артистизм пастиши, её демонстративная «вторичность» — это не только выражение закономерного неприятия действительности, но в какой то мере и следствие творческого бессилия (таковы некоторые пастиши русских символистов).

При всякой стилизации стиль подчёркнут, он смотрится, автор любуется им как признаком культурной широты: тут есть момент наслаждения чистой игрой, а порой и самолюбование. Так или иначе, главные цели искусства отходят на второй план (стилизованные

[1] Ю. Тынянов. Архаисты и новаторы, «Прибой», Л., 1929, с. 415 – 416.
[2] Д. С. Лихачёв. Поэтика древнерусской литературы, с. 185.

романы Анри де Ренье или Анатоля Франса слишком тонки). Стилизация может служить школой гения, экспериментом, имеет большое **служебное** значение в литературном процессе, но не порождает великих произведений. Не случайно реалист Тургенев был удивлён, что французская публика (уже тогда тронутая эстетством) приняла «Песнь торжествующей любви» гораздо горячее, чем любой из его романов. Умеренная доля стилизации в исторической или экзотической прозе характерна для реализма, но избыток стилизации приводит даже мастеров к таким безвкусным вещам, как «Аль-Исса» Куприна.

Великий писатель, даже если он сначала проходит школу подражаний и стилизации, всегда создаёт свой большой стиль, выявляя через него свою личности. Этот стиль, декларация независимости писателя, отнюдь не порывает с окружающей литературой: он строится как синтез индивидуального устного-речевого (эпистолярного, дневникового) стиля писателя и чужих стилей. В этом синтезе трансформированные элементы чужих стилей обычно утрачивают ощутимость, и чем больше исходных силей сплавляет художник, тем оригинальнее результат. При таком комбинировании стилей происходит взаимная нейтрализация гетерогенных элементов и их подчинение авторскому голосу. Этот голос служит завершающим моментом в комбинировании стилей: мы подчеркиваем, не голос повествователя, а голос автора.

До сих пор говорилось о таких типах связи, при которых в контакт вовлекается стиль всего результирующего текста или его крупных частей. Более независимы тексты, использующие чужой материал в виде небольших вкраплений. Прежде всего это цитация (включение малых фрагментов нетрансформированного чужого текста). Для прозы Пушкина обычна цитация стихов прямо в середине фразы: « и Юрко стал расхаживать около неё с секирой и в броне сермяжной» («Гробовщик»). Пушкин выделил курсивом стих из «Дуры Пахомовны» Измайлова и, как обычно, не указал источника.

Более распространенной является реминисценция, — вольное использование фрагментов чужих тектсов в том или ином приближении к стилю нового текста. Наилучший пример мы опять находим у Пушкина. Рассмотрим его подробно.

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.

Общеизвестно, что четвёртый стих — реминисценция из «Лалы Рук»:

Ах! Не с нами обитает
Гений чистый красоты;
Лишь порой он навещает
Нас с небесной высоты...

Что сделал Пушкин, перенося этот стих? Во-первых, у Жуковского звучит танцевально-лёгкий, «бальный» хорей («Ах, вы, сени, мои сени»); у Пушкина четырёхстопный ямб

с наращениями, стих торжественнее, серьёзнее по звучанию, чем у Жуковского. Во-вторых, в «Лале Рук» выражение «гений чистый красоты» — инверсия, ей прямой порядок — «чистый гений красоты», дух всеобщей и абстрактной красоты. Пушкин по горькому опыту знает, что красоты может быть опасной, он переносит прикрепление эпитета, говорит о гении высокой, настоящей красоты (в отличие от «нечистой»). В-третьих, Жуковский называет прямой объект изображения, аллегорического Гения Красоты; у Пушкина выражение стало средством сравнения, относится к прекрасной женщине и рифмуется с «ты», передавая возвышенную интимность любовного признания. В итоге олицетворение из «Лалы Рук» ассимилировано пушкинским контекстом, сладкая меланхолия условного образа растворилась в драматическом оптимизме любви, и возник **новый образ**, хранящий, однако, память о первом.

У Достоевского Раскольников задаётся вопросом: «Тварь я дрожащая или права имею?» Здесь есть реминисценция из пушкинских «Подражаний Корану»:

Мужайся ж, презирай обман,
Стезёю правды бодро следуй,
Люби сирот, и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй.

Выражение Пушкина прекрасно, но оно «у себя дома», среди ряда подобных выражений. В устах Раскольникова эта неожиданная реминисценция приобретает злобно-иронический смысл и ошеломляет тем, что относится к нам: все мы (не Наполеоны и не убийцы) причислены к «тварям дрожащим».

Эпическая поэма. Данте Алигиери, Камоэнс, Тассо, Мильтон

Р. Г. Назиров

Эпическая поэма в лице четырех поэтов Ренессанса (плюс Шекспир и Сервантес) остаётся недосягаемой вершиной европейской литературы. Данте родился в 1265, Мильтон умер в 1674 году. Вот 4 века великой славы Запада.

Данте Алигиери

1. Моя компиляция об эпохе и о Данте в ней.
2. Jan Paradowski: «Dante»
3. Голенищев-Кутузов: «Эпоха Данте в представлении современной науки»
4. Баткин: «Реальность и аллегория в поэтике Данте»
5. Н. Елина о «Комедии». Пространство комедии.
6. Фантазия Данте (Боткин и Юрий Олеша).
7. Вильмонт по теме «Данте — Достоевский».
8. Вацлав Кубацкий о «Комедии»
9. Веселовский о Данте (кусочки).
10. Гегель и Белинский о «Комедии»

Malebolge = адские рвы в «Аде» Данте.
Время действия всей «Комедии» — 174 часа.
Чудовища у Данте. Идея: Данте и Босх (!)
Действие — пространственное движение с приключениями и обходами.
Разв. сравнения, описания, портреты грешников и святых, фантастич. пейзажи.
Диалоги Данте с Вергилием, Д. с Беатриче, Данте с тенями умерших.
Инвективы Данте в адрес земных властителей и преступных городов.
Передача внутр. состояния героя.
Типы связей — градация, возвратные движения.
Перифраз — главн. роль в стиле «Комедии» (Голен.-Кутузов). Описательным, иносказательным является и весь строй поэмы (гигантская аллегория «восхождения»).

Данте Алигьери и его «Божественная комедия»

Данте (1265–1321) род. во Флоренции, происходил из старинного, но небогатого дворянского рода. Примерно с 16 лет начал писать стихи, сначала воспевая флорентийку Беатриче Портинари (1266 – 1290), а затем оплакивая её раннюю смерть.

Беатриче жила по соседству с Данте, их отцы были друзьями. Стихи о ней и присоединённое к ним прозаическое повествование Данте о любви к Беатриче составили первую автобиографич. повесть на итал. языке «Vita nuova» (1292). Мы узнаём, что сперва он встретил Беатриче 9-летним ребёнком, одетую в пурпурное платье, а затем грациозной девушкой; на прошла по флорентийской улице между двумя домами, а на приветствие Данте ответила ласковым поклоном. Позже он, чтобы проявить независимость, стал напоказ ухаживать за другой девушкой. Беатриче узнала об этом и при следующей встрече не ответила на приветствие.

Это поразило Данте невыразимой болью, и он раз навсегда отказался от всякой игры в сфере чувства. Его страсть усиливалась, но она вышла замуж за другого, а в 24 года умерла. Смерть Беатриче была огромным потрясением для Данте. Его страсть превратилась в мистическую любовь к усопшей.

Позже он женился, имел детей, но брак оказался неудачным. Оно и понятно; легко ли женщине жить с мужем, к-рый не скрывает, что любит какую-то покойницу?

С 1295 Данте принял участие в политич. жизни Флорентийской республики, где господствовала партия гвельфов — противников германского императора, претендовавшего на обладание Италией. Но в самом конце XIII века флорентийские гвельфы раскололись на «белых» и «чёрных»: последние были связаны с римским папой Бонифацием VIII, к-рый стремился подчинить Флоренцию Данте примкнул к его противникам — «белым гвельфам». Сначала они победили, и вождям «черных» пришлось бежать в Рим. Но затем папа натравил на Флоренцию брата франц. короля, тот вступил в город с войском и с «черными гвельфами». И эти neri начали расправу.

Данте, бывший тогда в отлучке, был заочно приговорён к сожжению заживо (1302). Он больше не увидел родного города. Начались странствия поэта-изгнанника по Италии, раздираемой междоусобн. распрями: Верона, Лука, Равенна. Он побывал и в Париже. Там, в Латинском квартале, долго показывали древний дом, почти вросший в землю; над его дверью была пибита на счастье подкова. Парижане клялись и божились шестьсот лет, что её прибил сам Данте Алигьери.

В изгнании Данте написал трактат «О народном красноречии». В эпоху культурной монополии латинского языка Данте утверждал право живого итальянского языка быть языком лит-ры и науки. Борьба Данте за единый итальянский язык была в ту эпоху раздробленности Италии патриотическим подвигом.

В 1310 в Италию вступил с армией германский имп. Генр. VII, заявивший, что силой оружия положит конец междоус. распрям, раздирающим несчастную старну. Данте, мечтавший о воссоединении Италии, приветствовал имп-ра и поддержал его своим пером.

Его политич. трактат «De monarchia» (1310–1311, в трёх кн.) остаивает утопич. Идеал всемирной монархии. Единое всемирное госуд-во нужно поэту ради вечного мира: в таком госуд-ве не будет войн и раздоров. Монарх должен служить народу и не зависеть от Цкви; цель гос-ва — обеспечить земное благополучие людей, тогда как цель Цкви — спасение их душ. Это значит, что у гос-ва и Цкви — разные и раздельные задачи; они не должны мешать друг другу и посягать на прерогативы друг друга.

С идеалом всемирн. монархии органически сливалась и великая мечта Данте об универсальности культуры.

В 1313 внезапно умер Генрих VII, надежды Данте не осуществились, он продолжал странствовать.

В 1303 – 1321 он писал свою прославленную поэму, к-рую назвал «Commedia», потому что начало поэмы печально, а конец — светлый; стиль же её не «высокий», а «средний». Таково объяснение самого поэта.

Это аллегорическая поэма в распространённом тогда жанре «видения» (visiones). Немало было в числе этих «видений» и поэм, описывающих путеш-вие по загробному миру (peregrinatio). Но Данте взорвал условность привычного жанра новым авторским «Я».

Поэма подчиняется троичному принципу, начиная от особой строфы (терцины) и кончая трёхчастной структурой; «Ад», «Чист.» и «Рай». Герой поэмы, т. е. сам Данте, воплощает погрязшее в грехах члчство. Дабы выйти из состояния греховности, оно через мир осуждения (ад) и через искупление (чистилище) должно обрести блаженство (рай).

Поэма сюжетно строится на продолжении любви Данте к умершей Беатриче, но отличается колоссальной панорамностью обзора и огромной важностью своей проблематики с позиций религиозной морали Данте судит и мирских властителей, и князей Церкви. Напомню, что никакого догмата о «непогрешимости» римского папы тогда в католицизме ещё не было. Данте этого догмата никогда не принял бы.

Поэма Данте — это священная эпопея с лирич. героем-автором, что резко отличает её от великих эпопей античного мира, где звучит лишь бестелесный голос Гомера. Поэма Данте пронизана волнующим лиризмом.

Конечно, прав был М. Пруст, назвав её «богословской» поэмой. Там, где Данте излагает тонкости схоластического богословия (особенно в III ч. — в «Рае»), его поэзия приобретает абстрактный характер. Но в целом его вдохновение побеждает схоластику, аллегорич. установка порождает рельефные картины необычайной смелости. Блестящая портретная галерея современников и грандиозные символы поэмы убивают завистливую насмешку Марселя Пруста. Охватывая и научные, и космологич. вопросы, Данте создаёт как бы поэтическую энциклопедию Ср. веков.

Чисто богословские вопросы Д. обычно решает в духе Фомы Акв-го, но его религия имеет личный и творческий характер. Данте — ни в коем случ. не фанатик, он искатель в религии, что обусловлено исторически начавшимся в его эпоху кризисом папства, а также влиянием блаж. Августина, св. Франциска Ассизского, мистич. учений XIII века и арабской

философии. Широта и открытость католика Данте мировой религиозной мысли — это факт, не имевший прецедента в среднев. западном христианстве. Сам Данте — это новая личность, а потому он воистину герой своей эпохи и герой своей поэмы.

Более всего в ней поражают гражданская страстность и нетерпимость, особенно к «равнодушным» (т. е. уклоняющимся от борьбы) и к изменникам. Данте ненавидит стяжат-во, гневно клеймит ростовщиков и святокупцев, т. е. продажу церковных должностей (симонию).

Самая сильная часть поэмы — это «Ад» (Inferno). Это не случайно. Д. — члк бурной крови: нравственное негодование перед греховностью мира пересиливает в нём такие чувства, как умиление или радость очищения. Он пел рай, но обеими ногами стоял на земле.

Последние 6 лет жизни Данте провёл в Равенне, пользуясь покровительством её правителя Гвидо Полента, внука Франчески да Римини. Разлучённый с семьёй, потеряв всех друзей, поэт жил в гордом одиночестве. На улицах Равенны жители показывали издали: «Вон идёт флорентиец Данте, к-рый побывал в аду». Дети убегали в страхе, завидев его красный капюшон.

И не только простые, тёмные люди относились к Данте с суеверным страхом. В 1320 в папской канцелярии нашумел процесс некоего Маттео Висконти: его обвиняли в том, что он намеревался чёрной магией извести самого папу с помощью «величайшего мага» Данте Алигьери.

Осенью 1321 Равенна послала Данте с дипломатич. поручением в Венецию. На обратном пути поэт заболел лихорадкой и 14 ноября 1321 умер в Равенне, где и погребён. На его мраморном надгробье высечены слова: «Злу я не покоряюсь».

Данте был члком огромной нравственной силы. Пушкин назвал его «суровый Дант» и специально овладел итальянским, чтобы читать его в подлиннике. Чрезвычайно высоко понимая свою миссию, Данте заявил: «Поэма — дочь члчская и внучка Божия».

Первым комментатором поэмы «Комедия» был сын поэта — Якопо Алигьери. Первую биографию поэта написал знаменитый Джованни Боккаччо, автор «Декамерона». Он и добавил к названию «Комедия» эпитет «Божественная», имея в виду и гениальность Данте, и религиозную значимость содержания поэмы. С тех пор она так и называется «La Divina Commedia». Её первое печатное издание появится в 1502 году.

Дантология стала широко разветвлённой научной дисциплиной, в к-рой порой сталкиваются противоположные мнения. Так, неогегельянец Бенедетто Кроче ценил только лирическую сторону поэмы и восхищался ею лишь «выборочно», считая религиозную философию Данте примитивной. Философы и лит-веды школы Бенедетто Кроче рассматривают «Б-нную комедию» как вершину средневековой теологии. Это значит, что поэма Данте сохраняет лишь историч. интерес.

По мнению советского дантолога Голенищева-Кутузова, Данте стремился «отвоевать у схоластический философии право на объяснение вселенной»; опираясь на традиции, Данте восстановил право поэта «открывать тайны мира». Американец Карлисс Ламонт пишет

о Данте: «Он делает своё последнее суждение об этом мире, рассказывая нам чудесную историю о другом мире Это не скучный учебник этики; это не плоская, утомительная проповедь. И тем не менее, это наилучшее морализующее и, может быть, самое эффективное учение в истории христианства».

Флорентийцы неоднократно обращались к жителям Равенны с просьбой вернуть останки поэта, чтобы предать их родной земле. Но Равенна всегда отказывала в этом и отказывает по сей день, насмешливо говоря, что Флоренция изгнала величайшего из своих сынов, а Равенна приютила; прах Данте вечно будет принадлежать его второй родине.

Данте Алигиери в современной ему Италии

После упадка империи Гогенштауфенов многократно разодранная Италия представляла собой неслыханно пёструю картину: на севере и в Тоскане торговля и промышленность были основой могущественных городских республик (Генуя, Венеция, Флоренция); в середине Италии находилось церковное государство с центром в Риме, под властью пап, стремившихся к господству над всей Италией; на юге полуострова и на Сицилии существовало бывшее нормандское королевство Сицилия, где с 1212 правил Фридрих II из династии Гогенштауфенов.

В городах Сев. Италии и Тосканы происходили внутренние распри между гибеллинами и гвельфами. Гибеллины были партией дворян, их название произошло от замка Гогенштауфенов — Waillegen; они были сторонниками императорской власти. Гвельфы (или Вельфы) были сторонниками независимой государственности папы; это была пария крупной буржуазии. Названия обеих парий появляются во Флоренции впервые в 1216 году.

В 1250 флорентийские гвельфы одержали победу над гибеллианами. Они торжествовали лет 10. в 1260 король Манфред (Mainfroi, 1232–1266), один из сыновей Фридриха II (побочный сын), вместе с гибеллинскими городами Сиена и Пиза нанёс тяжелое поражение флорентийским гвельфам при Монтаперти. Гвельфы были изгнаны из Флоренции.

Врагом Манфреда был Карл Анжуйский (Шарль д‘Анжу, 1226–1285), брат французского короля Людовика Святого. Карл победил Манфреда, погибшего в битве при Беневенте в 1266, и сам стал королём Сицилии (он был вызван в Италию в 1267 папой Урбаном IV для борьбы против остатков власти Гогенштауфенов). В 1267 с помощью Карла Анжуйского флорентийские гвельфы возвращаются к власти в своём городе (победа над гибеллинами при Colle di Valdelsa). В 1258 Карл Анжуйский после побед над Манфредом (1266) и Конрадином (1268) становится королём обеи Сицилий под именем Карла Первого.

Чужеземное французское господство вызывало гнев и раздражение сицилийского народа. В стране сложился тайный заговор против Анжуйской династии, к-рым руководил сторонник швабского дома Джованни де Прочида (1225–1302), знатный неаполитанец. Условных знаком для восстания заговорщики выбрали саму простую вещь — колокольный звон к вечерне в пасхальный понедельник 1282 года. Как только колокола зазвонили к вечерне, сицилийцы поднялись и набросились на ничего не ожидавших французов. Произо-

шло огромное избиение всех французов на Сицилии, особенно в Палермо. Сицилийское королевство попало под власть испанского дома Агагонов (Педро Ш), только Неаполь остался за Карлом I и Анжуйским домом (в 1442 Неаполь тоже перейдёт под власть Арагонов). «Сицилийская вечерня» пошла в историю как пример чудовищной резни.

В том же 1282 году Флоренция получила демократическое устройство: возникла Синьория, состоявшая из семи представителей от семи высших цехов (крупная буржуазия) и двух представителей от 14 низших цехов (мелкая буржуазия). Во главе Синьории, этого высшего органа власти, стоял il Gonfaloniere di Giustizia («знаменосец справедливости»).

К 1284 относится победа Генуи над Пизой при Мелории; начинается упадок Пизы (в 1406 она попадёт под власть Флоренции). 1289 — победа флорентийских гвельфов под Кампальдино.

1293 — оглашение во Флоренции «ordinamenta di Giustizia», предписаний, направленных против дворянства. Они означают окончательную победу богатой буржуазии и её партии — гвельфов. Наступает неограниченная власть самых богатых семейств города-республики. В последующем веке вместо борьбы вместо борьбы буржуазии с феодалами наступает всё возрастающий антагонизм между высшими цехами, так называемым «popolo grasso» и «popolo minuto», а так же совершенно бесправными внецеховыми рабочими.

На рубеже двух веков во Флоренции идёт партийная борьба между белыми и чёрными гвельфами. Брат французского короля Шарль де Валуа, посланный во Флоренцию папой, поддерживает белых гвельфов. Но в 1302 белые гвельфы изгнаны из города. Под этот закон подпадает и Данте Алигиери.

В 1303 в Ананьи (возле Рима) посланцы фрацузского короля Филиппа Красивого берут в плен папу Бонифация VIII. Происходит неслыханный скандал во всём христианском мире: канцлер Франции Гийом де Ногара и Шьярра Колонна из Рима оскорбляют папу и подвергают его насилию (Колонна ударил папу по щеке). Бонифаций умирает, уже после своего освобождения, 11 декабря 1303 г. в Риме.

В понтификат Климента V резиденция папы переносится в Авиньон на юге Франции («авиньонское деление церкви», 1309 – 1377). Кончились универсалистические политические устремления пап: прежде папство успешно боролось против притязания германских императоров, а теперь попало в зависимость от французским королей.

В 1343 происходят конституционные изменения во Флоренции в пользу низших цехов. В 1346 — одновременное банкротство флорентийских банковых домов Барди и Перуции, к-рые в 1339 финансировали войну английского короля Эдуарда против Франции (Столетнюю войну). Во Флоренции происходит экономическая катастрофа

В 1348–1352 вся Европа охвачена великой эпидемией чумы («чёрная смерть»).

В 1378 во Флоренции происходит восстание **чомпи**, рабочих шерстяных мануфактур. Однако крупной буржуазии скоро удалось вернуть власть.

Описанные выше полтора столетия были эпохой раннего Возрождения. Какие события и имена характерны для культуры этой эпохи?

1212 (год воцарения Фрдриха II в Сицилии) — начало строительства кафедрального собора в Реймсе. Собор станет классическим образцом зрелой французской готики (частично разрушен немецкой артиллерией во время Первой Мировой войны).

1218 — начало строительства Амьенского собора.

1222 — основание Падуанского университета

1223 — святой Франциск Ассизский основывает францисканский орден.

1224 — основание университета в Неаполе.

1226 — смерть святого Франциска Ассизского (канонизация 1228).

1228–1253 — сооружение церкви Сан-Франческо в Ассизи.

Около 1237 Гийом де Лоррис создаёт «Roman de la Rose».

1248 — начало строительства Кёльнского собора.

1252 — во Флоренции чеканятся первые золотые гульдены.

Около 1260 Никколо Пизано выполняет амвон для баптистерии в Пизе.

1263 — Бонавентура, генерал ордена францисканцев (позже святой), пишет Легенду святого Франциска Ассизского.

1253 — во Флоренции рождается ДАНТЕ АЛИГИЕРИ.

1266 — в Колле ди Веспиньяно под Флоренцией рождается Джотто ди Бондоне.

Около1270 возникает «Золотая легенда» («Legende doree») — обширный сборник жизнеописаний святых, скомпонованный знаменитым агиографом Якопо из Вараццо (блаженный Jacobus de Voragine, «Legenda aurea»).

1271–1293 — путешествие венецианца Марко Поло в Восточную Азию.

1274 — смерть Фомы Аквинского.

1278 — начало строительства Кампо-Санто в Пизе; начало строительства доминиканской церкви Санта Мариа Новелла во Флоренции.

Около 1280 — создание фресок Пьетроо Каваллине в главном нефе римской церкви Сан-Паоло-фуори-Ле-Мура (уничтожены в 1823).

1284 — выбиты первые цехины (дукаты) в Венеции.

1288–1309 — сооружение Палаццо Комунале в Сиене.

Около 1290 — Чимабуэ начинает писать в церкви Сан-Франческо в Ассизи, с помощью своих учеников и нек-рых римских удожников.

1291 — выполнение мозаик Пьетро Каваллини в церкви Санта-Мариа-ин-Трастевер (в Риме).

1294 — Арнольфо ди Камбио начинает строительство францисканской церкви во Флоренции.

Около 1295 — Джотто создаёт в церкви Сан-Франческо в Ассизи цикл фресок из францисканской легенды.

1296 — Арнольфо ди Камбио начинает строительство собора во Флоренции (восьмиугольный купол создан в 1420–1434 великим Брунелески).

1298 — начало строительства Палаццо Веккио (резиденция Синьории во Флоренции).

1300 — смерть Чимабуэ.

1303 — основание Римского университета.

1304 — родился Франческо Петрарка.

1313 — во Флоренции родился Джованни Боккаччо.

Около 1310–1321 — «La Comedia» Данте Алигиери.

Около 1320 — фрески Джотто в капелле БАрди и Путруцци в Санта-Кроче (Флоренц.).

1321 — смерть великого Данте в Равенне.

1329–1332 — деятельность Джотто для короля Роберта Анжуйского в Неаполе.

С 1334 — Джотто в качестве главного архитектора Флоренции строит собор; начинается строительство колокольни по его проекту.

8 января 1337 — Джотто ди Бондоне умирает во Флоренции.

1341 — увенчание поэта Петрарки лаврами на Капитолии в Риме.

Около 1350 — во Франции и в Италии формируется новый музыкальный стиль «Ars nova» (в противоположность «Ars antique» XIII века), в к-ром фразы песен и инструментальных произведений (часто светского содержания) уже полифоничны. Главные представители нового стиля во Франции — Филипп де Витри и Гийом де Машо, в Италии — Франческо Ландино (Флоренция).

1348–1353 — «Decamerone» Джованни Баккаччо. Фрески в Кампо-Санто в Пизе («Триумф смерти» Франческо Траини).

1364 — основание Краковского университета.

1374 — умирает Франческо Петрарка.

1375 — умирает Джованни Боккаччо.

1376–1382 — строительство Лоджии ден Ланци во Флоренции.

Такова картина раннего Возрождения в Италии. Какую роль играл в этом сплетении судеб поэт и политический деятель Данте Алигиери? Он происходил из старинного, но небогатого дворянского рода. В общественной жизни Флоренции он начал активно участвовать только в 1295 году, когда он смог приписаться к цеху аптекарей: до этого он как дворянин был лишён избирательных прав. В 1300 он был избран приором родного города. Когда в конце 90-х годов произошёл раскол среди гвельфов на «белых» и «чёрных», связанных с папой Бонифацием VIII, стремившимся подчинить себе Флоренцию, Данте примкнул к противникам папы — «белым» — и выступил за объединение с младшими цехами с целью обороны города. Но во Флоренции победили «чёрные», и Данте, находившийся в то время (1302) в Риме, был заочно приговорён к сожжению и конфискации имущества. В эмиграции он отошел от «белых», объединившихся с гибеллинами, и стал, по собственному выражению, «сам себе парией». Начались скитания поэта по Италии. Если верить Джованни Боккаччо, Данте побывал и в Париже.

Междоусобная война во Флоренции, войны между городами Италии, интриги папской курии, падение морального авторитета церкви, наконец, личный опыт изгнанника, к-рому пришлось странствовать почти по всей стране — всё это привело к тому, что Данте возло-

жил надежды на германского императора Генриха VII, вошедшего в 1310 со своим войском в Италию. В его поддержку (Генриху не подчинялась Флоренция и другие гвельфские города) Данте написал три послания на латинском языке (1310–1311). И в то же время он создал политический трактат в 3-х книгах «De monarchia», схоластичный по аргументации и утопичный по содержанию. Воспитанный городом-коммуной, Данте настаивает на том, что монарх должен служить народу и не зависеть от церкви, ибо цель государства — обеспечивать благополучие людей.

Последние 5 лет Данте провёл в Равенне. Флорентийцы предложили ему в 1316 амнистию, но условия были позорными, и он отказался. Осенью 1321 поэт был послан с дипломатическим поручением в Венецию, на обратном пути заболел лихорадкой и вскоре умер (14 ноября 1321 года в Равенне).

* * *

Генрих VII — граф Люксембургский, германский император в 1308–1313. он был, как рассказывают, отравлен доминиканским монахом Полициано де Монтепульчиано по приказу папы Климента V, первого авиньонского папы (он перенёс туда свою резиденцию в 1308). Климент уничтожил орден храмовников. Умер 20 апреля 1314 года. Два года апостольский престол оставался вакантным. В 1316 под давлением французского короля кардиналы избрали (в Лионе) папой 70-летнего французского кардинала, принявшего имя Иоанна XXII. При нём усилилась деятельность инквизиции. Авиньон он украсил прекрасными зданиями. Умер в 1334.

Средневековое пристрастие к форме «видений» таинственного и легендарного характера создало целую литературу (visiones), увенчанную «Божественной комедией» Данте, провозвестника правды, грозного судьи зла и первого пророка итальянского единства.

4. «Комедия»

Вершина творчества Данте Алигиери -поэма «Комедия», к-рую в конце XIV, после Боккаччо, стали называть «Божественной». Считают, что она была начата в 1307 и закончена в 1321. поэма задумана как «видение» — странствие поэта по загробному миру, и состоит из трёх частей: «Ад», «Чистилище» и «Рай». Ещё римские поэты изображали загробный мир. Жанр загробных странствий стал популярным в средние века, однако произведения этого рода схематичны и примитивны.

Комментируя смысл поэмы, Данте в письме к веронскому правителю Кангранде заявлял, что в аллегорической форме она должна указать человечеству путь к спасению и к счастью. Её название он объясняет тем, что начало печальное, а конец — светлый, и что стиль её не «высокий», а «средний». Герой поэмы — сам Данте — воплощает погрязшее в грехах человечество. Дабы выйти из состояния греховности и политической анархии, оно, подобно поэту, через мир осуждения (ад), искупления (чистилище) должно обрести блаженство (рай).

Руководимый Вергилием (символ земного разума), Данте спускается в ад — подземную воронку, разделённую на 9 кругов, затем поднимается на гору чистилища, очищается от грехов и в сопровождении Беатриче (символ божественного разума), возносится в рай. «Комедия» далеко выходит за рамки «видения»: Данте рассматривает вопросы богословия, морали, касается истории, науки, эстетических понятий эпохи. Это поэтическая энциклопедия Средневековья и раннего Возрождения. Богословские вопросы Данте разрешает обычно в духе Фомы Аквинского, но его религия носит **личный характер**, что обусловлено влиянием еретических и мистических учений XIII века. Центральное место в поэму занимают вопросы морали и политики, отвлечённым грехам Данте придаёт политическую и социальную окраску. О политике рассуждают загробные жители всех трёх миров. Данте — активный флорентийский гражданин — думает не только о спасении души, но и о таком политическом строе, при котором не было бы раздоров и люди жили бы счастливо. Его волнуют междоусобицы Флоренции, судьба раздираемой войнами Италии, падение авторитета церкви, столкновение папской и императорской власти, идеал монархии; в процессе писания поэмы политические идеалы Данте развивались, он подходит к понимаю единства итальянской нации и к концепции отделения светской власти от духовной. Религиозная поэма проникнута мирскими интересами, часто звучит как памфлет. Более всего поражает в поэме гражданская страстность и нетерпимость, особенно к «равнодушным» (уклоняющимся от борьбы) и изменникам. Данте относится к своим политическим противникам и даже деятелям далёкого прошлого субъективно и нередко непосредственно обращается к Италии и Флоренции. Экономический процесс, развитие денежных отношений преломляется у Данте как алчное стремление к богатству, несущее распри и развращающее церковь. Данте гневно клеймит ростовщиков и продажу церковных должностей. Его идеал — патриархальная Флоренция прошлого («Ад», песнь 17-ая).

В «Комедии» проявляется переходный характер творчества Данте. Со Средневековьем её связывают аллегорическая картина неподвижного фантастического мира, подчинённого дуалистическим представлениям христианской теологии, постановка богословских вопросов и политических проблем. Нов разрешении последних уже чувствуются новые веяния. Интерес Данте сосредоточен не на потусторонней, а на земной человеческой жизни, это основа его гуманизма. Католические догмы, к-рых Данте придерживается, вступают в столкновение с его отношением к людям, к миру, к поэзии. Культ античности (выходящий за рамки её схоластической или легендарной трактовки) у Данте настолько велик, что руководителем своим он избирает Вергилия, к-рого представляет не как предтечу христианства или мага, согласно средневековой традиции, а как поэта мудрого и человечного; стражем чистилища он делает Катона; преклоняется перед Гомером и др-ми поэтами-язычниками. Придерживаясь традиционной схемы грехов, Данте размещает грешников по личному усмотрению, иногда карает их не так, как этого требовала церковь, и часто относится к ним с глубоким состраданием, напр. К Франческе да Римини, Брунетте Латини и др. Более того, грешники Данте, к-рые, в отличие от героев и мучеников средневековой литературы, лишены

помощи провидения и надежды на спасение, сохраняют мужество и достоинство (таковы героический фигуры «Ада» — Фарината, Каланей и др.).

Личное отношение Данте к каждому из грешников (Уважение к Латини, ненависти к Филиппе Ардженти) придают особый колорит поэме. Данте выступает в ней то как личность, то как представитель человечества в целом. Белинский поэтому пиал, что «Божеств. комедия» «...подходит под идеал эпической поэмы». Но эпичность «Комедии» своеобразна: в её основе — сознание горожанина, чувствующего свою индивидуальность, но не отделяющего себя от жизни городской коммуны; отсюда сочетание эпичности с лирическими мотивами изгнания, встречи с Беатриче, расставания с Вергилием, etc.

В соответствии с темой и жанром, Комедия является аллегорией, к-рая, согласно принципам теологической эстетики, была единственной оправданной формой искусства; распространённость этой формы делала её сравнительно доступной для людей той эпохи. Там, где аллегоризм «Комедии» выступает на первый план или там, где Данте излагает схоластические тонкости (особенно в третьей части), поэзия приобретает абстрактный характер. Но в целом поэзия побеждает теологию, образ воспринимается не как оболочка схоластической мысли, а как рельефная поэтическая картина. Поэма Данте тесно связана с реальностью, отражает его время, воссоздаёт облик современников.

Наиболее пластичны образы нераскаявшихся грешников «Ада» — трагические фигуры, не изжившие своих страстей. Их характеры и судьбы раскрываются в лаконичной исповеди и кратком описании их жестов, позы, голоса (нежная и женственная Франческа, презирающий ад Фарината, смелый Улисс, свирепый Уголине, видевший гибель своих детей). Менее индивидуальны образы кающихся грешников в «Чистилище», подёрнутые дымкой меланхолии, но и здесь запоминается фигура патриота Сорделе, ленивый Белаква, строгий Марк Ломбардскй. Поэтическая сила образов «Рая» проявляется в их воспоминаниях о земной жизни (рассказ Каччагвиды, Куниццы), в гневных речах, обращённых к живым, в лирическом чувстве самого поэта, несущегося через эфир и созерцающего звёзды и планеты.

Особое место среди персонажей «Комедии» занимают Вергилий, Беатриче и сам Данте. Вергилий изображён как мудры и снисходительный наставник; задумчивая грусть делает его мягким и человечным. Беатриче (хотя она — символ божественной мудрости, и Данте вкладывает в её уста схоластические рассуждения) в некоторых эпизодах — живой человеческий характер: её упрёки, обращённые к Данте при первой встрече, звучат почти как ревность, сменяясь затем материнской мягкостью. Сам Данте предстаёт как человек гордый, страстный, нетерпимый и вместе с тем чувствительный к людским страданиям. В поэме, Гед в соответствии с её средневековым религиозным пафосом время предстаёт перед судом вечности, нет исторической перспективы. Персонажи всех времён и народов выступают рядом почти в каждой сцене. И только таким способом, а так же чередованием тона (сцены грубые, возвышенные, трогательные, гротескные, патетические и т. д.) достигается поразительное разнообразие действия и его развитие.

Впервые в истории средневековой литературы большое место уделено описаниям природы. В «Аде» пейзаж суров: кроме огненных рек, заимствованных из средневековых «видений», есть громоздящиеся скалы, болотистая степь и вечный мрак. Преобладающие цвета — чёрный и багровый, Начиная с Шеллинга, «Ад» сравнивают со скульптурой, так пластичны в нём фигуры людей; «Чистилище» — с живописью, ибо оно изображено как озарённая солнцем гора над морем, на вершине к-рой цветущие луга и сосновая роща «земного рая»; «Рай» — с музыкой, так как в нём звучит пафос бесконечности и неугасающего света звёзд.

Меняется и звуковая инструментовка поэмы: в 1-й части слышны ревущее море, хриплые стоны грешников, во второй — орган и хоралы, в третьей — музыка небесных сфер. Еще Пушкин отмечал гениальность плана поэмы; композиция её симметрична, что связано с Дантовской «мистикой чисел». В поэме 100 песен, в 1-й части 34, в двух остальных — по 33, каждый эпизод завершен. Пестрота содержания «Комедии» отражается в её стиле. В нём сочетается просторечие и торжественная книжная лексика, живописность (сжатые и развернутые сравнения, метафоры) и драматизм, к-рый достигается лаконичностью диалогов и характеристик, повтором отдельных слов и словосочетаний. Лаконизму способствует сжатая строфа терцины. Для дантовского стиха характерны «переносы» (enjembements) и аллитерации, усиливающие выразительность. Данте — создатель итальянского литературного языка, в основу к-рого он кладёт тосканский диалект, обогащая его словами и оборотами из др-х диалектов, латинизмами и неологизмами.

(Выдержки из статьи М. Г. Елиной во 2-м томе КЛЭ).

5. Пространство «Божественной комедии»

«Как геометр, напрягший все старанья. . . таков был я» — в последних строфах, подводя итог своему гигантскому труду, Данте этим сравнением давал своему читателю почувствовать, как много сил, воображения и знаний потребовала от него архитектоника пространства в «Комедии». И в самом деле, известно — это подметил ещё Галилей, а подробно исследовал советский учёный П. А. Флоренский в книге «Мнимости в геометрии» (1921) — что геометрия дантова Ада является **неевклидовой**. Но это всё-таки трёхмерная геометрия.

Как говорит Ю. М. Лотман, структура пространства текста — это модель структуры пространства вселенной, а внутренняя синтагматика элементов внутри текста — это язык пространственного моделирования. Возможно пространственное моделирование понятий, к-рые сами по себе не имеют пространственной природы. Уже на уровне чисто идеологического моделирования язык пространственных отношений оказывается одним из основных средств освоения действительности. Понятия «высокий — низкий, правый — левый, близкий — далёкий, открытый — закрытый, дискретный — непрерывный» оказываются материалов для построения культурных моделей с совсем не пространственным содержанием. Самые общие социальные, религиозные, политические, нравственные модели мира оказываются неизменно наделёнными пространственными характеристиками то в виде противопоставления «небо — земля» или «земля — подземное царство» (вертикальная трёхчленная

структура, организованная по оси вверх-вниз), то в форме нек-рой социально-политической иерархии с противопоставлением «верхов» «низам», то в виде нравственной отмеченности противопоставления «правое — левое».

Исторические и национально-языковые модели пространства становятся организующей основой для построения «картины мира» — целостной идеологической модели, присущей данному типу культуры. На фоне этих построений становятся значимыми и частные пространственные модели.

6. Немного об искусстве Данте в «Комедии» (Из Баткина и из Ю. К. Олеши)

«Комедия» отличается необыкновенно сжатой энергией выражения. «Мой друг, который счастью не был другом»: в неск-ких словах — целая судьба.

Увидев в «сумрачном лесу» молчаливого Вергилия,

> «Спаси — воззвал я голосом унылым, —
> Будь призрак ты, будь человек живой!»
> Он отвечал: «Не человек; я был им».

В Чистилище Стаций пытается обнять Вергилия, забыв, что оба они – лишь души мертвых. А Вергилий вновь печально роняет: «Оставь! Ты тень и видишь тень, мой брат».

Замысел и пафос поэмы звучат уже в первой терцине; никаких предварительных раскачиваний; гениальный зачин сразу вводит в суть дела:

> Земную жизнь пройдя до половины,
> Я очутился в сумрачном лесу,
> Утратив правый путь во тьме долины.

В эпизоде с Уголино, который, не выдержав мук Башни Голода, пожирает тела сыновей, ужасная кульминация дана после искусного драматического нарастания, с величайшим художественным тактом, в одной строке: Данте избегая оскорбительных деталей и открывает простор для фантазии читателя.

> Уже слепой, я щупал их с испугом,
> Два дня звал мертвых с воплями тоски;
> Но злей, чем горе, голод был недугом.

И это всё.

Поразительная смысловая насыщенность при словесной скупости делает «Комедию» афористичной от начала до конца. «Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят, что

угодно». Или: «Здесь нужно, чтоб душа была тверда, здесь страх но должен подавать совета». Франческа де Римини говорит: «Тот страждет высшей мукой, кто радостные помнит времена а несчастии. . . » Наконец, знаменитое: «Оставьте всякую надежду, входящие

сюда» (надпись на дверях Ада: «Lasciate ogni speranza voi ch‘entrate»). — Данте поражает соединением величавости и простоты.

Данте довольно редко прибегает к метафоре. «Я изогнут, как мост, под гнетом размышлений». «Там, где молчит солнце». «Глаза, косые от тоски». Данте стремится к эффекту достоверности. Поэтому обычно он предпочитает придавать метафоре буквальный смысл и разворачивать её в прямое описание. Здесь его фантазия не имеет предела. Пример — седьмой круг Ада, где из безлюдной чащи слышатся громкие стоны.

Тогда я руку протянул невольно
К терновнику и отломил сучок;
И ствол воскликнул: «Не ломай, мне больно!»
В надломе прошло потемнел росток...

Оказывается, перед Данте толпа грешников, обращённая в лес. Он беседует с «тоскующим стволом», и сгребает к терну — по его просьбе — опавшие листья.

В Аду мы видим «алый кипяток» (кровь, в к-рой варятся тираны) и слёзы, превратившиеся в ледяную коросту; мы созерцаем грешников с головами, повернутыми к спине, так что их слёзы «меж ягодиц струятся бороздой. Но дело не в количестве чудес, не в изобретательности вымыслов. В «Комедии» сотни персонажей и сцен, непрерывно меняются декорации и характер действия. Здесь все виды зловония и все возможные благоухания; вся густота мрака и все переливы света; мёртвая тишина и оглушительные вопли; молитвенная торжественность и варварский юмор, с непристойными гримасами и остротами чертей, с неприличными звуками — поистине раблезианскнй разгул.

И всё дано совершенно осязаемо! В этой «вещности» и состоит важнейшая особенность дантовской фантазии.

Поражает не то, что в Аду встречается Бертран де Борн, несущий в руках собственную голову. Безголовое тело шагает вместе с другими, в обычной толпе грешников. Бертран держит голову за волосы, как фонарь, и **направляя её**, высматривает дорогу. Заговаривая с Данте, Бертран, стоящий внизу, под мостом. вытягивает повыше руку с головой, чтобы собеседнику **была слышней**. Материальность и конкретность придают мистическому повествованию полнейшую отчетливость.

Уголино, бешено грызущий голову Руджьери, оторвавшись, чтобы поговорить с Данте, вытирает окровавленный рот о волосы своего врага... Ангел, появившийся в Аду, отгоняет от себя смрад частыми помахиваниями левой руки... Тени мёртвых, ангелы или бесы в любой потусторонней ситуации непринужденно совершают те самые обыденные поступки и привычные действия, к-рые совершали бы люди.

Основываясь на указаниях поэмы, комментаторы начертали схемы и адской воронки, и конуса Чистилища, высчитали длину кругов, высоту подъёмов и спусков, глубину рвов, направление маршрута, захрономентировали каждый этап дантовских скитаний, начиная с лунной ночи на 8 апреля 1300 г., когда флорентиец встретился с Вергилием... Ибо вообра-

жение Данте деловито и не терпит расплывчатости — идёт ли речь о путешествии по мохнатому телу сатаны или о метеорологических условиях Земного Рая.

Художественные приемы Данте часто сравнивали с графикой. В самом деле, хотя Данте мастерски пользовался цветом — линия для него обычно важней, рисунок преобладает над колоритом. Но это — объёмная и движущаяся графика. Данте кинематографичен. Бертран, поднимающий руку с головой, или Белаква, взглядывающий на Данте, не меняя позы, изображены не статично, а через жест, причём мы видим их фигуры в совершенно точном **ракурсе**.

Данте искусно пользуется формой рассказа от первого лица. «Комедия» -свидетельство очевидца о пережитом. Личный, субъективно-пристрастный подход — не только знак нового мироощущения, но и художественный принцип поэмы: реакция Данте на всё увиденное и услышанное скрепляет пёстрый калейдоскоп, цементирует композицию, превращает эпос в лирику и в роман.

В отличие от Мильтона или Гете, «тот свет» подан через обычное человеческое восприятие. Недаром женщины на улицах Вероны, оглядывая смуглое лицо и чёрные курчавые волосы поэта, шептались, что он опалён адским пламенем.

Иногда Данте прибегает к простому описанию от своего имени. Иногда сообщает, что он сделал, сказал или ощутил по поводу представшей перед ним сцены. За знаменем «бежало такое множество людей, что я никогда не подумал бы, что смерть унесла столь многих». Это мысль, промелькнувшая в голове у наблюдателя. Описывая грешников, **вмёрзших** в озеро Коцит, он мимоходом замечает: «. . . и доныне страх у меня к замёрзшему пруду». Его излюбленный приём — сопоставление химеры с чем-нибудь обыкновенным — подкреплён доверительным признанием. Психологическая деталь своей достоверностью делает достоверным и озеро Коцит.

В Земном Раю он размышляет о первородном грехе. «Скорбно и сурово я дерзновенье Евы осуждал». Ведь из-за её нарушения божьего запрета человечество лишилось рая; причина осуждения заранее ясна. Но, оказывается, не помешай грехопадение,

> Была бы радость несказанных сеней
> И раньше мной, и дольше вкушена.

Если бы Ева не осушалась бога, Данте Алигьери родился бы и жил в раю!

Это «мной» — изумительно.

Посреди адского скрежета, стонов Чистилища и райских хоров — один человек, автор и герой «Комедии». Он - в центре, и всё располагается по окружности. То, что совершается в душе гениального путника, связывает воедино картину мира. Политика и религия, наука и мораль обретают смысл, проходя сквозь эту душу. История начинает вращаться вокруг индивидуума. Микрокосм личности вмещает в себя макрокосм. **Мир очеловечивается**.

* * *

Юрий Олеша восхищался фантазией Данте. Он вспоминает один из эпизодов поэмы. «Бесы, то и дело попадающиеся на пути Вергилия и Данте в виде отдельных групп — своего рода пикетов, дозоров, — сразу же замечают, что Данте живой, что он человек. У-у, как им хочется его схватить! Однако не решаются: мешает присутствие Вергилия — для них загадочное, не ясное, но какое-то, безусловно, ответственное, властное. Если бы не Вергилий, Данте несдобровать! Данте это понимает и смертельно боится бесов, которые на него прямо-таки ярятся.

И вот оба они, и мёртвый поэт и живой, вдруг сбились с пути. Вергилий встревожен, что касается живого поэта, то тот в ужасе: в самом деле, ведь провожатый его в любую минуту — отозванный почему-либо высшей силой — может исчезнуть! Он останется один! Один в аду — где сами имена ужасающи: город Дит, «злые щели»!

Так сказать, ориентиром для Вергилия служил мост. Вот тут он и должен быть, этот мост. Моста, однако, нет. Может быть, с самого начала было взято неверное направление? Пикет бесов — просто подлая пьяная банда — оказывается тут как тут.

— Тут есть поблизости мост? — спрашивает Вергилий.

— Есть! — отвечает один из бесов. Надо помнить, между прочим, что они крылатые. Представьте себе эту дюжину крылатых уродов, которые, отвечая Вергилию, перемигиваются. Да, да, именно так Данте и пишет: они перемигиваются!

— Есть мост! Есть! Вот там! Туда идите!

Моста нет и там (он вообще разрушен), но бесам хочется навести на обоих путников панику, окончательно сбить их с пути. У бесов, кстати говоря, имеются клички. Как у воров и убийц — клички! И они издают похабные звуки. Изображают, говорит Данте, «трубу из зада».

Данте видит эти перемигивания бесов, точно оценивает смысл их поведения — однако что поделаешь! Вергилий следует по пути, указанному бесами, и не находит моста...

У меня нет под рукой книги, и я не могу вспомнить, чем окончилось приключение... Я только приведу ту необычайную мотивировку, которую изобрёл автор для объяснения, почему не оказалось моста. Он обвалился во время того землетрясения, которое произошло в аду, когда туда спустился Христос!

Какая мощь подлинности!»

Ещё из Олеши:

«Рай, по Данте, — это лес. Переход от Чистилища к Раю незаметен. Вдруг становится светлей и безопасней. Изображён ручей, почти река, которая бежит среди леса. Беатриче появляется на колеснице, запряженной грифонами, в бело-зелено-красной одежде, окружённая старцами. Данте видит всё это отраженным в реке. Он встречает её, стоя на берегу по ту сторону реки. Она благодарит его за то, что он любил её, но укоряет за суетность, которую он проявлял на земле, — за политиканство».

* * *

«Они не стоят слов — взгляни и мимо» (gurda e pas-sa!)

«Горек чужой хлеб и круты чужие ступени».

Действие «Божественной комедии», овеянное вечностью, длится 174 часа, то есть столько, сколько продолжается странствие поэта с того момента, как он заблудился в лесу, и до того момента, как его поразила молния в эмпиреях (в раю).

Комизм у Данте — редкость. Только небольшая сцена между бесами (Inferno, XXI – XXII) способна вызвать улыбку.

7. Достоевский и Данте

Н. Вильмонт в книге «Великие спутники» (Сев. Писатель, М., 1966) говорит:

«Как известно, автор «Преступления и наказания» считал, что этот его роман поднимает «дантовскую тему» — тему «разрушения и восстановления человеческой личности». Оставляя в стороне вопрос, правильно ли определил Достоевский идейную суть «Божественной комедии», ограничусь только замечанием, что мы знаем о «дантовском вымысле» писателя не только по его дневниковым записям, но и по тайно вкраплённым в ткань романа намёкам на Дантовы «атрибуты пороков». Так, по Данте, атрибутом гордыни является жар (зной, раскалённые камни), атрибутом сладострастия — ветер, огненный дождь, атрибутом алчности, корысти, скупости — звериный оскал, волчьи горящие глаза.

Кто не помнил, что гордые мысли Раскольникова о своей принадлежности к тем «необыкновенным» людям, которым совесть-де разрешает «перешагнуть через иные преступления», родились в раскалённом от страшного зноя Петербурге? Кто не помнит последнего дня сладострастника Свидригайлова, его эротических предсмертных кошмаров, таких, что «лучше уж совсем не спать», — и всё под дождь, под дождь, падающий на землю «не каплями, а целыми струями», при затяжных заревах молний; и молочный, густой туман, когда он покинул грязный нумер гостиницы и зашагал по склизкой деревянной мостовой, и, наконец, спуск курка в правый висок «при официальном свидетеле» — еврее «в солдатском пальто и медной ахиллесовой каске», стоявшем у Полицейского дома Петербургской стороны, — и всё в промозглом чухонском тумане?.. А старуха процентщица, Алёна Ивановна, паучиха, старая ведьма, с глазами, «сверкавшими из темноты»? нет, это всё — ну случайные аксессуары житейских событий, а тщательно выписанные **Дантовы атрибуты**, но, конечно, рукою русского художника-реалиста. . . »

(стр. 10)

8. Вацлав Кубацкий о «Комедии»

Современный польский писатель Вацлав Кубацкий в повести «Грустная Венеция», где главным героем является польский историк Тадеуш, работающий в Италии, высказывает ряд

мыслей о Данте. Одно из рассуждений предваряется картиной стаи скворцов, напоминающих герою прелюдию к рассказу о Франческе де Римини:

И как скворцов уносят их крыла
В дни холода густым и длинным строем,
Так эта буря кружит духов зла
Туда, сюда, вниз, верх огромным роем...

И далее следует запись в дневнике Тадеуша:

«Один из учителей Данте, болонский авангардист Гвидо Гвиницелли, объединил в образе птицы любовь и благородство сердца («cor gentil»), понимаемое как способность к большим чувствам, в трагическую секвенцию:

В благородном сердце всегда живёт любовь,
Как птица в лесу...

За концепцией роковой любви, то есть добродетели, которая становится неотвратимым прегрешением, Франческа и Паоло, брат её мужа, оба заплатили жизнью. Мученица новой теории чувства открылась Данте:

Любовь, что легко завоёвывает благородные сердца,
Сковала его очарованием моего земного образа...
Неотвратимой неизбежностью была в этой теории взаимность:
Любовь, которая всегда любовью платит,
Приказала мне так полюбить его,
Что ни я не потеряю его, ни он меня.

Данте преобразил концепцию роковой любви в любовную трагедию это был почти скачок от поэтического трактата к Шекспиру. В результате этого художественного переворота приобрела индивидуальные черты и «птица» Гвиницелли. Вместо общеродового этого понятия мы видим в эпизоде с Франческой и Паоло скворцов, журавлей и голубей. Осуждённые любовники показаны на мрачном, осеннем фоне. Бросаемая вихрем беспорядочная стая скворцов создаёт настроение тревоги и ужаса. Журавли у Данте, как позже и у романтиков, — это мотив печали, разлуки и скорби:

Как журавлиный клин летит на юг
С унылой песнью в высот нагорной,
Так предо мной, стеная нёсся круг
Теней, гонимых вьюгой необорной...

В этот унылый и скорбный образ пара голубей вносит тон нежности. По призыву поэта несчастные любовники летят, как голуби к сладкому гнезду («al dolce nido»):

Как голуби на сладкий зов гнезда
Поддержанные волею несущей,
Раскинув крылья, мчатся без труда...

Выявление в каком-то образе потаённого эмоционального элемента, его трепетной лирической души, тоскующей по человеческому миру, — это секрет поэзии.

Кто знает, не играл ли Данте в этом случае литературной традицией больше, чем это представляется сегодняшнему читателю? В круге втором «Ада» терпят муки легендарны е и исторические личности, а также герои известных рыцарских романов, совершавшие в своей жизни любовные грехи. Не случайно, мне кажется, в этом департаменте потусторонних наказаний очутились скворцы, журавли и голуби как составляющие образов и членов сравнений. Они являются в контексте чувств и телесного наслаждения. В известном смысле как птицы-символы — совиновники, соосуждённые, сомученики.

Голубь всегда принадлежал к свите Афродиты. Богиня сладостных вожделений ездила в летучей колеснице, запряжённой голубями. Точно так же и в библейской традиции, как и в христианской, в идиллической поэзии и в народной, голубь — это птица любви. Несколько сложнее обстоит дело со скворцами. Скворцы выпали из круга наших бытовых и литературных традиций. Однако во времена Данте скворец был птицей столь же значащей, как в наше время голубь. В провансальской поэзии скворец — estornel — исполнял обычно роль посланца любви. Позднее любовная почта перешла к голубям».

(Русское издание: В. Кубацкий «Грустная Венеция», перевод В. Раковской, «Прогресс», М., 1972, стр. 80–82; в переводе исправлены две грубые ошибки).

«...Это была большая смелость со стороны средневекового поэта заставить Франческу публично открыться в своём любовном грехе. В её исповеди Данте создал поэтический анализ чувства. Из таинства покаяния — психологическую трагедию». (стр. 127–128).

«...Исповедь эта особенная: она начинается с восхваления любви и склоняется перед её роковым могуществом! И удивительно — эта кающаяся, которая, сознаваясь в своём проступке, утешается тем, что уже никогда не разлучится с виновником её падения. Паоло влюбился во Франческу, потому что его покорил отблеск божественной красоты, скрытой в её женских прелестях. Тело Франчески принадлежало барону Малатеста. Но то, что церковь отдала во владение барону, было лишь бренной оболочкой. Только тенью неземной жизни. Душа же Франчески принадлежала Паоло. Ревнивый муж мог убить любовников, но не мог разлучить их души на том свете. Не было такой силы, которая разлучила бы их после, в потустороннем мире! Поэтому Франческа могла без стыда исповедаться в своём грехе. То, в чём она призналась взволнованному флорентийскому поэту, вовсе не было грехом! Она просто говорила о благородстве своего чувства. И о самопожертвовании».

(слова случайно попутчицы Тадеуша, стр. 128).

Эта же случайная попутчица героя в поезде («ирландка») спрашивает, заметил ли он, что муж Франчески, убивая одним ударом жену и её возлюбленного, оставил на их телах совершенно различные раны?

«У Данте и раны Паоло текут слёзы. Он плачет за них обоих. Рана Франчески -это кровь из сердца. Кровь воспоминания о счастье, о себе и о Паоло. Только в женщине так живо пульсирует воспоминание. Непрерывно течёт по жилам память огня, боли и счастья, родившихся в теле, потрясших тело, разбившие его».

(стр. 129).

Данте освобождает женщину от феодальных пут.

* * *

Данте поместил в ад грешную душу Бертрана де Бориа. Тень мятежного трубадура появляется перед поэтом с собственной головой в руках. Другой знаменитый трубадур Фулько (Фолько) из Марселя, вознесённый в дантовский рай, служит великому флорентийцу примером Верности и Преданности. Любовь истолковывается как преклонение перед «божественной сущностью» женщины. Но в то же время она проникнута вполне земными страстями, силой, несущей веселье и радость.

Данте изображает любовь как великую мировую силу, к-рая «движет солнцем и другими звёздами». Этим стихом поэт заканчивает каждую из трёх частей своей поэмы, внося классическую ясность в структуру «Комедии». Здесь царствует Любовь.

9. Веселовский о Данте («Историческая поэтика», ГИХЛ, Л., 1940)

Древние греки жили общественной жизнью: на агоре, более чем дома, и тогда как дома жилось просто, храмы были чудом искусства, театр — народным учреждением. Средневековые флорентийцы любили роскошь общественных празднеств и с торжеством носили по улицам мадонну Чимабуэ, потому что видели в ней идеал красоты, а дома царили родовые нравы, воспетые Данте: мужчины умывались редко и за столом не знали вилки. Мы заменили художественную пестроту старинной одежды — черным сюртуком, великолепие наших публичных зданий отличается ремесленным колоритом, зато искусство и поэзия в миниатюре спустились до домашнего употребления, и драму мы переживаем в формах романа для чтения в обстановке домашнего комфорта. (стр. 66–67).

Падают и возникают не одни формы, но и поэтические сюжеты и типы. Германские песни о Карле Великом восстали еще раз в формах феодальной эпопеи; в периоды народных бедствий или возбуждений, демократических или мистических, видели одни и те же страхи, и надежды одевались в те же или сходные образы: ждали последнего часа или последней битвы, когда явится избавитель, кто бы он ни был, византийский ли император или дантовский Вельтро, Фридрих Барбаросса или Наполеон III. (стр. 67).

Примечание: итал. veltro — **пёс**, аллегорическая фигура в прологе дантовского «Ада» (песнь 1, стих 100–111). Согласно пророчеству Вергилия, пёс должен спасти Данте от предующей его волчицы. О значении образа «вельтро» было сделано много догадок. Видимо, Данте имел в виду императора (или сторонника императорской партии, своего покровителя, герцога Канн Гранде дела Скала), от к-рого он ждал спасения Италии. Веселовский

связывает пророчество Данте с легендой о «возвращающемся императоре» как избавителе его угнетённого народа. Эту мысль он развил в исследовании «Опыты по истории христианской легенды. 1. Откровения Мефодия и византийско-германская императорская сага» («Журнал министерства народного просвещения, 1875, ч. 178, апрель, стр. 283–331).

Роза представляет еще более яркий пример растяжимости символа, ответившего на самые широкие требования суггестивности. Южный цветок был в классическом мире символом весны и любви и смерти, восстающей весною к новой жизни; его посвятили Афродите, им же венчали в поминальные дни, Rosalia, гробницы умерших. В христианской Европе последние отношения были забыты, либо пережили в виде обломков суеверий, гонимых церковью: наши русалки (души умерших, которых поминали когда-то жертвою роз) и название Пятидесятницы — Pascha Rosarum — далекие отражения языческих Rosalia. Но роза, как символ любви, принялась на почве западной народной поэзии, проникая частями и в русскую песню, вторгаясь в заветную символику руты и калины. Зато произошло новое развитие, может быть, по следам классического мифа о розе, расцветшей из крови любимца Афродиты, Адониса: роза стала символом мученичества, крови, пролитой Спасителем на кресте; она начинает служить иносказаниям христианской поэзии и искусства, напоминает жития, расцветает на телах святых. Богородица окружена розами, она сама зачата от розы, розовый куст, из которого выпорхнула птичка, — Христос. Так в немецких, западнославянских и пошедших от них южнорусских песнях. Символика ширится, и символ Афродиты расцветает у Данте в гигантскую небесную розу, лепестки которой святые, святая дружина Христова. (стр. 180 – 181).

В средние века толковалась как символ богородицы, и даже в украинских песнях сохранилось сравнение (в колядках):

В з том ружы да вылетів птах,
Як вылетів, да под небеса.
Этот «птах» (птенец) — Иисус Христос.

(Это тоже пример из Веселовского).

* * *

Многотрудное странствие великого тосканца приводит его к созерцанию божественных сил, образующих Небесную Розу, и вечно-женственное начало, воплощённое в Беатриче, исторгает из его уст песни благоговения и радости.

«Egle e bugiardo, e padre di menzogna» = «Обманщик он и всякой лжи отец» (Данте, «Божеств. комедия»).

«Segui il tuo corso, et lascia dir le genti» = «следуй своей дорогой, и пусть люди говорят все, что угодно» («Чистилище», песнь V).

Бенедетто Кроче о Данте

Benedetto Croce. La poesia di Dante. — Scritti di storia litteraria e politica. Vol. 17. Bari, 1921.

Книга полемически заострена против традиции. Кроче обнаруживает в «Комедии» структуру «этико-политико-теологического романа», не относящегося к поэзии. Лирич. сущность иск-ва, по Кроче, требует полного перевода лирического порыва или логич. рассуждения на «язык сердца»; поэтому Кроче отрицат-но относится к спорам (в поэзии) о философии, теологии и практике. Лиричность иск-ва не допускает аллегорий: они или не имеют ничего общего с поэзией и примешиваются к ней, или же полностью переходят в поэтич. образы и являются уже не аллегорическими, а лирическими высказываниями.

Сурово отнёсся Кроче и к произв-иям Данте, предшествовавшим «Комедии».

Гегель и Белинский о «Божественной комедии»

Из религиозных средневековых эпопей наиболее обширной по содержанию и самобытной по форме Гегель считал «Божественную комедию». «Правда, мы не можем назвать эпопеей в обычном смысле слова эту строго, даже почти систематически упорядоченную поэму, ибо для этого не достаёт индивидуально замкнутого действия, развивающегося на широких основах целого, и всё же именно этому эпосу наиболее свойственно самое твёрдое членение и завершённость». («Лекции по эстетике»).

Белинский считал, что из всех произведений европейской литературы только «Божественная комедия» Данте «подходит под идеал эпической поэмы... И это потому, что Данте не думал подражать ни Гомеру, ни Виргилию. Его поэма была полным выражением жизни Средних веков, с их схоластическою теологиею и варварскими формами их жизни, где боролись столько разнородных элементов... Форма поэмы Данте так же самобытна и оригинальна, как и веющий в ней дух, — и только разве колоссальные готические соборы могут соперничать с нею в чести быть великими поэмами Средних веков. Между тем в поэме Данте не воспевается никакого знаменитого исторического события, имевшего великое влияние на судьбу народа; в ней даже нет ничего героического, и её характер по преимуществу — схоластически-теологический, каким наиболее отличались Средние века». (Белинский, Соч., т. VII, стр. 406).

«Не знаменитое событие, а дух народа или эпохи должен выражаться в творении, которое может войти в одну категорию с поэмами Гомера». (Там же, 406).

Национальная и морская эпопея Луиша де Камоэнса

Правильнее было бы — Камоинш. Луиш ди Камоинш (Camoes). Родился в декабре 1524 или в январе 1525 в Лиссабоне, умер 10 июня 1580, там же. Крупнейший поэт португальского Ренессанса.

Он происходил из старинного дворянского рода (Luis Vaz de Camoes — вот его полное имя). Получил прекрасное гуманистическое образование. В результате придворных интриг

был отправлен солдатом в Марокко (1549 – 1551), а в 1553 за дуэль с придворным приговорён к смерти, но помилован и выслан простым солдатом в Индию, где участвовал в военных экспедициях. В 1570 он вернулся в Португалию с рукописью почти законченных «Луизиад». Умер в бедности.

Литературную деятельность начал как лирический поэт. Ему принадлежит много стихов в петраркистской манере, в том числе свыше 350 сонетов. Большинство их посвящено несчастной любви и полно искреннего чувства и печали. В нек-рых сонетах осуждается придворная жизнь. В стихах царит ощущение дисгармонии мира, философского разочарования в жизни. Перу Камоэнса принадлежат также три пьесы (около 1544 – 1549, при жизни не публиковались).

Мировую славу Камоэнсу принесла его эпическая поэма в 10 песнях — «Луизиады» («Os Luisiadas», 1572, первый русский перевод А. Дмитриева, 1788), названная так в честь мифологического Луза, от к-рого, согласно легенде, происходят португальцы (древнеримская провинция Лузитания отчасти совпадала с территорией совр. Португалии). Огромная (9000 стихов) поэма имеет своим сюжетом историю плавания Васко де Гама морским путём в Индию и завоевания её португальцами. Васко де Гама — главный герой, но это настоящая национальная эпопея, где поэт заставляет дефилировать все знаменитые деяния из истории своей страны. Фактическим героем «Луизиад» является народ, мужеству, героизму и стойкости к-рого посвящены многие страницы поэмы-эпопеи. Вместе с тем, Камоэнс, как и др-ие писатели Возрождения, ещё не способен нарисовать в полной мере исторически и национально конкретный образ человека: при описании жизни туземных племён писатель идеализирует её в духе легенд о «золотом веке» человечества, противопоставляя их быт реальной действительности Португалии и др-х европейских стран, где цивилизация исказила, по мысли Камоэнса, естественные добрые начала человеческой природы.

Излагая историю Португалии со времён борьбы лузитан против римского владычества до эпохи великих географических открытий, Камоэнс создаёт патриотический гимн народу, его борьбе против иноземцев, в частности мавров. Западная критическая традиция особенно прославила трогательный эпизод Инесс де Кастро и великолепную прозопопею гиганта бурь Адамстора. — Инесс де Кастро, благородная кастильянка, жившая в XIV века, прославилась своей красотой и несчастной судьбой. Она вступила в тайный брак с португальским инфантом Педро и была убита тремя придворными, к-рые завидовали её влиянию. Став королём, Педро жестоко отомстил за неё. — Адамстор лиил «Гигант Бурь» — вымышленный персонаж «Луизиад»: в момент, когда Васко де Гама огибает мыс Бурь, этот гигант поднимается перед ним, чтобы воспрепятствовать героя пройти дальше (позже мыс Бурь получил название мыса Доброй Надежды).

Большой интерес представляют многочисленные лирические отступления, носящие автобиографический характер и преисполненные негодования в адрес неблагодарных вельмож, из-за к-рых поэт терпит жестокие невзгоды (7-я песня). В лирических и морально-философских отступлениях Камоэнс подвергает резкой критике грабящих народ грандов,

льстивых и надменных вельмож, гневно рисует всеобщую продажность и власть золота, скорбит об утрате португальским дворянством доблестей предков (3 – 5 песни). Современному обществу Камоэнс противопоставляет идеал античности. Вместе с тем он поддаётся настроениям католической реакции, выдвигая, напр., идею возобновления крестовых походов во имя отвоевания «гроба господня» (7-я песня).

Ограниченность позиций Камоэнса обнаруживается и в оценке завоеваний Португалии: он славит стремление народа к расширению горизонта познания мира и практической деятельности, характерное для Ренессанса, но не замечает трагических последствий завоеваний для покорённых народов. Эта ограниченность объясняется эпохой, когда люди были «овеяны характерным для того времени духом смелых искателей приключений» (Энгельс, «Введение в диалектику природы») и вера в безграничные возможности человеческого разума, прославление героизма народа, обличение пороков господствующих классов делают эпопею Камоэнса одним из самых выдающихся произведений ренессансного гуманизма.

Несмотря на разнородность материала, эпопея отличается глубоким внутренним единством. Поэту свойственны смелые образы, красочные описания, блистательные картины феноменов моря. Приключения и открытия Васко де Гамы окрашены мифологической чудесностью, фольклорно окрашены. Эпопея написана энергичными октавами, живым и лёгким языком, закрепившим нормы общенационального португальского языка. Уже вскоре публикации поэма получила известность в Италии, где ей посвятил сонет Торквато Тассо, и в Испании (переведена на испанский в 1580), где она заслужила хвалебные отзывы Сервантеса, Лопе де Веги, Грасиана-и-Моралеса и др-х. В семнадцатом столетии поэма переведена на итальянский и английский языки, в а XVIII — на французский, голландский, русский и польский. Во Франции её иллюстрировал знаменитый Фрагонар. В России академик живописи Бруни написал огромную картину «Смерть Инесс де Кастро» (впрочем, не помню, он или ещё кто-то, я видел эту картину в Русском музее; это вообще сделалось популярнейшим сюжетом в живописи).

«Луизиады» остались величайшим произведением португальской литературы, её oeuvre-maitresse, как «Илиада», как «Божественная комедия», как «Дон Кихот».

Тассо и его христианская эпопея

Вставка о крестовых походах

Статья Л. Баткина

«Ренессансный миф о человеке»

История иезуитов

Историческая вставка:

реконкиста и крестовые походы.

Ренессанс

Торквато-Тассо (Torqato Tasso)

Торквато Тассо (1544 – 1595) был сыном поэта Барнардо Тассо, автора рыцарской поэмы в октавах и в ста песнях «Amadigi» (1557, издана 1560) — на сюжет, заимствованный из «Амадиса Галльского»; на поэме сказалось сильное влияние Ариосто. Поэзия Бернардо Тассо отличалась чистотой стиля и гармоничностью стиха. Его сын Торквато воспитывался в Неаполе, затем в Риме, т. к. Барнардо Тассо чуть ли не всю жизнь провёл при разных итальянских дворах. При дворе герцога Урбинского, где Тассо жил с отцом с 1557, мальчик пополнил свои знания под руководством учителей наследного принца и прошёл школу придворной жизни. Но отцовская непоседливость уже через два года увлекла Тассо из Урбино в Венецию. В Венеции Бернардо Тассо был секретарём Academia della Fama; в 1560 иждивением этой академии была впервые напечатана его поэма «Амадис», по-итальянски «Амадиджи», in-4, и позже не раз переиздавалась. Впрочем, эта поэма, равно как и горацианские оды, эклоги, элегии, сильвы Бернардо, как и его «Trattato di poesia» (повторяющий античные образцы), была близка к забвению, когда творения отца спасла слава великого сына.

Великий поэт был сыном блестящего, но слабого духом версификатора; тем не менее, преемственность культуры много значила в его судьбе. Мальчик родился в Сорренто, но в самом нежном детстве был вынужден покинуть родину, чтобы соединиться с изгнанным отцом. Он получил начатки образования в Риме, продолжил в Урбино и с ранних лет поражал своими дарованиями. Отец **боялся**, как бы Торквато не пошёл по тому же пути, что и он; угождая отцу-поэту, юноша занялся изучением права. Когда они переехали в Венецию, Тассо поступил в Падуанский университет и стал изучать пандекты и кодексы — по желанию отца. Впрочем, большую часть времени он посвящал сочинению поэмы «Rinaldo» — октавами, в духе Ариосто. В 1561 году он перешёл на словесное отделение, начал писать сонеты и мадригалы и уже в конце 1562 напечатал с одобрения отца (сердце поэта нетвёрдо) свою первую поэму «Ринальдо», которая воспевала подвиги паладина каролингского цикла Ринальдо (Рено де Мантобано). Апологеты утверждают, что этот первый опыт школяра возбудил всеобщий восторг («не было ни одной хулы»); на самом деле поэма успеха не имела. После этого Тассо начал писать (и даже вчерне написал) поэму «Иерусалим». Лавры Ариосто не давали ему спать.

Тассо подверг критике принципы эпопеи и выступил против поэзии Ариосто. Сторонники последнего противопоставляли бешеный успех неровных строк «Неистового Роланда» тому забвению, коему подверглась написанная по гомеровским образцам «Освобождённая Италия» («Italia liberata dai Soti», 1547–1548, подражание «Илиаде») известного поклонника античности Джанджорджо Триссино, поэта холодного и рассудочного. Этот аристократически утончённый знаток известен был, в частности, своим резко отрицательным отзывом о «Неистовом Роланде» Ариосто.

Торквато Тассо, студент-поэт, заканчивает своё образование в Болонье и снова в Падуе (1565). По окончании учения он сразу же поступил на службу к кардиналу Луиджи д'Эсте,

брату феррарского герцога Альфонсо, и вместе с кардиналом поселился в Ферраре. Здесь биография Тассо начинает затемняться знаменитой легендой. По мере продвижения своего великого труда (поэмы «Джевуралемме») он читал отрывки из него сёстрам герцога. Говорили, что одна из них слушала его с особенным участием и нежным интересом; если между ними и была сердечная связь, то скорее всего платоническая, ибо принцесса была болезненна, педантична и некрасива. Была. Однако не доказано,' что Леонора, прославляемая в нек-рых сонетах Тассо, есть именно сестра Альфонсо д'Эсте: две другие дамы того же имени жили тогда при феррарском дворце, и мы не знаем, какая из них вызвала страсть великого поэта. Служба у кардинала не была обременительна, и Тассо вёл рассеянную жизнь придворного, продолжая свой труд.

Между тем, старый Бернард Тассо, ставший в конце жизни подестой (городским головой), в Остилии, близ Мантуи, умер в в 1569 семидесяти шести лет отроду. Эта смерть повергла Тассо в глубокую печаль, из к-рой исторгла его поэзия и путешествие во Францию. Он отправился туда в 1570 году в свите кардинала Луиджи д'Эсте. Франция тогда была погружена в то обманчивое спокойствие, за к-рым последовала Варфоломеевская ночь. Молодой поэт получил у короля Карла IX, тоже писавшего стихи, приём столь лестный, что куртизаны встревожились. Тассо жил при французском дворе, писал сонеты и мадригалы. Без сожаления покинув эту злосчастную страну в конце 1571 года, он возвратился в Феррару.

Его положение стало ещё лучше, когда он переменил службу у кардинала на службу у Альфонсо II. Он с новым рвением принялся за свою великую работу. В промежутках отдыха, которые предоставляла ему героическая муза, Тассо написал пастушескую драму «Аминта», послужившую образцом для всех последующих пасторальных композиций. Эта пастораль — первый плод его зрелого творчества.

«Аминта» была представлена перед феррарским двором впервые летом 1573 и привела в восхищение всю Италию. Эта драма отдаёт дань прециозным вкусам, и по ней хорошо видно, как изменились требования к пасторали за сто лет после «Орфея» Полициано. Вся лирическая часть «Аминты» совершенно лишена жизнерадостности, к-рой был полон «Орфей». За простотой формы в «Аминте» скрыто много тонкой изысканности, только стих течёт непринуждённый и разнообразный, полный неизъяснимой музыкальности.

«Аминта» была для Тассо лишь мимолётным эпизодом, не прерывавшим главной работы. Поэт был почти равнодушен к триумфу своей пасторали, он без отдыха

трудился над «Освобождённым Иерусалимом». Юношеские наброски пересматривались, переделывались, сюжет частично подвергся изменениям. Весною 1575 года поэма «Gerusalemme Liberata» была закончена.

Но Тассо не хотел сразу печатать поэму. Он всегда был полон нерешительности, а в этот момент, после огромного нервного напряжения, к-рого потребовал усиленный труд, нерешительность его превратилась в тяжёлую мнительность. Его пугала мысль, что в своём новом произведении он нарушил какие-то литературные каноны, а также профанировал рели-

гиозный опыт чувственными эпизодами и реминисценциями языческой классики. Италия переживала период феодально-католической реакции, инквизиция свирепствовала (оставалось 25 лет до сожжения Джордано Бруно). Тассо дал поэму на просмотр двум-трём людям со вкусом, суду которых доверял. Их отзывы заставили его решиться на пересмотр поэмы. Однако он не успел ничего сделать — душевная болезнь постепенно подкралась и выбила его из равновесия.

Скитания безумца

Как пишут биографы старой школы, кропотливый труд по исправлению поэмы и неприятности при феррарском дворе воспламенили кровь Тассо и расстроили рассудок, к-рый был уже расшатан религиозными страхами. Тщетно Альфонсо и его сёстры пытались успокоить его взволнованный ум: несчастный поэт, преследуемый химерическими ужасами, к-рые превращали его благодетелей во врагов, тайно выехал из Феррары в 1577 году — без денег, без провожатых и почти без одежды. Общество нежно любимой сестры, к-рую он давно не видел, и благотворное влияние прекрасного неаполитанского неба на время рассеяли его мрачное настроение. Он вскоре вновь захотел увидеть Феррару и после своих скитаний вернулся туда в апреле 1578 года, но герцог был разгневан на него, что долго питало слухи о романтической связи поэта с принцессой Леонорой. Тассо вновь обрёл в Ферраре прежнее место, но не прежнюю милость, которой он пользовался в невозвратные счастливые дни.

Через некоторое время его вновь потянуло к бродячей жизни. Он удалился к мантуанскому двору, к-рый оставил его в томлении, затем к герцогу Урбино, который, чувствительный к его бедам, ненадолго воодушевил его смелый гений. Мантуя, Падуя, Венеция, Пезаро... Затем Турин принял его с заслуженными почестями. Но поэта непреодолимо тянуло в Феррару. Пожив в Турине, он вновь отправился в город дорогих воспоминаний и в феврале 1579 прибыл в Феррару.

Он попал в дни подготовки и празднования свадьбы герцога Альфонсо и Маргариты Гонзага, когда царила величайшая суматоха. Отвергнутый куртизанами, оскорблённый слугами, Тассо разразился инвективами против своего давнего покровителя. За оскорбительные слова о герцоге, его молодой жене, его сёстрах и всех придворных Тассо, по приказу озлобившегося Альфонсо, был **закован в цепи** и посажен в подвал госпиталя святой Анны, где помещались буйные сумасшедшие. Скандал на феррарской свадьбе и позор, которому подвергся уже уже знаменитый поэт, прогремели на всю Италию. В госпитале святой Анны Торквато Тассо провёл **семь лет**.

Болезнь, особенно первое время, причиняла ему большие мучения, как физические, так и нравственные: их подробное описание содержится в его переписке (она была дозволена). Через год после заточения Тассо понемногу принимается за перо, он пишет не только письма, но также рассуждения и стихи.

К его страданиям, к издевательствам и притеснениям его тюремщиков присоединились мучительные извести о судьбе его великой поэмы. Услышав, что Тассо сидит в госпитале

для сумасшедших, предприимчивые издатели начали выпускать в свет его поэму и клали себе в карман изрядные барыши. Впервые его поэма была напечатана в Венеции под титулом «Il Goffredo» (Cavalcalupo, in-4), в следующем году в Парме некий Инджeньери напечатал поэму in-4 и in-12, дав ей **впервые** название «Gerusalemme Liberata»; в том же 1581 году в Казальмаджоре вышло ещё одно ин-кварто под тем же названием. Тассо был доведён до бешенства известием, что его поэма издана в Венеции по неотработанной копии, попавшей в руки грязного дельца. Это и все последующие пиратские издания были сделаны наспех, полны ошибок и неточностей, однако даже они распространили его славу по всей Европе. Слава безумца загремела повсюду. Тассо убедился; что чем дольше он будет восставать против публикации подлинного текста, тем больше поэма будет искажаться. Поэтому он разрешил одному из друзей подготовить авторское издание, просмотрел его и оставил ему заглавие, данное проходимцем Инджeньери. Этот подлинный «Освобождённый Иерусалим» вышел в 1581 году.

Все эти пиратские издания и скандальная обстановка появления поэмы породили долгую полемику, в которую завистники втянули и Тассо; смешивая его отца вместе с ним с грязью, они выступали против поэзии Тассо. Такая полемика ещё более подорвала его разум и здоровье.

Герцоги Мантуи, Тосканы, Урбино и, наконец, сам папа обращались к Альфонсу Второму с настоятельными ходатайствами и требованиями освободить Тассо. Летом 1586 года узнику госпиталя святой Анны стало настолько лучше, что Альфонсо согласился освободить его и отпустить в Мантую по просьбе наследного герцога Винченцо Гонзага. Безумец снова получил свободу.

«Освобождённый Иерусалим«

Эпическая поэма в 20 песнях на псевдоисторический сюжет изображает события последнего года первого крестового похода — осаду и взятие Иерусалима крестоносцами (1099). В ней фигурируют действительные участники похода: глава христианского войска, герцог Нижней Лотарингии Готфрид Бульонский (Godefroy de Boullon), Раймонд Тулузский, Танкред Норманский, вожди мусульман. Но история в поэме сведена лишь к чистой условности. Танкред, сицилийский князь из норманского рода де Отвиль, впоследствии князь Галилейский и регент Антиохийского княжества, умерший в Антиохии в 1112 году, подвергся в поэме Тассо романтической стилизации, а рядом с лицами историческими появились вымышленные, и прежде всего Ринальдо, один из ранних героев дома д'Эсте, а также целый цветник красавиц (Клорин, Эрминия, волшебница Армида) и множество фантастических персонажей — великаны, чудовища, небесные и адские сверхъестественые силы и т. д. Происходят бесконечные сражения с переменным счастьем, Танкред влюбляется в прекрасную мусульманскую воительницу Клоринду, а храброго Ринальдо похищает ещё более прекрасная волшебница Армида, и юный рыцарь живёт в вихре наслаждений в её заколдованных садах, гибнут христиане, гибнут мусульмане, Танкред в бою побеждает Клоринду, не узнав

её, и наносит смертельную рану; он в отчаянии, но Клоринда просит перед смертью Танкреда окрестить её, и умирает в блаженстве. Сопротивление неверных сломлено при помощи образумившегося Ринальдо, и армия во главе с Готфридом вступает в Иерусалим.

Тассо считал присутствие сверхъестественного элемента необходимым условием эпического творчества. Совершенным типом эпопеи считались «Илиада» и «Энеида». А так как в них боги принимают деятельное участие в судьбах героев и даже сражаются рядом с ними, то авторы христианских эпопей токе заставляли небесные силы участвовать в описываемых событиях. У Тассо за неверных сражаются Вельзевул демон Астрагор и др-ие адские силы, за христиан — архангел Михаил, ангелы, души падших христианских рыцарей и т. П. -Но в Тассо были слишком живы классические реминисценции, и наряду с христианскими святыми поэме фигурируют и создания античной мифологии: фурия Алекто, Ночь на колеснице из чёрного дерева и др. Введение в рассказ сверхъестественного элемента придало поэме искусственность. Небесные и адские силы являются здесь некими «поэтическими машинами« как назовёт их Шатобриан, не подозревая, что тем самым выносит им осуждение. В этой синтетической мифологии Тассо нет ничего от той живой народной веры, края создала богов «Илиады«.

Кроме античных писателей, сильное влияние на Тассо оказал Ариосто. Образы дев-воительниц Гидиппы и Клоринды навеяны образами Марфизы и Брадаманты. История пленения Ринальда волшебницей Армидой сильно напоминает пленение Руджиеро Альциной. Но, заимствуя некоторые типы и ситуации у Ариосто, автор «Иерусалима« придаёт этому материалу оригинальное освещение. Так, у Ариосто в «Неистовом Роланде» Альцина — старая, безобразная колдунья, которая пленила Руджерио посредством волшебства, приняв облик прелестной юной красавицы. Когда Руджерио получает от Мелиссы волшебный перстень, чары рассеиваются и Альцина является ему в своём настоящем виде. В поэме Тассо Армида — не только волшебница, но и женщина чудесной красоты. Не колдовством привлекла она Ринальдо, а любовью. Когда рыцарь, повинуясь чувству долга, бросает её, перед нами предстаёт не злая колдунья, а глубоко несчастная женщина, без памяти увлечённая тем, кто её покинул. Гнев, отчаяние и любовь борются в её душе. Когда Ринальдо тесня мусульман, проникает до того места, где на покрытой золотом колеснице сидела Армида в окружении своих поклонников, — «Она останавливает на. нём взоры, в которых горят любовь и ненависть. Её бросает то в жар, то в холод. Рыцарь на мгновение останавливается перед нею, точно зачарованный, затем он собирается удалиться. . . Армида уже держит в руках наготове стрелу: гнев торопит онемевшие руки, любовь удерживает их и останавливает. Любовь загорается пламенем в её груди. . . Трижды пытается она натянуть лук, трижды дрожащие руки её отказываются исполнить это жестокое дело. Наконец, гнев одерживает верх: лук натянут, стрела летит, и вслед за нею летит и раскаяние.

Ей хотелось бы, чтобы стрела эта возвратилась назад, чтобы она пронзила её собственное сердце. . . »

Психология героев и героинь Тассо гораздо сложнее психологии Ариосто. Условным типом в «Освобождённом Иерусалиме» является только Готфрид. Герои Тассо — это существа из плоти и крови. одарённые волей, а не игралища слепого случая. Особенно поэтичен образ Эрминии беззаветно преданной Танкреду, несмотря на то, что он отвергает её любовь. Чрезвычайно удачны описания битв. Витязи Тассо не сверхчеловеки как герои Ариосто, из коих каждый в одиночку обращает в бегство целые армии. Бой под стенами Иерусалима — грандиозная драма, перипетии к-рой захватывают читателя.

Итак, «Освобожденный Иерусалим» был третьей рыцарской поэмой в Ферраре после «Влюблённого Роланда» Боярдо и «Неистового Роланда» Ариосто, но очень сильно отличается от обеих. Рыцарство и его религиозные идеалы, к-рые у Боярдо изображались без всякого пиэтита, а у Ариосто с тонкой иронией, у Тассо вызывали благоговейное отношение. Однако наследие Ренессанса, жившее в душе соррентинца, подмешало к религиозному экстазу поэмы чувственный лиризм; эпический её пафос то и дело обращается в неискреннюю барочную напыщенность. Великая поэма оказалась внутренне расколотой, как и психика её творца. Но, несмотря на это, её несравненные поэтические красоты были таковы, что «Освобождённый Иерусалим« стал наиболее популярным произведением всей итальянской литературы. На триста лет эта «ерорea grandiosa» затмила самого Данте. Поэма Тассо очень скоро стала по-настоящему народной: рыбаки из устья По и Бренты, гондольеры Венеции, крестьяне во Фриуле до сих пор распевают октавы Тассо. «Освобождённый Иерусалим» оказал огромное влияние на мировую литературу. Образы героев и особенно героинь поэмы стали типами, с которыми несчётное количество раз находили сходство. Художники написали сотни картин на сюжеты из поэмы. Одна из самых восхитительных героинь поэмы – Армида, Цирцея христианской эпохи; её именем часто называют женщину, к-рая очаровывает и ослепляет своими прелестями. Пушкин в «Онегине« упоминает «уста младых Армид«. Не менее часты сравнения с садами Армиды, павильоном Армиды, дворцом Армиды, где прекрасная волшебница удерживала Ринальдо вдали от армии крестоносцев. — Клоринда стала нарицательным именем храброй женщины, недоступной обычным страхам слабого пола. «Смерть Клоринды» — шедевр Гверчино (/Дрезденская галерея). — Один из самых изящных и поэтических женских типов в мировой литературе — Эрминия. Пуссен написал знаменитую картину «Танкред и Эрминия», где красавица, чтобы перевязать рану Танкреда отрезает свои чудесные волосы. — Танкред, богатырь, убивший героиню сарацинов Клоринду тоже был популярен; его бесстрашие, преодолевшее чары заколдованного леса, вошло в поговорку. — Не менее бесстрашен«прекрасный Ринальдо, христианский Ахилл, к-рый долгое время дал себя удерживать вдали от битвы в садах Армиды (как Ахилла удерживал вдали от битвы гнев на Агамемнона). Имя Ринальдо стало характеристикой сильного человека, забывшего о своём долге на лоне наслаждений. Картины под названием «Ринальдо в садах Армиды» написали написали Августино Каррачи (Неаполь) Доминикино (Лувр) Теньер (Мадрид), Пуссен (Берлин).

Закат гения

Летом 1586 года Тассо вышел из госпиталя святой Анны, чтобы отправиться в Мантую. Он провёл там год. Несмотря на улучшение, полного душевного равновесия он не обрёл уже никогда. Через год он убежал из Мантуи. Он скитался из города в город, несколько раз принятый с честью, но чаще преследуемый нуждой. Папские племянники Альдобрандини (Клемент VIII был папой с 1592 по 1605) оказывали покровительство больному поэту, что позволило ему прожить более или менее спокойно свои последние годы.

Папа собирался устроить Тассо, как когда-то Петрарке, торжественное венчание поэтическим венком на Капитолии, чего поэт восторженно дожидался. Однако для этого уже трудно было уловить момент: Тассо находился в непрерывном болезненном возбуждении.

Следы такого состояния носят все произведения написанные им в эти годы. Трагедия «Il Torrisundo» (1587), для к-рой он воспользовался юношескими набросками другой пьесы,

немногим лучше других трагедии позднего Чинквеченто. В 1592 в Неаполе Тассо, как уверяют некоторые биографы, почувствовал, что его помрачённый дух возгорелся вновь, и написал свою гениальную поэму заново, заявляя, что рассматривает «Освобожденный Иерусалим« как незаконное дитя от рождения к-рого нужно отречься. Быть может, он краснел за чрезмерные восхваления, которые он расточал в великой поэме дому Эсте и которые были так оплачены. Но главное, переделка имела целью очистить поэму от языческих элементов и усилить в ней религиозное содержание. Так возник «Завоёванный Иерусалим« («La Gerusalemme Conquistata», 1592), который вышел в Риме в 1593 in-4 и в Париже в 1595 in-12. Этой переделкой Тассо только испортил бессмертную поэму; второй вариант имеет скорее биографический и медицинский интерес.

Его поэма «Сотворённый мир» («Il Mondo creato», 1594), воспевающая сотворение мира и человека, представляет собой безжизненную смесь ветхозаветных мотивов, богословских и философских рассуждений, астрономических и физических домыслов. Тассо явно пережил себя.

Для него было облегчением, когда его поместили в монастырь Сан-Онофрио в Риме, где он провёл конец жизни (по рассказам, он сам велел отнести его монастырь). В монастыре Сан-Онофрио 25 апреля.1595 года Торквато Тассо испустил дух, разочарованный в славе и радостях этого мира, приказав уничтожить все свои творения. Его последняя воля, как и предсмертное желание Вергилия, не была исполнена.

* * *

Для эпохи Возрождения был характерен романтический подход к личности. Однако это проявилось не в романе, а лишь романизации новелл («Декамерон» Боккаччо), поэм (Боярдо, Ариосто, Тассо) и драмы (Шекспир). Тассо был последним великим поэтом Возрождения. Он ощущал трагическое противоречие между близкими ему гуманистическими принципами Возрождения и религиозно-аскетической идеологией церкви, захваченной контрреформацией. В пасторальной драме «Аминта« ещё звучал гуманистический мотив

всемогущества земной любви. Но в поэме «Освобождённый Иерусалим», христианской эпопее, вдохновлённой эпохой борьбы против турок, выразилось стремление противопоставить индивидуализму пафос национального долга (история Ринальдо); под влиянием католической реакции поэма проникается религиозными идеями (самоотверженность Софронии и Олинда эпизод крещения Клоринды). Проповедь аскетизма во имя торжества христианской церкви противоречит гуманизму которым вдохновлены лишь отдельные эпизоды поэмы, изображающие чувственную земную любовь.

Тассо оставил множество лирических стихотворений; но огромное большинство их — посредственные плоды вдохновения по заказу. Он написал также немало прозаических сочинений, диалогов на разные философские темы, рассуждений и проч. Ничто в них не возвышается над общим уровнем литературы подобного рода, столь популярной в бесплодные времена позднего Чинквеченто. — Гораздо больше искренности и непосредственности в переписке Тассо, наиболее яркие образцы её представляют художественный интерес.

Трагическая судьба замечательного художника многократно привлекала внимание живописцев, историков, поэтов и драматургов. «Тассо в темнице» — популярный сюжет живописи и поэзии романтизма.

Джон Мильтон

(В защиту мира, № 91, дек. 1958)

Поэмы Джона Мильтона.

Скептический отзыв сенатора Пококуранта.

Английская литература до и возле Мильтона. Его эпоха.

О Мильтоне? 1. У меня где-то есть книга Самарина, плохая, но всё же можно что-то почерпнуть.

2. Взять отзыв о Мильтоне из Вольтеровского «Кандида» («Кандида» ли? — ну, где-то у него).

3. В моих старых дневниках выписки из «Потерянного рая».

4. В детской книжке на англ. языке детали его биографии.

Написать работу о Мильтоне. М. б. о Еве, об идеале красоты у Мильтона?

NB: Титанические герои-злодеи у Марло подготовили Сатану Мильтона.

Пушкин о Мильтоне.

Судьба Джона Мильтона

Джон Мильтон родился в Лондоне 9 декабря 1608. Семья Мильтонов происходила из английских йоменов (ведущий класс Революции). они не были бедны. Отец Мильтона получил образование и был процветающим scrivener (клерком, копирующим документы); в других источниках пишут, что он был нотариусом, близким к пуританским кругам. Этот человек

был большим любителем музыки и даже сам порою писал музыку. О матери будущего поэта говорили, что она была «a woman of incomporable virtue and goodness».

Будущий поэт рос необычным ребёнком: он мало интересовался играми и уличными развлечениями; отец позаботился о его раннем образовании, научил любить музыку и книги. Мальчик учился и читал так усиленно, что уже в 12 лет у него выработалась привычка работать до полуночи.

Сначала он учился в школе святого Павла (St. Paul school), у пуритански настроенных педагогов. Его прогресс во всех областях знания был весьма быстрым, и в 16 лет Мильтон поступил в Кембриджский университет. Там и началась его литературная деятельность: сочинения философского характера, написанные по-латыни, английские и латинские стихи. Уже в эти годы видна близость Мильтиона в к пуританской поэзии. Он получил степень бакалавра в 1629 году и магистра искусств в 1632 («Master of Arts»). Его просили остаться в университете инструктором, но Мильтон отказался, поскольку такой шаг означал бы, что должен to take Holy Orders (принять духовное звание). Он оставил университет и удалился в родной город отца — Хортон, в небольшое имение его отца в Бэкингемшире. Здесь он прожил несколько лет, углубляя своё образование, занимаясь науками и поэзией.

Хоронские года — это первый период творчества Мильтона. Здесь написан лирический диптих — два стихотворение «L'allegro» («Жизнерадостный») и «Il penseroso» («Задумчивый»), дополняющие друг друга; там же написана «маска» — драматическая поэма «Comus», аллегория борьбы целомудрия с пороком, богатая великолепными картинами английской природы. В 1638 впервые в печати появилось стихотворение Мильтона «Lycidas» — элегия, полная намёков на религиозно-политическую борьбу в Англии.

Мильтон давно стремился пополнить своё образования путешествиями, как это было в обычае эпохи. Он жаждал повидать Италию. Смерть матери (1637), очевидно, порвала крепчайшую из семейных уз. Получив согласие отца, Мильтон покинул Англию для путешествия на континент. Он посетил Париж и Ниццу, Геную и Флоренцию. Последняя вызвала в нём энтузиазм — его восхищал и сам город, и мелодичный язык флорентийцев. Множество интереснейших людей, к-рых встречал Мильтон, давали ему удовлетворить его жажду знаний. Из Флоренции он отправился в Рим, к-рый произвёл на него огромное впечатление своими монументами старины. Итальянский язык Мильтон знал в совершенстве. Он провёл много времени в библиотеке Ватикана. В Италии он посетил великого Галилея, к-рый уже не был пленником Инквизиции, но по-прежнему состоял под надзором духовенства. Мильтону удалось проникнуть в дом, где держали Галилея, и говорить с ним. Эта встреча с великим мучеником науки упомянута в «Paradise Lost» и в статье Мильтона о свободе печати. После Неаполя Мильтон собирался переезжать на Сицилию, когда новости о положении дел в Англии заставили его сменить решение. Он считал, что не подобает путешествовать для своего наслаждения, когда соотечественники борются за свободу.

Мильтон прославился среди итальянских гуманистов как учёный и поэт. Возможно, политический кризис итальянских стран в это время и засилье феодально-католической реак-

ции повлияли на Мильтона, углубили его политические симпатии к пуританам. Он вернулся в Англию в 1640, когда началась борьба между королём и пуританской буржуазией. Мильтон выступил против епископальной церкви: борьба против неё была прелюдией борьбы против монархии.

Нек-рое время он занимался преподаванием; результатом этого опыта был трактат о воспитании.

В возрасте 34 лет Мильтон женился на Мэри Пауэлл (Mary Powell), дочери состоятельного роялиста. Это был несчастливый брак. Юная и фривольная девушка не годилась в спутницы столь серьёзному человеку. Они были женаты только месяц, когда молодая жена Мильтона испросила позволения навестить своих родителей и не вернулась в дом мужа. Её родители согласились на брак дочери с ревностным и убеждённым республиканцем, когда их партия была близка к полной потере власти, и стали раскаиваться в своём согласии, когда временный успех роялистов оживил их погасшие надежды.

Мильтон не видел своей жены четыре года. Он много размышлял в это время о браке и разводе; результатом этих размышлений явился его трактат о разводе, в к-ром, не упоминая о своей личной драме, Мильтон рассматривает брак и развод как социальные проблемы. Неожиданный поворот в политической ситуации страны привёл к примирению четы, и Мэри вернулась к мужу.

В 1642 вспыхнула давно назревавшая гражданская война Мильтон внимательно следил за событиями. Годы с 1640 по 1660 были периодом его боевого революционного журнализма. Его воззрения на гражданскую и религиозную свободу служили революционной партии, и Мильтон стал самым выдающимся публицистом индепендентов. В 1645, в разгар гражданской войны, вышла книга его стихов. Он приобретает широкую известность — в основном как публицист. Особенно значительны по содержанию и блестящей полемической форме его «Ареопагитика» (1644) — речь в защиту свободы печати — и книга «Иконоборец» (1649, название дано по-гречески), обосновывающая осуждение на казнь короля Карла I как изменника и государственного преступника. Король был обезглавлен 30 января 1649, и Англия была провозглашена республикой (a Commonwealth).

Мильтон был назначен латинским секретарём государственного совета (Latin Secretary of the Council of State). Английская революция не захотела более признавать французский язык международным языком дипломатии. Труд Мильтона состоял главным образом в переводе на латынь и с латыни государственных дипломатических документов. В то время многие роялисты эмигрировали из Англии, и нанятые ими писаки поливали грязью революционную Англию. Нужно было защищать её, и первые люди пуританской революции обратились к Мильтону за помощью. Мильтон не принадлежал ни к одной из пуританских сект, но он всей душой взялся писать в защиту революции. В своих блестящих памфлетах «The Tenure of Kings and Magistrates» («tenure» здесь значит «право»), «Dofence of the Peaple of England» и «Image-Breaker» («Иконоборец») он доказал Европе, что революция была не просто большим бунтом, как говорили роялисты, но единственная сила, которая могла

дать народу права и свободу. Казнь короля, говорил он, должна рассматриваться не как кровавая жестокость злого народа, но как единственное средство для народа освободиться от монархии; король же был не мучеником, а наихудшим из врагов свободы. Собственно, большая часть этих памфлетов (или все?) были написаны по-латыни. В двух «Защитах английского народа» («Pro popule Anglicano Defencio», 1650 и 1654), Мильтон выступил как поборник суверенитета английской республики и противник феодальной реакции. Сторонник индепендентов, Мильтон в течение ряда лет вёл международную государственную переписку Кромвеля. Вместе с тем Мильтон был далёк от преклонения перед лордом-протектором и не раз высказывал тревогу по поводу дел в Англии, где против диктатуры Кромвеля поднимались то левеллеры, то диггеры.

У Мильтона с детства было плохое зрение, и теперь врачи предупредили его, что сл ион не перестанет (полностью) читать и писать, то он потеряет зрение. На это Мильтон ответил, что он уже пожертвовал своей поэзией и что готов пожертвовать и своими глазами свободе своего народа. В 1652 **он ослеп**.

В том же году жена Мильтона умерла при родах, и он остался с тремя маленькими дочерьми. Через 4 года он женился на Кэтрин Вудкок, дочери республиканца, но их счастье было недолгим. Она умерла в тот же год, что и вышла замуж.

За время совей работы латинским секретарём и в годы журналистики Мильтон написал лишь несколько сонетов, в их числе «To the Lord General Cromwel». Постепенно он отходит от участия в политической полемике. В конце 50-х годов он пишет пространный трактат «О христианской доктрине» («A Treatise on Cristian Doctrine»), примечательный глубокими отклонениями от религиозной догмы, а так же «Историю Британии» (изд. 1670), в к-рой заметна открытая тираноборческая тенденция. Незадолго до падения республики он выступил с последними своими трактатами, в к-рых оплакивал крах республиканского тсроя и предостерегал народ от реставрации. Переводы псалмов и группа сонетов (навсегда закрепивших за Мильтоном почётное место в истории жанра) — вот его художественное творчество в эпоху революции.

В 1660 умер Кромвель. Вскоре была восстановлена монархия, на престол взошёл Карл II, сын казнённого короля. Мильтону грозила расправа, его прославленные памфлеты были сожжены рукой палача. Поэт вместе со своей семьёй удалился в маленький домик возле Лондона и вновь принялся писать стихи.

Это третий и величайший период творчества Мильтона. Созданные в этот период произведения слепого поэта сделали его одним из величайших поэтов Англии. То были «Paradise Lost» и «Paradise Regained».

Одиночество его возрастало. Две старшие дочери, к великой скорби слепого поэта, отказались помогать ему в его труде; только самая младшая дочь Дебора читала отцу латинские книги. С помощью многочисленных верных друзей Мильтон завершил «Потерянный Рай» в 1667 (или в 1663, но издано в 1667). Великая поэма имела успех у современников. Когда слава поэта достигла двора Карла II, брат короля Duke James (герцог Джеймс) пожелал ви-

деть «Old Milton». Герцог нанёс визит слепому поэту. Он спросил у Мильтона, не считает ли тот, что слепота поразила его по приговору небес как божие наказание за то, что он писал против покойного короля. Мильтон ответил: «если ваше высочество думает, что падающие на нас бедствия суть указания гнева небес, то каким образом должны мы объяснить судьбу короля, вашего отца? Согласно такому допущении, неудовольствие небес должно было быть много сильнее против него, нежели против меня, ибо я потерял только мои глаза, а он лишился своей головы».

Третья жена Мильтона была Элизабет Миншель. Она была не слишком хорошо образована, но охотно писала для своего слепого мужа, и он диктовал ей свои последние великие произведения. «Возвращённый Рай» вышел в 1671 году. Мильтон умер 8 ноября 1674. он был похоронен в Лондоне. Спустя много лет в честь него был воздвигнут памятник в Вестминстерском аббатстве.

Творчество Мильтона — мост между поэзией Ренессанса и последующим классицизмом. Его влекла античная мифология и драма, т. к. они выражали свободную мысль. Хотя поэзия и драма были запрещены пуританами, ненавидевшими их как развлечение распутного королевского двора, Мильтон боролся на стороне пуритан во всём, что касалось религиозных и социальных проблем: только республиканское правительство, считал он, может дать основание свободы.

Для произведений Мильтона характерен **дуализм**: он избирал темы их Библии, но в его эпических поэмах эти темы приобрели революционный дух.

Поэмы Джона Мильтона

В первые годы реставрации Стюартов поэту грозила суровая расправа. Аристократия надругалась над останками Кромвеля, подвергла казни видных революционеров. Мильтон скрывался, но был найден и брошен в тюрьму. Только ходатайство его друзей из аристократии спасло его от казни, но зато его разорили непосильным штрафом. Он вёл уединённую жизнь; его бедствия усугубились слепотой. Но оставшиеся годы жизни одинокого слепого старика стали периодом напряжённого поэтического творчества. Как у Данте, его политическая деятельность послужила материалом для его поэзии, основная тема к-рой — величие пуританской революции.

Именно теперь Мильтон осуществил давний замысел, создал поэмы «Потерянный Рай» (1667) и «Возвращённый Рай» (1671), тесно связанные, но во многом и отличные друг от друга. Пользуясь библейским материалом, Мильтон создал поэмы, полные животрепещущего, актуального смысла.

Внешний сюжет «Потерянного Рая» — восстание Сатаны против Бога, жизнь Адама и Евы в Раю, их грехопадение. Используя Библию, поэт обобщал идеологическую форму английской революции, к-рая «только рядилась в библейские одежды» (Маркс). Целый ряд мест в «Потерянном Раю» подтверждает его политический характер, воспроизводит различные сцены исторической борьбы. Образы ангелов-воинов, военный совет в раю, по-

ражение Сатаны повторяют картины гражданской войны в Англии; отдельные персонажи поэмы символизируют борющиеся классы. Сатана и его воинство — республиканцы, Бог и его сторонники — роялисты. Бог, сидящий на престоле и окружённый ангельскими чинами, напоминает Карла I и его двор. В то же время он служит олицетворением чистоты, разума и свободы, т. е. идеала революции. Так же двойственно изображён и Сатана. Самый яркий и сильный персонаж поэмы, он больше всего удался Мильтону. Это мировой мятежник, его восстание пользуется симпатией Мильтона. Столь же близок ему и побеждённый Сатана; здесь Мильтон как бы переживает горечь поражения революции, это драма самого поэта и его соратников.

Но Сатана-искуситель, погубивший человечество, для Мильтона — враг, символ зла. Эта двойственность типов весьма показательна для Мильтона, поэта революции после её смерти. Типы Адама и Евы обрисованы с необычайно теплотой и лиричностью.

В «Потерянном Рае» поставлен и решён вопрос о праве человека на поступок нарушающий мораль, освящённую богословием. Мильтон говорит о закономерности такого восстания против самого Бога. Мятежный образ Сатаны, при всех противоречиях создавшего его поэта-христианина, титаничен и глубоко привлекателен, как и образы первых людей. Им уступают по художественности образы Бога и его сына. Противоречия, к-рыми богата поэма «Потерянный Рай», говорят о сложном духовном развитии Мильтона: гуманист, близкий к просветительским идеям, боролся в нём с «индепендентом», послушным религиозной доктрине.

Мильтон проводит в поэме идею единства души и тела, между человеком и животным «разница только в степени», ибо они — различные виды материи, к-рая есть источник всего сущего. Материя есть атрибут бога, чистого разума, мировой субстанции, обитающей во всём живом (пантеизм). В «Потерянном рае» Мильтон отрицает догмат Троицы: Христос — первое создание Бога. Последний сотворил мир путём эманации своего существа, он всё знает и предвидит, но мир развивается согласно законам матери-природы. Бог создал человека свободным. Но Мильтон противоречил сам себе, допуская всемогущество Бога.

«Возвращённый рай» значительно слабее, но во второй поэме звучат идеи борьбы против победившей Реставрации. Она рисует победу Христа над искусителем Сатаной. Христос основывает царство божие на земле. Но эта последняя революция есть не насилие и бунт, а просветление и убеждение. Зато в «Возвращённом рае» Мильтон ещё более отошёл от официального христианства. Христос для него — только великий человек (Greater Man). Сатана наделён чертами короля с его двуличием, вероломством и хитростью.

Творческий путь Мильтона завершён блестящей трагедией «Самсон-борец» (1671). Это образцовое героико-драматическое произведение, славящее неисчерпаемые силы народного сопротивления.

8 ноября 1674 года Мильтон умер в Лондоне, в возрасте неполных 66 лет, всеми забытый и в полном одиночестве.

Сложная творческая эволюция Мильтона шла от позднего Ренессанса к выработке самостоятельного стиля, в к-ром намечается общая классицистическая тенденция, наиболее ясно выраженная в «Самсоне-борце». Однако эта тенденция в поэмах Мильтона нередко осложнена и заслоняется бурной фантазией поэта, своеобразными принципами обобщения, в к-рых большую роль играют сложные образные структуры аллегорического характера. Опираясь на традиции елизаветинской поэзии, Мильтон создал новый поэтический миф, нашёл новые возможности эпического стиха.

Стиль Мильтона развивался, опираясь на элементы итальянского Возрождения (Петрарка Тассо) и английского (Спенсер, Бен-Джонсон) и дух Реформации с её культом Библии. Поэты Ренессанса научили его искусству намёка, аллегории, умению вызывать нужные настроения. Итальянская пастораль внушила Мильтону идиллические мотивы. В период создания больших поэм ренессансные элементы подчиняются преобладанию Библии.

Если Данте, следуя традициям средневекового католицизма, стремится придать потустороннему миру чувственную форму, упорядочить его по точно размеренному плану, то Мильтэн хочет выразить сверхчувственное, вызвать у читателя ощущение иного, таинственного мира. «Реалистическая» пластика Данте не подходила бы для этой цели. Впечатление таинственности сверхъестественного мира, несоизмеримости его с земным достигается тёмным иносказанием, неопределённым гиперболизмом. как способом изображения Невещественного, не знающего определённо очерченных форм. Так, Сатана подобен левиафану, которого мореплаватель принимает за остров. Ад Мильтона не настроен на плану, определённому точной градацией мук; он теряется в тумане, скрывающем всякие пределы.

Мильтону чужд «линейный» стиль Данте ещё и потому, что он изображает не ставшее, а становящееся. Его поэтическая мысль тяготеет к темам сотворения нового мира из хаоса. Представление о становлении дают метафоры, выражающие всю неопределённость и изменчивость его. Идиллия первых людей была бы немыслима без итальянской пасторали.

«Потерянный рай» — это религиозно-героическая поэма, в к-рой идиллия подчинена батальной живописи. Мильтон широко использует батальные картины Библии, но часто трактует её рассказ как намёк, подлежащий самостоятельному истолкованию. Мильтон и здесь остался «индепендентом», на свой страх и риск толкующим Слово Господне. Громаднее идеологическое содержание, втиснутое в тесные литературные рамки, одновременно и драматизирует поэму, и делает её дидактической. Широко использована ораторская патетика. Смелость образов Мильтона изумляет читателя до сих пор: таковы в описании Евы её чудесные светлые волосы, к-рые на концах завиваются, как усики хмеля; Сатана и Бог сражаются на небесах, используя артиллерию и т. д.

Великие произведения Мильтона были холодно встречены его современниками. Позднее даже Вольтер, первый переводчик «Потерянного рая», отозвался о них отрицательна. Но всё же всеобщее признание Мильтона наступило в XVIII веке, когда «Потерянный рай» послужил образцом для знаменитой «Мессиады» Клопштока. Поэма пользовалась большим успехом во время Французской революции; якобинцы восприняли в основном революцион-

ную сторону поэмы. Уильям Блейк восхищался Мильтоном и так объяснял его: «Причина, по которой Мильтон писал стеснённо, изображая Бога и ангелов, причина, по которой он писал свободно, изображая демонов и ад, это то, что он был настоящий поэт и был бессознательно на стороне дьявола». Но это уже романтическая трактовка Мильтона.

Влияние Мильтона сказалось на английском семейном романе, на творчестве Купера, Юнга, Крабба и поэтов «озёрной школы» (Вордсворт, Кольридж). Но ещё ярче проявилось она в богоборческих поэмах Байрона и Шелли, в образах Каина и Прометея. Вплоть де 30-х гадов прошлого века воздействие Мильтона можно проследить в развитии европейской поэзии.

(Компиляция с примесью Ромки Самарина).

Творчество Мильтона (по Джону Барджесу Вильсону)

Мильтон происходил из лондонской семьи с достатком и никогда не бывал вынужден зарабатывать себе на жизнь. Он располагал досугом, к-рого никогда не было у Шекспира, и сумел упорным учением собрать большие знания, чем любой из предшествующих писателей. Его отец был композитором, и сам поэт был наделён музыкальным слухом. Физическим предрасположением и по будущей своей физической потере он был предназначен быть скорее поэтом слуха, чем поэтом зрения (a poet of the ear than the eye). Как Гомер до него и Джеймс Джойс после него, Мильтон ослеп, и его величайшее произведение было написано уже после этого несчастия. Но уже в его ранних произведениях нас прежде всего поражает музыка языка — музыка, дотоле неслыханная, напоминающая глубокие и серьёзные тона инструмента, на к-ром играл сам Мильтон — **органа**. Изысканный слух Мильтона и абсолютное владение звуком проявились не только в его английских стихах, но и в его латинских и итальянских поэмах: Итальянские учёные были удивлены его мастерством во владении переплетающимися мелодиями их языка; латинские поэмы Мильтона могли бы быть написаны римлянином.

В самых ранних его произведениях мы встречаем отчётливо мильтоновскую личность — строгую, чистую, недоступную соблазнам вина и женщин, с полным контролем над своими знаниями и своим поэтическим медиумом. В 20 лет он пишет оду «On the Morning of Christ‘s Nativity», где не ограничивается прославлением новорождённого небесного дитяти, но стремится описать победу Христа — ещё находящегося в яслях — над ложными богами:

Peor and Baalim
Forsake their temples dim,
With that twice-batter’d god of Palestine;
And mooned Ashtaroth,
Heav’n’s queen and mother both,
Now sits not girt with tapers’ holy shine;
The Libyc Hammon shrinks his horn;
In vain the Tyrian maids their wounded Thammuz mourn.

Полное понимание всех этих референций потребовало бы длинных примечаний: учёность Мильтона, эрудиция здесь бросается в глаза. Но здесь ещё нечто такое, что Мильтон эксплуатировал на протяжении всей поэтической карьеры — прозрачная звуковая магия каталога странных имён. И он так же умел использовать трудной формы станцы, к-рую он избрал:

Th'old Dragon under ground,
In straiter limits bound,
Not half so far casts his usurped sway,
And, wrath to see his kingdom fail,
Swinges the scaly horror of his folded tail.

В последнем стихе образ и ритм сливаются: мы видим «чешуйчатый ужас», слышим его и почти ощущаем.

Эта поэма была написана, когда Мильтон ещё учился в Кембриджском университете, где его внешняя красота и роскошные волосы снискали ему прозвище «the lady of Christ's» (его колледж назывался «колледж Христа». Между 1632 и 1638 он живёт в сельском уединении, читает и сочиняет, создаёт такие вещи как «L'Allegro» и «Il Penseroso», в к-рых раскрывается его описательный талант и высоко индивидуальная музыка. Мы много узнаём и о темпераменте Мильтона. Он рисует себя ищущим радости в сельской жизни, созерцающим крестьян за работой, пьющим эль, слушающим старые истории, посещающим театр — но это радость принципиально одинокая: это одинокий человек, глядящий на жизнь извне.

«Il Penseroso» с его прославлением наслаждений одиночества и созерцания рисует подлинного Мильтона гораздо более адекватно:

But let my due feet never fail
To walk the studious cloister's pale,
And love the high embowed roof,
With antique pillars massy proof,
And storied windows richly dight,
Casting a dim religious light.
There let the pealing organ blow,
To the full-voic'd quire below,
In service high, and anthems clear,
As may with sweetness, through mine ear,
Dissolve me into ecstasies,
And bring all Heav'n before mine eyes.

Как сказал доктор Джонсон, в меланхолии Мильтона нет мирта, но множество меланхолий в его мирте. Мильтон был обречён жить одиноким человеком, самодостаточным, не находящим никакого удовольствия в весёлом мире вокруг него. К этому же периоду сельского

уединения относятся маска «Comus» и элегия «Lycidas». «Комус» был написан в честь назначения в 1624 году графа Бриджуотерского лордом-президентом Уэльса; это род сценического моралите для любительского исполнения, представляющий обычную для моралите тему триумфа добродетели над пороком: добродетельная лэди в плену колдуна, два её брата ищут её, на помощь им вмешивается добрый дух, всё кончается поражением волшебника Комуса. Маска полностью недраматична — здесь слишком много разговоров и рассуждений, слишком мало действия, но стих великолепно изобретателен, есть нес-ко прелестных песен, и опять мы находим много интересного о личности самого Мильтона. Комус рассказывает прекрасной поленнице о наслаждениях чувств, а лэди рассказывает ему и прославляет строгую добродетель: лэди — это переодетый Мильтон, соблазны же Комуса — это искушения, к-рые он же, прирождённый поэт, должен был часто испытывать; финальная победа — это победа собственного темперамента Мильтона, одинокого и чистого. Вопреки всем красотам этой маски, есть в ней холодность — холод темперамента, рождённого для удаления от радостей мира. «Люсидас» — одно из удивительных литературных свершений в мире — это поэма о смерти Эдварда Кинга, младшего товарища Мильтона: поэт его, кажется, не слишком-то знал, но безвременную кончину его он был приглашён вместе с другими поэтами оплакать. Здесь посреди ламентаций проскальзывают предчувствия близких политических и религиозных битв. Святой Пётр призван поэтом, чтобы присоединить свой голос к мифологическому трауру, и в то же время — для сравнения многообещавшего, чистого, юного Люсидаса с алчными пастырями развращённой английской церкви.

> What recks it them? What need they? They are sped;
> And when they list their lean and flashy songs
> Grate on their scrannel pipes of wretched straw,
> The hungry sheep look up, and are not fed,
> But, swoll'n with wind and the rank mist they draw,
> Rot inwardly, and foul contagion spread;
> Besides what the grim wolf with privy paw
> Daily devours apace, and nothing said,
> But that two-handed engine at the door
> Stands ready to smite once, and smite no more.

Это — пророчество и предупреждение: церковь развращена, Волк Католицизма бродит вокруг, двойное орудие (политическое и религиозное) новых людей готово нанести удар: **война наступает**.

В конце покойного сельского периода Мильтон начал чувствовать, что он предназначен для какого-то большого труда; он сознавал в себе качества большого эпического поэта и размышляя над различными темами для работы, к-рые были бы сравнимы с «Илиадой» Гомера или «Энеидой» Вергилия — в том числе над мифом, к-рый никогда не переставал очаровывать английских писателей, — над мифом о короле Артуре. Но Мильтон ещё не был

готов к такому величественному предприятию. Он должен был опять учиться, наблюдать мир: поэтому он провел 16 месяцев в Италии. Тем временем в Англии началась великая борьба, и Мильтон вернулся, чтобы посвятить свой гений не поэзии, а делу пуритан.

Целых 20 лет он пишет лишь сонеты да политические и религиозные книги, эпос должен подождать. Но и сонеты, хотя не имея большого значения, показывали, что можно сделать со средством, к-рое традиционно годилось лишь для выражения условных любовных чувств. По словам Вотсворда, Мильтон превратил сонет в трубу (игра слов, основанная на двойном значении слова «сонет» — стихотворная форма и «звонок»; Milton turned the sonnets into a trumet). Никогда поэзии не слыхала столь красноречивого негодования, как в том сонете, где Мильтон обрушился на убийц вельденсов в Пьемонте. Мильтон использовал обычную итальянскую или петраркианскую форму сонета (абба абба вгвгвг), причём в этом сонете все 8 первых строк и 3 строки из коды содержат звук «о», что придаёт сонету заунывно-торжественное звучание панихидного колокольного звона.

Во время Английской революции, когда новое устройство страны вызывало резкую и злобно-пристрастную критику на континенте, поэт почти полностью отдался прозаической пропаганде. Он отстаивал режим революции в двух латинских трудах: в «Защите британского народа» и «Второй защите»; на сочинение «Eikon Bisilike» («Королевский образ»), пытавшееся возвести Карла 1 в ранг мученика, он ответил «Eikonoklaster» («Иконоборец»). Он готов был атаковать своё собственное правительство, когда оно, как он считал, ограничивало свободу мысли, и его «Areopagitica» есть красноречивая защита свободной прессы, яростное нападение на цензуру. Но теологические вопросы тоже волновали его, а неудачный первый брак породил его работы о разводе, в к-рых он цитирует Библию как авторитет в пользу упразднения существующих законов о браке. Здесь мы видим эгоцентрического Мильтона, гордого и сосредоточенного на себе человека, вокруг к-рого вращается вся вселенная. Что угодно Мильтону, должно быть угодно богу тоже; если брак Мильтона неудачен, законы о браке должны быть изменены; если Мильтон презирает женщин, значит женщина сущностно презренна. По Мильтону, Мильтон никогда не бывает не прав.

Он смог вернуться к постоянным занятиям поэзией только в 1660, когда была восстановлена монархия и кончились общественные труды и страсти Мильтона. В 1652 он лишился зрения (факт, о к-ром он стоически вспоминает в своём самом знаменитом сонете), и с этого момента мир стал для него туманным миром вспоминаемых образов, звуков, но не цвета: это высоко личный самососредоточенный мир (a highly personal self-centered world), мир «Потерянного Рая». Эта великая эпическая поэма описывает величайшие события, известные народам иудейско-христианской культуры: Падение Сатаны и последовавшее Падение Человека. Безокое восприятие Мильтона делает его способным живописать смутные пространства Ада много выразительнее, чем это сделал зрячий Данте, но оно не делает реальный мир — представленный в Саде Эдема — нереальным и искусственным; го деревья, цветы и животные видятся через посредство книг и памяти, не актуально, как на взгляд остроглазого Шекспира. Мильтон-герой поэмы: сознательно в кудрявом Адаме, на к-рого

женщина, меньшее создание, покорно взирает снизу вверх; бессознательно — в великолепном Сатане, бесстрашном мятежнике, низвергнутом с благоустроенного лучезарного неба, которое на самом деле есть новая Англия Карла II. Сатана всплывает как подлинный герой «Потерянного Рая», как проницательно сказал Блейк, «Milton was of the devil's party without knowing it». Для этой поэмы Мильтон создал новый вид языка и новый вид белого стиха: тот и другой весьма искусственные, тот и другой чрезвычайно далёкие от повседневной английской речи. Это, конечно, было необходимо для его предмета, далеко превышавшего будничный мир человеческих страстей и поступков, но это способствовало замедлению развития английской поэзии как **естественного** средства выражения, стимулировало способ высказывания, при к-ром ритм, конструкции и даже словарь ориентированы более на латынь, чем на англо-саксонский английский язык. Сентенции Мильтона длинны, как латинские сентенции; он инвертирует порядок слов, как латинский автор; он должен говорить об «elepants endorset with towers» вместо «elepants with towers on their backs»; эти же самые слоны должны «Wheathe their lithe probosces», а не их хоботы. В то же время блистательного великолепия этого в высшей степени индивидуального и искусственного стиля.

«Потерянный рай» — религиозный эпос на сюжет, являющийся общей теологической собственностью мусульман, евреев и христиан. «Возвращённый Рай», поэма меньшего размера, изображает искушение Христа в пустыне, его сопротивление сатанинскому искушению, уравновешивающее уступку Евы тому же искушению в «Потерянном Рае». Смысл второй поэмы — чисто христианский; она уступает первой по технике и по изобразительности.

Великое финальное свершение Мильтона — трагедия «Samson Agonistes», где героем снова является сам автор. Пьеса следует классической греческой процедуре с хором, вестником, сообщениями, предшествующими прямому действию, и длинными монологами. Мы видим ослеплённого Самсона-Мильтона, преданного Далилой (первая жена Мильтона происходила из лагеря филистимлян — роялистов), работающего «на мельнице с рабами»; униженный гигант приведён напоказ на праздник филистимлян. Он скорбит о своём падении и своей слепоте («O dark dark dark amid the blaze of noon»); речь его напоминает о былом величии; его унижению радуются его враги, но в конце он одерживает победу. Он сотрясает и разрушает храм филистимлян, обрушивает его на головы врагов, сам погибает с ними в развалинах, и остаётся лишь хор, чтобы сделать спокойное заключение: здесь не о чем скорбеть, Самсон вел себя как подобает Самсону.

Великолепный эпилог карьеры поэта! Даже в эти последние дни Мильтон по-прежнему экспериментирует со стихом и языком, изобретая новые тона и ритмы (даже новые слова, как, напр., «eye-witness»). В новой и циничной Англии, просторной и развращённой Англии Карла II, «Самсон-борец» высится как монумент веку, с чьими литературными славами, моральными устремлениями и наивно-героическим духом никогда уже не смогут сравниться наступающие столетия.

Фрагменты из Мильтона

<В этой главе Назиров приводит свои выписки из «Потерянного и возвращенного рая» в прозаическом переводе П. Каншина, СПб, издательство Губинского, 1891, сделанные в 1953 году. Выписки приведены к современной орфографии>

...

Представляя Адама и Еву до грехопадения безгрешными возлюбленными, которые без стыда и без порочного любострастия предаются супружеской любви, Мильтон проявил величайшую дерзость и самостоятельность мысли: надо полагать, его друзья-пуритане были изрядно шокированы этими наслаждениями прародителей до грехопадения. Мильтон в этих действительно поэтических картинках является преемником Возрождения. **Ренессансный культ плоти** среди пуританской революции — это ли не чудо?

Скептический отзыв о Мильтоне и его поэме

В романе «Кандид» есть такой пассаж:

«Кандид, заметив Мильтона, спросил хозяина, не считает ли он этого автора великим человеком. — Мильтона? — переспросил Пококуранте. — Этого варвара, который в десяти книгах тяжеловесных стихов пишет длинный комментарий к Первой Книге Бытия; этого грубого подражателя грекам, который искажает рассказ о сотворении мира? Если Моисей говорит о Предвечном Существе, создавшем мир единым словом, то Мильтон заставляет Мессию брать большой циркуль из небесного шкафа и чертить план своего творения! Чтобы я стал почитать того, кто изуродовал ад и дьяволов Тассо, кто изображал Люцифера то жабою, то пигмеем и заставлял его по сто раз повторять те же речи и спорить о богословии, кто, всерьёз подражая шуткам Ариосто об изобретении огнестрельного оружия, вынуждал демонов стрелять из пушек в небо? Ни мне, да и никому другому в Италии не могут нравиться эти жалкие нелепицы. Брак Греха со Смертью и те ехидны, которыми Грех разрешается, вызывают тошноту у всякого человека с тонким вкусом, а длиннейшее описание больницы годится только для гробовщика. Эта поэма, мрачная, дикая и омерзительная, при самом своём появлении в свет была встречена презрением; я отношусь к ней сейчас так же, как некогда отнеслись в её отечестве современники. Впрочем, я говорю, что думаю, и очень мало озабочен тем, чтобы другие думали так же, как я.

Кандид был опечален этими речами: он чтил Гомера, но немножко любил и Мильтона».

(Из 25-й главы романа «Кандид»).

Интересно, что думал о «Потерянном рае» сам лукавый автор «Кандида»?

Превращения сюжетов*

Р. Г. Назиров

Превращения сюжетов. Очерки по истории культуры. План-проспект[a]

Книга с частичным использованием моих статей по фольклору и этнографии, опубликованных и неопубликованных, а также литературоведческих штудий, но также с использованием широко известных разработок, только со своими обобщениями.

Давать богатый исторический фон.

Не забывать о юморе.

Превращения сюжетов

Очерки по истории культуры.

план-проспект

1. Принцип *историко-хронологический*: отправные точки в истории народов являются исходными. Итак, 4 раздела:

1. Доисторические сюжеты.
2. Сюжеты, возникшие в античную эпоху.
3. Средневековые сюжеты.
4. Сюжеты новых времён.

Постараться, чтобы каждый сюжет имел выход в современность.

2. Принцип единства культуры: сюжеты фольклорно-мифологические и сюжеты литературные образуются одинаковыми способами. Это селекция фактов, переход содержания в форму, идеализация, слияние мотивов, скрещение сюжетов, историко-культурная трансформация, парафраза, нанизывание (секвенция) и т.д. В фольклоре, в эпосе, в легенде, романе — одни и те же способы порождения сюжетов.

*Р. Г. Назиров планировал собрать свои отдельно выходившие статьи по истории сюжетов в книгу и несколько раз набрасывал её план. Редактор книги «О мифологии и литературе, или Преодоление смерти» Р. Х. Якубова ошибочно считала, что выбранным автором названием для этой обобщающей монографии должно быть «Преодоление смерти», однако архивные материалы свидетельствуют, что настоящим титулом должно быть «Превращения сюжетов». Сергей С. Шаулов реконструировал текст книги, который мы помещаем ниже. Подробнее о реконструкции замысла Назирова см. в Шаулов С. С. О возможности и необходимости реконструкции замысла Р. Г. Назирова «Превращения сюжетов» // Культурные коды русской литературы: материалы Всероссийской (с международным участием) очно-заочной научно-практической конференции, посвященной 60-летию филологического факультета Башкирского государственного университета (г. Уфа, 15 декабря 2017 г.). Уфа, 2017. С. 308 – 313.

[a]Публикуется по архивной рукописи. АРГН. Оп. 2, д. № 37.

3. Принцип творческой специфичности. Почему интересные книги Романа Белоусова не относятся к литературоведению? Потому что они не изучают *литературность* сюжета, то есть его отличие от исходного факта, обусловленное художественной спецификой. Нам важны не столько прототипы и факты, давшие начало сюжетам, сколько направленность и характер их творческой переработки, *введение их в культурную систему*, подчинение материала системным закономерностям.

При переработке моих статей превратить детективное рассказывание a la Frazer *в прямое изложение*, от причин к следствиям. Но делать это постепенно, менять в ходе книги.

Сюжеты доисторического происхождения

Введение в I часть: верхний палеолит. Охотники. Инициации.

1. Запрет оглядываться (из охотничьих табу). — до «Вия».

1. Возрождение из костей![b]

2. Запертое горе (обман бога). — Из шаманизма. — до Лесажа!

3. Героический вор (Прометей, кельтский вор копья и чаши, трикстеры).

4. Сказочные талисманы невидимости. — Из культа предков. До Уэллса.

5. Причудливая генеалогия Золушки: а) туфелька Родопис, мотив розыска невесты по башмачку (из обычая розыска невесты на свадьбе, перед пиром); б) мотив гонимой падчерицы (сначала *мать* преследовала свою родную дочь, из ревности — Inzest); в) мотив помощного животного, духа, феи карабоссы, духа матери; г) ошибка переводчика (хрустальный башмачок) и роль случайности в сюжетосложении. «Сорочинская ярмарка» — «Алые паруса».

6. Череп на шесте. Начать с доместикации кобылиц.

Кончить «Гиперболоидом».[c]

Введение во II часть. ~~Неолитическая революция~~. Аграрные культы, аграрная магия, идея смерти-воскрешения. *Птица Феникс, Осирис, Дионис, Христос.* Христианство как религия землепашцев, пастухов, рыбаков. Демократизм раннего христианства.

1. Ещё одна ошибка Геродота (брак с морем).

2. Хрустальный гроб. (Погребальные обряды). До Пушкина.

3. Культ кошки у египтян и съедение злодея мышами. Понель, епископ Гатон etc.

4. Мышиный бог («златокудрый Аполлон»). — Его переход в крысолова из Гаммельна. Начало же — в спасении крепости от ассирийцев. Чудо, производимое мышами. Идея овладения стихийным злом.

5. Дитя в корзине и приметы избранников.

6. Соблазнитель в роли судьи. (Сначала Виргиния с её потомством, затем Светоний, Гюго, П. Борель, Хоторн, Л. Толстой).

III часть. Введение. Средние века, варварское право.

[b] Эта строка вписана в основной текст позже.

[c] Вписано позже.

Всё переписать![d]

1. ~~Окровавленная рубашка.~~

~~Перечитать Мериме!~~[e]

Стоит ли?

Юдифь и Кримхильда.[f]

2. Добывание волшебного меча.

3. Генезис «Нибелунгов». Зерно сюжета — магический сон наказанной валькирии. Это выпало из эпоса *совсем*. Зато осталось в сказках типа «Спящая красавица». Русская сказка «Усоньша-богатырша». Только *спящую* амазонку можно любить.

Будил-то он её *не поцелуем*.

Превращение валькирии в жену героя — это продолжение её наказания, нисхождение богини к людям.

Ядро эпопеи — убийство Зигфрида.[g]

4. Миф о спящем вожде-избавителе (Nero redivivus, Артур, Карл Великий, Барбаросса, Наполеон, реактивация его мифа в «сто дней», наполеоновская легенда, Цедлиц, Жуковский, Лермонтов, Наполеон III и осмеяние мифа, пророчество Кафки и Гитлер).[h]

5. Нарисованная лодка (магия изображения, дополнить китайскими мифами).

6. Тайная жизнь статуи.

Может быть, ввести сюда «Череп-чаша»? Или «Вырезка земли»?[i]

IV. Сюжеты новых времён.

1. Карлик-мститель. Немецкий фольклор, «Нибелунги», одна из сказок братьев Гримм.

Карлики в Средние века были шутами. Месть шута за своё унижение. Бахтин о функции шута. Мстительный шут.

Трибуле у Рабле и Трибуле у Гюго («Le Roi s‘amuse»).

Исторический случай: *Bal des ardents*.

Рассказ Э. По «Лягушонок» — скрещение сюжета о мстительной карлике-шуте с приключением французского короля Карла Безумного.

2. Сюжет как компромисс. Лукиан — Агриппа: Метла в ученике чародея!

Греки мечтали о механическом слуге. Гефест. *Миф о Талосе*.

Библия: «Не сотвори себе кумира».

Почему Фома разбил андроида? Потому что пришёл в ужас от кощунства.

Средневековая легенда о Големе берёт идею андроида, но не механического (искусное произведение рук человеческих, тонкая механика), а магического: вылепленного из глины по примеру Божия творения и оживлённого магическим словом, начертанным на лбу. Компромиссное решение.

---

[d] Вписано позже.
[e] Вписано позже.
[f] Вписано позже.
[g] Вписано позже.
[h] Весь абзац представляет собой позднейшую вставку.
[i] Эта строка — позднейшая помета на левом поле.

Арним: «Изабелла Египетская». Мисс Шелли: «Франкенштейн».

Чапек: «Бунт роботов». Мейринк: «Голем».

Випер: «God and Golem»

Страх перед взбесившейся техникой.

Его рациональное зерно: опасность выхода техники из-под контроля человечества.! Человек-придаток машины может стать придатком атомной бомбы, как полковник Тиббетс.[j]

3. Сюжет о притворной смерти.

«Зимняя сказка» Шекспира. Её истоки!

Уродливая пародия на неё — граф Монте-Кристо.

Вернувшись под новым обличьем, он ведёт себя с друзьями как дух-покровитель, с врагами — как дух-мститель. Дюма подчёркивает его мертвенную бледность и сходство с вампиром.

Дюма — льстец и клеветник.

Он льстит русском крезу Демидову, придавая некоторые его черты, вплоть до итальянского титула, своему Эдмону Дантесу, и клевещет на барона Фавье, делая его Фернаном Мондего.

4. Невозможная любовь Дикаря. Вплоть до Олдоса Хаксли.

5. Жизнь как сон. Китайские мифы, индийская легенда о Раване, Кальдерон, Вольтер, Грильпарцер.

Каспар Хаузер. Мелодрама.

Роман Достоевского «Идиот».

Уэллс: «Когда спящий проснётся».

Пока 2 ~~3~~ 4 сюжета.

Хорошо бы 24! Но есть![k]

Всё начать с «Возрождения из костей».

Закончить теоретическим обобщением.

Вставить Миф о спящем вожде-избавителе («Он вернётся!»).

Наполеон, 100 дней, см. мою Летопись XIX века. В исторических событиях людям больше всего нравится *реализация старых мифов*. Вот причина успеха Наполеона в 1815, Наполеона III в 1849 – 1851, *Гитлера в 1933 году*.

Пародия за «Зимнюю сказку» — это не «Граф Монте-Кристо», а «Накануне»[1] Тургенева. Образцом послужил «Граф Нулин» — пародия на римскую Лукрецию и Шекспира, использование старой схемы с иными оценочными знаками и другим финалом. Так и у Тургенева: жена Лаврецкого притворилась мёртвой из корыстных соображений, из тех же соображений и вернулась. И он принял её с ужасом и отчаянием, а не с радостью. А дальше она продолжала «гулять»...

[j] Эта строка — помета на полях.

[k] Вписано позднее.

[1] Так у Назирова, хотя дальше речь идет об «Отцах и детях».

Монте-Кристо — это фальшивый вампир. Надо заглянуть в «Вампира» Полидори. Использование пытки голодом за деньги (ср. Александра VI Борджа и кардинала-пленника; жемчужина).

Не забыть искажённого аббата Фариа!

«Фальшивый вампир» на 4-е место в последнем разделе, а любовь Дикаря будет 5-й, а «Жизнь как сон» — 6-й.

Средние века начать с мифа о Деве Марии. Культ Богоматери (античность их знала, например, Исиду) соединился с культом девственности, который стал на Востоке очень строгим. Возник парадокс: Дева — Мать. Непорочное зачатие — это особый вариант чудесного зачатия (от Святого Духа). Католицизм испортил уникальность образа, приняв догмат о непорочном зачатии и самой Марии её матерью.

Реактивацией этого мифа была Жанна, спасительница Франции. Достойным завершением стала канонизация Жанны.

Сюжеты??? Героические девушки в литературе многочисленны, но какой образ выдержит сравнение с Девой Марией и Жанной?

Средние века пока подготовлены плохо. Может, вставить в них *оживающие изображения* (начать с античных статуй, которые поднимали руки и благословляли...) Дон-Жуан, Каменный гость, Медный всадник, Портрет Дориана Грея.! Тайная жизнь статуй. Флорентийский Марс, которого сбросили в Арно. «Кольцо» Мура. «Венера Ильская» Мериме. «Мельмот» (живой портрет). «Портрет» Гоголя. «Портрет Дориана Грея». У По есть рассказ, где жизнь прекрасной женщины по мере её позирования переходит в портрет. Стихотворение Мережковкого «Сакья-Муни».[m]

Истоки «Зимней сказки». Непосредственно — из рассказа Грина «The Historie of Dorastus and Fawnia», который первоначально (в 1588) появился под заглавием «Pandosto: The Triumph of Time». Рассказ Грина популярен в XVI веке. Но у него оклеветанная Беллария действительно умирает; у Шекспира Гермиона остаётся живой.

Доктор Каро полагает, что у Шекспира был 2-й источник: польское сказание о трагической судьбе 2-й жены князя Мазовии Земовита, казнённой мужем по оговору. Её же сын вырос и оказался точной копией Земовита, который раскаялся и сделал его архиепископом.

А терпеливая Гризельда? А Женевьева Брабантская?

Ну, а оклеветанная Геро «Много шуму из ничего»? Ситуация уже была у Шекспира!

Сон как выражение отчаяния

Лермонтов: «Выхожу один я на дорогу...» — Печорин заснул сном Наполеона после Ватерлоо.

Обломов в отчаянии шепнул: «Всё засыпал!» — и заснул. — Подобие смерти, временное выключение из жизни. «Бегство мистера Мак-Кинли» Леонова.

[m] Абзац вписан на полях слева.

Сюжеты доисторического происхождения[a]

Введение

Целью настоящей работы является попытка проследить на примерах эволюцию сюжетосложения на протяжении больших эпох человеческой культуры, начиная с палеолита и кончая новыми временами. При этом сюжеты (фольклорно-мифологические, эпические, литературные) я буду рассматривать широко — как порождения культуры в целом.

Этим обусловлено введение суммарных историко-культурных характеристик отдельных эпох и исторических периодов.

Материал распределяется по сюжетам, которые прослеживаются от их зарождения до позднего состояния. При этом очерёдность сюжетов подчиняется времени их зарождения. Иными словами, в основу плана положен исторический подход.

I. Сюжеты доисторического происхождения.

Какие бы культурные революции не совершались, величайшей эпохой в истории нашей человеческой культуры всегда останется древнекаменный век — палеолит.

За время палеолита человечество перешло от первобытного стада к первобытно-общинному строю: видимо, это была матриархально-родовая община. В целом палеолит характеризуется потребляющим хозяйством (собирательство, охота, рыбная ловля). Обычно считается, что 400 тысяч лет назад началось применение огня. Совершенствование методов охоты (применение копья) произошло 300 тысяч лет назад. От грубых рубил человек перешёл к разнообразным колющим и режущим орудиям, сначала только из камня, а затем также из кости и рога. Наступление Великого Ледника заставило изобрести одежду, следствием чего явилось зарождение чувства полового стыда.

> ... зарождение *полового стыда* — сильнейший фактор в становлении морали. *Homo faber* становится и «Человеком стыдящимся» (*Homo pudens*).[1b]

Наскальная (пещерная) живопись и рисунок появились 100.000 лет назад, а «палеолитические Венеры» — в эпоху верхнего палеолита (ориньякская культура).

Приблизительно 40 тысяч лет назад великая неандертальская раса, которая научилась добывать огонь, а не только использовать природный, была вытеснена человеком

[a] Публикуется по рукописи. АРГН. Оп. 2, д. 45Д.

[1] Уже древние греки возвысили стыд в ранг божества (Айдос у Гесиода). Платон в диалоге «Протагор» создаёт миф о том, что «чувство стыда и закона» даровал человечеству сам Зевс. Из позднейших мыслителей Ф. Ницше считал стыд чертой, неразрывно связанной с понятием человечности. Этическую роль чувства стыда высоко оценивал В. Соловьёв. Напротив, З. Фрейд, рассматривая связь между стыдом и сексом, предполагал возможность возникновения стыда в результате некоего тайного «заговора жрецов». Несомненное падение роли стыда в XX веке — один из признаков обезличивания людей современной буржуазной цивилизации; недостаток стыда — это ущербность личности (её недоразвитость, инфантильность, нарциссизм или худшие перверсии).

[b] Из рукописной редакции. АРГН. Оп. 3, д. 70, л. 0576. В этом же архивном деле на одной из заметок с подготовительными материалами к этому фрагменту упоминается эссе М. Шелера «Стыд и стыдливость» (л. 0569).

современного типа, которого обобщённо называют кроманьонцем. Не исключено, что в течение каких-то незначительных тысяч лет неандертальцы и кроманьонцы *сосуществовали*. Сегодняшняя антропология считает, что признаки неандертальской расы отчасти сохраняются среди некоторых народов нашего времени.

В верхнем палеолите у людей нашего физического типа развивается членораздельная звуковая речь, которая служит средством выражения логического понятийного мышления. Кроме того, средства общения реализуются в рисунке и жесте, которые в большинстве случаев являются элементами обрядового комплекса.

В верхнем палеолите появляются первобытнообщинные поселения с наземными жилищами.

Неандертальцы были каннибалами. Большинство учёных признаёт универсальность первобытного каннибализма, считая его «непременным условием становления человека» (Станислав Лем). В неандертальском стаде уже сложились *пищевой и эротический коды*, произошёл *запрет инцеста* — краеугольный камень всей будущей системы брачных отношений; затем оформились более развитые эндогамические предписания (запрет браков внутри племени). Видимо, пищевые запреты и эндогамические предписания возникли в одно и то же время.

Палеолитические охотники осмысляли природу в терминах *брака и родства*. Животные, от охоты на которых зависело благополучие племени, мыслились как предки и родственники людей; каждый род имел своего тотемного предка — животное-покровителя (*тотем*). Это животное обеспечивает «свой» род людей пищей, и охота на него табуируется. Однако раз в году, в определённый праздник, тотемное животное торжественно убивали, устраивали в честь его праздничные обряды (пляски) и со всяческими извинениями церемониально поедали.

> Первые «палеолитические Венеры», то есть статуэтки женщин-родительниц, датируются ориньякской культурой верхнего палеолита; они отличаются гиперболизацией секса и резко подчёркивают идею плодородия.
>
> Коль скоро животные мыслятся подателями жизни, а женщина есть продолжение рода, естественно возникает их сочетание в мифологеме *тотемного брака*: возникает представление о происхождении людей от браков животных с *одинокой* праматерью. Палеолитические охотники осмысляли природу в терминах *брака и родства*.[c]

Тотемизм, столь неточно именуемый «религией» охотничьей эры, был сложной системой мифических представлений, верований и обрядов, обнимавшей все стороны первобытной жизни людей. Сюда входили мифы о жизни и превращениях тотемных предков и система обрядов, в центре которой стоял обряд *интичиумы* с тотемным пиром — ритуальным поеданием тотемного зверя. Тотемизм — это уже культура.

[c] Из рукописной редакции. АРГН. Оп. 3, д. 70, л. 0577.

А. Ф. Анисимов высказал обоснованное предположение, что центральный тотемический обряд интичиумы ведёт своё происхождение от магического обряда *умножение пищи*, который впоследствии был переосмыслен с позиций родового мышления. Обряды были истоками мифов[d]. Тотемизм можно считать первой формой мифологического сознания, источником которой послужили магические верования.

> Древнейшие рассказы о природе расширительно называются «мифами», хотя на самом деле они заключали богатейший материал охотничьего опыта в фантастически-причудливой, а потому легко запоминающейся форме: эти рассказы, описывая жизнь и превращения тотемных предков, фактически знакомили слушателей с повадками различных животных и основами «экологической морали» (осторожности и почтения к среде).
>
> <. . . > Магические обряды давали мифическим представлениям форму и в этом смысле являются истоками и сказок, и мифов. Сказка с её принципом «исполнения желаний» служила для ободрения людей и *тренировки желаний*, то есть противоборствовавла животной тупости, пассивности, самоудовлетворённости и лени. Миф служил познавательно-объяснительным целям.
>
> Тотемизм можно считать первой формой широко понимаемого мифологического сознания, источником которого послужили магические верования; соответственно этому первой формой повествования были *заклинания* в целях удачной охоты. Вплоть до XX века у башкир сказки о животных рассказывались вечером накануне охоты: это реликт архаических заклинаний. Заклинательная сказка старше *собственно мифа*.[e]

В систему тотемизма входили и *обряды инициаций*, которые возникли в позднем палеолите и ритуально оформляли посвящение юношей-подростков в охотники. Этот переход из мира детства в мир взрослых понимался как смерть и воскресение индивида, причём «новый» человек получал и новое имя. Сущность инициаций — прохождение тяжёлых физических испытаний, которые имитировали трудные ситуации, возможные в жизни, и включали длительное воздержание от пищи, бодрствование, сечение, соскабливание кожи, вырывание зубов, обрезание, кровопускание укусы ядовитых, муравьёв, душение дымом, испытание огнём (юношей заталкивали в костёр до появления волдырей на теле) и многое другое.[f]

Только тот, кто прошёл инициации, считался «правомочным» брачным партнёром.

---

[d] См. Анисимов А. Ф. Об исторических истоках и социальной основе тотемических верований. — «Вопросы истории религии и атеизма», вып. 8, М., 1960.

[e] Из рукописной редакции. АРГН. Оп. 3, д. 70, л. 0577 – 0578.

[f] Непосредственно в тетрадной рукописи сноска не заполнена, однако в тетрадь вложен листок со следующей выпиской: «Л. Леви-Брюль. Первобытное мышление. М., 1930: «Испытания являются долгими и мучительными, а порой доходят до настоящих пыток. Тут мы встречаем и лишение сна, пищи, бичевание и сечение палками, удары дубиной по голове, выщипывание волос, соскабливание кожи, вырывание зубов, обрезание, подрезание, кровопускание, укусы ядовитых муравьёв, душение дымом, подвешивание при помощи крючков, вонзаемых в тело, испытание огнём и т. д.» (с. 238 – 239)».

Зигмунд Фрейд утверждает: «Первые, но наиболее глубоко живущие (??) нравственные ограничения — запрещение убийства и кровосмешения — возникают на почве тотемизма» («Будущее одной иллюзии»).

Древнейшими мистическими обрядами А. Ф. Анисимов считает овладение добычей и умножение пищи; охотничья магия возникла как продолжение трудовых действий людей.

В обряде овладения добычей главная особенность — имитация охоты; в обряде умножения пищи — имитация брака и размножения; в обряде посвящения — имитация смерти и воскресения посвящаемого. Вся магическая обрядность имела прямое практическое значение, и в этом смысле магия была скорее первобытной «техникой», чем религией.

Из магии выросло и древнейшее искусство, соединявшее в себе две функции: 1) *мнемоническую* (передача и хранение информации) и 2) *заклинательную* (магическое воздействие на природу, в особенности на животных). Содержание живописи верхнего палеолита и многочисленных скульптур из камня и кости — это звери, объекты охоты, и женщины-прародительницы, олицетворявшие продолжение рода.

> Содержание танца — это рассказ о животных и об охоте, причём танцор одновременно мимировал и зверя, и охотника. Миф о тотемном браке расчленялся на сюжеты о превращениях тотемного предка, о его союзе с первой женщиной («чудесный супруг»), о рождении необычайных детей, внешность и сила которых бестиальны, а поведение и подвиги человечны.[g]

Эти пышногрудые «палеолитические Венеры» свидетельствовали о развитии культа плодородия, постепенно вырастающего и заменяющего тотемизм.

При этом следует отметить, что никакие пройденные стадии культуры не исчезают полностью. С одной стороны, тема плодородия выступает в изображениях беременных матерей и в наскальной гравировке вульварных знаков ещё в пору тотемизма; с другой стороны, гораздо позже, уже в эпоху развитого культа плодородия, сохраняются бесчисленные тотемические пережитки (по сути дела, они существуют по сей день).

Поскольку освоение огня началось с его «собирательства», а натуральный огонь (лесные палы) обычно возникает от молний, постольку огонь мыслился *сыном неба*. По мнению академика Рыбакова, миф о Прометее, в конечном счёте, восходит к палеолиту, когда человек впервые познал небесный огонь молний.[h] Русское ритуальное имя огня — Сварожич (то есть сын Сварога, неба) — тоже семантически восходит к палеолиту.[1]

В эпоху становления матриархата культ огня ещё не выходил за рамки тотемизма. Хранительницей огня была женщина-мать, которой помогала младшая дочь, свободная от более тяжёлой работы. Из охраны домашнего очага в дальнейшем выросло женское шаманство, которое было древнее мужского и в реликтовых формах пережило матриархат: жрицами

[g] Из рукописной редакции. АРГН. Оп. 3, д. 70, л. 0579.

[h] В рукописной редакции добавление: «. . . познал небесный огонь, но ещё не умел его добывать, вследствие чего порою возникала необходимость кражи огня у других племён». Из рукописной редакции. АРГН. Оп. 3, д. 70, л. 0579.

[1] сноска не заполнена — С. Ш.

государственного очага в Риме будут девственные весталки, окружённые величайшим почётом. Почему так строго будет блюстись их девственность? Потому что их муж — огонь.

Древнейший обряд женского шаманства — это ритуальное заголение перед огнём. В палеолите шаманки имитировали над небольшим огнём половой акт: «вступали в брак» с огнём, как в других случаях имитировали брак с тотемным животным.

> Когда начало возникать мужское шаманство, то первоначально мужчины становились шаманами только при условии охотничьей неполноценности: врождённого евнухоидизма, «шаманской болезни» (эпилепсии) и других аномалий, которые *сближали из с женщинами*. Вплоть до XX века в Сибири, классической стране шаманства, в тех случаях, если под рукой у шамана не оказывалось его специальной одежды, то он мог производить камлание *просто в женской одежде*; ср. сибирский же обычай обрядового украшения лошадей *оленьими рогами*, отражающий более позднюю доместикацию лошади и её меньшую ценность в ритуале.[i]

Огонь мог выступать как *тотемный предок*. У нивхов до недавнего времени сохранялся обряд «кормления огня»: ему давали человеческую пищу. Нивхи считали себя «*детьми огня*»[1]

> Пережиток ритуального заголения перед очагом сохранялся, например, в России вплоть до XIX века, хотя и в переосмысленном виде (при выпечке хлеба).

Верхний палеолит стал временем достаточно уже определившихся форм погребальной обрядности, мифологии и ритуалов. К их числу академик А. П. Окладников относит «миф и обряды, в основе которых лежал древнейший культ плодородия и женских существ — владычиц стихий и домашнего очага».[2]

> Культ плодородия уже обладал существенными чертами примитивной религии.[j]

Обряды, мифы и культы палеолита дали начало огромной массе поверий, обычаев и сюжетов большой длительности. Как показано в трудах В. Я. Проппа, обряды инициаций лежат в основе сюжетов волшебных сказок и предопределяют саму сказочную структуру.

Высоко оценивая достижения В. Я. Проппа, мы в то же время не признаём «монополии» посвятительных обрядов в становлении и развитии фольклорно-мифологических сюжетов. Эти сюжеты порождены всей системой раннемифологического (палеолитического) мышления.

В дальнейшем мы попытаемся показать это посредством анализа некоторых древних сюжетов.

---

[i] Из рукописной редакции. АРГН. Оп. 3, д. 70, л. 0580.

[1] Крейнович Е. А. Нивхи. М., 1973, с. 101 – 102.

[2] Окладников А. П. Проблемы генезиса религиозной формы сознания в свете современных открытий археологической науки. — В кн.: Проблемы развития современной науки. Новосибирск, 1978, с. 291 – 295.

[j] Эта и предыдущая вставка взяты из другой рукописной редакции. АРГН. Оп. 3, д. 70, л. 0572.

Возрождение из костей в мифах и сказках[a]

Советские археологи открыли в Хорезме удивительные оссуарии (костехранилища), имеющие форму глиняного ящика, на котором восседает статуя покойника. Эти «статуарные оссуарии» существенно отличаются от оссуарных погребений, типичных для более позднего этапа развития зороастрийской религии. Ю. А. Раппопорт показал отличие среднеазиатских оссуариев от иранских и выдвинул предположение о центре, в котором формировался этот погребальный обряд[3].

Сам обычай хранения костей восходит к каменному веку. Известны палеолитические стойбища, окружённые ямами, которые полны костей животных. В мире археологии знамениты раннемустьерские охотничьи стоянки в пещерах Драхенлох и Петерсхелле. В последней найдена ниша, заполненная костями пещерного медведя, которые были прикрыты камнями; в другой нише — сразу пять медвежьих черепов и три кости конечностей. В Драхенлохе обнаружены шесть прямоугольных каменных ящиков, наполненных медвежьими черепами и костями конечностей. Это прототипы позднейших оссуариев, только оссуарному погребению подверглись не люди, а медведи.

К среднему палеолиту относятся также находки костей быков (пещера Ла-Ферраси) и бизонов (Шапелль-о-Сэн). Охотники палеолита тщательно сохраняли кости съеденных ими животных. Этнографическая литература приводит массу примеров почитания костей животных[1]. Не только охотники палеолита, но и многие культурно отсталые народы нового времени верили, что из сбережённых костей съеденных животных эти животные возродятся вновь. Но этого не произойдёт, если не хватит хотя бы одной косточки или если она будет переломлена. Отголоски таких предоставлений наблюдались, например, у марийцев северных районов Башкирии в недавнем прошлом. В молельной роще приносили в жертву специально выращенного телёнка, барана или гуся — непременно чисто белой масти. Животное или птицу варили на костре у священной берёзы (реже — липы) и поедали в совместной трапезе, причем кости оставлялись на месте совершения обряда[2].

В представлениях палеолитических охотников съедение убитого животного ничуть не препятствовало его возрождению; нужно лишь сохранить в целости его кости. Таков исходный смысл русской поговорки: «Были бы кости, а мясо нарастёт».

> Эти представления хорошо сохранились в германском мифологическом сказании о козлах бога Тора и в кавказском — о зверях охотничьей богини Асвати.[b]

В фольклоре вайнахов есть сказания о хозяйках леса, которые оказывают гостеприимство заблудившимся охотникам и оберегают дичь. «Поедая зверей, сохраняют их кости,

[a]Основной текст публикуется по изданию: Возрождение из костей в мифах и сказках // Фольклор народов РСФСР. Вып. 13. Уфа, 1986. С. 28 – 35.

[3]Раппопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии). М., 1971.

[1]См.: Леви-Брюль Люсьен. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1937. С. 99, 102, 103.

[2]Приношу благодарность И. Е. Карпухину (Стерлитамак) за сообщение этого примера.

[b]Из машинописной редакции. АРГН. Оп. 1, д. 90, л. 0102.

затем оживляют этих зверей и отпускают. В случае пропажи кости зверя заменяют её изготовленной из дерева»[3].

Сходные представления сохранились в греческом мифе о Девкалионе и Пирре — единственных людях, спасшихся от потопа. На их моления перед разрушенным алтарем Фемиды голос богини ответил: «Оставьте мой алтарь, покройте ваши головы и перебросьте через себя кости вашей матери». После долгих раздумий Девкалион догадался, что общая мать всех людей — это земля, а её кости суть камни. Камни, брошенные за спину Девкалионом и Пиррой, превратились в мужчин и женщин.

Многие другие народы тоже считали камни «костями земли».[c] Е. М. Мелетинский, приведя соответствующую легенду качинов (одно из тибето-бирманских племен), указывает, что она «отражает магический обряд "посева костей", цель которого вызвать приплод скота и урожай»[1]. В случае Девкалиона и Пирры тот же «посев костей» имел целью восстановление человеческого рода.

Быть может, не случайно оссуарии наблюдались у тех же тибето-бирманских племен ещё в XIII веке: правда, не у качинов, а у тангутов, северо-восточных тибетцев, царство которых китайцы называли Сися (руины его столицы Хара-Хото открыл русский географ П. К. Козлов). Праздничное жертвоприношение барана у тангутов описал Марко Поло: «Кончат службы и молитвы, возьмут мясо, что было перед идолом, и понесут его домой. . . ; созовут родичей и чинно и торжественно едят мясо, и как поедят, кости соберут хорошенько в ящик»[2]. Это оссуарии для жертвенных животных, происходящие от каменных ящиков эпохи палеолита. У качинов — магический «посев костей», у тангутов — тщательное собирание костей в оссуарии. То и другое восходит к «умножению пищи», одному из древнейших магических обрядов человечества.

Уже давно А. Ф. Анисимов высказал предположение, поддержанное в нашей науке, о том, что центральный для системы тотемизма обряд интичиумы (включающий ритуальное поедание животного — «предка») ведет своё происхождение от магического обряда «умножения пищи»[3]. Разновидностью последнего и является «посев костей». Интичиума — это прежде всего тотемный пир, следы которого мы усматриваем и в тангутском жертвоприношении XIII века, которое описал Марко Поло. Исходным элементом обряда было не принесение барана в жертву «идолу», а само торжественное съедение барана. В древности, не знавшей ещё никаких «идолов», этим съедением тотемного животного люди причащались его силе и плодовитости.

Из тотемного пира произошла теофагия, символической формой которой стало христианское причастие (вкушение «тела и крови» бога). Некоторые древние народы букваль-

[3] Дахкильгов И. А. Опыт систематизации чечено-ингушских преданий и легенд // Фольклор народов РСФСР. Сборник статей. Уфа, 1979. С. 139 — 140.

[c] В рукописной редакции «Хорезмийские оссуарии и Царевна-лягушка» далее следует: «Так, в башкирском эпосе позвоночник Урал-батыра превращается в Уральский хребет». АРГН. Оп. 1, д. 90, л. 0122.

[1] Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М., 1958. С. 121.

[2] Книга Марко Поло. М., 1955. С. 80 (глава VIII).

[3] Анисимов А. Ф. Об исторических истоках и социальной основе тотемических верований // Вопросы истории религии и атеизма. Вып. 8. М., 1960.

но поедали своих богов, а богом у них становился каждый взрослый человек после своей смерти. Из тотемного пира и крайне развившегося культа предков сложился ритуальный каннибализм — широко известный обычай поедания покойников.

На Суматре тот же Марко Поло наблюдал обычай трупоедения: «...а как помрёт он, родные его жарят; сойдутся все и съедают его всего <...>. А как поедят, соберут кости, сложат их в ящичек и несут в горы, в пещеры, в такое место, где ни зверь, никакой злодей их не тронет, там и повесят»[1]. Торжественное съедение умершего родственника здесь соединяется с оссуарным погребением его костей. Очевидно, у многих народов, практиковавших подобные погребальные обряды, предусматривалась возможность возрождения из костей.

Аналогичные представления отразились в греческом мифе о возрождении Пелопса, сына Тантала. Преступный отец, желая испытать всеведение богов, убил своего сына, позвал богов на пир и подал им разрубленное на части тело Пелопса. Боги не коснулись этого «угощения», и только Деметра, удручённая потерей Персефоны, в рассеянности съела плечо ребёнка. Затем боги приказали Гермесу оживить Пелопса. Гермес собрал рассеченные члены, сварил их в котле и оживил Пелопса, а вместо съеденного плеча вставил искусственное — из слоновой кости. Эта яркая деталь перекликается с вышеуказанной легендой вайнахов.

Тантала за дерзость обрекли на вечные муки. Но это, конечно, позднейший домысел: в архетипическом сюжете Тантал выглядел не извергом, а набожным человеком. Жертвоприношения первенцев некогда были всемирным обычаем. Отказ новых богов от такой жертвы зафиксирован и в мифе о воскрешении Пелопса, и в предании о жертвоприношении Ифигении в Авлиде, и в сюжетно близком библейском рассказе о замене Исаака на жертвеннике агнцем (как Ифигения заменена ланью). В ветхозаветном мифе Авраам выглядит героем слепой веры, за которую его особенно прославил С. Кьеркегор в книге «Страх и трепет». Возможно, что и Тантал до оформления классического мифа мыслился не кровожадным злодеем, а слепо верующим человеком; в архетипе боги съедали его ребенка, а оживление съеденного Пелопса являлось наградой богов за благочестивую покорность Тантала. Не он испытывал богов, а они его, как ветхозаветный бог испытывал веру Авраама. От того же «танталовского» архетипа произошло альпийское сказание об Ореховой Ведьме, которая на шабаше была убита и съедена другими ведьмами, а затем возрождена из её костей.

Вера в такое возрождение, неотъемлемо связанная с тотемным пиром, распространилась и на людей; это отражено в сказках разных народов. В некоторых восточнославянских вариантах типов АТ 311 («Медведь и три сестры») и 312 Д («Катигорошек») героиня (или герой) воскрешает убитых сестер (братьев) из их собранных костей. В немецкой сказке «Поющая кость» (Гримм, 28, АТ 780, ср. 720) имеются варианты, где из собранных костей убитого ребёнка рождается птица и затем превращается в этого ребёнка. В I части «Фауста» Гёте «голос внутри» поёт разоблачающую песню такой птицы:

[1] Книга Марко Поло. С. 179.

Чтоб вольнее гулять,
Извела меня мать,
И отец-людоед
Обглодал мой скелет...

Я вспорхнула весной
Серой птичкой лесной...[1]

В стихотворной сказке В. А. Жуковского «Тюльпанное дерево» (1845), представляющей собой обработку сюжета АТ 720 по сборнику братьев Гримм, о костях не упоминается, птичка выпорхнула из куста над могилой. Во многих религиях мира в виде птицы мыслилась душа покойного, и сказка «Поющая кость» отразила веру в то, что душа человека сохраняется в его костях.

> Народы, сжигавшие своих покойников, верили, что душа умершего сохраняется в несгоревших костях его, даже в одной кости. После кремации трупа бережно собирали его останки для сохранения (возможно, что в ранней стадии обычая пеплом совсем не интересовались). Однако сохранение души в кости не равнозначно возрождению.[d]

В палеолитическом мышлении съедение покойного стало необходимым условием его возрождения, ибо нетронутый труп разлагается, а очищенные кости «вечны». Мотив возрождения из костей весьма распространен, и проблема заключается лишь в отличении его от иных мотивов, обманчиво сходных с ним, но имеющих другой смысл и другое происхождение.

В. Я. Пропп указал, что попытки Бабы-Яги сжечь в печи Иванушку, Лутонюшку или другого героя-мальчика (АТ 327 С) отражают образ «огненной смерти» в инициациях: в архаических мифах и сказках волшебный персонаж сжигает в огне и наделяет новой жизнью посвящаемого[2]. Сюда же Пропп отнёс волшебное преображение отданного в науку мальчика, которого бросает в раскалённую печь «дедушка-лесовой» или варит в котле лесной учитель (АТ 325). «От этого же представления идут легенды о кузнеце, Христе, чёрте, перековывающих старых на молодых. Сгорая, они приобретают молодость» (АТ 753)[3].

Во многом В. Я. Пропп прав, но многое основательно запутал из-за явного упрощения разных сюжетных функций: ведь нельзя же всё сводить к инициациям. В процитированных примерах Проппа недостаёт важных различений. Начнем с конца: само действие перековывания указывает, что в основе сюжетов о нём лежит вера в таинственное искусство кузнецов, которое у многих первобытных народов считалось особой разновидностью магии, своего рода «огненным волшебством».[e] Так, в греческом мифе Гефест выковывает человекообразных

[1] Гёте. Фауст. Перевод Б. Пастернака. М., 1969. С. 200.
[d] Из машинописных редакций. АРГН. Оп. 4, д. 103, л. 0242.
[2] Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946. С. 83 – 88.
[3] Там же. С. 86. Пропп имеет здесь в виду тип АТ 753.
[e] Из предварительных материалов: «В «Калевале» кузнец Ильмаринен (финский Бальдур) сковал «искусственное солнце» Сампо — сокровище страны. Сампо — это чудесная мельница-самомолка, символ бла-

созданий, например, красавицу Пандору, которая затем выходит замуж за Эпиметея и рожает ему детей. В русских сказках кузнец способен «перековать» даже голос ведьмы. Всё это не имеет к инициациям никакого отношения, равно как и омоложающая «перековка» людей.

Перековывание не означает сгорания, как полагал Пропп. Если в процессе ковки заготовка сгорает (теряет слишком много металла), то ничего не удается выковать, получится брак, и древнейшие кузнецы прекрасно знали это. Представление об «огненной смерти» в инициациях распространено Проппом на мотив омоложающей «перековки» неправомерно.

В обрядах инициации вообще целью было не омолаживание (ибо четырнадцатилетних мальчиков незачем омолаживать), а испытание, закаливание, наделяющее подростка качествами мужчины. С таким закаливанием человека в огне действительно связаны знаменитые мифологические мотивы. Это рассказ Ветхого Завета о трёх отроках в пещи огненной (Кн. Даниила, III), на которых, к изумлению Навуходоносора, огонь не тронул ни волос, ни одежды. Это греческий миф о службе Деметры нянькой в доме Элевсинского царя Келея: желая дать бессмертие его сыну Демофонту, богиня по ночам клала младенца в горящую печь. Случайно царица увидела своего сына в огне, испугалась и умолила Деметру не делать этого (поэтому Демофонт и не получил бессмертия). Миф об Ахилле в более известной традиции объясняет неуязвимость героя купаньем в водах Стикса. Однако Аполлодор («О богах») приводит другую версию мифа: Фетида по ночам закаляла младенца Ахилла в огне, а днём натирала амброзией; однажды ночью Пелей, увидев сына в огне, вырвал его из рук матери.

И библейский миф об отроках в пещи огненной, и указанные греческие мифы о закаливании младенцев огнём действительно отражают обряд «огненной смерти» в инициациях, составляя параллель к печи «дедушки-лесового» и к печи Бабы-Яги, о которых говорил В. Я. Пропп[1]. Но к инициациям не относится ни перековывание, ни даже сваривание в котле.

В этом последнем случае Пропп столь же фатально не учитывает смысла изображённого действия и его цели в исходном сюжете. Если мальчика бросают в огненную печь, то это инициация; её цель — придание неуязвимости (бессмертия). Если ребёнка или взрослого варят в котле, то первоначальной целью этого действия было *съедение*: мотив отражает пережитки тотемного пира и веру в возрождение из костей.

госостояния нации.

В эстонском эпосе «Калевипоэг» волшебный финский кузнец Туслар по просьбе героя сковал ему чудесный меч, но вскоре этим мечом Калевипоэг убил сына Туслара. Тогда Туслар заклял меч, чтобы тот обратился против убийцы. Через много лет состарившийся Калевипоэг хотел достать роковой меч из ручья, в который он его некогда уронил. И тогда заклятый меч отрезал бывшему хозяину обе ноги по колена». АРГН. Оп. 1,, д. 90, л. 0129.

[1]В английской литературе прошлого века древний мотив закаливаний человека волшебным огнём, дающим бессмертие и вечную молодость, оригинально разработан Райдером Хаггардом в его лучшем романе «Она» (1886).

Остаётся неясным преображение человека путем сваривания в котле. Русский сказочный герой, например, Иван-дурак, с помощью чудесного коня проходит через кипящий котел и становится красавцем, а его завистливый соперник, пытаясь повторить этот эксперимент, сваривается заживо. По Проппу, это отражение инициации. Но тот же самый мотив мы находим в истории Ясона и Медеи. Сварив в котле волшебные травы, великая колдунья погрузила в кипяток отца Ясона, и дряхлый старец превратился в цветущего мужа. Его завистливый брат тоже захотел омолодиться. Медея согласилась, но бросила в котёл простые травы вместо волшебных, и царь-узурпатор сварился в кипятке. Ясно, что никакой инициации здесь нет; дряхлым старцам она и не нужна. В греческом мифе омолаживается тот, кто не сварился; а кто сварился, тот, естественно, умер.

Напротив, намеренное сваривание человека в архаических сюжетах с необходимостью влекло за собой его съедение и последующее возрождение из костей, притом не в «улучшенном варианте», а в том же виде, в каком он был зарезан. Чудо заключалось в повторном рождении с тем же обликом, тогда как «огненная смерть» в инициациях вела к «улучшению» героя, вплоть до приобретения той богатырской неуязвимости, какую давало эпическому герою купанье в водах Стикса (Ахилл) или в крови дракона (Зигфрид)[1].

Таким образом, В. Я. Пропп не имеет оснований присоединять к мотиву «огненной смерти» в инициации омоложающую «перековку» людей и сваривание в котле. Последнее связано с тотемным пиром и возрождением из костей.

В русских сказках этот мотив нашел прямое отражение. Для начала упомянем один частный мотив сказки «Диво дивное, чудо чудное» (AT 571). Русский вариант сказки содержит упоминание о том, что волшебный гусь, будучи съеденным, возрождается вновь и вновь. Этой детали нет в аналогичной сказке Гриммов (№ 64, «Золотой гусь»).

В сказке «Царевна-лягушка» (AT 402) чудесная жена Ивана-царевича на пиру у свёкра демонстрирует свои магические возможности: остаток питья выливает в один рукав, остатки съеденной дичи кладёт в другой, а затем идет плясать. «Махнула правой рукой — стали леса и воды, махнула левой — стали летать разные птицы» (Афанасьев, 267). Другой вариант ещё выразительнее: «. . . махнула левой рукой — сделалось озеро, махнула правой — и поплыли по воде белые лебеди. . . » (Афанасьев, 269). Вероятно, на царском пиру ели жареных лебедей.

> Эта лягушка — царица животных; сказка изображает тотемный брак. Лягушка была божеством (хозяйкой дождя); ср. немецкий Froschkonig (Король-Лягух), но он фигурирует в сказках другого сюжетного типа.
>
> AaTh 402 во всех европейских вариантах рисует тотемный брак, хотя героиня вовсе не обязана быть лягушкой.

[1] Впрочем, это одно и то же: Стикс — подземная река, а вход в царство Аида греки локализировали в жерлах вулканов; у германцев дракон — страж пещеры с сокровищами, а его кровь означает выходящий из горных недр источник. И греческий, и германский эпос имеют в виду горячие источники вулканического происхождения, целебную силу которых «открыли» еще дикие звери.

В немецких указателях этот тип назывался «Maus als Braut» («Мышь-невеста»), а во французских каталогах — «La Chatte blanche», по сказке баронессы д'Онуа (Marie Catherine Le Jumel de Barneville, baronne d'Aulnoy, около 1650 – 1705: четырёхтомник «Contes de fees», 1697, и «Nouveaux contes de fees, on les Fees a la mode», 1698, тоже 4 тома).[f]

Как указано в интересной статье К. Е. Кореповой, «эта «архаическая форма эпизода редко сохраняется в чистом виде»[1]. В польских и западнобелорусских версиях героиня взмахом одной руки делает стену дворца золотой, а от взмаха другой руки на этой стене появляются цветы[2]. Трансформация этого мотива объясняется забвением архаических представлений о возрождении съеденных птиц из их костей. Появление озера и лебедей во дворце означало не просто волшебство Царевны-лягушки; в этом проявлялись её чудесная власть и тотемное происхождение. Как указывает К. Е. Корепова, этот эпизод «сохранен восточнославянской сказкой ещё от мифа. Этнографической основой его является обряд «умножения животных». Типологически сходные эпизоды есть в фольклоре народов Севера»[3].

В статье К. Е. Кореповой дана сводка материалов, убедительно доказывающая наличие у восточных славян представлений об общей природе человека и лягушки («лягушки — человеки были»). Архаичность мотива доказывается наличием сюжета о браке человека и женщин-лягушек в одном из санскритских текстов.

Лягушка — палеолитическая тотемная «богиня»; подобно ящерицам и черепахам, она выступает героиней множества мифов и мифологических сказаний. Хорошо известен германский родственник Царевны-лягушки, der Froschkonig (Гримм, № 1). Но русская сказка, три варианта которой опубликованы А. Н. Афанасьевым, изображает не только тотемный брак, но и тотемный пир, на котором сама богиня животного мира возрождает съеденных птиц из их костей, причем, возрождение слито с обрядовой пляской. Это сюжет глубокой древности, по своему составу уникальный в Европе.

Он воплощает «обыкновенное чудо» охотничьего тотемизма, то же самое чудо, на которое надеялись и первые зороастрийцы.

---

[f] АРГН. Оп. 4, д. «Сюжеты сказок и легенд по AaTh».

[1] Корепова К. Е. Сюжет «Царевна-лягушка» в восточнославянской сказочной традиции // Вопросы сюжета и композиции. Горький, 1980. С. 107.

[2] Klich E. Teksty bialoruskie z pow. Nowogrodzkiege. Materialy i prace komisyi jezykowej. Krakow, 1903. S. 957.

[3] Корепова К. Е. Указ. работа. С. 107 (варианты).

Шаманский бубен и запертое горе (К соотношению типологии и истории сюжета)[a]

С древнейших времён люди стремились к знаниям. Однако для первобытного человека, кроме его любознательности и страсти наблюдать, была характерна известная осторожность в познании или, во всяком случае, осуждение излишнего любопытства.

Такое осуждение входит в ряд фольклорных сюжетов, из которых особенно любопытны сказочные сюжеты о запертом Горе, тип АТ 735 А. Сказки этого типа характерны для восточнославянского репертуара, но встречаются и в западнославянских сборниках (например, шесть польских вариантов сюжета). В этих сказках бедняк запирает Горе (Нужду) и богатеет; богатый брат его из зависти выпускает Горе, но оно привязывается теперь к нему. Богач наказан за свою *завистливость*. Ю. Юдин в статье «Типология героев бытовой сказки» так обобщает варианты типа АТ 735 А: «В сказках о Горе мужик улавливает Горе (живое существо) в каком-то замкнутом объёме (в яме, заваленной камнем; в кармане; сундуке; гробу; колесной втулке; кобыльем черепе и т. п.), хитроумным способом заманивая или заталкивая его внутрь. После этого Горе зарывают, топят, уносят в лес и т. п.»[1].

Ю. Юдин верно подчеркивает три важных момента сказочного сюжета: 1) Горе мыслится живым существом; 2) Горе заманивается и запирается в любом замкнутом объеме; 3) победа над Горем — результат хитроумия героя.

Первые два момента из этих трёх оказываются общими у русской сказки и греческих фольклорно-мифологических рассказов о чем-либо вредном и опасном, запертом в «замкнутом объеме». Элемент хитроумия (плутовства) героя в этих рассказах полностью отсутствует, но зато рельефнее выступает мотив *наказанного любопытства.* В «Одиссее» гостеприимный Эол, гарантируя Одиссею безопасное плавание, дарит герою мешок со всеми ветрами, кроме Зефира. Одиссей строжайше запретил своим спутникам развязывать мешок. После счастливого плавания, уже при виде родной Итаки, товарищи Одиссея воспользовались его сном и нарушили запрет: они думали, что мешок содержит золото и серебро, подаренные Одиссею повелителем ветров. Из развязанного мешка вырвались ветры, и страшная буря пригнала корабль обратно к Эолии, божественный царь которой отказал Одиссею в дальнейшей помощи. Так была наказана *алчность* спутников Одиссея.

Зависть богатого брата в русской сказке, алчность спутников Одиссея — модификации исходного любопытства. Ясно выразилось это первоначальное значение мотива в мифе о ящике Пандоры. Зевс заключил в него все людские пороки, несчастья и болезни, запретив при этом открывать его. Видимо, он был неплохим психологом и заранее предугадал, что запрет его будет нарушен: к этому он и стремился, желая покарать людей за похищение огня титаном Прометеем. Терзаемая любопытством, Пандора уговорила мужа открыть

[a]Печатается по: Шаманский бубен и запертое горе // Фольклор народов РСФСР. Вып. 10. Уфа, 1983. С. 11 – 18.

[1]Юдин Ю. И. Типология героев бытовой сказки // Русский фольклор. Вып. XIX. Вопросы теории фольклора. Л., 1979. С. 54.

ящик, и из него вылетели все беды и болезни, от которых с тех пор и страдает человечество. Аналогия с мешком Эола и русским запертым Горем напрашивается сама собой. Рассказ о ящике Пандоры имеет форму этиологического мифа, но этиологичность (т. е. мирообъяснительная установка) здесь плоская и поверхностная. Совершенно точно указал М. Стеблин-Каменский: «...этиологические объяснения в мифах... как правило, просто привески, долженствующие доказать правдивость рассказываемого»[2]. Причина мирового зла — женское любопытство: так греческий миф генерализовал вполне частную мораль древних сказок и поверий о наказанном любопытстве, т. е. о наказании за нарушение табу.

Сущностью сюжета-архетипа этой «мифологической сказки» было нарушение табу, а целевая установка носила дидактический характер: предостерегала против таких нарушений. Древнейший сюжет-архетип был не этиологическим, а устрашающим. В этом нас убеждает Ветхий Завет.

Ибо в Ветхом Завете мы находим такой же «ящик Пандоры», в котором спрятано нечто опасное и которого нельзя не только открывать, но даже трогать: это Ковчег Завета. По преданию, он был сделан из драгоценного дерева ситтим и окован золотом. Когда он стоял в Иерусалимском храме, в нем хранились скрижали Завета, полученного Моисеем на горе Синай от бога, чаша с манной небесной и жезл Аарона. В «святая святых» мог входить только первосвященник, и то лишь один раз в год — в «день очищения» (Иом-кипур), когда он кропил кровью жертвенного животного крышку Ковчега.

Скиния Завета, заключавшая в себе Ковчег в годы блужданий, играет в библейском рассказе роль гигантской электрической батареи, заряженной огнем Яхве; огонь этот убивал целые толпы людей, когда они проявляли непослушание Моисею.

> В I книге Царств подробно рассказано о страшном поражении Израиля, когда филистимляне захватили Ковчег Завета. В какой бы из филистимских городов его не перевозили, там тотчас начиналась чума. После семи месяцев пленения Ковчег был со страхом и почтением возвращён филистимлянами «народу божьему».[b]

В библейских преданиях о златом тельце, сооруженном Аароном, и о медном змие, которого воздвиг Моисей, многие ученые усматривают отражение борьбы между главными племенными тотемами того пестрого союза, который шел за Моисеем: между быком и змеёй. Аарон проявлял склонность к культу быка, Моисей был скорее змеепоклонником. В этой связи возникло допущение, что в Ковчеге, сооруженном по приказу Моисея, переносили *тотемное животное*. Как известно из Библии, жезл Аарона мог превращаться в змею. Итальянский религиовед А. Донини пишет: «Вполне вероятно, что в святой раке — красном ларце, подобном тем, что были позже в ходу у арабов, — первоначально содержали живую змею, символ бога Яхве <...>. Во всяком случае, известно точно, что имя первых жрецов

[2] Стеблин-Каменский М. И. Миф. Л., 1976. С. 15.

[b] Из рукописных редакций АРГН. Оп. 4, д. 103, л. 0203.

Яхве — левитов связано с культом змеи. Арабский термин лавах, означающий «развиваться», «свиваться», «ползти», «пресмыкаться», и этимология известного «Леви-афан» (бог-дракон основных еврейских мифов) приводит нас все к тому же явлению»[1].

Живая змея — достаточно опасный тотем, чтобы относиться с почтением к красному ларцу Моисея. Ю. Юдин в цитированной статье говорит, что запертое Горе в русской сказке есть «вредоносный тотем»; добавим, что всякий тотем мыслился «вредоносным» по отношению к нарушителям табу.

С ветхозаветным преданием о Ковчеге Завета и его вышеприведенной интерпретацией (Ковчег — хранилище живой змеи) перекликается аттический миф о священном змее Эрихфонии, сыне Гефеста и Геи (Земли). Богиня Афина, которую первоначально представляли в виде змеи, вручила закрытый ящик трем дочерям Кекропа, царя-основателя Афин (первоначально Кекроп изображался в архаических мифах человеком-змеей). Афина строжайше запретила дочерям Кекропа открывать этот ящик. *Из любопытства* девушки нарушили запрет и увидели в ящике младенца, у которого нижняя половина тела была змеиная (вариант: младенца, обвитого змеей). За ослушание (нарушение табу) дочери Кекропа были поражены безумием и бросились с высоты Акрополя. Эрихфония воспитала сама Афина; став пятым афинским царем, он ввёл в городе культ Афины. Из сказанного понятно, что племенной религией афинян была офиолатрия (змеепоклонство) и что от неё происходит сам культ Афины, враждебный культу Посейдона.

Заметим, что офиолатрические культы Средиземноморья, очевидно, располагали неким общим мифологическим достоянием.

Кто поместил тотем в ящик, мешок или сосуд? В одном случае — Зевс, в другом — Афина, далее — младший бог Эол или «боговидец» Моисей. В отличие от мифов русская сказка сохранила более архаическую *плутовскую завязку*: бедняк, перехитривший Горе, имеет черты древнего трикстера.

И эти мифы, и русская сказка развились из более древних представлений, отчасти сохранившихся у народов Сибири. Последние очень многое вынесли из эпохи тотемизма, которая у разных народов породила сходные сюжеты. Этот вопрос, опираясь на труды Д. К. Зеленина, осветил Ю. И. Юдин в другой своей статье — «Фольклорные истоки литературного образа»[1].

Исследователь широко цитирует работу Зеленина «Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов»[2]. Онгон — это дух животного-покровителя, обитающий в искусственно созданной фигурке этого животного. Говоря о приемах уловления онгона и овладения им, Зеленин называет два вида подобных операций: «Если выше

[1] Донини Амброджо. Люди, идолы и боги (Очерки истории религий). М., 1966. С. 160. «Святая рака» — одна из неточностей перевода: итальянское «santa arca» означает Ковчег Завета.

[1] Юдин Ю. И. Фольклорные истоки литературного образа // Проблемы изучения русского народного поэтического творчества (фольклорно-литературные влияния). Вып. 5. М., 1978. С. 117 — 135.

[2] Зеленин Д. К. Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов // Труды института антропологии, археологии и этнографии. XIV. Этнографическая серия. Вып. 3. М.; Л., 1936.

мы видели обыкновение шаманов вселять душу или духа в лекан, в подобные данному духу изображения, то рядом мы встречаем вмещение душ и духов в мешки, в посуду и т. п.»[3].

Ко второму виду уловления тотемного духа восходят представления о *поимке чёрта*. «В фольклоре самых различных народов, — напоминает ученый, — широко распространён мотив о чёрте, а также о смерти, заключённых в мешке, в сосуде, в рукомойнике, в табакерке, иногда в пустом орехе, в гробу и т. п.»[1]. Добавим к этому, что в фольклорных параллелях к сказке «Горе» мотивы преступного нарушения табу и кары за это нарушение нередко исчезают, и сюжет становится прославлением ловкости и хитроумия демократического героя. Таков, например, сюжет типа AT 330 B - «Черти и Смерть в ранце (мешке)»: солдат заманивает (ловит) в мешок чертей и предлагает кузнецам избить их молотами; заманивает в мешок (табакерку) Смерть, которая пришла за солдатом; солдата не пускают ни в рай, ни в ад[2]. Это пример дупликации мотива: эпизод с замыканием Смерти, по-видимому, более поздний.

> 330 A. Солдат (кузнец) и чёрт (Смерть). Святой Пётр (сам Бог, старик) исполняет желание солдата; Смерть не может сойти со скамьи, на которую он пригласил её присесть (или слезть с яблони, выйти из табакерки, торбы); солдата не хотят впускать ни в рай, ни в ад.
>
> Старейшие литературные версии сюжета -немецкие шванки «Historia von Sancto» (1570) и «Der Tod auf dem Stuhlen» Ганса Сакса (1581). — Был ещё греческий миф «Сизиф и смерть».
>
> 330 B. Черти и Смерть в ранце (мешке). Солдат заманивает (ловит) в мешок чертей и предлагает кузнецам избивать их молотами; заманивает в мешок (табакерку) Смерть, которая пришла за солдатом; солдата не пускают ни в рай, ни в ад.
>
> Этот тип тоже связан с немецкими шванками Средних веков.[c]

В «Сравнительном указателе сюжетов» приводится сказка, отсутствующая в прежних указателях по системе Аарне-Томпсона: это тип — 330 D *: «Человек (Соломон) и Смерть»[3]. Герой заманивает Смерть в гроб (сундук) и выпускает лишь через 700 лет. Отмечены лишь три записи этого сюжета, все три — украинские. Близкий сюжет «Смерть в бутылке» (AT 332 F) образно перекликается со сказками типа AT 331 («Дух в кувшине»)[d], имеющими

[3]Там же. С. 146.

[1]Там же. С. 149.

[2]Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Составители Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979. С. 122.

[c]Из подготовительных материалов. АРГН. Оп. 4, д. «Сюжеты сказок и легенд по AaTh», л. 3871.

[3]Там же. С. 123.

[d]Из подготовительных материалов. АРГН. Оп. 4, д. «Сюжеты сказок и легенд по AaTh», л. 3871: «Мотивы этого сюжета, известного по индийским, монгольским и арабским сказкам и по легендам о царе Соломоне, отразились в византийском «Скитском патерике» (житие Лонгина), в западневропейской легенде о святом Теофрасте, в древнерусской легенде и повести о путешествии Иоанна Новгородского на чёрте <...>, которую использовал Пушкин в поэме «Монах» (1813) и Гоголь в «Ночи перед Рождеством» (1831)»

всемирное распространение и связанными на Востоке с именем легендарного царя Соломона. Особенно популярна из сюжетов этого типа арабская «Сказка о рыбаке» («1001 ночь», ночи 3 — 9). Рыбак выловил кувшин, запечатанный печатью Сулеймана ибн Дауда (Соломона), и неосторожно открыл его, выпустив на волю страшного джинна; однако рыбаку хитростью удается загнать джинна обратно и заставить его служить себе. Здесь мы видим, что один человек (великий мудрец) загнал джинна в кувшин, другой (как в сказке «Горе») открыл этот кувшин (из любопытства) и мог понести ужасное наказание; но далее, в отличие от «Горя», рыбаку удаётся хитростью добиться того же, чего царь мудрец добился магическими заклинаниями. Эта дупликация мотива очень интересна: в арабской сказке есть мифологический герой, заключивший духа в сосуд, но в предыстории сюжета, и есть народный хитрец, трикстер, обманувший духа. Это свидетельствует об одновременном, параллельном бытовании у ближневосточных народов и мифологических рассказов, и бытовых (плутовских) сказок типа «Горе». Миф о власти мудреца над духами и бытовая сказка о трикстере, обманувшем духа, слились воедино, и контаминация породила «Сказку о рыбаке».

В статье «Фольклорные истоки литературного образа» Ю. Юдин основательно разработал вопрос о генетической связи сюжетов о глупых чертях с представлениями сибирского шаманизма. Он указал, что отношения сибирских охотников с тотемом носили *договорный характер* (как и отношения Израиля с Яхве); заключая договор, люди при внешнем почтении к тотему стремились обмануть его — обсчитать при жертвоприношениях. Например, обещали половину всех яиц, снесённых курами за год, а на деле жертвовали половину *одного* яйца. Точно так же в русских сказках мужик обманывает медведя (древнее тотемное животное славян и германцев) или черта при дележе урожая («вершки» и «корешки»).

Но для того, чтобы заключить договор с тотемом, первобытные охотники считали необходимым его предварительное *уловление*. Это чрезвычайно выразительный мотив: уловление духа тотемного животного в некоем замкнутом объёме являет яркую аналогию с охотой на самих животных при помощи ловчих ям, ловушек. Удивительно, что в вариантах русской сказки АТ 735 А сохранился мотив поимки Горя в яме, заваленной камнем: ведь это отражает древний способ охоты на крупного зверя. *Хитрость есть порождение охоты.*

Мотив уловления тотема порождён охотничьим мышлением древности, и первые трикстеры мирового фольклора — это гениальные звероловы. Вероятно, прошло очень много времени, прежде чем способность уловления тотемных духов приписали себе шаманы. Еще в XIX веке автохтоны Сибири верили, что в бубне шамана заключены пойманные духи.

Шаманский бубен, ящик Пандоры, мешок Эола, Ковчег Завета, кувшин Соломона — всё это сюжетные синонимы, восходящие к охотничьим обрядам уловления тотемного духа. Мотив договора с духом исчез в большинстве мифов, но сакральный характер исходного обряда отражался в запрете открывать мешок или сосуд. Только в религии Моисея мотив договора с «пойманным» тотемным духом (Завет — это и значит договор) получил большое развитие. Мифы этой религии специально подчёркивали, что бога перехитрить нельзя; все

попытки обмана строжайше им пресекаются. В фольклоре мотив кары постепенно ослабевает: в арабской «Сказке о рыбаке» герою удается избежать кары и вновь подчинить себе джинна, в русской сказке «Горе» нарушителем табу выступает завистливый богач, и наказание его оказывается заслуженным по социальным причинам; драматизм сюжета тем самым снимается. В таком виде сюжет вошёл в литературу: у Лесажа («Хромой бес») студент освобождает Асмодея из склянки на чердаке волшебника и пользуется его услугами. Пушкин в Лицее использовал для поэмы «Монах» популярное житие Иоанна Новгородского, где рассказано, как святой поймал черта в рукомойнике и, заставив служить себе, слетал на нём в Иерусалим. У Гоголя героем аналогичного приключения стал кузнец Вакула в «Ночи перед Рождеством». И святой, и кузнец — сюжетные потомки трикстера.

Мы исходим из принципа единства человеческой культуры. Между повестью Гоголя и шаманскими обрядами древних охотников — огромное историческое расстояние, но сюжет-архетип, проходя через все трансформации, *отчасти* сохраняет исходные значения. Можно предложить такую обобщенную генеалогию сюжета:

1. Типологически сходные представления неолитических охотников о тотемных животных; обряды уловления духов, договора с пленным тотемом и обмана его людьми (становление традиции «трюкачества»).

2. Табуирование мешка, сосуда, ящика, в котором заперт тотемный дух; зарождение мифов о страшной каре за нарушение табу.

3. Параллельное развитие комплекса этих представлений в двух направлениях: *фольклорном*, где мотив кары постепенно ослабевает и композицию возглавляет мотив «трюкачества» (оптимистический вариант: герой — трикстер, потомок охотника), и *религиозно-мифологическом*, где выдвигаются мотивы договора племени с тотемом, табу и суровой кары, причём эта версия тяготеет к канонизации (здесь герой — пророк или царь божественного рода, т. е. потомок шамана). Ко второму типу (назовём его «моисеевским») относится и афинский миф об Эрихфонии; эти мифы связаны с основанием религий. Два направления расходятся ввиду того, что воплощают противоположные точки зрения на сюжет-архетип и противоположные способы его социального функционирования.

4. Стадиально более поздними представляются древнегреческие внекультовые версии (кроме аттического «моисеевского» мифа). И миф о ящике Пандоры с его «этиологическим привеском», и эпизод с мешком Эола в «Одиссее» связаны с волей богов и выдвигают мотив кары за нарушение запрета, но в чисто мифологическом и мировоззренческом планах относительно малозначительны. В этих версиях сюжет о пленении тотема и нарушении запрета приобретает важный смысловой оттенок: возможность выбора и вина нарушителей (понятие «греха» в библейском смысле, естественно, отсутствует).

5. Христианское переосмысление фольклорного сюжета происходит на фоне застывшего библейского канона (Ковчег Завета), сюжетность которого давно перестала ощущаться, и не связано с греческими версиями: зато это переосмысление (в частности, и в житиях святых) совершается одновременно и типологически сходно со средневековым развитием

аналогичных сюжетов в восточном (главным образом мусульманском) фольклоре. Тотем превращается в черта, джинна, злого духа, Горе или Смерть (в двух последних случаях результат сюжета переносится на его основное содержание). Фигуры христианского святого и демократического героя, обманывающего джинна или Горе, сюжетно синонимичны и восходят к трикстеру.

6. Последней стадией можно счесть литературное использование фольклорного сюжета, в основном сатирическое или юмористическое, в духе народного снижения «вредоносного тотема»; дерзновение героя, нарушившего древнее табу, *не карается, а вознаграждается.*

Такая эволюция отразила великий переход человеческого сознания от страха перед стихиями к убеждению в возможности их преодоления и подчинения. Противоположная линия развития сюжета-архетипа подверглась ранней сакрализации и перестала развиваться: в ней *сюжет стал неподвижным символом.*

В то же время и в живом развитии, на поздних его стадиях, архаический сюжет стал лишь формой *новых* сюжетов (о храбрости, удачливости и т. п.), а в литературе порою лишь чисто условной рамкой повествования, как в лесажевском «Хромом бесе». Это значит, что сюжет-архетип сохранился не полностью, остались только его «следы». Однако в русской сказке «Горе» этот замечательный сюжет существует ещё в относительно развитом, близком к архаике виде.

Героический вор и рождение религии[a]

Великая драма в предистории цивилизации, какою оказалось рождение собственности, продолжалась не одну тысячу лет.

Само понятие собственности зародилось *внутри*родовой общины, но объём понятия был относительно узок. Так, в австралийском племени аранда человек, нашедший плодовое дерево, отмечает своё право пучком травы, который кладёт на ветки. Найдя дерево с пчелиным гнездом, он вырывает траву возле корней и прислоняет к стволу палки. Если кто-либо завладеет плодами дерева или мёдом, обворованный вправе убить похитителя копьём. Такая же кара ожидает преступника, который без разрешения охотника присвоит убитую им дичь или перехватит раненое животное. Земля принадлежит всему племени; скота у охотников нет. Понятием собственности охватывается лишь то, что можно употребить в пищу. Так называемый «потлач» у индейцев Северной Америки — пир для всего племени, имеющий целью расточить собственность; право устраивать потлач — это почётная привилегия. Накопление имело целью расточение.

Собственность зафиксирована неолитической революцией, которая создала производящие формы хозяйства — земледелие и скотоводство. Изобретение плуга, использование быков для пахоты, требуя силы и мобильности, вели к возвышению статуса мужчины и подрыву материнского рода. Скот — первая форма богатства; скотом владел мужчина, используя

[a]Печатается по: Становление мифов и их историческая жизнь. Уфа: Полиграфкомбинат, 2014.

как средство обмена и передавая по наследству. К концу неолита утверждается наследование имущества отца его детьми, что ведёт к аккумуляции богатства внутри отцовской семьи. Интересы последней не совпадают с интересами рода. Обмен и наследование порождают цивилизацию собственности.

На ней базируется отцовский род. Земля по-прежнему мыслится женщиной, общей матерью людей и богов, но теперь она зависит от своего супруга Неба, который оплодотворяет её дождём.[b]

Парадокс Прудона «Собственность — это кража» представляется поверхностным. Собственность возникла при распаде родовой общины вследствие неравенства в наследовании и сначала была лишь некоторым преобладанием в достатке. Этим излишком полагалось делиться с племенем, и благодарное племя славило щедрость дарителей.

Накопление внутри племени страдало дурной бесконечностью, как вся архаическая жизнь. Обычай дарения, столь широкого, что дарители периодически разорялись и начинали собирать богатства заново[1] , тормозил всякое накопление. Богатство в борьбе с уравнительной моралью постепенно отделялось от племенной экономики; попытки воспрепятствовать этому отделению и полярная тенденция семьи оградить «моё» от соплеменников шаг за шагом привели к образованию парно-соотносительных понятий собственности и кражи.

Собственник переосмысляет закон уравнительного передела богатств как покушение на своё новое право. Естественно, крадут не у себя, а у другого. В первобытном обществе не было «другого», субъектом права был весь коллектив, поэтому не было и кражи. Коль скоро выделился второй субъект права — отцовский род, он неизбежно вступает в конфликт с племенем. Лучшие роды отказываются делиться своим излишком с племенем и силой защищают накопленное. Традиционную нивелировку имуществ новый субъект права объявляет преступлением и требует за него кары. По Э. Дюркгейму («Правила социологического метода»), «именно санкция определяет преступление».

> Экономическое неравенство, которое разрушило родовую общину и через длительную стадию военной демократии привело к возникновению классового общества и государства, воспринималось людьми как чудовищная *несправедливость*, как нарушение древних, освященных традицией родового строя.[c]

Собственность возникает как излишек вследствие неравенства, кража — как традиционная компенсация этого неравенства, совершаемое в пользу коллектива. Племя воспринимало собственность как чудовищное попрание общинных традиций, и потому коллективное сознание окружило похитителей чужой собственности героическим ореолом.

Этим похитителям предшествовал мифический трикстер — посредник между миром живых и миром мёртвых. Его основная культурная функция состояла в воровстве у смерти.

[b] Из рукописной заметки «Героический вор». АРГН. Оп. 1, д. 90, л. 9900.

[1] См. классическую работу Марселя Мосса (Marcel Mauss) «Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах», 1925.

[c] Из рукописной заметки «Героический вор». АРГН. Оп. 1, д. 90, л. 9900.

В эру тотемизма зародилась и функция культурного героя. Согласно К. Леви-Строссу, ворон архаических мифологий — это культурный герой, посредник между жизнью и смертью. Видимо, в течение долгого времени культурный герой и трикстер не различались.

В период неолитической революции происходит перестройка мифического сознания, сопровождающаяся чрезвычайным расширением его содержания и смысловым усложнением. Уже появление мотыжного земледелия (занятия женского) положило начало разложению тотемизма. На смену магическим танцам, которые способствовали удачной охоте, пришли культы плодородия. Складывается образ Великой Матери; её нагая фигура со скрещёнными или поднятыми в жесте благословения руками воспроизводится несчётно; иногда голуби сидят на голове статуэтки или змеи обвивают её тело, напоминая о тотемном браке.

Тотемизм не исчез, а переродился. Животные стали стихийными духами, хозяевами рек и лесов. Люди их чтили, но не слишком боялись. Например, у многих народов «хозяйкой дождя» считалась лягушка; поэтому для прекращения засухи нужно было убить лягушку. Некоторые индейцы на Ориноко поныне бьют лягушек, чтобы вызвать дождь. Люди неолита ловили духов, чтобы вынудить у них исполнение желаний. В «Одиссее» (кн. IV) ловят Протея, сына Посейдона, чтобы он предсказал судьбу героям. Остатки этой практики отразились в египетских текстах пирамид: «Некоторые формулы, найденные на стенах пирамид, отражают гораздо более примитивную ступень культуры, как, например, «каннибальский» гимн Унаса, который описывает ловлю богов арканом»[1]. Понятно в историческом Египте никто и помыслить не мог, чтобы ловить Осириса или Амона; архаические формулы имели в виду стихийных духов. И Протей — второстепенное божество, пастух тюленьих стад. Никто не посмел бы «ловить» Посейдона.

Стихийным духам противостояли культурные герои; им стали приписываться некие мироустроительные акты. «Культурный герой» добывает необходимые блага готовыми или отнимает их у первоначального хранителя. Это похищение у первохранителей — тотемных животных, колдунов, духов-хозяев и в древнейших образцах австралийского и меланезийского фольклора у мифической старухи — постепенно превращается в возвращение своего, а героический вор — в восстановителя справедливости.

Это значит, что уже утвердилось право собственности и началась *этизация мифов* — первое условие религии. Племенные боги-покровители защищают собственность, их значение растёт, и они начинают теснить культурных героев. Понятие «бог» связано с новой социальной структурой, с дифференциацией внутри племени, что выражено однокоренными русскими словами противоположного значения: «богатый» $\leftrightarrow$ «убогий». Богу сначала приписывалось создание нового социального порядка, позже — сотворение мира. Бог — охранитель собственности.

> Проекция новых социальных структур на мифологическое небо порождает развитые генеалогии богов, их семьи и последующие пантеоны. Войны между богами и их убийства — в большинстве мифологических систем. В самых гармонизи-

[1] Дойель Л. Завещанное временем. М., 1980. С. 257.

рованных мифологиях пережиточно сохраняется эта изначальная конфликтнось старших и младших, борьба между братьями.[d]

В отдельных мифологиях рано появились боги-творцы, но они не пользовались авторитетом. В буддизме нет бога-творца. В зороастризме творец мира не был верховным богом.

У ительменов создатель мира Кутх не только не почитался, но подвергался поношению и насмешкам за то, что плохо устроил мир: вулканы, землетрясения — ну, не дурак ли? «Праздные боги» африканских мифологий после создания мира утрачивают интерес и к нему, и к людям. В мифологиях американских индейцев образ бога-творца не играет особой роли или полностью отсутствует.

В эпоху неолита взрыв человеческой активности необычайно возносит человека-творца, изобретателя; в мифологии это культурный герой.

Так, полубог Мауи, «полинезийский Прометей», похитил из подземного мира огонь и оттуда же хитростью добыл у своей прародительницы корнеплод таро; добыв волшебный крючок, он научил людей ловить рыбу, а сам выудил со дна океана острова для расселения людей; он же изобрёл копьё и первые силки, в которые поймал солнце.

В архаических мифологиях функции демиурга и культурного героя выполняет один персонаж — племенное тотемное животное, а несколько позднее антропоморфный Первопредок, который зачастую действует как трикстер или в паре с трикстером, своим демонически-комическим дублёром. Видимо, старше те мифы, в которых трикстера ещё нет, а проказы и остроумные плутни приписываются самому культурному герою. Некоторые из его проделок являются пародийными переосмыслениями его же собственных серьёзных деяний (Койот у индейцев Северной Америки). Мифы очень медленно приобретали сакральную серьёзность.

Древнейшие мифы, подобно сказкам о животных, отличаются грубым комизмом: даже важнейшие космогонические акты и великие установления могут быть гротескными. Так, африканский Бумбе, сотворив мир в припадке рвоты, спустился затем в людские селения, чтобы преподать людям правила доброй еды и пищевые запреты.

Творение мира сначала выглядело забавной случайностью и совершалось как бы мимоходом. «Акты первотворения могут быть результатом спонтанного превращения одних существ или предметов в другие, побочным плодом жизнедеятельности мифологических героев»[1]. Только в более развитых мифологиях утверждается инициативное созидание мира; тогда-то «превращение Хаоса в космос» и становится основным смыслом мифологии, как утверждает Мелетинский обо *всей*мифологии, противореча самому себе.

Наиболее архаичны те мифы творения, где мир возник случайно, из смешной ошибки. Интересно, что после тысячи лет античной культуры материализм вернулся к этому архаическому представлению: Эпикур и Лукреций были убеждены, что мир возник от слепого случая.

[d] Из подготовительных материалов. АРГН. Оп. 1, д. 90, л. 9901.

[1] Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976. С. 194.

Большинство мифологий переполнено «свинствами» богов: они кастрируют, обманывают, ловко убивают своих врагов, вступают в инцестуозные браки и т. д. Такие мифы принципиально доморальны, ибо они сложились раньше религий. Первобытный человек, зажатый в системе табу, создал себе отдушину в виде свободы богов. А в примитивное понимание свободы с необходимостью входил моральный анархизм — весёлое попрание запретов. Люди не смели подражать богам, но могли *любоваться* их свободой.

Это мифологическая основа сказаний о великих плутах и мошенниках — сказаний, развивающихся на заре цивилизации. Как только женщины и скот стали собственностью, возникли умыкание невесты и угон чужого скота; явились песни, прославляющие лихую кражу девушки или стада. Эти песни были устной газетой. Через ряд гиперболизаций они превратились в «героическое сватовство» или в «похищение чудесного быка» (оленя, коня) — главные темы раннего эпоса.

Как отметил А. Н. Афанасьев, во многих сказках «воровство рассматривается как своего рода доблесть, как подвиг, достойный прославления»[1]. В сказках всех народов различимы циклы сюжетов о ловких ворах; их подвиги иногда мотивируются трудными задачами (добыть молодильные яблоки, жар-птицу, коня), иногда оправдываются иным способом, но часто никак не оправдываются, ибо изначально не нуждались ни в каких оправданиях. В сказках о ловких ворах собственность ещё мобильна, легко переходит из рук в руки; нет ещё «священного и неприкосновенного» права собственности. Сказочник любовался этим ловким воровством, как позже любовалась им арабская макама и прямо происходящий от неё европейский пикареск.

> В более позднем фольклоре появляются циклы сюжетов, повествующих о ловких кражах и мошенничествах *вне всяких оправдательных мотивировок*; в этих «плутовских сказках» отношение к воровству и плутне амбивалентно, и при полном сознании «незаконности» плутни и воровства сказка *любуется* хитроумием и ловкостью плута как ценным человеческим качеством. Образ «плута», «ловкача», «хитреца» или «хитрицы» (типична Далила Хитрица арабских сказок) заметно снижен относительно более древних борцов против собственности: те были защитниками рода, а «ловкачи» — это герои-индивидуалисты, невидимые хозяева больших городов, рынков и дорог.[e]

Сказка любовалась плутнями воров, как миф — свободой своих богов, и восхищалась остроумием и находчивостью, ибо это ценнейшие человеческие качества. Архаические трикстеры иногда попадали в сонм богов, как скандинавский Локи, коварный шутник и злокозненный двойник Одина.

Дальнейшая этизация мифов, породившая древние религии, споткнулась об архаические прославления плутов; понадобился немалый труд для их интеграции в благопристойных пантеонах.

[1] Афанасьев А. Н. Древо жизни. М., 1982. С. 316.

[e] Из рукописной заметки «Героический вор». АРГН. Оп. 1, д. 90, л. 9901.

Особенно знаменит титан Прометей из греческой мифологии. В качестве придурковатого трикстера выступает его брат Эпиметей, но эта оппозиция уже несущественная, так как Прометей имеет грозного врага — самого Зевса. Видимо, дошедший до нас образ Прометея — плод долгих усилий по согласованию его архаического облика с олимпийской религией, проникнутой пафосом собственности. Но даже благочестивый Гесиод не смог изгладить черты исходного обмана, посредством которого люди получили при дележе жертвенного мяса лучшую часть, а боги, одураченные Прометеем, — лишь кости, прикрытые жиром. Это напоминает делёж урожая между мужиком и медведем в русской сказке (AT 1030 — «вершки и корешки»). «Размежевание богов и людей в Меконе <...> носило первоначально менее возвышенный характер, чем в изложении Гесиода, который, впрочем, не до конца устранил остатки грубого комизма. В настоящее время принято думать, что, излагая легенду о Прометее, Гесиод имел перед собой традиционный "божественный шванк" — произведение бурлескного жанра, подвергнутое им обработке в более благочестивом духе»[2].

Главный подвиг Прометея — похищение огня для людей у Зевса. Это кульминация богоборческой темы в античной культуре. В некоторых версиях мифа Прометей даже изображался создателем людей. В нём сливаются героический вор, культурный герой и первый мученик гуманизма.

> Подвергнув Прометея изощрённой пытке, Зевс всё же не решился его убить; в наиболее гармонизированных мифах — в конечном счёте *примирился* с Прометеем. Таким образом, героический вор достигает относительного равенства с богами.
>
> Другая судьба ожидала в олимпийской семье ещё одного прославленного плута и вора — Гермеса. Это древнее аккадское божество мыслилось олицетворением плодотворящей силы; самые ранние гермы представляли собой грубые каменные столбы с эрегированным фаллосом. Много позже на них появилась бородатая голова. Не летучий гонец богов, а зрелый муж с длинной бородой. Гермес мыслился покровителем стад, а потому его стали изображать в виде пастуха с ягнёнком на плечах: это «Гермес Криофорос», позже ставший символом Доброго Пастыря, усвоенным христианской иконографией.

Другой прославленный вор, Гермес (местное хтоническое божество аркадских пастухов) был инкорпорирован в олимпийскую семью как сын Зевса.

> ...инкорпорирован в качестве сына Зевса и Майи (Земли); его мифологический образ включает элементы, типичные для хтонических (подземных) богов. Согласно известно гомеровскому гимну и одной сатире Софокла, Гермес сразу после своего рождения украл стада быков, принадлежащие Аполлону, но вскоре

[2] Лившиц М. Критические заметки к современной теории мифа // Вопросы философии. 1973, № 10. С. 142.

примирился с этим богом, подарив ему своё изобретение — лиру, которую он сделал, натянув струны на панцирь черепахи.

О Гермесе, как и о Прометее, говорилось, что он первым научил людей возжигать огонь на алтаре и приносить жертвы богам. В нём тоже соединяются черты культурного героя и вора, но его весёлые плутни резко отличаются от самоотверженности Прометея. Гермес прижился на Олимпе, стал вестником богов, оставаясь в то же время признанным покровителем воров и купцов.

> Гермес как нельзя лучше прижился на Олимпе и верно служил тому самому Зевсу, который приковал Прометея и послал своего коршуна ежедневно терзать его печень.
>
> То, что отличает Прометеля от Гермеса, есть *самоотверженность*, принесение себя в жертву людям, т. е. в широком смысле слова гуманизм. Прометей стал не богом, но первым «святым» гуманизма; его потомство оказалось бесчисленно, но не на Олимпе, а на земле.[f]

Итак, уже на заре цивилизации человечество ответило на рождение собственности своим несогласием, олицетворённым в героическом воре Прометее. Антитеза собственности и гуманизма — врождённая для всей культуры; она заново повторяется на всех ступенях развития. Мы, люди XX века, придаём понятию кражи однозначный смысл, забывая, что рождение собственности, разрушив внутриобщинную солидарность, принесло людям большие страдания и кривду; забываем что глобальное экономическое неравенство наших дней держит на голодном пайке одну треть населения Земли. Мы не учитываем того, что уже в неолите борьба против собственности стала для многих единственным средством выжить, как похищение девушки — единственным шансом продолжить свой род.

Недаром греки классической эпохи отождествили мрачного царя Аида с Плутоном («плутос» — богатство), что среди прочих возможных значений допускает и такое толкование: богатство тождественно смерти. Некогда кража была борьбой против неё — люди крали только у смерти.

Нужно понять принципиальную разницу между борьбой сказочного героя против собственности как смерти и кражей в современной смысле слова. Осуждает ли кражу волшебная сказка? Разве она не карает богатого брата, укравшего у бедняка волшебную мельницу (AT 565), или завистливых братьев, укравших у героя молодильные яблоки, чудесные предметы, либо спасённых царевен (AT 301A, 550, 551)? Разумеется, карает и осуждает, но не кражу как таковую, а предательство, попрание родства. Хищение у брата, родича, наконец, у бедняка — это подлость, а кража у воров, у царя, у барина — это добывание, т. е. подвиг.

В первооснове всех «эпических краж» лежит одно и то же — добывание сокровищ в царстве Смерти. Так, например, в кельтских мифах, давших начало средневековым легендам

[f] Эта и две предыдущие вставки взяты из рукописной редакции. АРГН. Оп. 4, д. 54, л. 00464, 00465

о поисках святого Грааля, прекрасный юноша добывает талисман плодородия — чашу (ктеический символ) или копьё (фаллический символ) — в замке короля Потустороннего мира и тем спасает Голодную Землю: крадёт талисман жизни у повелителя смерти[1].

Красть у Смерти не предосудительно, как и обманывать её. Геракл, отнимающий у смерти Алкестиду, — не грабитель, а герой; кстати, именно он застрелил Зевсова коршуна и освободил Прометея. Между Гераклом и Прометеем немало общего. Третьим в этом ряду благодетелей рода людского явился Дионис; среди его эпиклес есть имя «Лиэй» (Освободитель). Этот чисто крестьянский бог издревле осознавался как оппонент аристократичного Аполлона. Прометей, Геракл и Дионис составили трио освободителей, которое пользовалось в Элладе большей любовью, чем официально чтимые боги Олимпа.

Сказочные талисманы невидимости[a]

I

В мировом фольклоре бытует ряд сюжетов, в которых в качестве основного или эпизодического героя выступает невидимый человек; например, русская сказка о невидимом слуге «Пойди туда, не знаю куда» (AT 465 A). Особенно интересен «Благодарный мертвец» (AT 506 и 507): герой хоронит мертвеца, и в благодарность за услугу тот становится помощником героя, помогает ему жениться на встающей из гроба царевне, все женихи которой были ею съедены ночью в церкви. Это восточнославянская версия древнего сюжета, разработанного, в частности, в неканонической ветхозаветной «Книге Товита», только там вместо мертвеца фигурирует архангел Рафаил, ниспосланный помочь Товии и изгнать демона, который из любви к Сарре убивал ее женихов.

> История Товита и его сына Товии (*Tobias*) изложена в «Книге Товита», принадлежащей к числу неканонических книг Ветхого Завета. Когда и кем она создана — загадка. В еврейском каноне её нет. Учёные датируют её последними двумя веками до н. э.
>
> Исходным текстом её признаётся греческий, семидесяти толковников. Климент Александрийский пользовался «Книгой Товита» как частью Писания. Церковь признала её полезной для нравственного назидания. Амвросий Медиоланский написал специальное сочинение «De Tobia», где ставил эту книгу выше обыкновенных сочинений человеческих и определял её как «пророческую» (*liber propheticus*), но не Богодухновенную.
>
> Лильеблад доказал, что сюжет этой истории совпадает со сказками о благодарном мертвеце.

[1] The Evolution of the Grail Legend, by D. D. R.Owen. University of St. Andrews Publications, 1968.

[a] Печатается по: Сказочные талисманы невидимости // Фольклор народов РСФСР. Вып. 11. Уфа, 1984. С. 19 – 33.

Товит был благочестивый израильтянин из колена Нефталимова. Отведённый в Ниневию, он прославился там набожностью, богатством и подвигами милосердия. Он отличался праведностью в своей родной стране, не оставил благочестивого образа жизни и в плену, в Ниневии. За свои благодеяния бедствующим соплеменникам он подвергся преследованиям ассирийский властей и вообще пережил целый ряд испытаний, которые закончились для него и его потомства полным благословением Божиим.

В ниневийском плену Товит погребал соплеменников, убитых царём Синнахерибом. Погребение им одного еврея описано особо (2, 3 – 10). Товит ослеп из-за того, что на глаза ему упал кал ласточки. Он молит Бога об избавлении от страданий. Для получения стародавнего долга Товит посылает своего молодого сына Товию к Гаваилу в Экбатаны; в путешествии ничего не подозревающего юношу сопровождает архангел Рафаил, специально ниспосланный Богом под видом простого смертного.

Благодарность мертвеца (=*ангела*) обращена не прямо на Товита, но на его сына. Когда *Tobias* купался в Тигре, его хотела проглотить рыба; по совету спутника (архангела), юноша выловил рыбу и извлёк из неё печень, сердце и жёлчь. Все три органа приносят Товии успех: прибыв в Раги Мидийские, Товия сватается к Сарре, дочери Рагуила (родственник Товии), хотя семь её прежних мужей были убиты демоном Асмодеем в брачном покое до свершения брака. Товия кладёт сердце и печень рыбы на раскалённые угли и дымом этого воскурения изгоняет демона; он становится мужем Сарры.

Вернувшись в Ниневию, он жёлчью той же рыбы смазывает глаза отца, и к старцу возвращается зрение. Добрый спутник открывается как архангел (=благодарный мертвец).[b]

Шведский ученый С. Лилиеблад посвятил специальное исследование «Книге Товита» и сказкам о благодарном мертвеце[1]. Он привёл несколько норвежских сказок, где героиня имеет такого ревнивого демона-любовника; волшебный помощник героя добывает шапку-невидимку и меч, с помощью которых убивает демона; в первые три брачных ночи заменяет жениха на ложе; строптивая невеста готовит нож на жениха, но помощник укрощает её, избивая прутьями, как в русских сказках того же типа. Центральные эпизоды этого сватовства совпадают с подвигами Зигфрида, добывающего Брунхильду для Гунтера.[c] Эта часть сюжета «Нибелунгов» существует и в сказочной версии (AT 519, «Брунхильда»; восточно-

[b] Из подготовительных материалов. АРГН. Оп. 4, д. «Сюжеты сказок и легенд по AaTh», л. 3900 – 3901.

[1] Lilieblad Sven. Die Tobiasgeschichte und andere Marchen vom toten Helfer. Lund, 1927.

[c] Из подготовительных материалов: «Параллельно с мистически-таинственным, «запугивающим» сюжетом о благодарном мертвеце получил развитие и сходный во многом сюжет о помощнике-богатыре, где прежняя ритуальная замена жениха стала трактоваться как вынужденный обман невесты, вызывающий в дальнейшем её страшную месть. Но при всём величии этого сюжета («Нибелунге»), он интересует нас не сам по себе, а в связи с темой невидимости». АРГН. Оп. 1, д. 90, л. 9883.

славянские варианты — «Слепой и безногий»). Этот эпизод и норвежские сказки типа AT 507 восходят к единому архетипу.

> Интересна кавказская сказка «Красная рыба», контаминация AaTh 507 B+ 945. В ней царевна забеременела от дыхания змея.
>
> - 507 C*. Рыба-счастье: парень ловит рыбу, которая обещает быть его Счастьем: она помогает ему разбогатеть, жениться на царской дочери, «излечить» её от змей, выходящих из её рта, и змей, живущих под полом дворца, которые убили всех прежних женихов царевны.
>
> Общим для сказок этих типов является зачин: выкуп трупа и погребение его как «доброе дело» героя. Принципиальной важностью мотива является то, что это благодеяние мертвецу совершается бескорыстно, без расчета на вознаграждение. Награда же за добро в сказке обязательна.
>
> Ряд сказок этих типов совпадает со сказками о благодарных животных. Благодарный мертвец и благодарный зверь выполняют функции и решают одинаковые задачи: в архаике в облике зверя и выступал покойник (благодарный оборотень). Взаимозаменяемость (синонимичность) животного и мёртвого *предка* (тотемизм).[d]

Отметим, однако, исторически обусловленную градацию различий: в «Книге Товита» невеста пассивна, женихов убивает демон; в норвежских сказках есть и демон, и строптивая невеста; в сюжетах типа «Брунхильда» демона нет, а имеется лишь непокорная дева-богатырка.

Подмена жениха в сюжете AT 519 выступает как обман невесты и вызывает после раскрытия обмана её месть (убийство Зигфрида). Однако первоначально такой обман имел обрядовый характер.

Мотив подмены жениха зародился в эпоху перехода от матриархата к патриархату, когда еще сохранялись пережитки группового брака. Право родового коллектива на невесту осуществлялось патриархом, затем она становилась женой собственно мужа. Эти обычаи отразились в библейском рассказе об Ависаге Сунамитянке, согревавшей дряхлого царя Давида, как и в «праве первой ночи», которое перешло от родовых старшин феодалам, было заменено денежным выкупом[1] и в средневековой Европе стало формальным: например, феодал перешагивал через кровать, на которой лежала невеста виллана[2].

В архаике целомудрие невесты рассматривалось как препятствие к браку, и девственность внушала *страх*. У многих народов девушки составляли отдельную поло-возрастную группу, со своими обрядами и духом-покровителем. Такие группы участвовали в охоте и носили оружие. У савроматов девушка не имела права выйти замуж, пока не убьёт хоть одного

[d] Из подготовительных материалов. АРГН. Оп. 4, д. «Сюжеты сказок и легенд по AaTh», л. 3900, 3905

[1] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. XXI. М., 1975. С. 132.

[2] Этот обычай запретил Фердинанд Католик указом 1486 года.

врага[3]. В аркадском мифе Аталанта заставляет женихов состязаться с нею в беге и убивает проигравших.[e] Воинственность девушек отразилась в мифах об амазонках, поляницах и т. д.

Конфликтность отношений между полами — явление древнее. В эпоху группового брака и дислокального поселения половые связи имели сезонный характер, за пределами празднеств «супруги» избегали друг друга, и случайные встречи могли приводить к убиению мужчины[1]. Это отразилось в папуасском мифе о могучей женщине Абере. «Отношения Абере с мужчинами достаточно сложны: с одной стороны, она принуждает всех, с кем встречается, к связи с ней; с другой — она ненавидит мужчин и избегает постоянных отношений с ними, многих убивает. Абере создает женский коллектив и становится его главой, пишет Б. Н. Путилов. По его мнению, миф об Абере сохранил следы борьбы «отцовского» и «материнского» начал[2].

Индоевропейские народы приписывали девушкам большую физическую силу, которую они утрачивают в браке, как Брунхильда в «Нибелунгах». Девственная богиня-охотница враждебна мужчинам: Актеон, подсмотревший купанье Артемиды, превращен в оленя и разорван своими же псами. Артемида беспощадна и к своим согрешившим подругам, которых превращает в медведиц или львиц. Фактически она — ненавистница брака. С мужской точки зрения покровители девственности были опасными демонами, первоначально зооморфными: Артемида была медведицей, Афина — змеёй.

В Непале сохранилась легенда о дочери раджи Бхактапура. Каждый вечер ей приводили нового юношу, а наутро его находили мертвым. Однажды знатный иностранец, остановившись в доме женщины, сын которой был обречен на очередной брак с царевной, осведомился о причине рыданий хозяйки, а затем вызвался заменить юношу и тайно принёс во дворец саблю. Под утро, когда царевна заснула, чужеземец увидел, что из её ноздрей показались две темные нити, которые превратились в страшных змей. Смельчак одним ударом сабли убил обеих; утром его и царевну застали в мирной беседе. В память этого события раджа учредил Бискет Джатра («Праздник убиения змей») — ныне непальский Новый год[3].

Легенда содержит параллели к сюжетам АТ 506 и 507. В русских вариантах этих типов повествуется о том, что заколдованная царевна «начинена» змеями и гадами. Видимо, мотив змеи-охранительницы, живущей внутри девушки, архаичнее мотива «внешнего» демона-охранителя.

Ещё первобытное человечество выработало ряд способов обрядовой нейтрализации этого демона. Изначально вообще не брали в жёны девственниц: они считались не готовыми к браку. Дефлорация входила в состав их инициаций и совершалась до брака, обычно

[3]Косвен М. О. Матриархат. М.; Л., 1948. С. 12, 14.

[e]Из машинописных вариантов: «В тюркских сказаниях об Алпамыше девушка, прежде чем дать согласие на брак, испытывает силу жениха в единоборстве». (АРГН. Оп. 4, д. 21, л. 095129).

[1]Путилов Б. Н. Миф — обряд — песня Новой Гвинеи. М., 1980. С. 18.

[2]Путилов Б. Н. Предисловие // Сказки и мифы папуасов Киваи (из собрания Г. Ландтмана). М., 1977. С. 27.

[3]Манвелов В. И. В стране заоблачных вершин. М., 1966. С. 107 – 108.

оперативным путем. На ранней стадии патриархата почти повсеместным был обычай дефлорирования девушек их отцами[4], отразившийся в мифах и фольклоре (AT 510 B, AT 706). В научной литературе отмечалось, что сказочный мотив брака царя с собственной дочерью имеет раннее и широко распространенное соответствие в легитимированных кровосмесительных отношениях царя-отца с дочерью. Такие отношения считаются доказанными у инков, древних египтян, персов (Артаксеркс), греков, китайцев и т. д.[5] «Царский брак» — пережиточное отражение более широких обычаев: известно, что многие пережитки долго сохранялись в виде исключительных привилегий царей и жрецов.

С развитием патриархата обязанность дефлорирования девушки перешла к отцу жениха (отсюда обычай снохачества), жрецу или вождю. Когда дефлорация слилась с брачным обрядом, ответственность взял на себя специальный помощник, чтобы обезопасить жениха от мести демона девственности.

Страх перед тем же демоном породил обычай, по которому жених присутствовал на собственной свадьбе под видом случайного гостя, странника в нищенском рубище, тогда как рядом с невестой восседал нарядный двойник. Только после пира жених прокрадывался в брачный покой. У арабов Средних веков подставное лицо нанимали «для отвода дурного глаза» от жениха[1]. Сходные обычаи, когда жених приходил на свадьбу инкогнито, отразились в сюжете «Муж на свадьбе своей жены» (AT 974).

Весьма любопытны реликты аналогичных древнетюркских обычаев. В традиционной чувашской свадьбе главную роль играл старший дружка жениха — «манн керу», что буквально означает «старший жених»; он носил вышитое полотенце через плечо, такое же, как у жениха, а спину его украшал вышитый «платок жениха». Подлинный жених играл в свадебной обрядности минимальную роль, а имя его было табуировано[2].

Славяне давно изжили остатки группового брака (его существование в начале киевской Руси отразилось в летописях). Тем не менее, еще в 1869 г. русскими этнографами в последний раз зафиксирован такой момент новгородской свадьбы, когда дружка ложился на постель молодых[3].

Все эти обряды, возникшие для нейтрализации демона девственности, а затем переосмысленные как предохранение от порчи, дурного глаза, ворожбы колдуна или завистника, нашли широкое отражение в фольклоре. Но когда замена жениха помощником в архаических сюжетах начала возмущать патриархальную мораль, сказкам понадобились оправдания: 1) замена моральна, ибо помощник на брачном ложе ведет себя «честно»; 2) замена вынуждена, ибо сам жених не в силах сладить с невестой; 3) замена возможна, если невеста её не распознает.

---

[4] Семенов Ю. И. Как возникло человечество. М., 1966. С. 307 – 308.

[5] См.: Rank Otto. Das Inzestmotiv in Dichtung und Sage. Lpz. — Wien, 1926.

[1] «Тысяча и одна ночь»: «Рассказ о трех яблоках» (вставная сказка «О визире Нур-ад-дине и его брате»). Ночи 19 — 20.

[2] Егоров Н. И. Чувашский саламалик // Чувашский фольклор. Специфика жанров. Чебоксары, 1982. С. 107 — 110.

[3] Жекулина В. И. Исторические изменения в свадебном обряде и поэзии (по материалам Новгородской обл.) // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 241.

В одной из самых знаменитых арабских сказок Аладдин приказывает джинну принести ему в дом царевну Будур с её женихом прямо на брачном ложе; затем он велит джинну до утра заткнуть жениха в отхожее место, а сам ложится с царевной, но кладет между собой и ею обнаженный меч. Так же поступает Зигфрид с Брунхильдой в «Нибелунгах». Меч на ложе гарантирует неприкосновенность девы.

В реальности раннего патриархата помощник не был столь сдержан: его услуга именно и заключалась в консуммации брака, что отвлекало от жениха месть демона. Жизнь помощника тоже нуждалась в гарантиях: важно было, чтобы невеста не увидела его лица. Только тогда исключалась опасность, что она сообщит демону-покровителю имя «убийцы её девства». Страх перед демоном оказался необычайно стойким, он пережил саму практику обрядовой замены жениха и выразился в брачных запретах (табу взаимного лицезрения брачующихся, их имён и т. п.).

У некоторых народов табу на лицезрение было однонаправленным: только невеста не должна была видеть лица жениха отсюда греческие мифы о Зевсе и Семеле, Амуре и Психее). После пира её отводили в темное помещение, и помощник жениха приходил к ней невидимым. Тем же целям служили ряжение и маскировка.

Эти последние обычаи гораздо древнее, чем реконструируемый нами брачный обычай. Ряжение в звериные шкуры и зооморфные маски возникло в среднем палеолите как охотничий приём: он и по сей день успешно применяется неграми африканских саванн при охоте на страусов. Затем такое ряжение стало необходимым элементом тотемного пира. Маски нашли широкое применение в посвятительных обрядах, магических танцах, тотемистических празднествах, военных набегах и т. д. Надевший маску как бы преображался в то существо, которое она изображала (так терзали врагов «люди-леопарды», члены тайного союза в Сьерра-Леоне, против которого боролись британские колониальные власти еще в конце XI X в.).

> Не углубляясь в этот вопрос, позволим себе только одно принципиально важное соображение: древнейшие обряды сохранялись тысячелетиями благодаря их приспособляемости к меняющимся культурно-историческим условиям. Сущностью этой динамики является переосмысление, переход содержания в форму.
>
> «С появлением взгляда на половые акты как на средство обеспечения размножения тотемного животного в число обрядов тотемичестического промискуитетного праздника вошло имитирования полового сношения с убитым зверем. О существовании такого обряда свидетельствуют многочисленные рисунки, изображающие половой акт между человеком и животным».[1f]

К древнейшим «тотемно-оргиастическим праздникам», по мнению Ю. И. Семёнова, восходит «ряд моментов свадебной обрядности», в том числе «обрядовое ряжение в день

[1] Семёнов Ю. И. Как возникло человечество, с. 437.
[f] Из рукописной редакции. АРГН. Оп. 3, д. 70, л. 0652.

свадьбы под животных, чаще всего медведей»[2]. Такой тип свадебного обряда, связанный с культом медведя, был характерен и для Древней Руси.

В русской обрядовой поэзии образ медведя связан с символикой сватовства и брака. «Медведя видеть во сне предвещает женитьбу или замужество»[1]. На Руси верили, что на свадьбе невеста может быть превращена в медведицу: «Убитую медведицу признают за невесту или сваху, превращенную на свадьбе в оборотня»[2]. Но это верование поразительно близко к древнегреческим мифологическим рассказам о мести Артемиды или Геры, которые превращали согрешивших нимф в медведиц. Между древней Грецией и древним славянством больше общности, чем может показаться поверхностному взгляду; возможно, и у древних славян причиной превращения невесты в медведицу считалась месть ревнивой богини, охранительницы девства.

В таком случае свадебное ряжение под медведей можно понимать как нейтрализацию мести, как символическое «упреждение» этого превращения, т. е. приём предохранительной магии, состоящий в уподоблении тотему, как ряженые охотники в пляске перед убитым зверем уподоблялись ему, чтобы предохранить себя от его мести.

В традиционной русской свадьбе уже не наблюдалось ряжения молодых, их только сажали на медвежий или иной густой мех (символ плодородия и богатства). Вероятно, обычай ряжения угасал постепенно, и в течение определенного периода зооморфную маску и шкуру надевал один представитель рода жениха — тот, кто первым осуществлял брачную связь. Он изображал тотемного «прародителя»: медведя, кабана, волка и т. п.

Тотемические истоки фольклорных сюжетов, отразивших интересующее нас свадебное ряжение, отметил Е. М. Мелетинский: «К сказкам о “зверином женихе” очень близки сказки о женихе в звериной шкуре (генетически они тождественны). В известной сказке Гриммов старшие сестры отвергают грязного «неумойку», ряженного в медвежью шкуру, а младшая сестра выходит за него замуж, и «Медвежья шкура» превращается в красавца. Эта сказка, несомненно, сохранила воспоминание о ритуальном ряжении в шкуру животного и о ритуальной грязи»[3].

К этому ценному соображению мы хотели бы добавить одно различение: полагаем, что в раннепатриархальную эпоху шкура и маска тотемного животного надевались помощником жениха, а сам жених играл роль грязного нищего и даже в знак унижения садился в золу, как тайно вернувшийся Одиссей. Сказки, о которых говорит Е. М. Мелетинский, объединили ряженого помощника с грязным женихом.

Итак, помощник в свадебном действе выступал как тотемный предок. Дефлорация совершалась как обряд, в котором невеста отдавалась всему роду жениха в лице его родоначальника.

---

[2]Семёнов Ю. И. Как возникло человечество. С. 441 – 442.

[1]Балов А. Сон и сновидения в народных верованиях: Из этнографических материалов, собранных в Ярославской губернии // Живая старина. 1891. Вып. IV. С. 210.

[2]Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива императорского Русского географического общества. Вып. 1. Пг., 1914. С. 259.

[3]Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. М., 1958. С. 242

Но с вымиранием тотемизма, с утверждением культа предков в собственном смысле слова брачный помощник постепенно утрачивал звериные черты и превращался в предка — человека. Основатель рода, превознесенный праотец, не мог жить 969 лет, как Мафусаил, но ритуально мыслился «приходящим» и участвующим в празднествах рода. Он был «живым покойником», в его образ перевоплощался помощник жениха, а потому звериную шкуру и маску заменила, как мы полагаем, погребальная маска.

Выше уже указывалось на полифункциональность архаических масок; в античном мире за ними в основном остались погребальные функции. В Риме такие маски были портретными[1]. Помощник жениха в погребальной маске стал мыслиться как конкретный предок. В Риме патрицианка, выходя замуж, перевозила в дом мужа маски своих предков. Откуда пошёл этот обычай? Возможно, с переходом обязанности дефлорирования от отца невесты к свёкру последний в некий переходный период продолжал играть роль отца (т. е. предка) невесты, а не жениха; для этого обряд нуждался в масках именно её предков (актерство в духе римской традиции, у римлян даже в I в. н. э. император участвовал в собственных похоронах, представленный актером в погребальной маске).

Маска покойника нейтрализовала месть со стороны демона девственности: дефлорацию совершал предок, «отец» (исторический преемник зверя-покровителя). С невесты вина снималась обрядовым плачем и сопротивлением дружкам, роду жениха, помощнику; сначала это сопротивление было реальным, потом — чисто символическим. Ритуальное ряжение невесты в свиную, ослиную или иную шкуру тоже отражено фольклором.[g]

Невеста не знала, на кого пожаловаться своей богине, не знала ни лица, ни имени «виновника». Она не смела видеть его лица, даже если в брачный покой проникал свет: нарушение грозило ей смертью. В греческом мифе Семела по коварному наущению Геры упросила Зевса явиться ей не в обличье смертного, а в истинном виде: он предстал в виде молнии, которая испепелила Семелу. Такими мифами воспитывался страх перед лицезрением жениха. Этот мотив блестяще использовал Стендаль в «Пармской обители»: Клелия дала обет никогда не видеть Фабрицио, если он будет спасён; позже она встречается с ним в полном мраке. Древнему табу Стендаль придал новую мотивировку, но ведь и в фольклоре сюжеты сохраняются лишь путём смены мотивировок.

Затронутые нами сказочные и мифологические мотивы отразили архаические брачные обычаи: замену жениха «невидимым» помощником, ряжение и маскировку помощника, при-

[1] См.: Кузнецов С. К. Погребальные маски, их употребление и значение. Казань, 1906; Авдеев А. Д. Маски. Опыт типологической классификации по этнографическим материалам // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1957. № 11. 1960. № 19.

[g] Из подготовительных материалов: «АТ 403. «Подменённая жена». Падчерица становится женой царя; мачеха подменяет её своей дочерью; это у Афанасьева. «Белая уточка».
АТ 533. «Подменённая царевна». По пути к жениху служанка заставляет царевну поменяться платьем и рангами; выдаёт её за служанку, а себя за царевну; истина выясняется, царь женится на настоящей невесте, обманщицу приказывает казнить. Сюжет отражает обычай ряжения невесты (ср. 510 В), но смысл обряда сказкой забыт и драматическое переосмысление ведёт к казни брачной помощницы». (АРГН. Оп. 4, д. 21, л. 093616).

ниженность и случайность жениха и т. д. Замена производилась в плане сакрального обмана, и помощник вёл себя так, словно в него вселился «предок».

Представление о браке как сочетании девушки с невидимым предком, покойником отразилось в некоторых мифах и сказках. Таков миф о похищении Коры-Персефоны царем загробного мира Аидом. У земледельческих народов свадьбы совершались обычно осенью, когда богиня растительности исчезала с лица земли.

Она мыслилась похищенной царём смерти, унесённой в его страну. Имя «Аидес» — составное: отрицательная приставка «а» и глагол «ейдо» (вижу). Греческое «Аид» значит «Невидимый». Похищенная этим богом, Кора сама становится невидимой, и Деметра тщетно разыскивает прекрасную дочь по всей земле. Добавим, что бог преисподней иногда назывался не Аид, а «Аиденевс», что значит «делающий (людей) невидимыми».

Розыски похищенной девушки матерью (греческий миф) или женихом (русская сказка о Кащее Бессмертном) отражают части свадебного обряда. Розыски или угадывание невесты входили в традиционный комплекс русской свадьбы: «невесту прятали от жениха, он должен был отыскать её и заплатить выкуп. . . .Иногда вместо невесты выходила покрытая платком девушка или старуха»[1]. Прятание невесты от жениха или от его дружки, подмена невесты — это разновидности ритуального сопротивления браку, отразившиеся в сказках типа АТ 533 («Подменённая царевна») и семантически близкие к узнаванию невесты среди её подруг в былинах о Садко в подводном царстве.

Ряжение невесты в свиную или ослиную шкуру (АТ 510 В) также восходит к указанному обрядовому комплексу, обусловленному страхом перед местью демона девственности («предохранительная магия»).

У некоторых индоевропейских народов долго сохранялся обычай играть в прятки после свадебного пира, причём в игре участвовали молодожены. У индейцев племени хупа в Калифорнии до XX века сохранились инициации девушек, в которые входили танцы посвящаемых в течение девяти вечеров, после чего девушки прятались; их искали специальные посланцы — две старухи (представительницы «матерей») и два юноши (представители «женихов»). При этом юноши приходили в масках, напоминающих морды морских львов[2].

Группа сюжетов о женихе-мертвеце (АТ 365) и сюжеты о благодарном мертвеце (АТ 506 и 507) отражают один и тот же обряд, но с разных точек зрения: первые — с точки зрения девушек, вторые — с точки зрения женихов.

«Мёртвые не отсутствуют, они невидимы», — сказал над гробом Жюльетты Друэ великий Гюго, высоко впечатлительный к мифу. Архаическое мышление считало усопших незримо присутствующими на земле. Поэтому благодарный мертвец в сказках, он же брачный помощник в обряде, не нуждался в шапке-невидимке: невеста не могла (не смела) его видеть. Потребность сюжета в шапке-невидимке явилась тогда, когда исчезло понимание

[1] Жекулина В. И. Исторические изменения в свадебном обряде и поэзии (по материалам Новгородской обл.). С. 241.

[2] Дридзо А., Минц Л. Девочка становится невестой // Вокруг света. 1975. № 10. С. 70.

помощника как мертвеца и когда замена жениха стала осознаваться как реальность (например, в «Нибелунгах»).

Понятие невидимости возникло из представлений о смерти. Благодарный мертвец был невидим, как всякий мертвец, но живому человеку понадобились талисманы невидимости. Все они имели отношение к миру мёртвых.

II

В убиении Медузы Горгоны Персею помог шлем Аида, делающий его носителя невидимым. Собственно, «шлем Аида» — неточный перевод: волшебная шапка Аида называлась «кюнэ» (от «кюно» — собака) и представлялась греками как башлык из собачьей шкуры. Эту шапку надевает Афина, чтобы помочь Диомеду против Арея («Илиада», V, 844 и след.). В сценах гигантомахии в этой шапке изображался Гермес.

> Именно шапка-невидимка (нем. Tarnkappe), вместе с семимильными сапогами и неистощимым кошельком («кошелёк Фортуната»), прочно вошла в репертуар европейского романтического фольклоризма.
>
> Вторые два чудесных предмета появились в немецкой народной книге «Фортунатус» (1509). Шапочка Фортуната в одно мгновение переносила его владельца из одного места в другое. Быть может, способность моментального появления и исчезновения, связанная с такой быстротой передвижения, и есть переосмысление старого представления о невидимости, которую придаёт её носителю шапка-невидимка, хорошо известная немецкому фолькору. В то же время быстрое передвижение характеризует греческого Гермеса, изображаемого в крылатых сапожках (tabaria); он же, как покровитель торговли, часто изображался с кошельком в руке. Быть может, Фортунат и аналогичные ему персонажи европейского фольклора — это сказочные «наследники» Гермеса.[h]

Гермес же снабдил Персея для его подвига серпом — древнейшим атрибутом Смерти (как позже таковым стала коса).

Почему шапка Аида сделана из собачьей шкуры? Собака — священное животное страшной Гекаты, изображаемой в сопровождении черных псов. Трехглавый Цербер — страж подземного мира. Египетский бог смерти Анубис изображался как человек с головой собаки или шакала; имя «Анубис» по-египетски означало «собачка». В мистериях Исиды этот бог выступал как проводник душ в загробный мир. В Европе по сей день живо суеверие: собака воет к покойнику.

Иное дело на востоке: собака — священное животное иранского Ахурамазды; нередко она фигурировала как тотемное животное.

[h] Из редакции «Кадуцей и шапка-невидимка». АРГН. Оп. 1, д. 90, л. 9887. В другой рукописной редакции есть примечание: «В древнем Риме Гермеса называли Меркурием, но у римлян был и свой более ранний эквивалент Гермеса — богиня Лаверна, покровительница купцов и воров». (АРГН. Оп. 1, д. 90, л. 121604).

В древнем Китае племя яо в качестве своего прародителя чтило героического пса Пань-гу. Князь обещал дочь в жены тому, кто принесет ему голову опаснейшего врага; Пань-гу принес эту голову и захотел обещанной награды. Он человеческим голосом попросил посадить его на семь суток под золотой колокол — тогда он превратится в человека. Всё шло хорошо, но на шестой день нетерпеливая княжна приподняла колокол, чтобы посмотреть на суженого. «Тело Пань-гу уже превратилось в человеческое, и только голова всё еще была собачьей, но теперь она уже не могла превратиться в человеческую. Пань-гу выбежал из-под колокола, накинул на себя одежду, а принцесса надела шапку в форме собачьей головы. И они стали мужем и женой»[1]. В этом мифе явственно выступает тотемическое происхождение брачной маскировки, причем маски жениха и невесты, очевидно, изображали собачьи головы. Полагаем, что ритуальная маска собаки была реальным историческим прототипом шапки Аида, первым талисманом невидимости.

Вторым таким талисманом явился перстень мертвеца.

Геродот рассказывает о Кандавле, последнем лидийском царе династии Гераклидов. Гордясь красотой жены, Кандавл предложил своему телохранителю Гигу показать её нагой. Гиг отказался, но царь настоял на своём. Спрятанный за дверью опочивальни, Гиг видел раздевание царицы, а затем был замечен ею. Поняв происшедшее, она решила отомстить мужу; наутро, спрятав вооруженных рабов, она вызвала Гига и предложила выбор — или убить царя и жениться на ней, или тут же принять смерть. Гиг подчинился её воле и ночью был введён в ту же спальню. Полученным от царицы кинжалом он убил Кандавла, затем женился на вдове и взошёл на престол, основав династию Мермнадов[1].

В диалоге Платона «Государство» дана иная версия падения Гераклидов: пастух Гиг после землетрясения спустился в открывшуюся пропасть и нашел много дивного, в том числе полого медного коня; внутри его лежал огромный мертвец с золотым перстнем на пальце. Взяв перстень, Гиг вернулся наверх и в обществе других пастухов обнаружил, что перстень, если повернуть его камнем к ладони, делает носителя невидимым. Тогда Гиг вызвался идти вестником к царю. Попав во дворец, он (с помощью перстня) обольстил царицу, вместе с нею убил царя и сам взошёл на престол[2].

> Перстень Гига варьируется в разных треугольниках мировой литературы (Цицерон, Ганс Сакс, Лафонтен, Теофиль Готье, Фридрих Хеббель, Андре Жид) и отразился в европейском фольклоре. Однако в последнем случае следует говорить не о развитии только указанных греческих преданий, а о более широкой традиции, берущей начало от древнего фольклорного источника, к которому восходят предания о лидийском пастухе, и совершенно, казалось бы, несродные сюжеты, например, неканонической ветхозаветной «Книги Товита».[i]

[1] Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М., 1965. С. 39.
[1] Геродот. История. Л., 1972. С. 13 – 14.
[2] Платон. Сочинения. Т. III. Ч. 1. М., 1971. С. 133 – 134.
[i] Из редакции «Кадуцей и шапка-невидимка». АРГН. Оп. 1, д. 90, л. 9885.

Версии Платона и Геродота давно контаминированы европейской традицией. Гиг благодаря невидимости разделил права мужа, а в результате захватил власть: ведь царство олицетворяется в женщине, «страна есть женщина». Последнее может показаться «формальным» объяснением, если забывать социально-исторический смысл этой древней метафоры — наследование через женщину (первоначально от тестя к зятю), прекрасный анализ которого дан В. Я. Проппом в его работе «Эдип в свете фольклора»[3].

Если сопоставить историю овладения лидийской царицей с помощью невидимости и обычай замены жениха, напрашивается вывод о том, что «перстень Гига» — это сюжет о брачном помощнике, превысившем свои права. Как могла возникнуть такая трансформация? Её можно понять как следствие конфронтации двух глубоко различных культур. Богатая золотом Лидия сохраняла пережитки матриархата и считалась у греков страною распущенных нравов; по их утверждениям, лидийские девушки зарабатывали деньги на приданое своим телом. Для строго патриархальной Греции с её запертыми в гинекее женами многое в лидийской культуре казалось диким и мерзким. Традиция замены жениха могла сохраняться у лидян, но казаться нелепостью эллинам. Видимо, сюжет о перстне Гига — греческое искажение лидийского предания, обусловленное непониманием архаических брачных обычаев.

> Для греков классической эпохи замена жениха представлялась не услугой, а ловким мошенничеством. Невидимость в понимании Платона — это средство безнаказанного преступления: прелюбодеяния, убийства, хищения.[j]
>
> Предание служит Платону опорой для важного рассуждения. Если бы существовало два таких перстня — один на руке человека справедливого, а другой у несправедливого, то первый не смог бы сохранить добродетель при возможности брать что угодно на рынке, незримо проникать в дома и «сближаться с кем вздумается», безнаказанно убивать и «вообще действовать среди людей так, словно он равен богу. Таким образом, заключает Платон, в своих поступках он не отличался бы от дурного человека. Этот мысленный эксперимент служил идее, что никто не честен по доброй воле, но лишь по принуждению: каждый, кто считает, что сможет совершить преступление безнаказанно, «так и поступает».[1k]

Как шапка из собачьей шкуры дала начало шапке-невидимке, так и волшебный перстень с тем же свойством вошел в европейскую традицию: он фигурирует в русской сказке «Бурза Волович» (АТ 300 А)[2], в поэме Ариосто «Неистовый Роланд» и т. п. Ещё Платон сопоставил перстень Гига и шлем Аида в качестве талисманов невидимости[3]. Всё, связанное со смертью,

[3] Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М., 1976. С. 264 – 269.

[j] Из рукописных вариантов. АРГН. Оп. 4, д. 21, л. 093848.

[1] Платон. Сочинения. Т. III, ч. I, М., 1971, с. 133 – 134.

[k] Из машинописных вариантов. АРГН. Оп. 4, д. 21, л. 095300, 095308.

[2] Русские сказки в Карелии (старые записи). Подг. текстов М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1947. С. 79 (Сб. ОРЯС АН. 1877. XVII. № 3, текст 8).

[3] Платон. Сочинения. Т. III. Ч. 1. С. 444.

обладает тем же магическим свойством. Отсюда развилась магия достижения невидимости живыми людьми: талисманами невидимости стали останки мертвецов.

Так, в примечаниях В. Эберхарда и Н. П. Боратава к турецкой сказке «Дервиш и девушка» (№ 154 по указателю EB) приведён вариант, в котором дервиш разбрасывает «землю мёртвых», чтобы всех усыпить, увести девушку и съесть её. В сказке «Разбойник Мехмет» (EB 153) атаман разбойников, убитых девушкой, проникает во дворец и усыпляет его обитателей при помощи фляжки «мёртвой земли». В последний момент некий Голос советует девушке разбить эту фляжку: атаман убит.

Колдовские действия с целью усыпления Фрэзер отнёс к «гомеопатической магии»: мертвецы способны делать глухими, слепыми и немыми живых людей, если живой прикоснется к чему-либо, связанному со смертью. Фрэзер привел ряд примеров[1]. Так, в индонезийском племени галело влюблённый, собираясь забраться в хижину девушки, берёт немного земли с могилы и кладёт на крышу, над тем местом, где спят домочадцы девушки: это должно погрузить их в глубокий сон. Магическое усыпление здесь эквивалентно невидимости усыпителя, а цель — овладеть девушкой, как и в турецкой сказке.

В «Золотой ветви» подчёркивается, что всегда и всюду эти способы применяли воры: у индусов вор бросает у порога намеченного дома пепел с погребального костра, у южных славян вор при первой краже втыкает кость покойника в крышу или стену дома и т. д. Фрэзер упустил из виду русскую сказку «Белая уточка» (Афанасьев, 265, AT 403 B). В ней ведьма хочет убить детей княгини, заглядывает в спальню, «видит: оба брата спят крепким сном, тотчас обвела их мёртвой рукой — и они померли». К этому Афанасьев дал примечание: «Есть поверье, что воры запасаются рукой мертвеца и, приходя на промысел, обводят ею спящих хозяев, чтобы навести на них непробудный сон»[2].

Мёртвая рука как средство усыпления выступает во всех вариантах сюжета AT 304 («Охотник»)[1], где великаны усыпляют обитателей дворца, чтобы похитить девушку.

В средневековой Франции мёртвая рука называлась «рукой славы»: это была высушенная рука повешенного, в которую втыкалась свеча из жира другого казнённого преступника. Люди, увидевшие свет такой свечи, впадали в оцепенение, и вор мог спокойно грабить дом. Позднее «рука славы» была переосмыслена как средство отыскания зарытых сокровищ. Название main de gloire (рука славы) — результат ложной этимологии при передаче слова mandragore, названия кладоискательного корня, вырастающего под виселицами. Понятно, что воры и кладоискатели равно пользовались «рукой славы»: древнейший вид кладоискательства — это ограбление могил.

[1] Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С. 41 – 42.

[2] Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 томах. Т. II. М., 1957. С. 326, 486.

[1] Из подготовительных материалов. АРГН. Оп. 4, д. «Сюжеты сказок и легенд по AaTh», л. 3864: «304. Охотник. («Der gelernte Jager»). У охотника чудесное ружьё, из которого он убивает великанов (змей), желающих похитить царевну — во всех вариантах при помощи мёртвой руки»; из дворца, где все спят, он берёт разные предметы, с помощью которых доказывает, что именно он - спаситель царевны; офицер, выдающий себя за спасителя царевны, наказан.Мотив фальшивого жениха, его разоблачения и наказания — позднее и переосмысленное отражение древнего обряда замены жениха на брачном пиру.

Мандрагора упоминается в Библии, у того же Платона[3] и т. д., но древние не связывали этот корень с кладоискательством и воровством. В примечаниях А. А. Тахо-Годи к «Государству» сказано: «Мандрагора — растение с корнем в виде человеческой фигуры, известное своим снотворным действием»[4]. Очевидно, в средневековой Европе произошла смысловая конвергенция этого растения и руки казненного как средств усыпления. Однако магическая роль мёртвой руки древнее.

По сей день мотив мёртвой руки не распознан в египетской сказке «Сокровища Рампсенита» — AT 950[1]. Царь Рампсенит пытается использовать для поимки дерзкого вора свою дочь: поместив её в дом блуда, он велит ей принимать всякого, кто сознается в самой хитрой проделке; когда же придет тот вор, она должна предать его страже. Запасшись рукою покойного брата, вор идет к царевне, признается ей в ограблении сокровищницы и проводит с ней ночь. Но когда она желает схватить его, вор подставляет ей отрезанную руку брата и убегает. На крик царевны сбегается стража, но девушка держит лишь руку мертвеца.

Мы усматриваем здесь порчу мотива вследствие непонимания. Геродот пересказал эту сказку по пересказу же Эвгемона Киренского, и в этой двойной передаче возникла чисто греческая выдумка: дочь фараона в публичном доме, чего не могло быть в египетском источнике. В оригинале была магия, столь любимая египетским фольклором: вор с помощью мёртвой руки усыплял обитателей дворца или незримо проникал в опочивальню царевны, овладевал ею и вследствие этого получал её в жены. Это плутовская травестия свадебного обряда с невидимым помощником, преступившим рамки своей роли.

Почему магию воров так часто используют дерзкие обольстители? Потому что овладение девушкой — одна из первых форм воровства, как женщина вообще — «первый объект собственности»[2].

> Перейдя в сферу цивилизации собственности мотив невидимого брачного помощника превращается в мотив безнаказанного преступления: то, что было важной и вполне нравственной услугой, стало мыслиться как ловкое воровство, поскольку из порабощения женщины родился культ невинности Совращение лидийской царицы Гигом — тоже воровство. В цивилизации всякое совращение женщины стало воровством, а магические усыпления — воровскими приёмами.[m]

Такое безнаказанное воровство с помощью невидимости, усыпление жертв вора как эквивалент его невидимости, смерть как смысловой максимум усыпления входят как целое в мифологический комплекс Гермеса, вестника олимпийских богов и «самого авторитетного вора» Эллады.

---

[3] Платон. Сочинения. Т. III. Ч. 1. С. 291.

[4] Там же. С. 632.

[1] Геродот. История. С. 116 – 118.

[2] Бородай Ю. М. К вопросу о социально-психологических аспектах происхождения первобытно-родовой общины // Принципы историзма в познании социальных явлений. Сборник статей. М., 1972. С. 194.

[m] Из машинописных вариантов. АРГН. Оп. 4, д. 21, л. 095328.

В классическую эпоху он изображался в шляпе с крылышками, в крылатых сандалиях и с жезлом вестника в руке. Это жезл, «керикейон», по латыни «кадуцей», обвитый змеями и увенчанный теми же крылышками, мог усмирять споры и соглашать врагов. Но более ранним было представление о том, что Гермес прикосновением своего жезла мог погружать в сон любого из богов и людей. Поэтому греки делали ему возлияния перед сном. Мотив доброго духа-усыпителя сохранился в фольклоре Европы («Продавец песка», Оле-Лукойе и др.)

Гермес — покровитель купцов, странников и воров. Он же сопровождает в Аид души умерших и в этом качестве называется Гермес Психопомп («Проводник душ»). И способность усыплять, и воровское искусство Гермеса определяются его связью с миром смерти. Этот вор крадёт людские души и уводит в царство Аида. Древнее представление «о братстве сна и смерти» хорошо описано А. Н. Афанасьевым в работе «Нечистая сила»[1].

«Первобытный человек не верит в естественную неизбежность смерти: люди никогда не умирали бы, если бы не те или другие случайные злые козни людей или духов»[2]. В древних цивилизациях эти «козни» были осмыслены как хищение души. Например, у шумеров: «Судьба человека была записана клинописью у богов в «Таблице судеб»; в час смерти за ним приходила олицетворенная судьба — бог Намтар, или Эккему-Похититель»[3]. В иудейской религиозной поэзии смерть названа «жадным вором». В понимании греков душу похищает невидимый Гермес или Танатос, сын Ночи, который на чёрных крыльях слетает на землю, незримо входит в комнату больного и золотым ножом срезает прядь волос, тем самым посвящая человека в жертву подземным богам. Шумеры, иудеи, греки считали смерть вором.

Из подобных представлений и развилась специфическая «воровская магия», направленная на усыпление жертв и обретение невидимости. Магическое усыпление было «малой смертью», и потому боги-похитители душ стали покровителями воров.

> Таким образом, древние народы Ближнего Востока и, видимо, греки архаического периода мыслил смерть в образе невидимого вора. Отсюда развивается специализированная воровская магия, направленная на усыпление людей и на достижение вором невидимости. Именно Смерть оказалась покровительницей воров, а магический сон, в который воры стремились погрузить жертв, был «малой смертью».
>
> У древних славян не было такого представления о смерти. Но невидимость смерти и духов — вполне обычное славянское представление, широко отразившееся в фольклоре.
>
> Такова белорусская сказка о верном слуге, указанная Л. Г. Барагом под номером (АТ-) 516*: пан, рассказывая в рождественскую ночь сказки, засыпает; его

[1] Афанасьев А. Н. Древо жизни. М., 1982. С. 327 – 328.

[2] Штернберг Л. Я. Основы первобытной религии // Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. С. 12.

[3] Дьяконов И. М. Эпос о Гильгамеше. М.; Л.; 1961. С. 101.

слуга подслушивает под окном разговор «трёх коляд» (сказок), которые из мести сговариваются убить заснувшего рассказчика; однако верный слуга спасает пана, как и в основном сюжетном типе АТ 516. Сюжет имеет древнеиндийское происхождение.[4]

С белорусской сказкой перекликается начало одной южнославянской сказки фаталистического характера: у богатого графа рождается сын; являются три «суденицы» (южнославянские мойры) и после совещания предрекают, что ребёнок, когда вырастет, будет съеден волком. Их совет и приговор подслушивает нищий, принятый в дом на ночлег, и виденное сообщает хозяевам (но, разумеется, все их предосторожности окажутся бессильными). Тут нет никакого рассказывания сказок, но есть совет (сговаривание) судениц, которые не видны и не слышны никому, кроме одного нищего.

Коляды, суденицы синонимичны злым феям или ведьмам западноевропейского фольклора.

У северных славян (поляков, чехов, русских) была распространена вера в домового — невидимого покровителя дома; эта вера выросла из культа предков. «Дедушка домовой» первоначально мыслился Русью как *реальный дедушка*, некогда живший в данном жилище. Невидимое присутствие домового проявляется загадочными ночными звуками, стуком, случайными перемещениями предметов; русские крестьяне верили, что домовой по ночам заплетает гривы их лошадям. Иногда сказки рассказывают о редкостных встречах людей с домовым.

Во всех этих славянских примерах бросается в глаза одна общая черта — «избирательная видимость» духов. Они невидимы, но некто, чуткий и бодрствующий, всё же их видит. Точно так же у Шекспира в III акте «Макбета» призрак убитого Банко занимает место Макбета за столом. Подозревая какую-то жуткую шутку, крамолу и т. п., Макбет грозно спрашивает: «Кто это сделал, лорды?» Но его лорды видят лишь пустое кресло. Равным образом в III акте «Гамлета» принц видит Призрака и говорит с ним, а поражённой Гертруде кажется, что её сын беседует с пустотой.

Exceptio firmat regulum: избирательная видимость духов и призраков лишь подчёркивает их принципиальную невидимость для большинства людей. Эти духи суть незримо присутствующие предки. Вера в незримое присутствие предков была общечеловеческой, она старше всех религий: из этой веры и развились представления о невидимой Смерти, её посланцах и «исполнителях», о том, что мир смерти рядом, но почти не пересекается с миром живых (так в конце XIX в. представляли «четвёртое измерение»).[n]

[4] Бараг Л. Г. Сюжэты: матывы беларускіх народных казак. Мінск, 1978, с. 82 – 83.
[n] Из редакции «Кадуцей и шапка-невидимка». АРГН. Оп. 1, д. 90, л. 9890, 9892.

Невидимость смерти и духов умерших — обычное представление индоевропейских народов. Духи приходят во мраке и бегут от крика петуха (вестника утра). Позже возникло более изощрённое объяснение их невидимости: духи умеют усыплять людей или погружать их в оцепенение. Таким же свойством обладают останки людей и животных. Из них и стали делать воровские талисманы (мертвая рука, шкура чёрной собаки, косточка чёрной кошки). Эти талисманы, атрибуты богов смерти, эквивалентны талисманам невидимости. Обрядовая маска тотемного животного превратилась в шапку-невидимку; аналогичное значение получили перстень мертвеца и кадуцей Гермеса.

Доступ к этим предметам получили эпические герои. Человек, отнимая у смерти её сокровища, тем самым отчасти побеждает смерть. А. Н. Афанасьевым отмечено, что во множестве сказок «воровство рассматривается как своего рода доблесть, как подвиг, достойный прославления»[1].

Мы, люди XX века, вкладываем в понятие кражи однозначный смысл, мы забываем, что рождение собственности принесло людям голод и гибель, что борьба против собственности стала единственным шансом выжить, как умыкание невесты — единственным шансом продолжить свой род. Недаром древние греки классической эпохи отождествили бога подземного царства Аида с Плутоном («Плутос» — богатство), отождествили смерть и богатство. На заре истории кража была борьбой против смерти, люди крали только у смерти.

Мы должны понять огромную и принципиальную разницу между борьбой архаического героя против собственности как смерти и кражей в современном смысле слова. Осуждает ли кражу, например, волшебная сказка? Разве она не карает богатого брата, укравшего у бедняка волшебную мельницу (AT 565), или завистливых братьев, укравших у героя молодильные яблоки, чудесные предметы, спасенных царевен (AT 301 A, 550, 551)? Разумеется, осуждает, но не кражу как таковую, а предательство, попрание родства. Хищение у брата, родича, наконец, у бедняка (который для фольклорного рассказчика стал сюжетным синонимом брата) — это подлость, а кража у врагов, у фараона, у барина — это добывание.

В первоистоке всех «эпических краж» лежит одно и то же — добывание сокровищ в царстве Смерти. Так, в дохристианских кельтских мифах, из которых позже развились легенды о Святом Граале, прекрасный юноша добывает талисман плодородия (чашу или копьё), спасающий Голодную Землю, в замке короля Потустороннего мира — крадет талисман жизни у повелителя смерти[2].

Красть у Смерти не предосудительно, как и обманывать её. Геракл, отнимающий у смерти Алкестиду, — не грабитель, а герой. Аналогичным образом в мифах героизируется обман высшего бога: Прометей сначала обманывает Зевса при дележе мяса, а затем крадёт огонь для людей. Этот «героический вор» — по сей день любимец человечества.

> Начальной стадией мифов и сказок о плутах были рассказы об охотниках, обманывающих могучего, но недалёкого зверя. По законам тотемического мыш-

[1] Афанасьев А. Н. Древо жизни. С. 316.
[2] См.: The Evolution of the Grail Legend. By D.D.R. Owen. University of St. Andrews Publications. 1968.

> ления это означало обман человеком своего бестиального предка. Вся практика тотемизма строилась на ритуальном обмане убитого животного: его чествовали, благодарили, сохраняли его голову и передние лапы, чтобы он мог принять «угощение» и т. п. Позже люди стали обманывать и антропоморфных духов, и богов-покровителей, и даже христианского бога, который в фольклоре нередко прощает обман, если последний достаточно остроумен. Ритуальным обманом Мадонны является поведение Клелии Конти у Стендаля: ведь она выполняет лишь букву, а не смысл своего обета.
>
> <...>
>
> Сакральный обман тотема восходит к эпохе, когда человечество жило охотой, изобретая ловчие ямы и западни для мамонтов и носорогов. Хитрость была важнее силы. С тех пор человечество не перестаёт любоваться «проделками хитрецов» и ловкостью трикстеров. Архаические сюжеты о них — это палеолитическая форма гуманизма.[1o]

В позднем фольклоре преобладает обман чёрта мужиком, например, при дележе урожая («вершки» и «корешки») — АТ 1030. В русских вариантах мужик обычно обманывает медведя — главное тотемное божество германцев и славян. Сакральный обман тотема восходит к эпохе, когда человечество жило охотой, изобретая ловчие ямы и западни для мамонтов и носорогов. Только хитрость побеждала силу. Тогда и зародились сюжеты о хитрецах, трикстерах, побеждающих могучего, но недалекого зверя, или бога, или смерть.

Как в обрядах замены жениха, прятания невесты, свадебного ряжения и маскировки, так и в сюжетах о ловких ворах отразился сакральный обман тотемных животных и демонов — обман ради любви и жизни. Устойчивость этого мотива поразительна. Например, в поздней сказке типа АТ 306 «Ночные игры» (у Гриммов «Стоптанные башмаки») шапка-невидимка помогает солдату спуститься в подземный мир, одолеть хитрости чёрта, жениться на царевне. Мотив невидимости остается связанным с браком, добыванием невесты.

Смерть — величайший из воров. Обкрадывая смерть, человек возвращает отнятое у него же. Остроумие сказочного героя, вызывающее восхищение слушателей, заключается в том, что он отнимает сокровища у смерти (или у её «социальных носителей») при помощи её же собственных средств и способов действия. Человек возвышается до равной борьбы с самыми страшными силами, обращая против них их собственное оружие — сказочные талисманы невидимости.

> Однако в полном противоречии с этой архаической традицией один из величайших мудрецов античной классики отделил мотив невидимости от народной поэзии и превратил его в форму постановки философской проблемы.[p]

[1] См.: Лившиц Мих. Критические заметки к современной теории мифа. «Вопросы философии», 1973, № 8 и № 10; Стеблин-Каменский М. М. Миф. Л., 1976.

[o] Из машинописных вариантов. АРГН. Оп. 4, д. 21, л. 095406.

[p] Из рукописной редакции. АРГН. Оп. 3, д, 70 л. 0646.

III раздел. — Платон, Достоевский, Герберт Уэллс[b]

Морализм чужд фольклору, и тощее нравоучение вносится в него только позднейшими религиями. Фольклорное мышление утверждает жизнь в её полноте, а потому трикстер, вор «иронический удачник» пользуется симпатией сказки.

Вторичное мифотворчество Платона исказило древнюю традицию, сделав из легенды о перстне мертвеца пессимистические выводы: человек порочен по природе и следует «справедливости» лишь под угрозой кары. Платон готовил людям железную узду: по словам К. Маркса, платоновская утопия «представляет собой лишь афинскую идеализацию египетского кастового строя»[1]; В. Ф. Асмус указывал, что у Платона человек приносился в жертву «внешнему великолепию» тоталитарного государства.[2] Царствовать должен философ, и прототипом гениального тирана был сам автор утопии — ожесточённый неудачами идеолог деградирующей аристократии. Из разочарования позднего Платона выросло его недоверие к людям.

Платоновский Гиг с помощью невидимости сделал три дела: обольстил царицу, убил царя, украл власть. В литературе новых времён, например, в «Человеке-невидимке», невидимость объясняется научными открытиями, но сюжетное «использование» невидимости за тысячи лет практически не изменилось. Прозрачный герой Уэлса опьянел от безграничных возможностей, невидимость возносит его над обществом, которому он отдаёт повеления, подписываясь «Невидимка Первый». Ещё один основатель династии!

И хотя, в отличие от первого из Мермнадов, он терпит поражение, суть романа та же, что у Платона: люди порочны, личность склонна попирать мораль, и свобода неминуемо рождает злодеяния. Это позиция всех охранителей в истории; во имя защиты государства от личности платоническая мудрость строит тюрьмы.

Фольклорный герой в шапке-невидимке пользуется ею для блага людей: убивает чудовищ, добывает жён себе и своим друзьям, борется против деспотизма и смерти. Позиция народа противоположна охранительной традиции.

Платон — великий философ, однако народы в целом гениальнее любых мудрецов. В глубинах массового сознания всегда жило и живёт критическое отношение к собственности — один из главных элементов гуманизма. Этим неприятием собственности исполнены предания, саги и сказки о талисманах невидимости, трикстерах-богоборцах и героических ворах.[b]

---

[b] Так обозначена тема этого раздела в рукописной редакции. АРГН. Оп. 3, д. 70, л. 0637.
[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. XXIII, ч. I. М., 1971, с. 606.
[2] Комментари к «Государству»: Платон. Сочинения. Т. III, ч. I, М., 1971, с. 606.
[b] АРГН. Оп. 4, д. 21, л. 095406, 095812

Сюжет о перстне Гига в диалоге «Государство»

Таким образом, заключает Платон, в своих поступках он не отличался бы от дурного человека. Этот мысленный эксперимент подводит к идее, что никто не честен по доброй воле, но лишь по принуждению: каждый, кто считает, что сможет совершить преступление безнаказанно, «так и поступает».[3]

Попутно сделаем одно примечание. А. А. Фет в письме к Л. Н. Толстому от 16 марта 1877 года высокомерно сожалел о том, что Достоевский не получил классического и философского образования, а посему не знает вопросов и ответов Платона, Канта и Шопенгауэра. Между тем, в «Бесах» Достоевского в связи с Шигалёвым упомянута утопия Платона; в библиотеке Достоевского, согласно инвентарной описи его жены, имелись произведения Платона. Великий романист в определённой степени знал труды античного философа; точно можно говорить о знакомстве его с «Государством» Платона.

Сюжет о «перстне Гига», т. е. об узурпации с помощью талисмана невидимости, получил развитие в последующей литературе, начиная с известного Лукиана Самосатского, включая Цицерона, Ганса Сакса, Лафонтена и Теофиля Готье. Сюжеты о талисманах невидимости и о невидимых героях приобрели чрезвычайную популярность: их делают невидимыми или перстень, как в «Неистовом Роланде» Ариосто, или шапка-невидимка, например, *tarnkappe* Зигфрида, обеспечившая успех обманного сватовства к Брунхильде в «Нибелунгах». Шапка-невидимка фигурирует в ряде русских сказок; Пушкин ввёл этот мотив в поэму «Руслан и Людмила».

В 1854 году была поставлена трагедия немецкого драматурга Христиана-Фридриха Хеббеля «Гиг и его кольцо». Хеббель радикально перестроил античный сюжет: у него царица Родопа, став женою Гига и тем восстановив свою честь, добровольно обрекает себя на смерть. Трагедия Хеббеля воскресила в европейской памяти античный сюжет о невидимом узурпаторе и моральные компликации этого сюжета. Последней крупной книгой в этой сюжетной традиции явился роман Герберта Уэлса «Человек-невидимка», который вновь трактует проблему всемогущества личности крайне пессимистически, в духе платоновского недоверия к свободе человека. Прозрачный герой Уэлса издаёт декреты, подписывая их «Невидимка I»: это опять основатель новой династии, подобно Гигу, первому из Мермнадов.

По сути дела, ещё платоновский рассказ о перстне Гига ставит проблему неограниченной свободы личности в форме сюжета о безнаказанном преступлении. Подобные сюжеты стали весьма популярны в готической литературе и в творчестве романтиков.

[3] Платон. Сочинения. Т. III, ч. I, М., 1971, с. 133 – 134.

В понимании ряда романтических философов и поэтов неограниченная свобода воли фатально выражается в преступлении, которое сводится в основном к трём символическим актам: к похищению женщины, убийству и узурпации власти. Шеллинг в «Разыскании о человеческой свободе» утверждал, что зло неотделимо от принципа личности. Едва ли не первой формой романтического героя стал «герой-злодей» английского готического романа (кстати, любимое чтение юного Достоевского). Готическая традиция сохранялась в романтизме. Достоевский хорошо знал рассказы Эдгара По о «безупречных преступлениях», например, «Бочонок амонтильядо» и «Чёрный кот». В первом из них жуткое убийство остаётся безнаказанным, во втором карается роковой случайностью: вместе с трупом жены убийца замуровал живого кота, крик которого и выдал тайну преступления.

В литературоведении не раз обсуждалась связь «Преступления и наказания» с сюжетом романа Булвер-Литтона «Преступление Юджина Арама» (1832). Тут нужно помнить и принципиальную разницу: преступление Арама спустя много лет всё же было раскрыто, тогда как Раскольников сам явился с повинной. Роман Булвер-Литтона имел одну важную особенность: преступником стал человек добрый и порядочный, а жертва убийтва — личность скверная. Эту антитезу смело использовал Достоевский, уничтожив своей великой книгой двусмысленность решения Булвер-Литтона.

Бальзак создал ряд произведений о безнаказанных преступлениях: такова «Красная гостиница», где убийца Тайфер стал одним из столпов общества; только мучительные головные боли, в которые превратилось сопротивление заглушаемой совести, карают Тайфера. Первая редакция «Отца Горио» завершалась картиной бала, на котором танцует бронзоволикий красавец полковник Франкчессини, светский человек и дуэлянт, а на деле — наёмный убийца из друзей каторжника Вотрена.

Круг романтических сюжетов о безнаказанных преступлениях, о фатальной обречённости свободной личности на злодеяниях идеологически связан с поздним Платоном. Напомним, что Платон был кумиром барокко и романтизма, что ещё в 1802 году Фридрих Шлейермахер издал свои переводы Платона своим предисловием, что дуализм Канта (*mundus sensibilitis et mundus intelligibilis*) есть вариация платоновского учения о двух мирах — царстве идей и его сниженном земном отражении.[c]

В центре романа Достоевского — всегда преступление: обольщение девушки, убийство, покушение достичь власти. При этом характерно само намерение совершить преступление *безнаказанно*, сформулированное уже Раскольниковым. До-

[c]Эта и предыдущая заметка взяты из рабочих материалов автора к исследованию «Преступления и наказания». АРГН. Оп. 2, д. 25Д, л. 3692, 3693.

стоевского, как и Платона, тревожат тёмные глубины человеческой души и моральный выбор личности наедине с самой собой.

Кто такие «герои-идеологи» Достоевского, как не платоновские «добродетельные люди», заполучившие «второй перстень», чтобы безнаказанно убивать, как Раскольников и Иван Карамазов, или совращать девиц попутно с убийством, как Ставрогин? Ни один из них не был уличён правосудием, и русский романист сюжетно реализовал «мысленный эксперимент» Платона. Оказалось, что жизнь «бога среди людей» невозможна для человеческой личности, что бремя вины приводит её на грань безумия или к самоубийству. Достоевский согласен, что опасность велика, тут он с Платоном не спорит, но он верит в возрождение или самонаказание тех дерзких, которые поставили свой произвол выше общечеловеческой морали.

Более того, в образе Великого инквизитора Достоевский заклеймил позором платоническую мудрость ложных человеколюбцев, которые пасут свои народы, презирая их. Вскрыв тайное родство такого пастыря с философией «невидимого убийцы» Ивана Карамазова, Достоевский сам того не сознавая, разоблачил тайну позднего Платона: недоверие к людям основано на самонаблюдении этого ~~великого, но низко павшего в конце своей жизни~~ философа-мифотворца. Платон боится свободы людей, ибо слишком хорошо знает себя. Он сам себя выдал в своей человеконенавистнической утопии с её царством мудрецов и евгенической переработкой воинов. И никто в европейской и мировой культуре не дал такого блестящего ответа эту платоновскую утопию, как русский писатель Фёдор Достоевского, гениальный обновитель архаического гуманизма.[d]

Происхождение Золушки и её потомство[a]

Золушка (англ. Cinderella) — героиня почти всемирной волшебной сказки. Её основные элементы: 1) гонимая девушка, юность и красота, которой навлекают на неё ревность её мачехи и сестёр; 2) вмешательство феи или другое сверхъестественное вмешательство в её пользу; 3) принц, который влюбляется в неё и женится на ней.

В англ. версии, переводе сказки Перро «Cindrillon», хрустальный башмачок (the glass slipper), который она теряет на ступенях дворца, возник из ошибки переводчика: у Перро написано pantoufle en vair (туфелька, отороченная мехом), а переводчик понял как pantoufle en verre (стекло).

[d] Из рукописных редакций. АРГН. Оп. 4, д. 21, л. 121214.

[a] Основной текст главы публикуется по: Происхождение Золушки и её потомство // Назировский архив. 2015. № 4. С. 21 – 31.

Мотив поисков ножки, на которую придётся впору потерянный башмачок, известен из древнеегипетской сказки.[b]

Эту сказку о Золушке пытались возводить к космическому мифу (a nature-myth): Золушка — заря (the dawn), угнетённая ночными тучами (злыми родственниками) и избавляемая принцем (солнцем).[c]

I

В июле 1984 года в советских газетах появилась корреспонденция ТАСС «Золушка с берегов Нила». В ней говорилось: «Сюжет замечательной сказки о Золушке, написанной Шарлем Перро в XVII веке и восхищающий детей уже многих поколений, был известен ещё у ... древних египтян. Приключения Золушки, записанные иероглифами на папирусе, пользовались большой популярностью в стране на Ниле тысячелетия назад. Золушку, правда, звали Родопис. А вместо хрустальной туфельки фигурировала золочёная сандалия. Однако сохранившиеся на папирусе рисунки, на которых чернокожий раб примеривает её на ножку Родопис в присутствии самого фараона, не оставляют сомнения, что этот сюжет был невольно «заимствован» Перро...» — и т. д.

Интерес нашей прессы к археологии и фольклору — отрадное явление, но иногда нас огорчают невежественные домыслы журналистов и неистребимая привычка некоторых из них высасывать сведения из пальца. Начнём с того, что Родопис — это вовсе не Золушка.

Древнеегипетская сказка о розыске красавицы по башмачку дошла до нас только в пересказе греческого историка Геродота[1]; находка египетского папируса с подлинником сказки была бы мировой сенсацией, но, увы, на это очень мало надежд.

Геродот рассказал, что за пирамидой Хефрена стоит самая маленькая, но и самая дорогая из пирамид: она до половины сложена из очень твёрдого чёрного камня, привезённого из Эфиопии. Эта пирамида царицы Родопис.

Красавица Родопис (по-гречески «Розовоглазая») жила в городе Навкратиса у самого моря. Однажды она купалась в море, а служанка стерегла её одежду. Вдруг с неба спустился орёл, схватил сандалию Родопис и улетел. Он принёс сандалию в Мемфис, где на площади сидел и вершил суд фараон Псамметих. Орёл бросил сандалию ему на колени. Маленькая сандалия была так хороша, что восхищённый фараон приказал найти женщину, которая её потеряла. Сандалию примеряли по всему Египту и только в Навкратисе нашли Родопис; фараон женился на ней[2].

В рассказе Геродота исторично только имя Псамметиха, царя из саисской династии, о котором греки рассказывали много легенд, поскольку он стал брать на службу греческих наёмников и вообще активизировал связи с Грецией. Фигура Родописа явно вымышлена,

[b] Из черновых материалов. АРГН. Оп. 4, д. 61, л. 0112.
[c] Из черновых материалов. АРГН. Оп. 4, д. 61, л. 0112.
[1] Геродот «История», кн. 2, 133 – 135 (прим. Б. В. Орехова, публикатора).
[2] Геродот. История

и весь рассказ представляет собой сказку *о неслыханной удаче*. Розыск по башмачку отражает одну из форм древнего свадебного обряда «поисков невесты» перед свадьбой. Но сам сюжет о Золушке гораздо более древен: он восходит к поздним стадиям матриархата. Ибо центральным символом сюжета является не прелестная сандалия, а *связь героини с золой*.

Aschtnbrodel, Cenerentola, Попелюшка, Копчушек, Золушка и прочие имена героини в сказках типа AT 510 A у всех народов Европы означают одно и тоже — бедную замарашку, сидящую в золе. Некоторые вариации этого имени звучали довольно грубо: в народной французской сказке Золушка называлась презрительным прозвищем Cucendron (Зад-в-золе); из этого мадам д'Онуа сделала имя Finette Cendron, а Перро — изящную Cendrillon.

Прозвище, производимое от золы, и устойчивая локализация героини у домашнего очага указывают на первоисходную функцию образа: героиня была хранительницей очага, священного огня (в каменном веке *всякий* огонь был священным). Охрана огня была функцией женщин; у многих народов она сосредоточилась на младших дочерях. Положение этих затворниц было почётным и печальным: их освобождали от тяжёлого труда, но обрекали на длительное безбрачие. Старшие сёстры мотыжили огороды, плясали на праздниках племени и рожали детей, а Золушки всё охраняли и «кормили» священный огонь, который и считался их мужем.

Эти юные жрицы блюли девственность; нарушение табу грозило им суровой карой: в древнем Риме согрешивших весталок живыми зарывали в землю. Зато младшие дочери ближе всех стояли к духам домашнего очага, к тем хранителям дома, которых олицетворяли вырезанные из кости фигурки, а в дальнейшем деревянные статуэтки, древнеримские лары, хранившиеся в ящике близ очага (lararium) и получавшие лучшую долю пищи.

С развитием образов антропоморфных богов и мифологических систем архаическим верованиям пришлось потесниться; тогда возникли мифы о нарушении полового запрета девственной жрицей. Такою жрицей была мать ассирийского царь Саргона; древнеримская весталка Рея Сильвия родила своих знаменитых близнецов Ромула и Рема от самого бога Марса. Обычно в сходных сюжетах виновником нарушения табу выступало *божество*. Древнейшая Золушка вступала в брак не с фараоном и не с принцем, а с богом; этот «чудесный жених» служил до известной степени оправданием в нарушении табу.

В архаике сюжет не знал злой мачехи, преследующей Золушку: у некоторых народов сохранились сказки, в которых младшая дочь подвергается гонениям со стороны родной матери, что обусловлено падением роли матери в эпоху становления патриархальной семьи при сохранении сакральных функций младшей дочери; тем самым последняя как бы приблизилась к отцу, патриарху, и оказалась в некую переходную эпоху невольной соперницей матери.[d]

Эта ситуация прослеживается в кровавой драме Атридов, где юная Электра за убийство своего отца Агамемнона мстит (с помощью брата) преступной матери Клитемнестре.

[d] В черновых материалах к этому тексту есть такая тезисная запись: «Мачеха и падчерица. Сказки всей Европы. Отражение каких-то реформ семьи, борьбы матриархата и патриархата («Морозко»). Предпочтение материнского рода и власть жены над мужем выступают как неправые». АРГН. Оп. 4, д. 61, л. 0110.

Ясно, что Электра в этом предании ближе к отцу, чем к матери. Одновременно в греческих мифах оформляется *конфликт мачехи и падчерицы*, в будущем важнейший мотив сказок о Золушке. Так, фиванская царица Ино преследует своего пасынка Фрикса и падчерицу Геллу; мать детей Нефела (греч. «Облако») посылает им летающего по воздуху златорунного барана, на котором Фрикс и Гелла улетают из дома; правда, Гелла падает в море и погибает. Тут важно отметить ещё один мотив — помощь детям, гонимым злой мачехой, со стороны *отсутствующей матери*. Ясно, что Нефела мыслилась божеством.

Радикальная смена культур ведёт к тому, что прикованность Золушки к домашнему очагу утрачивает сакральный ореол и начинает восприниматься как унижение, «кухонное рабство». С этого момента рождается привычный для нас образ Золушки — гонимой невинности, всеми презираемой сиротки[1].

Одновременно происходит десакрализация «чудесного жениха», поскольку и сама героиня из жрицы огня превратилась в маленькую рабыню. Сказка, однако, помнит, что младшей дочери тайно покровительствуют духи или души покойных предков; поэтому во многих вариантах «Золушкина цикла» (в частности немецких и славянских) героиню оберегает *дух покойной матери* в виде «волшебной куколки»; к ней присоединяются или сюжетно замещают её помощные животные. Отец героини обычно играет исчезающе малую роль.

Мотив злой мачехи, десакрализация жениха, превращение юной весталки в домашнюю рабыню — всё это превращает мифологическую сказку в социальную, отражающую неравенство внутри семьи и мечту униженных о компенсации. *Мечта с необходимостью воплощается в чудесном*, сказка остаётся волшебной, хотя среди её персонажей остаётся лишь одно сверхъестественное существо — чудесный помощник (или помощница). Главные элементы сказки таковы: 1) гонимая падчерица, выполняющая в доме самую грязную работу; 2) волшебная помощь падчерице; 2) её встреча с прекрасным юношей, обставленная, однако, рядом запретов (в первоистоке — брачных табу); 4) розыск падчерицы юношей по башмачку; 5) счастливый брак.

Жрица домашнего культа превратилась в олицетворение социальной униженности; к сюжету присоединился мотив «сандалии Родопис», ибо сам сюжет стал историей чудесного брака, вознаграждающего девушку за труд и терпение. Переодевание девушки и розыск по башмачку — детали древних свадебных обрядов.

Счастливое замужество Золушки первоначально было освобождением от жреческой функции, обрекавшей её на безбрачие. Напомним, что древнеримские весталки не были вечными девами, они начинали служение в храме Весты маленькими девочками, но через тридцать лет оставляли охрану священного огня и вступали в брак.

В средневековой Европе древние обычаи, отразившиеся в сюжете о Золушке, были полностью переосмыслены: её брак — не законная компенсация за служение божеству и не нарушение запрета по инициативе божественного жениха, а *организованное чудесным помощ-*

[1] Из огромной литературы о сказках цикла «Золушка» можно выделить: Saintyves P. Les contes de Perrault et les recits paralleles. P., 1923; Rooth A. B. The Cinerella Cycle. Lund, 1951; Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. М., 1958.

ником восстановление справедливости; целый ряд вариантов типа AT 510 A дополняет свадьбу наказанием злой мачехи и завистливых сестёр.

Первой литературной фиксацией сюжета явился «Pentameron» (I, 46) — сказочный сборник, составленный неаполитанцем Джамбаттистой Базиле в начале XVII века. Но сказка была уже лет за сто до этого общеизвестной. В «Застольных речах» Мартина Лютера читаем6 «Каин, безбожный злодей, — великий владыка на земле, а кроткий и богобоязненный Авель должен быть Золушкой и во власти его».

В 1697 г. вышел сборник Шарля Перро «Сказки моей матушки гусыни», сделавший Сандрильону знаменитой (сказка мадам д'Онуа «Финетта Сандрон» появилась около того же времени). Перро придал крестьянской замарашке аристократическое изящество: она дочь дворянина, её облик отмечен некоторой изысканностью. В соответствии с французскими фольклорными традициям, восходящими к наследию кельтов, дух покойной матери заменён доброй феей, крёстной матерью Золушки. Но зато уже не фольклорной, а чисто великосветской мудростью звучат слова феи: «Но ты знаешь, что главный признак хорошего воспитания и благородного происхождения — это хорошая обувь».

> 2. Кельтская мифология, унаследованная французами. Сказки о феях. Злые феи, добрые феи. Мотив вечного сна, заменяющего смерть (король Артур, Фридрих Барбаросса). Пушкин — «Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях». — «Спящая царевна».
>
> <...>
>
> 4. Золушка (Сандрильона). Древний символ пепла. Домашний очаг. В пепле и золе живёт золотое дитя (волшебное дитя). Обработка Перро включает мотив сандалии Родопис, кельтическую фею, волшебную палочку и превращения, оппозицию «мачеха-падчерица». Параллели с русской сказкой.[e]

И в концовке сказки Перро дал иронический намёк на политические нравы версальского двора: талант, кротость и ум пропадают бесцельно, если «нет ни тётушки, ни крёстной».

Последний штрих к прославленной сказке добавила ошибка переводчика. Английский переводчик, владевший французским языком более фонетически, чем письменно, принял слова «pantoufle en vair» («туфелька, отороченная мехом») за сходнозвучное «pantoufle en verre» («стеклянная туфелька). Так в английском переводе появился «the glass slipper» — «хрустальный башмачок», укоренившийся и во многих других переводах как деталь, подчёркивающая воздушную лёгкость Золушки.

В русском варианте сюжета (Афанасьев, № 292, «Золотой башмачок») Золушке покровительствует благородная рыбка, что нехарактерно для сказок этого типа, а встреча героини с царевичем происходит не на балу, а в церкви.

[e]Из черновых материалов. АРГН. Оп. 4, д. 61, л. 0093.

В 1812 году повились «Kinder und Hausmarchen» братьев Гримм. Их версия сказки о Золушке — более народная, более архаичная, чем у Перро. Немецкая сказка сохранила исторически более интересный мотив — помощь Золушке со стороны покойной матери.

Канонизация сказки о Золушке в эпоху романтизма выразилась в создании оперы Россини «Золушка» (1816). Сюжет обязательно включает страдающую от притеснений мачехи девушку, вмешательство чудесного помощника и освобождающий брак с принцем. Очень часто в различных литературных обработках сюжет получал ярко сентименталистскую окраску в духе социального гуманизма XIX века и рисовал неожиданное счастье бедной девушки как награду за её ум, красоту и добродетель. Психологически он сохранял компенсационное значение: брак с принцем — награда за терпение и труд. Тем самым народная сказка приобретала религиозно-моралистическое звучание и смещалась к мещанской утопии.

Однако большие писатели XIX века умели творчески перерабатывать традиционные сюжеты, придавая им своеобразие и актуальность.

II

> Мировой сказочный сюжет о мачехе, падчерице и её освобождении из-под семейного гнёта посредством счастливого брака. Финал всегда — сбывшаяся мечта. Если не считать врагов, то действующих лиц в принципе трое: падчерица (Золушка), жених (Принц), его или её помощник (Фея). Для сюжета типичен помощник, наделённый исключительными возможностями.
>
> Это сюжет идиллический (сказка, феерия, роман). Начало его в русской прозе — «Сорочинская ярмарка». Роль феи играет цыган, а Принца — украинский парубок.[f]

В «Сорочинской ярмарке» (1831) Гоголь демократизировал сюжет об избавлении девушки от семейного рабства, придав мачехе черты хитрой распутницы из народных сказок о неверных жёнах, введя в роли «чудесного помощника» хитроумного цыгана и заменив принца красивым парубком, социально равным героине. Последняя знакомится с ним ещё по дороге, подъезжая к Сорочинцам; нет необходимости разыскивать её «после бала», не может быть в украинской сельской жизни и хрустальных башмачков.

Резкое отличие повести Гоголя от французской сказки или итальянской оперы бросается в глаза. Однако вдумаемся в главную новацию сюжета в плане его бытового снижения: Гоголь превращает элемент чудесного в мистификацию. Пресловутая «красная свитка», происходящая из посторонней для сюжета легенды (о чёрте, разыскивающем своё имущество), нужна для того, чтобы запугать Солопия Черевика и вынудить у него согласие на брак дочери. Важнее всего сама трактовка чуда как *целенаправленно организованного* влюблённым парубком и его помощником розыгрыша. Мотив «рукотворного чуда» вносит новые

[f] Из черновых материалов. Публикуется по АРГН. Оп. 4, д. 61, л. 0094.

акценты в сказочный сюжет об избавлении девушки от семейного рабства посредством брака. Чудесная помощь заменяется помощью «филантропической», чудо создаётся людьми, стилизуется в фольклорном духе, причём его предваряет изложение *вставной легенды*.

Через десять лет после «Сорочинской ярмарки» вышла первая часть романа Герцена «Кто виноват?» (1841), прямо использующая фабулу Гоголя: мадам Негрова — это сочетание распутной Хиври с библейской женой Пентефрия; незаконная дочь генерала Негрова, Любанька — реалистическая вариация гонимой падчерицы; помощником выступает умный и житейски практичный доктор Крупов; роль принца-избавителя, с прибавлением юмористически трактованных черт целомудренного Иосифа, отведена учителю Круциферскому, одному из первых героев-разночинцев в русском романе.

> «Брак-избавление» — это мотив, снимающий тему любви: страсть не чувствуется, девушку просто спасают. Да это и в сказке так же. Во всех вариантах сюжета героиня — это наивная девочка, которую обижает семья; герой — не возлюбленный, а благодетель.
>
> Затем Герцен вводит Бельтова, начинается другой сюжет — о невозможности любви (вариант усадебного сюжета).
>
> Сюжет о Золушке в русской прогрессивной трактовке слился с темой эмансипации женщины; эта тема прославила Жорж Санд и была подхвачена Дружининым («Полинька Сакс»).[g]

Романом «Кто виноват?» Герцен ввёл сюжет о Золушке в тематический круг литературы, связанной с борьбой за эмансипацию женщины. В 1848 году Аполлон Григорьев писал: «Вся современная литература есть не что иное, как, выражаясь её языком, протест в пользу женщины, с одной стороны, в пользу бедных — с другой»[1].

А. Н. Островский славянофильского периода критически оценивал идеи женской эмансипации. Идя от Гоголя, он развил сюжет о Золушке в примирительном духе: его комедия «Бедность не порок» в атмосфере повышенно игровой условности, где эквивалентом украинской ярмарки служат русские святки, по-своему «переигрывает» избавление девушки путём счастливого брака. Влюблённые, в силу славянофильской морали смирения, *пассивны*, а потому относительно обезличены; мачехи нет, её функция перешла к грубому отцу героини; на первый план выдвигается помощник — красноречивый пьяница Любим Торцов, замоскворецкий Диоген, взывающий к совести своего жестоковыйного брата Гордея. Остаточный элемент чудесного — внезапное и слабо мотивированное превращение Гордея Торцова в доброго папашу — вызвал сильную критику, не пожелавшую учесть условности этого комедийного сюжета, всё ещё достаточно сказочного.

Противоположным образом развил герценовскую версию сюжета Н. Г. Помяловский в повести «Молотов», где принцем-избавителем снова выступает просвещённый русский разно-

[g] Из черновых материалов. Публикуется по: АРГН. Оп. 4, д. 61, л. 0094.

[1] Григорьев А. А. Собр. соч. под ред. В. Ф. Саводника. Вып. 8, М., 1916, с. 28.

чинец; мачехою же Нади Дороговой стала её мещанская семья *в целом*. Стойко сохраняется функция помощника, которым здесь явился художник Череванин, отчасти сходный с Любимом Торцовым. Драматизм сюжета снижен тем, что в силу официально санкционированного либерализма «освободительной эры» Молотов и Череванин сравнительно легко преодолевают сопротивление мещанского семейства: им помогает в этом сам генерал, который посватался было к Наде, но дал себя переубедить и отказался от этого брака.

Герцен и Помяловский — прямые предшественники Чернышевского. В романе «Что делать?» (1863) история Веры Павловны включает её избавление от мещанской среды и семейного рабства посредством счастливого брака. При этом брак с Лопуховым оказывается лишь ступенью к настоящему счастью. Узнав, что Верочка полюбила Кирсанова, Лопухов самоустраняется при помощи инсценированного самоубийства на мосту: это оптимистическая пародия на самоубийство Жака в финале романа Жорж Санд «Жак» и одновременно *мистификация*, целенаправленно организованная ради счастья любящих. В этой истории сюжетная функция Лопухова равнозначна функции «чудесного помощника».

> Из романа Герцена «Кто виноват?», романа Тургенева «Накануне» и романа «Полинька Сакс», а также из Помяловского сложился знаменитый роман «Что делать?» Чернышевского.
>
> Чернышевский использовал схему герценовского «Кто виноват?» Верочка в доме родной матери — тоже Золушка, а учитель Лопухов — это революционно-демократический избавитель, Добрый Принц. Мотив любви тут снимается, фиктивный брак обнажает суть сюжета: избавление Золушки от семейного рабства.
>
> И далее всё, как у Герцена: появляется настоящая любовь, появляется Кирсанов. Но у Герцена Бельтов поставлен несравненно выше Круциферского, тогда как Лопухов и Кирсанов — друзья, они равны; без всякой драмы первый уступает жену другому. Так Чернышевский разрешает проблему, мучившую героев усадебного сюжета (Онегин и замужняя Татьяна, Печорин и Вера, Бельтов и Любинька). Чернышевский снимает трагический момент, он принципиально отрицает существование трагизма в любви (одобрил Ольгу Сократовну, когда она вступила в связь с каким-то офицером). Тем самым, Чернышевский возвращает герценовский сюжет в лоно идиллической традиции.
>
> Роман «Что делать?», в котором любовь замужней женщины к другому человеку трактуется как естественная, законная и дозволительная, есть новый вариант продолжения сюжета о Золушке: у Герцена идиллия продолжена трагедией, у Чернышевского — авантюрой и апофеозом. Сюжет в целом — исполнение желаний, включая и победу революции. Это есть революционная идиллия, и Щедрин не зря выбранил четвёртый сон Веры Павловны: «сентиментальная идиллия будущего».[h]

[h] Из черновых материалов. АРГН. Оп. 4, д. 61, л. 0099.

В литературе XIX века мачеха как символ социального угнетения стала излишней: новых Золушек угнетает сам общественный строй. Бедность девушки, социальная приниженность, бесправие героинь в условиях патриархально-мещанской морали вполне заменяют мачеху.

Одновременно в западноевропейской литературе развиваются иные вариации сюжета о Золушке, популяризированного не только оперой Россини, но и английской рождественской пантомимой «Cinderella». В буржуазном романе маленькая страдалица как правило встречает филантропа, который вырывает её из бедности и помогает вступить в счастливый брак. Ведущую роль в оформлении этого *литературного мифа* сыграл «великий христианин Диккенс» (выражение Достоевского), который во многих своих романах использовал приёмы народных сказок и кукольного театра. Маленькие сиротки Диккенса, самый его тип the child wife — это несомненная Золушка, только данная в двух фазах — страдальческой и вознаграждённой.

Уступчивость этого мифа в отношении тривиальных вкусов рано вызывала критическую реакцию. В частности, полемически относился к сюжетам и приёмам Диккенса суровый демифологизатор В. М. Теккерей. Не ограничиваясь прямыми литературным пародиями, он в «Ярмарке тщеславия» своею Бекки Шарп, которую бедное детство превратило в хищницу, создал горько-ироническую пародию на весь миф о Золушке.

Виктор Гюго был мастером актуализации мифов. Например, в «Тружениках моря» битва Жильята со спрутом в пещере, где герой нашёл труп исчезнувшего капитана с украденными деньгами в поясе, представляет собой романтическую реплику сказок о драконоборцах, т. е. о богатырях, убивающих драконов, которые стерегут спрятанные в пещерах сокровища. В романе «Отверженные» (1862) Гюго драматически оживил миф о Золушке. Козетта с её куклой в берлоге Тенардье, загадочный гость, выкупающий её у хозяев, вся трагическая атмосфера этой встречи глубоко впечатляют читателя; Гюго придаёт шаблонному сюжету мучительную остроту, делая Золушку дочерью погибшей проститутки, а её спасителя, «филантропического» помощника — беглым каторжником. Эпизод увода Козетты из дома Тенардье написан с большой силой; этим эпизодом восхищался Достоевский. Но далее великий поэт Франции впадает в свойственный ему мелодраматизм и вводит «прекрасного принца» Жан Вальжан спасает на баррикадах Мариуса Понмерси, и ангелоподобный республиканец, сын наполеоновского генерала (отчасти alter ego самого автора), женится на Козетте. Гюго не умел описывать счастливую любовь; однако в целом ему удалось «прорваться» сквозь мещанский миф, а начальный эпизод избавления Золушки «чудесным помощником» написан потрясающе.

Романы и повести об ослепительных карьерах бедных, но добродетельных девушек практически не поддаются обозрению. Этот мещанский миф часто вызывал иронию трезвых реалистов; как пародию на него можно рассматривать и рассказ Чехова «Анна на шее», где бедная героиня постепенно перерождается в светскую кокотку при содействии собственного мужа. История светской карьеры Анны оборачивается её глубочайшим падением, а «по-

мощником» этой «Анти-Золушки» выступает чиновник, в целях служебного повышения продающий свою жену.

Однако возможности древних сюжетов очень велики, а литература бесконечна, как разнообразие всей нашей жизни. Любопытен пример оригинальной и позитивной разработки сюжета о Золушке в новой русской прозе: это феерия А. С. Грина «Алые паруса».

Для этого ярко выраженного неоромантика характерна локализация действия в туманных и неопределённых «заграницах», в портовых городах, сочетающих в себе черты Одессы, Неаполя, Пирея, Марселя, в каких-то полуевропейских провинциях и полуафриканских джунглях; конечно, Райдер Хаггард и Джозеф Конрад были ему не чужды. Однако элементарная справедливость требует признать, что в этих более или менее экзотических декорациях Грин развивал своеобразные вариации именно русских сюжетов.

Так, например, в одном из эпизодов «Бегущей по волнам» выведены дряхлые старые супруги, живущие в мире прошлого и переносящие его представления на сегодняшний день: совершенно второстепенные фигуры, одновременно забавные и трогательные. Элементарное сопоставление раскрывает их прямую связь с Фимушкой и Фомушкой из «Нови» Тургенева, а эта идиллическая пара, в свою очередь, восходит к «Старосветским помещикам» Гоголя.

«Алые паруса» непосредственно связаны с «Сорочинской ярмаркой». Здесь поэтичную, бедную девушку, отец которой немногим может ей помочь, травит низменная обывательская среда захолустного портового местечка: эта грязная, мещанская Каперна — «мачеха» героини. Мать мечтательной Ассоль давно умерла. Роль чудесного помощника сыграл добрый сказочник, к-рый давно внушал девочке мечту о прекрасном корабле под алыми парусами; в будущем такой корабль приплывёт за ней и увезёт из Каперны. Импровизация доброго сказочника в сюжете «Алых парусов» — это вставная легенда, предваряющая основное действие, отчасти наподобие легенды о красной свитке у Гоголя. Конечно, есть и важные отличия: мечта об алых парусах становится активным началом души Ассоль, ведёт её через жизнь; став известной обитателям Каперны, эта мечта служит поводом для грубых насмешек.

Принцем в повести Грина выступает благородный моряк с независимым состоянием — капитан Грей (образ, несомненно, автобиографический, как и Гарвей в «Бегущей по волнам»). Случайно увидев Ассоль и узнав о её мечте, Грей в пику омерзительным для него обывателям Каперны, считающим девушку умопомешанной, решает *реализовать* мечту её жизни — создать «рукотворное чудо». Элемент чудесного в «Алых парусах» — такая же сюжетная мистификация, как у Гоголя. Грей специально купил алый шёлк, чтобы натянуть его на мачты своего корабля «Секрет». И алые паруса «Секрета», входящего в гавань Каперны как *наглядное осуществление сказки*, поражают суеверную толпу таким же ужасом, как у Гоголя — лоскутья красной свитки.

К Гоголю восходит и лирический юмор «Алых парусов», и общий композиционный строй повести: сначала изложение предваряющей легенды, затем её реализация, далее стреми-

тельно наступающее свадебное празднество и в концовке — тонкая элегическая нота, намекающая на условность этого счастливого финала.

> И феерия Грина, и идиллия Чернышевского восходят к одному сказочно-идиллическому Архетипу: «исполнение желаний», избавление девушки, Золушка и Принц.
>
> «Золотая цепь» Грина — тоже.
>
> Революционно-идиллический роман Чернышевского.[i]

Настоящая статья призвана продемонстрировать долговечность сюжетных традиций. В частности, сюжеты волшебных сказок продолжают скрытую жизнь в литературах новых времён, не исключая и реалистические произведения. Однако со временем эти формы ветшают, а форма неизбежно влияет на содержание.

В XX веке сюжет о Золушке стал излюбленным материалом кинематографа. Неважно, будет ли это красивая продавщица, случайно встретившая молодого миллионера («Брак поневоле» с Диной Дурбин в главной роли), или директор фабрики, нашедшая своё счастье в любви незаурядно мыслящего рабочего («Москва слезам не верит»), — штамп остаётся штампом, и в настоящее время этот сюжет переживает стадию эстетического маразма.

Череп на шесте (Международные параллели к одному русскому сказочному мотиву)[a]

I

Сказка «Василиса Премудрая»[1] имеет малочисленные варианты в русском и украинском фольклоре[2], вариант Афанасьева подвергся литературной обработке. Однако в нём сквозь поздние наслоения проступают архаические мотивы.

Кроткая падчерица с помощью чудесной куколки выполняет все трудные задачи мачехи и её злых дочерей. Падчерицу посылают за огнём к Бабе-Яге, но Василиса и там выполняет все трудные задачи. Забор у Бабы-Яги сделан из человеческих костей, «на заборе торчат черепа людские с глазами» и т. д. Убедившись, что Василисе покровительствует дух матери, Баба-Яга снимает с забора один череп с горящими глазами и, насадив на палку, отдает ей: «Вот тебе огонь для мачехиных дочек».

Василиса ночью, при свете черепа, бежит из леса. Перед домом она хочет бросить его, но он говорит глухим голосом: «Не бросай меня, неси к мачехе». Результат весьма неожиданный: «Внесли череп в горницу: а глаза из черепа так и глядят на мачеху и её дочерей,

[i] Из черновых материалов.АРГН. Оп. 4, д. 61, л. 0098

[a] Основной текст главы публикуется по: Череп на шесте (Международные параллели к одному русскому сказочному мотиву) // Фольклор народов РСФСР. Вып. 9. Уфа, 1982. С. 33 – 43.

[1] Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 томах. Т. 1. М., 1957. № 104. АТ 480*. Далее сокращенные указания на это издание даются в тексте.

[2] Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Составители Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979. С. 142

так и жгут! Те было прятаться, но куда ни бросятся — глаза всюду за ними так и следят; к утру совсем сожгло их в уголь; одной Василисы не тронуло».

Этот череп на шесте — мотив уникальный. В вариантах типа АТ 480* он не встречается: так, буковинская сказка «Марійка и Баба-відьма» мирно кончается тем, что падчерица приносит мачехе горящую головню от ведьмы. Ни наказания мачехи и её дочек и никакого черепа здесь нет[1].

Ограда с человеческими головами на кольях не удивит ни одного этнографа. Копчение, высушивание, хранение вражеских голов наблюдалось почти до наших дней у даяков Калимантана, у индейцев хиваро в Эквадоре и многих других народов[2]. К восточнославянскому ареалу географически ближе рассказ Геродота о скифском племени тавров, давших свое имя Тавриде (Крыму): «С захваченными в плен врагами тавры поступают так: отрубленные головы пленников относят в дом, а затем, воткнув их на длинный шест, выставляют высоко над домом, обычно над дымоходом. Эти висящие над домом головы являются, по их словам, стражами всего дома»[3].

> В древней Руси верили, что черепа охраняют дом от грабежа. Ещё в XIX в. сохранялся обычай выставлять конские черепа вблизи жилищ, пасек и огородов. У русских был обычай обходить двор с черепом для предотвращения воровства, что связано с верой в охранительное свойство черепов.[b]

Пережитки этого обычая хорошо, известны и Европе. В IV акте шекспировского «Цимбелина» принц Клотен говорит:

> Убью тебя своей рукой, а после
> И тех двоих; на городских воротах
> Повешу ваши головы[4].

Еще в XVI веке английские короли выставляли отрубленные головы своих врагов на Лондонском мосту (т. е. при въезде в Лондон), а турецкие султаны вплоть до XIX века — на воротах стамбульского дворца Топкапы[5]. Разумеется, эти головы уже не трактовались как оберег.

Но этим обычаем трудно объяснить использование черепа на палке в русской сказке как карающего оружия. Нужно искать иные пути понимания этого мотива.

Обычай консервации вражеских голов имел интересную параллель — употребление в качестве оберега не человеческого, а конского черепа. Обращение к нему расширяет поле

[1] Казки Буковини. Запис М. Г. Івасюка, упорядкування М. Г. Івасюка та В. С. Басараба. Ужгород, 1973. С. 215 – 219.

[2] См. об этом: Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С. 242 – 243.

[3] Геродот. История. Л., 1972. С. 213.

[b] АРГН Оп. 1, д. 47, л. 47 – 18 – 35-в.

[4] Шекспир В. Собр. соч. Т. 7. М., 1960. С. 711.Фрейденберг О. М. Въезд в Иерусалим на осле // Миф и литература древности. М., 1978. С. 499.

[5] См.: Познаньска К. Старая и новая Турция. М., 1974. С. 32; Петросян Ю. А., Юсупов А. Р. Город на двух континентах. М., 1977. С. 268 – 269. Ср. известное стихотворение Виктора Гюго «Головы сераля» из цикла «Восточные мотивы».

сравнения и позволяет включить уникальный мотив русской сказки в мировой контекст. На такое расширение нас уполномочивает тот факт, что «Василиса Премудрая» близка к основному типу сюжета «Мачеха и падчерица» (АТ 480), где в украинских вариантах сюжетным синонимом Бабы-Яги выступает кобылячья голова. По мнению Е. Мелетинского, «кобылячья голова — это чрезвычайно архаичный фетиш, скорей всего тотемистического происхождения. Культ коня и конского черепа, в котором якобы воплощен могущественный дух, играл существенную роль в первобытных обрядах различных народов»[6].

В древности конь был солярным животным, т. е. связанным с культом Солнца. Коней (нередко с колесницами) приносили в жертву богу Солнца самые различные народы, включая индо-ариев, массагетов, персов, иудеев, спартанцев и т. д.[1]

> У многих народов древности существовал культ коня. Он отражён в Ведах: арии имели праздник коня, когда первая жена царя делила ложе с жеребцом, выбранным за год до этого и ведшим жизнь «живого бога». Этот праздник сочетался с жертвоприношениями богу Солнца. Избранный конь, очевидно, олицетворял Солнце, а указанная кульминация праздника представляла собой сакральный брак царицы с Солнцем.
>
> По Геродоту, единственный богом массагатов было Солнце, которому они приносили в жертву коней.
>
> В одном иранском гимне изображается, как солнечный бог Митра в осыпанной звёздами одежде выезжает из-за горизонта на колеснице, запряжённой четвёркой белых коней с золотыми копытами. Золотое колесо его колесницы и есть Солнце (колесо — всемирный солнечный знак).[c]

В греческих мифах Гелиос каждое утро выезжает с востока на колеснице, запряженной четверкой огнедышащих коней. Культ Гелиоса (Солнца) слился с культом Аполлона, и солнечные лучи стали восприниматься как беспощадные стрелы этого златокудрого, но мстительного убийцы.

Почему Зевс сразил молнией Фаэтона, злополучного ездока солнечной колесницы? Юноша не сладил с конями, недопустимо приблизился к земле, отчего на ней закипели реки и загорелись леса. Но ведь на колеснице при этом не было самого Солнца. Значит, в представлении греков губительный жар происходил от огнедышащих коней.

В глубокой древности Солнце вызывало почтение и страх: «...стихия огня, разрушительная стихия, явилась стадиальным эквивалентом солнечного пламени, солнца в его зените, одинаково светящего и губящего»[2]. Этот страх распространялся и на коня. Янина Розен-Пшеворска считает связь коня с культом Солнца более поздним явлением, чем страх

[6] Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. М., 1958. С. 197.

[1] См.: Геродот. История. С. 79; Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. С. 95, 529 – 532.

[c] Из рукописной редакции. АРГН. Оп. 1, д. 90, л. 9998. На полях слева, рядом с этим абзацем карандашная помета: «О. М. Фрейденберг. Солнце».

[2] Фрейденберг О. М. Въезд в Иерусалим на осле // Миф и литература древности. М., 1978. С. 499.

перед конём: «Тут нужно припомнить, что конь был солярным животным, но в то же время уводящим души умерших в загробный мир (deus psychopompus). Вероятно, сам конь был изначально этим божеством и только с течением времени превратился в атрибут уже персонифицированного божества»[3]. Мнение о том, что функция коня как deus psychopompus древнее солярной функции, несколько сомнительно: солнце и огонь могут убивать и внушать страх. Порою губительная сила коня, а точнее — именно *кобылицы*, находила в мифах гиперболическое отражение.

Так, в древнеиндийской космографии было очень распространено представление об огнедышащем входе в подземный мир — на дне океана, близ южного полюса. Этот вход назывался Кобыльей Пастью, что объясняется в 1-й книге «Махабхараты»: «Он [Аурва] выпустил огонь своего гнева в океан, где тот обратился в огромную лошадиную голову. И доныне в самом отдалённом конце океана, на страшной глубине таится Вадавамукха, Кобылья Пасть, поглощающая воды; это вселенский огонь, который вырвется наружу в час кончины мира и всё уничтожит»[1]. Гнев Аурвы служит объяснением вулканизма; Вадавамукха — олицетворение грозящей миру огненной смерти. Так в мифах появляется страшная кобылья голова.

Остановимся на греческом мифе о Персее. Он убил Медузу Горгону, вид которой превращал в камень людей и животных. Когда он отрубил ей голову, из туловища Медузы родился крылатый конь Пегас. В самом архаическом мифе он вознесся на Олимп, где доставлял Зевсу гром и молнию. В другом мифе Беллерофонт с помощью уздечки, подаренной Афиной, укротил Пегаса и, летая на нем, совершил ряд подвигов, за что царь Иобат отдал ему в жёны свою дочь и сделал своим соправителем. Но когда возгордившийся Беллерофонт захотел взлететь на Олимп, Зевс наслал на Пегаса бешенство, и тот сбросил Беллерофонта, который превратился в жалкого калеку.

Отрубленная голова Медузы стала оружием Персея, который с её помощью обратил в камень напавших на него врагов и даже целый остров, так что он стал непригодным для обитания. Выделим следующие детали: 1) Медуза, крылатое чудовище со змеями вместо волос, была возлюбленной бога Посейдона, который в споре с Афиной за Аттику выступил как *создатель коня;* 2) вид Медузы превращал всё живое в камень, т. е. иссушал, как губительное солнце в засуху палит землю и людей; 3) из её обезглавленного тела родился Пегас, которого считали сыном Посейдона, т. е. *первым конём*; 4) у Еврипида сохранилась иная версия мифа, где говорится об одной лишь Горгоне, которая рождена Землёй и убита Афиной; Персею в этом варианте вообще нет места.

Это побуждает сделать вывод, что миф о Беллерофонте и золотой уздечке Афины отражает приручение лошадей первобытным человеком (около 2000 г. до н. э.). Одомашнению лошадей предшествовали сотни тысяч лет охоты на них, причём дикая лошадь была сильным и опасным зверем: большая численность лошадиных стад делала их более опасными, чем медведи. По нашему мнению, в описанном мифологическом комплексе отразился пере-

[3]Rosen-Przeworska Ianina. O sztuce Celtyckiej i Gallo-Rzym skiej. «Z otchfani wiekow», 1976. № 2. S. 111.
[1]Мифы древней Индии. Литературное изложение В. Г. Эрмана и Э. Н. Темкина. М., 1975. С. 87.

ход от охоты на лошадей к их одомашнению, и прототипом Медузы в самых архаических повествованиях была *огнедышащая кобылица.*

Смертоносное воздействие лика Медузы первоначально объяснялось её огненным дыханием, а змеи на голове — переосмысление конской гривы. Змеи — хтоническая черта; археологи уже в XIX в. открыли в римских погребениях изображения Персефоны со змеями в волосах[1]. Но это не значит, что Медуза обязательно имеет хтоническое происхождение; это лишь значит, что хтонические черты (например, черты Персефоны) были распространены на неё, когда страшная кобылица стала мыслиться как порождение Земли.

Голову Медузы Персей отдал Афине, которая поместила её на своей эгиде. Лик Медузы с высунутым языком, оскаленными зубами и змеящейся шевелюрой греки изображали на щитах и помещали над входом в дом как оберег (горгонэйон). Думается, первоначально это были не изображения, а настоящие кобыльи головы. В древнем Риме периода царей после праздничных состязаний колесниц правую лошадь победившей упряжки приносили в жертву Марсу, чтобы обеспечить обильный урожай, а её отрубленную голову прикрепляли к стене царского дома или к Мамилиевой башне[2]. Архаические сказания об охоте на лошадей и их приручении могли дать и другую ветвь, параллельную греческому мифу: сказки об огненной кобылице, которая вытаптывает крестьянскую ниву, пока её не укротит презираемый младший сын (типы AT 530 и 531).

> Заметим, что он укрощает её ночью, когда не светит солнце. Это сюжет типа AT 530 («Сивко-Бурко»), но в последнем интересующее нас начало деградировало и развит авантюрный элемент. Полнее начало этого сюжета в норвежском варианте — «Девица на Стеклянной горе», где младший брат — типичный «запечник», по-норвежски *Askenladden* («вежливая» версия имени, обозначающего «тот, кто испражняется в золу»). Но он усмиряет и прячет подряд трёх коней, великолепных по своим качествам (на них он доскачет по стеклянной горе до принцессы), но в остальном не чудесных и не волшебных.[3] К тому же архетипу восходит сюжет типа AT 531 («Конёк-горбунок»). В русской сказке этого типа «Жар-птица и Василиса-царевна» укрощённая героем кобылица рождает конька-горбунка, чудесного коня самого невзрачного вида: это и есть русский эквивалент Пегаса и «тулпара», крылатого коня тюркского фольклора. Но в русских сказках, естественно, нет уже и следа от первобытного страха перед диким конём (Русь фактически не знала диких лошадей), а потому нет и убийства кобылицы.[d]

Укрощённая кобылица рождает чудесного коня, отдавая его герою как выкуп за себя. Не исключено, что в исходном сюжете герой убивал кобылицу, как Персей убивал страшную мать Пегаса и как вообще первобытные охотники убивали кобылиц, чтобы отловить

[1] Роспись в погребальной камере близ Корнето (так называемая tomba dell' Orco).
[2] Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. С. 530.
[3] Jomfruen pa Glasberget. — In: Norske Folke Eventur, by P. C. Asbjornsen, J. Moe. Christiania, 1844.
[d] Из рукописной редакции. АРГН. Оп. 1, д. 90, л. 0007, 0008.

жеребят. В сказках разных народов герой с помощью крылатого коня совершает подвиги, за которые, как Беллерофонт, получает «полцарства и царевну в жёны». Трагическое падение Беллерофонта — стадиально поздняя добавка.[e]

Миф о Медузе и Пегасе возник независимо от мифа о Персее. Этот герой Пегасом не воспользовался и никак не связан с ним; Персей — типичный «змееборец» из сюжета типа АТ 300, спасающий от чудовища царскую дочь и получающий ее в жёны. В сюжет об укрощении первого коня Персей вошел «со стороны». Между огнедышащей кобылицей и Медузой Горгоной существовало промежуточное звено. В горной пещере неподалеку от аркадского города Фигалии была обнаружена так называемая «черная» Деметра» — статуя с телом женщины, в длиннополой одежде, но с лошадиной головой и гривой. Местное предание рассказывало, что во время своих поисков Персефоны безутешная Деметра обратилась в лошадь, чтобы избегнуть любовных посягательств Посейдона[1]. Если вспомнить метаморфозы греческих богов, становится неясным, почему облик лошади должен был отпугнуть Посейдона. По-видимому, местная привязка чёрной статуи к Деметре носила искусственный характер, и в пещере стояло изображение забытого древнего божества, женщины-кобылицы, от которой и «произошла» Медуза, возлюбленная грозного морского бога.

Солнечные и огненные кони типичны для славянской мифологии. Наукой отмечена и апотропеическая функция лошадиной головы в древней Руси: «Термин «конёк» происходит от изображения лошади на коньковой слеге крыши дома <...>. По-видимому, раньше на крышах домов укреплялись черепа лошади, птиц. Украшательское значение коньков деревенских домов, вышивок на одежде... появилось позже, первоначален их охранительный смысл»[2].

Лошадиный череп, насаженный на выступающую вперед коньковую слегу и отпугивающий злых духов от древнерусского дома, — это наш череп на шесте, древний оберег. Видимо, таким же он был и у предков греков, пока не превратился в лик Медузы — антропоморфизированную кобылью голову с гривой из змей.

То, что было забыто греками или полузабыто славянами, свежо в памяти башкир. Современный исследователь свидетельствует: «Согласно представлениям башкир, кони не поддаются чарам злых сил. Конский глаз способен видеть скрытое от человека. Поэтому коня вводили в дом, чтобы изгнать злых духов...»[3]. И далее: «По поверью, лошадиный череп оберегал хозяина и его имущество от дурного глаза, от всяких зол. В прошлом широко был распространён (и не только у башкир, но и у многих тюрко-монгольских и других народов) обычай вешать лошадиный череп над ульями, во дворе, на кольях оград, на воротах в качестве оберега»[4].

---

[e]Из рукописной редакции. АРГН. Оп. 1, д. 90, л. 0004: «...стадиально поздняя добавка, отразившая борьбу культов и окончательное торжество олимпийской религии над племенными божествами, которые превратились при этом в героев».

[1]Там же. С. 522.

[2]Соколова З. П. Культ животных в религиях. М., 1972. С. 39 – 40.

[3]Сагитов Мухтар. Преданья жизни кочевой // Былых времен сказанья. Башкирский народный эпос. Уфа, 1979. С. 9 – 10.

[4]Там же. С. 10.

Почему же у греков исчез конский череп как оберег? Потому что после завоевания юга Балканского полуострова греки перестали быть кочевниками, перешли к оседлому скотоводству и земледелию и переняли крито-микенский культ быка в полном соответствии с большей хозяйственной важностью последнего (на лошадях тогда не пахали). Поэтому горгонэйон утратил выраженные признаки конской головы, а в то же время популярным оберегом стал бычий череп (греч. букранион), как у скотоводов Чёрной Африки по сей день. Европа сохранила от эллинской архитектуры так называемый «букран», украшение внешней стены: это барельеф бычьего черепа с рогами, заключённый в квадратную рамку.

Но когда-то конская голова пугала сильнее бычьей, даже конская кость служила оберегом, как и сегодня ведется у крестьян Западной Анатолии, вешающих лошадиную кость над колыбелью новорождённого для защиты от злого духа.

Лошадиная голова была *не только оберегом*. Во время нашествия Ксеркса в составе его разноплеменного войска пришли в Грецию и тогдашние данники персов — иудеи. О них греческий поэт конца V в. до н. э. Хэрил Самосский пишет:

> ...Ратники эти окрест пространного озера жили
> На Солимских высотах, иволосы стригли, а сверху
> Кожу с конской главы надевали, высушив дымом...

Иудейские ратники Ксеркса носили шлем устрашающего характера: то была кобылья пасть, из которой лицо воина смотрело так же, как лицо Геракла — из пасти убитого им Немейского льва. Таким образом, лошадиная голова должна была не только отпугивать духов, но и устрашать врагов в битве, как и голова Медузы на щитах греческих воинов. Это уже более активная функция.

Недостающие звенья следует искать в этнографическом и фольклорном материале, более близком к древней Руси.

II

В исландской «Саге об Эдиле» герой берет жердь из орешника[1f], насаживает на неё лошадиный череп и произносит заклятие: «Я воздвигаю здесь эту жердь и посылаю проклятие конунгу Эйрику и его жене Гуннхильд, — он повернул лошадиный череп в сторону материка. — Я посылаю проклятие духам, которые населяют эту страну, чтобы они все блуждали без дороги и не нашли себе покоя, пока они не изгонят конунга Эйрика и Гуннхильд из Норвегии.

Потом он всадил жердь в расщелину скалы и оставил её там. Он повернул лошадиный череп в сторону материка, а на жерди вырезал рунами сказанное им заклятие»[2].

[1]Выбор орешника не случаен: ему приписывались магические свойства.

[f]Добавление к предыдущей сноске из рукописной редакции: «Ему приписывались магические свойства. Из орешника был сделан кадуцей Гермеса. До XIX века в Европе водоискательная палочка вырезалась из орешника. Татары и башкиры верили, что орешник зацветает в самую короткую ночь года (22 июня)». АРГН. Оп. 1, д. 90, л. 0010.

[2]Исландские саги. М., 1956. С. 182.

Здесь нет физического уничтожения врагов Эдиля, есть лишь опосредованное воздействие, но оберег уже превратился в колдовское орудие.

Между норвежской магией и верованиями древней Руси могла существовать связь. Так называемая «норманнская теория», выводившая всю русскую культуру и государственность из варяжских набегов, полностью развенчана нашей наукой. Но эта справедливая критика порою приводит к иным крайностям: «...говорить о воздействии норманнов не приходится»[1]. Но Б. Рыбаков, которому принадлежат эти слова, сам же отмечает широкое влияние древнерусской культуры на Скандинавию[2]. Почему же не признать факт *взаимного* влияния?

Сношения Скандинавии и восточного славянства в VIII — X вв. были довольно тесными. Не случайно сюжет средневековой исландской саги об Одде Стреле совпадает с рассказом о смерти Олега в «Повести временных лет»: в центре обоих сюжетов — череп любимого коня, ставший гнездом ядовитой змеи. И сага об Одде, и рассказ русской летописи восходят «к древнему сказанию, которое издавна бытовало на юго-западе Норвегии»[3]. Норманнская дружина конунга Олега занесла на Русь некоторые скандинавские сказания и верования, в том числе, возможно, представление о колдовской и фатальной силе лошадиного черепа.

Около века спустя на юго-восточных границах Руси появился тот же символ и тоже с угрожающим, хотя иным значением. Конскую голову на копье везли завоеватели из глубин Азии.

В ногайской сказке «Кара-Батыр и Синий конь» фигурирует змей с лошадиной головой — «змеиный падишах»[4]. Почему у него лошадиная голова? Потому что у тюркских народов она издавна служила знаком власти. Именно в Ногайской степи, а также в Македонии, Трансильвании, Добрудже, в Пловдивском округе Болгарии археологи неоднократно находили скипетры из андезита с миниатюрной лошадиной головой: у протоболгар это был знак царской власти. У половцев, огузов и других тюркских народов появился бунчук — копье с конским хвостом. Возможно, древним вариантом бунчука была насаженная на копье лошадиная голова — прототип протоболгарских скипетров.

И скандинавское волхование с лошадиным черепом на жерди, и тюркские бунчуки и скипетры с лошадиной головой должны были поразить славянское воображение. В том и другом случае лошадиная голова воспринималась как чужая и враждебная сила. Переняли ли славяне скандинавскую магию? Слабым указанием на такую возможность могут показаться некоторые варианты русского сказочного сюжета типа AT 735 A (Афанасьев, 303) — «Горе»; в этих вариантах бедный мужик запирает Горе не в сундуке, не в гробу, не в колесной втулке, а в *кобыльем черепе.* В украинской сказке «Кобиляча голова» (вариант Афанасьев, 99, AT 480) девушка влезает в одно ухо головы, вылезает из другого и становится красавицей.

[1] Рыбаков Б. А. Культура древней Руси. М., 1956. С. 7.
[2] Там же.
[3] Стеблин-Каменский М. И. Примечания // Скандинавская баллада. Л., 1978. С. 259.
[4] Ногайские народные сказки. Сост. Аждаут Ногай. М., 1979. С. 84.

Но этот мотив в русских сказках связан не с кобыльей головой, а с чудесным конем героя («Сивка-Бурка»).

Отдельные сказки не могут служить доказательством того, что древний славянин манипулировал с лошадиной головой, как Эдиль в исландской саге. На Украине, прямо наследующей Киевской Руси, кобылью голову воспринимали как злого духа. Отсюда сравнение поэта:

> Приіхала, загримотіла,
> Кобиляча мов голова...[1]

Это гремящее страшилище являлось, по-видимому, сюжетным синонимом ведьмы и её атрибутом. Народная фантазия восточных славян приписала магию с лошадиным черепом своим злым духам. Такие представления местами сохранились вплоть до XX века, о чём свидетельствует один реликтовый купальский обряд в Брестской области Белоруссии: «В с. Симоновичи хорошо сохранился мотив сжигания ведьмы: конский череп, называемый *видьма*, укрепляли на высоком шесте над костром, называемым *купайло*, и сбивали в огонь, где он и сгорал; после чего молодежь веселилась, пела и плясала у костра»[2].

Это ценное свидетельство следует поставить в прямую связь со сказкой «Василиса Премудрая». Известно, что в украинском фольклоре «видьма» — частый синоним Бабы-Яги; в русских сказках ведьма тоже иногда заменяет Ягу. В то же время украинская «Кобиляча голова» — сюжетный синоним Бабы-Яги. Видимо, колдовское орудие ведьмы стало в реликтовом обряде села Симоновичи её метонимической заменой; в полной же форме обряд состоял из сожжения чучела ведьмы вместе с атрибутами её колдовства, из которых главным был кобылий череп.

> Ещё не так давно в сельские игры аналогичных празднеств входила такая шутка молодёжи: череп животного насаживали на *горящую* палку, так что огонь вырывался из глазниц, и этим фантомом пугали друг друга. Такое устройство очень похоже на череп из «Василисы Премудрой».[g]

Череп на палке в сказке «Василиса Премудрая», символ огненной смерти, представляется отголоском обряда, входившего в купальский цикл. Ведь Иван Купала — солнцеворот, после него световой день начинает убывать; конь — древнее солнечное божество; кобылья голова — огненная смерть, эквивалент солнечного пламени, орудие колдовства ведьмы. Сжигая его в купальском костре, празднующие не просто уничтожают ведьму или ее сжигающий «инструмент», но как бы помогают природе, участвуют в природном цикле: после этого сожжения «видьмы» день начинает убывать, а летний зной — слабеть. Перед уборкой урожая излишнего зноя не нужно, и в Иванову ночь, сжигая кобылий череп, славяне «уничтожали» губительное солнечное пламя.

[1] Котляревський Іван. Енеіда. Київ, 1968. С. 58.

[2] Толстая С. М. Материалы к описанию полесского купальского обряда // Славянский и балканский фольклор. М., 1978. С. 133.

[g] Из рукописной редакции. АРГН. Оп. 1, д. 90, л. 0015.

Нет никаких оснований предполагать, что в подобных обрядах славяне употребляли человеческие черепа. Почему же в «Василисе Премудрой» назван именно человеческий череп?

Во-первых, потому что в ней заключено скрытое *дублирование* мотивов: в сказке действуют и Баба-Яга, и эквивалентная ей кобылья голова из украинского фольклора. При этом Яга «подчиняет» себе свою жуткую сюжетную соперницу. Яга же, как известно, — образ многосоставный: «хозяйка леса», она в то же время выступает как похитительница детей и людоедка, подобно тюркской Алкары (Альбаслы) или злым великаншам западноевропейского фольклора. Общепризнанное людоедство Яги и превратило конские головы, обереги славянского жилища, в людские, а говорящую кобылью голову украинских сказок — в человеческий череп с огненными глазами.

Во-вторых, эта трансформация представляет собой типологическую аналогию с превращением архаических преданий об огнедышащей кобылице и чудесном жеребёнке в классический миф о Медузе и Пегасе. Когда греки перестали понимать, что может быть страшного в кобыльей голове, они придали кобылице черты хтонического чудовища (змеи вместо волос) и одновременно — антропоморфные черты. Образ приобрёл фантастическую контрастность (ср. кентавр, сфинкс и т. п.); такое человекообразное чудовище страшнее кобылицы. Точно так же человеческий череп страшнее кобыльего. Антропоморфизация зоологических образов — объективный и повсеместный процесс. Яркий пример его мы находим в «Великорусских сказках» И. Худякова: «Мачехина дочь и падчерица» (№ 100, в первом издании № 13). Это вариант типа АТ 480, очень близкий к приведенному А. Афанасьевым украинскому варианту («Кобиляча голова) русской сказки (Афанасьев, 99). Но при большом сходстве записи Худякова с украинской сказкой единственным отличием является замена привычной для украинцев кобыльей головы — «человеческой головой»[1].

Процесс антропоморфизации захватил и Бабу-Ягу (некогда имевшую зооморфный облик), и огнедышащую кобылицу, которая стала Горгоной, и даже (в записи Худякова) кобылью голову.

Русь, по сути дела, не знала страха перед конем (славяне и германцы в древности остерегались только белых коней; это суеверие ещё разделял А. С. Пушкин). Скандинавское волхование с лошадиным черепом, видимо, не практиковалось реально, а приписывалось ведьме, Бабе-Яге. Русские крестьяне бросали лошадиную голову в костры, «чтобы все родилось», и даже вводили лошадь в дом невесты[2], но не использовали лошадиной головы как колдовского оружия.

К человеческой же голове древняя Русь относилась почтительно: вспомним хотя бы, как наказан Василий Буслаев за неуважение к мертвой голове.

В свете сказанного замена лошадиного черепа человеческим в сказке «Василиса Премудрая» предстает как *усилительное средство* для характеристики зла (Бабы-Яги) и как средство создания *поэтически ужасного.* С исторической же точки зрения интересующая

[1] Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. М.; Л., 1964. С. 227.
[2] См. об этом: Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. М., 1958. С. 140.

нас замена возникла в результате вышеуказанного дублирования мотивов и общей антропоморфизации архаических животных образов.

В древнем первоистоке русской сказки «Василиса Премудрая» выступал кобылий череп на шесте — магическое оружие, тождественное колдовскому устройству норвежца Эдиля и типологически параллельное отрубленной голове Медузы Горгоны.

Вырезка земли[a]

Древние формы собственности обладали признаками типологического сходства у самых разных народов. Видимо, это сходство объясняется общими закономерностями исторического развития, а не контактами и не влияниями.

Так, во всём мире движимая собственность появилась раньше, чем недвижимая. Многие народы и по сей день не дошли до принципа частной собственности на землю. Личная собственность на землю впервые в истории возникла в античном Средиземноморье и осталась полностью чужда азиатскому способу производства. Те народы, у которых этот принцип получил развитие (прежде всего индоевропейские), перенесли на законы землевладения более ранние обычаи приобретения и наследования *вещей*.

> В древних «речных цивилизаций», наряду с общинной собственностью сохранялась «верховная собственность» правителя на всю землю. При азиатском способе производства собственником и охранителем земли выступает всё общество, а «отдельный человек» не становится самостоятельным по отношению к общине».[1]

Знаменитая максима римского права гласила: «Res nullius cedit primo occupanti» («Ничья вещь поступает в собственность того, кто первый ею овладел»). Сначала это было законом *о найденных вещах* и лишь много позже перешло в *право захвата земли*.

«Вещное право» не было законодательно дополнено правом на недвижимость, а сначала просто включило в себя это последнее. Иными словами, понятия «недвижимости» ещё не было, и земля трактовалась как *вещь,* которую можно взять в руки, передать из рук в руки и даже *унести с собой*.

> М. Мосс, исследовавший древнеримские и древнеиндийские формы обмена, пишет: «Вещи делились на два разряда. Различие проводилось между *familia и pecunia*, между вещами дома (рабами, лошадьми, мулами, ослами) и скотом на пастбищах, вдали от стойла. Различие также проводилось между *res mancipi* и *res nec mancipi*, каковые определялись по способу их продажи. Отчуждение первых, состоявших из ценных объектов, включая детей и недвижимость, имело вид *mancipatio, "взятия в руки"». Мосс считает, что оба указанных различия*

[a]Основной текст главы печатается по: Вырезка земли // О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. Уфа, 2010. С. 209 – 214.

[1]Маркс К. и Энгельс Фр. Сочинения, т. 46, ч. I, с. 474.

взаимно соответствовали друг другу, т. е. продажа вещей дома оформлялась как mancipatio.[2] Скот (*pecunia* в дальнейшем стало обозначать «деньги») не входил в понятие *familia.*

Таким образом, земля первоначально включалась в вещное право, а затем уже собственность на землю отделилась от понятий дома («семьи») и утратило «квазибиологическую связь» с обладателем. Такой путь развития земельной собственности получил огромное отражение в мифах и фольклоре разных народов. Учитывая этнографическую базу этих отражений, можно осветить некоторые ситуации и символы древних предани й по-новому.

В древнегреческой мифологии известен эпизод из истории аргонавтов. Когда они мучились в своих возвратных скитаниях, мудрый певец Орфей посоветовал выйти на берег и посвятить богам неизвестной страны большой жертвенный треножник. Когда аргонавты сделали это, перед ними появился морской бог Тритон и, подняв ком земли, подал его героям *в знак гостеприимства.*

Эта символика гораздо старше греческих мифов. Советский исследователь И. С. Клочков даёт очень интересные соображения, затрагивающие нашу тему: «В древней Месопотамии увоз добычи из разорённых городов и стран имел не только зримые экономические и социально-политические последствия как для побеждённых, так и для победителей. Утраченное или приобретённое богатство соответствующим образом влияло на судьбу города, страны, царя. Недаром об увозе имущества врага в надписях сообщается сразу вслед за сообщением об увозе богов побеждённых... Не случайно и то, что захваченных богов (т. е. статуи их) и часть добычи ассирийские владыки посвящали своим богам. Из покорённого города в столицу победителей нередко везли и землю. «Уменьшение страны» противника и «доведение её до небытия» осуществлялось как реальными, так и «сверхреальными» средствами...»[1]

Это значит, что перевозка небольшого количества земли из покорённого города в столицу представляла собой магическое действие, направленное на «уменьшение» вражеской страны.

С этим мифологическим символизмом перекликается более позднее обыкновение древнеперсидских царей-завоевателей, вступая в чужие страны, требовать в знак покорности «земли и воды» (лат. a q uam terram q ue poscere). Если сопротивление было невозможно, завоевателю подносили вполне реальный кусок земли (символ страны) и сосуд с водой местной реки (символ человеческой жизни). Это означало безоговорочную капитуляцию, сдачу на милость победителя.

Кусок земли, ком земли означал всю страну, из почвы которой он был взят, по принципу pars pro tota: кусок земли — это синекдоха всей земли, имеющая древнее происхождение.

[2] M. Mauss. The Gift. Form and Functions of Exchange in Archaic Societies. N. Y., 1967, pp. 48 – 49.
[1] Клочков И. С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. М., 1983, с. 56 – 57.

«В старину на Руси вместо обыкновенной присяги долгое время в спорных делах о земле и межах употреблялся юридически признанный обряд хождения по меже с глыбою земли: один из тяжущихся клал себе на голову кусок земли, вырезанный вместе с растущею на ней травою на самом спорном поле, и шёл с ним по тому направлению, где должна была проходить законная граница; показание это принималось за полное доказательство...

Взятая с поля глыба и дёрн были символами матери-земли, а с тем вместе и поземельной собственности; по всему вероятию, как было и у других народов, так и у нас — при уступке и продаже полей и пашен кусок земли или дёрн передавался из рук в руки от продавца покупщику, как видимый знак перехода права владения от самого лица к другом. На это указывает старинное выражение: продать *в дёрн* или *одерень*, т. е. продать в полную и вечную собственность. У римлян в случае тяжбы о поземельном владении противники отправлялись на спорное поле, брали из него глыбу и приносили к претору, который должен был рассудить их; у германцев в подобном случае также вырывали глыбу из спорной земли, приносили пред феодала и, вступая в судебный поединок, прикасались к ней своими мечами».

А. Н. Афанасьев гипотетически восстанавливает для древней Руси обычай передачи куска дёрна при купле-продаже земельного участка — по аналогии с такой передачей у германских народов, документально засвидетельствованной.[b]

Для получения права на владение землей в раннесредневековой Европе требовалось личное присутствие приобретателя и даже *схватывание* земли руками. Так, на Британских островах в Средние века акт овладения землей назывался the seizing (схватывание). Вступление во владение землей скреплялось тем, что передающий вырезал кусок дерна из передаваемого участка и вручал его покупателю. Без этого seizing не имел законной силы.

Трактовка земли как вещи ярко выразилась в исторической легенде о норманнском завоевании Ирландии. В 1015 году норвежский викинг Геремон предпринял морской набег ради захвата северо-восточного берега Ирландии; вместе с ним в набеге участвовал другой вождь, имя которого забыто. Оба викинга заранее договорились, что королем захваченной земли станет тот, кто первым до неё дотронется. Когда они приближались к берегу, корабль соперника Геремона начал перегонять. Увидев это, Геремон отрубил кисть своей правой руки и бросил её на берег. Окровавленная рука коснулась земли на несколько секунд раньше, чем на неё ступил соперник Геремона. Условие было выполнено, и Геремон положил начало известному роду О'Нейлов, который сотни лет правил в Северной Ирландии. В гербе провинции Ольстер и по сей день изображена правая рука на серебряном поле — отрубленная

[b]Эта и три предыдущие вставки взята из рукописной редакции. АРГН. Оп. 1, д. 90, л. 9905, 9907. Видимо, позднее мысль автора усложнилась: см. дальше в основной (машинописной) редакции рассуждения о невозможности возникновения такого обычая на Руси. — Прим. ред.

рука Геремона. Ясно, что викинги следовали праву, аналогичному цитированной римской максиме «primo occupanti», и рассматривали прекрасную страну свободных кельтов как «res nullius».

> Антуан-Гаспар Буше д‘Аржи (1708 – 1791), известный юрист, написал статью «Папа» в XI томе «Энциклопедии» Дидро (1765).
>
> Он пишет: «В XI веке папа Григорий VII настолько овладел духом тосканской графини Матильды, что она совершила подлинное дарение своего государства святому престолу, сохранив только право пожизненного пользования. Неизвестно, был ли составлен документ или договор на это дарение. Обычно, когда дарили свои земли церкви, на алтарь клали горсть земли, и свидетели заменяли письменный договор» (История в Энциклопедии Дидро и д‘Аламбера. Л., «Наука», 1978, с. 172).[c]

Непонимание права личной собственности на землю явилось основой трагедии башкирского народа в XVIII — XIX веках. Когда русские купцы и прочие частные колонизаторы предлагали башкирским феодалам продать их земли, то эти феодалы с легким сердцем подписывали такие договоры, понимая их как разрешение русским контрагентам селиться на этой земле. В сознании башкир право собственности на землю могло принадлежать только государству, а с русским царём они не ссорились, не воевали, платили дань. Следовательно, их земля оставалась при них — оставалась *родовым владением* (ибо феодализм у башкир не успел отделиться от родоплеменной системы). Когда же на следующую весну после договора башкиры пригоняли стада на эти земли, их встречала выстрелами охрана, нанятая покупщиками; на сторону последних вставали и местные русские власти, действуя по букве закона, дикого и непонятного для башкир. Видимо, Л. Н. Толстой несколько упростил эту проблему в известной притче «Много ли человеку земли надо»: башкиры не могли и помыслить *личное землевладение,* для них земля могла быть собственностью только рода, племени, государства.

Видимо, это непонимание связано не только с родоплеменной стадией развития общества, но и с экономическими особенностями: у кочевников, скотоводов отношение к земле совсем иное, нежели у землепашцев. Ведь кочевники мыслят землю как *простор* (кочевое скотоводство нуждается в огромных территориях), а землепашцы — как конкретную *почву.* Только на основании последнего и может зародиться личная собственность на землю.

> Однако пониманию земли как вещи предшествовало более интимное и *одушевлённое* отношение, интереснейший пример, которого мы находим в «Золотой ветви» Дж Фрэзера.[d]

Происхождение её, чрезвычайно древнее, раскрывается через один интереснейший эпизод, приводимый Дж. Фрэзером со ссылкой на русского этнографа, изучавшего быт удмур-

[c] Из рабочих материалов. АРГН. Оп. 1, д. 90, л. 9903.
[d] Из рукописной редакции. АРГН. Оп.1, д. 90, л. 9907.

тов: «...Однажды вотяки Малмыжской области из-за ряда неурожаев впали в нужду. Они не знали, что предпринять, и в конце концов решили, что, должно быть, их могущественный, но злокозненный бог Кереметь разгневался на них за то, что не был женат. Тут же делегация стариков посетила вотяков Куры и договорилась с ними по этому вопросу. Затем они возвратились домой, запаслись изрядным количеством водки и, приготовив окрашенную в яркие цвета повозку и лошадей, со звоном колокольчиков — как будто везли домой невесту — отправились в священную рощу Куры. Они весело провели всю ночь за едой и питьём, а наутро вырезали в роще квадратный кусок дерна и забрали его с собой. После этого дела пошли у малмыжских вотяков хорошо, а в Куре — плохо. Разгневанные курские вотяки ругались и грубо обходились с теми из своих земляков, которые согласились на этот брак. «Нелегко понять, — пишет сообщающий об этом автор, — что означала эта брачная церемония. Возможно, как полагает Бехтерев, имелось в виду женить Кереметя на доброй и плодородной Мукильчин, Супруге-Земле, чтобы она могла оказать на него благотворное влияние»[1].

Описанная Фрэзером церемония «бракосочетания» Кереметя с землёй и перевозки вырезки земли в качестве «невесты» удивительно напоминает вышеописанный британский seizing. Передачу вырезки земли и обычай её схватывания можно понять как реликт более древнего обычая — брака нового хозяина с приобретаемой им землей[1]. Этот обычай зародился в эпоху, когда право ещё не выделилось из семейно-родовых отношений. Тогда человек не покупал и не наследовал землю, а *женился на ней*. В становящейся патриархальной семье право собственности на жену развилось раньше, чем право собственности на землю. Брак в такой семье стал *покупкой невесты*; затем в формах такого брака развилось право приобретения земли.

Все земледельческие народы прошли через стадию аграрных культов, в которых половая жизнь людей отождествлялась с земледелием. В становящейся патриархальн семье право собственности на жену развилось раньше, чем право собственности на землю. Вообще женщина — первый объект собственности.[2] Брак в такой семье складывался в формах *покупки* невесты (тогда как обычай умыкания характерен для скотоводческих народов). Затем в формах «брака-покупки» развилось право приобретения земли, и плата за неё первоначально мыслилась по аналогии с выкупом за невесту. Вырезка земли, которую продавец передавал покупателю, понималась как олицетворение земли-невесты.

> Но ещё более древним является понимание земли как матери всех людей. «От общего представления о Земле народ земледельческий переносит своё религиозное почитание на отдельные родовые участки, подобно тому как культ огня склонился к обоготворению домашнего очага...»[3] Видимо, культом Матери-Земли

[1] Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С. 167 – 168.

[1] Практически все земледельческие народы прошли через стадию аграрных культов, в которых брачное сожительство и половая жизнь людей отождествлялись с земледелием, пахотой, урожаем и т. д., что отразилось в языках этих народов («пахать», «сеять» — значит оплодотворять женщину).

[2] Бородай. (Так сноска выглядит в рукописи. — Прим. ред.)

[3] Афанасьев А. Н. Древо жизни, с. 60.

порождён обычай клясться землёй у славян. Поздня форма такой клятвы заключалась в съедении куска земли; в русских сказках можно встретить сочетание синонимов: «клянётся, землю ест».[4] Но в древности при подобной клятве кусок земли, вырезанный вместе с травой клали на голову; принесший такую клятву пользовался полным доверием.[e]

Нас интересует прежде всего, как развивалиись эти обычаи у восточных славян, в частности — в древней Руси.

Частная собственность на землю не получила на Руси такого развития, как в Западной Европе. Русская феодальная собственность была лишь тонким наслоением на огромном комплексе общинного землевладения. Крупные вотчины, в частности остатки княжеских уделов, долгое время отличались от поместий, даваемых за службу; великий князь мог «испоместить» дворянина, а мог и отобрать поместье. Этот земельный фонд в принципе принадлежал регулярному переделу, и наследование поместий было обусловлено военной службой.

Даже в позднекрепостнический период земля поместья делилась на барскую запашку и общинную землю: первая находилась в собственности помещика, вторая — в коллективной собственности его крепостных (точнее, в их *владении*, ибо они не могли её продать). Общинные земли ежегодно подвергались переделу, крестьянская семья владела своими наделами временно, а община — постоянно. Помещик не имел права на плоды крестьянской земли, хотя имел право ее продать *вместе с её владельцами.*

Ясно, что обычаи, подобные вырезке земли и её схватыванию, не могли возникнуть в древней Руси. Тем не менее, вырезка земли отразилась в русском фольклоре, ибо эта синекдоха *древнее самой собственности на землю.*

Мы имеем в виду пресловутый *магический круг*, известный не только русскому фольклору. Например, при отыскании цвета папоротника в Иванову ночь человек подвергался нападениям нечистой силы; он должен был очертить вокруг себя палкой по земле и оставаться в кругу до утра, когда демонические силы исчезают. Очерчивание магического круга сопровождалось заклинаниями, память о которых жива в русском языке («наше место свято!»). При этом, видимо, древний славянин призывал на помощь родового покровителя — бога Чура (Щура).

Магический круг, в котором спасается от нечисти одинокий человек, мы находим во многих сказках. С ним связаны представления о том, что нечистая сила не смеет (не может?) переступить границу этого круга. Эта часть пространства как бы выделяется, вырезается из сферы действия стихийных духов: актом очерчивания («вырезания») и произнесением заклинаний человек *присваивал себе* этот круг земли, отчуждал его от природы, которая (особенно ночью) вся подвластна демоническим силам. Такой акт отнятия части земли от природы являет собой смысловую аналогию с вырубкой и расчисткой участка в лесу

[4] Пустая сноска в рукописи. — Прим. ред.
[e] Из рукописной редакции. АРГН. Оп. 1, д. 90, л. 9908.

под строение дома[1]. Очерчивание круга (а у малмыжских удмуртов это был квадрат) было первым действием строителя; далее следовало выкапывание земли из этого «чертежа». Как известно, славянские жилища (там, где почва не была болотистой) были углублены в землю.

Дом строился не только для защиты от холода и зверей, но и от злых духов (собственно, эти понятия не различались). Очерчивание магического круга, как первый шаг построения дома, уже давало защиту от духов. Таким образом, и у славян, не знавших частной собственности на землю, архаически понимаемая вырезка земли означала её отчуждение, как и у древних греков или малмыжских вотяков (удмуртов).

При сооружении такого древнего лесного жилища очень часто дёрн, срезанный с очерченного на земле круга, переносился затем на крышу новопостроенного дома, которая в древности могла быть плоской. Обычай утеплять дома землёй (дёрном), помещаемым на чердаке, уже под двускатной крышей, сохранялся почти до наших дней.

Этот срезанный дёрн на крыше дома приобрел символическое значение в целом ряде обычаев различных народов. Возлагая кусок дёрна на голову, первобытный человек как бы *носил свой дом на себе*, находился под защитой своих домовых духов. Отсюда — одна удивительная деталь в уборе древнеримских фециалов. То была особая жреческая коллегия, ведавшая вопросами войны и мира; неотъемлемым знаком сана фециала был носимый на голове ком священной земли с травой и кореньями, вырезанный на Капитолийском холме. Собственно, это был кусок дерна, «крыша» архаического дома, носимая фециалом на голове как знак его неприкосновенности (зародыш дипломатического иммунитета).

Возможно, аналогичным обычаем следует считать славянское обыкновение класть на голову новоизбранного вождя ком земли, как описано у Гоголя в «Тарасе Бульбе» (эпизод избрания Кирдяги кошевым атаманом Запорожской Сечи).

> Вырезка земли, кусок дёрна на голове римского фециала или казачьего атамана — явления одного происхождения, отголоски той эпохи, когда земля была объектом почитания и трактовалась сначала одушевлённо, как «мать — невеста»[1], а затем предметно.[e]

Вырезка земли, магический круг, кусок дёрна на голове у фециала или вождя — все это явления одного порядка, пережитки древней стадии собственности на землю, когда она трактовалась *наглядно и предметно*, в духе архаического конкретного мышления с присущей ему «партиципацией» (сопричастностью). Кусок дёрна, ком земли для первобытного человека есть земля в целом, *вся* эта земля (область, страна); целое и часть при этом

[1] Древнейшие на земле жилища людей имели круглую форму (возможно, это связано с представлением о земле как круге). Круглые палеолитические жилища открыты советскими археологами (например, знаменитый дом в селе Костенки, Воронежской области).

[1] Древнее представление о «матери — возлюбленной» глубоко анализирует О. М. Фрейденберг: см. (далее сноска пуста. — Прим. ред.)

[e] Из рукописной редакции. АРГН. Оп. 1, д. 90, л. 9909.

не различались. Часть была тождественна целому. На это отождествление и опирались вышеописанные обычаи.

Часть II. Мифы и предания древних цивилизаций[a]

Последствием неолитической революции стало возникновение «речных» цивилизаций, городов и государств. Современная генетика в лице замечательного советского учёного академика Вавилова доказала, что пшеница и другие хлебные злаки выведены в горных регионах, но расцвет земледелия и образование первых цивилизаций происходит в долинах великих исторических рек Хуанхэ, Инда, Нила и Евфрата.

Роль земледелия в становлении цивилизаций исключительна. Изобретение плуга и ярма, использование для пахоты быков потребовали мужской силы; мотыжное земледелие, в к-ром основную роль играла женщина, отступило на второй план. Плужное земледелие и перевес экономической значимости на сторону мужчин привёл к развитию патриархальной большой семьи; её экспансия, использование силы и принуждения породили государство.

Однако в трудовой магии и возникающих на её почве религиях природы сохраняются на протяжении долгого времени преобладание матриархальной традиции: это очень долго проявляется в культах плодородия, в почитании богинь-матерей и в позднем, уже компромиссном отражении матриархата — в мифологии «священного брака». Ранее шаманство и раннее жречество было исключительно женским.

Внутренняя противоречивость религиозной идеологии древнего мира обусловлена основополагающим противоречием между реальной значимостью мужчины в производстве и традиционной домикации женщины в магии и культе. Эту доминацию ревниво охраняли женщины; власть обычая над человечеством в эпоху первых цивилизаций была исключительно велика. В о время, как экономические и технологические революции вели к непрерывному понижению социального статуса женщины, её религиозная компенсация в течение долгого периода времени усиливалась и возрастала.

От «палеолитических Венер» ведут своё происхождение богини-матери речных цивилизаций. Примитивные культы плодородия развивались в богатые мифологии богинь, которые были матерями всех богов и людей и первоначально мыслились вне супруга: сначала вопрос о зачатии вообще не ставился, затем появилась идея «чудесного зачатия», опять-таки не требующего участия бога-мужчины4 наконец, был выработан великий компромисс, и богиня-мать была наделена супругом.

Этот процесс шёл путём жестокой борьбы, о чём свидетельствуют реликты крайне полемических «мужских» мифов о порождении богов и людей богом-первопредком без участия женщины, посредством самооплодотворения. Эти мифы кажутся нам дикими и нелепыми, но они, по сути дела представляют собою «перенесение» на почву патриархата не менее

[a]Публикуется по: Часть II. Мифы и предания древних цивилизаций // Назировский архив. 2015. № 4. С. 54 – 56.

нелепых мифов о богинях-матерях, рождающих без полового акта. Несомненно, с мифологией одинокого бога-родителя связана всемираня практика первобытного гомосексуализма, вызванная возрастающими ограничениями брачных связей и полным исчезновением группового брака. Обуздание сексуальной свободы цивилизацией было необходимо для интенсификации производства и шло параллельно развитию социального неравенства и принуждения к труду; крайним выражением этого неравенства стало исключение низших социальных слоёв из брачных прав.

Глухим пережитком этих переходных мифов об одиноком боге-родителе было в древнегреческой религии представление о рождающем Зевсе. Количество его брачных связей трудно поддаётся подсчёту, хотя такие подсчёты неоднократно производились; но кроме этих связей Зевс обладал способностью рождать «самостоятельно». Так, из его головы родилась Афина, богиня мудрости; никакой матери у неё не было.

Однако во всех развитых религиях древности от Китая до Эллады постепенно сложился миф о первой супружеской паре, давшей начало длинным поколениям богов и людей: в основе мифа лежит олицетворение земледельческого труда, ибо в этой первой чете супругой является плодородящая Земля, а супругом — Небо, оплодотворяющее её дождём. Пахота как «синоним» (отнюдь не символ) полового акта дала начало массе обрядов, которые позднейшими культурами воспринимались как скабрёзные. По закону партиципации брак и деторождение рассматривались как соучастие людей в плодорождении Земли и мыслились частью производственной деятельности, в них не было никакой «непристойности» в нашем смысле слова. Пережитки аграрных культов в виде обрядового секса, призванного стимулировать земное плодородие, широко известны и сохранялись у многих народов с развитым земледелием до самого недавнего времени.

С развитием аграрных культов формировалась идея смерти-воскресения, первоначально скрывавшаяся в инициациях (проглатывание и извержение юноши животным-смертью, бестиальным «духом» инициации). Теперь она получила новую форму. Умирает и воскресает зерно, брошенное пахарем в лоно земли; в связи с особой ролью птиц в инициациях многих народов сложились мифы такого типа, как миф о птице Феникс, к-рая периодически сама себя сжигает в гнезде из хлебных злаков и затем возрождается из пепла. Птица Феникс — это олицетворение аграрного цикла.

В развитых древних цивилизациях возникли мифы об умирающих и воскресающих богах: это Диммузи, Адонис, Осирис, Дионис и др. Их смерть часто связана с расчленением или кастрацией; их разрозненные члены собирают безутешная и любящая богиня-вдова; затем погибшие боги воскресают вместе с весенней природой, открывая новый аграрный год.

Идея смерти и воскресения бога становится исключительно важной для народного религиозного сознания Ближнего Востока, с Дионисом входит в древнюю Грецию, преодолевает сопротивление олимпийской религии и активно осваивается мистериями и трагедиями. Становясь всё более популярной, религия мистерий, т. е. аграрно переоформленных инициаций, сулит посвящённым воскресение во плоти. В такое воскресение верили древ-

ние греки, а с момента создания книги Даниила — и древние иудеи, хотя отнюдь не все (проблема бессмертия до конца оставалась в Иерусалиме спорной). Если для охотников каменного века смерть была путешествием, то для землепашцев она стала отдыхом пахаря, долгим сном, передышкой между двумя жизнями, как обычный сон служит передышкой между двумя трудными днями.

Идея возвращения умершего человека к жизни мучила творческую фантазию тысячелетий: как оно происходит? Одним из древнейших решений проблемы стало представление о возрождении дедов в их внуках.

[Вставка: примеры. «Enkel» — маленький дедушка; «Из навей дети нас емлют» = снова нас рождают; русский обычай нарекать внука именем деда, целые династии Иванов Петровичей и Петров Ивановичей] Это представление имело вполне реальную основу: старшие члены семей, менее занятые в производстве, занимались воспитанием детей, что порождало и постоянно воспроизводило особую близость деда и внука.

Возрождение деда во внуке, постепенно формализуясь и отходя от семейно-родового быта, перешло в представление о возрождении людей в любых других людях, что в более позднем мифотворчестве стало «переселением душ» (метемпсихосис). Все эти оптимистические представления отрицали необратимость смерти: сметь есть сон, una nox dormienda, говоря словами Катулла («Ночь, которую нужно проспать»).

Подлинный смысл Поликратова перстня[a]

Типологические сопоставления различных и не связанных между собою фактов культуры, даже сильно удаленных друг от друга во времени и пространстве, могут приносить большую пользу этнографам, историкам культуры, фольклористам и другим ученым. Попытаемся проиллюстрировать это положение на одном удивительном примере. Геродот в своей «Истории» поэтически повествует о богатстве и удачливости Поликрата Самосского, имевшего сто 50-весельных кораблей и 1000 стрелков. С такой огромной по тем временам армадой он грабил побережья, увозил на Самос богатую добычу, захватывал острова и присоединял к своей державе города Ионии и Эллады. Великое счастье Поликрата озаботило его союзника — египетского царя Амазиса. Когда же оно еще более возросло, царь послал на Самос прелюбопытное письмо: «Амазис так говорит Поликрату: хотя и приятно узнавать о благополучии друга и гостя, но мне твое великое счастье не нравится, так как я знаю, что божество завистливо: и самому себе, и тем, которыми дорожу, я скорее желаю в одном иметь счастье, в другом — неудачу и таким образом в переменном счастье провести век, чем быть счастливым во всем. Я ни о ком даже не слыхал, кто, пользуясь непрерывной удачей, в заключение не погиб бы злою гибелью. Поэтому ты послушайся теперь меня и против твоего счастья сделай следующее: подумай — и что ты найдешь наиболее для себя ценным, это

[a]Публикуется по: Подлинный смысл Поликратова перстня // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 4. С. 147 – 149.

именно брось так, чтоб не появилось оно больше на свет; если и впредь счастье не будет чередоваться с несчастьем, пытайся помочь делу указанным мною образом».

Поняв, что совет хорош, тиран Самоса выбрал свою любимую драгоценность — изумрудный перстень с печатью, в золотой оправе. Посадив людей на корабль, Поликрат сам взошел на него и приказал грести в море; отплыв далеко от Самоса, он на глазах всей свиты снял перстень и бросил в море.

Затем он вернулся в свой дворец и предался горю.

На пятый или шестой день после этого один самосский рыбак поймал большую, красивую рыбу и принес ее в подарок своему царю. Поликрат был доволен и пригласил рыбака на обед. Когда же повара его потрошили рыбу, в брюхе нашли тот самый перстень и с ликованием отнесли Поликрату.

Считая, что случившееся — дело бога, Поликрат написал об этом событии Амазису. Тот сразу понял, что ему не спасти союзника от злой судьбы, и послал на Самос посла с объявлением о расторжении дружбы — чтобы не пришлось ему скорбеть о друге при неминуемой гибели Поликрата.

Вскоре после этого персидский сатрап Орет, правивший в Сардах, вступил в тайные сношения с Поликратом, притворяясь попавшим в опалу, прося военной помощи и обещая уплатить за это своими сокровищами. Обман удался. Несмотря на дурные предсказания, предостережение друзей и зловещий сон дочери, Поликрат поверил коварному персу и отправился в Сарды. А сатрап Орет тут же предал его позорной смерти — распял на кресте.[1]

Поликрат Самосский — лицо историческое: в 537 – 522 годах до н. э. он был тираном острова Самос, пёкся о развитии торговли и ремесел, покровительствовал поэтам и артистам. При его дворе гостили Анакреонт и Ибикос, знаменитые греческие поэты того времени. Огромный боевой флот Поликрата царил на Эгейском море, добираясь даже до Сицилии и Эпира. Поликрат удачно лавировал между могущественным Лакедемоном и алчной Персией. Самос при нем стал типичной «талассократией» ([thalassocratie] — моредержавие). Подобные государства всецело зависят от моря, от его капризов, расположения или нерасположения: ведь море для народов древности — не просто стихия, а могучее божество.

Смерть Поликрата от рук персов — исторический факт. Но весь эпизод с перстнем Поликрата, выражающий идею неотвратимости судьбы, ученые давно объявили сказкой. И в самом деле, рыба, выносящая из пучины перстень или иную драгоценность, — это широко распространенный сказочный мотив, и фольклористы Европы многократно приводили параллели к преданию о перстне Поликрата.

Одна из старейших параллелей этого ряда заключена в древнейшем сказании о перстне царя Соломона.[2]

От иудаизма этот мотив перешел в христианскую легенду; близок к нему евангельский рассказ о статире, найденном в пасти пойманной рыбы апостолом Петром (Матф., XVII, 24 – 26).

[1] Геродот. История. Л.: Наука, 1972. С. 151 – 152.
[2] Tendlau. Das Buch der Sagen und legenden judischer Vorzeit. Zweite Aufl. 1845 (№ 39).

В житие святого Кентигерна вошла кельтская легенда: одна из королев Корнуэльса подарила любовнику перстень; по проискам короля перстень попал в реку, и тогда король потребовал от жены возвращения перстня; та в ужасе обратилась за помощью к святому Кентигерну. Даже не дослушав посланника королевы, святой велел закинуть удочку, тотчас на крючок попалась рыба, и в брюхе её нашли королевский перстень.[3]

Знаменитый Бенфей привел монгольскую версию мотива, в которой рыбу заменяет лягушка (из "SsiddiKur", № 13).[1]

Под прямым влиянием предания, сообщенного Геродотом, сложилось шлезвигское псевдоисторическое предание о богатой и жестокой помещице из рода фон Фервеллен, которая однажды, гуляя по берегу моря, сняла с пальца драгоценный перстень и швырнула в волны, сказав спутникам: «Как невозможно обратно получить перстень, так невозможно и мне когда-нибудь терпеть нищету». Через несколько дней рыбак принес в замок Фервелленхоф большую рыбу. Кухарка разрезала ее, нашла в ней перстень и вручила надменной госпоже. Через некоторое время наводнение разорило весь округ Кольберг; дама фон Фервеллен лишилась всего имущества и была вынуждена просить милостыню.[2]

Голландский вариант этой легенды сообщают Гриммы: в этом варианте действие перенесено в город Стафорен, который за грехи его жителей был позже затоплен водами Зюйдерзее, а перстень бросает в море богатая дева — и с теми же результатами.[3]

Одним словом, уже компаративисты XIX века убедительно доказали, что фаталистическое предание о перстне Поликрата, приведённое Геродотом, есть не что иное, как сказка — одна из тех бесчисленных сказок, которыми доверчивый «отец истории» расцветил свой знаменитый труд. [Мотив возвращения перстня рыбой имеет зловещий смысл.[b] За возвращением перстня или иного сокровища («отвергнутой богами жертвы») следует катастрофа. Эту функцию сохраняет аналогичный мотив в романе Бальзака «Шагреневая кожа», где Рафаэль де Валантен выбрасывает свой ужасный талисман в колодец, но садовник находит его и приносит обратно. В несколько измененном виде тот же мотив возвращения утраченного сокровища применил и Ханс-Кристиан Андерсен в «Стойком оловянном солдатике», но здесь этот мотив возвращения предвещает катастрофу самого же стоического героя сказки.] Фольклористы благодарны Геродоту за эту прекрасную эллинскую доверчивость, но историки, естественно, относятся к рассказам родоначальника своей науки с величайшей осторожностью и не дают им веры.

А между тем напрасно: Геродот в общем очень правдив. Он лишь наивен, но он ничего не выдумывал. И бедою старого компаративизма было то, что он не умел выделить в фольклорном мотиве историческую основу. Разумеется, поликратов перстень в брюхе пойманной

[3]Bolland. Acta Sanctorum. T. I. P. 820 (№ 1734).

[1]Benfey. Pantschatantra. 1859, Einleitung, S. 211 – 213.

[2]Mullenhoff. № 178.

[3]Grimm W. und J. Deutsche Sagen. I. № 240.

[b]Черновик статьи содержит помету: «Подлинный смысл Поликратова перстня. Добавить балладу Шиллера, «Шагреневую кожу» Бальзака и «Стойкого оловянного солдатика». Но в последнем остался лишь мотив чудесного совпадения, исчез древний смысл-грозное предостережение судьбы. Выпала премонитивная функция» (Прим. публикаторов).

рыбы — это сказка. Но это не значит, что весь эпизод о перстне Поликрата следует отнести к сказкам и легендам.

Вернемся на почву исторических фактов. Государства, жизнь которых всецело зависела от моря, неоднократно возникали в истории человечества. Эти «талассократии» всегда питали к морю суеверную и почтительную любовь, перенося на водную стихию тот самый культ Матери-Земли, который существовал у земледельческих народов. «Талассократией» была средневековая Венеция, которая с помощью своего первоклассного флота овладела всей Адриатикой, вышла в Средиземное море и стала богатейшим государством Европы (правда, на короткое время). В Венеции отношение к морю было особое — примерно такое, как у многих аграрных народов к Земле.

Каждый год в праздник Вознесения дож Венеции выплывал в море на великолепной, нарядно украшенной галере, которую называли «бучинторо», ибо на носу у нее находилась резная деревянная фигура букентавра — мифического существа с телом быка и головой человека. (Греческое «букентавр» (бык-кентавр) по-итальянски звучит «бучинторо».) Итак, дож в торжественной обстановке выплывал на этой галере в море и бросал в пучину золотое обручальное кольцо — вступал в символический брак с морем.

Ведь сила самосской «талассократии» и счастье Поликрата зависели от моря. Но в таком случае возвращение перстня через рыбу означало отказ от брака с Поликратом.

Геродот, видимо, неточно излагал слышанное или придумывал свои пояснения. Для него брак самосского тирана с морем был смешной нелепостью, ибо в представлении греков морем правит хмурый старик Посейдон. Однако для бродяг этого лазурного и своенравного моря их родная стихия представлялась существом женского рода.

Не понимая этого, Геродот заменил мотивировку действий Поликрата и дал нам по-гречески логичную, но ошибочную рационализацию древнего ритуала моряков — сакрального брака с морем. Конечно, рыба с перстнем в брюхе — это сказка; но мы можем утверждать, опираясь на предание из Геродота, что правители древнего Самоса задолго до венецианских дожей венчались с морем.

Хрустальный гроб: фольклорно-этнографические истоки одного пушкинского мотива[a]

Под горою тёмный вход.
Он туда скорей идёт.
Перед ним, во мгле печальной,
Гроб качается хрустальный,
И в хрустальном гробе том
Спит царевна вечным сном.

[a]Основной текст главы публикуется по: Хрустальный гроб // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1992. С. 83 – 89.

Всем известна эта возвышенно-печальная картина: в горной пещере, подвешенный на чугунных цепях к шести столбам, колышется хрустальный гроб, и в нём неподвижно покоится красивейшая девушка вмире.

В своей «Сказке о мёртвой царевне и о семи богатырях» Пушкин почти ничего не выдумал — он использовал мотивы фольклора, главным образом русской сказки, записанной им в Михайловском со слов Арины Родионовны. Конец записи Пушкина таков: «Мачиха её приходит в лес под видом нищенки — собаки ходят на цепях и не подпускают её. Она дарит царевне рубашку, которую та, надев, умирает. Братья хоронят её в гробнице, натянутой золотыми цепями к двум соснам. Царевич влюбляется в её труп, и проч.» Это широко известная сказка «Волшебное зеркальце» (или «Мёртвая царевна»), AT 709.

> Восточнославянская сказка «Волшебное зеркальце»: узнав с помощью магического говорящего зеркальца, что краше всех на свете не она, а падчерица, мачеха приказывает убить её; та спасается и живёт в лесу у семи братьев (разбойников); мачеха выслеживает её и отравляет; девушку кладут в прозрачный гроб, где она нетленно покоится; увидев её, царевич влюбляется; *мёртвая царевна оживает*.
>
> Конечно, в архаике Мёртвую царевну, как и погружённую в магический сон валькирию (AaTh 410), герой оживлял не поцелуем, а половым актом.[b]
>
> Мифологическая школа толковала этот сюжет как аллегорию весеннего пробуждения природы; разумеется, дело не ограничивалось поцелуем, нужен был *половой акт*. — Народных вариантов сказки мало, и они связаны с литературными обработками этот сюжета: «1001 ночь», «Пентамерон», сказка Перро и др.
>
> <...>
>
> Ср. в скандинавских сагах мотив магического сна валькирии в огненном кольце; Сигурд, перепрыгнув через огонь, *овладевает валькирией* и тем пробуждает её.? Этнографический корень сюжета — *обычай некрофилии в случае смерти молодых девушек* (первобытные люди не верили в естественную смерть и считали её результатом колдовства). Таких сомнительных покойниц пытались «разбудить». Некрофилия отразилась в некоторых греческих сказках и мифах. — *О спящей Красавице упоминал Геродот.*[c]

Целый ряд её вариантов приведен в классическом сборнике А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», но варианты этого сюжета есть и в других сборниках. Так, например,

[b] Из подготовительных материалов. АРГН. Оп. 4, д. «Сюжеты сказок и легенд по AaTh», л. 3941. Далее следует критико-библиографическое замечание: «Литература вопроса: Больте-Поливка, I, 53, S. 450 passim. E. Boklen. Schneewittchens Studien. Lpz.., 1914.
Азадовский М. К. Литература и фольклор. Л., 1938, с. 75 – 84. Волков Р. М. Народные истоки творчества Пушкина (баллады и сказки). Черновцы, 1960, с. 155 – 189.
Р. М. Волков, усердный квасной патриот, полемизируя с Азадовским, доказывает, что пушкинская «Сказка о Мёртвой царевне» идёт от русской фольклорной традиции и не имеет непосредственного отношения к гриммовской сказке. К чему так трудиться, если «Сказка о рыбаке и рыбке» Пушкина есть бесспорная парафраза померанской сказки из сборника братьев Гримм? — Ясно, что Пушкин знал их сказки».

[c] Из подготовительных материалов. АРГН. Оп. 4, д. «Сюжеты сказок и легенд по AaTh», л. 3942.

«Великорусские сказки в записях И. А. Худякова» содержат сказку «Падчерица» (№ 45) — вариант «Мёртвой царевны». Там красавица надела рубашку и «упала мёртвая». Разбойники, её названные братья, хоронят её в хрустальном гробу, привязанном серебряными цепями к дубу в лесу. «Подвесили гроб на дуб, прикрепили довольно крепко, чтобы ветром не снесло», детализирует рассказчик, от которого И. А. Худяков записал эту сказку в рязанской деревне Жолчино[1].

И во всех вариантах — хрустальный гроб, чаще всего подвешенный на *деревьях*. В гробу — мёртвая, но нетленная красавица: кажется, будто она спит. Влюблённому юноше удаётся её пробудить от долгого сна, вырвать у смерти. Смысл сюжета — торжество любви над смертью.

Сюжет AT 709 известен многим народам, оригинально обработан в «Тысяче и одной ночи», в «Пентамероне» Джамбатисты Базиле, в драме Шекспира «Цимбелин». Огромную популярность снискала немецкая версия — «Белоснежка и семь гномов» (Гримм, 53). Немецкая Шнеевиттхен (Белоснежка) сюжетно синонимична невинно гонимой падчерице русских сказок.

В сказках типа AT 709 отразились древние обычаи человечества, в частности погребальные обряды.

Со времён верхнего палеолита погребения носят следы определенного ритуала. Эти обряды определялись суеверным страхом перед умершим и в то же время заботой продлить его жизнь после смерти, сохраняя его тело. Собственно сама смерть мыслилась как особая форма жизни. Вера в то, что душа усопшего будет жить, пока сохраняется тело, породила обычаи консервации *трупа*; была разработана техника предохранения трупов от разложения.

Кроме того, люди стремились, чтобы покойник сохранял жизнеподобный вид, или заменяли (совмещали) консервацию покойников созданием их портретных изображений (погребальных масок, надгробных статуй и т. д.). Разумеется, последнее относится к более развитым культурам. Аборигены Австралии высушивали трупы умерших. Мумификация трупов наивысшего развития достигла в древнем Египте, но существовала также в Эфиопии, в Пальмире, на Канарских островах, у перуанских инков, в доколумбовской Мексике и т. д.

Геродот в своей «Истории» описал погребальный обычай кушитов (жителей Эфиопии) в VI в. до н. э.: «Сначала тело покойника высушивают по египетскому способу или как-нибудь иначе. Затем его покрывают гипсом и со всех сторон разрисовывают красками, так что мумия по возможности правильно передаёт черты умершего. Наконец, мумию помещают в полый столб из прозрачного камня... Находящаяся внутри столба мумия ясно видна, но не распространяет дурного запаха и вообще не производит отталкивающего впечатления. При этом мумия выглядит совершенно похожей на покойника. Целый год родные покой-

[1] Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. М.; Л., 1964. С. 123.

ника держат этот столб в доме, предлагают ему долю при каждом угощении и приносят жертвы. Затем столб с мумией увозят и ставят за городом»[1].

В этом описании особенно любопытна художественная имитация жизни, «гримировка» мумии. У египтян эта тенденция ещё более усилилась: мумию фараона заключали в портретный саркофаг; на нём было нарисовано лицо покойника с открытыми глазами (иногда саркофаг имел золотую маску с лицом фараона). В более скромных египетских погребениях в гробу против глаз мумии проделывали два отверстия, чтобы покойник мог видеть солнце.

В Вавилоне, в отличие от Египта, предпочитали близость покойника и сохранение его собственного вида, а не художественную имитацию. «Покойников вавилоняне погребают в меду», — писал Геродот. На деле же в Вавилоне тела умерших пропитывались полупрозрачной ароматической смолой (бальзамом) или обмазывались воском. Бальзам был похож на густой мед, воск получают вместе с медом; из смешения этих образов возникло представление о «погребении в меду».

Через столетие после смерти Геродота македонские фаланги разрушили Персидское царство. Но Александр сделал Вавилон столицей своей огромной державы и стремился повенчать греческую культуру с персидской, впитавшей многие вавилонские традиции.

В 323 г. до н. э. величайший завоеватель древности умер. Тело его было поручено заботам египетских и халдейских бальзамировщиков, которые «очистили тело, наполнили его благовониями и положили на золотое ложе»[1]. Тотчас после смерти Александра вспыхнула борьба диадохов, и великая держава распалась. Птоломей, завладев телом Александра, перевёз его в золотом гробу к себе в Египет. Сначала оно находилось в Мемфисе, а через несколько лет Птоломей перевез его в Александрию.

Восточная часть этой молодой столицы называлась Брухейон. Здесь находились окружённые садами дворцы Птоломеев, храмы, знаменитый Мусейон с величайшей в мире библиотекой. Но исключительное место занимала Сома — усыпательница Александра, который лежал здесь в хрустальном гробу, доступный непосредственному обозрению.

Иллюзионное сохранение тела Александра имело огромный политический и идеологический смысл. У других диадохов были фаланги и слоны, но не было Александра. А в столице эллинистического Египта нетленно спал великий царь-основатель, и Птоломеи могли в любую минуту «предъявить» его миру. Тем самым они свидетельствовали, что являются единственно законными преемниками Александра, величие которого неоспоримо. Обладание трупом великого царя выступило как санкция законности династии. В этом не было никакой логики, но за Птоломеев была живая мистика обряда: Сома привлекала благоговейные взоры мира и помогала бездарной династии около трехсот лет сохранять власть над Египтом. Александрия действительно была центром эллинизма, этого удивительного слияния культур, которое оказалось главным следствием завоеваний Александра.

[1] Геродот. История. Л., 1972. С. 145 — 146.
[1] Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. М., 1963. С. 447.

В I веке до н. э. в смутах, сопровождавших крушение Римской республики, возвысился идумейский авантюрист Ирод, друг Октавиана Августа. В 40 г. до н. э. римский сенат объявил его царём Иудеи. Народ этой страны ненавидел Ирода, как узурпатора, и презирал, как идумеянина. Пытаясь сделать свою власть несколько более приемлемой для иудеев, Ирод ввел в свой гарем красавицу Мариамну, принадлежавшую к угасшему царскому роду Асмонеев. Её в стране признавали законной царицей.

Но преимущество крови стало причиной и её гибели. Во время одного политического кризиса Ирод произвел чистку в собственном семействе и ликвидировал большинство своих жён и детей как потенциальных кандидатов на трон. Одной из первых жертв пала Мариамна. Поскольку Ирод любил её, он не стал хоронить её в пещерном склепе по обычному иудейскому обряду, а положил в гранитную раку и «залил мёдом» (см. выше об этом способе). Тело Мариамны сохранялось нетленным, её можно было видеть, и вдовец приходил поплакать над ней, ибо палачи бывают чувствительны: убивают людей и при этом жалеют *самих себя.*

Иллюзионное сохранение покойников широко распространилось в Римской империи, хотя, конечно, ограничивалось только высшими слоями общества. В то же время оно не подобало высоким должностным лицам — римское трупосожжение было для них обязательным, как бы они ни были эллинизированы и ориентальны в своём быту. Они жили и умирали, как персидские сатрапы, но хоронили их как римлян.

И, однако, интересующий нас обычай проник в Рим, доказательство чего потрясло Европу через четырнадцать веков.

В понтификат римского папы Иннокентия VIII (1484 — 1492) на Аппиевой дороге, близ знаменитой круглой гробницы Цецилии Металлы, ломбардские землекопы наткнулись во время каких-то работ на древнеримский саркофаг. Примчавшись к месту находки, римские гуманисты прочли на саркофаге надпись: «Юлия, дочь Клавдия». Внутри обнаружили покрытый воском труп девушки лет пятнадцати, как будто спящей. Пораженным римлянам казалось, что она дышит, что на щеках ее сохранился румянец жизни: в таком великолепном состоянии был труп. Несметная толпа не отходила от гроба, восхищаясь её красотой и сохранностью. Папский хронист Инфессура утверждает, что на неё приезжали посмотреть люди из далеких стран.

Папе Иннокентию VIII донесли, что народ поклоняется мёртвой язычнице. Папа испугался и приказал ночью, тайно, похоронить девушку у Пинчианских ворот Рима.

Значит, и древние римляне практиковали иллюзионное сохранение покойников: видимо, в исключительных случаях. В целом оно не прижилось в христианской Европе, хотя о нетленных мощах святых Церковь говорила нередко. Благодаря памяти об александрийской усыпальнице Великого Македонца, о гранитной ра-

ке, в которой «спала вечным сном» прекрасная Мариамна, этот обычай всё же отразился в арабском и европейской фольклоре.[d]

Об этом случае очень много рассказывали в Европе. Не исключено, что история с открытием тела Юлии, дочери Клавдия, каким-то образом повлияла на судьбы сказочного сюжета о Белоснежке (Мёртвой царевне). Но в славянской версии сюжета традиция иллюзионного сохранения усопших слилась с отражением иного, более архаического обряда — так называемого «воздушного погребения».

До недавних времен аборигены Австралии, некоторые племена индейцев Северной Америки, некоторые народы Сибири и монголоязычные племена оставляли покойников на деревьях, специальных помостах и т. д. Этот обычай имел целью быстрое уничтожение трупов птицами. В прошлом веке одного из вождей племени мусквакки в штате Айова привязали ремнями к ольхе на высоте семидесяти футов; там покойник должен был оставаться два года — до повторного захоронения.

Этот обычай ещё в древности был известен и индоевропейским народам. Его заимствовали древние персы; в созданной ими зороастрийской религии воздушное погребение постепенно сделалось единственным и сохранилось до наших дней в виде знаменитых «башен молчания».

Зороастризм не был исконно иранской религией. Древние персы хоронили покойников в земле. Последователи Зороастра считали такой способ захоронения «осквернением земли», а трупосожжение — «осквернением огня»: они оставляли трупы под открытым небом на растерзание зверям и птицам. Академик В. В. Струве писал об этом: «Обычай магов оставлять своих мёртвых на растерзание животным восходит, несомненно, к способу погребения древних каспиев, живших на южном побережье Каспийского моря». И далее В. В. Струве цитирует Страбона: «Каспии, убив голодом лиц старше семидесяти лет, выносят их в пустынные места, при этом издали наблюдают: если покойник будет стащен птицами с носилок, то его считают блаженным, если же зверями или собаками, то его менее (почитают), если же никем, то его считают несчастным»[1].

Такая градация вполне понятна: ведь птицы считались представителями небесного царства. Стремясь к символическому вознесению покойников, многие народы, практиковавшие «воздушное погребение», стали помещать трупы на деревья, возвышения, помосты, башни, делая их доступными *только для птиц*. Этот обычай и был канонизирован зороастризмом.

Но воздушное погребение, как явствует из сказанного выше, отнюдь не было монополией Ирана.

Погребальные обычаи древних славян отличались большим разнообразием. В частности, для некоторых славянских народов было характерно вторичное захоронение, при котором погребение часто служит предварительным этапом.

[d] Из рукописной заметки «Хрустальный гроб». АРГН. Оп. 4, д. «Сюжеты сказок и легенд по AaTh», л. 3944.

[1] Струве В. В. Родина зороастризма // Советское востоковедение. Т. V. М.; Л., 1948. С. 31.

Во всяком случае, в восточнославянском фольклоре «встретились» два противоположных погребальных обряда: иллюзионная консервация трупов, о которой славяне могли узнать от греков и которая была свойственна высокоразвитым цивилизациям Передней Азии, Египта, Рима, и более архаическое погребение на деревьях, типичное для Сибири, Австралии и Северной Америки. Из слияния этих двух традиций в сказочном сюжете возник мотив хрустального гроба, прикрепленного золотыми или серебряными цепями к двум соснам, дубу ит. д.

Сам же сюжет AT 709 имеет древнее мифологическое происхождение. В двух песнях Старшей Эдды повествуется о том, как Сигурд избавил от ниспосланного Одином сна прекрасную валькирию, которая в одной песне носит имя Сигрдриза, в другой — Брюнхильд.

Могучий Один за непослушание усыпил свою дочь на вершине холма, окружив её огненным кольцом, с тем, что только отважный герой, который решится перепрыгнуть через это кольцо, разбудит её и сделает её своей женой. Сигурд разбудил Брюнхильд от магического сна и обручился с ней, но потом забыл её ради Гудрун. Как известно, всё это очень плохо кончилось.

Сказка AT 709 сохраняет мотив магического сна и мотив жениха-избавителя, но сама причина сна иная: колдовство мачехи-ведьмы, преследующей царевну (Белоснежку). Как и положено, сказка завершается счастливым финалом.

> Пушкин мог что-то слышать об этом; о хрустальной усыпальнице Александра Великого мог прочесть у Квинта Курция и других римских авторов; в окружении Пушкина были очень образованные люди.
>
> Вымышленный им хрустальный гроб Мёртвой Царевны — это не чистая фантазия, а отклик на некие исторические реальности.[e]

Пушкин несколько отступил от записанного им варианта русской сказки: в его сказочной поэме гроб подвешен внутри пещеры. Но великий поэт ни на йоту не отступил от самого главного в сказке: от её жизнеутверждающего финала.

Магический сон валькирии — это отцовское наказание с перспективой точно обусловленного пробуждения. В сказке магический сон напоминает смерть, и спящей царевне *не предречён избавитель*. Тем самым, в сказке возникает тревожная напряжённость. Приход жениха-избавителя не предсказан и в определенной мере *чудесен*: в нём есть элемент счастливой неожиданности. Финал обладает обаянием светлой мечты, он изображает *чудесное избавление от смерти*, что соответствует древней вере в возрождение умерших.

Древние народы, практиковавшие консервацию трупов, первоначально, по-видимому, верили в возможность возвращения усопших к жизни. В их понимании жизнь и смерть были не столь строго разграничены, как в нашем сознании. Поддержанию жизни в покойнике служило и «кормление» его, иногда в течение года, но обычно сорок дней (у древних

[e] Из рукописной заметки «Хрустальный гроб». АРГН. Оп. 4, д. «Сюжеты сказок и легенд по AaTh», л. 3944.

германцев — тридцать). Подобные представления не чужды и античной Греции, что хорошо видно в «Одиссее»: немые души Аида, напоенные свежей, горячей кровью жертвенного барана, на какое-то время обретают способность говорить. Это их «частичное воскресение».

Мы и по сей день испытываем странное удовлетворение, читая эпизод «пробуждения» мертвой царевны — всё равно, в «Белоснежке», в сказках или у Пушкина. И это не только эстетическое удовольствие: гораздо большее значение имеет то, что мы и сегодня неосознанно мечтаем о *реальной* победе над смертью.

Повелитель мышей[a]

Мыши Нильской долины были главными врагами земледельцев древнего Египта. Не случайно египтяне сделали кошку священным животным, казнили смертью даже нечаянное убийство кошки, а умерших кошек мумифицировали и хоронили как людей. Но точно так же, как египтяне поклонялись кровожадному крокодилу, они и мышь сделали священным животным: из страха.

Огромная плодовитость и прожорливость мышей была причиной страха перед ними у людей древности. К тому же мышей смешивали с крысами как переносчиками чумы (латинское название крысы — mus rusticus, сельская мышь). Люди издревле обнаружили связь между чумой и крысами, но долгое время не знали, что мыши не разносят чумы, хотя и распространяют некоторые желудочные болезни, туляремию, геморрагическую лихорадку и т. д.

Представление о мышах как разносчиках чумы отражено в Библии, в I книге Царств, где рассказано, как филистимляне, разгромив евреев, торжественно унесли драгоценный трофей, иудейский Киот Завета, в свои города. Там, где появлялся Ковчег, внезапно и страшно распложались мыши, и начиналась чума; с перенесением Ковчега из храма в храм страшная эпидемия свирепствовала всё далее в Филистимской земле, которая вся «вскипела мышами». Испуганные филистимляне вернули Ковчег евреям, сопроводив его вотивными пожертвованиями в виде возмещения за свою провинность: пятью золотыми изображениями мышей и пятью золотыми «наростами», т. е. Чумными бубонами (I Царств, 6, 4). Уже в этой истории явственно представление о чумной эпидемии, ниспосланной еврейским богом Яхве на филистимлян в наказание за похищение Ковчега; собственно, Яхве насылает мышей, а чума из этого следует «автоматически».

В Египте мышь была священным животным бога Гора; видимо, аналогичную власть над мышами иудеи приписали и своему Яхве.

Геродот рассказывает о нашествии ассирийского царя Сеннахериба на Египет и об отчаянии египетского царя Сетоса, покинутого его воинами; когда царь рыдал перед статуей бога, напал на него сон и во сне ему явился бог, ободривший его и обещавший свою помощь. Сон в храме — это, несомненно, вещий сон; итак, царь с небольшим ополчением пошёл про-

[a]Основной текст главы публикуется по: Повелитель мышей // Назировский архив. 2015. № 4. С. 43 – 46.

тив Сеннахериба и разбил стан на границе Египта. Ночью на ассирийский лагерь напали стаи полевых мышей и изгрызли их колчаны, луки и рукоятки щитов, «так что на следующий день врагам пришлось безоружными бежать, и множество врагов пало»[1]. К этому Геродот добавляет, что царю Сетосу была даже воздвигнута статуя, изображавшая его с мышью в руке.

Само собой, Сетос — это не имя царя, а имя египетского бога; если же Геродоту и случалось видеть статуи с мышью в руке, то они, пожалуй, могли изображать Гора, но не Сета. Рассказ Геродота кажется чистой баней, выдумкой; на деле же он восходит — правда, очень опосредованно — к историческим фактам. В 701 до н.э. ассирийцы вторглись в Иудею и осадили Иерусалим; царь Сенахериб задержался из-за осады крепости Лахис и должен был подойти с главными силами позднее. Однако осада Иерусалима почти сразу была снята, поскольку в тылу Сенахериба начались волнения; иудейский царь Езекия выплатил страшному завоевателю большую дань, и Сенахериб ушёл. Таковы научно установленные факты; они получили иное освещение в Библии, где подробнее всего описаны в 4-й книге Царств (18, 9 – 20; 19), а также в «Паралипоменоне» (2, 32) и в Книге пророка Исайи (главы 36 – 37).

Согласно ветхозаветным рассказам, во время осады царь Езекия тяжко заболел; пророк Исайя приказал накладывать на его «наросты» пластыри из смокв — древнее средство от чумных бубонов. Значит, в осаждённом Иерусалиме началась чума. Езекия вопрошает: «какое знамение, что я буду ходить в дом Господень?» (Исайя, 38, 22). Вне ветхозаветных текстов сохранилось предание о том, что больному Езекии приснился сон, в котором Бог возвещал ему скорое отступление врагов (ср. рассказ Геродота о Сетосе).

В Библии рассказ об осаде скомкали: ночью ангел господень пришёл в стан ассирийцев и поразил 185 тысяч, что вынудило устрашённого Сенахериба отступить и вернуться в Ниневию. Иными словами, чума из осаждённого Иерусалима перешла в ассирийскую армию и вынудила её снять осаду. В эту историю неплохо вписываются мыши, съевшие тетивы ассирийских луков в рассказе Геродота.

Вероятно, Геродот от египтян записал искажённую и локализованную в Египте историю осады Иерусалима. Если сложить его версию с библейской, то возникает предположение, что нападение мышей на ассирийский лагерь и порча ими ассирийского оружия было сновидением Езекии, которое прославленный снотолкователь Исайя объяснил как предсказание чумы и отступления Сенахериба.

По-видимому, известие о том, что Иудея благодаря чуме отделалась от страшного Сенахериба, поразило современников и распространилось в соседних странах, вызвав к жизни усиленное внимание к мыши, этому общесемитскому символу чумы, и поиски своих, местных богов, способных защитить народы от чумы.

Учёные наших дней предполагают, что Гомер очень рано ознакомился с библейским рассказом о неудаче Сенахериба под Иерусалимом и широко использовал этот рассказ в «Илиаде».

[1] Геродот. История. II, 141.

Всем памятно, что Агамемнон взял себе пленницу, дочь жреца Аполлона из города Хриза в Троаде, и отказался её возвратить отцу; Аполлон разгневан оскорблением своего служителя и карает греков тем, что посылает чуму на их лагерь. Страшное моровое поветрие испугало Агамемнона, который возвращает аполлонову жрецу его дочь, а взамен забирает у Ахилла прекрасную Бризеиду — и т. д.

Только в обращении жреца Хриза, просящего у бога наслать чуму на ахейский лагерь, Аполлон назван «Сминтеем», т. е. «Мышиным богом». У Гомера эта эпиклеса Аполлона — редкость, ибо новинка; в дальнейшем по всей Троаде встречались святилища Аполлона Сминтея, дававшие убежище больным и носившие наименование «сминтион» («мышатник»). Но и кроме этих святилищ-госпиталей мышь вошла в культ Аполлона; в его храмах держали и кормили мышей; в некоторых областях Греции Аполлон считался покровителем мышей, а в других — охранителем от мышей. Сложилось греческое предание о том, как Аполлон избавил страну от нашествия мышей.

Бог-покровитель мышей и защитник людей от мышей — это две функции одного бога: Аполлон стал повелителем мышей, как до него Гор и Яхве. В эллинистическую эпоху Аполлон прямо отождествлялся с Гором.

Мотив благодетельных мышей, помогающих во время войн слабейшей стороне, вошёл в мифы и сказки разных народов, и встречается у Страбона (XII, 1, 48), в китайских летописях, монгольских сказках и в русских былинах о Вольге. В ряде сказок и басен (Панчатантра, Эзоп и др.) мышь выступает как благодарное животное: спасает человека от смерти, указывает средство от болезни, помогает даже слонам и львам. Но подобные мотивы не предполагают никакого повелителя мышей.

Между тем, из древнего символа чумы в ранние века христианской эры мышь стала более общим символом — божией кары за грехи. Произошла смысловая экспансия символа. Интересно наблюдать, как реликты языческих верований и варварских обычаев проникают в христианскую среду средневековой Европы, например, в среду франков.

Как известно, Хлодвиг I крестился в 496 году и окрестил франков. При его внуке Хильперике I случился эпизод, описанный позже знаменитым летописцем Григорием Турским.

Итак, летописец рассказывает, что в царствование Хильперика I (VI век) в городском рву Парижа был случайно найден обрывок кожи с изображением крысы, реки и факела. Находку доставили королю. Несмотря на мольбы придворных, король приказал сжечь этот кусок кожи; парижане пришли в ужас и стали ждать беды. «Так и случилось, — меланхолично подтверждает Григорий Турский. — Эти несчастья не замедлили явиться, потому что упомянутый кусок кожи был талисманом, предохранявшим Париж от всех бедствий, которые были на нём изображены... В тот же год произошли наводнения и пожары, которые опустошили половину города, и было множество крыс...»

Мыши и крысы, по-прежнему мало различаемые, выступают в фольклоре раннего европейского Средневековья как стихийное бедствие, посылаемое Провидением в наказание за грехи. Знаменитая генеалогическая легенда Пястов, зафиксированная в хронике Галла

Анонима, содержит рассказ о съедении Попеля мышами, восходящий, вероятно к общему древнеславянскому источнику[1].

Согласно рассказу Галла Анонима, таинственные странники, не найдя приюта у гнезненского князя Попеля, праздновавшего пострижины своего сына, встретили радушное гостеприимство у крестьянина-колесника Пяста и его жены Репихи; в благодарность они предрекли Пясту, что сын его станет князем. Князь Попель за свою несправедливость был изгнан своими соперниками из рода Котышки и удалился в свою башню в Крушвицах, но в этой башне подвергся нападению несметного полчища мышей и был съеден ими. Князем Гнезна стал Земовит, сын Пяста; после него, как рассказывает Галл, княжил его сын Лешко, потом сын последнео — Земомысл, а потом сын Земомысла — Мешко. Это первый исторический князь древней Польши, который в середине X века объединил в одну державу племена, жившие от Одры до Вислы.

У династической легенды Пястов усматриваются архаические истоки: известна восточнославянская сказка об Иване Попялову, который двенадцать лет лежал в пепле, затем, стряхнув с себя шесть пудов пепла убил «змеиху», сжёг её, а пепел рассыпал. Змееборец превращается в кота, подслушивая разговор змеихи с дочерьми ср. имя Котышки в польской легенде, мотивы кота и мышей, восставшего из пепла богатыря и слепоты, связанной с пеплом (в польской легенде князь Мешко из рода Котышки был слеп семь лет)[1]. Иными словами, древнеславянский змееборец отчасти сохранял зооморфные черты; это архаическое предание, связанное с мифологическими представлениями о враждебных человеку или помощных животных, в пястовской Польше получило ложную историзацию, так что эпилогом мифа стал реальный Мешко I.

В династической легенде Пястов обнаруживается целое сплетение международных фольклорно-мифологических мотивов, из к-рых нас особенно интересует съедение злого князя мышами. Этот мотив был широко распространён в средневековой литературе и фольклоре; особенно известно предание о епископе Гаттоне, наказанном за свою жестокость к голодным беднякам лютой смертью. Гаттон укрылся в башне, построенной на острове среди реки, но мыши добрались до него и там.

> Полагаем, что изначальной формой кары за нарушение законов гостеприимства было съедение мышами хлеба скупых хозяев. Естественно, это обрекало землевладельцев на голодную смерть, т. е. мыши косвенно становились причиной смерти людей. По прошествии веков в результате смыслового стяжения они превратились в прямых человекоубийц.
>
> Впрочем, если учесть древнее смешение мышей и крыс, то нет нужды размышлять о смысловом стяжении: крупные популяции крыс, испытывая недостаток в пище, нападают на людей (в наши дни, с начала 80-х годов, крысы в Египте истребляли посевы, разрушали дома, нападали на феллахов.

[1]Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. М., 1961.
[1]Мифы народов мира, т. Попель.

> <. . . > Словом, человечеству присущ древний страх перед грызунами, особенно синантропными (живущими рядом с человеком), и страх этот во много обоснован. Например, крыс на земле считается, столько же, сколько людей, причём первые быстрее и лучше адаптируются к повышенной радиации; серая крыса (пасюк) прекрасно плавает, и их сообщества сильны и устойчивы.[b]

Заметим, что в приведённых выше сюжетах из Библии и Гомера мыши были связаны с чумой, тогда как ни легенда о Попеле, ни предание о епископе Гаттоне о чуме не упоминают: здесь огромные полчища мышей исполняют кару Провидения, съедая одного человека. Вероятно, эти легенды и предания отразили реальность Северной Европы — колоссальные миграции леммингов в Скандинавии и иные нашествия грызунов.

Анализируя различные предания и фольклорные сюжеты, полезно привлекать иногда сведения из других научных дисциплин, например, из зоологии.

Дитя в корзине и приметы избранников. Опыт реконструкции этнографического субстрата мифов[a]

I

Этнографической наукой хорошо изучен обычай аталычества, в силу которого у многих народов Кавказа в феодальную эпоху знатные родители отдавали новорожденных детей в семьи вассалов и слуг на воспитание[1]. Обычай был характерен и для кельтов, арабов, скандинавов. Разумеется, в дофеодальную эпоху никаких вассалов не было: «Зачастую зажиточные бонды отдавали своих детей на воспитание более бедным родственникам или другим людям, в том числе вольноотпущенникам. Это была своеобразная форма покровительства, оказываемая более сильным более слабому. Таким путем расширялся круг родства и взаимопомощи, возглавляемый могущественным хозяином»[2].

> Для родового и раннеклассового общества был характерен кузенный брак. Из двух типов его более ранним является перекрёстно-кузенный, т. е. брак с дочерью брата матери или с дочерью сестры отца; он возник вместе с дуально-родовой организацией и обеспечивал взаимобрачие двух экзогамных родов. С разложением рода началось преобладание параллельно-кузенного брака — с дочерью брата отца, реже с дочерью сестры матери; он позволял сохранить имущество в пределах большой семьи.

[b]Из статьи: Нарушение гостеприимства и кара за него // Назировский архив. 2018. № 1. С. 9 – 15.

[a]Основной текст главы публикуется по: Дитя в корзине и приметы избранников. Опыт реконструкции этнографического субстрата мифов // Назировский архив. 2016. № 2. С. 11 – 30.

[1]См.: Косвен М. О. Аталычество. «Советская этнография», 1935, № 2.

[2]Гуревич А. Я. Походы викингов. М., 1956, с.20.

Несомненно, в перекрёстно-кузенном браке древнейшей формой был брак с дочерью брата матери, поскольку понятия «отец» вообще не существовало (оно не могло быть сингулярным), а «мужья матерей» ещё не дифференцировались. Никто не мог знать своего «отца», хотя знал всех своих «отцов». Зато брат матери — это уже *numeris singularis*: ближайший старший родственник, естественный воспитатель каждого мальчика, выходящего из-под материнской опеки. Таким оразом, в плане воспитания дядя по матери (по-славянски *вуй*) — исторический предшественник индивидуально понимаемого отца.

Многими этнографическими наблюдениями зафиксирована особая роль братьев матери в инициациях мальчиков: дядя руководил подготовкой племянника к инициации и контролировал его прохождение по этапам посвятительного экзамена.

Кузен и кузина предназначались в супруги друг другу с детства, иногда с рождения. Обычай раннего сговора зафиксированы даже у аборигенов Австралии. Поэтому брат матери мальчика — это и его будущий тесть.

С этим связано в древности переселение мальчика в дом дяди. Этот обычай намного пережил инициации, но сохранился только применительно к мальчикам из племенной аристократии, причём срок их проживания у дяди имел тенденцию к возрастанию. Руководство инициациями племянника превратилось в воспитание его дядей; одновременно мальчик привыкал к своей будущей жене. По нашему мнению, из кузенного брака и из исконной обязанности дяди руководить инициацией племянника и возник известный обычай аталычества.[b]

При родовом строе никаких вассалов или слуг не было, мальчика воспитывал один из родственников, занимавший однако, несколько менее высокое положение, чем отец мальчика. Это мог быть дядя, младший брат вождя. Аталычество означало известную подчинённость воспитателя родителям мальчика и в то же время служило как быобещанием будущего укрепления родства посредством кузенного брака.

Наша предположение о том, что воспитателем обычно был дядя ребёнка, подкрепляется общеизвестным наименованием такого педагога в древней Руси: «Дядька — приставленный для ухода или надзора за ребёнком, пестун», говорит В. И. Даль в своём «Толковом словаре». В ряде русских говоров «дядькой» также называют важного участника свадебного обряда: это «посажённый жениха, обычно крёстный отец его; или старший дружка; он одевает жениха и даёт ему нужные наставленья. . . » (В. И. Даль).

В древней Руси дядя князя всегда играл важную политическую роль, как, например, знаменитый своим кровавым миссионерством Добрыня, дядя святого

[b]Из рукописных редакций. АРГН. Оп. 3, д. 40, л. 4202.

Владимира. Судя по некоторым данным, аталычество существовало у древних славян.[c]

Матусяк ещё в 1902 году истолковал это предание[d] как контаминацию исторических фактов с легендами (съедение злого властителя мышами — известный мотив европейского фольклора) и указал, что имя Пяст происходит от глагола *piescic* (лелеять) или *piastowac*, т. е. пестовать, отсюда *piastun*, соответствующее русскому «пестун». По наблюдению Матусяка, в истории имя «Пяст» более не встречается, и от него не образовалось ни одного географического названия; значит, оно было не собственным, а нарицательным именем. Матусяк предположил, что *piast* — это древний титул воспитателей княжеских сыновей, которые захватили реальную власть при Попелидах, как франкские майордомы при последних Меровингах («ленивых королях»). Ещё вероятнее, что Пяст был не просто воспитателем, а приёмным отцом последнего Попелевича и унаследовал власть по праву адоптации.[1]

К этой гипотезе польского учёного можно добавить осторожный вопрос: не был ли древний гнезненский Пестун *дядей* Попелевича? Тогда родоначальник первой польской династии просто-напросто принадлежал к младшей ветви гнезненских князей и наследовал власть угасшей старшей линии.

То, что «пяст» (пестун княжича) захватил реальную власть при Попелидах, не более странно, чем захват высшей власти франкскими майордомами при последних Меровингах или военными регентами (сёгунами) при японских императорах. Это нормальное явление феодализма.[e]

Аталычество — это поздняя форма воспитания детей вне отцовского рода. Возможно, она связана с авункулатом, т. е. особой близостью племянника к дяде по матери (лат. avunculus — дядя со стороны матери)[2]. У многих народов, в том числе у славянских, воспитателем княжича был дядя по матери (славянск. вуй, в русских говорах — уй). По наблюдениям К. Леви-Стросса, тесная и дружественная связь между отцом и сыном соответствует напряженности отношений племянника с авункулом; наоборот, авункулат наблюдается в обществах, где отношения между отцом и сыном конфликтны[3]. Это положение Леви-Стросса согласуется с фольклорно-мифологическими изображениями столкновений между отцом и отдаленно воспитанным сыном, хотя поэтическая мотивировка этих столкновений — это по преимуществу неузнавание.

---

[c] Из рукописных редакций. АРГН. Оп.4, д. 54, л. 00557.

[d] Имеется в виду предание о съедении польского князя Попеля мышами. См. предыдущую главу работы. — Прим.ред.

[1] Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. М., 1961.

[e] Две последние вставки взяты из рукописных редакций. АРГН. Оп. 3, д. 40, л. 4197, 4199, 4200.

[2] См. Косвен Авункулат. «Советская этнография», 1948, № 1; Ольдерогге Д. А. Эпигамия. Избранные статьи. М., 1983, с. 116 – 118.

[3] Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1963, с.40 – 52.

Древняя конфликтность отношений отца и сына отразилась в мифе о рождении и воспитании Зевса. Его отец Кронос из страха перед наследником пожирал своих новорожденных детей, пока Рея не подсунула ему вместо Зевса завернутый в пеленку камень; Зевс был скрыт в пещере горы Дикта на Крите и вскормлен козой Амалфеей. Это версия, зафиксированная в «Теогонии» Гесиода. В отличие от неё Аполлодор в книге «О богах» приводит вариант о родах Реи в той же критской пещере и о дальнейшем его тайном воспитании. Возмужав, Зевс низверг отца и завладел властью над всеми богами.

Отнюдь не разделяя теории Дж. Фрэзера об универсальном обычае наследования через цареубийство («Золотая ветвь»), мы признаём, что в некоторых архаических культурах конфликтность отношений отца и сына была такой же исторической реальностью, как авункулат. В культурах такого типа отец не только исключался из воспитания своего сына, но они даже принадлежали к разным тотемным группам. Фольклорно-мифологический мотив тайного воспитания — отражение обычая воспитания сына вне отцовского рода, отдалённого воспитания, из которого позже развилось аталычество.

Обычай отдалённого воспитания отражен в мифе об Ахилле, которого мать, желая уберечь от предречённой судьбы, укрыла на острове Скирос среди дочерей царя Ликомеда. Сам Ахилл носил девичью одежду, но Одиссей распознал юного героя благодаря уловке — оружию, положенному среди женских украшений. В этой истории особенно важен мотив опознания.

Сравним этот мотив со сказками о воспитании мальчика у колдуна (AT 325, «Хитрая наука»): кульминацией сюжета служит опознание отцом своего выросшего сына. Дело в том, что выход из аталычества имел специальные обряды: отец прибывал в дом воспитателя и должен был узнать сына среди других юношей. Видимо, успех воспитания проверялся отцом в борьбе с сыном. Такому же экзамену подвергался выросший сын и в том случае, если самостоятельно возвращался домой: и здесь в обряд входили моменты узнавания и проверки. Гениальная фольклорная интуиция Гоголя подсказала ему зачин «Тараса Бульбы», где сына, вернувшегося после отдаленного воспитания, отец испытывает в кулачном бою.

Обряд выхода из аталычества в эпосе наложился на более древний конфликт отца и сына, обусловленный спорным характером наследования в становящейся патриархальной семье, когда наследие патриарха начало передаваться не сыну его сестры, а его собственному сыну, прежде бывшему членом чужой тотемной группы. В эпосе происходит стадиальное стяжение архаического конфликта и более позднего «экзамена» на зрелость в один знаменитый мотив — «бой отца с сыном», необходимый элемент героической биографии. Этот мотив обычно дается как результат *неузнавания*, что является поэтической формулой, обобщающей и древний спор о наследовании, и испытательное единоборство.

Драма неузнавания может иметь троякий исход: убийство сына отцом, убийство отца сыном и поражение одного из них, не приводящее к смерти. Великий эпический герой — это победитель своего отца или равный ему богатырь. Систанской легенде для героизации Сухраба понадобилось удвоение мотива:в первом единоборстве Сухраб победил своего

неузнанного отца, но во втором Рустам нанес сыну смертельный удар (довольно редкий пример сочетания диаметрально противоположных результатов неузнавания)[1]

С обычаем отдалённого воспитания связан великий эпический мотив найденного ребенка. Целый ряд мифологических героев и мифологизированных исторических деятелей, основателей городов и зиждителей культов — это найдёныши: Саргон, пророк Моисей, Эдип, Ромул и Рем, Кир Великий, И Инь и многие другие. Во многих сказаниях о них описывается вскармливание героя самкой дикого животного — козой, ланью, чаще всего волчицей, реже собакой.

Почему найдёныш в мифах и легендах обязательно становится героем? Иными словами, почему архаическое сознание придает найдёнышам особую ценность? Потому что в ранних обществах всякая находка была чудесным даром свыше и ценилась гораздо более, чем продукт трудовых усилий. Это пережиток всемирной экономической стадии собирательства. Потому и найдёныш — дар богов, и оскорблять их отказом от подарка опасно. Ведь неизвестное происхождение ребенка включает возможность любого происхождения, в том числе и божественного. «Иногда «старшие» боги покидают дитя или спускают его в колыбели на землю со специальной демиургической миссией...; на земле божественное дитя становится прародителем людей и устроителем их жизни»[1] — вот зерно мифов о найдёнышах.

Это мифологический смысл «переоценки» найдёнышей, но каков этнографический субстрат этих мифов? Полагаем, что в позднеродовом обществе приём ребенка на воспитание оформлялся как случайное нахождение. Каков же генезис этого оформления?

II

Все человечество прошло через стадию детоубийства: «...тяжёлые условия жизни людей первобытного общества... как правило исключали одновременное воспитание одной семьей хотя бы двух маленьких детей; отсюда широко фиксируемые этнографами обычаи временного отчуждения супругов, применения противозачаточных средств и абортов, различные виды детоубийства и т. д.»[2]. Иногда обречённых детей «просто оставляли без пищи»[3], чаще выносили на звериные тропы, водопои и т. д.; позже развились обряды жертвоприношения детей богам. Это совершалось в интересах рода и потому было, по словам Г. В. Плеханова, «нравственной обязанностью перед обществом»[4].

Развитие производительных сил создало возможность прокормления детей, прежде бывших лишними. Для родовой знати обычай детоубийства стал бессмысленным, тогда как для бедняков оставался суровой необходимостью (в Китае вплоть до XX века семьи, жившие на речных сампанах, практиковали утопление новорождённых). Большинство, вынужденное по-прежнему убивать «лишних» детей, требовало от знати соблюдения старого обычая.

[1] См.: Сказки и легенды Систана. Составление и комментарии А. Л. Грюнберга и И. М. Стеблина-Каменского. М., 1981, с. 215–224 («Рустам и Сухраб»).

[1] Новик Е. С. Дитя. — В кн.: Мифы народов мира. М., 1980, т.1, с.384

[2] Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981, с.183.

[3] Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. М., 1958, с. 169.

[4] Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М., 1958, т. 5, с. 351.

В условиях этого морального конфликта, которым оформлялась первая классовая дифференциация, возникла и развилась компромиссная форма символического убиения новорожденных наследников знати, позволявшая и почтить обычай и сохранить сыновей. Их выносили, как и было положено, на съедение зверям, но младенца тотчас подбирал и уносил заранее намеченный воспитатель (или воспитательница).

Об отданном на воспитание младенце дома говорили как об умершем, а при возвращении он рассматривался как чудесно спасенный: звери не съели его, а спасли и воспитали. Такое «тотемическое воспитание» — это метафора отдаленного воспитания детей родовой знати (науке известны случаи действительного вскармливания потерянных детей волчицами, но эти питомцы зверей вырастали зверями же).

Что касается детей бедняков, то их в античной Греции и Риме, как и на Востоке, продолжали выносить в пустынные места. Найдёнышей часто подбирали и воспитывали из сострадания или из корыстных целей. «Вскормленник» мог быть усыновлен подобравшим, а мог быть выращен как раб на продажу; работорговцы охотно подбирали брошенных детей. Только император Александр Север (III в.) приравнял выбрасывание детей к убийству. Спустя четыреста лет пророк Магомет формально повелел в Коране: «Не убивайте ваших детей из боязни обеднения».

«Вынесение» детей, печальная необходимость для бедняков, стало формой отдачи на воспитание детей знати. Этот переход содержания в форму продиктовал и форму приема детей воспитателями — «случайное» нахождение и временное усыновление.

Мифам о найдёнышах большое внимание уделил В. Я. Пропп в работе «Эдип в свете фольклора»[1]. Научная репутация В. Я. Проппа чрезвычайно высока, и его заслуги неоспоримы. Однако в ряде пунктов у нас возникают с Проппом серьёзные расхождения: его интерпретация чудесного спасения и тотемного воспитания героя как отражений посвятительных обрядов представляется неточной. На деле символическое детоубийство было связано не с инициациями, а с жертвоприношениями детей.[f]

В европейском сознании, воспитанном на Библии, слово «жертвоприношение» вызывает один ряд ассоциаций: окровавленный нож, алтарь и дым от горящего мяса. Но это не единственная форма жертвоприношения, было немало и других форм. Духам воды приносили жертвы, топя детей в воде, отдавая крокодилам, бросая девушек в страшный колодец Чичен-Ицы (у Майя) или сплавляя по воде в лодке, ковчеге, корзине и т. п.

Сплавление по воде аналогично водному погребению, известному у многих народов. «По представлениям древних, вода (реки, болота и т.д.) была... путём на «тот свет» для умерших»[2]. Покойника отправляли в плавание по реке.

---

[1] Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М., 1976. Далее ссылки на эту работу даются с сокращенным указанием в тексте.

[f] Из подготовительных материалов: «Ответы на загадки Сфинкса — вот инициации Эдипа». АРГН. Оп. 1, д. 90, л. 9851.

[2] Филимонова Т. Д. Вода в календарных обрядах. — В кн. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Историчесческие корни и развитие обычаев. М., 1983, с. 133.

Египет рано изжил водное погребение, но следы его сохранились. Считалось, что умершие фараоны становятся гребцами бога Ра; поэтому в пирамиды клали весла и порою целые лодки, которые у археологов прозваны «солнечными ладьями». В 1955 г. у подножия пирамиды Хеопса в каменном тайнике найдена прекрасно сохранившаяся лодка с циновками на сиденьях и веслами. Объяснение этого обычая загробной службой фараона на ладье Ра вытекает из солярного мифа, развившегося относительно поздно или, вернее, поздно повлиявшего на погребальные обычаи; изначально же лодка мыслилась нужной самому покойнику для спуска вниз по Нилу. После изменения похоронного обряда (возможно, под кушитским влиянием) лодка осталась его реликтовым дополнением.

Такие сочетания характерны для погребальных обычаев многих народов, например, скандинавов: «Задолго до эпохи викингов, знатных людей стали хоронить в ладьях, которые помещались в курганах»[1]. В начале X века знаменитый Ахмед ибн Фадлан видел похороны русского князя, который был положен в ладью и сожжён на костре[2]. В Средние века немцы, поляки, русские хоронили покойников в гробах, выдолбленных из цельного дерева, наподобие древних ладей; у русских раскольников долбленные гробы сохранялись вплоть до XIX века.

В Провансе до XII в. удерживался такой обычай: поскольку «Елисейские Поля» в Арле (древнеримское кладбище) считались святой землей, города Верхней Роны отсылали своих покойников в Арль. Засмолив тело в бочку и прикрепив к ней кожаный кошель с деньгами, покойника спускали в Рону. Арлезианцы вылавливали эту «почту» и погребали тела на своем кладбище. Это пережиток водного погребения: некогда покойники просто уплывали в море.

Сплавляя покойника по реке, родственники заботились об удобствах его плаванья, о пригодности лодки. Аналогичным образом поступали при сплавлении приносимых в жертву детей: заботливо укладывали, возможно — в колыбелях, как рассказано в гуцульской сказке, которую цитирует В. Я. Пропп. Ученый отмечает с недоумением: «Получается впечатление, что ребенка снаряжают вовсе не на смерть, а на далекое путешествие, причем делают все, чтобы он остался жив и благополучно воспитан» (Пропп, 273). Но для архаического сознания смерть и есть «далекое путешествие»: и при подлинном жертвоприношении, и при символическом детей снаряжали одинаково заботливо.

В греческом мифе жалостливый раб отдал младенца Эдипа пастуху коринфского царя Полиба. Согласно более древнему варианту мифа, Эдип был не отослан на съедение зверям, а положен в ковчежец и пущен в море; волна вынесла его на берег близ Сикиона, и там ребенка подобрала сикионская царица, стиравшая бельё. Наличие этих двух вариантов свидетельствует о сюжетной синонимичности «вынесения» и сплавления по воде, но и здесь водный обряд — более древний.

[1] Гуревич А. Я. Походы викингов, с. 38.

[2] Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921 – 922 гг. М., 1956, с. 143.

Наносимые ребенку «знаки смерти» В. Я. Пропп связывает с инициациями. Но никакой безумец не подвергал инициациям новорождённых детей. Пропп и сам понимал условность мотива: «Мы имеем здесь отправление ребенка в далекий путь на воспитание со знаком смерти, имеем смерть, которая не есть смерть, имеем мнимую смерть» (Пропп, 237). Указание совершенно точное, но затем это отправление на воспитание Пропп «расшифровывает», а на деле — запутывает при помощи инициаций, проявляя крайнее недоверие к реалиям сказки.

> Удивительно, как столь вдумчивый и проницательный учёный прошёл мимо огромного комплекса обрядов мнимой смерти ребёнка и других «обманных» обрядов.
>
> Пережитки их известны и в России — это обычай мнимой продажи ребёнка нищим. У тюркоязычных народов до сих сохранилось имя Эталмас (по-туркменски «Италмас») <...> именем, которое должно было внушить духам мысль, что новое существо не стоит внимания, его не возьмёт даже собака. В древней Руси в тех же целях младенцев нарекали именами самых различных животных, птиц и даже насекомых (Муравей, Муха, Блоха, Жук, Хрущ и т. д.). Эта ономастическая минимализация тоже имела целью обмануть смерть, которую интересовали человеческие дети, но которая с наивностью, свойственной грубой силе, доверяла прямому значению имён.[g]

В том-то и дело, что обрядовая имитация детоубийства совершалась с полной серьёзностью: младенцу наносили порезы, чтобы пролилась кровь и чтобы обряд сохранил видимость жертвоприношения. Еще П. Лафарг справедливо указал: «Обрезание и другие увечья были лишь смягчённой формой первоначальных человеческих жертвоприношений. Первоначально приносили в жертву детей; затем, посвящая их божеству, стали довольствоваться тем, что отсекали суставы пальцев, совершали обрезание или, наконец, наносили раны и т. д. Дикие туземцы Нового Южного Уэльса отрезают младенцам женского пола два сустава мизинца левой руки...»[1]. Итак, «знаки смерти» были знаками жертвоприношения. В дальнейшем цель этих надрезов изменилась. Исходя из указанного выше обычая угадывания родителями выросшего сына, мы полагаем, что рубцы, фрагменты татуировки и другие меты на теле ребенка стали с течением времени не «знаками смерти», а опознавательными знаками, причем не «с точки зрения поэтики» (Пропп, 274), а в реальном быту.

III

У греков опознавательные знаки навивались «гнорисмата»: таковы проколотые ноги Эдипа. В поздней античности гноризматами стали называть предметы, приложенные к подкидышам, надетые на них амулеты и т. п.

[g] Из заметки «Ритуалы мнимой смерти и ономастическая минимализация». АРГН. Оп. 4, д. 103, л. 0072.

[1] Лафарг П. Обрезание, его социальное и религиозное значение, — В кн.: Критика иудейской религии. 2-е изд., М., 1964, с.308 – 309.

Мечение детей — это всемирный обычай. В наше время многие африканские народы приурочивают это мечение к инициациям, например, «рубцевание племенными знаками» у племен Лесной Гвинеи[2]. Но такое сочетание племенного мечения с инициациями отнюдь не является общим законом. В архаике именно грудным младенцам придавались неизгладимые отличия: деформация черепов, растянутая форма ушей и т.п. Л. Я. Штернберг отмечал: «У бушменов все, вплоть до грудных младенцев, лишены мизинца на обеих руках (знак племени)»[3]. Это значит, что мизинцы отрезались у новорожденных.

Древние иудеи татуировали на теле детей тотемные знаки: змея была знаком колена Данова, лев — колена Иудина, оливковое дерево — колена Ашеры и т. п. Зрелый иудаизм запретил это племенное мечение.

Б. Рифтин указывает, что в процессе развития древнекитайской мифологии преемниками первопредков, в основном зооморфных, стали культурные герои, в изображениях которых уже преобладают антропоморфные черты, но зато возрастает роль «сакральных знаков»: это знаки на ладонях и ступнях, наросты на голове и особенно часто упоминаемая «драконова мета» (значение символа пока не ясно)[1].

По сей день многие народы мира сохраняют эту традицию. Польский врач Люциан Воляновский говорит о даяках: «...“опознавательными” знаками являются сложная татуировка шеи (особенно адамова яблока) и вытянутые мочки ушей»[2].

Гноризматы могли ставиться на плече и спине ребенка: согласно греческому мифу, все Пелопиды рождались с белым пятном на плече. Но, видимо, чаще всего у детей помечались уши и конечности. Яркая роспись ступней и ладоней — живая традиция у женщин Индии.

> Из гноризматов на ладонях возникла (с забвением древнего значения) и пресловутая хиромантия: в архаике по ладони человека узнавали его происхождение, но тогда это и означало, в известном смысле, узнавание судьбы, поскольку личная судьба определялась богатством, силой и знатностью рода.[h]

Мотивировка мечения, рубцевания, татуирования тела изменялась, Так, у племени кольта (Северо-Западная Индия), по мнению индийских ученых, татуировка прошла три стадии осмысления: до нынешней декоративной функции она имела магический смысл, а еще раньше выполняла функцию, которую мы назовем гноризматической: «Первоначально она наносилась для опознания своих людей, захваченный в плен или в рабство налётчиками-соседями»[3].

Как известно, многие архаические обычаи и обряды в течение долгого времени пережиточно сохранялись как привилегии высшей знати и царских династий. С другой стороны,

[2]Шаревская Б. И. Африканские ученые о религиозных верованиях в тропической Африке. — В кн.: Религии мира. Ежегодник. М., 1982, с. 235.

[3]Штернберг Л. Татуирование. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона, Т. XXXII «Тай-Термиты». СПб, 1901, с. 679.

[1]Рифтин Б.

[2]Воляновский Л. Жара и лихорадка. М., «Наука», 1977, с. 182.

[h]Из рукописных редакций. АРГН. Оп. 3, д. 40, л. 4191.

[3]Ковалев Н. Племя из Джаунсара. «Вокруг света», 1981, № 8, с. 21.

аналогичные пережитки удерживались и в преступном мире. В античности пользовались общей ненавистью «андраподисты» — похитители свободно рождённых детей для продажи в рабство. Они старались изменить внешность детей и вытравляли родовые знаки, чтобы похищенных детей нельзя было опознать. От андраподистов произошли «компрачикосы», описанные в романе В. Гюго «Человек, который смеётся»: они уродовали похищенных детей для продажи их в качестве шутов».

В Европе долго сохранялось мечение самых драгоценных детей: новорождённым принцам наносились на тело индивидуальные меты во избежание потери или подмены ребенка. В Испании такой знак назывался impresa (печать); в XIII веке кастильский король Альфонс X имел на теле такую печать, изображавшую пеликана[1]. У французских историков такие династические эмблемы называются «королевскими татуировками», но это не точно: эмблемы наносились посредством тонкого клейма.

Однако вернёмся в эпоху становления классового общества.

Как уже указывалось, первоначально надрезы на теле ребенка имитировали жертвоприношение. Символическую жертву подбирал родственник — брат матери ребенка или его жена. В исследованиях по авункулату А. М. Хокарт указал на религиозный характер отношений между племянником и дядей со стороны матери и описал обряд «похищения жертвоприношения родственниками со стороны матери»; авункул и его род представляли по отношению к племяннику божественное начало[2].

Но если так, то и на принесённого в жертву ребенка авункул имел прямые права, т. е. в более раннюю эпоху «похищал» эту жертву — отправленного в роковое плавание племянника; позднее это стало временным усыновлением, а на заре феодализма — аталычеством. Полагаем, что предистория аталычества прошла ряд стадий. На одной из них родители стали наносить на тело ребенка личные гноризматы в целях последующего опознания.

Обряд выхода из аталычества включал узнавание родителями своего выросшего сына (иначе воспитатель мог его удержать); поэтому ребёнка, отдаваемого на воспитание, необходимо было индивидуально пометить. Само же узнавание, вследствие огромной бытовой важности возвращения сына, стало великим эпическим мотивом (анагнорисис), включающим и риск трагического неузнавания.

> Аталычество имело свои обряды. Этнографы отмечают в церемонии возвращения юноши его семье обмен подарками между родителями и воспитателями. Полагаем, что со временем подарки стали неравноценными и со стороны родителей служили формой платы за воспитание, а на более ранней стадии — *выкупа за сына.* Чем сильнее и мужественнее он стал, тем больше заслуга «дядьки». Иными словами: чем труднее родителям узнать своего выросшего ребёнка, тем крупнее должен быть выкуп. Обряд узнавания имел конкретный «социально-экономический» смысл.

[1] Морозов А. А. Из истории осмысления некоторых эмблем в эпоху Ренессанса и барокко (Пеликан). — В кн.: Миф-фольклор-литература. Л., 1975, с. 50.

[2] См.: Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983, с.34.

Возможно, что «дядька» имел право ещё на время задержать у себя не узнанного родителями юношу, как об этом рассказывается в ряде сказок.[i]

В. Я. Пропп многое понимал совершенно правильно. О сплавлении по воде он говорит: «Сравнительное изучение этого мотива по мировому фольклору показывает очень ясную закономерность: на воду спускаются будущие вожди своих народов» (Пропп, 274). Но Пропп не признает за этим мотивом статуса этнографической реальности.

«Прохождение сквозь воду есть не только начало царского пути, оно есть условие воцарения... Царствовать мог только тот, кто прошёл сквозь этот обряд и мог показать знаки смерти, татуировку, печать, которые позже превратились в опознавательные знаки» (Пропп, 275). Но исследователь истолковывает всю сказочную гноризматику как шрамы инициаций, хотя инициирование новорождённых — это явный нонсенс. Он не понял, что мифы о великих найдёнышах отражают обычай отдаленного воспитания, которое оформлялось как символическое детоубийство и требовало индивидуального мечения детей.

Сплавление по воде и в реальном быту было «условием воцарения», поскольку ребёнок, спущенный на воду и затем чудесно вернувшийся, рассматривался как существо, посетившее смерть и получившее от духов предков ту мистическую силу, которую этнографы называют полинезийским словом «мана», близким по смыслу к греческому понятию «харисмы» (благодати). Корзина или ковчежец, плывущий по воде, есть первый этап превращения в харизматического вождя. Точному осмыслению этих фактов у В. Я. Проппа помешала инерция его доктрины и типичное для этого ученого стремление к «резкой определённости»[1], в силу которого он подавал свои гипотезы как бесспорные истины.

Попытаемся применить вышеизложенные соображения к анализу весьма известных ближневосточных мифов.

IV

Легенда о Саргоне, основателе Аккадского царства, повествует, что мать родила его тайно (очевидно, она была жрицей и не имела права рожать детей), положила в просмоленную тростниковую корзину и пустила плыть по Евфрату. Водонос Акки выловил корзину и воспитал ребёнка. Этот миф послужил источником для ветхозаветной истории пророка Моисея. А. Б. Ранович полагал, что история Моисея «представляет собой, по всей вероятности, простое перенесение на личность ветхозаветного героя циркулировавшего на Востоке мифа о рождении вавилонского царя Саргона I...»[2].

Мнение о «простом перенесении» явно ошибочно. Рассмотрим библейскую легенду подробнее. Она повествует о рабстве евреев в Египте; жестокий фараон приказал бросать в Нил всех рождающихся еврейских мальчиков (Исх.1,22). Жена одного левита, родив сына,

[i] Из рукописных редакций. АРГН. Оп. 3, д. 40, л. 4190.

[1] Бремон, Клод. Структурное изучение повествовательных текстов после В. Проппа. — В кн.: Семиотика. М., 1983, с. 429.

[2] Ранович А. Б. Очерк истории древнееврейской религии. М., 1937, с.76.

прятала его в течение трех месяцев, а затем взяла корзину, обмазала её смолою, положила дитя в корзину и отнесла в тростники на берегу Нила.

Она отнюдь не пустила по воде корзину с младенцем, а поместила в безопасном месте: это большая разница, игнорировать это различие нельзя. Во всех сходных мифах «герой-младенец — пущен по воле вод и чудесно спасён, здесь же спасение целенаправленно организуется. Сестра младенца стояла на некотором расстоянии от корзины, чтобы узнать, что с ним произойдёт (Исх., II, 4). Эта деталь приподнимает завесу над древним обычаем: возможно, условное сплавление по воде производилось под контролем близких.

Ребенка нашла дочь фараона. Сестра мальчика, как бы случайно оказавшаяся рядом, предложила царевне, распознавшей в найдёныше одного из обречённых еврейских детей, найти еврейку-кормилицу: она «выкормит мальчика для тебя» (Исх., II, 7). Царевна согласилась, и мать Моисея нанялась кормилицей собственного сына. Затем она вернула его египетской царевне, «и он стал ей как сын» (Исх., II, 10). Царевна и нарекла его Моисеем, что Библия переводит как «спасённый из воды». Это ложная этимология, но ясно, что такой «перевод» имени носит сакрально прославляющий характер, ибо всякое дитя, спасённое из воды, в мифологическом сознании должно стать харизматическим вождём.

> Наукой давно признано, что Mosheh — это искажение древнеегипетского «мессу» (сын). Это слово нередко было второй частью египетских царских имён, например, «Ра-мессу», т. е. Сын Ра (Солнца), которое мы произносим как «Рамзес».[j]

Зигмунд Фрейд в своей последней работе «Моисей и монотеистическая религия» (Нью-Йорк, 1939) построил гипотезу о том, что Моисей был египтянином, сподвижником известного религиозного реформатора Аменхотепа IV (Эхнатона)[1]. Гипотеза эта произвольна, но египетское влияние в легенде о Моисее несомненно. Так, разделение вод Красного моря повторяет магический мотив египетской сказки «Волшебство Джаджаманха»[2].

А. Б. Ранович считал, что мотивы истории Моисея «заимствованы в значительной степени из египетских сказок»[3]. Но ни миф о Саргоне, ни египетские сказки не были основными источниками истории Моисея.

Мать Моисея, ставя корзину в тростниках, рассчитывала на то, что дитя будет найдено: она обошла приказ фараона — имитация детоубийства оказалась формой отдачи на воспитание. Как в большинстве сходных сюжетов, нахождение младенца «автоматически» влечёт за собой его усыновление. Кто участвует во всем этом эпизоде? Мать и сестра Моисея, дочь фараона и, очевидно, её служанки — но ни одного мужчины. Отправление Моисея на «мнимую смерть» и его усыновление осуществляется только женщинами. Воспитание Моисея дочерью фараона, воспитание Ахилла среди дочерей Ликомеда или Андрея Критского в женском монастыре — явления одного порядка. В. Я. Пропп отметил эту цепь совпадений, но через несколько мучительных натяжек опять свёл всё к инициациям: «Обряд

[j] Из рукописных редакций. АРГН. Оп. 3, д. 40, л. 4187.

[1] Freud S. Der Mann Moses und die monotheistische Religion. Gesammelte Werke, Bd. XVI, 1950

[2] См.: Фараон Хуфу и чародеи. Сказки, повести, поучения древнего Египта. М., 1958

[3] Очерк истории древнееврейской религии, с. 76.

посвящения стоит под знаком женского начала»; «Сам юноша иногда превращается в женщину. Отсюда — женские атрибуты шамана, божества-гермафродиты и т.д.» (Пропп, 281) Выведение шаманского травестизма из мнимого «женского начала» инициаций несостоятельно, но этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения.[j]

При этом В. Я. Пропп игнорирует обширную область «невыгодных» этнографических данных. Еще П. Лафарг упомянул в связи с инициациями у африканских негров: «До своего вступления в ряды взрослых мальчики и девочки живут вместе под присмотром женщин»[1]. У племен Папуа даже в XX веке мальчики жили в домах матерей вплоть до инициаций, после чего навсегда уходили в хижины воинов.[2]. У древних римлян мальчики до порога юношества носили длинные волосы, как девочки. У славян в день пострижин княжича отец впервые сажал его на коня, и мальчик из рук мамок переходил под опеку дядьки[3]. Воспитание мальчиков в женской среде всегда предшествовало инициациям. Мальчик, не выдержавший инициаций, возвращался к женщинам и должен был исполнять женскую работу: «превращался в женщину» (Пропп, см. выше), ибо его не считали существом мужского пола ни девушки (он не имел права вступать в брак), ни молодые охотники, которые могли такого мальчика трактовать как сексуальный объект[4].

Между ранним воспитанием мальчиков в женской среде и мужской тренировкой посвящаемых пролегала резкая грань, и напрасно В. Я. Пропп пытается слить то и другое в никогда не существовавшее единство.

В сюжетах об отдалённом воспитании последним пунктом героического детства и признаком наступающей зрелости служит конфликт юноши со сверстниками: они издеваются над тем, что он не знает своего отца; в гневе юноша убивает или калечит обидчиков, заставляет мать открыть тайну его происхождения и отправляется на розыски отца, обычно приводящие к бою отца с сыном.

Рудименты такого эпизода по сей день не отмечены в ветхозаветном предании о Моисее. Попытаемся их выделить.

Во второй главе Исхода рассказано, как Моисей увидел египетского надсмотрщика, который избивал евреев; Моисей убил египтянина и спрятал труп. На другой день, вернувшись к месту работ, он увидел драку двух евреев и стал порицать неправого, тот же ответил: «Кто сделал тебя князем и судьёй над нами? Или ты хочешь убить меня, как ты убил египтянина?» (Исх., II, 14). Весть об этом убийстве дошла до фараона, и он повелел казнить виновника, но Моисей успел бежать в пустыни Востока, где и совершилось его призвание богом Яхве.

---

[j]См.: Женоподобие шамана и жреца // Назировский архив. 2014. № 2. С. 101 – 118.

[1]Критика иудейской религии, М., 1964, с.304

[2]См.: Маори Кики, Альберт. Десять тысяч лет в одну жизнь. М., 1981, с. 29.

[3]В. Н. Татищев утверждал, что острижение знатных детей совершалось еще на его памяти и что мальчики при этом переходили из женских рук в мужские: История Российская с самых древнейших времен. Кн.3, М., 1774, с. 502.

[4]См. меланезийскую сказку «Геб» в кн.: Сказки и мифы Океании.М. 1970, с.53.

По нашему мнению, этот эпизод-деформация и инверсия деталей в типовом финале героического детства. «Кто сделал тебя князем и судьёй над нами?» — это фактически вопрос о происхождении (= «Кто твой отец?»). В эпосе за подобным вопросом часто следует убийство обидчика. Для Моисея этот вопрос оскорбителен, поскольку он найдёныш и не знает отца. Но Моисей совершил убийство раньше, причем убил не своего, а чужого обидчика. Это позднее спрямление эпизода, который, однако, в целом выполняет такую же сюжетную функцию, как в эпосе: вынуждает героя покинуть место воспитания и отправиться на встречу с отцом.

Ибо в ранней иудейской мифологии, которая унаследовала от Ханаана целый ряд божеств[k], ханаанский Йево, бог-покровитель города Берита, превратился в Яхве; супругой последнего считалась воинственная Анат, культ которой долго сохранялся в Иудее. «В Библии Моисей не бог, а пророк, но в финикийской мифологии упоминается Моисей, рожденный богом Алийяном от богини Анат, которая была и древнеизраильской богиней»[1]. Это сближение, сделанное М. И. Шахновичем, не получило развития в нашей науке, хотя, как известно, пережиточное представление о сыновьях Яхве сохранилось даже в канонической Библии (Бытие, VI, 2).

Яхве говорит: «...Ибо младенец Израиль, и я возлюбил его и из Египта вызвал сына моего» (Осия, X1, 1). Эти слова из книги пророка Осии относятся ко всему избранному народу: Израиль — это filius Dei collectivus, бог называет «сыном» весь народ. Но в более архаические эпохи кровное родство племени и его бога устанавливалось через брачные связи и через ниспослание людям царя-основателя, часто сына бога. Полагаем, что цитированное мнение М. И. Шахновича заслуживает признания и что Моисей сначала считался сыном Яхве и Анат.

В дальнейшем он стал мыслиться как сын Яхве и израильтянки из жреческого рода, наподобие матери Саргона; таким образом, Моисей — «полубог», типичный зиждитель царства. Понимание его как сына Яхве позволяет истолковать один из самых тёмных парадоксов Ветхого Завета: уже на обратном пути в Египет, куда Яхве послал Моисея для выведения евреев из плена, пророк подвергается смертельной опасности со стороны того же Яхве, который встретил Моисея и «хотел умертвить его» (Исх., IV, 24).

Этот эпизод алогичен: Яхве послал Моисея с героической миссией и сам же пытается убить его. Явно чужеродный каноническому тексту, этот эпизод, однако, был необходим составителям Торы, так как с ним связано учреждение обряда обрезания (Исх., IV, 25). Перед нами окаменевший рудимент первоначального рассказа о бое отца с сыном. Нескладица возникла из наложения сюжетов: позднегосударственный миф о героической миссии Моисея наложен на мифологическую сказку о божественном ребёнке, который был воспитан

[k] В одной из рукописных редакций к этому тезису дана сноска: «Grey R. J. The Legacy of Canaan. Supplements to «Vetus Testamentum», Leyden, 1957, vol. 5, pp, 8 – 10; Wright G. E. Biblical Archeology. Abridged edition. Philadelphia, 1960, p. 8». АРГН. Оп. 1, д. 90, л. 9860.

[1] Шахнович М. И. Реакционная сущность иудаизма. М.-Л., АН СССР, 1960, с. 65

вдали от отца (от Яхве), отправился на поиски его и вступил с ним в борьбу (ср. борьбу Иакова с богом: Бытие, XXXII, 24 – 26).[l]

Но можно отметить еще более древние мифологические параллели к сказанию о Моисее. Могучий и грозный, человек бурных по рывов, Моисей косноязычен; поэтому, по приказу Яхве, он делает глашатаем божьей воли своего покладистого брата Аарона. Их полярно противоположные характеры дополняются и противоположностью тотемов: быка Аарона («златой телец») и медного змия Моисея (Нехуштан, позже одно из украшений Храма). Возможно, это противопоставление тотемов отражает древнюю конкуренцию фратрий, лежащую в основе всех близнечных мифов[1].

Ветхий Завет сообщает о нескольких конфликтах Моисея с Аароном; последний часто оказывается в роли неумелого помощника, отступает от приказов Моисея и «портит» сделанное братом, что характерно для фигуры близнеца-неудачника. С. С. Аверинцев отмечает: «можно найти в библейских преданиях и модификации близнечных мифов (предания об Авеле и Каине, об Иакове и Исаве)»[2].

Такою же модификацией, возможно, было и раннее предание о Моисее и Аароне. Известны изображения богини Анат, кормящей двух отроков[3]. Полагаем, в исчезнувшей «переходной» мифологии раннего иудаизма Анат была матерью близнецов — Моисея и Аарона.

В библейское предание о Моисее вошли «эдиповские» мотивы (провиденциальный ребенок, отдалённое воспитание, бой отца с сыном), рудименты близнечного мифа, плохо связанные с легендой о детстве Моисея, и другие мотивы, восходящие к Аккаду, Ханаану и Египту. Позднее с моисеевским прамифом были искусственно контаминированы эфраимитские мифы об Иисусе Навине[4].[m]

Необходимо еще раз подчеркнуть, что обряд сплавления младенца по реке описан Библией дистанцированно, как уловка матери во спасение сына. Мы предлагаем следующий эвристический принцип: дистанцированное и демаскирующее описание некоего обряда («взгляд со стороны») обозначает чужеродное для данного текста происхождение этого обряда. Сплавление по реке типично для речных цивилизаций Египта и Месопатамии, но для евреев, недавних кочевников, вода традиционно мыслилась как колодец, «око пустыни», а не как мать-река. Следовательно, сплавление по реке вошло в Библию из чужих мифов о великих найдёнышах.[n]

---

[l] Из рукописных редакций: «Эта сказка имела некоторые черты «эдиповского» сюжета». АРГН. Оп. 1, д. 90, л. 9860.

[1] См.: Толстов С. П. Древний Хорезм. М.,1948; Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.

[2] Аверинцев С. С. Иудаистическая мифология. -В кн.: Мифы народов мира. Т. 1, с.585.

[3] Шифман И. Ш. Анат. — В кн.: Мифы народов мира, Т. 1, с. 76.

[4] См.: Франк-Каменецкий И. Г. Пророки-чудотворцы (о местном происхождении мифов о Христе). Л., «Сеятель», 1925.

[m] Из подготовительных материалов: «Миф о Моисее — в основном трёхсоставный: Ханаан, Египет, Вавилон. Время создания Исхода». АРГН. Оп. 1, д. 90, л. 9851.

[n] Из подготовительных материалов: «Для речных (земледельческих цивилизаций типично сплавление по воде, для кочевых (пастушеских) — вынесение зверям. Последнее эквивалентно погребальному обряду кочевников (см. монголы)». АРГН. Оп. 1, д. 90, л. 9852.

Подбрасывание Моисея в корзине, якобы приплывшей по Нилу, обнажает секрет обряда — замену реального жертвоприношения символическим, как ханаанское сожжение первенцев евреи заменили чисто условным «проведением через огонь».

V

Перейдём к Новому Завету.

Еще Д. Штраус в «Жизни Иисуса» обосновал мысль о том, что миф об искушении Христа в пустыне эквивалентен «исторической судьбе Израильского народа», т. е. преданию о блужданиях евреев в пустыне после Исхода. Расширив эту мысль, Н. Фрай заявил: «события жизни Христа повторяют события истории Израиля»[1]. Думается, в данном случае ближе к истине З. Фрейд, который в названной выше работе «Моисей и монотеистическая религия» провел параллель между биографиями Моисея и Христа, усматривая смысловое тождество главных пунктов той и другой.

Этому не противоречит допущение исторического существования Иисуса, имеющее давнюю научную традицию, у истоков которой стоит Герман-Самуэль Реймарус, основатель научной критики Нового Завета; эту точку зрения разделяли тюбингенская школа, Э. Мейер, основатель советской библеистики Н. М. Никольский и мн. др. Об Иисусе Христе упоминают Тацит, Светоний, Иосиф Флавий. Особенно важно свидетельство последнего; знаменитый абзац из XVIII книги «Иудейских древностей» долго считался позднейшей христианской интерполяцией, но современная наука опровергла гиперкритическую оценку этого краткого рассказа об Иисусе[2].

Мы допускаем, что Иисус действительно жил и проповедовал в первой трети I века (эпоха Августа и Тиберия). Он возглавлял одно из народных иудейских движений, враждебных Римской империи, но непосредственно направленных против коллаборационизма Иерусалимского храма; историчность другого подобного вождя, Иоанна Крестителя, никогда не подвергалась сомнению. Движение Иисуса было тесно связано с известной сектой эссеев, однако отвергло их самоизоляцию[3].

Видимо, в основе синоптических евангелий лежит устное предание об Иисусе. Скупые факты его реальной биографии в фольклоре быстро обросли чудесными подробностями. Так случалось и позже: во время восстания Бар-Кохбы (132 – 135 гг.) рассказывали, что изо рта этого вождя вылетает пламя, а коленом он отражает ядра римских катапульт. В фольклоре об Иисусе историческая фактичность стирается, предание впитывает в себя элементы запретных «сельских мифов», неканоническую традицию об Иисусе Навине, сыне рыбы

[1] Frye, Northrope. Anatomy of Criticism. N.-Y., 1969, p. 205.

[2] Ясное и убедительное освещение вопроса см в кн.: Кубланов М. М. Возникновение христианства. М.,1974, с.66 – 69.

[3] Эта связь блестяще доказана советским кумранистом И. Д. Асмусиным: Кумранская община. М., 1983.

(Йешуа бен Нун), который в народном сознании галилейских северных окраин оставался тайным советником Моисея[4] и в какой-то мере кумранский миф[5].

Кроме эфраимитских (северноеврейских) влияний, в предевангельском фольклоре возможно сильное влияние эллинистического фольклора, поскольку в Галилее, откуда вышел Иисус, евреи составляли меньшинство населения, уступая по численности грекам и - эллинизированным арабам (отсюда и презрительное отношение к Галилее в Иерусалиме, где ее называли «Галиль гоим» — «Галилея языческая»).

До канонизации Нового Завета (364 г.) существовало не менее тридцати евангелий, включая и арабские.

На устное предание и опирались евангелисты-синоптики, используя его как материал для воссоздания биографии Иисуса. Они стремились облагородить наивные сельские рассказы великой книжной традицией, очистить этот материал от эфраимитских суеверий и упорядочить принципиальную «необрамлённость» фольклорного цикла, ориентируясь на биографию Моисея как на образец священной композиции, чтобы уже самою формой подчеркнуть и преемственность традиции, и разрыв внутри её.°

Для новозаветной мифологии характерно то, что она конституирует себя в формах истории. Обрабатывая устное предание об Иисусе, синоптики заново придавали ему историческую форму. Эту вторичную историзацию хорошо определил Альберт Швейцер: «Рамки истории Иисуса в синоптических евангелиях обнаруживаются как вторичные. Помимо того, падают почти все жизненные детали, которые необходимы для биографии»[1].

В евангелии от Матфея С. С. Аверинцев акцентирует «преемственность между Ветхим Заветом и новой верой» и в соответствии с этим стремление евангелиста «примкнуть к библейскому типу «священной истории»[2]. И действительно, вифлеемское избиение младенцев, описанное только у Матфея (II, 16) — это не отражение иродианского террора (который был направлен против иудейской аристократической оппозиции Ироду), а гиперболизированная версия ветхозаветного предания о фараоне-детоубийце; Ирод намеренно сближается с фараоном; бегство в Египет понадобилось для того, чтобы Иисус повторил Моисея, выйдя из Египта, и чтобы сбылось реченное у Осии: «...из Египта вызвал я сына моего» (см. выше).

Итак, евангельский миф, особенно у Матфея, сознательно параллелен мифу о Моисее. Мать последнего совершила символическое детоубийство в форме «сплавления по воде». Аналогичная имитация детоубийства скрыта в евангелии от Луки: отпрыск династии Да-

[4]См.: Франк-Каменецкий И. Г. Пророки-чудотворцы.

[5]В отличие от Иисуса Навина (древнего эфраимитского божества) кумранский Учитель Праведности, по всей видимости, реально существовал: см. об этом: Амусин И. Д. Кумранскзя община, с.177.

°Из рукописных редакций: «Историчность Моисея нигде на Востоке не подвергалась сомнению. По сей день в четырёх разных пунктах мусульманского Египта местные жители горделиво показывают «колодец Мусы". Поэтому евангелисты тоже стремились исторически документировать свой рассказ». АРГН. Оп. 1, д. 90, л. 9865.

[1]Швейцер, Альберт. От Реймаруса до Вреде (история изучения жизни Иисуса). 1906.Цит. по ст. И. Крывелева: Библия в свете научного анализа. «Наука и религия», 1982, № 1, с.30

[2]Аверинцев С. С. Истоки и развитие раннехристианской литературы. — 3 кн.: История всемирной литературы. Т. 1, М., 1983, с. 509.

вида, легитимный наследник иудейского престола, захваченного узурпатором Иродом, после своего рождения положен в ясли для кормления скота. Этот эпизод явно перенесён из фольклора; но столь же явно, что Лука, единственный грек из числа канонизированных евангелистов[3], совершенно не понял ритуального смысла этого эпизода.

Чтобы младенец Иисус «логично» оказался в яслях, Лука объясняет это родами Марии в хлеву, «потому что не было им места в гостинице» (Лука, II, 7). Объяснение это нелепо: женщины Вифлеема не могли оставить правоверную иудеянку, законную супругу почтенного человека (а ремесло плотника было уважаемым), рожать в хлеву. Религиозный долг предписывал помочь ей. Ссылку Луки на нехватку мест в гостинице можно понять только из опыта диаспоры с вынужденной изоляцией евреев. Лука добавил эту мотивировку к фольклорному эпизоду, смысла которого не понимал[1].[P]

Между тем, положение новорожденного в ясли для скота — это распространенный восточный обычай, остаточная инсценировка вынесения младенца зверям. Яркую параллель мы находим в обычаях тюркских народов: если в семье часто умирали дети, то очередного младенца после рождения клали в корыто для кормления собаки; естественно, она не трогала его, а посему ребенку давалось имя Эталмас — «Собака не возьмет»[2]. Это уничижительное наречие имело целью обмануть злых духов, губителей новорожденных, но форма обряда, объясняющая такое наречение, есть реликт символического детоубийства. Положение младенца Иисуса в ясли — это отражение обряда «вынесения» младенца, равнозначного подбрасыванию Моисея дочери фараона.

Поклонение пастухов (Лука, II 8 – 20) — это реликт *нахождения* пастухами божественного подкидыша. В мифах о сплавлении по воде дитя в корзине традиционно подбиралось царицей или царевной; при «несении» ребёнка его обычно подбирал пастух (ср. позднюю версию мифа об Эдипе). Поклонение пастухов вытекает из мифологического формализма застывшего обряда; характерно, что ангел Рождества возвещает пастухам лишь о том, что они найдут ребенка в яслях (Лука, II, 12), и ни слова не упоминают о его родителях.

В последних эпизодах жизни Иисуса, уже после воскресения, содержится мотив узнавания. Лука и Иоанн говорят, что внешность Воскресшего так изменилась, что его не узнавали даже апостолы. Убеждая их в тождестве личности, Иисус прежде всего говорит: «Взгляните на мои руки и ноги» (Лука XXIV, 39). В самом позднем евангелии Иисус показывает апостолам пять ран своей казни, а знаменитый скептик Фома даже влагает персты в раны

[3]Там же, с. 509 – 510

[1]Мотивировка Луки представлялась нелепой именно восточным христианам, которые до IV века вообще не признавали эпизода о родах Марии в хлеву и считали, что Иисус родился в пещере; в Вифлееме была подыскана пещера, которую сирийская церковь превратила в центр паломничества (возможно арабское влияние).

[P]Из подготовительных материалов: «Рассказ о рождении в хлеву не был принят Востоком. В III веке заимствован из мифологии Душара (набатейского бога) эпизод рождения в пещере, даже нашли пещеру в Вифлееме и стали устраивать процессии из Иерусалима в Вифлеем». АРГН. Оп. 1, д. 90, л. 9851.

[2]Кусимова Т. Х. Некоторые обычаи наречения имен башкир. В кн.: Ономастика Поволжья II. Горький, 1971, с. 53; Илимбетов Ф. Ф. Личные имена как источник при изучении древних верований башкир. — В кн.: Ономастика Поволжья III. Уфа, 1973, с.91 – 92

Иисуса (Иоанн, XX, 20 и 25 – 28). По мысли Луки и Иоанна, следы крестной казни доказывают тождество личности Иисуса.

Но римляне довольно регулярно распинали иудейских мятежников, а двух разбойников распяли вместе с Иисусом. Следы казни могли доказать, что незнакомец, встреченный апостолами, действительно перенёс казнь, пусть даже воскрес, но отнюдь не удостоверяли его личности, коль скоро Иисуса не узнали даже ближайшие люди.[q] В этом месте Луке и Иоанну не хватило логики.

Полагаем, однако, что в устном предании об Иисусе было убедительное доказательство тождества и что там воскресший Иисус тоже показывал ученикам свои руки и ноги, но он показывал ученикам вовсе не следы от гвоздей, а свои гноризматы, «царские знаки» — неопровержимые, с народной точки зрения, доказательства своего происхождения от царя Давида и своей героической миссии.

Соблазнитель в роли судьи[a]

Вместо эпиграфа

Льва Толстого поразила история, которую рассказал ему А. Ф. Кони: присяжный во время процесса узнал в обвиняемой (проститутке) соблазнённую им девушку и решил на ней жениться. Толстой просил Кони написать об этом повесть; Кони не смог собраться и уступил этот сюжет Толстому: это зерно романа «Воскресение». В записях Толстого этот сюжет называется «коневской повестью».

Что прежде всего поразило Толстого? Решение «человека из общества», присяжного, искупить вину браком со своей жертвой. Но в каноническом тексте брак Нехлюдова с Катюшей не состоялся: она вышла за Симонсона. Осталась лишь исходная ситуация — соблазнитель девушки в роли её судьи.

Эта ситуация немифологична. Она возникла в социальной истории античного мира и отразила классовое неравенство; стала классической сюжетной ситуацией в мировой литературе.

I

Тит Ливий (?). У плебея-центуриона Люция Виргиния была красавица-дочь Виргиния, невеста Люция Ицилия, она приглянулась децемвиру Люцию Клавдию. Когда его попытки овладеть красивой плебейкой не удались, он подговорил своего клиента Марка Клавдия

[q] Из рукописных редакций: «. . . не узнали даже ближайшие друзья и последователи, а Мария Магдалина приняла его за садовника и спросила, куда он дел тело Учителя (Иоанн, XX, 15)». АРГН. Оп. 1, д. 90 «Статьи по фольклору», л. 9866.

[a] Глава публикуется по: Соблазнитель в роли судьбы // Назировский архив. 2015. № 4. С. 17 – 21. Редакционные примечания первого публикатора — Б. В. Орехова — помечены его инициалами.

объявить публично, что Виргиния — его рабыня, и потребовать её к себе через децемвира, т. е. по суду (а Марк передал бы её Аннию Клавдию).

В судебном. заседании Анний Клавдий постановил, что Марк может взять девушку к себе; приведённый в отчаяние жених дал знать отцу Виргинии о происходящем. Тот прибежал в судное место и зарезал свою дочь, спасая от позора. За этим последовало восстание и римский плебс сверг децемвиров.[b]

Эта историческая легенда многократно обрабатывалась в европейской драматургии (особенно драма Альфьери, 1788); ею же внушена развязка «Эмилии Галотти» Лессинга. Но это «боковая» ветвь сюжетной традиции, ибо доминантой сюжета является соблазнитель в роли судьи.

Светоний Транквилл, коллекционер анекдотов, в своей биографии Тиберия описал, как старый император домогался любви красивой римлянки Маллонии; предав её суду, он во время процесса несколько раз спрашивал, не раскаялась ли она. Не выдержав, Маллония всенародно обозвала его «вонючим козлом»[c], убежала домой и покончила жизнь самоубийством.[d]

Житие св. Агаты, которую пытался соблазнить Квинтиан, а затем осудил как христианку и казнил после мучительных пыток!

Сюжет отчасти отразился в средневековых легендах об оклеветанных королевах, где подлец, домогающийся любви Женевьевы, на неё же клевещет её мужу (но тут сказочно счастливый финал).

В чистом виде сюжетную ситуацию возродил романтизм.

II

<Борель и Гюго у Брандеса!>

Французский. романтик Петрюс Борель в одной из новелл своего сборника «Шампавер» описал жуткий случай, когда королевский прокурор обманом овладел одинокой девушкой (имитируя в ночном мраке голос её жениха), а затем осудил её за детоубийство, приговорил к смерти и она была казнена.

Возможно, новелла из «Шампвер» повлияла на «Собор Парижской Богоматери» Гюго (оба писателя принадлежали к одной литературной среде). 1831 год.

Архидиакон Клод Фролло, отчаявшись в любви Эсмеральды и ранив кинжалом Феба де Шатопера, сам же участвует в суде над цыганочкой. Подобно Тиберию, он предлагает ей спасение, если Эсмеральда согласится отдаться ему. Она с ужасом и отвращением отвергает его, и после известных перипетий, вызванных вмешательством Квазимодо, Эсмеральду вновь арестовывают и казнят.

[b]<В рукописи оставлено место для ссылки на источник — Б. О.>.
[c]<Помета на полях: «Проверить» — Б. О.>.
[d]<В рукописи оставлено место для ссылки на источник — Б. О.>.

Через 20 лет ситуацию «соблазнитель-судья» воспроизвёл Натаниэль Хоторн в «Алой букве» (1851). Священник Димсдейл, отец внебрачного ребёнка Хестер Принн, участвует в суде и спрашивает у неё, кто отец ребёнка. Она, однако, сохраняет в тайне имя соблазнителя. Следует долгая духовная агония — тайное раскаяние Димсдейла; он, Хестер и их дочь соединяются после его всенародного покаяния, причём он тут же умирает.

Димсдейл — добрый человекк, годами страданий и признанием перед всем народом искупивший вину. Это резко отличает его от архидиакона Фролло и уже предвещает «Воскресение».

Ибо сюжет «Воскресения» примыкает к описанной традиции. В сущности, он *литературен*, «сгущён», исключителен. Но жизнь бесконечно разнообразна, и такую ситуацию Кони наблюдал на практике.

В реальном «случае из практики» Толстого особенно привлекла пуанта — решение соблазнителя открыто искупить вину браком с Катюшей. Этим положен конец лицемерию всех персонажей старой фабулы, их наглому попранию самого понятия правосудия, а в случае с Димсдейлом — многолетней роковой нерешительности.

После «Воскресения» эта сюжетная ситуация исчезает из литературы.

Средневековое мифотворчество[a]

Ночью 31 декабря 406 года десятки тысяч вооружённых людей начали по льду переход через Ренус, с восточного берега на западный. То было сарматское племя аланов, а также германские народы — свевы и вандалы. Они шли бесконечными толпами и в следующие дни, за воинами тянулись обозы с женщинами и детьми, стада скота, всё движимое имущество. Они шли в Галлию, чтобы жить: в лесах Великой Германии стало слишком тесно.

Ренус служил границей Римской империи. На левом, западном берегу реки Юлианом и Феодосием I были на условиях пограничной службы расселены франки — храброе и сильное германское племя. Они отпускали длинные волосы и усы, свисавшие на грудь; носили рогатые шлемы и ловко дрались боевыми топорами. Союзники Рима, стражи Галлии, они в ту холодную зиму взялись за оружие и нанесли поражение пришельцам из-за Ренуса.

Однако аланов, свевов, вандалов было слишком много. На смену разбитым шли новые толпы: позади у них уже не было земли, им некуда было возвращаться. Преодолев упорное сопротивление франков, они за пять лет огнём и мечом прошли всю Галлию. Они не хотели в ней оставаться, понимая, что не смогут сладить с её многочисленным населением и закрепиться в в ней: нашествие прорвалось через Галлию, перевалило через Пиренеи и заполнило Испанию.

[a]Основной текст главы публикуется по: Средневековое мифотворчество // Фольклор народов России. Вып. 22. Уфа, 1997. С. 65 – 74.

Восток Галлии, служивший ареной главных боёв, был разорён; на опустевшие земли из-за Ренуса постепенно переселялись новые волны франков, аллеманов и других германцев. Империя не имела сил им сопротивляться. Ещё аланы, вандалы и свевы прокладывали себе путь к Пиренеям, когда потрясающие события произошли в Италии.

Вестготы во главе с Аларихом вторглись в Италию и осадили Рим. Город был сильно укреплён, однако ночью 24 августа 410 года римские рабы открыли варварам ворота Рима. Аларих, добыв столицу без крови, запретил своим воинам убивать римлян, но разрешил грабить. Потом он с огромной добычей покинул Рим и двинулся на юг, собираюсь переправиться на Сицилию, но в Южной Италии внезапно умер.

Империя была охвачена ужасом, и Софроний Иероним выразил общее чувство: «Когда погас самый блестящий свет, когда отсечена была глава Римской империи и, скажу вернее, целый мир погиб в одном городе, онемел язык мой и был я глубоко унижен».

Однако уже в ту эпоху современники уловили смысл ужасных событий, причины краха величайшей государственной организации. Священник Сальвиан в Марсилии писал: «Неудивительно, что бедняки ищут у варваров человечности, потому что они не могут снести у римлян варварской бесчеловечности. . . »

Римляне с их манией организованности четыре столетия шлифовали и совершенствовали гигантскую машину эксплуатации. Они создали империю, поражающую своей предусмотрительностью и регулярностью; этот фатализм порядка противен всякой живой душе человеческой, ибо холодная жестокость государственного разума не оставляет места никакой надежде, никаким мечтам о лучшей доле: закон есть неумолимая судьба, все должны ему подчиняться, и нет мест вопросу «зачем?» Ответ ясен: разум лучше безумия, порядок лучше свободы, терпение лучше мечты.

Этот бездушный разум так долго насиловал народы, что их единственной надеждой стал беспорядок: варваров «ожидали как спасителей» (Фридрих Энгельс).

После смерти Алариха вестготы подняли на щиты Атаульфа. Когда Иовин взбунтовал Галлию против империи, двор императора в Равенне лестью и обещаниями склонил нового вестготского короля отправиться в Галлию. Вестготы победили Иовина и в 412 году с разрешения императора поселились в Нарбонской Галлии как союзники Рима; за победу над Иовином император Гонорий отдал Атаульфу руку своей сестры Галлы Плацидии. Дочь Феодосия Великого стала королевой вестготов. Своей столицей Атаульф выбрал Тулузу.

Расширяя свои владения к югу от Пиренеев, Атаульф в 415 году погиб под Барселоной. Вестготы избрали нового короля, и в 418 году Гонорий официально

уступил ему Юго-Западную Галлию. Королевство вестготов было признано империей. В 419 году в Тулузе воцарился внук Алариха — Теодорих; под его предводительством вестготы завоевали огромные пространства на Пиренейском полуострове.

На востоке Галлии утвердились свирепые бургунды, на севере постепенно усиливались франки. Император жил в Равенне, окружённой болотами и потому более надёжной, чем великий и беззащитный Рим. Граждане Западной Римской империи чувствовали, что земля уходит у них из-под ног. Германцы казались непобедимыми и свысока смотрели на выродившихся римлян. В самих легионах в основном служили наёмники-варвары, и короткий римский меч вытеснялся длинной германской «спатой». Настала эра огромного смешения языков и духовных ценностей. Государственной религией обеих империй стало христианство, и в яростных христологических спорах церковь утверждала среди давних поклонников логики своей великий парадокс: Иисус Христос был человеком, терпел муку и умер на кресте, но он же был Сыном Божиим и через три дня воскрес. Человек из небогатой семьи — но он же Бог!

Попытка Ария вернуться к привычной логике античного мира была отвергнута с негодованием, но на смену Арию вырастали новые и новые ересиархи. Германские варвары постепенно обращались в христианство, и вестготов окрестил их знаменитый епископ Ульфила, арианин; вестготы обратились в христианство по Арию. Однако теперь они морщили лбы, пытаясь уразуметь историю и поучения иудейского Учителя, бродившего с нищими спутниками по горам вокруг какого-то дальнего озера, а затем посмертно покорившего полмира. В самом факте неуклонно нараставшей христианизации германцев выразился гигантский синтез культурных миров, которые три поколения назад ещё представлялись взаимно непроницаемыми.

Варвары уже знали вкус сладких вин, со знанием дела рассуждали о городах и женщинах Италии, а некоторые даже умели говорить по-латыни. Однако мир был недолог, вековой разгон ещё не устоялся, и на смену ненавистному, дряхлеющему порядку шёл хаос новой варварской свободы.[b]

В Западной Европе, по мере христианизации варварских народов, сложилась сложная мифологическая ситуация. Христианство оторвалось от своих ближневосточных корней; новокрещёные народы плохо знали Священное Писание и не очень-то усвоили себе даже главные положения христианской религии. В недрах этих народов сохранялись языческие обряды и верования. Так, например, кельтского солнечного бога Гавейна продолжали чтить и после крещения, а затем он был отождествлён с Христом. Язычество маскировалось, пряталось и искало компромиссов с новой религией.

[b] Эта и все последующие вставки в эту главу взяты из заметки «Сюжеты средневекового происхождения. Первая публикация: Назировский архив. 2015. № 4. С. 57 – 64.

В то же время новохристиане Европы сохраняли от своего недавнего языческого прошлого живую энергию мифотворческого процесса. Их мифотворчество получало поверхностную христианскую окраску, что приводило к удивительным синтезам. Так, весьма любопытна мифологизация царя гуннов Аттилы в V — VI веках.

Ещё при жизни христианские проповедники объявили его Бичом Божиим (metus orbi), потомком Хама или Немврода. Это была библейская привязка, но в то же время непобедимость Аттилы объяснялась тем, что некий пастух нашел gladium Marti — меч бога Марса — и подарил Аттиле. Так, желтокожий азиатский наездник стал потомком библейского персонажа и обладателем меча античного бога: весьма характерное смешение!

> На огромных просторах Восточной Европы кипело и устраивалось царство гуннов, которые изгнали оттуда готов и покорили сотни других племён. Низкорослые, смуглокожие люди с узкими глазами, гунны казались сыновьям Запада «приросшими к коням»; на этих крепких, выносливых, неказистых лошадёнках они покрыли путь в пятнадцать тысяч миль, пройдя от северных границ Китая до Дунайской равнины. Среди гуннов чужестранец не мог бы распознать их страшного вождя, ибо Аттила одевался, как рядовой воин. Он был малого роста, с широкой грудью и большой головой; лицо его с редкой бородёнкой свидетельствовало о несомненном уме. Он был очень неприхотлив в пище и питье; ел только на деревянной посуде. Он довёл до совершенства степную стратегию гуннов: уничтожая и изгоняя непокорные народы, щедро награждал покорившихся и включал их в состав своей полукочевой империи на равных с гуннами правах.
>
> Так стали гуннами остготы, и само имя «Аттила» на готском языке означало «батюшка». В рядах неисчислимых гуннских орд сражались и рослые люди с льняными волосами, отдалённые родственники германцев, называвшие себя славянами. Историк Иордан, описывая поминки по Аттиле, записал гуннское название поминального пира: «страва». Это слово можно найти в словаре В. И. Даля; даже на недавнем великорусском языке оно означало «еда». Гунны словно впитывали в себя встречные языки и обычаи.
>
> В 437 году римский полководец Аэций в союзе с гуннами нанёс страшное поражение бургундскому королю Гундаху; бургундское королевство со столицей в Вормсе было уничтожено, и остатки бургундов бежали в гористую Сапаудию (Савойю). Аэций оттягивал крах империи, стравливая варваров с варварами, но это не могло продолжаться вечно.
>
> Будучи давним другом Аттилы, Аэций использовал гуннов против германцев; однако с Восточной империей у Аттилы не было такой дружбы. В 447 году он опустошил её земли и дошёл до Константинополя; Феодосий II откупился от Аттилы,

став его данником. Отныне он платил самому могущественному из царей земли, низкорослому азиату с плоским лицом, 700 фунтов золота в год.

В середине V века Аттила счёл время подходящим для покорения и Западной империи. Удивительная любовная драма предшествовала самому кровавому из гуннских вторжений.

С 425 г. престол Западной Римской империи занимал Валентиниан III. Его сестра Гонория представляла собой потенциальную угрозу для престолонаследия. Во избежание династических осложнений её обрекли на безбрачие, заперли во дворце и стали готовить к монашеской жизни. Много лет Гонория боролась против тирании семейства. Она вступила в тайный брак с управляющим своих имений; когда тайна открылась, злосчастного супруга казнили, а Гонорию сослали в Константинополь ко двору её двоюродного брата — восточного императора Феодосия II. В отчаянии она послала верного евнуха к Аттиле с предложением взять её в жёны и с драгоценным перстнем в виде залога.

Эта история похожа на сказку, но о ней повествуют серьёзные и знающие хронисты. Коль скоро два императора согласились лишить Гонорию обычной женской жизни, она взывает к единственной силе, которая превыше этих императоров, и к жениху, которого убить они не смогут. Для Гонории Аттила был высшей инстанцией, варваром-избавителем от разумного порядка, ибо порабощённая женщина так же враждебна этому порядку, как и задавленным им народы.

Перстень Гонории — изумительный реальный символ. Цесаревна обратилась к царю гуннов как к высшей инстанции, как к претенденту, которого её брат казнить не сможет; она ждала от Аттилы освобождения. Аттила потребовал Гонорию в жены, а с нею в качестве приданого часть владений и сокровищ Валентиниана III. Не получив согласия, Аттила весной 451 года с огромными силами перешёл через Рейн, и города Галлии запылали.

Аэций, великий полководец и политик, успел на время сколотить коалицию Запада: галло-римлян, франков, вестготов, бургундов, и других. В решающей битве на Каталаунских полях в сумме сражалось полмиллиона человек (15 июня 451 г.), а погибло с обеих сторон 165 тысяч. Ручьи на тех полях, переполнясь кровью, вышли из берегов. Аттила был остановлен и на другой день ушёл в степи Паннонии.

Аэций, «последний из римлян», особенно любил Галлию и планировал именно в ней воссоздать Римскую империю. Но великая энергия Аэция исходила, разумеется, не из узколичного источника: спасая Галлию, спасая весь Запад, он сражался за своё «я» и за то великое прошлое, с которым мыслил себя неразрывно, несмотря на то, что вырос среди варваров. Из общей ненависти к гуннам и ради спасения своих жизней, своих жён и детей, под знамёна Аэция собрались

вестготы, аланы, алеманы, бургунды, франки. Сами римские легионы состояли в основном из галло-римлян и германских наёмников. Ядро коалиции составили вестготы под водительством Теодориха I; из других сильнее казались дружины франков во главе с Меровеем.

15 июня 451 года на Каталаунских полях, в нынешней Шампани произошла неслыханная битва. Её справедливо считают решающим столкновением Запада с азиатским Востоком, хотя с той и с другой стороны было очень много германцев; вестготы, защитники Запада, обменивались бранью, проклятиями и ударами с остготами Аттилы на языке, понятном для тех и других. Битва длилась весь день. Протекавшая по равнине речка, переполненная кровью, вышла из берегов, и раненые, изнемогая от жажды, пили эту красную воду, т. е. свою собственную кровь. Верить ли расчётам, что с обеих сторон сражалось около полумиллиона и что за один этот день было убито 165 тысяч человек?

Ценою колоссальных жертв Аэцию и Теодориху удалось остановить орды Аттилы. Вечером он со своим войском был вынужден укрыться в укреплённом лагере. В ожидании штурма Аттила приготовил всё необходимое для самосожжения, ибо цари гуннов никогда не сдавались в плен. Но утром 16 июня штурма не последовало, ибо в стане Запада начались разногласия, часть войск ушла, и бое стороны не решились возобновить битву. Аттила смог беспрепятственно отступить в степи своей Паннонии.

В масштабах этих колоссальных событий представляются мелкими спекуляции некоторых французских историков о том, что Аэций мог добить ослабленных гуннов, но сознательно не сделал этого, ибо огромное влияние Аэция в империи опиралось на страх перед гуннами: пока Аттила был жив, Аэций оставался необходим Валентиниану III и его презренному двору, завистливо ненавидевшему этого «выскочку». Все эти мотивы — ничто перед ужасом каталаунских полей, и лучше всех ответил на эти кабинетные рассуждения храбрец Андреа Корнаро, который в разгаре Бородинской битвы, убивая русских, вскричал: «Когда же, чёрт возьми, кончится эта проклятая бойня?»

В отвращении от залитых кровью каталаунских полей, вестготы, римляне, франки более не хотели резни: пусть гунны уходят; уцелевшие хотели жить. Вторжение продолжалось четыре месяца, но по Галлии пролегла широкая полоса мёртвой земли.

В 452 г. он вторгся в Северную Италию, стёр с лица земли Аквилею и взял Милан. Он шел на Рим, и гибель древней столицы казалась неизбежной. Но в его войске начались эпидемии, гунны были напуганы, Аттила колебался. Навстречу ему выступил со Святыми Дарами римский епископ Лев I. После беседы с ним Аттила согласился не трогать Рима, удовлетворился большим выкупом и повернул вспять. С тех пор христианский мир чтит

храброго папу как святого Льва Великого. Возникла церковная легенда о чуде: сам апостол Петр спустился с неба, чтобы защитить папу Льва.

> ...хотя в умиротворении Аттилы не было никакого чуда: в войске Аттилы началась губительная эпидемия какой-то заразной болезни, и он сам спешил уйти в привычный климат Дуная и на целебные травы Паннонии. Уходя из Италии, он пригрозил вернуться на следующий год, если ему не пришлют Гонорию.

Уходя из Италии, Аттила ещё грозил вернуться за Гонорией. Но в 453 г. он внезапно умер в ночь после свадьбы с бургундской красавицей Ильдико. Европа увидела в этом новое чудо. Аттила стал мифом. Был мифологизирован даже конь Аттилы: где ступили его копыта, больше не растёт трава; после смерти Аттилы его конь стоит в стойле на небе. Когда явилась очередная комета, её объявили хвостом этого ужасного коня.

> Наутро после пира слуги нашли на ложе плачущую девушку и мёртвого Аттилу; было объявлено, что царь гуннов умер «от великого ею наслаждения и отягощённый вином». Но тотчас же широко распространилось утверждение, что бургундка в ту ночь заколола Аттилу, мстя за гибель своего рода.
>
> Гунны отметили кончину царя великим трауром, ристаниями и песнями. Затем в степи был насыпан курган и после пышной тризны, ночью, погребли в кургане труп Аттилы, заключённый в три гроба — золотой, серебряный и железный. В погребение опустили захваченное Аттилой оружие убитых врагов, дорогую конскую сбрую, золото драгоценностей без счёта. В ту же ночь были убиты все могильщики, чтобы место захоронения осталось неизвестным. Могилу Аттилы ищут до сего дня.
>
> После его смерти многочисленные сыновья Аттилы передрались из-за власти, держава гуннов распалась, все покорённые народы восстали, и гунны, огрызаясь направо и налево, ушли со своими сокровищами на восток, где вскоре исчезли среди новых народов. Ещё ранее старик Аэций, окружённый ореолом непобедимости, но более «не нужный» для двора, был убит во время аудиенции у императора (21 сентября 454).
>
> Наказание последовало незамедлительно. После гибели Аэция хозяевами империи остались только германцы. 16 марта 455 года заговорщики из прежних друзей Аэция убили в Риме Валентиниана III; в том же году вандалы, приплыв из своего пиратского гнезда в Северной Африке, захватили и разграбили Рим. Через двадцать лет Одоакр, офицер-германец, популярный в легионах, низложил последнего римского императора. Ромул Августул был слишком ничтожен, чтобы его убивать; его просто сослали на виллу в Кампанье, а все императорские регалии Одоакр отослал в Константинополь (476). В 489 году остготы во главе с могучим вождём Теодорихом, тёзкой вестготского союзника Аэция, вторглись

в Италию; Теодорих силой оружия принудил Одоакра разделить с ним власть. Три года они царствовали совместно, как это часто бывало в варварских землях, но в 493 году Теодорих убил Одоакра на пиру в Равенне и стал царствовать один.

Теодорих Великий ценил просвещение, покровительствовал науке и литературе, украсил новыми зданиями Равенну, Рим и свою любимую Верону. Правда, он не умел подписывать своё имя и казнил Боэция. Но всё же он явился первым созидателем из варварских королей. И дело вовсе не в его сооружениях или пристрастии к римской культуре. Дело в том, что он оставил в наследство всем немецким вождям, потомкам остготов или других племён, первую созидательную, а не разрушительную цель — воссоздание Римской империи.

Теодорих попытался обновить завоёванное им государство на началах равноправия варваров и римских граждан; он добивался слияния готов и римлян в одну нацию. Синтез остготской силы и римской культуры был тогда несбыточной утопической идеей; понадобится триста лет, чтобы некий рипуарский франк отчасти осуществил нечто подобное этому синтезу. Но до этого ещё было далеко, и в 496 году вождь франков Хлодвиг только ещё крестился, а год спустя захватил Лютецию Паризийскую, довольно приятный городок на острове среди Секваны.

И всё же утопист Теодорих — отец «имперской идеи» (die Kaiseridee) немецкой нации: он хотел строить, а не разрушать. Посему по справедливости он станет одним из главнейших героев древненемецкого эпоса, который именует его Dietrich von Bern, т. е. Теодорихом Веронским.

Эпоха великого переселения народов, добывания и исчезновения несметных сокровищ, колоссальных битв, трагических судеб целых племён оставила неизгладимую печать в памяти новой, германской Европы. Но совершенно исключительное место в её раннем эпосе занял Аттила, ужас одних народов и щедрый покровитель других. Для остготов, чьи предания оказались для ранненемецкого сознания определяющими, Аттила не был врагом, напротив — представлялся могучим и мудрым государем; Дитрих Бернский выступает как его друг и союзник.

В хаосе полукрещёной Европы началась вторичная мифологизация христианства, опиравшаяся уже на собственные, местные реалии.

Так, пророчица-пастушка Женевьева предсказала, что Лютеция Паризийская, городок на острове среди Секваны, останется невредимой от вторжения Аттилы: так оно и случилось, Аттила прошёл мимо, и с тех пор святая Женевьева — покровительница Парижа (бывшей Лютеции). Для крещения франкского короля Хлодвига епископом Реми голубь с неба принес Святую Ампулу с елеем, и с тех пор её регулярно использовали для миропомазания франкских королей. Кельтская мифическая святыня Грааль (символ плодородия) была переосмыслена как изумрудная чаша, из которой пил Иисус Христос на тайной вече-

ре; в неё же была собрана кровь Распятого, после чего Иосиф Аримафейский принес чашу в Британию. Христианам Европы были нужны свои, местные святыни и реликвии; таковые не замедлили явиться. Но христианство раннего Средневековья отчасти еще оставалось внешним; между ним и мифологической традицией новокрещёных варваров оставался зазор.

Варварские мифологии, в основном кельтская и германо-скандинавская, оплодотворили раннефеодальный эпос. Так возникли предания о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола, о фее Моргане и маге Мерлине, о поисках Грааля, о Рыцаре Лебедя (вариант тотемического мифа) и многие другие.

> Германцы не забыли эпопею гуннских завоеваний, ужасы того кровавого V века, когда бесформенную массу сталкивающихся племён равно волновали сходные страсти — жажда добычи, родовая гордость и кровная месть. Но эпопея эта освещалась двояко.
>
> «Старшая Эдда» донесла до нас древнее сказание, занесённое с континента. Дочь бургундского короля, прекрасная Кримхильда, была выдана замуж за Этцеля, короля гуннов, и родила ему двух сыновей. Братья Кримхильды, бургундские короли, владеют несметным сокровищем — золотом Нибелунгов, которое они спрятали на дне Рейна.
>
> Этцель, желая завладеть сокровищем, заманивает братьев к себе во дворец, но они умирают под пытками, не выдав тайны.
>
> На следующий день на пир к Этцелю собираются вожди гуннов. Прислуживая им, королева подносит мужу лакомое яство, а затем открывает ему, что он съел сердца своих сыновей.
>
> Ради мести Кримхильда, как Медея, не пожалела собственных детей. Объятый ужасом Этцель падает на ложе, и Кримхильда вонзает меч ему в грудь, а затем поджигает дворец и гибнет в пламени: она предпочитает позору казни гуннское самосожжение. Остаётся добавить общеизвестные подробности: Этцель — это германизированное имя Аттилы, а Кримхильда — реминисценция бургундской пленницы Ildico: это имя есть диминутив от Хильды (Hilda, Hildchen).
>
> Так завязывается история немецкого национального эпоса о Нибелунгах, в котором остготские песни и сказания, бургундское предание об отмщении Хильды, кровавые легенды о бешеной вражде двух франкских королев (Брунхильды и Фредегунды) слились со скандинавскими сагами мифологического происхождения.

Эддические мифы с их кровавой эсхатологией (Регнарёк, гибель богов в беспощадном братоубийстве) сплелись с давними воспоминаниями о переселении народов и об уничтожении Аттилой бургундского королевства на Рейне: так возникла знаменитая «Песнь о Нибелунгах», в которой Аттила стал благородным королем Этцелем, а его последняя жена

Ильдико — королевой Кримхильдой, мстительницей за Зигфрида. Интересно, что в этой эпической поэме среди знаменитых витязей фигурирует Элиас фон Рюсен (т. е. Илья Русский: предположительно, Илья Муромец).

Вторичная мифологизация христианства объединяет раннефеодальную Европу. Той же цели служила канонизация национальных вождей, в особенности вождей-христианизаторов. Святым стал король Стефан (Иштван), креститель Венгрии, а Владимир Киевский — даже равноапостольным, несмотря на своё бурное прошлое. В центре мифологизированной истории раннего Средневековья стоит фигура Карла Великого, на короткое время объединившего половину Западной Европы. Простой народ долго считал его святым, хотя Карл никогда не был канонизирован. И на то были веские причины.

Граф Роланд, герой национального эпоса Франции, погибший в Ронсевальском ущелье (778 г.), был племянником Карла; матерью Роланда была сестра императора, рано удалившаяся в монастырь. Однако многие современники были убеждены, что отцом Роланда был сам король Карл Великий!

Кроме того, вскоре после смерти Карла возникла легенда или, точнее, легендарная сказка (по классификации Л. Г. Барага) следующего содержания. Карл так влюбился в одну немку, что забросил все государственные дела. Она умерла, но страсть Карла ещё более увеличилась. Он продолжал *навещать её труп* и ласкать, как живую женщину. Однажды архиепископ Турпин (тоже один из героев каролингского цикла) в отсутствие императора вошел в комнату, где лежал труп, чтобы проверить — нет ли здесь какого-нибудь колдовства. Осматривая труп, Турпин нашел под языком покойницы магическое кольцо и унёс с собой.

Вернулся Карл, удивился виду безобразного трупа и приказал поскорее похоронить его. Но магическое кольцо продолжало действовать: страсть Карла перешла на архиепископа, от которого он теперь не отходил. Испуганный Турпин бросил кольцо в озеро. С тех пор Карл не покидал этого места, построил здесь дворец и монастырь и пожелал быть здесь похороненным. Это немецкий город Аахен, любимая резиденция Карла Великого.

Рассказы об инцесте Карла с сестрой и о его некрофилии могли сильно повредить канонизационному процессу, и церковь не решилась на такой риск. Поэтому Карл стал сказочно-эпическим героем, но не святым (а вот киевский князь Владимир — и тем, и другим).

Кельтское происхождение имел миф о спящем до поры вожде-избавителе. Рано сложилось представление о том, что король Артур не был убит в бою, как повествует эпос, но только ранен; феи унесли его на далёкий остров Авалон, где он отдыхает от ран, но в урочный час вернётся, чтобы спасти Британию. Подобные легенды появились и о Карле Великом. В Германии героем этого интернационального мифа о «втором пришествии» великого вождя стал император Фридрих Барбаросса (он спит со своим воинством в недрах горы Кифхойзер). Этот великий сюжет представляет собой, как мне кажется, усвоение европейскими национальными мифологиями христианской мифологемы «Второго пришествия». В варварских мифологиях до христианизации Европы этой мифологемы не было.

История христианской вторичной мифологизации фиксирует и крайне драматические моменты. Так, в X веке обострилась феодальная анархия, узаконенная правом частных войн; одновременно римско-католическая Церковь, хранительница культуры и святительница раннефеодальных монархий, вступила в полосу позорнейшего упадка. В Риме довольно долго существовала так называемая «порнократия» (власть блудниц): богатые куртизанки Теодора и Мароция, мать и дочь, возводили на трон св. Петра своих любовников либо смещали и даже убивали неугодных пап. В этой обстановке началась паника неслыханных размеров — Великий Страх 1000-го года.

Любители психологизированной истории объясняют этот эсхатологический психоз всей Западной Европы нумерофобией (страхом перед теми или иными числами), в данном случае «манией круглых чисел». По мере приближения тысячного года от Рождества Христа усиливались предсказания наступающего конца света. В 1000 году будет Страшный Суд!

Эти ожидания разрослись до невероятных размеров и вызвали напряжение, порою приводившее к пролитию крови. Ожидая вселенской катастрофы, массы людей бросили дома и нивы, бродили по дорогам с полубезумными лицами и опустошали страны, уже разорённые феодальными войнами. В какой-то мере остановилось сельскохозяйственное производство, что вызвало голод и одичание. Бургундский хронист Рауль Глабер свидетельствует: «. . . люди плодом или яйцом заманивали на глухие тропы детей, чтобы их сожрать. . . голод был таков, что дикие звери не так страшны были человеку, как другой человек. . . на рынке в Турнэ некто продавал человеческое мясо, как обычную пищу. . . »

Одной из главных причин этого массового психоза было примитивное усвоение христианской морали. Церковь воспитывала новокрещёные народы в страхе Божием, объясняя все страдания людей карой за их грехи. Вечная угроза наказания калечила души и привела к гипертрофии эсхатологических мотивов христианского вероучения. Европейцы еще не столько верили в Бога, сколько боялись Его.

К счастью, на папский престол в 998 г. был избран образованный и умный Сильвестр II; он помог Европе пережить тот страшный год, когда христиане ждали осуществления Апокалипсиса. Ссылаясь на лично полученные Божьи знамения, папа объявил, что конца света не будет — и, как известно, оказался прав.

Психоз Тысячного года в целом обусловлен тем, что христианская эсхатология наложилась на языческое мифомышление.

Церковь боролась против языческих мифов, но труднее всего было искоренять обряды. В этой борьбе складывались удивительные компромиссы. Часть языческой мифологии низводилась в ранг исторической легенды.

Так, англо-саксонские хронисты XI века приводят легенду о леди Годиве (правильнее Годгифу); легенда сообщается как подлинное событие под 1040 годом. Добрая Годива просила своего мужа, ярла честерского, избавить жителей Ковентри от тяжких налогов. Муж поставил условие, чтобы Годива совершенно нагая проехала по городу верхом на коне. Она оповестила об этом Ковентри, приказав горожанам в назначенный час закрыть окна став-

нями и не выходить из домов. Раздевшись, она проехала по пустому Ковентри; только один подлец, портной Том, глянул в щёлку между ставен, увидел Годиву — и ослеп.

Эта легенда — псевдоисторизация архаических женских обрядов, табуированных для мужчин. Широко известно, что на Руси вплоть до XIX века во время эпидемии крестьянки, раздевшись донага и впрягшись в плуг, опахивали свое село магическим кругом; мужчины при этом прятались, ибо считалось, что мужчина, который увидит ритуальную наготу, ослепнет.

Пример с леди Годивой показывает, что обряд может пережить свой миф: в таком случае, он получает вторичную, псевдоисторическую мотивировку. Согласно легенде, именно Годива основала монастырь в Ковентри (1043 г.). Служительнице пережитого языческого культа придали облик благочестивой христианки. Проезд её по городу Ковентри инсценируется *поныне,* на роль Годивы выбирают девушек с длинными волосами. В «историзованном» виде обряд терпим Церковью, он её не касается.

В разных концах Европы Церковь искореняла оргиастические обряды языческих культов плодородия. В той же Англии особенно живучим был майский обрядовый цикл с воздвижением «майского дерева» (фаллический символ), с плясками и играми в лесной чаще. Центральные роли в обряде играли «майский король» Робин и дева Марион. В XIV веке, когда антифеодальная борьба английских крестьян достигла кульминации, мифологические фигуры Робина и Марион отливаются в псевдоисторическую форму: складывается легенда о шайке Робина Гуда, ведущей вольную жизнь в Шервудском лесу. Десакрализованный миф стал легендой, и люди верили в её историчность. Читатели всего мира узнали Робина Гуда по роману В. Скотта «Айвенго». Только в XX веке, переворошив горы архивов, английские историки признали, что в действительности никакого Робина Гуда никогда не существовало: его имя, как и имена других персонажей легенды, взяты из древних мифов и сказок.

Отчасти сходный пример мы находим в «Повести временных лет». Как известно, в 945 году древляне восстали и убили киевского князя Игоря, его вдова Ольга при подавлении древлянского восстания проявила большую изобретательность. Так, в частности, часть древлянских послов приплыла в Киев по Днепру и была принята с великим почётом: их ладьи вместе с послами были подняты на плечи людьми Ольги и несомы в торжественной процессии, пока оная не достигла заранее заготовленных ям, в каковые и низвергла послов. Там они были зарыты заживо. Эта почти художественная ирония Ольги кажется чрезмерной: ничего не стоило расправиться с обречёнными послами, зачем было тащить ладьи? Видимо, летописец Нестор уже забыл о варяжском погребальном обряде: знатных людей хоронили в их ладьях. Еще в 922 г. арабский путешественник Ахмед ибн Фадлан видел такие похороны русского князя. Но обычай этот был чужой, заносный от викингов, и на Руси не удержался. Таким образом Нестор воспринимает полузабытый похоронный обряд варягов как особо изощренную месть Ольги за убитого мужа и превращает его в единичный случай, то есть в сюжет историзованной легенды.

Десакрализованный обряд стал легендарным сюжетом, как в случае с леди Годивой и «майским королем» Робином.

И ещё один путь порождения легендарных сюжетов — это трансформация античных мифов, пережиточно сохранявшихся в памяти западноевропейских народов: мотивы этих мифов включались в средневековое мифотворчество. Как известно, черты Персея были перенесены на Георгия Победоносца: это мотив убиения дракона и избавления девицы, уготованной в жертву чудовищу («чудо Георгия о змие»). В сказаниях о Тристане мы находим мотив чёрных и белых парусов, тех, которые забыл поменять Тесей, возвращаясь с победой в Аттику. В средневековых апокрифах об Иуде Искариотском общеизвестным евангельским событиям предшествует трансформированный эдиповский миф (Иуда совершает неосознанное отцеубийство и женится на вдове убитого — своей матери; узнав о происшедшем, в ужасе бежит к Иисусу Христу и становится его учеником).

Чрезвычайно любопытны некоторые немецкие легенды Средних веков, например, легенда о Тангейзере. Это историческое лицо, миннезингер XIII века, участник крестового похода; фривольность его любовной лирики отличала его от традиционной куртуазии придворного миннезанга. Видимо, образ нового лирического субъекта был перенесен на самого поэта, как это часто случалось в истории литературы; отсюда репутация распутника, которая закрепилась за Тангейзером. Он умер в 1270 году, но в XIV веке возникла легенда о том, что зачарованная его песнями богиня Хольда или, по другим версиям, сама Госпожа Венера увлекла миннезингера в свой волшебный грот, где он провёл долгое время в греховных наслаждениях с богиней. Выйдя из грота, он отправился в Рим и просил от папы Урбана отпущения грехов. Папа выслушал его исповедь и ответил: «Я отпущу тебе грехи, когда мой посох зацветёт». Тангейзер ушел в великой печали, и вдруг папа увидел, что его посох покрылся цветами. Урбан в раскаянии разослал гонцов за Тангейзером, но последнего нигде не нашли.

Эта легенда о миннезингере, который стал любовником Фрау Хольды или даже Венеры, завершена вполне христианским финалом: милосердие Господне безгранично, и суровый папа был не прав, оттолкнув покаявшегося грешника.

Широко известна легенда о Крысолове из Хамельна. Город изнемогал от кошмарного изобилия крыс; в магистрат явился незнакомец и за крупное вознаграждение взялся избавить Хамельн от этого бедствия. Ему обещали всё, чего он желал. Незнакомец заиграл на дудочке, и все крысы пошли за ним. Совсем больных и немощных крыс тащили их внучата. Музыкант привел всех крыс к берегу Везера и, не переставая играть, сел в лодку, оттолкнулся, поплыл; крысы пошли за ним в Везер — и утонули. Когда же Крысолов явился в магистрат за наградой, ему отказались платить (или уплатили только часть). Тогда он вышел на улицу и заиграл вновь; за ним, как зачарованные, пошли дети Хамельна; он вышел с ними за город и вошёл в пещеру, а дети за ним. Затем вход в пещеру закрылся, и больше их никто никогда не видел. В центре Хамельна по сей день запрещена игра на каких бы то ни было музыкальных инструментах.

В чем смысл этого сюжета? Кара за нарушение обещания. Но кто вправе налагать на город такую страшную кару? Вероятно, только Бог. Но о Боге в легенде нет ни слова.

Между тем, в античности был повелитель мышей и крыс, он же покровитель искусств и бог музыки: это Аполлон. До своей интеграции в олимпийскую семью он был малоазийским лесным божеством, хозяином волков. Одна из эпиклес (культовых прозвищ) Аполлона — «Сминтей» («Мышиный»). Из «Илиады» мы знаем, что он наслал чуму на ахейский лагерь; правда, чуму переносят не мыши, а крысы, но в древности они практически не различались. И ещё одна черта Аполлона — его выдающаяся жестокость: когда Ниоба похвалилась своим многочадием, Аполлон и его сестра Артемида, мстя за свою оскорбленную Ниобой мать, перестреляли из луков всех детей неосторожной женщины (не то двенадцать, не то двадцать). Ниоба от горя окаменела. Заметим, её-то дети Латоны не тронули, они только «лишили её преимущества».

Чудесный музыкант, властитель над мышами и крысами, мстит жадным бюргерам Хамельна, лишая их детей. Это, быть может, отдаленная трансформация аполлоновского мифа.

Приведённые примеры показывают, что реликты разрушенных мифологических систем могут воскресать и встраиваться в новые мифологические системы, порою утрачивая сакральный смысл, а порою сохраняя его лишь в завуалированном виде (Крысолов из Хамельна — это богодемоническое существо, один из духов древнегерманской мифологии, отчасти сходный с Рюбецалем, горным духом, а отчасти — с Аполлоном Сминтеем).

Новая мифология Европы оказалась способной регенерировать исчезнувшие сюжеты. Так, в античной мифологии упоминаются золотые андроиды (человекообразные автоматы), которые были созданы Гефестом и использовались как слуги. Античность знала также медного великана Тала, который охранял остров Крит (в некоторых вариантах мифа он тоже был созданием Гефеста). Тал был наполнен кровью богов, причем становая жила кончалась в лодыжке отверстием, которое было заткнуто медным гвоздём. Приплывшая с аргонавтами Медея обманула Тала, посулив ему бессмертие; великан позволил ей вынуть гвоздь, кровь вытекла, и Тал умер.

В Средние века конструирование андроидов приписывалось Альберту Великому, большому ученому и философу (он был учителем Фомы Аквинского). В эпоху Возрождения (или в конце Средних веков?) сложилась еврейская легенда о Големе — глиняном великане, созданном для труда в субботу (когда правоверным иудеям запрещена всякая, даже самая малейшая работа). Эта легенда, с одной стороны, изображает дерзкую имитацию сотворения Богом Адама (тоже из глины); с другой стороны, легенда прославляет магическое могущество еврейских каббалистов. Первого Голема сделал раввин из Пражского гетто. Prager Golem вскоре привлёк интерес немцев и чехов, а в дальнейшем вошел в литературу. Но в европейском переосмыслении на первое место выдвинулся побочный мотив легенды: Голем может взбунтоваться против своего творца и даже растоптать его. Согласно одной из версий, раввин приказал Голему снять с него сапоги, и когда великан опустился на ко-

лени перед хозяином, тот быстро стёр одну букву в магической формуле на лбу Голема, так что из животворящей заклинательной надписи получилось другое слово, обозначающее «прах»: и Голем тут же превратился в кучу глины.

Именно легенда о Големе породила в европейской культуре мотив «взбесившейся техники». Карел Чапек, чешский писатель, знавший историю Пражского Голема, превратил его бунт в бунт роботов, которые истребляют все человечество (пьеса «R. U. R.»). Техника может выйти из-под контроля людей. Казалось бы, пустые опасения. Казалось — до 1945 года.

Взбесившаяся техника — это атомная бомба. Мифы не лживы; по ним нельзя изучать историю, но они способны предостерегать.

Добывание волшебного меча[a]

I

Средневековый эпос чрезвычайно популяризировал образ волшебного меча, который удесятеряет боевую мощь героя. Такой меч был «индивидуален», имел своё имя: меч Зигфрида — Бальмунг, меч Роланда — Дюрандаль, меч Рено де Монтобана — Фламберж и т. д.

Дюрандаль (или Дурендард) дан Роланду его дядей Карлом Великим. Этот меч несокрушим, ибо в его рукоятке скрыты многочисленные реликвии святых. Перед смертью Роланд прощается с мечом как с живым существом и, желая его сломать, чтобы им не воспользовались враги, десять раз наносит им страшные удары по скале, но на мече нет ни малейшего повреждения (по сей день в Ронсевальском ущелье показывают «брешь Роланда» — трещину в скале, прорубленную Дюрандалем). Поразительно совпадение этого мотива со средневековым арабским романом «Антар», герой которого, окруженный полчищами врагов и не желая, чтобы им достался его меч, пытается сломать его о скалу, но меч не ломается, а рассекает камень, как Дюрандаль. Подобные свойства присущи и другим прославленным в эпосе мечам[1].

В немецкой народной книге «Чудеснейшая история о роговом Зигфриде» сказано: «Зигфрид воткнул свой меч в землю и трижды поклялся, что не отступит ни на шаг, пока не освободит красавицу»[2]. Меч с крестообразной рукояткой, воткнутый в землю, превращался в крест (ср. мощи святых в рукоятке Дюрандаля). Однако перед таким крестом, по-видимому, не молились, а только *клялись*. Такая клятва на оружии гораздо древнее христианства; она была широко распространена на Востоке, а в древности — у славян. Так, заключая договоры с Византией, руссы-язычники клялись своим оружием, приговаривая: «Да не имут помощи от бога, ни от Перуна; да не ущитятся щитами своими, и да посечены

[a]Основной текст публикуется по: Добывание волшебного меча // О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. — Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. — С. 222–230.

[1]См.: Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л., 1979. С. 28, 208.

[2]Песнь о Нибелунгах. Л., 1972. С. 285.

будут мечами своими, от стрел и от иного оружия, и да будут рабами в этой жизни и в той»[3]. Этот древний обычай пережил тысячелетия. Он еще бытовал в нашем веке у народов Северного Кавказа, у донских казаков и т. д. В нём отразилось древнее отношение к оружию как *живому существу* или скорее даже *божеству*.

Ученые редко задаются вопросом: каково происхождение богатырского меча? Чем объясняется в эпосе или мифах появление «чудесного оружия» и каковы реально-исторические источники *самих этих объяснений*?

Происхождение волшебного меча в эпосе объясняется трояко: 1) меч дан герою богами; 2) меч выкован чудесным кузнецом; 3) меч вырыт из земли. Последний мотив типичен для русского фольклора, на нём мы еще остановимся подробнее, а пока рассмотрим эти мотивы в указанном порядке.

В известном греческом мифе Ариадна дала Тесею не только спасительный клубок ниток, но и меч.

Кодзики, «японская библия», записанная от сказителя в 712 году, повествует о том, как солнечная богиня Аматерасу даровала своему сыну, основателю императорской династии, знаки высшей власти: зеркало, шар и меч. Зеркало — символ всеведения, шар («держава») — символ обладания землей, меч — военной силы.

В сербском эпосе сабля Марка Кралевича, которая рассекает наковальню, как меч Зигфрида, и рубит скалы, как Дюрандаль, подарена ему вилой (вилы — это природные духи женского рода, аналогичные древнерусским берегиням).

Мечи, дарованные богами, известны в мифах и фольклоре. Но, судя по некоторым данным, эти мечи как бы *ссужались* герою на срок его жизни, а после его смерти подлежали возврату. Такое понимание сохранилось в артуровском цикле. «Смерть Артура» повествует, как король Артур чудесным образом достал свой меч Экскалибур из озера, а накануне последней битвы, охваченный дурными предчувствиями, приказал его бросить в то же самое озеро, из которого вдруг поднялась белая и нежная рука, чтобы принять меч. Это рука Феи озера: меч Экскалибур возвращается к тем, кто его дал.

Отметим, что в приведённых примерах богатырский меч подарен герою сверхъестественным существом женского рода. В русской сказке «Усыня» (АТ 301 А) царевна золотого царства даёт герою (Ивану-царевичу) меч-кладенец[1]. Если вспомнить при этом ещё и Ахилла, сына морской нимфы Фетиды, которая принесла ему к стенам Трои новое чудесное вооружение, то невольно возникает мысль, что в этих сюжетах герой ещё мыслился как сын богини (отцовство же в данных случаях несущественно), а чудесное оружие обычно было даром богини-матери или иной *женщины*.

Мифологический комплекс Ахилла играет ключевую роль в нашем рассмотрении, ибо оружие, принесенное Фетидой, выковал по её просьбе Гефест, бог-кузнец. И здесь мы естественно переходим к мечам, выкованным чудесными кузнецами. История доспехов Ахилла

[3]История дипломатии. Т. 1. М., 1941. С. 116.
[1]Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. М.; Л., 1964. С. 60.

наглядно объединяет оба мотива. Но чаще во второй группе сюжетов богиня-мать или фея-покровительница не выступает дарительницей оружия.

В. М. Жирмунский, анализируя мотивы биографии эпического героя, выделяет в частности «добычу богатырского оружия» и к этому добавляет парентезу: «меч, обычно выкованный прославленным, особо искусным кузнецом»[1]. При этом ученый упомянул об ином происхождении мечей Артура и Марка Кралевича, но не остановил на этом внимания.

В древности Первый кузнец был богом, а все кузнецы — посредниками между богами и людьми.

Некоторые ученые считают, что до оформления олимпийской религии Гефест был солнечным богом; добровольный шут олимпийской семьи, он в ней — единственный труженик. Слияние культов, породившее эту религию, не изгладило остатков напряжённости между пирами Олимпа и кузницей Этны; есть миф о том, как Зевс сбросил своего «сына» Гефеста с Олимпа (ср. библейский миф о Боге и Сатане). Менее значительна роль кузнеца в Библии, но и там отмечен в ранних генеалогиях Тубалкаин, «ковач меди и железа», т. е. первый кузнец (Бытие, IV, 22).

У восточных славян кузнецом был сам Сварог, бог неба. На Украине долго бытовало представление о связях кузнецов с богами. Ремесло кузнецов, несмотря на окружавший их суеверный страх, считалось почетным, о чем свидетельствуют по сей день самые массовые фамилии славян: Кузнецов, Коваль, Коваленко (у поляков — Ковальский).

В древности искуснейшими кузнецами считали финнов. Герой эстонского эпоса Калевипоэг отправляется к финскому кузнецу Туслару, чтобы выковать меч. Но те же финны слыли среди своих соседей (славян и германцев) сильными колдунами, способными насылать бурю и град.

Скандинавский бог-громовик Тор представлялся в образе гиганта, оружием которому служат боевой молот Мйольнир, пояс силы и железные перчатки: в этом наборе легко угадываются атрибуты кузнечного ремесла — молот, фартук, рукавицы.

У континентальных германцев искуснейшими кузнецами считались альбы (домовые) или цверги (подземные карлики). Согласно «Эдде», Сигурд (Зигфрид) был воспитан искусным кузнецом (по мнению В. М. Жирмунского, альбом[2]), с помощью которого он сам сковал себе богатырский меч. Согласно «Песни о Нибелунгах», Зигфрид получил меч Бальмунг в вознаграждение за раздел клада между двумя спорящими братьями, хотя этот раздел не удовлетворил Нибелунгов[3]. Ученые считают Нибелунгов жителями «страны туманов», т. е. подземного царства; эти подземные карлики (существа отчасти сверхъестественные) и сковали Бальмунг.

---

[1] Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. С. 206.

[2] Там же. С. 231.

[3] Распространенный сказочный мотив: AT 832; AT 518 («Обманутые черти»). Из всех героев германского эпоса Зигфрид особенно близок к древним сказкам.

Германский фольклор знает *и героического кузнеца*: это волшебный кузнец Веланд, о котором рассказано в «Эдде». Английский сказочный персонаж Вейланд Смит (т. е. Кузнец) сохранил черты сверхъестественного существа, которые выветрились в «Эдде».

В восточнославянских сказках типа АТ 300 А («Змееборство на мосту») помощником героя часто выступает мифический кузнец Кузьма-Демьян (или кузнецы Кузьма и Демьян). Это народное переосмысление образов христианских великомучеников Козьмы и Демьяна, но оно, несомненно, наложилось на языческий архетип бога-кузнеца[1].

> NB! Ремесло кузнеца было магией. Кузнец — это маг. Отразилось в Библии: *Тубалкаин* — иначе Товелъ, сын Иа фета, патриарх, ковач меди и железа (Бытие, IV, 26), родоначальник тиберян (иберийцев). Согласно Библии, изобрёл обработку железа.
>
> Сюжет 300А очень популярен только у трёх восточнославянских народов и не бытует ни у каких их соседей. Герой сказки — обычно сын собаки, кобылы, коровы. В вариантах отражаются местные легенды: о кузнецах-змееборцах, о Змиевом вале на Украине, якобы вырытом запряжённым в плуг змеем (ср. миф о Тесее), о реках, выпитых змеем в ярме.[b]

В сказках типа АТ 576 С* («Волшебная сабля») герой выковывает чудесную саблю с помощью колдуна.

И дарованный богами, и выкованный чудесным кузнецом меч имел сверхъестественное происхождение: этим и объяснялись его сила и крепость.

Но во многих сказках и эпических преданиях встречаются мечи *найденные*; в русском фольклоре богатырский меч чаще всего выкапывается из земли. Какая историческая реальность стоит за этим мотивом?

II

Появление Аттилы на границах античного мира потрясло Европу. Разгромив в 447 — 448 годах Восточную империю, он стал властелином огромной державы. Мир ловил каждое известие о страшном завоевателе. В частности, со слов самих гуннов византийцы рассказывали, что меч Аттилы ранее принадлежал богу войны и *вырыт из земли* каким-то пастухом.

Здесь первый мотив (меч божественного происхождения) соединился с третьим (выкапывание из земли). Для русского фольклора характерен именно третий мотив: меч выкапывается богатырём из-под холма, где он хранится под заклятием и даётся в руки лишь такому богатырю, который может им владеть. Волшебный меч русских сказок — это клад земной, «меч-кладенец». Правда, Еруслан Лазаревич добывает меч из-под головы богатыря — хранителя, а Бова Королевич находит в темнице, но обе эти сказки — нерусские, а вторая вообще слишком книжная.

[1] В знаменитом предании о Никите Кожемяке, укротителе змея, говорится, что плуг для Никиты сковал «святой Кузьма-Демьян, божий коваль».

[b] Из подготовительных материалов. АРГН. Оп. 4, д. «Сюжеты сказок и легенд по AaTh», л. 3862, 3863.

Русская сказка никогда не задается вопросом: кто зарыл этот меч в землю?

Полагаем, что мотив выкапывания меча из земли имеет реальные объяснения историко-этнографического характера.

Прежде всего у скифов существовали святилища бога войны — огромные платформы, сложенные из пучков прутьев; на эти груды хвороста водружался старинный железный меч, олицетворение бога войны. Этому мечу скифы приносили в жертву рогатый скот и лошадей (см. «Историю» Геродота, т. 1, кн. 4). Точно так же в XIX веке у африканского народа йоруба Огун, бог кузницы и войны, был представлен мечом, хранившимся в его святилище.

Скифские союзы в III веке были покорены готами, а в 375 г. гунны разгромили готов и затопили степи Причерноморья. Думается, смешанное скифско-готское население, подпавшее под власть гуннов, ещё сохраняло память о священных мечах скифского бога войны; позволительно допустить, что какому-то из вождей гуннов было поднесено такое оружие.

Святилища скифского бога войны вряд ли были многочисленны, и хворост не сохраняется, как пирамиды, но ведь кто ищет — всегда найдёт. Уже в древности кладоискатели, соперники наших археологов, начали раскапывать погребения древних вождей. В этих погребениях всегда было оружие. Русский сказочный герой отрывает меч-кладенец из-под холма; на практике это мог быть могильный курган.

Курганные захоронения известны у многих индоевропейских народов; они возникли в степях, на равнинах, но исходным обычаем индоевропейцев было погребение вождей на вершинах гор, сохранившееся у германских народов. В том и другом случае покойного вождя или воина снабжали всем необходимым для иной жизни, включая рабов, жён и лошадей. При этом их обычно убивали. Никому не приходило в голову «убивать», например, посуду. А вот боевые мечи в кельтских погребениях обычно оказываются согнутыми или сломанными. Для чего это делалось?

Меч был не предметом, а одушевлённым существом. Чтобы он мог служить покойнику в иной жизни, его надлежало «убить», как лошадь или раба, т. е. отметить знаком смерти — согнуть или сломать. Без этого меч остался бы «живым», а значит — непригодным для загробного использования.

Этим изначально и объяснялось стремление героя сломать свой меч — не для того, чтобы лишить врагов драгоценной добычи, но чтобы самому иметь возможность *пользоваться им после смерти*. Почему это делает сам герой? Потому что он находится в исключительной ситуации, в окружении врагов, и не надеется на «правильное погребение». В сербском эпосе ситуация иная: Марко Кралевич умирает от старости, перед этим он отрубает голову любимому коню, ломает свое копьё, а палицу бросает в Дунай. Объяснение традиционное — «чтобы не достались врагам». Исходный смысл обычая утрачен. Конь и оружие всегда убивались для иной жизни умершего героя. А герой во многих мифах и сказаниях *сам себя хоронил*.

Понятие одушевлённости оружия объясняет нам и древний обычай зарывания его в землю при окончании войны: такие «захоронения» были многочисленнее богатых могильников.

Широко известен обычай индейцев Северной Америки в знак прекращения войны зарывать в землю томагавки. Разве они не были нужны для мирной жизни (хотя бы для охоты)? Видимо, нужны, но другие. Оружие, испившее человеческой крови, не годилось для мирных целей: оно приобрело привычку к человечине, стало опасным, может «самовольно» наброситься на человека.

О том же говорит и древнерусская клятва при заключении мира: «да посечены будут мечами своими...» (см. выше). Произнося эту клятву, руссы клали оружие на землю. С тех пор до XX века демонстративное втыкание холодного оружия (например, штыка) в землю стало обозначать отказ от боя и мирные намерения — но не капитуляцию. Перевода не требовалось: символы и жесты — лучшее эсперанто.

В упомянутом уже эстонском эпосе «Калевипоэг» финский кузнец Туслар по просьбе героя сковал ему чудесный меч, но вскоре этим мечом Калевипоэг убил сына Туслара. Тогда кузнец заклял меч, чтобы тот обратился против убийцы. Через много лет состарившийся Калевипоэг хотел достать роковой меч из ручья, в который он его когда-то уронил. Тогда заклятие Туслара осуществилось, и меч отрезал своему бывшему хозяину обе ноги по колени.

В старом страхе перед оружием отразилась великая мудрость первобытных людей. Всякий убийца умрёт от меча: «Поднявший меч от меча погибнет». Поэтому лучше всего вовремя похоронить его.

В железном веке такое захоронение меча мыслилось как его *жертвоприношение*. В истории археологической науки памятна сенсация, вызванная богатыми находками в швейцарской местности Ла Тен в прошлом веке. Когда уровень Невшательского озера понизился, в обнажившейся прибрежной зоне были найдены остатки удивительного поселения древнего кельтского племени гельветов (II — I века до н. э.). Поселение в Ла Тен дало имя латенской археологической культуре. В этом поселении были найдены деревянные колеса со спицами, деревянная посуда, очень мало керамики и непропорциональное множество оружия. Одних железных мечей там найдено 166, ещё больше наконечников копий, дротиков, деревянных щитов и т. п. Учёные ломали головы над этим скоплением оружия. Выдвигались предположения, что в Ла Тене находился племенной «арсенал» гельветов. Но это крайняя модернизация: у кельтов, как и у других народов, стоявших на том же уровне развития, арсенал был в каждой хижине.

В настоящее время преобладает мнение, что древний Ла Тен был важным жертвенным центром кельтов и что *оружие приносилось в жертву богам*. Естественно, это совершалось при наступлении мира. Но, как было показано выше, благодарственная жертва оружия здесь имела свою подоплеку — суеверный страх перед ним.

В средневековой Германии сословие палачей сохраняло древний обычай: меч, отрубивший сто голов, подлежал погребению. Палачи собирались на тайные тризны и хоронили этот меч, ибо он становился опасным для людей — мог *выйти из-под контроля*. Этот обычай красочно описан в «Мемуарах» Генриха Гейне, в эпизоде с рыжей Зефхен, прекрасной

внучкой вестфальского палача. По объяснениям Зефхен, меч, которым совершили сто казней, становился жестоким, злым и коварным и до такой степени затуманивал сознание держащего его человека, что тот мог направить его даже против брата или друга.

> ... вполне возможно, что Гейне выдумал весь эпизод с рыжей Зефхен, но он не выдумал самого обычая: похороны меча — старый немецкий обычай. Правда, Гейне вряд ли мог быть его свидетелем. Он читал о нём и включил его в свои наполовину вымышленные «мемуары».[c]

В обычаях погребения оружия, привыкшего к человеческой крови, отразились и наивность, и мудрость наших первобытных предков. Они, конечно, преувеличивали опасность своих мечей и томагавков, но для того, чтобы снова вырыть оружие, т. е. начать новую войну, требовались совет и решение всего племени. Эти «дикари» были осторожнее и осмотрительнее многих политиков XX века.

Итак, древние культовые мечи, оружие в погребениях воинов и просто оружие, зарытое в землю после войны, — вот те реальные прототипы «меча-кладенца», которые могли разыскиваться древнерусскими кладоискателями. Критически осмысляя летописное предание о том, как хазары испугались полянской дани мечами, Н. И. Костомаров совершенно правильно указывал: «Исторической правды факта, конечно, здесь нет ни капли. Не могли поляне дать от дыма по мечу, тогда мечи составляли редкость и драгоценность...»[1].

Этою редкостью объяснялось то, что мечи специально ввозились из других стран или разыскивались в земле. Мечи, вырытые из земли, считались оружием богов или героических предков; они пользовались особенной славой, ибо на них лежал священный отблеск преданий.

> При господстве мифологического толкования сказок в кладенце, как и в других подобных орудиях (топор-саморуб, дубинка-самобой) видели представления молнии, рассекающей тучи, а в героях, им вооружённых, — олицетворение бога громовника, вооружённого перуном. Таков, нииапример, взгляд Афанасьева в «Поэтических воззрениях славян на природу». Можно думать, что меч-кладенец зашёл в наши сказки из иноземных сказок, в которых подобные мечи играют ту же роль, как и в наших. Название кладенец — в связи с глаголом класть (ср. кладень — брус или бревно, положенное в основание чего-либо; кладенец — большой нож, которым режут скотину). Кладенец употребляется и в значении стали, булата.[d]

[c] Из рукописной редакции. АРГН. Оп. 4, д. 103 «Статьи по этнографии и фольклору», л. 0081.

[1] Костомаров Н. И. Предания первоначальной летописи в соображениях с русскими народными преданиями в песнях, сказках и обычаях // Костомаров Н. И. Собр. соч. Т. 13. СПб., 1904. С. 130.

[d] Из рабочих материалов. АРГН. Оп. 4, д. 103 «Статьи по этнографии и фольклору», л. 0083.

Оживление Спящей, или Опущенная экспозиция «Нибелунгов»[a]

В палеолите охотники верили, что «умножение пищи» может быть достигнуто половым актом с убитым животным. Частью тотемного пира у некоторых примитивных племён более поздних эпох оставалась имитация полового акта с убитым животным.

Возможно, в связи с этим обрядом следует поставить и первобытную некрофилию, которая первоначально имела целью «оживить» только что умершего человека, а именно — женщину. Ведь в архаике смерть, особенно преждевременная и не насильственная, понималась как результат магического вреда. Болезнь — это результат порчи, смерть — результат заклятия врагов или демонов. Поэтому людям казалось, что магический вред, приведший к «оцепенению» молодой и недавно здоровой женщины, можно нейтрализовать магическими средствами.

В попытках людей «оживить» умершую женщины половым актом отразилась вера в магическую силу секса; кроме того, можно предположить, что от эпохи оледенения и пещерных жилищ люди сохранили смутную память о долголетнем опыте отогревания замёрзших посредством полового акта. В случае спасения утопленниц половой акт был древнейшим «способом» искусственного дыхания и мог давать в этом смысле положительный результат: давление на живот, ритмический нажим на грудь и т. п. применяются по сей день при спасении утопающих.

Из этих реальных фактов сформировалось наивное представление о возможности оживить умершую женщину посредством полового сношения и сама практика некрофилии.

Кроме того, по-видимому, древнейшие люди довольно рано зафиксировали такие явления, похожие на смерть, как глубокие обмороки и летаргический сон. Эту «временную» смерть они не умели отличать от окончательной: во все времена и у всех народов сон считался подобием смерти (во время сна душа человека оставляет его тело); позже возникла метафора «вечного сна» (una nox dormienda).

Теперь подойдём с другого конца. Испытание огнём — обычный элемент инициаций: у некоторых африканских племён мальчишек вновь и вновь толкают в костёр, пока на коже их не появятся ожоги. — Вспомним, что только инициации давали право юноше на вступление в брак.

Соединение мифов об инициациях с традицией первобытной некрофилии даёт нам древнейшую скандинавскую сагу о герое Сигурде, который разбудил спящую валькирию. Она прогневила своего отца Одина, дав перевес в битве не той стороне, которой он желал доставить победу; за это Один погрузил её магический сон и окружил негаснущим огненным кольцом, что является переосмыслением погребального костра. Сигурд, перепрыгнув через огон, разбудил валькирию половым актом.

[a]Публикуется по: Оживление спящей, или опущенная экспозиция Нибелунгов // Назировский архив. 2015. № 4. С. 52 – 53.

От первичных сказаний на этот сюжет произошли и русские сказки, где дерзкий герой злоупотребляет сном богатырши Усоньши, и, западноевропейские сказки о Спящей красавице. Перро, обрабатывая этот сюжет, сохранил половую связь принца и разбуженной им красавицы в форме гривуазных намёков.

С другой стороны, сага о Сигурде и разбуженной им валькирии прямо предваряет сюжет I части «Нибелунгов», составляя его пропущенную экспозицию.

3. Месть Брунхильды (генезис «Нибелунгов»)

Зерном сюжета был магический сон наказанной валькирии. Это выпало из эпоса, зато осталось в сказках типа «Спящая красавица». Русская сказка «Усоньша-богатырша». Только «Спящую» амазонку можно «полюбить» (реминисценции палеолитического обычая некрофилии: попытки воскресить преждевременно умершую девушку). Разумеется, Зигфрид будил валькирию не поцелуем только, а половым актом... Как и русский сказочный герой. См. Брокгауз: некрофилия.

Превращение валькирии в жену Гунтера — это продолжение её наказания отцом Одином. Ведь нисхождение бога, ангела, валькирии в мир людей — это всегда кара.

Сигурд, как честный человек должен был на ней жениться, но забыл её ради Кримхильды. Брунхильда мстит Зигфриду не за обман с шапкой-невидимкой, а за измену. Убийство Зигфрида становится ядром эпопеи.

Убийство это особое — героическое предательство (Хаген). Оно как бы оправдано: Хаген должен его убить, а Зигфрид неуязвим. Только «липовый листок» на спине.

Две части эпопеи — это две мести.

1. Месть Брунхильды.
2. Месть Кримхильды.

Череп-чаша и месть пленницы[a]

«Старшая Эдда» донесла до нас древнее германское сказание, явно заимствованное с континента. Дочь бургундского короля, прекрасная Кримхильда, была выдана замуж за короля гуннов Этцеля (Аттилу) и родила ему двух сыновей. Братья Кримхильды, бургундские короли, владеют несметным сокровищем — золотом Нибелунгов, к-рое они спрятали на дно Рейна.

Этцель, желая завладеть сокровищем, заманивает братьев к себе во дворец, но они умирают под пытками, не выдав тайны рейнского клада. На следующий день на пир к Этцелю собираются вожди гуннов. Прислуживая им, королева подносит мужу лакомое яство, а затем открывает ему, что он съел сердца своих сыновей.

Ради мести Кримхильда, как Медея, не пожалела собственных детей. Объятый ужасом Этцель падает на ложе, и Кримхильда вонзает меч ему в грудь, а затем поджигает дворец

[a]Публикуется по: Череп-чаша и месть пленницы // Назировский архив. 2015. № 4. С. 51.

и гибнет в пламени. Предпочла ли она позору казни гуннское самосожжение? Или мы имеем дело с «уменьшенным» отражением древнегерманской мифологической модели конца мира, того мирового пожара, которому предстоит уничтожить вселенную?

С этого сказания начинается история немецкого национального эпоса «Песнь о Нибелунгах». Здесь явно исторические события, и Кримхильда — это реминисценция Ильдико, последней наложницы Аттилы: имя Ildico — диминутив от Хильды (Hilda, Hildehen). Но эта зачаточная версия «Нибелунгов» дана в бургундском освещении. Это уже «Месть Кримхильды», как в окончательном тексте эпоса, но месть Этцелю, а не убийцам Зигфрида. В бургундском сказании никакого Зигфрида нет.

Из других исторических событий, с которыми в той или иной степени связана «Песнь о Нибелунгах», исследователи великого эпоса обычно выделяют неистовую и жестокую вражду двух франкских королев — Фредегонды и Брунхильды. Имя второй из них носит одна из враждующих королев в «Нибелунгах». Распря Фредегонды и Брунхильды залила кровью землю франков; в конце концов, одна из них умерла, а другая была взята в плен врагами и подвергнута варварской казни — её привязали к хвосту необъезженного коня за волосы, одну руку и одну ногу; коня пустили вскачь, и он «размыкал» по полю её тело, ка иногда говорится в русских сказках.

Но есть ещё она историческая легенда, которая обычно не рассматривается в связи с «Нибелунгами». Между тем, она позволит нам поставить частные вопросы генезиса этого эпоса, несколько иначе, чем обычно.

<Из статьи «Эволюция древнего символа»>[b]

Питьё из черепа это древний и священный ритуал скифов и гуннов. Протоболгарский хан Крум после победы над византийским императором Никифором I Логофетом (811 год) оправил череп последнего в серебро и потчевал из него славянских князей. Из черепа киевского князя Святослава, попавшего в засаду у днепровский порогов (972 год), печенежский князь сделал чашу и пил из неё на пирах. Заметим, что все эти примеры относятся к степным скотоводческим народам, в основном тюркским (гунны — предки тюрков).[c]

Нигде при этом не сообщается, что чаши делались из черепов всех убитых врагов: нет, для этого избирались головы самых значимых и могучих, либо императора, либо первого воителя эпохи, каким был Святослав. Их черепа служили почётными трофеями, но утилитарными. Практическое использование этих трофеев делало постоянным и наглядным гордое напоминание о трудной победе. Убить простого воина — это мало славы, но зато какая честь пить из черепа Святослава! В этом ритуале гордость соединялась с уважением к убитому врагу.

От гуннов этот обычай заимствовали и древние германцы, но у них этот обычай был несколько переосмыслен, о чём свидетельствует одна лангобардская легенда, вошедшая в известную хронику Павла Диакона (VIII век). Она связана с именем Альбоина, короля

[b] Публикуется по: Череп-чаша и месть пленницы // Назировский архив. 2015. № 4. С. 47 – 50

[c] В начале статьи Назиров даёт небольшой этнографический экскурс, где утверждает, что использование черепов животных и человека — часть бытовой жизни кочевых народов Евразии.

лангобардов в 561 – 572 годах. Он убил в сражении короля гепидов Кунимунда, который хотя и был варваром, получил от императора Востока официальное признание в обмен за вассальную присягу. Убив Кунимунда, Альбоин сделал из его черепа чашу для вина, а дочь убитого — Розимунду — взял в жёны.

Через некоторое время, завоевав Северную Италию и утвердившись в Павии, Альбоин во время пира заставил королеву пить вино из черепа её отца. Оскорблённая Розимунда в душе поклялась отомстить: она организовала убийство мужа и стала править сама.

Эта легенда показывает, что череп-чаша становится предметом мстительной и злобной радости. Альбоин хотел унизить уже убитого врага, довершив свой триумф выразительным сочетанием: дочь пьёт из черепа отца; и дочь, и череп — во власти Альбоина.

Христианизация германцев положила конец этому восточному обычаю.

Нарисованная лодка (К вопросу о происхождении одного фантастического мотива)[a]

Любимый герой русского народа Степан Разин в преданиях, легендах и песнях о нём представлен колдуном. Его колдовство направлено в основном на хитроумное спасение из плена; этот мотив связан с широко распространившимся по Руси слухом о том, что Стенька не был казнён на Красной площади, а сумел обмануть стражу и бежать: он «жив до сих пор, сидит где-то в горе, стережет свои поклажи. . . »[1].

Этот слух — политическая мечта угнетённого народа. Вера в неистребимость народного вождя придавала людям силы для дальнейшего сопротивления. Но вера нуждалась в магической мотивировке, ибо народная идеология в эпоху феодализма с необходимостью развивается только в религиозной форме.

Благодаря колдовству, Стеньку и пуля не берёт, и оковы с него спадают по одному его слову. Стенька «отводит глаза» своим палачам. Им кажется, что они терзают его, тогда как на деле бьют и колют чурбан[2]. Этот мотив, как указано Ю. И. Юдиным[3], находит соответствие в эвенкийском фольклоре, где шаман точно так же отводит глаза своим врагам[4].

Позволительно предположить, что это не просто типологическое схождение: ведь ещё в 1581 г. Ермак «Сибирью поклонился» Ивану Грозному, а за двадцать лет до казни Разина Ерофей Павлович Хабаров составил «Чертёж реке Амуру». Именно казаки первыми из русских открыли архаический мир охотничьих народов Сибири, и в казачью среду мотивы автохтонной культуры Сибири проникли относительно рано.

---

[a]Основной текст публикуется по: Нарисованная лодка (к вопросу о происхождении одного фантастического мотива) // Фольклор народов РСФСР. Вып. 12. Уфа, 1985. С. 19 – 23.

[1]Афанасьев А. Н. Древо жизни. М., 1982. С. 252.

[2]См.: Песни и сказания о Разине и Пугачеве / Вступит. статья, редакция и примечания Л. Н. Лозановой. Л., 1935. № 38. Далее в тексте с сокращенным указанием: Песни и сказания о Р. и П.

[3]Юдин Ю. И. Типология героев бытовой сказки // Русский фольклор. XIX. Л., 1979. С. 60.

[4]Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / Сост. Г. М. Василевич. Л., 1936. С. 75 («Шаман и мужчина»).

Самым интригующим мотивом сказаний о Разине является чудесное бегство в нарисованной лодке (Песни и сказания о Разине и Пугачеве, № 43). Разин с товарищами сидит в тюрьме. Он рисует на стене лодку и, выпросив у сторожей кружку воды, выплескивает воду на свой рисунок: из воды чудесно образуется море, нарисованная лодка превращается в настоящую, и на ней Стенька с товарищами уплывает из плена.

Общепризнано, что этот мотив имеет сказочное происхождение. Ю. И. Юдин сближает сказание о бегстве Стеньки в нарисованной лодке со сказочным сюжетом типа АТ 664 А* — «Морока». Вот его изложение в новейшем указателе: «солдат (прохожий) платит золотыми, которые оказываются пуговицами (костяшками); его приводят к царю (судье), солдат морочит судью, будто происходит наводнение, и заставляет его пережить ряд приключений, не выходя из комнаты»[1].

Единственный сходный сюжет о мороке из сборника Е. А. Чудинского[2] выделяется ныне как самостоятельная единица[3]: «Солдат-рассказчик заставляет девушек (скупую хозяйку) поверить, что изба заливается водой, плавают утки; раскрывается дверь — воды как не бывало»[4].

В обоих случаях описана именно «морока», т. е. внушённая героем иллюзия или, говоря современным языком, коллективный гипноз. Ведь на деле (в условной реальности сказки) наводнения не происходит. В сказании же о Разине имеется настоящая вода, нарисованная лодка превращается в настоящую, и Стенька «реально» бежит из тюрьмы. Поэтому сближение этого мотива с типом «Морока» нельзя признать обоснованным.

Но в русском фольклоре есть параллели к рассматриваемому нами фантастическому мотиву. Это сказка «Усоньша-богатырша», которую А. И. Худяков записал в прошлом веке в Зарайском уезде Рязанской губернии. В ней рассказано, как Иван-царевич отправляется добывать для отца живую и мертвую воду и «моложавые яблоки» (сюжет типа АТ 551). Яблоки растут на деревьях под мышками у прекрасной Усоньши-богатырши. Добыть их помогает герою старик-волшебник. Для того, чтобы герой мог перенестись во владения Усоньши, старик применяет необычные средства:

«Вдруг он говорит ему: «Ну, Иван-царевич, смотри на меня!» Он на него смотрит, он с него портрет списал. Списал с него портрет, посадил его на стол, очертил мелом вокруг его, дал ему портрет и часы»[5]. Далее старик объясняет герою, как проникнуть в царство Усоньши и каковы условия успешного выполнения задачи.

«Когда только лишь старик проговорил эти слова, дунул на него, и он явился в том государстве». Пока нам не ясно, зачем понадобилось сажать царевича на стол и очерчивать «вокруг его» мелом.

---

[1] Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979. С. 171.

[2] Чудинский Е. А. Русские народные сказки, прибаутки и побасенки. М., 1864. № 24 в.

[3] Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. 664 С*.

[4] Там же. С. 172.

[5] Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. М.; Л., 1964. С. 55.

Ивану-царевичу удается добыть чудесные предметы и даже злоупотребить беспечным сном Усоньши. «Когда, наконец, второпях видит, что ему осталось только четверть часа здесь быть, поскорее нужно идти. <...> Когда выбегает за заставу, которой был его челн (был мелом очерчен вроде челнока), сел в него и поехал». Преследуемый проснувшейся (по его вине) богатыршей, Иван-царевич в отчаянии поминает старика. «Только он эти слова проговорил, очутился опять у старика на столе»[6].

Ясно, что мотив «перелета» в нарисованной лодке подвергся порче. Это выражается в неясности описания, в избыточных деталях (портрет, часы), которыми сказитель пытался «подкрепить» уходящий из живого бытования мотив. Однако реликты мотива налицо: на столе у старика начерчен не круг, а челнок, в нём герой и перенесся в царство Усоньши, а после выполнения задачи сел в него и поехал. Этот мотив — ближайшая русская параллель к чудесному бегству Стеньки Разина.

Необходимо отметить, что данный мотив не принадлежит к числу распространённых на Руси. В европейском фольклоре известны мотивы оживающей статуи, одушевлённого портрета, перемещающейся в пространстве иконы, однако превращение изображённого предмета в реальность с последующим использованием превращённого предмета — это восточный мотив, не характерный для Европы и для России.

Зато мы находим его в китайской (ханьской) сказке «Ма-лян и волшебная кисть». В ней бедному юноше является во сне седобородый старик и дарит волшебную кисть. Она остается при герое и после его пробуждения. Все, нарисованное этой кистью, мгновенно оживает. Ма-лян рисует для бедняков мотыги, плуги и т. д.; заключённый врагами в тюрьму, бежит из неё при помощи нарисованной лестницы и нарисованного коня, расправляется с погоней, нарисовав лук и стрелу, которая тут же убивает преследователя.

Узнавший о волшебной кисти император призывает Ма-ляна и пытается подчинить его себе. По его приказу Ма-лян рисует море, на нем корабль, на который поднимается император со свитой. Но творение продолжается: император требует, чтобы ветер дул сильнее; тогда Ма-лян рисует бурю, и корабль погибает со всеми пассажирами, а живописец исчезает[1].

В ханьской сказке мотив бегства по нарисованной лестнице выступает отдельно от мотива нарисованного корабля. Но существует ещё более поразительная параллель к сказанию о бегстве Степана Разина. Французская исследовательница академик Маргерит Юрсенар в книге «Восточные сказания» приводит китайскую легенду о гениальном живописце, которого император за непокорность приговорил к ослеплению и отсечению руки. Живописцу позволено написать последнюю картину: на глазах палача он пишет море и достигает полной иллюзии. Затем, прежде чем палач успел вмешаться, живописец рисует на волнах парусник и на нем уплывает из тюрьмы[2].

[6] Там же. С. 56.
[1] Сказки народов Китая. М., 1961. С. 91 – 95.
[2] Yourcenar Marguerite. Nouvelles orientales. Gallimard. P., 1975.

Эти сказки отмечены некоей изысканностью высокой культуры и содержат прославление магической силы иллюзионного изображения. Трудно отрицать перекличку указанных сюжетов с мотивом бегства Стеньки в нарисованной лодке. Различие в том, что у китайцев выступает тип героя-живописца, что соответствует древним традициям китайской культуры. В Китае издревле ценились «жизнеподобие» и иллюзионизм, что совершенно не характерно для Византии или древней Руси.

Если говорить о волшебных ладьях, мгновенно покрывающих большие расстояния, то необходимо привести мнение А. Н. Афанасьева: «Русские сказки рассказывают о летучем корабле, который подобно птице может носиться по воздушным пространствам с изумительной скоростью. По свидетельству одной сказки, он находился во власти мифического старика, отличительным признаком которого были чудовищные брови и ресницы, т. е. во власти бога-громовника, которому тучи служат бровями, молнии — очами»[1].

Конкретные наблюдения великого учёного, как всегда, весьма ценны: так, его описание мотива летучего корабля и владеющего им «старика» близки к материалу цитированной выше сказки «Усоньша-богатырша». Однако данное А. Н. Афанасьевым объяснение мотива (летучий корабль — метафора грозовой тучи) не может сегодня считаться убедительным. Мотив волшебной ладьи скорее следует возводить к мифам (в том числе славянским) о движении Солнца по небу в ладье либо о его ночном «возвратном плавании» с запада на восток по морю. К этой мифологической основе прибавилось тоже весьма древнее представление о магии изображения. Так сложился мотив нарисованной лодки — быть может, реликт «мифа о солнечной езде, представленного в солярных ладьях Египта, Швеции, Урала»[2].

> Но при такой широте распространения сходных культурно-стилистических явлений не должны ли мы рассматривать аналогию сказания о китайском живописце и о бегстве Разина из тюрьмы как результат конвергенции?[b]

Китайская легенда из сборника М. Юрсенар и русское сказание о бегстве Разина имеют ряд сходных деталей и полностью аналогичный центральный мотив. Вряд ли стоит здесь говорить о заимствовании, но допустимо генетическое родство сюжетов: возможно, они восходят к одному источнику — *древнесибирскому.*

Академический компаративизм прошлого века крайне преувеличивал роль восточных влияний в славянском мифообразовании и былинном эпосе. Подобная «индомания» давно отвергнута русской наукой. Но серьёзные учёные никогда не отрицали самого факта восточных влияний: речь идёт о трезвом определении границ этих влияний и их значения.

С другой стороны, известно, что в том колоссальном расовом синтезе, который привел к образованию самой многочисленной нации нашей планеты, принимали участие и народы, пришедшие с юга (вплоть до негроидов Юго-Восточной Азии), и северные народы, в том

[1] Афанасьев А. Н. Древо жизни. С. 136.

[2] Хлобыстина М. Д. Древнейшие южносибирские мифы в памятниках окуневского искусства // Первобытное искусство. Сборник статей. Новосибирск, 1971. С. 176.

[b] Из рукописной редакции. АРГН. Оп. 1, д. 90, л. 0091.

числе пришельцы из Сибири. Древнейшей религией Китая был шаманизм, обнаруживающий черты сходства с сибирским. Окуневские петроглифы, как и сибирские шаманские камлания, могут рассматриваться как один из источников древнекитайских фольклорно-магических традиций.

> По сути дела, с момента первых контактов восточного славянства с ираноязычными и тюркоязычными народами связь славянской культуры с Востоком *не порывалась никогда*. Поэтому шедшие к Тихому океану русские землепроходцы были внутренне готовы к восприятию новых элементов восточных культур. Они были полны того жгучего интереса к Востоку, который в равной мере характерен для Афанасия Никитина, Иакинфа Бичурина, Василия Верещагина, для Пржевальского, Арсеньева, Козлова и других зиждителей моста между Западом и Востоком.
>
> Предполагаем, что мотив нарисованной лодки вошёл в русский фольклор не ранее XVII века и причём именно через посредничество землепроходцев Сибири.[c]

Последним вопросом, в таком случае, становится проблема медиации. Довольно редкий для Руси мотив бегства в нарисованной лодке мог быть принесен казаками — отважными и любознательными землепроходцами. Но не исключено и более раннее вхождение мотива в русскую культурную среду.

Ведь «Усоньшу-богатыршу» А. И. Худяков записал в Рязанской губернии. Рязанщина же явилась аванпостом русского сопротивления нашествию Батыя, а в дальнейшем была частично заселена татарами, которые постепенно растворились в русском населении (Касимовское царство). Эта ассимиляция не могла пройти бесследно. В нашем конкретном случае мы вправе предполагать не только восточное происхождение мотива нарисованной лодки, но и татарскую медиацию.

Сюжет об оживающей статуе[a]

Широко известно греческое предание о Пигмалионе, влюбившемся в изваянную им статую прекрасной женщины; Афродита по его молитве оживила статую, и Пигмалион женился на Галатее.

От этого сюжета о превращении статуи в живое человеческое существо принципиально отличаются рассказы о статуях, живущих скрытой жизнью; в определённые важные моменты подобная статуя внезапно и самопроизвольно оживает, но лишь на время и не переставая быть статуей. Эти рассказы восходят к эре фетишизма, пережитки которого сохранились во многих религиях; библейский Ковчег Завета и жезл Аарона — это фетиши,

[c] Из рукописной редакции. АРГН. Оп. 1, д. 90, л. 0092.

[a] Основной текст главы публикуется по: Сюжет об оживающей статуе // Фольклор народов РСФСР. Вып. 18. Уфа, 1991. С. 24 – 37.

равно как для средневековых христиан фетишами были древо Истинного Креста, ключи святого Петра, сорочка Девы Марии во Франции и многое другое.

> Древнейшие культовые изображения ещё весьма примитивные, сохраняли в глазах верующих все признаки фетиша, но с добавкой антропоморфных представлений: так, перед идолами ставили еду. В зрелой античной культуре наблюдается интересный процесс или, вернее, закономерность — обратно пропорциональная зависимость между художественным совершенством и сакральностью изображения. По мере художественного прогресса угасает сакральность статуи, приходится ваять Зевса всё огромнее, Афродиту всё обольстительнее, сочетать золото со слоновой костью, чтобы великолепие заменило слабеющую силу непосредственного религиозного трепета. Чем выше эстетическая ценность статуи, тем дальше она от фетиша, тем меньше благоговения она внушает. Самые «гуманистические» из культовых статуй слишком близки к человеку.[b]

В олимпийской религии древних греков явление фетишизма незаметно, однако знаменитый афинский процесс о гермокопидах (415 г. до н. э.), подорвавший карьеру Алкивиада, свидетельствует со всей очевидностью, что архаические фетиши (гермы) пользовались в Афинах большим почтением. С ними связывалось благополучие Афин: фетиши охраняют город. Если бы не эта глубокая убеждённость, вряд ли олигархам, инициаторам процесса, удалось бы добиться столь суровых приговоров.

> Накануне отплытия блестящего демагога Алкивиада в сицилийскую экспедицию афиняне были потрясены неслыханным кощунством: неизвестные лица искалечили древние и самые почитаемые фетиши — гермы, представлявшие собой простой каменный блок с головой и фаллом. Алкивиад, несомненно, был вольнодумцем и эстетом, который насмехался над устарелыми сторонами культа и видел в гермах лишь комическую непристойность: его обвинили в изувечении герм, что угрожало бедой городу. Процесс был инспирирован олигархами; многие сторонники демократии были по этому делу приговорены к смертной казни с конфискацией имущества. Отзыв Алкивиада и его бегство стали началом целой серии афинских неудач и поражений. Позже эта история наложила свой отпечаток и на процесс Сократа, учеником которого был Алкивиад.
>
> Этот эпизод афинского упадка позволяет нам ощущить то отношение, к культовой статуе, которое видит в ней фетиш и связывает с нею благополучие города.[c]

Античная статуя нередко выступала в роли материально воплощенного бога-покровителя (лат. genius loci). Поэтому завоеватели увозили из покорённых стран их культовые статуи и фетиши, как филистимляне, победив евреев, увезли Ковчег Завета (см. 1 Царств, 5).

[b] Из рукописной редакции. АРГН. Оп. 1, д. 69, л. 7602.
[c] АРГН. Оп. 1, д. 69, л. 7602.

> ...увезли Ковчег Завета и поставили в храме Дагона; последовала «битва фетишей» в закрытом на ночь храме, где утром обнаруживается статуя Дагона, а ещё через сутки она искалечена и обезглавлена (1 кн. Царств, 5, 2 – 4).[d]

Прогресс античного скептицизма вынудил жрецов предпринимать попытки оживления фетишистской традиции. Античные авторы сообщают о статуях богов, которые в момент жертвоприношения поднимали руки, благословляя жертвователя. Механика этого трюка несложна (скрытая система блоков); техника эпохи эллинизма уже создала первые паровые двигатели (Герон Александрийский). Для нас интереснее побудительные причины этих изобретений. Видимо, по мере вытеснения непосредственной веры эстетическим отношением к религии жрецы устройством таких чудес стремились поразить воображение толпы, реактивировать её древние суеверия и наглядно доказать одушевлённость культовых статуй.

С тою же целью фабриковались рассказы о чудесах. Во II веке знаменитый насмешник Лукиан Самосатский, пародируя храмовые легенды, ввёл в литературу сюжет о мести статуи. В его диалоге «Любитель лжи, или Невер» один из собеседников рассказывает о медной статуе коринфского полководца Пелиха, которая обладала даром исцеления больных; по ночам она сходила с пьедестала, обходила вокруг дома, умывалась у колодца. Исцелённые приносили к её подножию золотые и серебряные монеты. Однажды конюх посмел украсть эти приношения и был жестоко наказан статуей: «целую ночь жалкий этот человек кружился по двору и не мог из него выбраться, словно попал в лабиринт; когда же наступил день, то был пойман с поличным. Схваченный на месте преступления, он получил немало ударов и, недолго прожив после этого, умер, подлец, подлою смертью от ударов плетью, так что на утро видны бывали на его теле синяки».

Итальянский историк религии Амброджо Донини связывает учащение таких трюков с кризисом античной религии и её борьбой против христианства: «Во второй половине IV века, когда Римская империя распадалась под ударами новых экономических и общественных сил, нашедших свое выражение в возникновении христианства, мы наблюдаем полную гамму всевозможных “чудес”, посредством которых языческий мир стремился утвердить в сфере сверхъестественного свое превосходство... Историки этой эпохи рассказывают нам о языческих статуях..., которые трепетали на своих пьедесталах, открывали и закрывали глаза, плакали чудотворными слезами и потели»[1].

Массы верили в одушевлённость статуй, как верили и киевляне 988 года в одушевлённость своего Перуна: когда этот идол, сброшенный по приказу князя Владимира, плыл по Днепру, киевляне бежали вдоль берега и взывали: «Выдыбай, Перуне, выдыбай!».

Раннее христианство Европы повсюду было пронизано реликтами язычества. Крещёные варвары носили дедовские амулеты и приписывали христианским культовым статуям ту же скрытую жизнь, какою ранее наделяли идолов. Проявлениями скрытой жизни статуи обыч-

[d] АРГН. Оп. 1, д. 69, л. 7603.

[1] Донини А. Люди, идолы и боги. М., 1961. С. 31.

но считались внезапно проявляющийся у неё дар речи[e] и способность самопроизвольного движения. В византийской легенде о чудотворных иконах, которые могли летать по воздуху, говорить, источать кровь от удара кинжалом и т. п.[2], мы находим полную аналогию с оживающими статуями Западной Европы. Эта традиция нашла свое продолжение в древней Руси.

Так, согласно легенде о святом Меркурии Смоленском, славный город Смоленск был спасен от Батыя самою Богородицей в образе иконы Одигитрия; она стала «необоримою воеводою» города, а исполнителем своей воли избрала воина по имени Меркурий.

Русская летопись, рассказывая о Новгороде накануне его разгрома Иваном III (1478), приводит целый ряд чудес. Начинается с того, что святой старец Зосима, приглашенный на пир к Марфе Посаднице, сидел и плакал: он видел, что некоторые бояре, пирующие за столом, сидят без голов (впоследствии они были казнены). Потом буря сломала крест на Святой Софии, величайшей святыне Новгорода. На гробах мучеников выступила кровь, сами собой звонили колокола; наконец, плакала икона Богородицы.

Во Франции XIII века анонимным автором была написана стихотворная легенда «Жонглер Богородицы» — фактически версия сказочного типа AT 827 («Простецкая молитва»).[1] Раскаявшийся жонглёр (занятие это считалось греховным) вступил в монастырь; монахи заметили, что он запирается в часовне и молится Мадонне в одиночку; подглядывая за ним, они видят, что странный монах скачет, кувыркается и пляшет перед статуей Мадонны; это кощунство преисполняет соглядатаев негодованием, как вдруг они видят, что Мадонна сходит с пьедестала и вытирает пот со лба своего простодушного поклонника[2]. Здесь статуя играет роль защитницы верного.

Статуи святых и монархов-градозиждителей стали покровителями средневековых городов. Иная статуя могла возбуждать подозрения в зловредности. «Флорентийские хронисты приписывали несчастья своего города и, в частности, раскол на гвельфов и гибеллинов влиянию изваяния Марса, стоявшего на Старом мосту и затем сброшенного в Арно»[3]. Иными словами, флорентийцы казнили статую самого сварливого из античных богов за «вредительство».

Католическая церковь, по мнению того же Донини, начала фабриковать чудеса в период кризиса, вызванного Реформацией: «В 1524 — 1527 годах, когда войска Карла V наводни-

---

[e]В рукописной редакции есть примечание: «Возможно, мотив говорящей статуи поддерживался долгой славой «колосса Мемнона»: то была статуя фараона Аменофиса III в Фивах Египетских, но греки усмотрели в ней колоссальное изваяние героя Мемнона, сына Эос (утренней зари). Треснувшая во время землетрясения, статуя ночью накапливала росу, которая утром испарялась, производя странные звуки: в э том греки слышали пение, которым Мемнон приветствовал свою мать-зарю». АРГН. Оп. 1, д. 69, л. 7604.

[2]См.: Византийские легенды. Л., 1972.

[1]«На основе легендарных сказок типа AT 826 и 827 Лев Толстой написал рассказ «Три старца». <...> 827 Простецкая молитва (Три старца): человек (двое, трое) молится неправильно: «Трое вас, трое нас, помилуй нас!» (или прыгает через колоду со словами: «Тебе, Боже, — мне, Боже!»). Священник учит его правильно молитве; тот её забывает и бежит за священником по воде; священник, убедившись в действенности его молитвы, советует ему молиться так, как он делал. Литературные обработки сюжета известны на Западе с XVI века». (АРГН. Оп. 4, д. «Сюжеты сказок и легенд по AaTh», л. 144619, 144634).

[2]См.: Хрестоматия по истории западноевропейского театра. М., 1953. Т. 1.

[3]Андреев М. Л. Примечания // Новеллино. М., 1984. С. 277 – 278.

ли Италию <...>, заговорили о первых религиозных изображениях, которые открывали и закрывали глаза: в церкви Ностра Синьора делла Грацие в Бреши, в одной пистойской часовне и в церкви Спасителя в Риме ("Мадонна Плачущая")»[4].

На основе народных суеверий и пропаганды чудотворных статуй в эпоху Возрождения и контрреформации складываются новые сюжеты остатуях, наделённых человеческими реакциями. Самый известный из сюжетов имел конкретную предысторию. У кастильского короля Педро Жестокого (XIV век) был придворный по имени Хуан Тенорио; пользуясь фавором короля, он безнаказанно распутничал, совращал дам и девиц, а ревнивых мужей убивал на поединках. Так от руки Хуана погиб командор одного рыцарского ордена, защищавший честь дочери; его погребли в фамильной часовне, находившейся в монастыре францисканцев. Пожар истребил часовню вместе с надгробным памятником командора. Вскоре монахи заманили королевского любимца в свой сад, убили его и тайно зарыли, а затем распустили слух, будто оскорблённая доном Хуаном статуя командора явилась к обидчику и увлекла его вместе с собой в преисподнюю.

Таким образом монахи-мифотворцы развили древний мотив «мстительной статуи» (у Лукиана это тоже был памятник). В надгробной статуе воплотился дух убитого командора, но сакрального характера она не имеет. Эта легенда, впервые обработанная Тирсо де Молиной в 1630 году, дала начало разветвленной и богатой сюжетной традиции. Почти во всех её версиях доминантным мотивом остаётся оживающая статуя, мстящая своему оскорбителю.

Мотив «мстительной статуи» принял новую форму в связи с иконоборством Реформации. Протестанты XVI века истребляли культовые статуи как объекты католического «идолопоклонства»: особенно бурным был погром церквей в начале нидерландского восстания (август 1566 г.). В Англии иконоборцы Пуританской революции, с молотками в руках карабкаясь по приставным лестницам на карнизы соборов, отбивали у статуй уши и носы, ибо незадолго до этого палачи Стюартов отрезали уши и носы у пуританских памфлетистов: революционеры вымещали свой гнев на статуях по закону равного мщения (jus talionis) Случалось, что иконокласты падали с лестниц и разбивались: это давало католическим агитаторам пищу для легенд о том, что тот или иной кощун был сброшен с высоты разгневанной статуей святого.

Иное направление получила фольклорная фантазия в связи со статуями светского характера. В эпоху Возрождения итальянцы стали коллекционировать античные статуи и ваять по их образцу новые. Статуи языческих богинь или женские аллегорические фигуры смущали верующих своей наготой; в то же время эротика в скульптуре той эпохи породила редкий вид фетишизма — осквернение статуй сексуальными маньяками.

В церковных проповедях против идолофилии приводились назидательные примеры гибели грешников, соблазнившихся красотой мраморных богинь. Уже в Средние века появилось представление о Госпоже Венере как великой губительнице христианских душ (легенда о Тангейзере); теперь это представление распространялось на статуи «белой дьяволицы».

[4]Донини А. Люди, идолы и боги. С. 34.

В смягчённой форме идолофильская тема выступает у Шекспира в «Зимней сказке», где король Леонт влюбляется в статую, ещё не зная, что ею притворилась его собственная мнимо умершая жена Гермиона. Из средневековых легенд о Госпоже Венере и позднейших устрашающих проповедей против идолофилии сложился сюжет о «браке со статуей», окрашенный мрачным эротизмом: изваяние богини, с которой вольнодумец вздумал играть рискованные шутки, не желает отпустить смельчака и душит его в своих каменных объятиях. Так наряду со статуей-покровительницей и статуей-мстительницей появилась и жуткая «влюбленная статуя».

В эпоху романтизма этот сюжет обработали Томас Мур в балладе «Кольцо», Йозеф фон Эйхендорф в «Мраморном кумире» и Проспер Мериме в двусмысленной новелле «Венера Илльская». В сюжете о статуе, убивающей своего любовника или жениха, можно заметить родство с темой вампиризма и сюжетом о мёртвой невесте («Коринфская невеста» Гёте, «Немецкий студент» В. Ирвинга).

Как внешнюю форму использовал мотив влюблённой статуи Генрих Гейне в замечательном Прологе своей «Книги песен». Поэт, блуждая по сказочному лесу, набредает на заброшенный замок, охраняемый прекрасной и страшной статуей Сфинкса — с лицом девы. Статуя увлекает поэта своей красотой, и он целует ее усмехающиеся губы.

Холодный мрамор стал живым,
Проникся стоном камень, —
Он с жадной алчностью впивал
Моих лобзаний пламень.

Он чуть не выпил душу мне, —
Насытясь до предела,
Меня он обнял, и когти льва
Вонзились в бедное тело...

(Перевод А. Блока)

Гейне говорит о нераздельности любви с мучительными страданиями, и его образ хищной возлюбленной статуи отчасти уже предваряет модернистскую трактовку темы.

Молодой Гейне, говоря о нераздельности щедрот любви с мучительными страданиями, не мог, разумеется, предугадывать, каким жутким пророчеством окажется его «Пролог».

В мае 1848 года уже больной прогрессивным параличом, Гейне в последний раз вышел из дома и едва добрался до Лувра, куда он шёл проститься со своими «дорогими идолами». Несколько позже он рассказал: «Я едва держался на ногах, когда вошёл в торжественный зал, где на высоком пьедестале стоит богиня красоты, наша прекрасная Венера Милосская. Долго лежал я у её ног и плакал

так горько, что камень должен был сжалиться надо мной. И богиня смотрела на меня с состраданием, но в то же время так безутешно, словно хотела сказать: разве ты не видишь, что я без рук и не могу помочь тебе!»

Эта горькая шутка, казалось бы достойно завершала историю мотива «влюблённой статуи», однако он оказался весьма живучим. Легенды об оживающих статуях получилил особое развитие в русской литературе.[f]

Легенды об оживающих статуях получили своеобразное развитие в новой русской литературе.

II

Среди прочих отличий от католицизма греко-православная церковь установила запрет на искусство скульптуры, трактуя его как языческое идолопоклонство. Культовое искусство восточного христианства — строго двухмерно: фреска, мозаика, икона, книжная миниатюра. Этим объясняется столь неравное развитие живописи и скульптуры в изобразительном искусстве древней Руси и отсутствие мотивов скульптуры в фольклоре (хотя у белорусов, знакомых со статуями польского костела, эти мотивы изредка встречаются в сказках).

В эпоху Петра I на Руси появляется монументальная, а затем и портретная скульптура; вырастает Федот Шубин, приезжает на двенадцать лет Фальконе, затем появляется Михаил Козловский. Классицизм немыслим без скульптуры. Для поэзии Державина еще характерно в основном зрение живописца, для Батюшкова — словесная пластика. Молодой Пушкин страстно увлекался живописью и графикой, его стихи полны обращений к Кипренскому, Дау, Орловскому, упоминаний о Рафаэле и т. д.; однако с годами преобладание получает скульптура.

Поэтическая наглядность Пушкина трёхмерна, пластична: вспомним хотя бы «две жёрдочки, склеёны льдинкой» (из сна Татьяны), или знаменитый стих «Придёте кудри наклонять и плакать» («Каменный гость»). А как он изображал беззубое старческое шамканье: «Устами праздными жевал он имя Бога. . . » Соотношения масс, объёмы и рельефы — всё это можно найти в поэзии Пушкина.[g]

Его зачарованность скульптурой все сильнее сказывается с конца 20-х годов; она становится ведущей темой уже в трагедии «Каменный гость». Пушкин вполне оригинально разработал сюжет о Дон Жуане, но всё же этот сюжет традиционный, заимствованный с Запада. Зато эта трагедия подготовила в пушкинском творчестве сюжет «Медного всадника».

Если согласиться Белинским в том, что главный герой поэмы «Медный всадник» — сам Петербург, то следует вспомнить, что уже в конце XVIII века статуя Петра I работы Фальконе стала центральным символом Петербурга и воспевалась в русской классицистской

[f]Из рукописной редакции. АРГН. Оп. 4, д. 54, л. 0462, 0463.
[g]Из рукописной редакции. АРГН. Оп. 4, д. «ДГ10», л. 7187.

поэзии как олицетворение духа-покровителя (genius loci). В своей великой поэме Пушкин опирался на специфический петербургский фольклор с его наводнениями и царственными призраками, на значительную литературную традицию, в которой Петербург *противопоставлялся* России и которая восходит ещё к пропаганде антипетровской оппозиции, а также на совершенно новые, привнесённые в Петербург западными влияниями слухи об оживающей статуе Петра.

> Исток легенды о Петербурге — предсказание его неминуемой гибели от воды, исходившее из кругов антипетровской оппозиции (возможно, от заточённой в монастырь царицы Евдокии). М. И. Семевский относит к 1722 году слухи о зловещих знамениях в Троицком соборе, возникшие среди духовенства и быстро охватившие весь город: «Петербургу быть пусту!» Дьякон от Троицы, который первым разнёс слух о грозящем запустении Петербурга был осуждён на три года каторги.[1]
>
> Идейные тенденции этих предстказаний совпадали с пророчеством старца Филофея о всемирно-исторической миссии Москвы: «Два Рима падоша, а третий стоит, а четвёртому не быти». Своевольное возвеличение Петром его невской столицы ассоциировалось во многих умах с понятием «четвёртого Рима» и представлялось кощунством, с необходимостью влекущим за собою божью кару. Местные финны хорошо помнили грандиозное наводнение 1691 года, затопившее всю дельту Невы. Итак, Петербургу суждено быть затопленным.
>
> Но главный смысл предсказания о гибели Петербурга — не божья кара и не месть стихий. На современников страшное впечатление произвели строительные методы великого плотника, безжалостное обращение Петра с «человеческим материалом». Петербург построен на костях мужиков. Иностранцы называли огромные цифры: датский посол, например, исчислял погибших при строительстве Петербурга в 60 тысяч. Русский народ был потрясён такими египетскими строительными расходами — отсюда и глухая ненависть крестьянства к деятельности Петра, и представление о греховности Петербурга.[h]

Этим истокам «Медного всадника» была посвящена наша специальная работа, опубликованная в 1975 году[2].

В прославленной кульминации «Медного всадника» Пушкин обнажил нерв петербургской легенды — протест против подавления личности железной властью Петра, т. е. новой государственной машиной. Но при этом поэт-гуманист произвел в легендарном сюжете очень важную трансформацию: функция мести и угрозы царю переходит от стихии к человеку, от мифических заступников русского народа, карающих потопом греховный город, —

[1] Семевский М. И. Слово и дело: 1700 – 1725. Изд. 3-е. СПб, 1886, с. 95.

[h] Из рукописной редакции. АРГН. Оп. 4, д. 54, л. 00463.

[2] Назиров Р. Г. Петербургская легенда и литературная традиция // Традиции и новаторство. Сборник статей. Уфа, 1975. С. 122 — 135.

к живому страдальцу. Впервые маленький человек, заменив карающую стихию, восстает против величественного «Медного всадника».

Заметим, что живой Петр I в прологе поэмы величественно-задумчив и привлекателен. О памятнике же его говорится: «Ужасен он в окрестной мгле!» И то, что медный кумир оживает в кульминационный момент сюжета, делает его ещё более устрашающим. Разгневанный невнятной угрозой Евгения, Медный всадник всю ночь преследует его по улицам Петербурга. И далее «безумец бедный» будет робко сторониться грозной статуи. Но всё же был ведь миг, когда он дерзнул бросить ей вызов: это минутное противостояние «маленького человека» страшному кумиру означает колоссальное возвышение страдающей личности.

Нужды нет, что Евгений столь зауряден (в первой редакции поэмы его индивидуальность была полнее разработана): он представляет новую, существенно городскую массу, а не традиционно понимаемый народ — великое крестьянское сословие. И Медный всадник, как уже отмечалось, весьма отличен от реального Петра из пролога: точнее говоря, различно авторское отношение к живому Петру и к его кумиру. Возможно, для Евгения в этом отношении в этом памятнике воплощён дух самого Петра, но для читателя (и, думается, для Пушкина) дело обстоит противоположным образом: Медный всадник — это вовсе не тот монарх-преобразователь, который стоял на берегу, «дум великих полн», а бронзовая абстракция, беспощадно односторонняя «государственная необходимость». Сам Пушкин склонял перед нею голову — по крайней мере, в письме к В. А. Жуковскому от 7 марта 1826 г.: «Каков бы ни был мой образ мыслей, политический и религиозный, я храню его про самого себя и не намерен безумно противоречить общепринятому порядку и необходимости»[1].

«Безумно противоречить» — это о декабристах и близких им кругах. Но терпеть духовное рабство Пушкин тоже не мог, что бы ни говорили о его «капитуляции» перед режимом. Свой протест против леденящего николаевского деспотизма он объективировал в образе безумца и с ним дерзнул «безумно противоречить» — но кому же?

Разуверясь в сходстве Николая I с его «пращуром» Петром (ср. «Стансы», 1826), Пушкин и Медного всадника превратил в гнетущий символ «петербургской» государственности. Оживающая статуя в поэме Пушкина — уже не ge ni us loci, как в казённых стихах (например, «Петр град» С. П. Шевырева, 1829), а мстительница за кощунство: образ весьма сложный, характеризующийся острой напряжённостью между привычной эмблематичностью Фальконетова монумента и его глубоким символизмом в мышлении Пушкина.

С. М. Бонди справедливо подчеркивал трагическую незавершённость поэмы «Медный всадник»[2]. И не зря поэма кончается молящими словами «ради Бога». Пушкин, оспаривая известную сатиру А. Мицкевича на Петербург, открыл трагедию в сердце великого города; это собственная тоска поэта сквозит в финале поэмы, вопреки мажорному гимну «Вступления»: «Красуйся, град Петров, и стой. . . ». Это трагическое предчувствие найдет

[1] Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. X. М., 1966. С. 203 -204.
[2] См.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1961. С. 406.

продолжение в Петербурге Достоевского. В 1910 году А. Блок записал в дневнике: «Медный всадник» — все мы находимся в вибрациях его меди».

> Но петровские принципы крайне централизованной государственности пережили революцию 1917 года и даже были ужесточены; по сей день набатный звон великой поэмы Пушкина остаётся для нас близким и тревожным.[i]

«Безумно противореча» антигуманной власти, Пушкин сам же ощущал себя почти святотатцем. Решения у него не было; решение завещано потомкам. Конечно, легенда о Дон Жуане в XIX веке обогатилась большим философским содержанием, однако именно в поэме «Медный всадник» легендарный сюжет об оживающей статуе приобрел небывалую глубину и совершенно новый трагизм, которые более говорят нашему времени, чем загробная месть Командора.

Роман Якобсон в интересном исследовании «Статуя в поэтической мифологии Пушкина» объединяет «Каменного гостя», «Медного всадника» и «Золотого петушка» как три версии созданного Пушкиным «мифа о губительной статуе». Фольклорные истоки этого мифа исследователя не интересуют, что приводит к натяжкам: сюжет «Золотого петушка» совершенно искусственно пристегнут к мифу о губительной статуе.

При этом Якобсон сам хорошо видит отличия последней сказки Пушкина от этого мифа: он тонко отмечает, что золотой петушок соотносится не с объектом изображения (как статуя Командора и Медный всадник), а со своим владельцем, старым скопцом[1]. Но ведь это значит, что петушок на спице — вообще не статуя. Разве не ясна функция золотого петушка как магического инструмента? Далее Якобсон признает царя Дадона «весьма нелепой фигурой» и приводит мнение Анны Ахматовой, что в Дадоне «воплотились черты Александра и Николая»[2] — притеснявших Пушкина царей. Но это значит радикальное отличие внутриструктурных отношений сказки от мифа о «губительной статуе».

Якобсону было хорошо известно открытие Ахматовой: «Золотой петушок» — вольная переработка «Легенды об арабском звездочёте» из сборника Вашингтона Ирвинга «Альгамбра». Известно, какую массу испанских и арабских преданий переработал этот пишущий дипломат, создавая «Альгамбру». Почему же Якобсон не задумался о возможных параллелях в арабском фольклоре? А ведь они лежали на виду.

В сказках «1001 ночи», а именно в сказке «Рыбак и демон» (одной из популярнейших в мире), есть вставная история о царе Юнане, который был исцелён от тяжелой болезни мудрым врачом Дубаном, но затем по наущению злого визиря решил казнить мудреца. Перед смертью тот попросил положить его отрубленную голову на блюдо с кровоостанавливающим порошком и держать перед царём, пока тот отыщет определенную страницу в великой книге злосчастного мудреца. Так и было сделано, и отрубленная голова глядела, как царь Юнан листает книгу; некоторые страницы её оказались слипшимися, и царь слюнил пальцы,

[i] Из рукописной редакции. АРГН. Оп. 4, д. «ДГ10», л. 7189.
[1] Якобсон Роман. Работы по поэтике. М., 1987. С. 149.
[2] Там же. С. 163.

разделяя их. Вдруг он побледнел и зашатался, вскричав: «В этой книге был яд! Я отравлен». И царь Юнан умер на глазах казнённого им Дубана. Это сюжет о посмертной мести мудреца, осуждающий неблагодарность властителей. Таков же сюжет «Золотого петушка»: нам ясно, что главная функция искусственной птицы — вовсе не охрана царства, а месть звездочёта. Золотой петушок и отравленная книга — это функциональные синонимы. К сюжетам об оживающей статуе это не имеет никакого отношения. Якобсон не распознал ядра сюжета.

Реализм XIX века холоден к легендам. Но в аллегорическом романе Натаниэля Хоторна «Мраморный фавн» (1860) мы видим причудливое моралистическое опровержение мифа о Пигмалионе. Статуя фавна превращается в человека, причем для полного очеловечения оказалось необходимым преступление (убийство несчастной Мириам) и очистительная драма совести.

И. А. Гончаров в письме к С. Л. Никитенко (июнь 1869 г.) с понятной резкостью отозвался об этом романе Хоторна, объявив его фабулу, характеры и положения «дикими до крайности». Но странным образом эти романтические мотивы дразнили воображение самого Гончарова: в романе «Обрыв» он ввёл сновидение Марфиньки, в котором оживает целый музей классических статуй. Последним ожил Геркулес: «Большой такой, до потолка! Он обвёл всех глазами, потом взглянул в мой угол... и вдруг задрожал, весь выпрямился, поднял руку; все в один раз взглянули туда же, на меня — на минуту остолбенели, потом все кучей бросились прямо ко мне». Марфинька закричала и в ужасе пробудилась.

Этот «поэтический сон» (часть характеристики юной героини) причудливо сочетает сюжет об оживающей статуе с мотивами из финала гоголевского «Вия». Недаром же Гончаров в большой мере оставался учеником Гоголя, у которого тоже «оживает» в сновидении Черткова портрет демонического ростовщика.

Романтические традиции воскресли в конце XIX века. Дмитрий Мережковский, несомненно, питал слабость к романтической идолофилии. Он поэтизирует чувственное восхищение статуей Венеры в романе «Леонардо да Винчи» (1901), но со вкусом описывает и совершенно иную сцену — получение античной статуи в Петербурге, когда солдат с циничной шуткой непотребно лапает мраморную богиню, за что незамедлительно получает затрещину от самого царя Петра («Пётр и Алексей», 1905). В стихотворении Мережковского «Сакья Муни» статуя Будды склоняется к нищему, чтобы он мог завладеть украшающим её алмазом. Это типичная «экклезиастическая легенда», только одушевленная статуя представляет не христианского святого, а Будду[1].

Мотивы идолофилии довольно популярны в искусстве раннего модерна и, растворяясь в литературе, находили отражение у совершенно чуждых модерну писателей. В рассказе А. П. Чехова «Ионыч» (1898) изумительное описание кладбища (возможно, Таганрогского) связано с поздней лирикой Пушкина и соединяется с «экзистенциалистскими» размышлениями Старцева перед могильными памятниками: «Как в сущности нехорошо шутит над

[1]Суть дела не меняется от того, что Мережковский в данном случае не работал с подлинными текстами, а заимствовал сюжет из поэзии С. Я. Надсона («Три встречи Будды»).

человеком мать-природа, как обидно сознавать это! Старцев думал так, и в то же время ему хотелось закричать, что он хочет, что он ждет любви во что бы то ни стало; перед ним белели уже не куски мрамора, а прекрасные тела, он видел формы, которые стыдливо прятались в тени деревьев, ощущал тепло, и это томление становилось тягостным. . . ».

Здесь Чехов дал психологически точное развертывание идолофильской ноты в той духовной сложности конца XIX века, которую утрированно выражали модернисты.

> Чехов гораздо сильнее впечатляет нас этой сдержанной правдой, чем его литературный противник Мережковский, специально озабоченный темой идолофилии.[i]

Всё же, по-видимому, в литературе на рубеже XIX — XX веков главенствующим продолжал оставаться мотив «мстительной статуи». Очень оригинально развила его Сельма Лагерлёф в детском романе «Чудесное путешествие Нильса Хольгерсона по Швеции» (1906 -1907). Она использовала ряд сказок и легенд балтийского ареала: то её сильно уменьшенный герой попадает в Винету, погружённую на морское дно и всплывающую раз в сто лет; то он выступает в роли крысолова из Хамельна. Но один из эпизодов, как нам представляется, навеян «Медным всадником» Пушкина: в ночном городе проказливый Нильс дразнит деревянную статую грозного шведского короля, и вдруг оказывается, что по ночам этот памятник способен оживать. Со страшным скрипом деревянный король отделяется от пьедестала и гонится по улицам за дерзким мальчишкой; Нильса выручает другая статуя — деревянного солдата, на которого и обрушивается ярость короля.

Тему «Медного всадника» пародийно обыгрывает молодой Маяковский в стихотворении «Последняя петербургская сказка» (1913 -1916). У него статуя Фальконе в последний раз оживает и сходит со своего финского монолита — вместе с медной змеёй. Хлопотливый Петербург не обращает внимания на это чудо, лишь кто-то рассеянно бросил «извините», нечаянно наступив на хвост змеи. И только когда в бронзовом коне «проснулась привычка древняя» и он начал жевать соломинки для коктейля, ресторанная публика заметила ожившую скульптурную группу — и осмеяла её. Ошеломлённые и пристыженные, медный Пётр, его конь и змея возвращаются на свою скалу, чтобы никогда более не покидать её.

Разумеется, это не просто пародия на поэму Пушкина, а сатира на деляческую суету и буржуазный снобизм невской столицы.

> В ней не принято чему-либо удивляться, даже коню и змее в ресторане, но если конь жуёт соломинки для коктейля, не понимая их предназначения, он будет осмеян: «Деревня!»

В то же время в стихотворении Маяковского можно увидеть своеобразное «полемическое продолжение» пушкинского сюжета и горько-ироническое «закрытие» всей традиции, как не соответствующей прозаизму нового века.

[i]Из рукописной редакции. АРГН. Оп. 4, д. «ДГ10», л. 7191.

> Такая трактовка романтико-легендарных сюжетов представляется оправданной в эпоху культурной перенасыщенности, а такою была культурная ситуация России 1900 – 1910-х годов.[j]

И всё же в данном случае Маяковский отчасти ошибался: литературная история сюжета об оживающей статуе не была исчерпанной, и век скоро ощутил настоятельную потребность в романтизме.

III

Совершенно естественно, что сюжет об оживающей статуе воскресил писатель неоромантического склада — талантливый фабулист Александр Грин. Он принадлежал к тем советским прозаикам 20-х годов, которые искали острой сюжетности и стремились обновить фабульный репертуар отечественной прозы. Опираясь на свой личный морской опыт, используя формы матросского фольклора, Грин в романе «Бегущая по волнам» (1928) выступает одновременно и как маринист, и как творец романтической легенды. Собственно у него морская романтика противопоставлена грязи и пошлости буржуазного мира и торжествует над ней.

Гриновская Фрэзи Грант — бессмертная девушка, вечно бегущая по волнам; она живёт на недоступном чудесном острове и покровительствует морякам, терпящим бедствие. Шире рассматривая сюжет романа, мы замечаем, что Фрэзи — это символ мечты, побеждающей прозу жизни, мечты же, согласно Грину, и есть высшая истина. Однако феномен этой нежной силы недоступен рационалистическому пониманию, и чудо открывается лишь простым сердцам моряков (людей из народа) или немногим избранникам, способным видеть и слышать тайное.

Как Медный всадник стал центральным символом Петербурга, так статуя легендарной девушки, спасительницы погибающих кораблей, превращена у Грина в главный символ экзотического портового города, окруженный народной любовью. Загадочная «морская богиня» Фрэзи — это, быть может, сказка, иллюзия, но каменную Фрэзи горожане любят как живое существо. Правда, иные столь же сильно ненавидят. Отношение к статуе служит критерием душевной просветлённости: её ненавидят богатые дельцы, «грязные души, уважающие только золото», если воспользоваться выражением Робеспьера. Итак, статуя оказывается центром романтически переряженного социального конфликта.

Герою романа Гарвею, когда он был оставлен в шлюпке посреди океана, довелось видеть Фрэзи Грант и говорить с ней. Исполненный жалости к человеческой личности Фрэзи, избравшей вечное одиночество самоотверженного служения добру, и восторженно благоговея перед её подвигом, Гарвей живет в состоянии скрытого экстаза, просветлённой мистической любви к неземной девушке. Его чувство сходно с любовью пушкинского Рыцаря Бедного к Деве Марии. Заметим, что в католической традиции одним из метафорических опреде-

[j] Эта и предыдущая вставка взяты из рукописной редакции. АРГН. Оп. 4, д. «ДГ10», л. 7192.

лений Марии является Stella Maria (Звезда морей), и она чтится как заступница терпящих бедствие моряков; что касается фантастического «бега по волнам», то этот мотив явным образом восходит к евангельскому хождению по воде — одному из чудес Христа. Образ Фрэзи Грант генетически связан с религиозными традициями.

Сам же романный герой, способный проникать за грань земного, слышать то, чего не слышат окружающие, и предсказывать (хотя бы неосознанно) будущее, представляет собой неоромантическую версию князя Мышкина из романа Достоевского «Идиот». В частности, это проявляется и в ситуации героя между двумя полярными женскими образами.

Мистическая любовь Гарвея к Фрэзи оказывается помехой его земной любви к Биче Сениэль — девушке прекрасной, но слишком гордой и рационалистичной. В ту роковую ночь на шлюпке Фрэзи предупредила Гарвея, что о ней ни в коем случае нельзя рассказывать его любимой Биче. Но Гарвей по забывчивости нарушил этот запрет. Фатализм «нарушенного табу», вечная тема мифа или волшебной сказки, придаёт сюжету романа «Бегущая по волнам» печальное очарование. Биче Сениэль не способна понять мистического обожания, которое Гарвей питает к Фрэзи. Аристократическая ясность и невозмутимая чистота Биче органически враждебны тайне. Грин показал нам прекрасное и достойное всяческой симпатии человеческое существо, не способное верить, а потому ограниченное в своем восприятии мира: такова же Аглая у Достоевского.

Так образуется редкий для русской литературы доминантный мотив сюжета — ревность земной девушки к неземной любви героя. Биче требует от Гарвея признания, что ночной встречи в океане не было, но Гарвей не может погрешить против истины. Он остается верен себе и отвечает: «Было». И они расстаются навсегда.

Кульминация романа — это битва за статую во время карнавала, когда наемники богачей пытаются уничтожить поэтический памятник. Гарвей своим телом заслоняет Бегущую и оказывается на волосок от гибели. И в этот миг лишь одному ему дано заметить, как маленькая женская рука — рука статуи — секундным защитным жестом простирается вперед и отталкивает огромную чугунную штамбу, которая в своём обратном падении разрушает повозку злоумышленников, убивая или калеча их самих. Статуя Фрэзи Грант на миг ожила, чтобы спасти своего верного поклонника и покарать своих врагов.

Оживающая статуя в романе Грина по своему значению синтетична: и душа города (genius loci), и защитница верного поклонника, и мстительница за кощунство. Бегущая наделена таинственной силой и обаянием женственности, но в ней нет ничего телесного, земного. Морская легенда о Фрэзи Грант — это замаскированная житийная легенда, а статуя Бегущей — это, в сущности, покровительница города верных, чистых душ, т. е. как бы статуя Девы.

Сюжет построен так, что Гарвей в конце концов вознаграждён за любовное крушение и находит скромное счастье с простодушно любящей девушкой, способной принять правду другого человека. Сложный авантюрно-мистический сюжет переходит в «отдых после боя» — несколько апатичный довесок к роману. Но Грин в самом конце взрывает эту про-

зу: мимо семейного уюта четы Гарвеев проносится живая Фрэзи Грант, а герои слышат её тёплый, дружеский голос. Торжествует сказочная стихия чуда, добра и красоты.

Сплетая целый ряд религиозно-фольклорных и чисто литературных мотивов в единый сюжет, Грин творчески преображает их и внутри авантюрного романа актуализирует жанр легенды.

> Этот своеобразный подвиг популярного беллетриста предварял и подготавливал более крупные творческие свершения, в том числе, по-видимому, и роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита».[k]

Грин дал сказочно просветленную и гуманизированную версию легендарного сюжета об оживающей статуе — ещё одно свидетельство того, что долговечность сюжетов возможна только в изменениях и что старые сюжетные традиции могут быть практически бесконечными.

[k]Из рукописной редакции. АРГН. Оп. 4, д. «ДГ10», л. 7195.

Заключение о диссертации Пермяковой Ларисы Анатольевны «Сакрализация женственности в прозе русского символизма» на соискание учёной степени кандидата филологических наук (специальность 10.01.01 — русск. лит-ра)

Р. Г. Назиров

В одном из предыдущих номеров мы писали о том, что Л. А. Пермякова отказалась от биографического интервью о Р. Г. Назирове. Сам же Р. Г. Назиров не отказывался писать о Л. А. Пермяковой. Ниже мы публикуем отзыв научного руководителя о диссертации Л. А. Пермяковой.*

Нам представляется, что публикация такого рода документов важна не меньше, чем текстов оригинальных исследований. На то, что отзывы являются важными памятниками интеллектуального труда, обращают внимание и в связи с наследием других заметных литературоведов: «И для характеристики Миши этот отзыв в моих глазах стоит в ряду с лучшим и наиболее значительным, что я читал из им написанного. Да, он, конечно, не работал над ним так, как над своими книгами и фундаментальными статьями. Но в этом отзыве выявился весь он, с зоркостью его научного взгляда, абсолютной выверенностью каждого довода и каждого слова»†.

Б. В. Орехов

Диссертационное исследование Л. А. Пермяковой, прежде всего, вносит свою лепту в восполнение заметного пробела нашей литературной науки: проза русского символизма всё ещё остаётся мало изученной. Л. А. Пермякова исследует важнейшие мотивы это прозы, её понимание человека, её эстетику. Ключевое понятие её исследования — сакрализация женщины, и оно прямо связано с «философией всеединства», разработанной крупнейшим идеологом русского символизма — Владимиром Соловьёвым.

Вдумчивый анализ его учения о Софии, Премудрости Божией, контрастно сопоставлен с обзором истоков символизма и выявляет принципиальное своеобразие русской версии это-

*Назировский архив. 2019. № 4. С. 109 – 110.

†Фризман Л. Г. Мише Гиршману, ученому и человеку // Теория и диалог: К 80-летию М. М. Гиршмана / сост. А. А. Кораблев // Литературоведческий сборник. Вып. 59 – 60. Донецк, 2018. С. 14

го художественного движения. Усвоение Соловьёва и попытки творческой реализации его мистического идеала в русской прозе обусловили особую значимость «младших символистов».

В диссертации одной из опор служит глава о Владимире Соловьёве и его учении, а второй опорой — анализ прозы Фёдора Сологуба; доселе из этой прозы исследован лишь роман «Мелкий бес», остальные произведения этого писателя в советскую эпоху игнорировались. Л. А. Пермяковой во многом удалось раскрыть их своеобразие.

При этом диссертантка проявляет редкий талант целостного рассмотрения литературы, когда художник и его творчество, личность и её деяние берутся в единстве. Это отнюдь не биографический метод XIX века, но это современный, культурный литературоведческий анализ, в котором за каждым мотивом, человеческим характером, сюжетным решением виден их творец. Мережковский, Брюсов, Сологуб, Блок, Белый, Зайцев и др. осмысляются через их творчество, но осмысляются именно как личности, как живые люди. Уважительное внимание к личностному элементу творчества в диссертации Л. А. Пермяковой полемически противостоит известной в XX формалистической тенденции «литературоведение без имён».

Историзм подхода к литературе в исследовании Л. А. Пермяковой проявляется в том, что сакрализация женственности предстаёт как яркое и своеобразное явление культуры, рецидив гностицизма в эпоху fin de siecle и одновременно русская попытка противодействия процессу деградации женщины под натиском назревающей сексуальной революции в Европе. Попытка эта, шедшая «против течения», в целом не удалась, однако имела огромную культурную ценность и очень важные художественные последствия.

В ходе такого культурологического (и отчасти аксиологического) рассмотрения символизма Л. А. Пермякова открывает внутреннюю эвлюцию русского символизма, постепенно переходящего от подражательного эстетизма к теургичности и синтетизму русского раннего модерна. Естественно, важнейшее место при этом отводится творчеству Андрея Белого, чей разрыв с «соловьёвством» сделал из него фактического зачинателя русского модерна. В то же время из диссертации явствует, что «соловьёвский» период Белого — это необходимая первая ступень его развития.

В работе Л. А. Пермяковой много самостоятельных, оригинальных наблюдений и выводов, в которых проявляется талант исследовательницы. Исследование опирается на солидную научную базу (см. библиографический индекс диссертации, № № 1–250). Первая, обзорная глава диссертации в адаптированном виде издана как учебное пособие для студентов (объемом 3 а. л.). Апробация работы в виде публикаций и научных докладов достаточна. Всё исследование отличается ясной и чёткой манерой изложения, сочетающей глубокую научность с изяществом стиля.

Л. А. Пермякова — сложившийся молодой учёный, её труд необходимо допустить к защите на соискание учёной степени кандидата филологических наук.

Научный руководитель
к. ф. н., доцент Р. Г. Назиров,

зав. Кафедрой русской литературы
и фольклора БашГУ
10 апреля 1996 г. Уфа.

Поэты-радищевцы и декабристская поэзия

Здесь же Бестужев-Марлинский

Р. Г. Назиров

Поэты-декабристы

Вильгельм Карлович Кюхельбекер (1797 – 1846)

Он родился в СПб, в обрусевший немецкой семье (дворяне, но незнатного происхождения). Учился в Царскосельском лицее, где дружил с Пушкиным и Дельвигом.

Кюхельбекер был «предметом постоянных и неотступных насмешек целого лицея за своих странности, неловкости и часто уморительную оригинальность» «Модест Корф). Он был высок, худ и сильно близорук. Насмешку вызывали и его стихи, ориентированные на **архаические** образцы (высокий штиль классицизма). Лицей создал ряд эпиграмм на Кюхельбекера, к-рого сокращённо называл **Кюхель**; две из этих эпиграмм написал Пушкин. Первое опубликованное в печати стихотв-ие Пушкина адресован Кюхельбекеру: «К другу стихотворцы» (1814).

Страшись бесславия. Что, если Аполлон,
Увидя, что и ты полез на Геликон,
С сомненьем покачав кудрявой головою,
Твой гений наградит спасительной лозою?

Но ещё обиднее концовка пушкинских «Пирующих студентов»:

. . . Писатель за свои стихи!
Ты с виду всех трезвее,
Вильгельм, прочти свои стихи,
Чтоб мне закрыть скорее!

Лицейская хроника отмечает частые ссоры и обиды Кюхельбекера на Пушкина, даже вызов Кюхельбекером Пушкина на дуэль (не состоялась, хотя в мемуарах Греча и есть анекдот об этой дуэли и о пистолетах, заряженных клюквой). Кажется, после «Пирующих студентов» Кюхель пытался утопиться в пруду. В лазарете его навестил Пушкин, просил простить, они обнялись.

Пушкин **любил Кюхельбекера за его золотое сердце**. Кюхельб. считал Пушкина гениальным поэтом. Ранний Кюхельб. — поклонник Жуковского и представитель «германического направления» в поэзии.

Прощаясь с Лицеем в 1817, Пушкин посвятил Кюхельбекеру стихотв-ие «Разлука», в к-ром обязался быть верным «святому братству».

Во время южной ссылки Пушкин критически отзывается о ряде произв-ний Кюхельбекера, но **ценит его эрудицию и независимость суждений**, называя его «живым лексиконом и вдохновенным комментарием».

После выхода из Лицея Кюхельб. недолгое время служил в Коллегии иностр. дел, преподавал русский язык и латынь в Благородном пансионе. В 1820 уехал за границу секретарём Нарышкина, в том же году имел **неск-ко встреч с Гёте**. В 1821 в Париже прочёл цикл публичных лекций по русской лит-ре, но получил от русского посольства приказ прекратить лекции и немедленно вернуться в Россию.

К 1822 относится «Пророчество» Кюхельбекера. С начала 20-х годов Кюхельб. примкнул группе, боровшейся против карамзинизма. Сам себя называл «романтиком в классицизме». Эта позиция особенно сближает его с Катениным и Грибоедовым: **неоклассицизм** Кюхельб. избирает высокие жанры (трагедия, поэма, сага, ода). Их гражданский пафос противостоял камерной лирике карамзинистов. В поэмах и лирике Кюхельбекера различными средствами создаётся образ поэта-патриота, к-рый борется против самовластия. Поэт — это «**пророк свободы**», возвращающий «глагол Господень», но отвергаемый людьми (позже тема Лермонтова).

> Потомство вспомнит их бессмертную обиду
> И призовёт на прах их Немезиду.

(«Участь поэтов»).

Новаторская тираноборческая трагедия Кюхельбекера «Аргивяне» (1822 – 1825) не окончена, до XX в. не публиковалась.

В 1822 Кюхельбекер выехал на Кавказ, служил чиновником особых поручений при наместники Ермолова, здесь сблизился с Грибоедовым. Но пылкий Кюхель имел неосторожность вызвать на дуэль одного подлеца — племянника Ермолова. Тот побежал жаловаться дядюшки. Ермолов сказал ему, что надо стреляться. Однако после дуэли (безвредной) Кюхельбекеру пришлось оставить эту службу.

В 1824 им написана «Смерть Байрона». В 1824/25 в Москве Кюхельбекер выпустил в Москве вместе с князем В. Ф. Одоевским четыре книги альманаха «Мнемозина», имевшие большой успех у читателей. Альманах отражал философские и эстетические взгляды декабристов и кружка «любомудров», лидером к-рого был Одоевский.

Во второй книге альманаха (1824) опубликована программная статья Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие». Она заострена против карамзинизма: Кюхельбекер — сторонник русской старины: «сбросить поносные цепи немецкие»[1].

[1] Культ Германии и Жуковского сменился у него культом Державина; вместо изнеженной и бесцветной элегии он предлагает возродить «высокую» оду.

В июне 1825 эффекта переехал в СПб, работал в журнале Греча «Сын отечества». Осенью введён Рылеевым в «Северное общество» декабристов. 14 декабря находился на Сенатской площади, стрелял из пистолета в Великого Князя Михаила Павловича (осечка). Затем попытался, переодетый, бежать за границу, но в Варшаве был опознан (по разосланным всюду приметам) и арестован. Его привезли в СПб. Кюхельбекер был приговорён к смертной казни; кажется, за него вступился Михаил Павлович. Николай I смертную казнь Кюхельбекеру заменил заключением в крепости. Потом ему дали 20 лет каторги, а в 1835 смягчили наказание — выслали на поселение в Баргузин (Восточная Сибирь).

Сначала Кюхельб. просидел 18 м-цев в Петропавловке и Шлиссельбурге, я в нач. октября 1827 был переведён в крепость Динабург. 12 октября 1827 на почтовой станции Залазы, возле Боровичей, Пушкин скучал в ожидании лошадей и читал забытый кем-то «Geisterseher» Шиллера; вдруг на станцию въехала фельдъегерская тройка. Пушкин вышел на крыльцо посмотреть и увидел, что из возка вылезает худой бородатый мужчина в очках и кандалах. Он обернулся и крикнул: «Пушкин!» И П-н узнал Кюхельб. Друзья «кинулись друг другу в объятия», но жандармы их растащили. 10 июля 1828 Кюхельб. писал Пушкину из Динабурга: «Свидание с тобой, Пушкин, ввек не забуду».

В 1830 П-н содейст-вал публикации статьи Кюх. «Мысли о Макбете» в «Лит. газете» барона Дельвига.

В 1832 Кюхельб. писал: «Я люблю и уважаю прекрасный талант Пушкина, но, признаться, мне бы не хотелось быть в числе его подражатели... Мы, кажется, шли с 1820 года совершенно различными дорогами, он всегда выдавал себя... за приверженца школы так называемых очистителей языка, — а я вот уже 12 лет служу в дружине славян под знаменем Шишкова, Катенина, Грибоедова, Шахматова».

Пушкин и Кюхельбекер занимали противоположные лит-рные позиции. Тем не менее, Пушкин содействовал публикации мистерии К-бекер «Ижорский» и книги «Русский Декамерон» (обе 1836, без имени автора). Весной 1836 Пушкин послал Кюхельбекеру 1-й том своего «Современника» и пригласил его сотрудничать в журнале: с 1835 Кюхельб. был уже ссыльнопоселенцем в Баргузине. Он прислал из Сибири в «Соврем.» поэму и статью, но III отделение не дало согласие на их публикацию.

Язык поэзии Кюхельб. до 1825 имел торжественный одический характер, часто близкий к ораторской речью; **тяготел к архаическому славянскому колориту**.

В годы заточения и ссылки Кюхельбекер не изменил прежним идеалам, но в его стихах усиливаются мотивы одиночества и обречённости. Передовые бойцы гибнут первыми, и чем благороднее идеалы, тем скорее их носитель падает жертвой коварства и предательства («шиллеровская» трагедия Кюхельбекера «Прокофий Ляпунов», 1834).

Особняком в творчестве Кюхельбекера стоит стихотворная повесть «Сирота» (1833): редкая для него житейская тематика. Повесть посвящена Пушкину и, возможно, навеяна «Домиком в Коломне».

В Сибири Кюхельбекером овладел мистицизм: это сказалось в романе «Последняя Колонна» (1839 – 1843) и в романтической драме-мистерии «Ижорский» (три части, 1827 – 1841, первые две части к-рой опубликовал Пушкин.

Особое значение имеют **сказки Кюхельбекера**: попытка освоения русского фольклора, не слишком удачная.

В ссылке Кюхельбекер женился, завёл детей. В 1844 он был переведён в Западную Сибирь. В 1846 больной чахоткой и ослепший он получил разрешение переехать в Западную Сибирь, где вскоре умер. Евгений Баратынский сказал, что Кюхельб. был создан «для любви к славе и для несчастия».

Большой интерес представляет дневник Кюхельбекера, в к-ром «законсервирована лит-рная атмосфера 20-х годов» (Ю. Тынянов).

Несмотря на привычную иронию русской критики, творч-во Кюхельбекера отнюдь не была бесплодно. Кое-что из «попыток» Кюх-кер вошло в литературу. Так, он первый употребил в трагедии **белый пятистопный ямб**, которым затем был написан «Борис Годунов» Пушкина. И всё же лит-рная деятельность Кюхельбекера имела главным обр. **теоретическое значение**.

Русский немец-славянофил, очень искренний и вдумчивый. Поэзия ума и гражданского пафоса, без юмора и страсти. Тяжёлый стих, искусственный словарь. Он был каторжник русской поэзии.

Жизнь и творчество в Бестужева-Марлинского (1797 – 1837)

Его братья.

Компиляция со своими комментариями.

Александр Александрович Бестужев (литературный псевдоним Марлинский) (1797 – 1837 гг.) — русский писатель, декабрист, кавалерийский офицер. 14 декабря 1825 г. вывел на Сенатскую площадь Московский полк. Вместе с К. Ф. Рылеевым издавал альманах «Полярная звезда». Был сослан рядовым на Кавказ, где погиб в стычке с горцами. В стихах и особенно песнях Марлинского, пользовавшихся широкой известностью, звучат патриотические мотивы. Кавказские повести и военные рассказы Марлинского («Аммалат Бек», 1832, «Мулла-Нур, 1830 – 1836 и др.) содержат много красочных этнографических подробностей, однако они отличаются вычурностью языка, ложноромантическим пафосом.

Происхождение, детство и юность Александра Бестужева

Александр Александрович Бестужев род. в СПб, в знатной, но обедневшей дворянской семье. Его отец А. Ф. Бестужев служил в Академии художеств, был выдающимся радикальным писателем и журналистом, просвещённым и гуманным педагогом; издавал вместе с Пниным «Санкт-Петербургский журнал». Семья была любящая и дружная, детство мальчика шло счастливо.

На десятом году А. А. Бестужев был отдан в Горный кадетский корпус. Учился он хорошо, но математику ненавидел. Его старший брат Николай, морской офицер, был назначен в крейсерство с гардемаринами и на вакации взял к себе на фрегат брата Александра. Мальчик был в упоении от моря, облёкся в матросскую куртку, изучал морское мастерство. У брата замирало сердце, когда Александр из молодечества бежал, не держась, по рее, или спускался вниз головой по одной верёвке с самого верха мачты, или в крепкий ветер летел по морю на шлюпке, держа такие паруса, что бортом черпал воду. Александр решил поступить в гардемарины, вышел из Горного корпуса и стал готовиться к экзамену. Но увы! Оказалось, что для морской службы требуется не только умение свободно бегать по реям, но и знание той же ненавистной математики...

Саша Бестужев поступил юнкером в лейб-гвардии драгунский полк. В 1817 он был произведён в офицеры. Полк стоял в Петергофе, Бестужев жил в одном из петергофских домов — **Марли** (отсюда впоследствии его псевдоним).

Молодой лейб-драгун зажил весёлой жизнью гвардейского офицера, танцевал на балах, без счёта увлекал женские сердца, имел несколько дуэлей из-за пустяков; выдержав выстрел противника, сам он стрелял в воздух. Стихи блестящего гвардейского офицера, его успех в петербургском свете, его многочисленные романы принесли ему раннюю славу.

Литература и политика

В литературе Александр Бестужев-Марлинский дебютировал в 1818 году переводами. Его «Подражание первой сатире Буало» было в 1819 запрещено цензурой. Первое крупное прозаическое произведение Марлинского — **«Поездка в Ревель»** (1821) — написано под влиянием Карамзина. Рассеянная светская жизнь не мешала ему много и серьёзно читать по самым разнообразным отраслям знания — по истории, философии, статистике, химии, механике.

На службе он продвигался очень успешно, был назначен адъютантом к главноуправляющему путями сообщения Бетанкуру, потом к его преемнику герцогу Виртембергскому. На литературном поприще Бестужев-Марлинский тоже быстро завоевал признание как критик и беллетрист. Ему очень везло, он казался вечном баловнем фортуны и впоследствии вспоминал:

Меня с родимого порога
Сманила жизнь на пышный пир
И как безгранная дорога,
Передо мной открылся мир.
И случай, преклоняя темя,
Держал мне золотое стремя,
И, гордо бросив повода,
Я поскакал — туда, туда!

Прямо-таки гётевское «dahin, dahin!» За 1819 – 1822 годы наш герой напечатал массу критических разборов, рецензий, фельетонов. Пушкин назвал его «представителем вкуса и верным стражем и покровителем нашей словесности». Марлинский был ярым врагом классицизма и высоко держал романтическое знамя с яркой политической окраской.

С юности он избрал своим девизом: «Преследовать человеческую низость тем упорнее, чем выше она поставлена светом».

Вместе с Фёдором Глинкой Бестужев-Марлинский был одним из руководителей Вольного общества любителей российской словесности (с конца 1820 года). А в 1822 году Бестужев знакомится с Кондратием Рылеевым.

Именно при посредстве Рылеева он вступил в тайное общество: это было романтично, это было в духе эпохи (этеристы, карбонарии, всякие заговоры — а мы, русские, чем хуже?). Всё Бестужеву удавалось, всё в жизни он брал играя. Может быть, и в общество декабристов он вступил полуиграя (январь 1824 года).

Совместно с Рылеевым Бестужев-Марлинский пишет агитационные песенки против правительства и издаёт знаменитый альманах «Полярная звезда» (3 книги в 1823 – 1825 годах), где публикует свои повести «Замок Нейгаузен», «Роман в семи письмах» и др., а также свои известные обзоры русской литературы, сыгравшие серьезную роль в борьбе с классицизмом и утверждении романтизма.

«Полярная звезда» имела крупный успех. А критические обзоры Марлинского вызывали большой шум и споры; в них он резко нападал на защитников старых литературных традиций и требовал для поэтического творчества полной, ничем не стесняемой свободы.

Романтизм Марлинского явился литературным выражением идеологии дворянских революционеров. В его исторических повестях «Роман и Ольга», «Изменник», «Замок Эйзен», «Ревельский турнир» мы видим у Марлинского критику феодальных отношений, сочувствие вольному Новгороду, пламенный патриотизм и другие высокие чувства. Марлинский раннего периода стремился научиться у Вальтер Скотта мастерству «домашних» (бытовых) картин исторической жизни. **Историзм** Вальтер Скотта не интересовал Марлинского: изучение истории Марлинский заменял воображением, субъективными переживаниями автора. Главное влияние на его творчество оказали Байрон и Виктор Гюго.

Центральный мотив ранней прозы Марлинского — апология гордой личности, противопоставляющей себя обществу: «Ночь на корабле» (1823), «Изменник» (1825). Этот герой воспринимался читателями как alter ego самого автора; слава Марлинского росла года от года, и как всякая большая литературная слава она соединилась с прославлением автора как личности.

Уже в ранних произведениях проявились особенности манеры Марлинского: орнаментальность и вычурность («марлинизм»), которые вначале имели огромный успех, а позже стали предметом ожесточенных нападок[1].

[1]Здесь в рукопись на отдельных листах вставлены главки «Марлинизм» и «Дополнения о Бестужеве-Марлинском (Греч)».

Марлинизм

В Якутске Александр Бестужев наслаждался чтением Байрона и Мура. Были месяцы, когда он «ничего кроме Байрона в руки не брал». Оставив в стороне медленно слагавшуюся поэму «Андрей Переяславский», он хотел попробовать себя в лёгком роде — в таком, как писан байроновский «Дон-Жуан». Не знаю, как-то удаётся», — отговаривался он, приступая к работе; но, видимо, не сладил с нею. Но байронизм Бестужева расцвел в его прозе.

На Кавказе, среди дикой и величавой природы, перед лицом смерти, под тяжестью солдатской амуниции, едва сдерживая негодование на произвол и преследование невежественного начальника, Бестужев строил пышные воздушные замки.

В переполненных звучными и цветистыми монологами и душевными изделиями, бурными страстями и порывами, в наряде непонятной, избранной натуры, возмущённой «позором светской черни», или в живописном костюме горца, лихого наездника, даже разбойника — в кавказских повестях Марлинского пленяла современников приближённая к ним, обрусевшая копия с байроновских неудачников ранней, популярной у нас манеры, прозаическая переработка «Кавказского пленника» и «Алеко».

Сознавая в себя великие силы, к-рым суждено погибнуть, не дождавшись рассвета, преувеличивая природные задатки, пределы дарования, закал характера, **он** сам смотрит на нас из-под масок Амалат-Беков и Мулла-Нуров, **его** голос слышится среди вулканических извержений их шумной риторики или в полных разочарования и презрения речах светских неудачников.

Ал. Бестужев неистощим в любовных увлечениях и грёзах, искренне чувствителен. Для памятника несчастной Ольге Нестеровой в Дербенте он избирает французское стихотворение, проникнутое грустью и нежностью:

> Un soir elle tomba, rose effeuillee aux vents.
> O, terre de la mort, ne pese pas sur elle;
> Elle a si peu pese sur celle des vivants...

В то же время он был храбр, он искал опасностей; не чужд был и жажды внешнего успеха, но в глубине души хранил предания общечеловеческой мысли и творчества. Его герой Вадимов восклицает: «Гомер, Дант, Мильтон, Шекспир, Байрон, Гёте! яркое созвездие, венчающее человечеству! Великаны, которым не верит свет! Чувствую, что мои думы могли бы быть ровесниками вашими».

Своей сложной натурой ближе многих подходя к байроническому типу, Бестужев не смог прочто воплотить его, как ни манила его роль вождя, побуждая то к широкому замыслу поэмы **«Человъчество»** (где Оно должно было «выступить во всех своих возрастах, во всех кризисах»), то к полному байронических размышлений «Журналу Вадимова». «Но в героях его повестей всё же впервые проглянул образ протестующего русского отщепенца, готового идти на вярную смерть, лишь бы избавиться от постылой судьбы, — тот образ, ко-

торый в жизни всего яснее сказывался тогда среди декабристов, из милости переведённых для выслуги на Кавказ», — говорит Алексей Веселовский.

Он считает героев Марлинского «звеном между неуверенными пушкинскими опытами вроде «Пленника» и широкой разработкой лермонтовского байронизма, обставленного опять **кавказской** декорацией».

«Герои Марлинского дали много оттисков и слепков в гостиных, в полку, на Кавказе». Но сами герои Марлинского — это «костюмированные байроновские копии».

«Багряные облака, точно огненные думы, теснятся вокруг чела твоего, неприступный утёс Св. Елены... Экватор опирается на твои рамена, сизые волны океана, как столетия, расошибаются о твои стопы, и сердце твоё — гроб Наполеона, заклеймённый таинственным иероглифом рока!» (Бестужев-Марлинский).

Дополнения о Бестужеве-Марлинском (Греч)

Его отец, Александр Федосеевич, умерший рано, был члк умный, издал две книги о воспитании военного юношества. Мать была женщина простого звания. Александр Бестужев учился в Горном Кадетском корпусе, на военной службе — адъютант главноуправляющего Путями Сообщения, Генерала Бетанкура, а потом поступившего в ту же должность герцога Александра Виртемборгского, брата императрицы Марии Фёдоровны. Бестужев влюбился в прелестную дочь Бетанкура, успел снискать и её благоволение, но отец не соглашался на брак его. «Бестужев впал в уныние и искал развлечений при скучной и безотрадной должности адъютанта — докладывать о приходящих и отказывать докучливым» (Греч, Записки о моей жизни, стр. 474).

Знакомство с Рылеевым. Успешный литературный дебют. Греч прозвал стилистические украшения Марлинского «Бестужевскими каплями» (так называлось врачебное средство, изобретённое в 1725 году графом Бестужевым-Рюминым.

14 декабря 1825 писатель действовал в Московском палку, но не он, а капитан князь Щепин-Ростовский ранил неск-ких члк из начальников, пытавшихся удержать солдат. Потом отправился он на площадь впереди батальона, размахивая саблей и крича: «Ура Константин! Долой Николая! Извести картофельницу!» (т. е. Александру Фёдоровну). Народ думал, что не офицеры ведут солдат, а солдаты их гонят. Одна дома, увидев его на Исаакиевской площади в окно впереди толпы, открыла форточку и закричала: «Александр Александрович! ступайте сюда. Здесь у вас не тронут!» Он был главным действующим лицом на площади и, когда мятежники были рассеяны, успел скрыться.

15 декабря вечером он явился на гауптвахту Зимнего дворца и сказал дежурному по караульням полковнику: «Я Александр Бестужев. Узнав, что меня ищут, явился сам». Увидев брата Греча, бывшего в карауле, он сделал вид, будто его не знает.

— Вяжите его! — приказал солдатам один унтер-офицер.

— Не троньте его, — возразил Василий Алексеевич Перовский, только что назначенный в флигель-адъютанты, — он не взят, а сам явился.

И Перовский повёл его к государю. Поведение Бестужева произвело впечатление на Николая I. «Государь, довольный его откровенностью и правдивостью, обещал ему прощение и сдержал своё слово, но по-своему. Его не отсылали на так называемую каторгу, но отправили на жительство в русский Сорренто — Якутск, а оттуда перевели в кавказский корпус солдатом. Бестужев нёс службу безропотно и усердно, получил чин унтер-офицера, георгиевский крест, был произведен в прапорщики и погиб в деле с горцами в лесу. Тело его не было найдено. Повышению его по службе и смягчению его судьбы повредила одна история. Он имел любовницу, унтер-офицерскую дочь. Она застрелилась у него в квартире. Обстоятельства этого самоубийства были неясны. Подозревали и обвиняли в умерщвление её ревность Бестужева. Дело это известно богу. (Греч, стр. 477).

Ольга Нестерова покончила с собой 26 февраля 1832 года, в комнате Бестужева. История этого самоубийства (по архивным делам дербентской полиции) описана в статье «А. А. Бестужев (Марлинский). По воспоминаниям Я. И. Костенецккого» («Русская старина»), 1900, ноябрь, 441 – 457).

Греч был другом Бестужевых, особенно А. А. Б.-Марлинского. Тот писал о Грече 9 апреля 1831 из Дербента: «Он, так сказать, выносил меня под мышкой из яйца; первый ободрил меня и первый оценил... нравственным образом должен я им неоплатно за прежнюю приязнь и добрые советы; он прибавляет теперь к этому капиталу ещё более, великодушно вызываясь на все хлопоты... и отворяя двери в свой журнал. Я должник его по сердцу и по перу».

Николаю Полевому Бест.-Марлинский писал: «Греч первый ободрил меня и оценил меня; когда целый комитет цензуры решил, что я не умею написать строчки по-русски, он первый предложил мне и в несчастии быть его сотрудником. В нём много барство, но много и благородства».

Письмо от 15 марта 1832: «Гречу и всей семье его душевной привет: дай бог им счастия до пятого колена. Я люблю и уважаю их всех. Начал ли-то Николай Иванович печатать мои повести? Я лучше не мог найти издателя».

21 февраля 1834 Марлинский писал Булгарину: «Греч первый после моего потопа предложил мне сотрудничество; знаю, что в этом он мог предвидеть и свою пользу, но знаю и то, что это было благородным геройством по времени».

Греч печатал в «Сыне отечества» произведения, присланные Марлинским из ссылки. Одно из них: «Вечер на кавказских минеральных водах в 1824 году». («Сын отечества», 1830, ч. 37) — было посвящено Гречу.

Повесть «Амалет-Бек» написана в 1831 и напечатана в «Московском телеграфе» (1832, январь и февраль)[1].

Марлинский, разделяя общее всей гвардейской молодёжи оппозиционное настроение, по существу мало интересовался собственно политикой. Вскоре он убедился, что силы тайного общества ничтожны, но, как сам рассказывал, «решился тянуть с ними знакомство,

[1]Окончание вставки. Далее продолжается главка «Литература и политика».

как игрушку». К делам общества он относился беззаботно, не зная о них много, что должен был знать. (Его причисляют к самым радикальным республиканцам).

Рылеев и Оболенский не раз ссорились с ним из-за того, что он шутил и делал каламбуры из важных вещей. Они называли его фанфароном и говорили, что за флигель-адъютантский аксельбант он готов отдать все конституции. Нападали и за то, что он нарочно спорил и за, и против, чтобы заставить товарищей разбиться в мнениях.

Желая развязаться с обществом, Бестужев решил оставить Петербург, выгодно жениться в Москве и уехать на два года путешествовать. Ему надоели серьёзные мины заговорщиков, педантически планирующих будущее устроение свободной России.

Но тут в Таганроге внезапно умер Александр I, и наступило известное междуцарствие.

Восстание 14 декабря 1825 года

14 декабря этот фанфарон, раздражающий товарищей своим легкомысленным отношением к целям тайного общества, оказался одним из очень немногих заговорщиков, безупречной сделавших своё дело.

Ему было поручено поднять лейб-гвардии Московский полк. Рано утром 14 декабря он поехал в казармы полка с братом Михаилом. На успех он мало рассчитывал и ожидал, что кончит жизнь на штыках солдат, но не отказался от поручения, потому что дело это почиталось нужным и очень трудным. Бестужев выступил в казармах перед солдатами. Чужой им лейб-драгунский мундир незнакомого офицера вызвал недоверие. Но Бестужев своим пламенным красноречием зажёг массу. С развевающимися знамёнами, с барабанным боем и криками «ура» московцы двинулись вслед за ним по Гороховой улице к Сенату. Рядом с Бестужевым шёл офицер-московец, неистовый князь Щепин-Ростовский: он только что на казарменном дворе зарубил саблей двух штаб-офицеров, пытавшихся остановить солдат. Этот ни о какой конституции не думал, а шёл просто за Константина против Николая. Он с одушевлением обратился к Бестужеву:

— Что? Ведь к чёрту конституцию?

И заговорщик Бестужев с таким же одушевлением ответил:

— Разумеется, к чёрту!

Пришли на площадь, построились в каре. Главари заговора не являлись, никто не знал, что делать. Подходили всё новые войска, верные Николаю. Бестужев понял, что дело проиграно, и мрачно слушал растерянные разговоры товарищей.

Ударила картечь. Бестужев искал смерти, картечина пробила ему шляпу. Солдаты побежали по узкой Галерной улице. Бестужев с братом Николаем остановили несколько десятков лейб-гренадеров, стараясь прикрыть отступление. На всё уже было кончено.

Бестужев-Марлинский перешёл по льду через Неву, всю ночь и всё утро скитался по городу, потом оделся в парадную форму, как на бал, и явился в Зимний дворец, чтобы его арестовали[1].

[1] В момент восстания он был штабс-капитаном лейб-гвардии драгунского полка.

Он сам скомандовал конвою: «марш!» — и пошёл с ними в ногу.

Всё это: и участие в заговоре, и восстание, и отдача себя в руки Николая Павловича — разыгралось у Бестужева-Марлинского совершенно в стиле его красивой и театральной жизни.

Наказание заговорщика

Бестужев-Марлинский был обвинён в том, что «умышлял на цареубийство и истребление императорской фамилии». Его приговорили к смертной казни, которую заменили затем двадцатью годами каторги. Однако он каторгу не отбывал. Всё время следствия и суда он сидел в одной из финляндских крепостей, пока не настал 1827 год: в этом году его отправили на поселение в Якутск.

Там он прожил около двух лет. В 1829 году, во время войны с Турцией, Бестужев подал прошение перевести его рядовым в действующую армию.

Николай Павлович положил резолюцию: «Определить рядовым в действующие полки кавказского корпуса, с тем, чтобы и за отличие не представлять к повышению, но доносить только, какое именно отличие им сделано».

На Кавказе появился рядовой Александр Бестужев.

Когда он направлялся из якутской ссылки рядовым в назначенный ему полк, Пушкин возвращался из армии Паскевича. Оба они одновременно (или почти) проезжали по Военно-Грузинской дороге, и Бестужев писал по этому поводу Н. А. Полевому: «Я рвал на себе волосы с досады, — сколько вещей я бы ему высказал, сколько узнал бы от него, и случай развёл нас на долгие, может быть, на бесконечные годы».

Действительно, они разминулись навсегда[1]. Потянулась солдатская служба Бестужева. Он принимал участие в ряде боёв против турок и горцев, отличался бешеной храбростью; товарищи-солдаты присудили ему присланный в батальон георгиевский крест, но начальство этого выбора не утвердило. Однако боевые схватки были только отдельными эпизодами, жизнь проходила в основном в тяжёлой и скучной гарнизонной службе, в приступах жестокой лихорадки, схваченной Бестужевым на Кавказе, под постоянной угрозой повальных болезней, свирепствовавших среди солдат. Он писал братьям: «По сущности, бытиё моё бог знает, что такое: смертью назвать грешно, а жизнью совестно».

Несмотря на отвагу, проявленную в боях, начальство притесняло бывшего декабриста. Когда он служил в гарнизоне города Дербента, батальонный командир его, настоящий бурбон, ненавидевший гвардейских молодчиков, всячески унижал рядового Бестужева и безнаказанно издевался над ним. **Приходилось терпеть — выхода не было.**

[1] Пушкин и Марлинский — литературные союзники. В своём известном «Взгляде на старую и новую словесность в России» Б. писал (в 1823): «Еще в младенчестве он изумил мужеством своего слога и в первой юности дался ему клад русского языка, открылись чары поэзии». Ссыльный поэт был тронут этим отзывом Марлинского и в переписке с ним первым предложил перейти на «ты».

Перо в руках солдата

В ужаснейших условиях подневольной солдатской службы Марлинский написал ряд романов и повестей, которые печатались с огромным успехом в журналах, а в 1832 году вышли вместе с прежними (до 14 декабрь написанными) в одном издании: «Русские повести и рассказы» Марлинского в 8 частях. Успех был головокружительный; вся читающая Россия услышала имя Марлинского. А он в это время тянул солдатскую лямку.

Но проследим, как это произошло.

После 14 декабря новые настроения завладевают его душой. Он задумал повесть в стихах «Андрей, князь Переяславский», но написала лишь две главы её. В 1828 году первая глава появилась в печати без имени и без согласия автора. В этой повести поэт стремился переосмыслить прошлое и настоящее своё положение; в повести возникает тема **вечности** и **смерти**, характерная и для других стихов Марлинского.

Из его творчества исчезают мотивы социального протеста, звучавшие в «Замке Венден» (1833) и «Ревельском турнире» (1825).

В 1830 году Марлинский вновь получает возможность печататься: его повесть «Испытание» публикуется **без подписи** в журнале Греча «Сын отечества». Впрочем, аноним был легко узнан: русские читатели хорошо помнили его романтические ужасы, очаровательных красавиц, бесстрашных героев, их «**адские муки**» и «**райское блаженство**», текущую в их жилах «огненную лаву» и т. п.

За «Испытанием» публикуются и другие произведения, вернувшие русской читающей публике её любимца.

В 1831 выходит «Лейтенант Белозор», в 1832 — «Латник». Это батальные повести. К 1831 относится историческая повесть «Наезды». Марлинский создаёт целую серию светских повестей, начиная с «Испытания»; самая знаменитая в этом цикле вещь — это «Фрегат Надежда» (1833). В светских повестях возникает тема одиночества мыслящего интеллигента-энтузиаста в фальшивом и бездушном свете. Благородные и таинственные герои Марлинского говорят необычайно расцвеченным и возвышенным языком: «У меня буйная кровь, у меня кровь — жидкий пламень; она бичует змеями моё воображение, она палит молниями ум». («Фрегат Надежда»).

Марлинский увлекается кавказской экзотикой, патриотизмом и вольнолюбием горцев, к-рые не знают пороков цивилизованного общества. В своих кавказских повестях он рисует экзотические образы людей, наделённых бурными страстями и исключительной храбростью. В повести «Аммалат-Бек» (1832) изображена драматическая судьба молодого горца, возненавидевшего русских. В повести «Мулла-Нур» (1836) выведен благородный разбойник, покровитель бедняков.

В то же время Марлинский создаёт ряд очерков, точно воспроизводящих быт, написанных простым и выразительным языком: «Будочник-оратор» (1834), «Кавказская стена» (1834).

В поздней лирике Марлинского отразилась личная судьба обречённого на гибель декабриста, одиночество и разочарование, тоска «по родине и воле».

Произведения Марлинского, насыщенные романтическими легендами, яркими подробностями быта, кавказской экзотикой, описаниями благородных рыцарей и мрачных злодеев, светских балов, битв с горцами etc., имели у современников огромную популярность. По словам Белинского, «в нём думали видеть Пушкина прозы». С жаром читая Виктора Гюго, Марлинский был близок ему в своей приподнятой манере рассказа, в языке, изобилующем цветистыми метафорами, гиперболами, игрою каламбуров и перифразов.

Вычурные сравнения, выспренний лиризм, масса восклицаний. «Белый конь мчится, как оседланный вихрь». Влюблённые у Марлинского «бросали своё сердце, как Клеопатра драгоценную жемчужину, — в уксус страсти».

Достоинствам его был умение завязать и умело запутать интригу. **«Характеры мот — дела частное»**, — признавал он сам. Зато драматизма и динамики в его повестях был избыток. Они переводились на английский, немецкий, французский, датский, шведский, польский, чешский и грузинский языки. . . . Изредка рядовому Бестужеву удавалось вырваться в отпуск в Тифлис. Современники, встречавшие его там, описывают плотного брюнета высокого роста, с небольшими, сверкающими карими глазами. Он отличался благородством души, был несколько тщеславен. В обыкновенном светском разговоре он ослеплял беглым огнём острот и каламбуров, при обсуждении же серьёзных вопросов путался в софизмах, обладая умом более блестящими, чем основательным.

Он был красив и нравился женщинам. В Тифлисе у него разыгрался целый ряд романов, о коих он так писал брату: «И походы в ночь по стенам, по окнам, в опасности сломить себе шею, или быть убитым, или прибить кого-нибудь; всегда рука на ручке кинжала и ухо на часах. . . И переодевание её, и прогулки, и визиты ко мне. . . И удачные забавные обманы аргусов. Я всегда был так счастлив с женщинами, что не понимаю, чем я это заслужил».

Много романов было у него и в Дербенте, и в других местах, где он стоял. Однажды зимою, в бурю, он поехал морем в дрянной лодчонке, чтобы увидеться с возлюбленной, и носился по волнам полтора суток, едва избежав гибели. Он оставался похож на своих героев, а женщины любят романтиков.

Венгеров правильно отмечает, что была одна существенная разница между Марлинским и д-ми тогдашними певцами пламенных страстей, поднимающих дух опасности и нечеловеческих мук: те (как Бенедиктов или Кукольник) в жизни были смирными обывателями и надевали «гарольдовы плащи» лишь тогда, когда усаживались за письменный стол; Бестужев и в жизни был таким, как его герои. **Он оправдывал свои невероятные повести собственной биографией.**

Марлинский — это блестящий пример одного малоизученного (или **не** изученного) феномена психологии творчества, а именно обратного влияния творчества писателя на его личность.

Кавказский период творчества Марлинского — это время расцвета его таланта. Повести его раскупались нарасхват и имели больший успех, чем произведения Пушкина.

1834 год приносит перемены в его судьбе.

Отвоевание утраченных прав

Летом 1834 года да он был переведён рядовым во 2-й гренадерский линейный батальон в Ахалцых, а затем в Тенгинский полк. Отсюда он писал: «До сих пор я учился воевать, а теперь научился и разбойничать». Сидячая гарнизонная жизнь сменилась для него непрерывными походами и стоянками на бивуаках. Бестужев бы рад этому. В схватках с горцами он всегда был впереди, опьянялся опасностью и свистом пуль. Но лишенья приходилось переносить невероятные: холод и зной, сырость такая, что неделями на теле не просыхала одежда; в землянках вода стояла по колено, и сапоги на ногах плесневели; месяцами питались гнилой солониной. Бестужева измеряли приступы его лихорадки; здоровье быстро таяло. Со своей обычной образностью он писал: «Меня так высушила лихорадка, что меня можно вставить в фонарь вместо стекла».

Только в конце 1835 года за заряд отличий в боях знаменитого писателя произвели в унтер-офицеры. Ему уже 37 лет. Он переведён в крепость Зеленжик на Чёрном море, где чуть не умирает от лихорадки. В июне 1836 года пришло наконец долгожданное производство в офицеры: Бестужев — **прапорщик**.

Он перестал быть бесправным солдатом, над ним уже не мог измываться первый встречный офицер. Но его лихорадка и боевая жизнь продолжались. Бестужев мечтал о выходе в отставку, о переходе на гражданскую службу и спокойной литературной работе. «Кому было бы хуже, если бы мне было немного лучше?» — спрашивал он в письме к брату.

В нём принял участие граф Воронцов и, видя, как гибелен для Бестужева кавказский климат, просил императора о переводе писателя на статскую службу в Крым. Император отказал.

Оренбургский генерал-губернатор В. А. Перовский, тоже романтик и рыцарь по натуре своей, ходатайствовал о переводе Бестужева в Оренбург, указывая на ту пользу, которую он мог бы принести описанием краям описанием края и быта кочевников. Ответ императора гласил: «Бестужева следует послать не туда, где он может быть полезнее, а туда, где он может быть безвреднее».

Ad patres!

По сути дела, Николай Павлович находился под обаянием прижизненно возникшей легенды о Бестужеве-Марлинском как человеке исключительных возможности. Он считал его намного более опасным, чем Бестужев был на самом деле. Это доказывает, что император читал его повести и, может быть, против воли восхищался им.

NB! Если это так, то Бестужев — в некотором роде жертва собственного дарования. Но надобно узнать, как оценивал его творчество Николай Павлович.

Финал

Александр Бестужев находился в Тифлисе, когда была получена весть о смерти Пушкина.

Он писал своему брату Павлу: «В монастыре св. Давида, на могиле Александра Грибоедова слушал я панихиду, которую просил служить в память Александра Пушкина... и Александра Грибоедова... когда священник возгласил за убиенных боляр Александра и Александра, я заплакала, зарыдал; мне казалось, что отец духовный уже поминает и меня».

В эти дни он дал себе клятву: по возвращении к общей гражданской жизни вызвать Дантеса на дуэль и убить его. Бестужев был превосходный стрелок, но этой клятве не суждено было осуществиться.

Он только что выздоровел в то время после долгой и опасной болезни. Ночью его неожиданно арестовали и посадили в Метехский замок, а на другой день отправили на телеге в Дербент. Его обвинили в том, что, проживая в Тифлисе для лечения болезней, он подстрекал офицеров не становится в караул. Вместе с ним выслали из Тифлиса и его младшего брата Петра.

В тот же день выслали из Тифлиса в разные места и других декабристов, проживавших в столице края.

В мае 1837 года прапорщик Бестужев, незадолго до того представленный к **Анне на шпагу «за храбрость»**, был прикомандирован к Грузинскому гренадерскому полку, который отправлялся в трудную и опасную экспедицию к мысу Адлер. Предчувствие, возникшее на горе святого Давида, настолько проследовало Бестужева, что он по дороге на пароходе составил завещание.

Грузинский полк высадился у мыса Адлер. Русские шлюпки подплыли к берегу под градом черкесских пуль, стрелки выпрыгнули, выбили черкесов из прибрежных окопов, загнали в лес и врассыпную устремились следом за ними в чащу. Бестужев шёл в передовой цепи.

Тупоголовый командир, невзирая на то, что сзади не было резервов, гнал отряд всё вперёд и вперёд. Цепи расстроились, солдаты в одиночку продирались сквозь колючие заросли. Вдруг со всех сторон посыпались черкесские пули. Горнист протрубил сигнал строится в каре и упал мёртвый. Отряд отступал. Бестужев стоял на маленькой полянке, в изнеможении прислонившись к дереву; из груди его лилась кровь. Два солдата схватили его под руки и повели. Он еле шёл, с упавшей на грудь головой, и тихо стонал. Из чащи выскочили черкесы. Солдаты бросили раненого и побежали. И видели только, как над Бестужевым засверкали шашки. Это было 7 июня 1837 года (19 июня по нов. ст.).

Когда русские вернулись на это место, трупа Бестужева не нашли. Это дало повод к вздорной легенде: помешанные на его повестях барышни долго потом утверждали, что раненого Марлинского черкесы увели с собой в горы и он стал их вождём под именем **Шамиля**!!!

Просто-напросто черкесы изрубили его; вероятно, отсекли голову, сняли мундир...

Декабрист В. Н. Штейнгель писал брату погибшего, Михаилу Бестужеву, находившемуся на каторге: «Александра — для нас, Марлинского — для русских не стало. Горько, Михайло!»

Надо признать, что этот кровавый финал был совершенно в духе его таинственных и мрачных повестей.

Значение творчества Марлинского

Ни у одного русского писателя той эпохи не было такой массы подражателей, которые своими крайностями превратили в карикатуру и самого Марлинского. «Марлинизм» стал дурным поветрием безвкусного, шаблонного романтизма. Но это поветрие и слава «великого писателя» продолжались недолго.

В 1840 году Виссарион Белинский подверг его прозу уничтожающей критике за риторику, внешние эффекты, причудливые метафоры, «сверхчеловеческие» страсти героев, фразёрство и т. п.

Белинский подчеркнул «бесхарактерность характеров», которых «сам сочинитель... угадывал бы разве только по платью». Он сурово критиковал **«внешний талант»** Марлинского: «поэзия не мысли, а блестящих слов, не чувства, но лихорадочной страсти».

В то же время неистовый Виссарион довольно высоко оценил историческую заслугу Марлинского — одного из зачинателей русской критики, которому «литература наша многим обязана».

Проза Марлинского оказала значительное влияние на творчество Н. Ф. Павлова, Н. А. Полевого, В. Ф. Одоевского. Может быть, всего значительнее роль Марлинского в становлении Лермонтова.

Ещё мальчиком Лермонтов вычитал из поэмы — вернее, повести Марлинского — «Андрей, князь Переяславский» одну строчку:

Белеет парус одинокий...

И с неё начал своё изумительное стихотворение «Парус».

Юношеский роман «Вадим», драмы Лермонтова, картины Кавказа, светские образы в «Княгини Лиговской» хранят следы влияния Марлинского.

Уже у автора «Фрегата **Надежды**» мы находим типично лермонтовский образ мятежного одиночки, презирающего обывательскую среду и живущего напряжённой внутренней жизнью. Однако Лермонтов полностью преодолел наивный мелодраматизм образов Марлинского, их односторонность, их искусственно приподнятый язык.

В наше время почти забыта интересная историко-литературная проблема «Марлинский — Гоголь». Ранние повести Гоголя хранят сильный отпечаток марлинизма, особенно «Страшная месть», «Вий», отчасти «Тарас Бульба» (образы панночки и Андрия».

Марлинский создал популярную форму эффектной романтической повести, надолго сохранившую своё значение для жанровой традиции.

Некоторого влияния Марлинского не избежал даже Гончаров в повести «Счастливая ошибка». Даже в «Хозяйке» Достоевского Белинский усмотрел смесь Марлинского с Гофманом.

Ныне Марлинского никто не читает, и это вполне справедливо. Но мы теперь прекрасно понимаем, почему его хвалил Пушкин, сам абсолютно чуждый марлинизма.

Этот неистовый и мелодраматический романтизм был нужен скучной и бледной от страха эпохе. Он **противостоял** морозной дисциплине Николая I. Марлинский по самому стилю своему был врагом «умеренности и аккуратности». В этом смысле он гораздо важнее Павлова с его «Ятаганом», столь возмутившим Николая I.

Мы стоим на почерневшиq от времени стене цитадели Нарым-Кала. Отсюда Дербент как на ладони. В этом месте отроги Кавказских гор ближе всего подходят к Каспийскому морю, оставляя вдоль берега узкий (всего лишь 3 километра) проход. Некогда это был единственный удобный путь из Восточной Европы в Переднюю Азию. Поэтому Дербентский проход («Каспийские ворота» у греко-римских географов) был местом ожесточённых битв.

От цитадели почти параллельно тянутся вниз к морю широкие каменные стены, сложенные много столетий назад. Между этими стенами и был расположен древний Дербент. Его много раз разрушали пришлые воители, но он снова вырастал из руин. Само слово «Дербент» — персидское: **дар** — ворота, **бант** — затвор, преграда.

С цитадели хорошо видны голубой купол Джума-мечети, мавзолей дербентских ханов... Здесь бывали Марко Поло и Афанасий Никитин.

Пётр Великий вошёл в Дербент без единого выстрела. 27 июля 1722 года он высадился на Аграханский косе и сразу отправил в Дербент гонца с манифестом. В нём говорилось, что царь идёт не с войной, а чтобы оградить город от разбойников, наказать тех, кто ограбил русские караваны. Манифест Петра читали на улицах города. Гонец привёз царю ответное письмо из Дербента, одобрявшее его манифест. Жители устроили царю торжественную встречу.

Русские войска расположились в крепости, выставили караулы. Строжайше запрещалось обижать местных жителей. Пётр осмотрел город, побывал в цитадели и какое-то время жил во дворце. По его указу начали строить земляные укрепления; он самолично следил за работами, жил тут же в землянке, специально для него вырытой...

Несколько произведений написал в Дербенте Александр Бестужев-Марлинский. Сохранился дом, в котором он жил. Там намечается открыть музей.

По узким улочкам Дербента бродил Александр Дюма-отец. Он упоминает о городе в своей книге «Кавказ от Прометея до Шамиля». Дима близко к сердцу принял историю Бестужева-Марлинского и его невесты Ольги Нестеровой. На могильном памятнике Ольги автор «Трёх мушкетёров» собственноручно высек на французском языке какие-то стихи, вроде «Ей было 18 лет, она была прекрасна...»

Оставил записи о Дербенте и знаменитый хирург Пирогов, служивший одно время на Кавказе.

Древний город окружён зелеными виноградниками. На рынках звучит азербайджанская, лезгинская, еврейская и русская речь. Город давно славился коврами и крепкими винами.

Не так далеко от Дербента плотность стеной стоят Самурские леса: лианы оплетают огромные дубы, под сенью грабов, платанов, ясеней, клёнов поблескивают холодные родники.

Здесь, на земле Дагестана, в старом Дербенте, жил Александр Бестужев-Марлинский. Здесь умерла его возлюбленная. Его могилы нет на земле, нет нигде. Он исчез из мира, как призрак.

Пыль библиотек покрыла его книги, но осталась легенда.

Некоторые детали из воспоминаний Матвея Ивановича Муравьёва-Апостола.

М. И. Муравьёв-Апостол, Бестужев-Марлинский, лейтенант Арбузов и трое др-х декабристов в 1826 году отправлены были из Петропавловской крепости в Форт-Славу, крепостницу, устроенную на острове Финского залива по мысли фельдмаршала Суворова. Тут им пришлось претерпеть немало горя; комендант, соблюдая свой интерес, кормил их протухлой солониной, к-рую он скупал по дешёвке у капитанов торговых кораблей. Когда дул западный ветер, узникам приходилось пить воду с примесью морской соли, отчего впоследствии Матвей Иванович и Арбузов захворали солитёром.

Неожиданный приезд финляндского генерал-губернатора Закревского в их крепостницу был для них радостным событием. Он привёз Матвею Ивановичу известия от родных и чемодан с платьем, бельём и книгами. Ласковое его обращение с узниками так поразило старого бурбона-коменданта, что он стал смотреть на них др-ми глазами, и хотя они не помянули даже о дурной пище, они с тех пор избавились от ненавистной солонины.

Муравьёв-Апостол: «1-го октября 1827 года я выехал из Форт-Славы. Меня привезли в Шлиссельбургскую крепость; на другой день из каземата отвели на гауптвахту, где уже был Ал. Бестужев (Марлинский). Солдаты возились с кандалами, которые, мы предполагали, были приготовлены для нас, но вскоре показался комендант, объявивший нам обоим высочайшую милость, по которым избавляемся от работ и поступим прямо на поселение в Сибири. На Тихвинской станции ждал нас Корсаков (масон), находившийся на службе при министре кн. Александре Ник. Голицыне и которого я встречал иногда в доме графини Чернышёвой. Он упросил меня принять в виде ссуды 600 руб. на путевые издержки. Живое соболезнование его о постигшей нас участи глубоко тронуло меня, я чувствовала, что отказом я бы его оскорбил, к тому же ни я, ни спутник мой Бестужев не имели с собою вовсе денег».

«Фельдъегерь вёз нас через Ярославль, Вятку, Пермь и Екатеринбург». В Тобольске он сдал обоих декабристов губернатору, известному писателю Д. Н. Бантыш-Каменскому. Это был давнишний знакомый Муравьёва-Апостола: он был правителем канцелярии князя

Репнина, при к-ром Мур.-Ап. четыре года состоял адъютантом. «Он обошёлся со мной так же дружески, как и в былое время...»

«Погостивши в Тобольске около трёх недель, пустились мы далее к востоку в сопровождении уже не фельдъегеря, а квартального из местной полиции. В Красноярске представились губернатору, известному автору романа «Семейство Холмских», у которого встретили весьма благосклонный приём!.

NB «При его впечатлительности и страстной натуре, Ал. Бестужев одарён был любящим сердцем, с редкой уживчивостью».

«В конце ноября мы прибыли в Иркутск поздно вечером и остановились у крыльца губернаторского дома, где нас объяло звуками бального оркестра. Мы тут долго ожидали распоряжения начальника губернии, наконец, выскочил на крыльцо какой-то вспотевший от танцев чиновник и приказал вести нас в острог».

«На другой день подоспели к нам двое Бестужевых, Николай и Михаил, Ив. Дм. Якушкин, Антон Петрович Арбузов и Ал. Ив. Тютчев.

Пожаловал к нам губернатор и после краткого приветствия извинился перед Александром Бестужевым и мной, что нас по ошибке заключили в острог, на том основании, что мы избавлены от работ, и хотя мы просили его не разлучать нас с товарищами, он, ссылаясь на какой-то закон, приказал поместить нас на квартиру. Горько показалось нам неуместное смягчении участи нашей»[1].

Николай Бестужев

Николай Бестужев перевёл прозой «Паразину» Байрона: этот перевод вышел в Трудах Вольного Общества Любителей Российской Словесности, 1822, часть 71.

Рассказ Греча о Николае Бестужеве

14 декабря он вывел на площадь Гвардейский экипаж. В нём было неск-ко матросов, служивших под командой Бестужева на походе в Средиземном море. «Ребята! знаете ли вы меня? Пойдёмте же!» И они пошли. «Я видел, как экипаж, мимо конногвардейских казарм, шёл бегом на площадь. Впереди бежали в расстёгнутых сюртуках офицеры и что-то кричали, размахивая саблями. (Греч, 480).

После подавления восстания Н. Б. уехал на извозчичьих санях в Кронштадт, переночевал у одной знакомой старушки, на др. день сбрил себе бакенбарда, подстриг волосы, подрисовал лицо, оделся матросом и пошёл на Толбухин маяк (на западной оконечности Котлина острова). Там предъявил он командующему унтер-офицеру предписание вице-адмирала Спафарьева о принятии такого-то матроса в команду на маяк. Унтер-офицер заставил его чистить картофель.

[1]Здесь в рукопись на отдельных листах вставлена главка «Николай Бестужев».

Полиция, не находя Бестужева в СПб, стала искать в Кронштадте. Этому поручили одному полицейскому офицеру, к-рый лично знал Н. Б-ва и отправился на Толбухин маяк в рассуждении, что Бестужев будет пытаться перебраться за границу. Офицер прискакал туда, вошёл в казарму и **перекликал** всех людей. «Вот этот явился сегодня», сказал унтер-офицер. Полицейский посмотрел на Бестужева и увидел самое дурацкое лицо в мире. Нет, не он. Когда офицер вышел из казармы, сопровождавший его денщик (бывший прежде денщиком у Н. Б-ва) сказал ему:

— Ведь новый-то матрос господин Бестужев: я узнал его по следам золотого кольца, которое он всегда носит на мизинце.

Полицейский воротился, подошёл к мнимому матросу и слегка ударил его по плечу:

— Перестаньте притворяться, Николай Александрович, я вас узнал.

— Узнали? Так поедем.

Военный губернатор отправил его в СПб под арестом в санях на тройке. Когда приостановились перед гаупвахтою при выезде, он сказал случившимся там офицерам:

— Прощайте, братцы! Еду в Петербург: там ждут меня двадцать пуль.

Дорогою по заливу, поравнявшись с полыньёй, он хотел было выскочить из саней, чтобы броситься в воду, но был удержан. В Петербурге привезли его к морскому министру фон-Моллеру, к-рый, как все дураки, ненавидел в Бестужеве умного человека; он велел ему скрутить на спине руки и отправить днём по Английской набережной и по Адмиралтейскому бульвару в Зимний дворец. Один из адьютантов накинул на него шинель. Во дворце развязали ему руки и привели к императору.

— Вы бледны, вы дрожите, — сказал государь.

— Ваше величество, я двое суток не спал и ничего не ел.

— Дайте ему обедать! — сказал государь.

Б-ва провели в маленькую комнату Эрмитажа (где помещался государь по случаю переделки комнат Зимнего), посадили на диване за стол и подали обед.

— Я не пью красного вина, — сказал он официанту, — подайте белого.

Спокойно пообедал, приклонился к подушке дивана и крепко заснул. Пробудясь часа через два, встал:

— Теперь я готов отвечать.

«Его провели в прежнюю зову. Там поклонился он Василию Алексеевичу Перовскому, как короткому знакомому, и, увидев нового флигель-адъют. Алексея Петровича Лазарева, сказала ему:

— Ну, Алёшка! Теперь перестанешь шалить.

Его ввели в кабинет государя. Он не только отвечал смело и решительно на все вопросы, но и сам начинал говорить: изобразил государю положение России, исчислил неисполненные обещания, несбывшиеся надежды и объяснил поводы и ход замыслов. Государь выслушал его внимательно...» (Греч, 482 – 483).

«Обряд лишения чинов и дворянства был исполнен над флотскими офицерами в Кронштадте, на военном корабле. Их отвезли туда из петербургской крепости ночью (на 13 июля) на арестантском катере. Бестужев спокойно беседовал дорогою с командующим и караульными офицерами, не жаловался, не сетовал на судьбу.

NB — Я заслужил смерть, — говорил он, — и ожидал её. Теперь всё время, что проживу, будет для меня барышом и подарком. Но вот кого мне жаль — этих бедных юношей (указывая на приговорённых мичманов, спавших крепким сном молодости): они дети и не знали что делали.» (483)

«В Кронштадте он взошёл по трапу на корабль, бодро и свободно, учтиво поклонился собравшийся там комиссии адмиралов и спокойно выслушал чтение приговора.

— Сорвать с него мундир! — закричал один из адмиралов, вероятно, породнившийся с Бестужевым посредством своей супруги.

Два матроса подбежали, чтобы исполнить приказание благонамеренного начальства. Бестужев взглянул на них так, что они остолбенели, снял с себя мундир, сложил его очень чиннёхонько, положил на скамью и стал на колени, по уставу, для переломления над ним шпаги». (483 – 484).

Потом его отвезли обратно в Петроп. Кр. для отправления в ссылку. Греч утверждает, что просил (безуспешно) свидания, чтобы проститься со своим другом. — **Врёт!** Р. Н.

«И любовь его не оставляла. одна дома прислала ему из Кронштадта свой портрет и колоду карт для препровождения времени грандпасиансом» (484).

«Через несколько лет, на танцевальном вечере у П(етра) И(вановича) Рикорда, где было несколько дам из Кронштадта, две молоденькие, хорошенькие девицы, дочери одного адмирала, посматривали на меня с большим вниманием и как бы хотели заговорить со мною, а я этого и не заметил. Им интересен был во мне друг друга их матери... Бестужев скоро нашёлся в ссылке, занимаясь чтением, живописью. В первые годы нарисовал он несколько акварельных портретов, в том числе и свой — очень похожий...» (485).

«Он скончался в 1854 году, не дождавшись своего освобождения». (485).

О «кронштадтской любви» Н. Бестужева говорится и у др-х мемуаристов: это было подобие брака[1].

«После трёхдневного пребывания в Иркутске, мы с Ал. Бестужевым отправились в сопровождении молодого казачьего урядника к месту своего назначения».

«24 декабря, накануне Рождества, наконец, добрались до областного города Якутска, где пришлось мне расстаться с дорогим спутником моим, Ал. Бестужевым, которому Якутск назначен местом заточения. Только тут узнал я, что ссылаюсь в Вилюйск.

До 6-го января пробыл я с Ал. Бестужевым, а в день Крещения сели мы верхом с урядником на почтовых лошадей и отправились в путь далее к северо-западу.

[1]Окончание вставки. Далее продолжается главка «Некоторые детали из воспоминаний Матвея Ивановича Муравьёва-Апостола».

Из Якутска выехали во время крестного хода на Иордань и, проехавши с лишним 700-вёрстное расстояние, добрели до Вилюйска, на берегу реки Вилюя, значительного притока реки Лены».

Итак, Бестужев-Марлинский 24 декабря 1827 года прибыл на поселении в Якутск и 6 января 1828 (в Крещение) расстался с Муравьевым-Апостолом.

Судьбы его братьев

Из пятерых братьев Бестужевых самым видным был старший, Николай Александрович (1791 – 1855), морской офицер, писатель и учёный, крупный деятель Северного общества, один из создателей «Полярной звезды». Он вывел 14 декабря на Сенатскую площадь гвардейский морской экипаж. Пытался скрыться затем на своей старой квартире в Кронштадте и был там арестован. Из Петропавловской крепости его с братом Михаилом перевели на целый год в более тяжёлое заключение — в Шлиссельбург. Приговорили к вечной каторге, сокращённой до 20 лет. Отправили в Читу, в 1830 перевели в Петровский завод. В 1839 Николай Бестужев с братом поселены в Селенгинске, где Николай и умер, мучимый известиями о поражении России в Крыму.

Второй брат был Александр Бестужев-Марлинский.

Третий брат — Михаил (1800 – 1870), окончил по примеру старшего морской корпус, но служил недолго и по выходе в отставку вступил в Союз благоденствия. В 1825 поступил в л.-гв. Московский полк; за дело 14 декабря заключён в одиночную камеру Петропавловской крепости, где перестукивался с братом Николаем (сидевшим в соседней камере) посредством «стенной азбуки» собственного изобретения. В 1827 – 1830 Михаил на каторге в Чите, в 1830 переведён в Петровск, с 1839 жил в Селенгинске, в 1867 переехал в Москву.

Четвёрый брат — Пётр (1806 – 1840) учился в морском корпусе, мичманом вступил в тайное общ-во. За 5 дней до восстания старшие братья удалили юношу в Кронштадт, но он потихоньку вернулся, чтобы разделить участь товарищей, и явился на Сенатскую площадь вслед за братом Михаилом. После 14 декабря сослан на Кавказ и отличился, служа под командой знаменитого ген. Раевского; но, переведённый по доносу к др-ому начальнику, был до того замучен **экзерциями**, что сошёл с ума и умер после 7 лет страданий.

Пятый — Павел (1808 – 1846) во время восстания ещё учился в офицерском классе артилл. корпуса. Тем не менее, в 1826 он был сослан на Кавказ за чтение недозволенных книг. Служил в артиллерии, изобрёл особый прицел к пушкам, введённый во всей русской армии. «Человек любезный, весьма умный и отличный рассказчик». Женился на Екатерине Евграфовне Трегубовой и, выйдя в отставку по болезни, доживал свою жизнь в имении Гончарово (Владим. Губернии). «У него был рак в желудке, последствие жёлтой лихорадки, полученной им в Сухум-Кале, куда он был сослан после 14 декабря за фамилию свою, не был ни в чём участником, как говорил нам). «В. Шумилов, «Русская старина», 1886, сентябрь, стр. 702).

В наш век маринизм показал влияние на Паустовского.

Кондратий Фёдорович Рылеев

1795 – 1826

1. Гуковский. «Пушкин и русская романтика» Саратов, 1946.

2. Писарев. «Жизнь Рылеева», 1947 (М., Сов. пис.)

3. Мордовченко. «Рылеев» (в «Стихотворениях» Рылеева, Малая серия Библ. поэта) М–Л, 1948

4. Серей Маслов. «Рылеев». -?

5. Базанов. «Поэты-декабристы» (Рылеев, Кюх., Одоевский) — МЛ, АН СССР, 1950

6. Цейтлин. «Творчество Рылеева», М., АН СССР, 1965

7. История русской поэзии, т. I, Л., Наука, 1968

Академич. история русск. лит., т. VI.

Рылеев — сын мелкопоместного дворянина, отставного полковника (семья жила бедно). С шести лет отдан родителями волонтёром в I кадетский корпус в СПб. В 1814 Рылеев выпущен из корпуса прапорщиком в артиллерию из армией прошёл всю Европу, прожив несколько дней и в Париже. В 1816 – 1818 жил в Воронежской губернии, где была расквартирована его артиллерийская бригада. Здесь Рылеев женился. Вскоре вышел в отставку и переехал в СПб, с 1821 по 1824 служил в уголовной палате, а затем стал правителем канцелярии в Российско-Американской компании.

С октября 1823 — член Северного общ-ва, куда рекомендован Пущиным; с 1824 (под влиянием Пестеля) — республиканец, с весны 1825 член Думы Сев. общества, с ноября — фактический глава общества. Руководил подготовкой к восстанию и давал распоряжения на Исаакиевской (Сенатской) площади 14 декабря.

15 декабря арестован и после личного допроса у Николая I заключён в Алексеевский равелин. Его казнили 13 (25) июля 1826 года.

Александр Иванович Одоевский (1802 – 1839 гг.). Русский поэт-декабрист, активный участник выступления на Сенатской площади (1825). Был приговорён к каторжным работам. После 10-летнего пребывания в Сибири был отправлен рядовым на Кавказ, где погиб. Поэзия Одоевского проникнута идеей героической борьбы за свободу («При известии о польской революции», «Колыбельная песня» и др.). Особенно известен стихотворный ответ Одоевского (1827) на пушкинское «Послание в Сибирь» (1826), содержащий строку «Из искры возгорится пламя»; эти слова послужили эпиграфом к ленинской газете «Искра».

Владимир Федосеевич Раевский (1795 – 1872) русский поэт, декабрист, друг Пушкина. В 1822 г. был арестован за пропаганду революционных взглядов среди солдат и после шестилетнего одиночного заключения в 1828 году поселён в Сибири, где пробыл до конца жизни, хотя был амнистирован в 1856 году. Стихи Раевского, большинство которых дошло до нас в рукописном виде, проникнуты революционными мотивами, ненавистью к произволу: «Певец в темнице», «К друзьям в Кишинёв», «Глас правды» и др.

Декабристская поэзия

Рылеев, В. Ф. Раевский, Кюхельбекер, Бестужев-Марлинский, А. Одоевский.

Эти поэты, как правило, начинали свой творческий путь, усваивая традиции Державина, Гнедича, Батюшкова. Декабристов привлекал «земной» характер их поэзии, пафос личной свободы. Но в условиях зарождения декаб. движения идеал личной свободы перерастал в идеал свободы общественной. «Деревня» Пушкина — 1819 год, «Послание» Раевского «К друзьям» (1822), стихотворение Рылеева «Я не хочу любви твоей» (1824).

Требование гражданской поэзии, требование национальной самобытности и народности литературы.

Первоначально декабристы использовали готовые формы- гражданственный пафос классицизма, сатирическая ода, торжественная ода: условность античного материала, образы древнего Рима, нек-рая архаичность языка.

Затем они создают поэзию революционного гражданского романтизма.

«Поэзия... создаёт свой условный мир, своё образцовое человечество, и каждый шаг к собственному усовершению открывает ей новый горизонт идеального совершенства». (Бестужев-Марлинский). Поэтому особое значение придаётся воображению и вымыслу. Первой задачей становится создание положительных героев, «превосходящих природу земную». Декабристская поэзия становится эмоциональной, экспрессивной. И вот уж Кюхельбекер пишет:

«Дадим волю чувству, которого мы не лишены, на которого **стыдимся**, благодаря привитым нам правилам французской поэтики, сплошь составленным из приличий, жеманства и принуждения... »

Политическая трансформация жанров Батюшкова: дружеские послания стали револ. призывами, застольные песни — политическими гимнами.

Песня Языкова «Мы любим шумные пиры» (1823)

Здесь нет ни скиптра, ни оков,
Мы все равны, мы все свободны,
Наш ум — не раб чужих умов,
И чувства наши благородны.

Рылеев и Бестужев создают агитационные песни для народа, для солдат. Это сатиры, стилизованные под фольклор.

Поэты-декабристы воспевали национально-освободительную борьбу др-х народов (Сербия, Греция, Испания, Италия), а также освободительную борьбу в историческом прошлом русского народа. В поисках героических образов они обращались и к библейской тематике. Религиозная поэзия декабристов имела целью показать «неправедность» самодержавия, его антихристианский и безнравственный характер.

С начала 20-х годов в декабристскую поэзию проникают сетования на общественную пассивность и сомнения в исходе начатой борьбы. Уже в 1821 году Языков писал:

Столетья грозно протекут,
И не пробудится Россия.

Позднее он отрёкся от своих декаб. взглядов. Сходной была эволюция Давыдова и Вяземского. Декабристы всё яснее сознавали, что их шансы на успех очень малы. Но у самых стойких это вело не к капитуляции, а к идее героического самопожертвования.

В 1825 Рылеев пишет Рылеев пишет в «Исповеди Наливайки»:

Известно мне: погибель ждёт
Того, кто первый восстаёт
На утеснителей народа, —
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?

Для дек. поэзии характерно преобладание лирич. жанров и лиро-эпической поэмы.

Наиболее последоват-но осуществлена лит. программа декабристов в 25 думах Рылеева и его поэмах (пафос революционного патриотизма, проекция идеала на историч. прошлое). Жертвенная борьба героев за свободу Отчизны — основа для единства интересов личности и общества.

Декабристская поэзия незначительна, однако особое значение имели повести Бестужева-Марлинского, славящие могучего и страстного героя, противопоставленного порочному обществу.

Кондратий Фёдорович Рылеев

Он родился 18 сентября 1795 в селе Батове Софийского уезда СПб губернии, в семье подполковника Ф. А. Рылеева.

Образование получил в 1-м петербургском кадетском корпусе, где уже наметилась его склонность к словесным наукам. Ему было 17 лет, когда Наполеон перешёл через Неман. Воодушевлённый всеобщими патриотическими чувствами, юный Рылеев пишет свои первые произведения — оды «На погибель врагов» и «Любовь к жизни». Последняя ода прославляла умершего в 1812 году Кутузова.

Эти ученические стихи предвещали гражданскую тематику будущего поэта-декабриста.

В феврале 1814 года Рылеев был выпущен из корпуса прапорщиком в конную артиллерию и тотчас выехал в действующую армию. Два года с небольшим перерывом он провёл в походах по Германии, Швейцарии и Франции. В конце 1815 года, вернувшись в Россию, Рылеев со своей ротой был назначен в Острогожский уезд Воронежской губернии. Там он прослужил три года, а затем вышел в отставку и переехал в СПб.

Здесь в январе 1821 он был избран заседателем в палату уголовного суда и оставался в этой должности до весны 1824 года, служа усердно и честно, хлопча о смягчении судьбы подсудимых, особенно простых, беззащитных людей.

В Петербург он приехал в 1820 году (или в 1819?) и не был ещё известен как поэт. Это был суровый и грозный год. Именно осенью 1820 года в столице произошло восстание лейб-гвардии Семёновского полка. Оно было жестоко подавлено. В обществе царили мрак и тревога.

Внезапно в 10-й книжке незначительного петербургского журнала «Невский зритель» появилась сатира «К временщику», подписанная безвестным Рылеевым.

В ноябре 1820 года он писал своему другу М. Г. Бедраге: «Моя сатира “К временщику” уже печатается в 10-й книге “Невского зрителя”. Многие удивляются, как пропустили её».

В самом деле, цензура оказалось близорукой, ибо сатира отличалась исключительной резкостью. Стилизованная под античное послание, слегка замаскированная древнеримскими именами и историческим колоритом, сатира недвусмысленно намекала на средства, с помощью которых достиг власти всесильный временщик Аракчеев, и на военные поселения, ненавистные народу и обществу.

Надменный временщик, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстец и друг неблагодарный,
Неистовый тиран родной страны своей,
Взнесённый в важный сан пронырствами злодей!
Ты на меня взирать с презрением дерзаешь
И в грозном взоре мне свой ярый гнев являешь!
Твоим вниманием не дорожу, подлец!

Не ограничиваясь этим неслыханно дерзким поношением графа Аракчеева, молодой поэт прямо угрожал ему:

Тиран, вострепещи! Родиться может он!
Иль Кассий, или Брут, иль враг царей, Катон!
О, как на лире я потщусь того прославить,
Отечество моё кто от тебя избавит!

Это была «бомба», как говорят журналисты XX века. «Мы с жадностью читали эти стихи и узнавали нашего русского временщика», — вспоминал впоследствии декабрист Н. И. Лорер.

Н. Бестужев писал: «Нельзя представить изумления, ужаса, даже можно сказать оцепенения, каким поражены были жители столицы при сих неслыханных звуках правды и укоризны, при сей борьбе младенца с великаном. Все думали, что кары грянут, истребят и дерзновенного поэта, и тех, которые внимали ему... Это был первый удар, нанесенный Рылеевым самовластью».

Но кары не грянули. Аракчеев растерялся. Он хотел было привлечь Рылеева к суду, но просто не посмел признать, что слова «злодей» и «подлец» принял на свой счёт. Он сделал вид, что не узнал себя в сатире. Ничего не произошло. Рылеев же сразу стала знаменитостью Петербурга.

Становление поэта

Писать он начал раннее и совершенно в ином в духе. Конечно, его ученические оды исполнены гражданских чувств, но затем господствующие поветрия русской лирики всецело им завладели.

Стихи Рылеева, написанные им в провинции или в первое время пребывания в Петербурге, — это в основном альбомные мелочи (мадригалы, песни, куплеты, триолеты, романсы) или послания в стиле лёгкой поэзии. Темы традиционны, стиль полон штампов. Все эти Делии, Аглаи, Дориды, хижина, где героев вкушал сладострастие и негу, пылкие восторги и потоки сладких слёз, все эти «подражания Тибуллу» и «подражания древним» свидетельствует прежде всего о прилежном подражание Батюшкову, его любовным и антологическим стихам. Ранний Рылеев — эпигон позднего Батюшкова.

Петербург с его насыщенной оппозиционной атмосферой подстегнул Рылеева. Он приехал сюда уже готовый к обращению в революционную веру. Ещё из воронежской глуши он писал матери: «Для нынешней службы нужны подлецы, а я, к счастью, не могу быть таким».

Оппозиционность Рылеева зародилась ещё в армии, которая после славы, побед и взятия Парижа вернулась под аракчеевские палки и бешеным матом крыла родимые порядки.

Все свои подражательные стихи, песни, романсы и прочие безделки в духе Жуковского и Батюшкова, написанные в походах, а затем в гарнизоне, Рылеев оставил ненапечатанными.

Печататься он начал в 1820, в петербургских журналах. Некоторое время он параллельно создаёт и публикует как оды «К временщику» и «Гражданское мужество», так и лёгкие стихи «К Делии», «Жестокой», «Нечаянное счастье». Но вскоре он забросил анакреотическую лирику в духе Батюшкова.

В апреля 1821 года Рылеев избран членом руководимого Глинкой Ввольного общества любителей российской словесности. Здесь завершилось литературно-политическое воспитание Рылеева. Он выдвинулся в ряды главнейших и активнейших участников Вольного общества.

Кумир молодёжи, казавшийся воплощением душевного благородства, Рылеев быстро обрастал важными связями и знакомствами. Он сблизился с Гнедичем, которого считал своим руководителем в области гражданской поэзии, познакомился с Николаем Тургеневым, дружески сошелся с Бестужевым-Марлинским и Пущиным.

Бестужев вскоре стал другом и единомышленником Рылеева; они вместе издавали в 1823 – 1825 альманах **«Полярная звезда»**. Пущин (лицейский друг Пушкина) больше года был сослуживцем Рылеева в петербургской палате уголовного суда; именно Пущин вёл Рылеева в Северное тайное общество.

Рылеев был дружески связан с Баратынским, чье стихотворения он собирался издавать, с Дельвигом, Вяземским, Пушкиным. С последним будущий декабрист познакомился в СПб

ещё до южной ссылки автора «Деревни» и «Руслана». Более они не встречались, но вели переписку, особенно оживлённую в 1825 году (об этом см. ниже(.

Рылеев познакомился и близко сошелся с Адамом Мицкевичем, который по распоряжению правительства в 1825 был выслан из Польши на службу в Петербург.

В творчестве Рылеева гражданский пафос делается определяющим. В основном это поэзия высокого классицизма: послание Ермолову (1821), оды «Видение» и «Гражданское мужество» (обе 1823).

В 1821 году Рылеев начинает создавать и печатать свои знаменитые **думы**; он писал их до начала 1823. Отдельным изданием думы Рылеева (их всего 25) вышли в 1825 году. Подробнее об этом ниже.

Декабрист

В октябре 1823 года Пущин ввёл Рылеева в Северное общество, и Рылеев сразу же занял в нём видное положение. В это время главное внимание членов общества сосредоточилось на обсуждении и критике проекта конституции Никиты Муравьева. Этот заговорщик предусматривал сильную исполнительную и военную власть императора, а также очень высокий имущественный ценз для избирателей. Рылеев соглашался с конституционной монархией Муравьёва, но резко критиковал систему имущественного ценза, считая демократию необходимой для России. При этих расхождениях Рылеев вплоть до весны 1824 года оставался сторонником Никиты Муравьева и Николая Тургенева по вопросу о конституционной монархии.

Надежды Рылеева на «просвещённого монарха», который сможет осуществить широкую программу реформ, отразились в одах «Видение» и «Гражданское мужество».

В «Гражданском мужестве» поэт воспевает доблести адмирала Мордвинова. Николай Семёнович Мордвинов (1854 – 1845) славился своим независимым и оппозиционным настроением в отношении правительства; он был одним из кандидатов Северного общества в члены будущего временного правительства.

Ода «Видение» была обращена к пятилетнему Александру Николаевичу, которого декабристы одно время предполагали возвести на престол:

Люби глас истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства дух неблагородный —
Неправосудье истреби...

Так обращался Рылеев к будущему «царю-освободителю».

В марте 1824 года в СПб приезжает Пестель для совещаний с петербургскими единомышленниками по вопросу о соединении Северного и Южного общества. На этих тайных заседаниях происходят отчаянные споры. Резкое сопротивление республиканской и демократической программе Пестеля, его якобинским тенденциям оказали С. П. Трубецкой

и Н. М. Муравьёв. На других северян, особенно на Рылеева и Оболенского, идеи Пестеля произвели огромное впечатление.

С весны 1824 года начинается идейное расслоение Северного общества, постепенный отход более умеренных элементов от руководства революционной работой и оформление левого крыла, вождём которого становится Рылеев. Под влиянием Пестеля он перешёл к республиканским позициям, к программе южан.

Весной 1824 года, оставив уголовную палату, Рылеев по рекомендации адмирала Мордвинова был назначен правителем канцелярии Российско-Американской торговой компании, привлекавшей и других декабристов возможностью контактов с оппозиционно настроенной частью купечества. Со второй половины 1824 года деятельность Рылеева приобретает исключительный размах. Он служит в компании, ведёт нелегально большую революционную работу, вместе с Бестужевым-Марлинским издаёт «Полярную звезду» и много пишет. От дум он уже перешёл к большим поэмам, однако в то же время не чуждается и **низших жанров**.

Так, вместе с Бестужевым он пишет несколько агитационных песен для народа, используя формы крестьянского, солдатского и мещанского фольклора. В 1823 году они создают песню «Ты скажи, говори», где прямо говорится, «как в России царей давят» (Пётр III и «курносый злодей», т. е. Павел Петрович). Одна из лучших песен Бестужева и Рылеева «Ах, тошно мне» была написана на голос широко популярного романса Налединского-Мелецкого. В этой песне простыми и яркими словами говорилось о крепостном праве:

…И людями,
Как скотами,
Долго ль будут торговать?

О помещиках говорится здесь:

Они кожу с нас дерут,
Мы посеем — они жнут,
Они воры,
Живодёры,
Как пиявки, кровь сосут.

О судах: «Без синюхи судьи глухи, без вины ты виноват».

Нас поборами царь
Иссушил, как сухарь;
То дороги,
То налоги
Разорили нас вконец.

О кабаках: «А под царским орлом ядом почтуют с вином…
Далее о военных поселениях — и естественный переход к концовке:

Уж так худо на Руси,
Что и боже упаси!
Всех затеев
Аракчеев
И всему тому виной.
Он царя подстрекнёт,
Царь указ подмахнёт,
Ему шутка,
А нам жутко,
Тошно так, что ой, ой, ой!
А до бога высоко,
До царя далеко,
Да мы сами
Ведь с усами.
Так мотай себе на ус.

Эта песня относится к 1824, как и знаменитая песня «Уж как шёл кузнец», написанная на голос **«подблюдных песен»** (с хоровым славословием). Кузнец несёт из кузницы три ножа: «на злодеев-вельмож», «на попов, на святош» и «третий нож на царя».

Заговорщики планируют уничтожение императорской фамилии. Рылеев — самые радикальный из этих революционеров; фактически он становится во главе Северного общества. В 1825 он избран членом Думы этого общества и начинает энергичную вербовку новых членов.

Теперь он уже полностью и сознательно расстаётся с анакреотическими увлечениями своей недавней молодости. В стихотворении «Я не хочу любви твоей» (1824) Рылеев говорит:

Любовь никак нейдет на ум:
Увы, моя отчизна страждет;
Душа в волненьи тяжких дум
Теперь одной свободы жаждет.

Он создаёт самую знаменитую поэтическую декларацию декабристской идеологии **«Гражданин»**.

Я ль буду в роковое время
Позорить гражданина сан
И подражать тебе, изнеженное племя
Переродившихся славян?
Нет, неспособен я в объятьях сладострастья,
В постыдной праздности влачить свой век младой
И изнывать кипящею душой
Под тяжким игом самовластья.

...

Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в объятьях праздной неги
И, в бурном мятеже ища свободных прав,
В них не найдут ни Брута, ни Риеги.

Стихотворение с исключит. силой выражает устремления героя эпохи, посвятившего свою жизнь борьбе «за угнетённую свободу человека». **Кульминация декабристской лирики.**

Согласно показаниям Рылееве на следствии, «Гражданина» и песню «Ах, тошно мне» он ещё в августе в 1824 передал для распространения М. И. Муравьёву-Апостолу, который уезжал из СПб на юг. Но Пущин и Бестужев утверждают, что «Гражданин» написан в декабре 1825 года.

В начале 1825 князь Трубецкой уехал в Киев, и на его место в Думу Северного общества избран Рылеев. Именно он принял в общество Бестужева, Каховского, князя Одоевского и многих других; через Штейнгеля пытался установить связи с московским купечеством; вёл неустанную пропаганду.

Весной 1825 на почве общих политических и литературных интересов Рылеев сближается с Грибоедовым и Кюхельбекером.

В 1825 году отдельными книжками вышли в свет его «Думы», до этого выходившие в разных журналах, и поэма «Войнаровский», написанная в 1823 году, когда работа над думами была уже оставлена. Это крупнейшие произведения декабристского революционного романтизма, особенно «Войнаровский».

Думы. Критика Пушкина

Задачей Рылеева в думах явилось художественное воскрешение исторических образов для воспитания «сограждан подвигами предков». Эти думы давали портретные характеристики ряда деятелей русской истории: «Олег Вещий», «Ольга при могиле Игоря», «Святослав», «Михаил Тверской», «Дмитрий Донской», «Ермак», «Иван Сусанин», «Богдан Хмельницкий», «Пётр Великий в Острогожске», «Волынский», «Наталья Долгорукова», «Державин» и др. Все они под пером Рылеева — пламенные патриоты, правдолюбцы, борцы за свободу; всем им он невольно придаёт позы и риторические приёмы героев республиканского Рима, Курциев, Брутов и Кассиев.

Рылеев зовёт к борьбе с тиранами и с ненавистью трактует деятелей, опиравшихся на иноземные силы («Дмитрий Самозванец»).

Среди дум, не напечатанных при жизни Рылеева, есть и такие, в которых прославляется новгородская вольница. Таковы думы о «Марфе Посаднице» и о «Вадиме», защитнике древних прав вольного Новгорода.

Само название «дума» Рылеев взял из украинской народной поэзии, а тематику черпал в основном из «ИГР» Карамзина, хотя резко расходился с политическими идеями историка.

Жанровое своеобразие дум ещё раньше вызвало дискуссию. Друг поэта Бестужев в статье «Взгляд на старую и новую словесность в России» («Пол. зв.», 1823) писал: «Рылеев, сочинитель дум или гимнов исторических, пробил новую тропу в русском стихотворстве, избрав целью возбуждать доблести сограждан подвигами предков».

В «Русском инвалиде» (1823, № 4) критик, укрывшийся под инициалом К. возразил Бестужеву, высказывая сомнения в оригинальности Рылеева и говоря, что жанр заимствован из польской литературы. Этот К. имел в виду «Исторические гимны» польского поэта Юлиана Немцевича (1757 – 1841). Действительно, Рылеев очень ценил этого поэта, состоял с ним в переписке и в 1822 опубликовал перевод думы Немцевича «Глинский», включив его затем в свой сборник 1825 года. Рылеев не отрекался от этого родства, считал Немцевича своим предшественником в этом жанре и в своем предисловии к сборнику «Думы» назвал его одним из лучших поэтов Польши. Но в тоже время Рылеев не был просто подражателем, а шёл своим путём. Поэтому в сборнике 1825 года одну думу («Олег Вещий») он демонстративно выделил как подражательную и поместил её со ссылкой на Немцевича, чтобы отвести дальнейшие сомнения в оригинальности своего творчества.

На сомнения «Русского инвалида» в национальном характере самого жанра дум ответил в особой статье Бестужев-Марлинский: «думы суть общее достояние племён славянских», они выросли на почве устного народн. творчества и жанр думы «поместить должно в разряд чистой романтической поэзии». Определяющий признак жанра — это национальн-историческая тема в субъективной трактовке: «. . . дума не всегда есть размышление исторического лица, но более **воспоминание автора** о каком-либо историческом происшествии или лице, и нередко **олицетворённый** об оных **рассказ**».

Совершенно иными глазами читал думы Рылеева ссыльный Пушкин, получая столичные журналы.

4 сентября 1822 года он пишет брату Льву: «Милый мой, у вас пишут, что луч денницы проникал в полдень в темницу Хмельницкого. Это не Хвостов написал — вот что меня огорчило. . . » (Пушкин говорит об ошибке Рылеева в думе «Богдан Хмельницкий».

В январе 1823 — тому же Льву Пушкину поэт разъясняет другую ошибку Рылеева — российский герб на вратах византийских, повешенный Олегом, во времена которого никакого русского герба ещё не было.

В другом письме Пушкин дважды иронические повторяет слова «знаменитый Рылеев. . . »

В марте 1823 Пушкин просит Вяземского: «Не написал ли ты чего нового? пришли, ради бога, а то Плетнёв и Рылеев отучат мне от поэзии».

12 января 1824 — Александра Бестужеву: «Рылеева “Войнаровский” несравненно лучше всех его “Дум”, слог его возмужал и становится истинно повествовательным, чего у нас почти ещё нет».

NB! Вскоре (начало февраля? 1724 года) Пушкин пишет брату Льву: «С Рылеевым мирюсь “Войнаровский” полон жизни».

25 января 1825 года, уже из села Михайловского, Пушкин пишет Рылееву в СПб: «Благодарю тебя за **ты** и за письмо». И далее о «Войнаровском»: «Эта поэма нужна была для нашей словесности».

24 марта 1825 — Александру Бестужеву: «Откуда ты взял, что я льщу Рылееву? мнение своё о его “Думах” я сказал вслух и ясно; о поэмах его также. Очень знаю, что я его учитель в стихотворном языке, но он идёт своею дорогою. Он в душе поэт. Я опасаюсь его не на шутку и жалею очень, что его не застрелил, когда имел тому случай — да чёрт его знал. Жду с нетерпением “Войнаровского” и пришлю ему все свои замечания. Ради Христа! чтобы он писал — да более, более!»

В апреле 1825 — Жуковскому: «Цель поэзии — поэзия — как говорит Дельвиг (если не украл этого). Думы Рылеева и целят, а всё не в попад».

NB В мае 1825 — Рылееву: «Что сказать тебе о думах? во всех встречаются стихи живые, окончательные строфы «Петра в Острогожске» чрезвычайно оригинальны. Но вообще все они слабы изобретением и изложением. Все они на один покрой: составлены из **общих мест** (Loci topici). Описание места действия, речь героя — и нравоучение. Национального, русского нет в них ничего, кроме имён (исключаю «Ивана Сусанина», первую думу, по коей начал я подозревать в тебе истинный талант). Ты напрасно не поправил в «Олеге» **герба России**. Древний герб, святой Георгий, не мог находиться на щите язычника Олега; новейший, двуглавый орёл есть герб византийский и принят у нас во времена Иоанна III, не прежде. Летописец просто говорит: Таже повесил щит свой на вратах на показание победы.

Об «Исповеди Наливайки» скажу, что мудрено что-нибудь у нас напечатать истинно хорошего в этом роде. Нахожу отрывок этот растянутым; но и тут, конечно, наложил ты свою печать».

Мнение Пушкина прочно, и в мая 1825 он пишет Вяземскому: «Это поэма [«Чернец» Козлова], конечно, полна чувства и **умнее** «Войнаровского», но в Рылееве есть более замашки или размашки в слоге. У него есть какой-то там палач с засученными рукавами, за которого я бы дорого дал. Зато «Думы» дрянь, и название сие происходит от немецкого dumm, а не от польского, как казалось бы с первого взгляда».

Критика Пушкина глубоко обоснована. В рылеевских думах монологи исторических лиц и автора по существу не разнились между собой. Интерес и значение дум заключались преимущественно в образе автора, объединявшем весь цикл в единое целое.

Все исторические герои Рылеева сходятся к одному центру, все напоминают о герое декабристской эпохи со всеми особенностями его мировоззрения, с характерной символикой его поэтического языка: «тиран», «гражданин», «общественное благо», «вольность»... Миросозерцание поэта-декабриста, выраженное в думах, нередко вступало в противоречие с объективной

сущностью героя, которого автор заставлял произносить монологи о свободе — напр., Волынского.

Прославление гражданской доблести через лирическое изображение исторических героев — в этом суть революционного романтизма дум Рылеева. Но это лирическое изображение по самой задаче не нуждалось в том историзме, к к-рому стремился Пушкин.

Думы связаны и с классицизмом: в особенностях языка и композиции, в своей риторичности и дидактике. Рылеев в думах продолжает классические традиции.

Итог: думы Рылеева, при некоторой зависимости их от оды классицизма, украинских народных дум, «Исторических песен» Немцевича, от поэм Байрона и Пушкина, всё же явились оригинальным драматическим жанром, найденным Рылеевым. Пафос дум — революционный патриотизм, герои соответствуют лишь представлению поэта о желаемом (**проекция идеала на историческое прошлое. — Р. Н.**).

«Войнаровский»

В этой поэме учителем Рылеева был Пушкин. У него Рылеев, по его собственному признанию, учился стихотворному языку.

Герой поэмы — племянник Мазепы, Войнаровский; он явился ближайшим участникам в заговоре против Петра I. После смерти Мазепы Войнаровский бежал за границу, но потом был выдан нашему правительству и сослан в Якутию. Время действия поэмы — 30-ые годы XVIII века. Историк Миллер, путешествующий по Сибири, встречает вблизи Якутска ссыльного Войнаровского, и тот рассказывает ему о своей жизни, о Мазепе и об участии в заговоре.

История Войнаровского в изображении Рылеева — это история благородного и пылкого молодого человека, искренне поверившего Мазепеи совращённого им на путь измены.

Рылеев наделил своего героя своим собственным вольнолюбием. Как их в думах, образ автора сливается в поэме с образом Войнаровского. В речах Войнаровского мы слышим голос трибуна и гражданина, борющегося за «свободу человека», за его «свободные права» против «тяжелого ига самовластия». Рылеев идеализировал в поэме образ Мазепы; именно это обстоятельство отметил впоследствии Пушкин. Критические замечания в адрес «Войнаровского» Пушкин сделал в предисловии к «Полтаве», которую задумал отчасти под впечатлением поэмы Рылеева.

В этой поэме, отойдя от своего прежнего классицизма, Рылеев опирается на романтическую поэтику Байрона и Пушкина. В работе над «Войнаровским» поэт использовал исторический и этнографический материал (напр., журнальные статьи о Якутске).

«Войнаровского» называют «романтической поэмы с агитационно-пропагандистской установкой». Романтическая субъективность этой поэмы была неприемлема для Пушкина. Он выше всех произведений Рылеева ценил «Войнаровского», но и эту вещь критиковал. В «Полтаве» же он дал исторически правдивый образ Мазепы как изменника родины, уничтожив

героический ореол, которым окружили мятежного гетмана Украины и Байрон, и Рылеев (ореол романтического мстителя).

12 февраля 1825 года Рылеев писал Пушкину: «Очень рад, что Войнаровский понравился тебе. В этом же роде я начал Наливайку и составляю план для Хмельницкого. Последнего хочу сделать в 6 песнях; иначе не всё выскажешь».

Пушкин в письме к Бестужеву-Марлинскому подтрунивал над «**планщиком**» Рылеевым и шутил, что лучше стихи без планов, чем планы без стихов.

Финал (14 декабря 1825)

Рылеев успел опубликовать три отрывка из поэмы о Наливайке («Смерть Чигиринского старосты», «Киев» и «Исповедь Наливайки») и два отрывка из новой поэмы о Мазепе («Гайдамак» и «Палей». Трагедия «Хмельницкий» не сохранилась, нет даже планов; неизвестно, что успел сделать Рылеев для трагедии.

Все три замысла относятся к истории Украины. Особенно далеко продвинулась разработка поэмы о Наливайкк; это должно было стать большое историческое полотно.

Если в «Войнаровском» монолог героя был главным организующим элементом произведения, то в «Наливайке» центр тяжести переносился на объективное повествование, к-рое вёл сам автор. Вследствие этого сюжет поэмы стал динамичнее, а лирические партии героев получили большую напряженность. В «Войнаровском» имеется любовная интрига (образ юной казачки), а в «Наливайке» она устранена полностью.

Герой поэмы Наливайко — вождь народного восстания против польского ига. Народное дело стало для него личным делом. Романтический образ Наливайки — это образ героя, живущего страстями и помыслами народа:

Могу ли равнодушно видеть
Порабощенных земляков?..
Нет, нет! Мой жребия: ненавидеть
Равно тиранов и рабов.

В «Наливайке» современники ещё легче, чем в «Войнаровском», находили открытый призыв к борьбе с самодержавием. Слова Наливайки звучали как слова самого Рылеева. Особенно обнажился агитационный смысл поэмы в «Исповеди Наливайки»:

Известно мне: погибель ждёт
Того, кто первый восстаёт
На утеснителей народа, —
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной, —

Я это чувствую, я знаю…
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю!

«Когда Рылеев писал исповедь Наливайки, — вспоминал в своих мемуарах декабрист Н. А. Бестужев, — у него жил больной брат мой Михаил Бестужев. Однажды он сидел в своей комнате и читал. Рылеев работал в кабинете и оканчивал эти стихи. Дописав, он принёс их брату и прочел. Пророческий дух отрывка невольно поразил Михаила. “Знаешь ли, — сказал он, — какое предсказание написал ты самому себе и нам с тобою. Ты, как будто, хочешь указать на будущий свой жребий в этих стихах”. — “Неужели ты думаешь, что я сомневался хоть минуту в своем назначении, — сказала Рылеев. — Верь мне, что каждый день убеждает меня в необходимости моих действий, в будущей погибели, которую мы должны купить нашу первую попытку для свободы России, и вместе с тем в необходимости примера для пробуждения спящих россиян”».

Рылеев, как и герои его поэзии (Иван Сусанин, Наливайко и др.), **сознательно** шёл на гибель.

С ноябрь 1825 года Рылеев стал вождем Северного общества. Он вдохновлял восстания, и он же 14 декабря оказался его единственным руководителем (одни не явились на площадь, другие оказались «не на высоте»). В ходе подготовки к восстанию Рылеев проявил кипучую деятельность. Утром 14 декабря он энергично инструктировал членов тайного общества, а затем находился в рядах восставших полков на Сенатской площади.

После разгрома восстания Кондратий Рылеев был арестован и заключён в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. В тюрьме он просидел полгода и пережил **глубокую душевную трагедию**. Им овладели религиозно-мистические настроения, он каялся и признавался; Николаю I, проявившему в этом следствии величайшие полицейские таланты, удалось обмануть Рылеева и получить от него исчерпывающие показания.

Приговором Верховного суда Рылеев, вместе с Пестелем, Каховским, Муравьёвом-Апостолом и Бестужевым-Рюминым, был осуждён к смертной казни **четвертованием**. В официальной «Росписи государственным преступникам» около имени Рылеева значилось: «Умышлял цареубийство; назначал к совершению оного лица; умышлял на лишение свободы, на изгнание и на истребление императорской фамилии и приуготовлял к тому средства; усилил деятельность Северного общества; управлял оным, приуготовлял способы к бунту; составлял планы, заставлял сочинить Манифест о разрушении правительства; сам сочинял и распространял возмутительные песни и стихи и принимал членов; приуготовлял главные средства к мятежу и начальствовал в оных; возбуждал к мятежу нижних чинов чрез их начальников посредством разных обольщений, и во время мятежа сам приходил на площадь».

Николай I с гнуснейшим лицемерием разыграл перед осуждёнными комедию великодушия. Он сказал Рылееву, что **прощает** его. Рылеев был уверен, что его раскаяние понятно и оценено по достоинству. Но Николай I, «простив» его, затем преспокойно казнил.

Этот гнуснейший из монархов заменил всем осуждённым четвертование повешением. **13 июля 1826 года** пятеро, в числе которых был и Рылеев, «кои по тяжести их злодеяний поставлены вне разрядов и вне сравнений с другими», были повешены на кронверке Петропавловской крепости.

Существует множество рассказов, как у двоих казнимых, в том числе у Рылеева, верёвки оборвались. При этом Рылеев что-то сказал.

Одна версия: «Я счастлив дважды умереть за отечество».

Другая версия: «Несчастная Россия! Даже повесить толком не умеют!»

Третья (и наиболее достоверная): «Палач, расплети свои эполеты на веревки!»

Это было сказано офицеру, который командовал казнью, т. к. запасных верёвок под рукой не оказалось и за ними пришлось далеко посылать.

Трупы пятерых казнённых были тайно зарыты где-то на Невском взморье, где — в точности не известно.

Поэзия Рылеева оказала сильное влияние на Лермонтова, Полежаева, Огарёва и особенно на Некрасова. Несколько десятилетий стихи Рылеева распространились по России в рукописных книгах.

История с Черновым

Флигель-адъютант В. Д. Новосильцев, из высшей петербургской знати, увлек дочь судебного чиновника Е. П. Чернову. Знатная родня воспрепятствовала браку Новосильцева с бедной и не знатной девушкой. Константин Пахомович Чернов, брат этой девушки, вызвал оскорбителя сестры на дуэль. Секундантом Чернова был поэт Кондратий Рылеев. На дуэли противники тяжело ранили друг друга. Чернов умер от раны; его похороны превратились в декабристскую манифестацию. Рылеев написал стихотворение «На смерть Чернова».

Фёдор Глинка

Религиозная поэзия

Старший брат поэта

Сергей Николаевич Глинка родился 5 (16) июля 1775 года в имении Сутоки (Смоленской губернии), а умер 5 (17) апреля 1847 в СПб. Воспитанник кадетского корпуса, он служил в ополчении в 1807 году и участвовал в войне 1812 года. Сергей Глинка издавал в 1808 – 1820 и в 1824 годах журнал «Русский вестник», выступавший с монархических и националистических позиций против французского влияния.

В 1807 опубликовал патриотическую поэму «Пожарский и Минин, или Пожертвования россиян», написала ряд исторических драм: «Наталья, боярская дочь» (1806), «Минин» (1809), «Осада города Полтавы, или Клятва полтавских жителей» (1810). С 1827 по 1830 г. Сергей Глинка был цензором Московского цензурного комитета.

В 1836 изданы его «Записки о 1812 годе», в 1837 — «Записки о Москве и заграничных происшествиях от исхода 1812 до половины 1815 г.». Он был также автором «Русской истории» в 14 частях, многочисленных стихотворений, исторических и нравоучительных повестей, анекдотов и т. д. Его сочинения в 12 частях вышли в Москве, в 1817 – 1820 гг. (не охватывают всего периода творчества), а «Записки» переизданы в СПб, 1895 год.

Его младшим братом был Фёдор Глинка, о котором далее и пойдет речь.

Молодость Фёдора Глинки

Родился Фёдор Николаевич Глинка в тех же Сутоках 8 (19) июня 1786 года, умер в Твери 11 (23) февраля 1880 года, прожив очень долгую жизнь.

Он окончил кадетский корпус в 1803 году, в 1805 – 1806 служил в армии, участвовал в сражении при Аустерлице[1]. Первое своё стихотворение «Глас патриота» опубликовал в 1807 году. Выйдя в отставку, жил в Смоленском имении.

Участник Отечественной войны 1812 года, Бородинского сражения и заграничных кампаний 1813 – 1814 годов, которые он описал в «Письмах русского офицера», 1815 – 1816. Эти письма принесли ему первую литературную известность.

Фёдор Глинка был масон, одним из первых вошёл в Союз Спасения, затем в Союз Благоденствия, примкнув к умеренному крылу декабристов. Он жил в СПб и продолжал служить в армии.

В 1816 он был избран вице-председателем только что созданного Вольного общества любителей российской словесности и начал принимать самое деятельное участие в декабристском движении, создавая кружки и общества, легальные и тайные. Он был одним из организаторов и руководителей Союза благоденствия. После роспуска этого Союза Глинка постепенно отходит от деятельности заговорщиков. В члены тайного Северного общества он не вступил, хотя на совещаниях его бывал. Он по-прежнему оставался близок декабристам, но не разделял их революционных взглядов.

В 1819 году Фёдор Глинка стал уже председателем Вольного общества любителей российской словесности и оставался на этом посту до 1825 года.

Он был также членом общества «Зелёная лампа».

Гражданская лирика молодого Глинки весьма своеобразна. Патриотическая тематика у него переплетается с библейской и религиозной; всё это связано воедино идеями свободы и высокой чистоты духа. Так, в «Полярной звезде на 1823 год» Глинка опубликовал одну из самых известных своих политических элегий «Плачь пленённых иудеев». Используя библейскую легенду о вавилонском пленении иудеев, Глинка фактически проводит свободолюбивые декабристские идеи. Вот три заключительные строфы (всего их 6):

Сиона песни — глас свободы!
Те песни — слава нам дала!

[1] Глинка окончил 1-й кадетский корпус в СПб и в 1803 был выпущен прапорщиком в пехотный Апшеронский полк, но войну 1805 – 1806 проделал адъютантом при Милорадовиче.

В них тайны мы поём природы
И бога дивного дела!
Немей, орган наш голосистый,
Как занемел наш в рабстве дух!
Не опозорим песни чистой:
Не ей ласкать злодеев слух!
Увы! неволи дни суровы
Органам жизни не дают:
Рабы, влачащие оковы,
Высоких песней не поют!

Такой афористической концовкой завершается это энергичное и волевое стихотворение, где в библейский сюжет органично входит декабристская патетика, тираноборство.

После восстания 14 декабря 1825 года Фёдор Глинка просидел три месяца в Петропавловской крепости и был уволен с военной службы (1826). Его сослали в Петрозаводск с определением на службу по гражданской части. Там он был советником Олонецкого Губернского правления, но жил под надзором полиции. В 1830 получил разрешение на переезд в Тверь, где был советником губернского правления в Твери и в Орле. По сути дела, он оставался всё это время на положение ссыльного. Только в 1835 он получил отставку и разрешение жить в столицах, поселился в Москве, но живал далее и в Петербурге.

Гражданская лирика декабристов Глинки — это в основном патриотические и «духовные» стихи, окрашенные сентиментальными и библейскими мотивами. Но в 1824 году появляется «Сон русского на чужбине»:

Свеча, чуть теплясь, догорала,
Камин, дымяся, погасал;
Мечта мне что-то напевала,
И сон меня околдовал...
Уснул — и вижу я долины
В наряде праздничном весны
И деревенские картины
Заветной русской стороны!..
Играет рог, звенят цевницы,
И гонят парни и девицы
Свои стада на влажный луг.
Повеял новый, тёплый дух
Весенней жизни и свободы
От долгой и крутой зимы —
И рвутся из своей тюрьмы,
И хлещут с гор кипящи воды...

Пловцов брадатых на стругах
Несётся с гулом отклик долгий;
И широко гуляет Волга
В заповедных своих лугах...
Поляны муравы одели,
И вместо пальм и пышных роз,
Густеют молодые ели,
И льётся запах от берёз!
!! И мчится тройка удалая
В Москву, дорогой столбовой,
И колокольчик-дар Валдая —
Гудит, качаясь под дугой...
Младой ямщик бежит с полночи:
Ему сгрустнулося в тиши,
И он запел про ясны очи,
Про очи девицы-души:
«Ах, очи, очи голубые!
Вы иссушили молодца!
Зачем, о люди, люди злые,
Зачем разрознили сердца?
Теперь я горький сиротина!»
И вдруг махнул по всем по трём...

...

Но я расстался с милым сном,
И чужеземная картина
Сияла пышно предо мной.
Немецкий город... всё красиво,
Но я в раздумье молчаливо
Вздохнул по стороне родной...

Фрагмент из этого стихотворения стал знаменитой народной песней («Вот мчится тройка удалая»).

В ссылке Фёдор Глинка изучал этнографию и фольклор Карелии, что отразилось в его «карельских» поэмах (1820 – 1830): «Дева карельских лесов» и «Карелия».

Фёдор Глинка и Александр Пушкин

Пушкин познакомился с Глинкой сразу же по выходе из лицея. Позже Глинка вспоминал: «Я очень его любил как Пушкина и уважал как в высшей степени талантливого поэта.

Кажется, и он это чувствовал и потому дозволял мне говорить ему прямо-на-прямо насчёт тогдашней его разгульной жизни. Мне удалось даже отвести его от одной дуэли».

С 1819 года гвардии полковник Глинка состоял для поручений при петербургском генерал-губернаторе Милорадовиче. Однажды весной 1820 года Глинка встретился на улице с бледным и серьёзным Пушкиным.

— Я шёл к вам посоветоваться, — сказал он. — Вот видите: слух о моих и не моих пьесах, разбежавшихся по рукам, дошёл до правительства. Вчера, когда я возвратился поздно домой, мой старый дядька объявил, что приходил в квартиру какой-то неизвестный человек и давал ему пятьдесят рублей, прося дать ему почитать моих сочинений и уверял, что скоро принесёт их назад. Но мой верный старик не согласился, а я взял да и сжёг все мои бумаги... Теперь меня требуют к Милорадовичу. Я не знаю, как и что будет, и с чего с ним взяться. Вот я и шёл посоветоваться с вами.

— Они долго обсуждали дело. В конце концов Глинка посоветовал:

— Идите прямо к Милорадовичу, не смущаясь и без всякого опасения. Положитесь безусловно на благородство его души, он не употребит во зло вашей доверенности.

Пушкин так и сделал. Он явился к Милорадовичу и в его присутствии сам написал по памяти все свои нелегальные стихи, чем привёл генерала в восторг.

После высылки Пушкина на Юг Ф. Н. Глинка напечатал в «Сыне отечества» приветственные стихи к опальному поэту (1820):

О Пушкин, Пушкин! кто тебя
Учил пленять в стихах чудесных?
Какой из жителей небесных,
Тебя младенцем полюбил,
Лелеял, баял в колыбели? [баюкал]
Лишь ты завидел белый свет,
К тебе эроты прилетели
И с лаской грации подсели...
И музы, слышал я, совет
Нарочно всей семьёй держали
И, кончив долгий спор, сказали:
«Расти, резвись — и будь поэт!»

Далее в послание «К Пушкину» следуют вольные вариации на тему «Руслана и Людмилы», а последние строки гласят:

Следы исчезнут поколений,
Но жив талант, бессмертен гений!

Чтобы послание выглядела не столь вызывающим, Глинка снабдил его примечанием: «Стихи сии написана за год перед сим, по прочтении двух первых песен “Руслана и Людмилы”». На этом основании послание датируется 1819 годом, что вряд ли правильно...

Пушкин ответил Глинк из Кишинёва благодарным посланием:

Когда средь оргий жизни шумной
Меня постигнул остракизм,
Увидел я толпы безумной
Презренный, робкий эгоизм;
Без слёз оставил я с досадой
Венки пиров и блеск Афин,
Но голос твой мне был отрадой,
Великодушный гражданин!
Пускай судьба определила
Гоненья грозные мне вновь,
Пускай мне дружба изменила,
Как изменяла мне любовь, —
В моём изгнаньи позабуду
Несправедливость их обид:
Они ничтожны, если буду
Тобой оправдан, Аристид!

В Древних Афинах Аристид, соперник Фемистокла и победитель при Марафоне, прославился своей неподкупной честностью и благородством. Назвать Глинку Аристидом было немалой лестью. На самом деле Пушкин не столь уж высоко ставил «великодушного гражданина». Довольно скоро после кишинёвского послания он написал на Глинку эпиграмму, где называет его **Фитой** (имя Глинки писалось через «фиту»: **Тедоръ**):

Наш друг Тита, Кутейкин в эполетах,
Бормочет нам растянутый псалом;
Поэт Тита, не становись **фертом**!
Дьячёк Тита, ты **ѵжица** в поэтах!
(Ижица — последняя, 35-ая буква русского алфавита).

В знаменитом «Собрании насекомых», к-рое с таким трудом расшифровали пушкинисты, Глинка назван «божия коровка», что говорит разом и о доброте его, и о незначительности.

В 1825 году, посылая Вяземскому эпиграмму на «Фиту», приведённую выше, Пушкин писал: «Не выдавай меня, милый; не показывай этого никому: Тита бо друг сердца моего, муж благ, незлоблив, удаляйся от всякия скверны».

Когда появилась в печати поэма Глинки «Карелия», Пушкин написал на неё рецензию «Карелия, или заточение Марфы Иоановны Романовой», отметив в ней свежесть живописи при описании северной природы и народного быта.

В 1830 году Пушкин и Вяземский заезжали к Глинке в Тверь.

Пушкин признавал Глинку оригинальным поэтом, со своим собственным лицом, с поэтическим воображением, теплотой чувств и свежей живописью, но в то же время небрежным

в рифмах и слоге, однообразном в мыслях, с простотой, переходящей в изысканность, с оборотами то смелыми, то прозаическими. Эти смелые обороты не раз веселили Пушкина. Так, в «Северных цветах» за 1831 год была помещено стихотворение Глинки «Бедность и утешение».

Не плачь, жена! Мы здесь земные постояльцы;
Я верю: где-то есть и нам приютный дом!
Подчас вздохну я, сидя за пером;
Слезы роняешь ты на пяльцы;
Ты всё о будущем полна заботных дум:
Бог даст детей?.. — Ну что ж? — пусть Он наш будет Кум!

По этому поводу Пушкин писал Плетнёву: «Бедный Глинка работает, как батрак, а проку всё нет. Кажется мне, он с горя рехнулся. Кого вздумал просить себе в кумовья! Вообрази, в какое положение приведёт он и священника, и девочка, и куму, и бабку, да и самого кума, которого заставят же отрекаться от дьявола, плевать, дуть, сочетаться и прочие творить проделки. Нащокин уверяет, что всех избаловал покойник царь, который у всех крестил ребят. Я до сих пор от дерзости Глинкиной опомниться не могу. Странная вещь, непонятная вещь!»

Пушкин указывал на оригинальность **элегических псалмов** Глинки и в тоже время на однообразие мыслей в них. Некоторые из этих псалмов были просто нелепы. Так, в одном из них Адонаи (господь) говорит своему мечу:

Сверкай, мой меч! играй, мой меч!
Лети, губи, как змей крылатый!
Пируй, гуляй в раздолье сеч!
Щиты их в прах! В осколки латы!

Об этом упоминается в дневниковой записи Пушкина за 1844 год: «Цензор Никитенко на гауптвахте под арестом и вот по какому случаю: Деларю напечатал перевод оды Гюго, в которой находится следующая глубокая мысль: если де я был бы богом, то я бы отдал свой рай и своих ангелов за поцелуй Милены или Хлои (см. Деларю)... А всё виноват Глинка. После его ухарского псалма, где он заставил бога говорить языком Дениса Давыдова, цензор подумал, что Он пустился во всё тяжкое... Псалом Глинки уморительно смешон».

Аристид! Великодушный гражданин!
Божья коровка... Кутейкин в эполетах...

Глинка не был большим русским поэтом. Однако он интересен и самобытен.

Дальнейшая эволюция Глинки

Поражение декабристов вынудило Фёдора Глинку целиком уйти в христианское смирение. Теперь уже он пел не о свободе, а о милосердии монарха. В его стихах исчезли

«тираны» и появился православный царь. В 1831 году появляется знаменитый **«Узник»**, иногда датируемый 1826 годом (якобы написан в крепости):

Не слышно шуму городского,
На невских башнях тишина!
И на штыке у часового
Горит полночная луна.
А бедный юноша, ровесник
Младым цветущим деревам,
В глухой тюрьме заводит песни
Передаёт тоску волнам.
«Прости, мой дом, мой кров любезный!
Прости навек, моя семья;
Здесь за решёткою железной
Уже не свой вам больше я!
Прости, отец, прости, невеста,
Сломись, венчальное кольцо;
Отныне здесь моё уж место;
Не быть мне мужем и отцом!
Сосватал я себе неволю,
Мой жребий — слёзы и тоска!
И мне сносить такую долю
Взяла сама моя рука.
Но есть надежда в избавленье,
Своим бедам найти конец?
Но есть на свете провиденье
И на Руси — ты, наш отец!
О русский царь! в твоей короне
Есть драгоценнейший алмаз.
Он значит: милость есть на троне,
О русский царь, помилуй нас!

...

Уж ночь прошла, с рассветом ясным
За ней день новый засиял!
А бедный узник в каземате
Всё ту же песню повторял.

Из этого великолепного стихотворения также образовалась народная песня.

Книга Глинки «Очерки Бородинского сражения» (1839) была положительно оценена Виссарионом Белинским.

В 1841 году Глинка (ему уже 55 лет) публикует стихотворение «Москва», имевшее значительный успех и вошедшее во многие русские хрестоматии. Это, по сути дела, гимн русского патриотизма с значительным славянофильским оттенком:

Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!
Опоясан лентой пашен,
Весь пестреешь ты в садах...
Сколько храмов, сколько башен
На семи твоих холмах!
Исполинскою рукою
Ты, как хартия, развит,
И над малою рекою
Стал велик и знаменит.
На твоих церквах старинных
Врастают дерева;
Глаз не схватит улиц длинных...
Это матушка Москва!
Кто, силач, возьмет в охапку
Холм Кремля-богатыря?
Кто собьет златую шапку
И Ивана-звонаря?
Кто Царь-колокол подымет?
Кто Царь-пушку повернет?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У святых в Кремле ворот?!
Ты не гнула крепкой выи
В бедовой своей судьбе, —
Разве пасынки России
Не поклонятся тебе!
Ты, как мученик, горела.
Белокаменная!
И река в тебе кипела
Бурнопламенная!
И под пеплом ты лежала
Полоненною,
И из пепла ты восстала
Неизменною!

Процветай же славой вечной,
Город храмов и палат,
Град срединный, град сердечный,
Коренной России град!

Уже с конца 30-х годов Фёдор Глинка сближается с будущими славянофилами, сотрудничает с Погодиным и Шевырёвым в журнале «Москвитянин». В 1839 году выходят «Духовные стихотворения» Глинки. Процесс превращения масона и декабриста в верноподданного завершается.

Старость поэта

Поэмы Фёдора Глинки «Иов» (1859), и «Таинственная капля» (1861) проникнуты религиозным мистицизм. Дряхлеющий поэт впадает в мистицизм и смыкается с политической реакцией.

Глинка был очень добр. Один из современников рассказывает: «Я не встречал подобного энтузиазма ко всему доброму. Расскажите при нём о каком-нибудь благородном поступке, тотчас цвет лица его переменится, и вид его, обыкновенно мрачный, сделается весёлым. Он жил в бедности, но, невзирая на то, послал однажды заключённым в тюрьме сто горшков цветов. Людей он не знал».

Но этот благороднейший человек был вместе с тем суетен и тщеславен в высшей степени. Под старость он весь ушёл в чинопочитание и в мелочное самообожание. Этот маленький, чёрненький, сморщенный старичок с добродушным личиком постоянно носил все имевшиеся у него ордена; поэт Щербина называл его ходячим иконостасом и уверял, что бабы к нему прикладываются. Остряки утверждали, что Глинка даже купается, не снимая орденов.

Его жена, Авдотья Павловна, тоже была поэтесса и тоже писала на религиозные темы. Они были влюблены в стихи друг друга. Иногда они устраивали у себя чтение «Таинственной капли»; это превращалось в настоящее священнодействие. Приглашались только достойные. В зале устраивалось возвышенное место, на нём ставился стол и два стула рядом; на столе зажигали свечи и ставилась сахарная вода. Самые восторженные поклонницы с таинственной осторожностью раскладывали фолианты рукописи. Для слушателей ставились кресла полукругом; все рассаживались заблаговременно. Вдруг все смолкали, и Фёдор Николаевич с Авдотьей Павловной всходили на эстраду. Засим неукоснительно происходил следующий разговор:

— Ma chere, кто начнёт?

— Ты, конечно, mon cher.

— Уверяю тебя, ma chere, ты гораздо лучше меня читаешь.

Наконец, кто-нибудь из них начинал, а затем его сменял другой. И муж, и жена читали совершенно одинаково: патетично, певуче, монотонно. «Никогда не забуду мучений, которые доставляли мне эти чтения!» — с ужасом вспоминает Екатерина Юнге.

Последние годы жизни Глинка провёл в Твери, где и умер.

Его **Сочинения** в трёх томах вышли в Москве, в 1869 – 1872 годах; **Избранное** (с послесловием Базанова) в Петрозаводске в 1949 году; наконец, **Стихотворения** (тоже издано Базановым) в Ленинграде, **1961**.

Сергей Глинка — издатель «Русского вестника». Патриотическое направление журнала сделало его популярным во время Отеч. войны; в дальнейшем журнал не пользовался успехом у передового общества. Пушкин братьев Глинок как не очень уважал. Он и Фёдора Глинку в послании «К В. Л. Пушкину» 1817 назвал «довольно плоским певцом».

Сергей Николаевич Глинка был в Москве цензором, но уволен от цензорства за то, что пропустил в № 10 «Московского телеграфа» за 1830 год сатирическую статейку «Утро у знатного боярина, князя Беззубого», задевавшую (под именем Беззубого) князя Юсупова. После увольнения Глинки князь Вяземский хлопотал за него, напоминая о роли «Русского вестника», к-рый в 1812 горячо боролся против галломании русского дворянства и призывал к самой ожесточённой борьбе с Наполеоном.

Религиозная поэзия

Б. Соколовский. «Мироздание», опыт духовного стихотворения, М., 1832. — Поэт описывает сотворение мира шесть дней. Поэма Соколовского посвящена «Ему, творцу миров».

Романтическое христианство в принципе началось с Шатобриана, но несводимо лишь к реакции на материализм, на французскую революцию, несводимо к реставраторской апологии мучеников и церкви. Прямыми предшественниками романтического христианство должны быть признаны великий Милтон и Бэниан.

Социальный смысл придаёт библейской тематики уже Державин (ода «Властителям и судиям» — переложение 81-го псалма).

Неоднократно отмечалось символическое толкование передовыми мыслящими людьми XIX века Ветхого и Нового Заветов, восприятие ими Библии как «книги высоких идеалов». (См. напр., В. Ванслов, «Эстетика романтизма», стр. 115 – 116). Религиозно-нравственные размышления над библейскими символами органически сочетались с самыми передовыми идеями времени.

Л. Гинзбург: «Идеальная сфера христианско-социальной справедливости, религиозно окрашенного гуманизма и утопической гармонии. . . »

Р. Г. Назиров: христианский реализм Гоголя есть форма социального критицизма (бессознательного и потому весьма противоречивого).

Христос — пример для героев и жертв освободительной борьбы. Они гордились своим «страдальческим венцом» (А. И. Одоевский, «Элегия»). Огарёв об А. И. Одоевском: «Может быть, он даже любил своё страдание, это совершенно в христианском духе. . . да не только в христианском духе, но в духе всякой преданности общему делу, делу убеждения. . . » — В духе **романтизма**, для которого характерен культ страдания. Альфред де Мюссе ярко сформулировал эту позицию:

Лишь горе испытав, душою мы растём.
Величие души — в величии страданья.

Образ Христа-Спасителя разрабатывается не в поэзии Одоевского а, например, в поэме Кюхельбекера «Агасвер» или в статье А. Бестужева о романе Полевого 2

«Клятва при гробе господнем». Стремление усматривать в теории Христа параллели деятельности декабристов свойственно им всем.

В. С. Киселёв-Сергенин (в «Истории русской поэзии», т. I, стр. 459–460) исследует религиозные тенденции декабристской поэзии.

Очень сильное влияние романтическое христианство оказало на Достоевского и Некрасова. У последнего есть знаменитый «Влас», но есть и революционно-христианское легенда о Кудеяре, и совершенно парадоксально стихотворение о Чернышевском, в конце которого сказано:

Его послал бог Гнева и Печали
Царям земли напомнить о Христе.

Завершается эта традиция «Двенадцатью» Блока. Впрочем, завершилась ли? То появляется Иешуа в романе Михаила Булгакова, то русский Христос в лаптях у синеаста Андрея Тарковского в фильме «Андрей Рублёв».

А Тютчев?

Достоевскому нравился епископ из «Отверженных» Гюго. Этетское христианство неоромантизма (символизма) нередко было выражением той, великой традиции.

В русском реализме XIX века социальн-утопическая трактовка Христа (Антокольский и Крамской) противостояла историко-бытовой интерпретации (Ге и Поленов), на к-рую яростно обрушился Достоевский.

Практич. занятия по Рылееву

1. Истоки жанра «думы» Рылеева.
2. Новаторство Рылеева как создателя дум.
3. Тематика «дум».
4. Рылеевская интерпретация исторических деятелей прошлого. Герои «дум».
5. Худож. своеобразие «дум».
6. Стиль и язык «дум» Рылеева.

1. Поэма «Войнаровский» и её историческая тема.
2. Образы Петра I, Мазепы, Войнаровского.
3. Романтический герой поэмы.
4. Влияние Байрона в поэме «Войнаровский».
5. Стиль поэмы.

Декабристы.

Портреты, детали.

Поэты Пушкинской плеяды.

Эпоха

Вступительная статья

Декабристы — русские дворянские революционеры; почти исключительно офицеры, дворяне, участники Отечественной войны 1812 года.

Первое тайное общества — **Союз спасения** — возникло в 1816 в СПб; вскоре оно уступило место новому обществу — **Союзу благоденствия**. После распада последнего на Украине возникло Южное общество во главе с Пестелем, а в Петербурге — Северное общество во главе с Н. М. Муравьёвым, позднее — с Рылеевым. В 1823 на Украине возникло Общество соединённых славян. Членов всех этих обществ объединяло стремление к уничтожению крепостного права и самодержавия. Декабристы были пламенными патриотами своей родины.

Среди декабристов не было единомыслия. Наиболее радикальные (Пестель) высказывались за установление демократической республики, другие (Н. М. Муравьёв) — за конституционную монархию.

В момент междуцарствия, вызванного внезапной смертью Александра I, члены Северного общества подняли в СПб восстания (14 декабря 1825). Оно было быстро подавлено, как и восстание Черниговского полка на Украине (29 декабря 1825–3 января 1826). Пять виднейших декабристов: Пестель, Муравьёв-Апостол, Бестужев-Рюмин, Рылеев и Каховский — были повешены. К следствию и суду привлечено 579 человек (из них 79 % военных). Свыше 100 декабристов было сослано в Сибирь.

Декабристская поэзия играет особую роль в истории русской литературы. Многие декабристы были поэтами (Рылеев, Раевский, Кюхельбекер, Бестужев-Марлинский, Александр Одоевский). Идейная близость к движению сказалась в творчестве поэтов, непосредственно не входивших в Тайное общество: Пушкин, Грибоедов, Вяземский, Языков и другие.

Первое требования декабристов — это требование гражданской поэзии, установка на революцию. В связи с этим возникало требование национальной самобытности и народности литература, обращение к летописям, песням и сказаниям русского народа.

Первоначально декабристы использовали формы уже существовавшей литературы. Особенно характерен для них гражданственный пафос классицизма. Но в теоретических статьях Бестужева, Рылеева, а также Вяземского и Ореста Сомова излагалась преимущественно теория гражданского революционного романтизма, с её требованиями воображения, исключительных положительных героев, повышенной эмоциональности и экспрессивности.

Сатиры и оды декабристы учились писать у Державина и Радищева; но и опыт Батюшкова не прошёл для них бесследно. Его жанры они трансформировали в своих целях: интимно-дружеские послания у них превращались в политические, застольные песни становились революционными гимнами.

Примечательна попытка найти лит. формы, понятные народу — **агитационные песни** Рылеева и Бестужева, адресованные солдатам.

Политические движения эпохи: карбонарии, греческие этеристы, испанские революционеры и т. д. — вдохновляли декабристов на произведения, полные волнующих аналогий. Подобным же образом эксплуатировалась русская история, особенно её героические страни-

цы национально-освободит. борьбы. Декабристы охотно обращались и к библейским темам: напр., «Давид» Грибоедова, «К богу» Кюхельбекера, «Опыты священной поэзии» Глинки.

С начала 20-х гг. декабристская поэзия осложнилась новыми мотивами: всё чаще звучат сетования на общественную пассивность, горестные раздумья об исходе начатой борьбы. Чувство оторванности от народа, обречённости движения привело некоторых его поэтов к капитуляции перед режимом:

Столетья грозно протекут,
И не пробудится Россия.

Так писал Языков в 1821 году. Позднее он отрёкся от своих декабристских взглядов. Сходной была эволюция Дениса Давыдова и князя Вяземского. Для других чувство обречённости даже усиливало активный революционный романтизм, рождая идею самопожертвования ради грядущих поколений (см. «Исповедь Наливайки» Рылеева).

Хотя в декабристской поэзии преобладали лирические жанры, декабристы стремились и к эпическом изображению героя в жанре романтической лиро-эпической поэмы. Их предшественником в этом был Катенин. Рылеев развивал линию Катенина и вместе с тем опирался на опыт «южных поэм» Пушкина и через них на творческий опыт Байрона; «южные поэмы» высоко ценились декабристами, близость этих поэм к декабристской идеологии заключалась в пафосе свободы, который романтически утверждался Пушкиным.

«Южные поэмы» выявили особое в течение внутри декабристского романтизма, представленное также вольнолюбивыми стихами Пушкина, Вяземского и др.; оно отличалось преимущественно психологическим содержанием в отличие от открытой политической направленности основной группы поэтов-декабристов.

Наиболее последовательно литературная программа декабристов осуществлена в 25 думах Рылеева и его поэмах. Думы Рылеева — оригинальный жанр, найденный поэтом, хотя они зависят от оды классицизма, украинских народных дум, «Исторических песен» польского поэта Немцевича, от поэм Пушкина и Байрона. Пафос этих дум — революционный патриотизм. Рылеев, в рамках своего романтизма, не мог соблюдать подлинной историчности; все его герои соответствует лишь его представлению о желаемом. Произведения Рылеева послужили образцами для многих гражданских поэм А. Бестужева, Ф. Глинки, Кюхельбекера, А. Одоевского, Г. Батенькова и др., написанных после 1825 года.

Сильная личность в поэмах Лермонтова также несёт следы творческого переосмысления героев Рылеева в новых условиях 30-х годов.

Романтизм декабристов (их идеологии и литературы) обусловил незначительность декабристской прозы. К ней можно отнести повесть Глинки «Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобождённая Малороссия» (1819), а также «Землю Обетованную» и «Адо» (1824) Кюхельбекера. Наиболее же характерны написанные до восстания 1825 повести А. Бестужева. Наряду с обычной для декабристской литературы тематикой («Роман и Ольга», 1823, из истории вольного Новгорода) повести Бестужева черпают материал из жизни средневе-

ковой Ливонии и современного светского общества. В центре его повестей — человек сильной воли, глубоких чувств, противопоставленный обществу.

В недрах декабристской литературы, в основном романтической, возникли и первые произведения реалистической литературы (Грибоедов, Пушкин в «Цыганах» и «Онегине»). Декабристская поэзия явилась этапом в развитии революционной гражданской поэзии в России.

[Этот обзор сделан по статье У. Р. Фохта].

Далее статьи о писателях-декабристах и их попутчиках в алфавитном порядке. Вкратце даются также сведения о декабристах, не игравших роли в литературе. Это делается для уяснения фона.

Основные фигуры декабристской литературы: Батеньков, Бестужев, Фёдор Глинка, Кюхельбекер, Александр Одоевский, Владимир Раевский, Рылеев и Александр Тургенев.

Итак, приступим к составлению словаря.

Декабристы

Ранние организации начали возникать сразу после войны 1812 года. В сожжённой главе «Евгения Онегина» Пушкин писал:

> Сначала эти заговоры
> Между Лафитом и Клико
> Лишь были дружеские споры,
> И не входила глубоко
> В сердца мятежная наука,
> Всё это было только скука,
> Безделье молодых умов,
> Забавы взрослых шалунов,
> Казалось...
> Узлы к узлам...
> И постепенно сетью тайной
> Россия...
> Наш царь дремал...

Этой «сетью тайной» явились: офицерские артели в полках, Союз Спасения, Союз Благоденствия, Северное и Южное тайные общества. Побочной «управой» (филиалом) Союза Благоденствия стала «Зелёная лампа». Это вольное литературное братство основали братья Всеволожские, а входили в него Пушкин, Дельвиг, Фёдор Глинка, Гнедич, Барков, Улыбышев и др.

Ещё за 4 года до восстания первой жертвой стал поэт и штаб-офицер Владимир Федосеевич Раевский, вошедший в историю под именем **первого декабриста**. Пушкин жил

в то время в Кишинёве, в доме Инзова. Случайно узнав о скором аресте Раевского, Пушкин предупредил об этом друга. Но уже на другой день (6 февраля 1822) Раевский был арестован. Он прошёл пять военносудных комиссии, пробыл 50 лет в крепостных казематах, каторжных тюрьмах и ссылке. Раевский держался мужественно и стойко; следствию ничего не удалось от него узнать о существовании тайных обществ.

13 июля 1826 г. на кронверке Петропавловской крепости были повешены К. Ф. Рылеев, П. И. Пестель, С. И. Муравьёв-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин и Т. Г. Каховский. В июле и августе 1826 года фельдъегерские тройки начали увозить декабристов из Петропавловской крепости в Сибир, на каторгу. Всего было отправлено туда 120 человек.

Это были мужественные люди. Оказавшись перед Николаем I, они держались гордо и независимо. Николаю Бестужеву, старшему из пяти братьев-декабристов, император сказал:

— Вы знаете, что всё в моих руках. Я мог бы простить вас, и если бы мог увериться в том, что впредь буду иметь в вас верного слугу, то готов простить...

— Ваше величество! Ответил Бестужев. — В том-то и несчастье, что вы всё можете сделать, что вы выше закона. Желаю, чтобы впредь жребий ваших подданных зависел от закона, а не от вашей угодности... ваших капризов или минутных настроений...

Ещё смелее в присутствии Николая ответил И. Д. Якушкин генерал-адъютанту Левашову:

— Нам известно, — сказала Левашов, — что на совещании ваших товарищей на вас пал жребий убить...

— Ваше превосходительство, — перебил Якушкин, — это не совсем справедливо. Я вызвался сам нанести удар императору и не хотел уступить этой чести никому из товарищей...

Фаворитка Александра I

В «Истории одного города, по подлинным документам изданной М. Е. Салтыковым (Щедриным)» среди градоначальников есть и Эраст Андреевич Грустилов, статский советник и друг Карамзина. В его правление Глупов охватила безумная тяга к многобожию, и обыватели творили всевозможные непотребств. Вывести Грустилова и глуповцев из заблуждения призвана аптекарша Пфейфер, которая является градоначальнику в разгар языческого маскарада...

В образе Грустилова угадываются некоторые черты Александра I, у аптекарши Пфейфер тоже был отдалённый прототип — баронесса Варвара-Юлия Крюденер.

Девица Фитингов родилась в 1764, получила недурное воспитание; по материнской линии она была внучкой фельдмаршала Миниха. В 19 лет богатую невесту выдали за барона фон Крюденера, дипломата. Супруги жили в Венеции, Копенгагене, Париже. Во время этих служебных скитаний баронесса завязала множество знакомств с европейскими знаменитостями, включая мадам де Сталь и Шатобриана. Красивая, умная и находчивая баронесса

Крюденер блистала в салоне мадам де Сталь. Затем она решила взяться за литературу. В подражание максимам Ларошфуко она издала «Мысли иностранки», в подражание Бернардену де Сен-Пьеру — несколько пасторалей; в подражание «Корине» мадам де Сталь — роман «Валерия».

Баронесса Крюденер заказала стихи, прославляющие роман, а когда последний вышел в свет, объезжала инкогнито галантерейные лавки и всюду спрашивала зонты и перчатки a la Valerie. В результате книга имела шумный успех, а парижские галантерейщики выпустили в продажу соответствующие зонты и перчатки. Но баронессе этого было мало: она хотела, чтобы её оценил сам Наполеон. Три раза она посылала ему роскошно переплетенные экземпляры «Валерии», но отзыв Наполеон гласил: читать романы в письмах могут лишь женщины, не знающие, куда девать время.

В это время в Европе доживал свой век знаменитый мистик Иоганн Генрих Юнг-Штиллинг, предвещающий скорое наступление тысячелетнего царства божьего на земле (приход его намечался на 1836 год). Баронесса Крюденер познакомилась с ним и стала его последовательницей. С благословения Штиллинга она развернула необыкновенную деятельность и разъезжала «по делам Царства Божьего» из страны в страну. В одном немецком городке её экзальтированная проповедь так потрясла жителей, что целыми общинами они продавали свою имущество и отправлялись на поиски места для Нового Иерусалима. По мнению Юнга-Штиллинга, это место было где-то возле горы Арарат. Ближайшими помощниками баронессы были мошенник Фонтан и помешанная крестьянка Мария Куммер, которая время от времени впадала в экстаз и начинала пророчествовать.

Наконец, баронесса сама начала пророчествовать. Она прежде всего предрекла поражение Наполеона, а его победителем назвала Александра II. После войны 1812 года царь хотел познакомиться с удачли-[1].

Встретились они в Гейльброне. Царь был в плохом настроении, так как только что узнал о бегстве Наполеона с Эльбы. Трёхчасовая беседа с баронессой Крюденер придала ему новые силы, и он «дал себе слово продолжать столь дорогое знакомство». Они вместе читали библию, молились, исповедовались друг другу. Александра пригласил баронессу на парижской смотр своих войск, оказав ей чуть ли не царские почести.

Перед отъездом в Россию царь захотела воздать богу «хвалу, которой мы обязаны ему за оказанное покровительство, и призвать народы в повиновение Евангелию». Это была первая мысль о Священном Союзе. Некоторые историки саму идею союза приписывают баронессе Крюденер. Слава её приобретает всё более скандальный характер.

В 1818 она воспользовалась давним приглашением царя и приехал в Россию. Но здесь её ожидал холодный прием: Александр уже охладел к мистике. В России баронесса жила сравнительно тихо, сочиняя религиозные гимны и невнятные пророчества.

Князь Александр Иванович Одоевский (1803 – 1839) — поэт, декабрист. Родился в Москве, получил домашнее образование, поступил на гражданскую службу, но вскоре её оставил и в

[1] Окончание предложения отсутствует. Возможно, «с удачливой пророчицей».

1821 поступил в конный лейб-гвардейский полк; в 1823 произведён в корнеты. Принятый Рылеевым в члены Северного общества, Одоевский «лично действовал в мятеже с пистолетом в руках». 15 декабря 1825 он был арестован, предан суду и сослан в Сибирь, где пробыл до 1837 года. Высочайшим повелением Одоевский был переведён рядовым на Кавказ, где умер от малярии или тифа.

На всех, знавших его, Одоевский производил чарующее впечатление. Друг детства Грибоедова, он на Кавказе близко сошелся с Лермонтовым, который написал на его смерть чудное стихотворение «Я знал его: мы странствовали с ним...»

Как поэт, Одоевский принадлежал к пушкинской плеяде. Жизнь наложила меланхолический отпечаток на все его произведения: короткие лирические элегии, думы и стансы, простые, неподдельные, скорбные песни поэта. Но скорбь эта — не жалобы сломленного судьбой характера, это скорбь о страданиях человека, громкий призыв к милосердию и любви. Одоевский написал также небольшую поэму «Василько». Стихи Одоевского были впервые собраны и изданы в России декабристом А. Е. Розеном.

Жёны декабристов, поехавшие за мужьями в Сибирь

1. Мария Николаевна Волконская, урожд. Раевская, воспетая Некрасовым в поэме «Русские женщины». Её муж князь Сергей Григорьевич Волконский, бывший флигель-адъютант, генерал 23-х лет, участвовал в кампании 1812 года, постоянно находясь при государе или главнокомандующем. Верховный уголовный суд отнёс его к первому разряду преступников и приговорил к смерти, но император помиловал, назначив вечные каторжные работы. Вместе с Трубецким Волконский попал на винокуренный завод около Иркутска. Далее — Нерчинск, Чита, Петровский завод. По новым распоряжениям, по окончании срока каторги поселён в Иркутске. В Сибири имел детей. Возвращён В 1856; княгини умерла в 1863. Сам Волконский умер в своем имении Черниговской губернии в 1865.

2. Екатерина Ивановна Трубецкая, урожд. графиня Лаваль. Князь Трубецкой был полковником лейб-гвардии Преображенского полка и дежурным штаб-офицером 4-го пехотного корпуса, одним из основателей тайного общества, согласился возглавить восстание, но 14 декабря не явился на площадь по слабости характера. В этот день он искал убежища у своего родственника графа Лебцельтерна, австр. посланника; по приказу Николая Павловича, к графу за Трубецким явился Нессельроде, и посланник вынужден был выдать Трубецкого. Верховный Уголовный суд отнёс Трубецкого к 1-му разряду, что означало смертный приговор, но император отменил смертную казнь и назначил каторжные работы без срока.

В Сибирь Трубецкой, как и Волконский, попал с первой партией декабристов (кроме них двоих ещё Артамон Захаревич Муравьёв, Василий Львович Давыдов, Александр Иванович Якубович, двое Борисовых и князь Оболенский, всего 8 человек. Эту первую партию послали через 11 дней после сентенции. Трубецкой был назначен на казённый винокуренный завод в 70 верстах от Иркутска, но вскоре всех восьмерых первых ссыльных привезли в Иркутск и затем отправили в Нерчинск. Из Нерчинска Трубецкой был переведён с остальными

в Читу и Петровский завод. В 1838 кончился срок работ, и в 1839 Трубецкой был поселён в Иркутске. В Сибири имел детей. Княгиня умерла в 1854 в Иркутске и была похоронена в тамошнем девичьем монастыре.

В 1856 коронационный манифест Александра II дал декабристам свободу. Князь Сергей Петрович Трубецкой вернулся в Россию. В Москву наезжал только с разрешения полиции и держался замкнуто. В 1860 умер в Москве.

3. Елизавета Петровна Нарышкина, урождённая графиня Коновицына, дочь известного генерала 1812 года. Брат её подпоручик Коновицын был отнесён Верховным судом к числу преступников 9-го разряда и осужденных к лишению прав и ссылке в Сибирь; последнее Николай заменил др-ой мерой — всех преступников этого разряда он велел, по лишении дворянства и чинов, разослать солдатами в дальние гарнизоны. Коновицын 1-й был солдатом в Сибири, потом на Кавказе и умер в 1850 прапорщиком. Умирая, Милорадович просил царя помиловать Коновицына, сына своего друга.

Коновицын 2-й, 16 лет, был тоже сослан на Кавказ, потом прощён.

Муж Елизаветы Петровны — полковник Нарышкин; из Сибири был переведён на Кавказ солдатом, потом, по просьбе его сестры Тучковой, игумении Спасо-Бородинского монастыря, прощён в 1840 году и умер в 1863.

Первоначально Нарышкин был с остальными в Чите и Петровском заводе, а в 1832 вышел на поселение, как и прочие преступники 4 разряда. На поселении жил в Кургане. Нарышкина в Сибири очень тосковала, так как перед самым отъездом из Москвы у неё умерла её дочь, а её братьев не было среди товарищей мужа по заключению.

4. Н. Д. Фон-Визина, урождённая Апухтина. Её муж Михаил Александрович Фон-Визин (1788 – 1854) в 1812 году был адъютантом генерала Ермолова, в 1823 вышел в отставку в чине генерал-майора. Тоже известный декабрист.

5. Александра Григорьевна Муравьёва, рожд. Чернышёва, жена известного Никиты Михайловича Муравьёва. Её брат граф Захар Григорьевич Чернышёв, наследник огромного майората, находился в ссылке вместе с её мужем. Никита Муравьёв, основатель и автор устава Союза спасения, с 1821 глава Северного общества, автор конституции декабристов, «преступник первого разряда», смертный приговор, заменённый каторгой. Он умер в 1844 году в возрасте 48 лет. А. Г. Муравьёва умерла в Сибири, в Петровском заводе, в 1832 году.

6. А. В. Ентальцева — жена подполковника Ентальцева. Сперва он был поселён в Ялуторовске, затем переведён на Кавказ и сошёл с ума.

Эти шестеро были первые, приехавшие в Сибирь. Затем к ним присоединились баронесса Розен (7) и Юшневская (8).

Жене Якушкина, рождённой Шереметевой, не было позволено приехать.

Затем Анненков женился в Чите на француженке Поль[1], очень красивой девушке, любившей его ранее. С нею составляется **девятеро жён декабристов, поехавших в Сибирь**.

[1] Их историю путают с историей брака декабриста Василия Петрович Ивашова и француженки Ледантю.

В феврале 1827 на декабристов в Сибири на деле железа, вопреки законоположениям, освобождающим от этого лиц привилегированного сословия. Цепи сняли в апреле 1831. Нарушение закона было сделано по личному распоряжению императора.

Декабристы в Сибири

Всех декабристов в Чите было 88 человек. Кто были эти «жители Читинской тюрьмы»?

Первое восьмёрка уже названа: Трубецкой, Волконский, Артамон Захарьевич Муравьёв (полковник Ахтырского государства гусарского полка, Южное общество, 1-й разряд, смертный приговор, помилование, винокуренный завод, Нерчинск, Чита, Петровский завод, с 1839 на поселении в Иркутске, в Сибири занимался медициной), отставной полковник Василий Львович Давыдов, Александр Иванович Якубович, его друг князь Евгений Петрович Оболенский и двое Борисовых. Первый из них — отставной подпоручик, второй — подпоручик 8-й артиллерийской бригады; основатели Общество соединённых славян, умышляли цареубийство, отнесены к 1-му разряду (с 1839 — на поселении в Иркутске, в Сибири составили коллекцию насекомых и отослали московскому профессору Фишеру).

Позднее после 20-месячного заключения в Шлиссельбурге приехал коллежский асессор Иван Иванович Пущин, лицейский друг Пушкина; в Шлиссельбурге он содержался вместе с Вишневским, Дивовым, Пестовым и Николаем Александровичем Бестужевым, братом Бестужева-Марлинского. Пущин был 14 декабря на Сенатской площади. Он дожил до амнистии и умер в 1859 году.

В Читинской тюрьме находился подполковник Михаил Лунин, которого ожидал в дальнейшем повторный суд и Акатуй; известный издатель сборника «Русская старина» Корнилович — но его уже в 1827 году отправили с фельдъегерем на Кавказ, и в 1835 году он умер солдатом от горячки, т. е. простудился, спасая утонувшего в реке товарища-солдата; Александр Александрович Бестужев-Марлинский, которого в 1837 году на Кавказе (уже офицера) изрубили черкесы; Никита Муравьёв и его родственник граф Чернышёв; лейтенант Завалишин, которому суждено было прожить весьма долгую жизнь и оставить записки (равно как Пущин) о 14 декабря; корнет Свистунов, тоже проживший до конца почти XIX века; поручик Басаргин (впоследствии тоже автор аналогичных записок); а также барон Штейнгель, барон Розен, подполковник Фаленберг и мичман Беляев — все четверо оставили записки; князь Одоевский, известный поэт, поселённый в Иркутске, затем переведённый на Кавказ, солдатом, в Нижегородский драгунский полк, там был другом Лермонтова, умер чахоткой в 1839 году; Александр Николаевич Муравьёв, родной брат известного Михаила Николаевича Муравьёва (будущего «Вешателя») — этот декабрист умер сенатором в Москве в 1863; подполковник Матвей Иванович Муравьёв-Апостол, брат повешенного.

В 1832 сгорели в Верхоленске Андреев и штаб-капитан Репин.

Сошли с ума: Ентальцев, Николай Сергеевич Бобрищев-Пушкин, капитан Фурман, князь Шаховский, поручик Шахирев, полковник Раменский, Пётр Александрович Бестужев. **Семеро**.

В 1818 возникла «Зелёная лампа» — литературный филиал «Союза благоденствия»; существовала два года.

«Вольное общ-во любителей русской словесности» (1816 – 1825) стало декабристским с 1819, когда его президентом был избран Фёдор Глинка, видный деятель «Союза благоденствия».

Декабристы печатались в журналах «Сын отечества», «Соревнователь просвещения», «Невский зритель». Чисто декабристским был альманах Рылеева и Бестужева «Полярная звезда» (1812 – 1825).

Декабристы

Поэты-декабристы: Кондратий Рылеев, Вильгельм Кюхельбекер, А. И. Одоевский и др.

Кондратий Фёдорович Рылеев равно отвергал и романтизм, и классицизм. Его идеалом была «истинная самобытная поэзия», распространяющая высокие чувства, мысли и вечные истины. На практике это соответствовало его мужественной и суровой гражданской лирики, проникнутой идеями дворянской революционности и использующей формы, приёмы и настроения классицизма. Ода и сатира — любимые жанры Рылеева (впрочем, он писал и слабые стихи во вкусе Аанакреонта, Тибула и Парни, а его «Войнаровского» Сакулин считает байронической поэмой). В письме к Пушкину от 12 февр. 1825 года Рылеев говорит о Жуковском: «Мистицизм, которым проникнута большая часть его стихотворений, мечтательность, неопределенность и какая-то туманность, которые в нём иногда даже прелестны, растлили многих и много зла наделали». В ноябре 1825 года Рылеев писал Пушкину: «Будь поэт и гражданин».

В гражданских «думах», поэмах и лирических стихах Рылеев воспевал гражданскую доблести и славил свободу. Знаменитое послание «К временщику» (1820) поразило современников своей смелостью, и Аракчеев не посмел ничего предпринять, чтобы не признать сходство портрета с оригиналом. Его «Сусанин», «Наливайко», «Войнаровский» и др. в образах русской истории славили борьбу за свободу. «Войнаровский» и ода «Гражданин» («Я ль буду в роковое время позорить гражданина сан. . . ») относятся к 1825 году. В 1823 – 1825 годах Рылеев и А. Бестужев издавали альманах «Полярная звезда», объединявший таких поэтов, как Пушкин, Грибоедов, Гнедич, Вяземский, Фёдор Глинка, Баратынский, Денис Давыдов.

Современные советские исследователи считают, что поэзия Рылеева — своеобразная разновидность революционного романтизма.

[Одно в время Рылеев был близок к масонам. Был другом Пушкина. . .]

Вильгельм Карлович Кюхельбекер, Лицейский товарищ Пушкина, поэт тяжёлый, искренний и честный.

Якубович

Александр Иванович Якубович (1792 – 1845) — одна из самых романтических личностей пушкинской эпохи, байронический герой, приятель Пушкина. Он участвовал в 1817 году в знаменитой парной дуэли из-за балерины Истоминой, когда граф Завадовский смертельно ранил Шереметева, а Якубович прострелил руку Грибоедову. Сословный за это на Кавказ, Якубович стал одним из «кавказских героев».

В 1823 году Якубович перенёс тяжелую операцию: он был на Кавказе ранен в лоб и после этого стал носить на голове черную повязку, прикрывавшую полученную им рану пулей — круглое отверстие во лбу. В Петербурге он посещал дом актёра брянского, и его дочь Авдотья Панаева вспоминает:

«Должно быть, он любил детей, потому что постоянно подзывает к себе кого-нибудь из нас. Для детей его фигуры было страшна. Якубович был высокого роста, смуглый, с большими черными усами; но главное, что нас страшило, это чёрная повязка на лбу, прикрывающая полученную им рану пулей. Я была из смелых детей, не боялась его и часто подолгу сидел у него на коленях; он давал мне играть своими часами и чугунном кольцом, которое снимал с пальца. <...>

Якубович постоянно спорил со всеми и очень горячился, когда говорил. Часто, сильно разгорячась, он сдвигал свою чёрную повязку со лба на волосы, которые у него были черные, густые и стояли дыбом, и я всякий раз рассматривала круглое углубление у него на лбу и даже раз ткнула пальцем в это углубление, чтобы удостовериться, есть ли там пуля. Он очень смеялся и защищал меня, когда тётки накинулись на меня и хотели наказать за мою дерзость».

Якубович был капитаном Нижегородского драгунского полка. Он очень сдружился с декабристом князем Оболенским, с которым познакомился у постели умирающего Чернова. На похоронах Чернова впервые собрались вместе все члены тайного общества. Якубович не числился членом общества, но в 1825 году принял самое деятельное участие в подготовке к восстанию и был 14 декабре на Сенатской площади. Говорят, что он вступил в Сев. общество накануне восстания и вызвался убить царя.

Верховный уголовный суд отнёс драгунского капитана к преступникам первого разряда. Вместе с товарищами Якубович отправился на каторгу. Но его чрезвычайно энергичный характер проявился и в Сибири. В 1839 году, по окончании срока каторжных работ, он был поселен в Енисейске. Там этот байронический герой **устроил мыловаренный завод**, средства на организацию которого получил от своего друга князя Оболенского, и жил безбедно. Оболенский дал ему 2.500 рублей: значительная сумма к тому времени

Александр Иванович Якубович, капитан знаменитого Нижегородского драгунского полка, был члк умный и образованный, но коварный и беспринципный. В молодости служил в гвардии, сослан на Кавк. За парную дуэль (Завадовского с Шереметевым). Грибоедов, секундант Завадовского, служил в канцелярии Ермолова и снискал его дружбу. Якубович

вызвала Гр-ва в Тифлисе и ранил в левую руку (говорили, что нарочно, дабы лишить его удовольствия играть на фортепиано).

Якубович храбро сражался с горцами, был ранен в голову и приехал в СПб летом 1825. Ходил с повязкой на голове, говорил громко, свободно, красноречиво. В Якубовиче декабристы видели «Дантона новой революции». Он не вступил в общество, но обещала ему свои услуги. **Действовал двулично.**

На площади он подходил к государю и предлагал ему свои услуги, чтобы убедить мятежников сдаться. Государь поручил ему сказать им, что дарует прощение всем, кроме главных зачинщиков. Якубович пошёл к ним и, воротясь, донёс, что они не соглашаются. Он заговорил ещё что-то в пол голоса. Государь наклонился, чтобы его выслушать. Вероятно, Якубович имел намерение убить государя, но у него ни стало духу к исполнению. Вечером приехал он в дом генерал-губернатора, чтобы узнать, что делает граф Милорадович. В это время ехал в графу, лежавшему в конно-гвардейских казармах, адъютант его Александр Павлович Башуцкий. Якубович предложил свезти его в своей карете четвёркою. Башуцкий согласился и, войдя в карету, почувствовал, что сел на пистолеты.

— Это что?

— Они незаряженные, — сказал Якубович. — Бунтовщики хотели меня убить за то, что я не соглашался войти в заговор с ними». (473 у Греча, нет: 472–473).

Пётр Александрович Муханов, гвардии-офицер, образованный и неглупый добряк, любезный в обществе, забавник и шутник, известный в своём кругу под кличкой ротмистр Галла, запутался в тенетах, вероятно и сам того не зная. Доболтался до беды: он двоюродный брат знаменитого форшнейдера просвещения. Жаль, что не сослали этого…» (Греч, 509).

Александр Фёдорович фон-дер-Бриген, полковник Измайловского полка, пострадал лишь из-за того, что сообщил князю Трубецкому в Киеве о дерзких фанфаронадах Якубовича, который вызвался убить Александра I.

Словник.

- Баратынский
- Батеньков
- Бестужевы.
- Бестужев-Рюмин
- Волконский
- Вяземский
- Глинка Фёдор
- Гнедич

- Грибоедов
- Давыдов
- Каховский
- Кюхельбекер
- Муравьёвы
- Муханов
- Нарышкин
- Оболенский
- Одоевский (Александр)
- Орлов
- Пестель
- Пущин
- Раевский В. Ф.
- Рылеев
- Толстые?
- Трубецкой
- Тургенев Н.
- Фонвизин
- Штейнгель
- Языков
- Якубович
- Якушечкин
- Аренский?
- Горин?
- О поэзии декабристов,
- об Александре одоевском...

- Восстание 14 декабря
- Суд и казнь
- Фрагменты об А. И. Одоевском

Любомудры были пропитаны Шеллингом, в частности князь Владимир Одоевский, кузен поэта-декабриста. О Шеллинге Александр Одоевский пишет Владимиру в письмах от 2 марта 1823 и 10 октября 1824 (первое написано в шутливо-ироническом тоне). Автор писем различает Шеллинга и его эпигонов или поклонников, говоря, что в огне Шеллинга нужно «не жарится, а гореть». «Корифей мыслит, а в смысле его лепечут». (10 окт. 1824).

10 октября 1824: «Худо перенятое мудрствование отражается в твоих вечных восклицаниях и доказывает, что кафтан не по тебе». Он ничего не имеет против «теории полезной и прекрасной, но не заменяющей самостоятельности». Его не удовлетворяет философско-умозрительная настроенность Владимира Одоевского.

Отношение Ал. Одоевского к Шеллингу подтверждает «историческую возможность таких сочетаний, как Шеллинг и декабризм». (Б. Эйхенбаум. Лит-рная позиция Лермонтова. — Лит. наследство, т. 43–44, стр. 16). Александр Одоевский не делает из Шеллинга идола, как его кузен, требует «отличать плевелы от зёрен».

Любомудр Веневитинов стремится творчески переработать учение Шеллинга в соответствии с характерной для любомудрия «активизацией стремления к бесконечному» (Ю. Манн. — О левом любомудрии см. у Юрия Манна «Русская философская эстетика», М., 1969).

С др-й стороны, у декабриста Блюхера в дневнике записано о Шеллинге: «Какая глубина и какая ясность! Преклоняю колено перед великим мыслителем!» («Дн.», изд-во Прибой, 1929, стр. 230).

Ал-др Одоевский и Кюхельбекер пытались вовлечь Влад. Фёдоровича в тайное общество. Эта попытка была безрезультатна. Но после 14 декабря В. Ф. Одоевский ждал ареста; по свидетельству современников, он даже запасся медвежьей шубой (!!).

Александр Одоевский, знатный и богатый аристократ, примкнул к рылеевской «отрасли» в тайном обществе. Главной задачей он считал свержение самодержавия путем «военной революции» и установления республики.

Революция во имя народа, но без народа. Даже Рылеев боялся «ужасов народной революции». Александр Одоевский стоял за отмену крепостного права, но когда в его вотчине мужики уклонялись от уплаты оброка, декабрист обратился за помощью к власти (его письмо к ярославскому губернатору А. М. Безобразову от 20 августа 1824).

В Северном обществе Одоевский принадлежал к разряду «убеждённых» («первому разряду», по формулировке М. Муравьёва-Апостола», к-рые, по сравнению с «соединёнными», имели большие права: выбирали Верховную Думу, принимали новых членов, требовали отчёт о действиях Думы и всего общества.

Далеко не каждому члену общества давалось знать о конституции Никиты Муравьёва. «Конституция сия находилась некоторое время у каждого из главных членов Общества», —

показывал позже Никита Муравьёв. Перед отъездом из СПб в сентябре 1825 он отдал одну копию своей конституции Александру Одоевскому.

На квартире Одоевского иногда происходили совещание декабристов, здесь же переписывали в агитационных целях «Горе от ума».

Он вёл агитацию в своём Конногвардейском полку и был тесно связан с его офицером кн. А. А. Суворовым.

Квартира больного Рылеева стала штабом восстания. Одоевский навещал его. Был ли он на последнем совещании у Рылеева 13 декабря 1825 — на этот счёт мнения расходятся. Сам Одоевский своё алиби подтверждает тем, что «накануне происшествия... стоял во внутреннем карауле» Зимнего дворца. Да, он вступил на суточное дежурство в Зимнем рано утром 13 декабря и не мог быть на последнем совещании.

Видимо, Рылеев поручил Одоевскому достать план Зимнего и карту СПб не на этом совещании, а раньше.

Знаменитое восклицание Одоевского: «Умрём! Ах, как славно мы умрём!» — на одном из последних собраний декабристов. По показанию А. Бестужева, это было 12 декабря: Одоевский сказал: «Умрем славно за родину!» «Подобное сему было говорено многими», заявляет Рылеев. Сам он сказал: «Я уверен, что погибнем, но пример останется».

Это знаменитое восклицание князя Одоевского выражает жертвенный характер восстания (**концепция обречённости**). А. Мэйзауэр видел в этих словах «любопытный пример гражданского героизма с сильным оттенком восточного фатализма».

Около 7 – 8 часов утра кн. Одоевский сменился с караула и хотел идти сразу домой, хотя должен был вести конногвардейский караул к присяге в полковую церковь: «Ступайте домой, а мне не время вас вести». — Но конногвардейцы не отпустили его, и Одоевскому пришлось идти с караулом и вместе с ним присягнуть на верность Николаю.

Дома он переоделся, вооружился пистолетом, а второй дал Кюхельбекеру; друзья жили вместе. Они вдвоём поехали к Рулееву; оттуда Одоевский отправился на Сенатскую площадь, увидел, что там ещё никого нет, и отправился к конногвардейцам. Приказ Николая I о выезде Конной гвардии на площадь не был выполнен во время благодаря Одоевскому (он бегал по конюшням и кричал, что это фальшивая тревога, приказ отменён).

Одоевский участвовал в построении прибывших на площадь московцев в боевое каре (вместе с Оболенским, Щепиным-Ростовским и Бестужевыми). Затем выделили заградительную стрелковую цепь — и командовать ей поручили Одоевскому. Но тут же его послали к лейб-гренадерам, к-рые уже присягнули. Корнет Одоевский отыскал офицеров-декабристов и стал их корить за измену своему слову. Тогда декабристы Сутгоф и Панов привели на площадь около 1250 лейб-гренадер, что составило большую часть восставших.

Конная гвардия осталась верна режиму. Когда она пришла на площадь, из мятежного каре выступил офицер Конного полка Александр Одоевский и крикнул: «Конногвардейцы, неужели вы хотите проливать русскую кровь?»

Когда раздался выстрел Каховского в Н. К. Стюрлера, оглянувшийся солдат, увидев пистолет в руке стоявшего рядом с Каховском Одоевского, подбежал к нему и поцеловал его, решив, что стрелял Одоевский.

Кюхельбекер, собираясь выстрелить в командующего гвардейским корпусом А. А. Воинова, присланного к восставшим на переговоры, спрашивал, который Воинов. Отвечали ему, по показаниям Цебрикова, «офицер в шинели, с белым султаном, и другие». Комитет допытывался, был ли это Одоевский. Кюхельбекер ответил отрицательно.

Кюхельбекер отрицал и показания матросов гвардейского экипажа, что «молодой человек в конногвардейской шинели с красной петлицей и жёлтой пуговицей и в шляпе с белым султаном» сказал после неудавшегося выстрела Кюхельбекера в Великого Князя: «Погодите маленько, скорее дело кончим» (в др-м варианте: «Ребята, скорей бы дело кончили»). Одоевский отрицал всё это и утверждал, что не видел, как Кюхельбекер целился в Михаила.

«Молодой человек в конногвардейской шинели» был Александр Одоевский. В целом на Сенатской площади он действовал активно.

Около 4 часов (по расчёт М. В. Нечкиной) загремели пушки Сухозанета. Картечь расстроила и разогнала восставших. Одоевский пошёл по Галерной через переулок на Неву, перешёл по льду на Васильевский к Чебышеву. Это был его знакомый (не декабрист), он советовал сдаться.

За помощью Одоевский обратился к А. А. Жандру, к-рый дал ему гражданскую одежду и 700 руб. денег. Одоевский пошёл в Катерингоф, где купил тулуп и шапку, и прошёл к Красному селу. Свою прежнюю одежду намеренно **оставил у проруби**. Показания услуги Карамышева: «Александр Иванович ночью пробежал в каморку повара-блинника при своём доме и переоделся в одежду этого своего слуги... и пошёл на Неву-реку... положил Александр Иванович у пробоины свою офицерскую одежду и оружие... Пусть думает царь, что Одоевский утопился».

Поль Лакруа сообщает, что ночь с 14 на 15 декабря Одоевский провёл под мостом, где чуть не погиб от холода.

Николай уже знал о его роли в восстании. Сохранилась его записка к Бенкендорфу: «Якубовского и офицера Конной Гвардии К. Одуевского равно адьтанта Г. Бистрома К. Оболенского взять и доставить ко мне где сыщутся». (Орфография подлинника).

На квартире кн. Одоевского была устроена засада из 10 члвк,. 15 дек. объявлено домовладельцам 4-го квартала о розыске Одоевского и обязательном донесении квартальн. надзирателю.

Измученный Одоевский вернулся в СПб и явился к своему дяде, Д. С. Ланскому, который и выдал его А. С. Шульгину, петербургскому обер-полицмейстеру. В письме к Николае I Одоевский позже подчёркивал, что сдался добровольно. Арестовали его поздно вечером 16 декабря.

Первый допрос состоялся 17 декабря. Одоевский был в изнеможении. Обстановка Зимнего дворца — «съезжей», где «придворная челядь» и «блестящая толпа гвардейцев», превра-

тившись «в наглую дворню буяна хозяина» (М. Бестужев), глумилась над декабристами — доконала его. «Пройдя через ряд комнат дворца совершенно обруганным, я был, вполне естественно, в совершенном замешательстве, какого ещё родясь не испытывал... был ума лишён от стыда, поругания, от совершенного телесного изнеможения... не только оправдываться, но и говорить не был я в состоянии». Первый допрос снимал Левашёв, но на какой-то момент появился царь и так принял Одоевского, что тот «стоял, как окаменелый». Ненависть царя к Одоевскому была обострена тем, что «этот злодей» 13 декабря охранял его (из разговора Николая с А. И. Левашёвым).

Поль Лакруа цитирует слова Николая I (нигде более не подтверждённые): «Ах, бедняга Одоевский, вы не получили такой возможности умереть со славой, как вы этого хотели. Как вы могли забыть, что происходите от крови Рюриковичей? Я хотел бы также забыть это».

По приказу царя Одоевский был отправлен в Алексеевский равелин, к-рый был «тюрьмой в тюрьме». При этом царь послал записку коменданту Петроп. крепости Сухиену, датированную 17 декабря. Сухин пометил: «Получено два $\frac{1}{2}$ часа пополудни». Одоевского посадили в камеру № 16 («офицерскую»); соседями его были с одной стороны Рылеев, с другой — Николай Бестужев.

Восстание 14 декабря (по Ю. Тынянову, «Кюхля»)

Петровская площадь (позже Сенатская).

Исаакиевская площадь.

Адмиралтейская площадь (где теперь деревья Александровского сада).

Разводная (позже Дворцовая).

Вокруг Адмиралтейства, вдоль Адм. площади, вдоль Петровской и Разводной площадей, тянулся широкий бульвар. На месте будущего Конногвардейского бульвара был тогда Адмиралтейский канал, а через него мост.

Исаакиевский собор строили и строили. Екатерина II начала его одновременно с Мраморным дворцом и тоже из мрамора. Когда церковь возвели до середины, она не понравилась Екатерине, и та приказала её «так оставить».

Павел I, взойдя на престол, немедленно приказал докончить собор кирпичом. Тотчас родилась эпиграмма:

Сей храм — двум царствам столь приличный,
Основа — мрамор, верх — кирпичный.

Александру I это здание не понравилось. Он велел его сломать и строить заново. Материал, привозимый для стройки, лежал на набережной Петровской площади, а сама стройка загромоздила всю Исаакиевскую. Щебень, плитняк, мрамор, доски лежали далеко за лесами. Появились новые стихи:

Сей храм трех царств изображенье:
Гранит, кирпич и разрушенье.

«Восстание 14 декабря было войной площадей».

По каналам улиц тёк на Адмиралтейскую и Исаакиевскую площади народ, по ним же шли полки, сначала восставшие, а затем правительственные.

С Разводной (Дворцовой) ездил на Адмиралтейскую и доезжал до львов Лобановского дома Николай.

Разводная и Исаакиевская, где стояли правительственные полки, молча давили Адмиралтейскую, где волновался народ, и Петровскую, где были революционеры. Они заперли Петровскую с трёх сторон и скинули революционеров в реку, а часть втолкнули в ворота узкой Галерной улицы». (Тынянов).

Утром начали присягать, и посыпались отказа в присяге. Московцы убили генерала Шеншина и ещё двоих — батальонного и полкового командира. Там действовал князь Щепин-Ростовский. Московский полк первым пришёл на площадь, толпой стоял у Сената.

Убили генерала Фридрикса.

Вышел на площадь Гвардейский Экипаж. Он построился в каре между моряками и московцами — небольшой проулок: это Сенатские ворота, вход на Галерную улицу. Московцы тоже построились в каре — сами, никто ими не командовал. Кругом масса народа — даже между колонн Сената и на крышах соседних домов.

Пущин у памятника Петру: «Уговорщиков и шпионов стрелять!»

1-ая атака. Конная гвардия получила приказ: врезаться и изрубить на месте. Конногвардейцев повел эскадроном генерал Орлов.

Не подкованные на острые шипы, лошади скользили по обледенелой мостовой и падали. Московцы палили в атакующих, из толпы в конную гвардию летели камни и поленья. У конногвардейцев **палаши не были отпущены**. Дивизионный командир схватился рукой за грудь — ранен — конногвардейцы поворачивают лошадей, бегут.

Александр Одоевский: «Братцы, в людей не стрелять, цельте в лошадей!» — **Настроение первой победы**. Начинает **стояние**.

Николай без свиты, в одном мундире, с лентой через плечо, не замечая холода, выбежал из дворца. Толпа шумела и на разводной, но это была лишь малая часть огромного моря Адмир., Исаак. и Разводной площадей. Бенкендорф подал царю манифест, и Николай стал читать. Манифест был длинен, царь читал тихо, монотонно, его никто не слушал. Толпа смотрела на него равнодушно. Прошло с четверть часа.

Бенкендорф: «Ваше величество, прикажите разойтись».

Николай негромко сказал: «Разойдитесь».

Толпа и не подумала разойтись.

В это время по Большой Миллионной подошёл батальон преображенцев и выстроился у дворца. «Здорово, молодцы!» — сказал Николай.

— Здравия желаем, ваше величество! — ответили преображенцы (не все).

Николай приказал командиру:

— **Левым плечом вперед.**

Подбежал Милорадович — избитый, в синяках, с наполовину оторванным воротом шинели. Он завтракал у своей Телешовой, красавицы-балерины, когда ему доложили о восстании. Милорадович поскакал на Петровскую площадь и грозно закричал: «По домам!» Его стащили с лошади, избили, а двое солдат проволокли Генерала за ворот до угла Главного штаба и там бросили. Увидев Николая, генерал-губернатор подбежал к нему. Он скинул перед царём изорванную шинель и остался в одном мундире, с синей лентой через плечо.

— Нужно сейчас же стрелять! — крикну крикнул он Николаю.

Поглядел на свой скособоченный мундир, торопливо застегнулся:

— Посмотрите, ваше величество, в какое состояние они меня привели.

Николай смотрел со злобным презрением: вот кто хотел лишить его престола и в неопределённые дни интеррегнума заставил всех присягнуть Константину. Царь сказал:

— Вы, как генерал-губернатор столицы, за всё мне сполна ответите. Идите на площадь.

— Милорадович отдал честь и, пошатываясь, пошёл.

Преображенцы двинулись, тесня медленно расступающуюся толпу. Обогнули угол Главного штаба. У самого угла царь заметил странного человека в мундире Генерального штаба, к-рый стоял в стороне от толпы, а завидя Николая, круто отвернулся. По сутулой спине царь узнал его: «Полковник Трубецкой. . . странно».

Встречный адъютант, увидя царя пешком, соскочил с седла и подвёл ему лошадь. Николай сел в седло.

Миновав Гороховую, он остановил роту преображенцев на углу у крыльца Лобановского дома, у львов. Прямо — по диагонали через улицу и площадь — стояли московцы. Кругом кишела непочтительная толпа. — На лесах Исаакиевской церкви чернь отдирала драницы от лесов; тащили каменья.

Впереди на площади, крики: «Ура! Константин!» Оттуда стреляют.

К Николаю подходит очень высокий офицер в форме Нижегородского драгунского полка, с чёрными волосами и чёрной повязкой на лбу. Руку он держит за бортом форменного сюртука.

— Я был с ними, — говорит офицер, — но, услышав, что они за Константина, бросил их явился к вам.

— Спасибо, вы ваш долг знаете.

— Государь, предлагаю вести переговоры с Московским полком.

И Якубович снова закладывает руку за борт сюртука.

— Буду благодарен, — отвечает царю, — пора, действительно, прекратить недоразумение.

Рука за бортом сюртука дрожит. Николай, замечая это, слегка осаживает лошадь. Якубович круто поворачивается и исчезает.

К ногам лошади царя падает кирпич, брошенный с исаакиевских лесов: Лошадь встает на дыбы.

Царь пригибается и скачет к Адмиралтейской площади. Его догоняет адьютант:

— Ваше величество, **генерал Милорадович убит**. Генерала Воинова чернь избила поленьями.

Николай поворачивает коня.

Он подзывает Адлерберга и говорит ему тихо:

— Что делать, генерал, с дворцом? Дворец без прикрытия.

— Я приготовил, государь, загородные экипажи и в крайности препровожу их величество под прикрытием кавалергардов в Царское Село.

С площади опять доносится пальба. К царю подъезжает Толь, этим утром прибывший из Неннааля. Он крепко сидит в седле:

— Государь, **вторая кавалерийская атака отбита. Я послал за артиллерией**.

Николай молчит. Толь, выждав, говорит:

— Государь, дозвольте распорядиться артиллерией.

Николай машинально кивает. Адлерберг подсказывает ему на ухо:

— Ваше величество, идите с ротою ко дворцу.

Николай послушно командует. У Главного штаба он слышит необычайный шум с Разводной площади; тревожно приподымается в стременах, смотрит — к самому дворцу от Миллионной бежит густая толпа лейб-гренадеров с ружьями наперевес. Впереди всех — молодой офицер с обнаженной шпагой. Вот они уже во дворе Зимнего. Но через неск-ко минут толпа лейб-гренадеров опять показывается в воротах. Они приближаются, впереди тот же маленький кривоногий офицер со шпагой. Николай видит их лица, расстегнутые мундиры и ничего не понимает: куда они? Гренадёры поравнялись с царём.

— Здорово!

Молчание.

— Стой!

— Молчание.

Проходят мимо него, не отдавая чести.

— Куда вы, поручик?

— Мы к московцам.

Николай говорит в растерянности:

Тогда вам на Петровскую площадь.

— Мы туда и идём.

Николай величественно командует мрачным преображенцам:

— Пропустить.

И четыре восставшие роты лейб-гренадеров проходят на Петровскую площадь, задевая за шпоры сидящего на коне Николая.

Медленно стягиваются войска Николая, исподволь запирая Петровскую площадь. Прошла конная гвардия — из тех казарм, что на Адмиралтейской площади. Великий князь Михаил Павлович привёл остальные три роты московцев, и их построили против Адмиралтейства.

Подходят семёновцы, и Михаила высылают к ним навстречу. Их ставят по левую сторону Исаакиевской церкви, прямо против Гвардейского экипажа, на кучи мраморного щебня. Второй батальон преображенцев и 3 роты первого батальона соединяются на правом фланге с конными лейб-гвардейцами и стоят лицом к Сенату.

Павловский полк занимает Галерную улицу.

А московцы стреляют, и плотным чёрным каре стоит Гвардейский экипаж. Лейб-гренадеры у бунтовщиков на правом фланге. Боя нет. Колеблются чаши весов. **И Рылеев уходит с площади, опустив голову.**

Николай посылает митрополита уговаривать бунтовщиков. К Гвардейскому экипажу подъезжают сани: в них дряхлый митрополит с каким-то бледным попом. Неск-ко молодых унтер-офицеров окружают сани. Митрополит говорит дребезжащим голосом:

— Его высочество Константин Павлович жив, слава богу.

— Тогда подавайте его нам сюда!

— Подавайте сюда Константина! — кричат солдаты.

Словно не слыша, митрополит повторяет:

— Его высочество жив, слава богу!

Поп, стоящий рядом с митрополитом, сладко начинает:

— Братья любезные, вспомните завет господа нашего.

Один из мятежных офицеров кричит митрополиту:

— Батюшка, убирайтесь, здесь вам не место.

Митрополит дрожит, его усаживают в сани. вслед кричат:

— Пришлите для переговоров Михаила. Стрелять не будем.

И тут же выстрелы над головами. Извозчик гонит сани прочь.

Царь чувствует по пению пуль, что московцы знают, где он стоит. Он переезжает к семёновцам. Михаил в приливе военного самодовольства поворачивается к царю:

— Разреши, я с ними сам переговорю. Мне передавали, что офицеры Экипажа хотят со мной переговорить.

— Сколько уже парламентёров посылали, — отвечает царь. — Митрополит, и тот не помог.

— Да, но мне через митрополита передавали, — возражает Михаил.

[Как в детстве, братья состязаются друг с другом].

— Делай, как знаешь, — отвечает Николай.

Михаил в сопровождении одного свитского генерала подъезжает к Гвардейскому экипажу; передние ряды притихли, солдаты смотрят исподлобья. Михаил любезно спрашивает одного из офицеров-мятежников:

— Можно мне говорить с войском?

Тот пожимает плечами.

— Вот что, братцы, — громко говорит Михаил, — брат Константин отрёкся от престола. Вам теперь нет никакой причины отказываться от присяги Николаю Павловичу.

Он прикладывает руку к сердцу:

— Умоляю вас возвратиться в казармы.

— Подавайте его сюда, Константина! — кричит какой-то матрос.

— Подавайте его сюда! — кричат в рядах.

В толпе стоит худой и длинный человек в круглой шляпе и в новой темнооливковой шинели с бобровым воротником и щегольской серебряной застежкой. Он расстёгивает шинель и роняет на снег, оставаясь в черном фраке. Это поэт Кюхельбекер. В руках у него пистолет. Рядом с ним — плотный, русый человек в бекеше (Иван Пущин).

Солдаты кричат, заглушая голос Михаила Павловича:

— Ура конституции!

Пущин говорит Кюхельбекеру:

— Voulez vous faire descendre Michel?

Великий князь видит дуло пистолета. А там — тихие слова:

— Я близорук. Который Мишель?

— С чёрным султаном, — отвечает Александр Бестужев.

Кюхельбекер целится во всаднике с чёрным султаном и спускает курок — вместо выстрела раздаётся щёлканье — пистолет, раннее оброненный поэтом в снег, дал осечку... Михаил Павлович и его спутник скачут прочь.

Появляется избитый раннее генерал Воинов — он снова явился поговорить с Экипажем: теперь это белый султан. Кюхельбекер выходит из рядов, целится в Воинова, дважды стреляет — и два раза осекается. Воинов скачет прочь.

Вдруг появляется Якубович с высоко поднятой шпагой, к к-рой привязан носовой платок. Он краснеет, срывает платок:

— Это маскарад. Я вызвался быть парламентёром.

Потом делает значительное лицо:

— Держитесь! **Вас жестоко боятся.**

И уходит с площади прямыми шагами, держа обнажённую шпагу.

Близятся сумерки.

Войска Николая расступаются на две стороны. Посреди них оказываются зёвы батареи.

Эту батарею (гвардейской артилл. бригады) привёл на площадь генерал Сухозанет. Её поставили поперёк Адмир. площади: правый фланг батареи дулами обращён к Сенату, левый — к Невскому. Два орудия могут палить вдоль проспекта. **Зарядов для пушек нет — их не взяли.**

Адьютант помчался хоть за неск-кими зарядами в лабораторию. Сухозанет командует:

— Батарея! Орудия заряжай, с зарядом — жай!

Он **ПУГАЕТ** толпу. Но толпа стоит неподвижно и смеётся. Сухозанет, к-рому отчаянно хочется выслужиться (многие его обогнали в этот день), догоняет бесцельно разъезжающего Николая. Может, царь не знает, что зарядов нет... Генерал говорит:

— Ваше **высочество**, прикажите пушкам очистить Петровскую площадь. Николай смотрит на Сухозанета страшным взглядом и молча отъезжает. Генерал хватается за голову: он забылся и назвал царя «высочеством». Сухозанет медленно едет за царем, выжидает, ловит его.

Четвёртый час на исходе. Московцы стреляют, плотно стоит Гвардейский экипаж, а на правом фланге у бунтовщиков лейб-гренадеры. **Четыре кавалерийские атаки** с уроном отбиты бунтовщиками. Чернь одиночками, кучками, толпами перебегает на Петр. площадь.

Николай знает, что в Финляндском полку волнения. Он остановился на мосту, на Васильевском острове. К Николаеву подъезжает Толь:

— Государь, я думаю положить конец этому беспорядку, пустив в ход пушки.

— Царь хмуро кивает. Слыша это, опять подъезжает Сухозанет и, понизив голос, наклоняется к Николаю:

— Государь, сумерки близки, силы бунтовщиков увеличиваются, темнота в этом положении опасна.

Николай молчит. Затем:

— А вы в своей артиллерии уверены? Попробуйте ещё раз переговорить.

Действит-но, зарядов подвезли очень мало. Сухозанет едет к фронту московцев и кричит:

— Ребята, положит ружья, буду стрелять картечью.

Свист и хохот летят ему в лицо. Александр Бестужев кричит:

— Сухозанет, ты б кого-нибудь почище прислал!

В генерала целится молодой гвардеец, но сзади кричат:

— Не тронь этого холуя, он не стоит пули!

— **Ура Константин!**

— **Ура, конституция!**

Сухозанет, багровый от гнева, поворачивает коня. Вдогонку свист, улюлюканье. На скаку он выдёргивает из своей шляпы султан и машем в воздухе. **Это сигнал к первому залпу.**

Первый залп холостой.

Мятежники стоят, толпа гуще сжимается вокруг войск.

Толь отдаёт Сухозанету приказ: стрельба орудиями по порядку.

Первый выстрел.

Визгливо поёт летящая картечь и с грохотом рассыпается: одни пули бьют в мостовую и поднимают рикошетами снежный прах, другие попадают в людей, облепивших колонны

Сената и крыши соседних домов, третьи — косят фронт. **Крики, стоны.** Голос Оболенского: **«Пли!»** Мятежные войска отвечают ружейным огнём.

Второй выстрел. Звенят разбитые оконницы Сената, пули уходят в камень, сыплется штукатурка. Люди падают кучками [пальба в упор — ещё вернее, чем Бонапарт 13 вандемьера]. Но войска стоят и стреляют в ответ. Но стрельба уже прерывистая...

Третий выстрел. Отвечают отдельные ружья — груды трупов на мостовой.

Четвёртый выстрел. Ружья смолкают.

Заметались матросы. Мятежники бросают ружья. Бегут мимо манежа, топча убитых и раненых. Прячутся, разбегаются по дворам. Офицеры снимают султаны со своих шляп.

Офицеры Гвардейского экипажа подходит один за другим к командиру и сдаются ему.

Наступает морозный вечер 14 декабря 1825 года.

«На площади — огни, дым, оклики часовых, пушки, обращённые жерлами во все стороны, кордонные цепи, патрули, ряды казацких копий, тусклый блеск обнажённых кавалергардский палашей, красный треск горящих дров, у которых греются солдаты, оружие, сложенное в пирамиды.

Ночь.

Простреленные стены, выбитые рамы во всей Галерной улице, шопот и тихая возня в первых этажах окрестных домов, приклады, бьющие по телу, тихий, проглоченный стон арестуемых.

Ночь.

Забрызганные веерообразно кровью стены Сената, трупы. Кучи, одиночки, чёрные и окровавленные. Возы, покрытые рогожами, с к-рых каплет кровь. На Неве — от Исаакиевского моста до Академии художеств — тихая возня: в узкие проруби спускают трупы. Слышны иногда среди трупов стоны — вместе с трупами толкают в узкие проруби раненых. Тихая война и шарканье; полицейский раздевает мертвецов и раненых, срывает с них перстни, шарят в карманах.

Мертвецы и раненые прирастут ко льду. Зимой будут рубить здесь лёд, и в прозрачных, синеватых льдинах будут находить человеческие головы, руки и ноги.

Так до весны.

Весной лед уйдёт к морю.

И вода унесёт мертвецов в море».

(Тынянов)[1].

Семён Николаевич Корсаков, чиновник статистического отделения министерства юстиции, составил список всех погибших 14 декабря 1825 на Петровской площади в СПб.

генералов 1

штаб-офицеров 1

обер-офицеров разных полков — 17

нижних чинов лейб-гвардии Московского — 93

[1]Здесь в рукопись на отдельном листе вставлен список погибших.

Гренадерского — 69
Екипажа Гвардии — 103
Конного — 17
во фраках и шинелях — 39
Женска пола — 9
малолетних — 19
черни — 903

————

Итого 1271 человек

На площади стояла огромная толпа, раз «черни» убито в три раза больше, чем военных[1].

Изрытую картечью и залитую кровью Петровскую площадь в тот же вечер замывали, посыпали снегом и укатывали.

Санктпетербургский полицмейстер Шульгин, человек огромного роста, с пышными бакенбардами, уже разъезжал по городу с квартальными, жандармами, драгунами, собирая адреса бунтовщиков и производя первые аресты.

Вечером Фаддей Булгарин приехал к Синему мосту, в дом Российско-Американской компании. Бледный слуга открыл ему дверь. Булгарин вошёл в столовую, служившую недавно штабом заговора. За столом сидели Рылеев, Штейнгель, ещё человека три. Они пили чай, курили сигары, негромко разговаривали. Булгарина хотел присесть к знакомому столу.

Рылеев лениво встал, взял его за руку повыше локтя. — Тебе, Фаддей, делать здесь нечего. Ты будешь цел.

Вывел его из комнаты и закрыл дверь.

Описание Юрия Тынянова **прекрасно**, но, естественно, окрашено презрением и ненавистью к Николаю. Auditum et altera pars! Предоставим слово европейцам, Лависсу и Рамбо (с мелкими дополнениями).

24 (12) декабря 1825 года Николай получил от командующего Южной армии Дибича подробнейшие сведения об организации тайных обществ, о проектах революции и цареубийства. В тот же день он получил письмо Константина с новым отречением. Константин к тому же отказался покинуть Варшаву.

Николай тут же поручил Сперанскому составить манифест о восшествии на престол. Манифест содержал требование принесения новой присяги, назначенной на послезавтра на понедельник 26 (14) декабря.

Николай писал Волконскому: «Послезавтра я буду императором всероссийским, или же я буду мёртв». [Он знал о заговоре.]

25 (13) декабря на заседании государственного совета он зачитал манифест. 26 (14) декабря в 8:00 утра Николай направился в приёмный зал Зимнего дворца, где был собран

[1] Окончание вставки. Далее продолжается главка «Восстание 14 декабря».

генералитет и высшие гражданские чины. Николай изложил факты, прочёл манифест и сказал: «Если мне суждено быть императором хотя бы только на один час, я сумею доказать, что достоин им быть».

Принесение присяги началось как в собрании высших госуд. учреждений, так и в церквах. Император в Зимнем ожидал донесений о том, что происходит в казармах. В большинстве гвардейских полков присяга была принесена без значительных инцидентов. Но в Московском полку офицеры-заговорщики удержали солдат от присяги, уверяя их, что настоящий император Константин заключён в тюрьму, как и великий князь Михаил. Они увлекли за собой половину полка с заряженными ружьями, с развернутыми знаменами, зарубили бригадного генерала [**были тяжело ранены генералы Фредекрикс и Шеншин, легко ранен полковник Хвощинский**] и заняли позицию на Сенатской площади, около памятника Петра Великого.

К ним присоединились отдельные военные и кое-кто из народа. Толпа кричала: «Да здравствует Константин!» В этот момент у Николая под рукой была лишь рота Финляндского полка, пришедшая на смену караула во дворце, и знамя этого полка первым склонилась перед новым императором. Подходы к дворцу были заняты многочисленной, но мирной толпой, из которой раздавались отдельные выкрики: «Да здравствует Константин!» Толпа стояла, обнажив головы. Николай I приблизился к этой толпе, импонируя ей своим огромным ростом и стальным взглядом голубых глаз, и прочёл манифест, вызвав этим бурю приветственных криков. Затем он обнял стоявших вблизи и предложил всем разойтись по домам.

Вскоре прибыл 1-й батальон преображенского, затем Милорадовичу со многими генералами и офицерами. Милорадович, раскаиваясь в том, что он почти не принял предосторожностей, направился к восставшему Московскому полку, стоявшему спиной к Сенату и окруженному кордоном стрелков.
Он велел подать себе лошадь, пробился сквозь толпу и кордон стрелков, остановился в 10 шагах от полка и обратился к нему с речью. Внезапно раздался выстрел, и Милорадович упал на руки одного из своих адъютантов. Отставной поручик Каховский убил его выстрелом из пистолета.

Николай, очень взволнованый этим известием, сказал:

— Ясно, что будут стрелять и в меня.

Тем не менее, он во главе роты преображенцев приблизился к мятежникам. Встретив на пути конную гвардию, он велел ей построиться на Сенатской площади.

В этот момент подоспели, чтобы присоединиться к мятежникам, флотские экипажи, увлечённые морскими лейтенантами Арбузовым и Николаем Бестужевым. Неск-ко офицеров, пытавшихся войти в переговоры с мятежниками, были обстреляны. Император тоже приблизился; его встретили криками «Да здравствует Константин! Да здравствует конституция!» — и ружейными выстрелами.

— Несчастные! — воскликнул он. — Они хотят, чтобы пролилась кровь!

Великий князь Михаил, командир Московского полка, бросился в казармы своего полка, где оставалась еще половина солдат, не решившийся присоединиться к мятежникам, но продолжавших верить в басню о заточении Константина и Михаила. Достаточно было солдатам увидеть Михаила, чтобы принести присягу. Михаил привёл их на Сенатскую площадь, намереваясь восстановить честь полка и отнять у мятежников полковое знамя. Вскоре к императору подошли новые силы: гвардейские сапёры, кавалергарды, остатки Преображенского, Финляндского, Семёновского и Павловского полков и, наконец, пешая гвардейская артиллерия под командой генерала Сухозанета.

Стало известно о присоединении к мятежникам двух батальонов гвардейских гренадер. Они были увлечены своими офицерами и явились со знаменем. Одному из этих батальонов под предводительством поручика Панова удалось проникнуть во двор Зимнего дворца, где солдаты кричали: «Мы за Константина!»

— В таком случае вот ваша дорога, — холодно сказал им Николай.

Полковник Стюрлер, командир гвардейских гренадер, гнавшийся за своими солдатами, был смертельно ранен выстрелом из пистолета, произведённым опять-таки Каховским.

Отпадение др-х воинских частей было приостановлено офицерами, верными Николаю. На Сенатской площади собрались: часть Моск. полка и гвардейских гренадер с двумя знамёнами, флотские экипажи, множество одиночек и гражданских заговорщиков — всего от 3 до 4 тысяч, голодных, полузамерзших, переступавших с ноги на ногу, без начальника, к-рый ими командовал бы, и уже деморализованных бездействием.

Великий князь Михаил сделал было попытку поговорить с моряками, и был момент, когда Кюхеотбекер прицелился в него из пистолета; а затем пытались заговорить с солдатами два митрополита — петербургский мит-ит Серафим и киевский Евгений, но голоса их были заглушены барабанной дробью. Наконец, сделал попытку император, но был опять встречен выстрелами.

На Адмиралтействе пробило 3 часа. Вопреки советам свиты Николай высказывал явное нежелание открывать огонь. Сухозанет, который не мог добиться от императора этого приказа, попытался тоже заговорить с мятежниками. «Принес ли ты нам конституцию?» — было их ответом, и пуля срезала плюмаж его шляпы. Тогда раздались четыре пушечных выстрела. Мятежники обратились в беспорядочное бегство. Они бежали по улицам, по набережной, по замёрзшей Неве. Три других пушечных выстрела и несколько кавалерийских атак (???) очистили Сенатскую площадь. Николай вернулся в свой дворец победителем. Число убитых не достигало 300 человек.

[**Гораздо больше: но полиции было велено скорее убрать трупы, и множество убитых и РАНЕНЫХ было сброшено в проруби и полыньи Невы.**]

Этот военный мятеж без вождя явился провалом восьмилетнего заговора. Со стороны власти — та же растерянность. В самом начале Николай, имевший в своём распоряжении одну-единственную роту, был весь во власти мятежных солдат и толпы. И если он остал-

ся в этот день победителем, то этим был обязан своему личному хладнокровию и своей императорская осанке». (Лависс и Рамбо).

[**Ошибок и неточностей много, на тон правдивее.**]

Победитель и Палач

Ночью с 14 по 15 декабря у всех выходов из Зимнего стояли пикеты, солдаты грелись у костров, пушки были обращены жерлами к улицам…

Утром 15 декабря священник Виноградов побывал на Петровской площади. Не решаясь написать о виденном по-русски, он записал по латыни: «Sanguinis multa signa» («многочисленные следы крови»). Дворники засыпали кровь свежим снегом. По приказу Николая спешно штукатурили изрешечённую стену Сената.

Уже вечером 14 декабря начались аресты. Первым, видимо, был арестован Щепин-Ростовский, которого привезли в Зимний со связанными руками. Около полуночи был арестован Рылеев.

Сначала допросы проводились в Эрмитаже, в огромной зале, в углу которой стоял раскрытый ломберный стол, а на стенах висели «Святое семейства» Доминикино и «Блудный сын» Сальватора Розы. Первые показания снимал дежурный генерал (иногда Потапов, чаще Левашов). **Почти всех** допросил сам император. Перед узниками он выступал то ласковым, то грозным, старался нащупать у каждого его слабое место. При сопротивлении срывался в ярость: **«Заковать его так, чтоб он пошевелиться не мог!»**

Железа, в которые заковывали декабристов, весели около 22 фунтов. Князь Трубецкой, «диктатор», топтавшийся 14 декабря где-то возле угла Главного штаба, скрывался у своей тёщи графини де Лаваль или у своего свояка графа Лебцельтрона, австрийского посла. Трубецкой и граф были женаты на родных сестрах. «Диктатор» вместе с женой отправился ночевать графу Лебцельтрону, в дом графа Гурьева у Аничкова моста. Здесь он и был арестован в ночь с 14 на 15 декабря и отвезён прямо в Зимний. Император вышел к нему и, указывая пальцем на его лоб, воскликнул:

— Что было в этой голове, когда вы, с вашим именем, с вашей фамилиею, вошли в такое дела? Гвардии полковник! князь Трубецкой! Как вам не стыдно быть с такой дрянью? Ваша очередь будет ужасная!

[Согласно рассказу Греча, князь Трубецкой бросился на колени и завопил: «La vie, Sire! Николай ответил с презрением: «Даю тебе жизнь, чтобы она служила тебе стыдом и наказанием».] Прочтя написаную в Петропавловской крепости покаянную исповедь князя, который сваливал всю вину на Рылеева, Николай снова вызвал Трубецкого и сказал:

— Вы знаете, что я мог бы сейчас же приказать вас расстрелять?

Но затем государь чуть успокоился и велел Трубецкому написать семье записку: «Я буду жив и здоров». Неудачный диктатор обезоружил Николая своим смирением, своими молитвами и полнотой своих признаний. Все историки отмечают **презрение царях к Трубецкому**.

При виде Каховского царь не сдержал своей ярости:

— Презренный, покрытый кровью нашего самого прославленного генерала!

Когда, в присутствии императора, генерал-адъютант Левашов допрашивал Якушкина, он сказал:

— Нам известно, что на совещании ваших товарищей на вас пал жребий убить...

Якушкин перебил:

— Ваше превосходительство, это не совсем справедливо. Я вызвался сам нанести удар императору и не хотел уступить этой части никому из товарищей...

Когда Николая Бестужева, старшего из пяти братьев, привели к императору, Николай I сказал:

— Вы блины, вы дрожите.

— Ваше величество, я двое суток не спал и ничего не ел.

— Дать ему обедать! — приказал император.

Николая Бестужева определили в одну маленькую комнату Эрмитажа (там помещался государь по случаю переделки комнат Зимнего дворца), посадили на диван за стол и подали обед.

— Я не пью красного вина, — сказал он официанту, — подайте белого.

Он спокойно пообедал, приклонился к подушке дивана и крепко заснул. Проснувшись часа через два, он встал:

— Теперь я готов отвечать.

Его провели в прежнюю залу. Там он поклонился своему короткому знакомому Василию Алексеевичу Перовскому и, увидев нового флигель-адъютанта Алексея Петровича Лазарева, сказал ему:

— Ну, Алёшка! Теперь перестанешь шалить.

Его ввели в кабинете царя. Он не только смело и решительно отвечал на все вопросы, но и сам «начинал говорить»: он изобразил государю положение России, исчислил неисполненные обещания, несбывшиеся надежды и объяснил причины заговора. Николай слушал его внимательно. Будучи уверенным в неминуемой смерти и **приняв её**, Бестужев-старший уже ничего не боялся и держался с великолепным достоинством.

Это понравилось Николаю. Он сказал:

— Вы знаете, что всё в моих руках. Я мог бы простить вас, и если бы мог увериться в том, что впредь буду иметь в вас верного слугу, то готов простить...

— Ваше величество! В том-то и несчастье, что вы всё можете сделать, что вы выше закона. Желаю, чтобы впредь жребий ваших подданных зависел от закона, а не от вашей угодности... ваших капризов или минутных настроений...

[Этот ответ ошибочно приписывают иногда Александру Бестужеву.]

Рылеев, скромный, но не опустивший глаз перед Николаем, заинтересовал его.

— Какой интерес побудил вас к действию? — спросил царь.

— Интерес моей страны.

— Что было вашей целью?

— Конституции, либеральное правление, общественные свободы.

Император сумел очаровать и обмануть Рылеева, притворился вдумчивым собеседником, попросил объяснений. Отправленный после первого допроса в Алексеевский равелин, Рылеев написал подробнейшие показания. Он ничего не скрывал и называл все имена. В показаниях следственной комиссии он заявил, что считает свои взгляды полезными для счастья России.

В равелине он просидел полгода и пережил душевную трагедию. Им овладели религиозно-мистические настроения, он каялся и признавался. Императору удалось получить от него исчерпывающие показания, после чего он сказал Рылееву, что **прощает его**. Рылеев был уверен, что его раскаяние понято и оценено по достоинству...

В течение неск-ких дней после восстания царь по 6 – 7 часов в день допрашивал заключённых. Была создана большая Следственная комиссия, царь пожелал лично руководить ею.

Трубецкой старался умалить свою роль. Якубович и Каховский отрицали приписываемые им проекты цареубийства. Булатов покончил с собой в тюрьме.

За 5 месяцев Следственная комиссия допросила 240 заключённых 3000 свидетелей. Обвинение было выдвинуто против 121 человека. В их числе было 7 князей, 3 графа, 3 барона, 2 генерала, 23 полковник или подполковника. 30 мая (ст. ст.) 1826 года Следственная комиссия во главе с царём-сыщиком закончила свою работу.

Подготовка суда над декабристами была возложена на Сперанского. Он прежде всего нашёл юридический прецедент для предстоящего процесса и разработал обряд судопроизводства: по предложению Сперанского образцом был избран суд над Емельяном Пугачёвым.

Как доказали позже Герцен и Огарёв, это был «солганный вид законности»: декабристов судили по несуществовавшим законам и для придания процессу видимости права провели эти законы уже **после суда и казни**.

Верховный Суд был образован из 80 человек: от Государственного совета, Сената, сятейшего Синода. Подсудимых допрашивали неск-ко недель. Верховный Суд ревностно старался заслужить одобрение Николая I и блистал свирепостью.

Все обвиняемые (121) были признаны виновными. Верховный суд приступил к выбору способа казни: 63 голоса были подано за четвертование, два голоса — за казнь «постыдной смертью» (повешение). Член суда Сумароков написал: «Всех четвертовать и в вине поступить по примеру Пугачёва).

На такую массовую казнь Николай не решился. Осуждённые были разбиты на разряды.

Вне разрядов остались Рылеев, Пестель, Каховский, Сергей Муравьёв-Апостол и Бестужев-Рюмин, по-прежнему приговорённые к четвертованию «по тяжести их злодеяния».

По первому разряду 31 человек были приговорены к смерти через отсечение головы.

По второму 17 человек были приговорены к гражданской смерти и пожизненным каторжным работам. [Обряд состоял в том, что осуждённого клали на плаху, подходил палач с топором, но в эту минуту объявляли о замене смертной казни каторгой.]

Третий разряд — вечная ссылка и каторга.

Четвёртый — 15 лет каторги.

Прочие разряды — до девятого включительно разные сроки каторги, ссылки, поселения.

Десятый и одиннадцатый разряды — лишение чинов и дворянства и пожизненная солдатская служба.

Итого 121 осуждённых Верховным Судом. Неск-ко сот солдат, участников дела 14 декабря, получили по 12.000 шпицрутенов, т. е. были забиты насмерть.

После восстания «Русский инвалид» опубликовал «Подробное описание происшествия, случившегося в Санкт-Петербурге 14 декабря 1825 года», а также список восемнадцати «явно изобличённых заговорщиков». Затем постепенно в газетах появлялись новые имена арестованных.

10 июля 1826 начальник Главного штаба барон Дибич направил председателю Верховного уголовного суда[1] письмо, в к-ром от имени государя выражал несогласие на четвертование, расстрел или отсечение головы. Это означало **виселицу**.

Пятерым «вне разрядов» государь заменил четвертование виселицой. Все другие осуждённые на смерть были помилованы. Почти все приговоры, кроме смертных, по конфирмации были снижены на одну или две категории.

Приговор был напечатан в виде «Прибавления» в газете Булгарина и Греча «Северная пчела» — огромный лист великолепной серо-голубой бумаги; печать тоже очень хорошая.

13 июля 1826 состоялась «конфирмация» — т. е. оглашение последнего утверждённого государем приговора с немедленным исполнением.

Весь ритуал заранее продуман Николаем I. Он назначил и место казни — кронверк Петропавловской крепости. В канун казни, как об этом поведал в своих записках Денис Давыдов, государь весь вечер изыскивал способы, как придать этой картине наиболее мрачный характер. В эту ночь (с 12 на 13 июля) последовало высочайшее повеление: барабанщикам бить во всё время бой, какой употребляется при наказании солдат сквозь строй.

Это повеление поразило Льва Толстого, к-рый прочёл его, когда задумал роман о декабристах: «Для меня это ключ, отперший не столько историческую, сколько психологическую дверь».

В утро конфирмации узники Петропавловской крепости услышали скрежет замков, грохот дверей, бряцание желез и протяжный голос Рылеева: «Простите, простите, братцы!»

Затем выводят всех осуждённых, строят в каре на кронверке у подножия пяти виселиц. На глазах товарищей, под мелкую барабанную дробь, пятерых смертников ведут к виселицам. Руки у них скручены на спине ремнями и ноги спутаны ремнями, они делают маленькие шаги.

Их подвели к петлям, палач и накинул им на шеи верёвки и выбил из под ног доски, прикрывавшие глубокую яму. И тут начались «лютые подробности» этой казни (выражение Вяземского в его письме к жене). О них нет согласия.

[1] Князю Петру Васильевичу Лопухину, отцу знаменитой фаворитки Павла I.

Сразу повешены были двое — Пестель и Каховский. У трёх остальных верёвка соскользнула на капюшоны, закрывавшие им головы, они сорвались, и Бестужев-Рюмин при этом сломал обе ноги. У них на глазах начались повторные приготовления казни. При этом Рылееву приписывают разные слова. Французы пишут: «Итак, будут говорить, что ничто мне не удалось, даже смерть». Но русские вкладывают в уста Рылеева другие слова: «Я счастлив дважды умереть за Россию». То и другое — апокрифы. Муравьёв-Апостол якобы сказал: «Проклятая страна, где не умеют ни составлять заговоры, ни судить, ни вешать». Это тоже офранцуженная версия. **Наиболее достоверными русские историки считают слова Апостола: «Несчастная страна — и повесит толком не умеют!»**

Есть совсем иная версия: что лопнули гнилые верёвки и сорвались с виселицы Рылеев, Муравьёв-Апостол и Каховский. Обливаясь кровью, Рылеев встал на ноги и сказал главному распорядителю казни Павлу Кутузову:

— Вы, генерал, вероятно, проехали посмотреть, как мы умираем. Обрадуйте вашего государя, что его желание исполняется: вы видите — мы умираем в мучениях...

— Вешайте их скорее снова! — закричал Кутузов.

Но запасных верёвок под рукой не оказалось, за ними пришлось далеко посылать, и Рылеев сказал Кутузову (или другому офицеру?):

— **Палач, расплети свои эполеты на верёвки!**

Повторное повешение состоялась через четверть часа.

Затем состоялась гражданская казнь. Бывшие офицеры выглядели чучеломи: в арестантских халатах, в форменных шляпах с грязными султанами и в ботфортах на босу ногу. С них срывали мундиры или шляпы, а со статских фраки — бросали в огонь. Поставили на колени и ломали шпагу над головой...

Ночь перед казнью декабристов император провел в Царском Селе. Утром фрейлина Россет встретила его около пруда за Кагульским памятником. Он стоял на берегу и кидал в воду платок, а его собака бросалась за платком. Приближался полдень.

В это время в Царское прискакал из Столицы фельдъегерь с донесением, что казнь свершилась. Николай оставил свою собаку, плывущую за платком, и большими шагами поспешил ко дворцу. Его призывала вторая часть программы.

Сначала он направился в часовню и велел отслужить заупокойную службу.

Затем на Петровской площади, на том месте, где был убит Милорадович, отслужили «очистительное молебствие».

19 июля (на шестой день после казни) такое же очистительное молебствие было отслужено в Московском Кремле.

Воспоминание о восстании 14 декабря **никогда** не покидало Николая. Каждый год он отмечал день 14 декабря, считая его, как писал барон Корф, «днём истинного своего восшествия на престол». В этот день все, принимавшие прямое или косвенное участие в подавлении мятежа, были собираемы ко двору. В церкви Зимнего или Аничкова дворца совершался благодарственный молебен, во время которого после обычного многолетия в честь царству-

ющего дома возглашалась вечная память «графу Михаилу» (Милорадовичу) и «всем в день сей за веру, царя и отечество убиенных». Затем все приглашённые на торжество допускались к руке государя и **целовались с ним, как в светлый праздник**.

В этот же день в Аничковом давался придворный бал. Николай щедро наградил и возвысил всех, кто был при нём 14 декабря 1825 года: «mes amis du quatorze», как он их называл. Алексей Орлов, командир лейб-гвардии конного полка, раненый в первой же атаке на бунтовщиков, уже 25 декабря 1825 года был пожалован графом, стал всемогущим любимцем царя и сделал неслыханную карьеру. — Бенкендорф был поставлен во главе жандармского корпуса и III отделения (тоже любимец государя). Да все они сделали небывалые карьеры!!!

Восстание 14 декабря наложило печать на всё царствование Николая I, который был холодным садистом с острым чувством декоративности и большой внешней учтивостью («рыцарь» — говорили о нём, а Пушкин → «джентльмен»).

История одного взыскания. Рассказ. Автокомментарий

Р. Г. Назиров

История одного взыскания

Рассказ

Теперь, когда прошло уже достаточно много времени, я могу рассказать всю подлинную историю Анатолия Механикова-историю того, как он заступился за одну девушку и что из этого вышло. Я сам попал в эту историю и косвенно пострадал в ней. Смешное слово-«пострадал». Я не хочу считать, что пострадал. Правильнее было сказать, что нам с Анатолием не повезло из-за одного человека. Но не буду забегать вперед. Начнем сначала.

Во всем виноват женский пол. Когда-то французский министр полиции Сартин, основатель европейской системы уголовного розыска, говорил при виде загадочного преступления: «Ищите женщину!» Умный был человек этот полицейский министр. В нашей истории во всем виновата женщина. Вообще-то обыкновенная девчонка, студентка из нашего института...

Была темная зимняя ночь, когда мы вчетвером шли с комсомольского собрания. Кто это мы? Во-первых, Геннадий Орлов, которого только что избрали секретарем комскомитета института. Во-вторых, Толя Механиков, с которым мы жили в одной комнате общежития. В-третьих, Лиля Иванова, которая шла под руку с Геной и Толей. Четвертый был я.

Геннадий Орлов носил тогда короткое полупальто с цигейковым воротником и порыжевшую облезлую кубанку. Гена был самого высокого роста у нас в группе. Анатолий шел в шинели, подставив ветру свое крепкое лицо с кирпичным румянцем. Он не на много ниже Гены. А между ними шла Лиля.

Кому она не нравилась в институте? Все в нее были немного влюблены. А двое были влюблены даже очень и «много». Но эти двое не походили на обычных соперников, потому что их связывала неразлучная дружба. Это и были первые ребята на факультете, Орлов и Механиков.

Помню, как при свете фонарей чудным и нежным казалось мне лицо Лили. Лицо это, порозовевшее от холода, словно портрет, выступало в овальной раме белой пуховой шали. Красиво выставленная нижняя губка, казалось, ловила падающие снежинки, а глаза были смеющиеся и отважные. Надо лбом Лили лежал не закрытый шалью пласт её каштановых волос, поседевших от снега.

На лицах снег таял, а на воротниках, на Лилиной шали и на волосах оседал и нарастал.

Мы с Толей всю дорогу трунили над Геной. Говорили, что теперь он большая шишка на ровном месте, что скоро он с нами и здороваться не захочет. Называли его на «вы»

и обращались с комической униженностью. Гена, поддерживая игру, отвечал нам важно и высокомерно. Одним словом, мы хохотали и дурачились во-всю. Нам казалось, что это очень смешно. Такой теплой и веселой ночи больше никогда я не помню. Особенно радостно чувствовала себя Лиля. Она восторженно принимала самые незамысловатые наши шутки, заливалась малиновым звоном, как ямщицкий бубенчик.

А вокруг уже спал наш небольшой, но хороший город, горели фонари, снег заволок все улицы и крыши, висел на проводах и сыпался все вновь и вновь.

Расстались у дома Лили. Отсюда Гена Орлов пошел домой, а мы с Толей направились к себе в общежитие.

По дороге он рассказывал мне, как переписывался с хорошей девушкой, а когда демобилизовался, вернулся на родину, оказалось, что она гуляет с другим. Сейчас, наверное, она уже замужем.

— К чему ты это вспомнил?

— Просто так, ни к чему. Не везет мне с хорошими девчатами. Вот и Лиля…

— Что Лиля?

— Понимаешь, Генка ей больше нравится. Но мне не жалко, пускай. Другому бы жалко было уступать Лилю, а с Генкой, пожалуй, ей будет не хуже, чем со мной, а может быть, и лучше…

— Рассуждения! — сказал я. — Если ты такие рассуждения развиваешь, значит, ни хрена ты не любишь Лилю!

— Значит, так, — усмехнулся Толька. Но я понял, что в душе он со мной несогласен.

Толька был очень упрямый человек.

Вскоре после этого начался у нас в городе зимний спортивный сезон.

Автокомментарий к рассказу «История одного взыскания»

При свободной фабрикации сюжета исходным пунктом являются два фактора: 1) желание показать читателю какую-либо сторону своего «я» и 2) какое-либо реальное чувство, отношение к реальному окружающему миру.

Допустим: 1) я желаю показать читателю свою горячность, гнев, непримиримость к злу; 2) конкретно-отрицательное отношение к людям, кичащимся мнимой дружбой.

Тема: дружба, не выдерживающая испытания делом, фальшивое обвинение в комсомольской области. Один из друзей-секретарь комскомитета института, знающий суть дела, но считающий, что «вынужден» из принципа наказать своего друга. Выговор с занесением в личное дело. Потом приходит утешить друга, вынимает из кармана бутылку водки. Друг его прогоняет.

Через восприятие моего «я». Я живу в общежитии вместе со вторым другом. Финал благоприятен для первого (секретаря). Не делать комслидера абсолютным негодяем. Не делать его жертву абсолютным идеалом. Просто, реально.

Теперь остается изобрести, высосать из пальца второстепенный конфликт, завязывающий действие: вину второго друга.

Обычное дело-драка на вечере в институте.

Теперь нужно придумать название и имена. Фабула складывается сама под пером. L'appetite vient en mangeant «наложить взыскание»

Из дневника 1958 года

Р. Г. Назиров

Мы продолжаем совместную с интернет-проектом «Прожито» (prozhito.org) публикацию дневников Р. Г. Назирова.

1958 год

7 января 1958 года. Год начался тоскливо. Правда, рассказ в «Советской Башкирии» и рецензия на кинофильм в «Ленинце», но — праздник прошёл скучно, и я всё отчаянней, всё безысходней терзаюсь по женщине. По нереальной, несуществующей, фантастически доброй и умной. А в конце концов, придётся идти к проститутке.

Ну, ладно. До лета нужно написать ещё парочку рассказов. Летом, если смогу, съезжу в Ленинград и привезу впечатления. Будет выходить «Вечерняя Уфа». Есть решение ЦК, что вечерние газеты будут выходить во всех городах с полумиллионным населением. Есть шансы. Поглядим.

23 февраля 1958 года. Уфа. Вода и слякоть. Видимо, ранняя весна.

Подведём некоторый итог. Мысли и настроения.

Никита Сергеевич Хрущёв, видимо, твёрдо решил покончить с холодной войной. Если он этого добьётся, я стану его вернейшим сторонником. И наплевать мне на все шутки московских студентов и похабные анекдоты про Катьку Фурцеву! В конце концов, как всякий другой человек, Хрущёв имеет право на женщину. Он слишком любит произносить речи, но этот недостаток не так уж важен. Это он реабилитировал жертв тридцать седьмого года и переиздал книги расстрелянных писателей. Большое спасибо ему за это. Больше всего внимания он уделяет крестьянству — и правильно делает! Отсталое сельское хозяйство — это Ахиллесова пята Советского Союза. Освоение целины и запуск спутников запишем ему в заслугу. Изгнание Молотова в Монголию — быть может, это лучше. Дело в том, что, если бы эта дворцовая война продолжалась, престиж правительства пострадал бы ещё сильнее. Молотов на посту вождя был бы внушителен, но его внешняя политика, мне кажется, была бы продолжением сталинского жёсткого курса и великодержавной политики, которая провоцировала Запад на превентивную войну.

Добряк в расшитой сорочке, над которой так издеваются стиляги с улицы Горького, в конечном счёте приносит народу больше пользы, чем покойный гений человечества. При гении в такой неурожайный год, как 1957-ой, подыхали бы целые губернии. При Хрущёве не подыхают.

Покойный отец и учитель держал страну в железной узде. При Хрущёве тишь и гладь нарушилась, начались восстания. Почему? Потому что недовольные восприняли «слабину» пятьдесят шестого года как общее изменение режима и решили подтолкнуть в нужном им направлении. Ан нет, не вышло. Знаменитый секретный доклад на XX-м съезде и все реформы Хрущёва имеют целью усиление режима. Как видно, я ошибался, время диктатуры ещё не прошло. Или нет, нет: внутренняя потребность в диктатуре, если иметь в виду собственно Россию, уже отпадает, но для Кавказа, Прибалтики и для внешней политики диктатура по-прежнему необходима. Внешняя потребность диктатуры. В этом одно из трагических противоречий нашей эпохи. Об этом стоило бы написать.

Далее. Величайшим несчастьем является негибкая политика в области литературы и искусства. Конечно, после 1953 года писать стало легче. По мелочам избивать писателей никто больше не будет. Но вот крупной независимости Хрущёв не терпит. Я считаю, что Яшин и Гранин написали бесталанные, скверные, кислые рассказы. Они мне противны с точки зрения художественной. Но романом Владимира Дудинцева я восхищён. Это сильная, яркая книга. Своим скандальным успехом она обязана острой политической злободневности, это факт. Но всё же дыма без огня не бывает, книга написана интересно. Тем более странно, что её считают антикоммунистическая. Никита молодец, он сказал, что в книге много сильных страниц, что Дудинцев будет писать. Это Хрущёв сделал очень умно.

Что касается самого Дудинцева, он заявил на читательской конференции студентам Ленинградского университета: «Ничего того, о чём вы говорите, я не хотел сказать в своей книге. Я сообщу обо всём этом, где следует».

Последняя фраза отвратительна. Сейчас Дудинцев взял командировку в журнале «Знамя» или «Октябрь». От него ждут что-нибудь, чтобы он написал.

В наших верхах уже выработана формула: «В 1957 году ЦК партии совместно с передовой писательской общественностью разгромили право-ревизионистское течение в советской литературе». Есть доля истины, но сильно преувеличено.

Итог: я не желаю бунтовать против сегодняшней власти. Я считаю, что Хрущёв хочет мира и нового экономического подъёма. Справится ли он, покажет будущее.

Я вступлю в Коммунистическую партию и буду поддерживать ЦК. На данном историческом этапе это единственно правильный путь. Все мои сомнения я оставлю при себе.

Если обгорает бумажный абажур на керосиновой лампе, рано кричать: «Пожар!».

Я не скептик и не хочу соблюдать в жизни издевательский нейтаритет. Я хочу работать и помогать тем, кто так же работает и так же страдает, как я. Я хочу работать и приносить людям пользу!

Но и тех, кто заблужается, бунтует, поносит Никиту Хрущёва, я не хочу считать врагами страны. Я знаю, что студентов отдавали в армию и сажали в тюрьму. Это очень плохо. Их надо переубеждать. И длеать это нужно очень умно.

25 апреля. Пятница. На следующий день после падения правительства Гайяра (в этом месяце) четыре виднейших французских писателя-некоммуниста: Роже Мартен дю Гар,

Франсуа Мориак, Жан-Поль Сартр и Андре Мальро (двое из них лауреаты Нобелевской премии) — послали на имя президента республики «Торжественное послание» с протестом против конфискации книги Анри Аллега «Допрос под пыткой» и призвали государственные власти беспощадно осудить применение пыток. Это ещё один из тысячи фактов, демонстрирующих отвращение французов к алжирской войне.

Двадцатая партия матч-реванша была отложена из-за болезни Смыслова.

Солнце над дорогой.

Я утром выхожу из дома
В далёкий путь, в нелёгкий путь,
И снова радостью знакомой
Восход переполняет грудь.

Летят над нами птичьи стаи,
Восходит солнце день за днём.
Трудясь, волнуясь и мечтая,
Мы все горим одним огнём.

От Немана до Сахалина
Одна страна, один народ,
Где солнце — факел исполина —
Свершает свой круговорот.

Оно уральский греет камень
И опускается вдали,
Там, где за синими реками,
Кричат по-польски журавли.

Пусть этот диск красив и чуден,
Смотрю я гордо на него:
Мне кажется, что это люди
Вчера изобрели его.

И я — частица этой силы,
И потому отрадно мне
Шагать по всей родной и милой
Необозримой стороне.

Как будто по вселенной вечной,
Я буду странствовать всегда...
А над дорогой бесконечной
Поют и ноют провода.

Открыл интересный факт — классовое расслоение в деревне. Оказывается, крестьяне терпеть не могут учителей, завидуют им, чуть ли не считают чужими (а ведь наши бишка-

инские учителя — почти все из крестьян и почти все чуваши). Наш учитель Георгий Максимович Германов, тоже чувашин, родом из деревни Куезбашево, человек семейный, живёт на казённой квартире. Работящий, славный мужик: желая построить собственный дом, он за 3,5 тысячи купил у одной старухи жалкую избёнку. Избёнка едва 500 рублей стоит, платил он за место (ведь земля не продаётся). Подал заявление в колхоз, и собрание колхозников не разрешило ему строиться на этом месте. Дескать, учителя занимают центр села, а колхозников оттесняют на окраины. «Иди работать в колхоз, тогда позволим». Среди этих крикунов были пьяные.

Сейчас начну редактировать и шлифовать детективный рассказ. Там не хватает «собственного мнения». Думаю, что можно сделать рассказ для «Ленинца».

27 апреля. Воскресенье.

Сегодня в нашей школе был учебный день, зато мы не будем работать в субботу 3-го мая, и у нас будет четыре дня отдыха: 1, 2 мая, 3-го мая — отгул, 4 мая — воскресенье.

20-я партия матч-реванша вновь отложена из-за болезни Смыслова.

Я переживаю золотое время своей жизни. Пусть на дворе дождик и слякоть, в душе у меня настоящая весна, настоящий медовый месяц. Не хочу записывать всего, что было, на этих предательских страницах: вдруг их прочитает любопытный глаз постороннего человека. Только скажу одно: исчезла вечная неудовлетворённость, хандра, сомнение. Отныне окончательно созрела во мне мысль о том, что интеллигентское брюзжание — вещь глупая. Народ живёт спокойно и спокойно «cultive son jardin»: изволь и ты трудиться! Наберись хладнокровия, жди развития событий. Будущее покажет. Пока во мне нет отчётливого взгляда на положение вещей — мне не с чем выступать. Я буду работать, и расти, и думать. Эпоха революций для нас прошла, настало время трудов и накоплений. Может, и взаправду Никита Хрущёв ведёт нас прямо в коммунизм.

Написал и заметил странную, дурацкую связь: между женщиной, которую я держал в своих руках, и коммунизмом.

28 апреля. Понедельник.

Вчера, кроме своих уроков, я работал вместе с другими мужчинами из нашего коллектива: мы делаем верстаки для политехнического обучения. Начали мы их делать давно, ещё в начале весенних каникул, но доделываем до сих пор. Вчера их уже собрали. Я делал свою любимую работу: нарезал гайки. Вчера нехватило заготовок для гаек, и я с моим «начальником» Гаврилой Николаевичем Михайловым (преподавателем труда) пошёл в кузницу. Там накалили железную полосу и нарубили заготовок. Я тоже немного постукал кувалдой. В просторной, но низкой кузнице полутьма; свет белый, дневной проходит через открытую дверь, свет красный, вулканический исходит из обшитого досками горна (его называют «горно»). Я крутил колесо воздуходувки; Гаврила Николаевич накидал лопатой угля в горн; чем сильнее я крутил колесо, тем выше взвивался из горна фантастический павлиний хвост огня и искр. В этом огне накалялась наша полоса, а в золе горна кузне-

цы пекли картошку в мундире. Когда полосу рубили, то с неё кусками летела окалина; а потом Гаврила Николаевич сбрасывал с наковальни золотисто-розовые сияющие квадратики железа с дыркой посредине и они, остывая, медленно угасали. А дырки в этой полосе он пробивал «бородком» («бородок» — это короткий молот с длинным тупым носом): вернее, он наставлял по бородку кувалдой: кузнецы вокруг докуривали мои папиросы, добродушно усмехались и давали советы. Впрочем, не очень добродушно: главный кузнец, помогавший делать заготовки, спросил меня, сколько лет я учился. Я сказал, что четырнадцать. «Четырнадцать лет учился, а бить кувалдой не научился», — и в тоне его прозвучала холодная насмешка.

Но всё равно — тут, сидя на чурбане, вращая рукоять колеса и стуча кувалдой, я начал понимать поэзию ремёсел, к которой раньше относился довольно равнодушно.

Потом я вернулся с заготовками в школу; в захламленном и загромождённом моторами кабинете машиноведения, где на стене висит учебная схема двигателя внутреннего сгорания, разрезанного пополам, я вставлял заготовки в тиски, вдевал в «вороток» метчик и, вращая вороток за обе ручки, нарезал гайки: сначала метчиком для черновой нарезки, а потом чистовым метчиком, у которого резьба мельче и острее.

День был пасмурный, дождик смочил молоденькую первую травку и мой старый коричневый плащ, когда я из кузницы нёс в школу на проволоке одиннадцать тёплых заготовок.

А после работы мы перешли в пионерскую комнату. Пока завуч Афанасьев с физиком Георгием Максимовичем Германовым, которого мы полушутливо называем «прорабом», играли в шахматы, а физрук Михаил Иваныч Борисов пыжился, извлекая непристойный звук из пионерского горна, завхоз и Гаврила Николаевич расставляли на столе заседаний пионерской дружины полные бутылки водки и самогона, вскрывали консервы и резали хлеб. И я натруженной рукой, тёмной от плохо отмытого масла, которым смазывал гайки и метчик, поднял заслуженные сто грамм и чокнулся со своими коллегами — сельскими учителями.

Во вчерашней моей записи, сделанной вечером, чувствуется лёгкое опьянение. Но сегодня я трезв, я дал шесть уроков, проверил двадцать диктантов, два часа покопался на огороде у тёти Маши и теперь могу повторить трезво: когда делаешь разнообразную и посильную работу (умственную и физическую), когда имеешь рядом тёплое улыбающееся существо и в душе надежду, то не будет чрезмерной ошибкой вообразить, что в этом и заключается смысл жизни. Это иллюзия, но её подкрепляют ежемесячно 700 – 800 чистых государственных рублей.

Я полюбил деревенскую жизнь, но я побаиваюсь втягиваться в неё: а ну как утрачу связь с жизнью больших городов и никогда больше не вернусь на людные асфальты, залитые дешёвым неоновым сиянием? Нет, этого я не хочу. Пусть за мной остаётся свобода выбора. Люблю и боюсь. Такого моё отношение к жизни: я люблю жизнь робко и осторожно, и после каждого шага оглядываюсь назад, где лампа с зелёным абажуром уютно освещает старый

письменный стол с чернильными кляксами на дерматине, со стихами Бадлера, биографией Наполеона, историей Французской буржуазной революции и записями об импрессионизме.

Но главное для меня давно уже стало литературное творчество, а для этого нужно шагать всё дальше от милой настольной лампы, не боясь работы, дальних дорог или кастета хулигана.

Ещё я забыл записать, как шипели инструменты, нагревшиеся от железа, когда Гаврила Николаевич опускал их в долблёную колоду с водой — из колоды тотчас взлетал пар.

Сегодня солнце, грязь сохнет. Скоро я погуляю в Уфе. Мне хочется писать без конца, излить душу, словно я пишу завещание; но пора мыть сапоги, облепленные огородной землёй, а потом опять проверять тетради, а завтра я дежурю по школе и должен придти за полчаса до первого звонка.

Итак — точка.

4 мая. Уфа. Я взял эту тетрадку с собой в Уфу. Два дня — нет, уже три — я чувствую себя выбитым из колеи. Вечером 1 мая я пришёл с Юрой Поройковым на вечер у девушки, с которой он ходит. Галя Киселёва — выпускница Мединститута. Сегодня я уже болен. Я с ужасом думаю, как буду работать, как буду встречаться с женщиной — всё у меня в башке крутится вокруг Гали.

Юрка сделал ей предложение в ту пьяную ночь — не знаю, что она ответила. Во всяком случае, она с ним мила. Но со мной — я помню минуту общности, когда нас обоих обдало жаром, как из распахнувшейся адской печи: мы танцевали, я держал её в своих объятиях, мы были близко и словно летели друг в друга; я почувствовал, что лицо моё налилось кровью, я глядел ей прямо в глаза, и в этот момент она перешла на то углублённое и страшное дыхание, которое мне уже знакомо. Мы разделились с досадой, и с этого момента между нами началась бесконечная игра взглядами и улыбками. «Когда у вас с Юрой это кончится, рассчитывай на меня», сказал я ей.

А сегодня я наконец снова застал её (вчера она гостила у родных в Черниковске, я трижды в течение дня не мог её застать). Несколько минут нам перепало, хотя её мать входила и выходила без конца. Я сказал ей по сути дела всё.

6 мая. Вторник.

Многое решилось за время моего пребывания в Уфе. Главное моё решение — работать злее, крепче, яростнее. Не слишком увлекаться изысканиями в недрах новооткрытой планеты Венеры.

1 мая, после демонстрации, я встретил на улице Рамиля Хакимова, который предложил мне заведывание отделом литературы и искусства в газете «Ленинец». Это его отдел, сам он теперь стал заместителем редактора. В конце июня я начну работать в «Ленинце».

Я, как мне показалось, влюбился в Галю Киселёву, на которой собирается жениться Юра Поройков. Последние часы в Уфе были для меня мучением: я бешено стремился к ней и терзался жуткими противоречиями. Я не хочу вредить Юрке. Чорт знает что!

Сейчас я немного успокоился. Минувшей ночью мы с А. С. Н. были на обычном месте. Теперь я знаю, как можно грустить и думать о самых посторонних вещах даже во время отчаянной скачки.

Сегодня я дал шесть уроков. Дует сильный ветер, солнце то и дело исчезает в облаках. Сейчас я буду читать польские журналы.

На Кубе расширяется восстание «Przekroj», № 676 (23 марта с.г.) даёт новое фото Фиделя Кастро: рослый, в очках, в зубах сигара; по профессии адвокат, и ему 31 год.

Шах Ирана разводится с 25-летней красавицей шахиней Сорайей (Soraya). Это была примерная чета, и супруги любили друг друга. Шах был женат на сестре тогдашнего египетского короля Фарука, и она родила ему подряд двух дочерей: по мусульманским обычаям, это позор для женщины. Шах развёлся с ней и женился на молодой и прекрасной Сорайс, дочери персидского аристократа и немки (дедушка её до сего дня живёт в Восточном Берлине).

12 февраля 1951 года во мраморном дворце в Тегеране с великой помпой праздновалась свадьбы. Рядом с молодым шахом Мохаммедом Реза Пехлеви шла прекрасная 18-летняя девушка, убранная в великолепную свадебную креацию знаменитого Кристиана Диора, парижского диктатора мод. Это была Сорайя Эсфандиари. Её отец, иранец, торговал диванами в Берлине; мать её была немка из Риги с неаристократической фамилией — Карл. Перед этим шах развёлся с Фавзией, сестрой короля Фарука, которая не оправдала надежд шаха и двора и не дала наследника престола, столь необходимого для династии Пехлеви, правящей только с 1925 года. Девять лет супружества шаха с Фавзией кончились разводом, и сестра шаха принцесса Shams отправилась искать невесту. Шах поставил только одно условие: новая супруга должна быть принцессой, происходящей из западно-иранского племени Бахтиаров.

Почти 3 года длились поиски. Наконец, Shams вернулась, привезя из Лондона фотографии молодой девушки. Шах влюбился в фотографии с первого взгляда. Брак с Сорайей облегчал и внутриполитическую обстановку: долгие годы, ещё с царствования отца теперешнего шаха, Бахтиары бойкотировали правительство Тегерана; отец Сорайи (сейчас иранский посол в Бонне) Халил Эсфандиари, происходящий именно из этого племени, был вынужден надолго покинуть родину и кормиться торговой диванами.

Брак шаха с представительницей Бахтиаров положил конец их вражде к дому Пехлеви. Бахтиары начали участвовать в политической и интеллектуальной жизни страны. Молодая чета жила в исключительном согласии. Даже события 1953 года, когда премьер Моссадык вынудил правящую чету покинуть на время Иран, только укрепили, казалось, счастье супругов. Но затем началась драма.

Шахиня не дала династии наследника. Иранская конституция позволяет шаху развод после пяти лет бесплодного супружества. Шах не мог решиться на этот шаг. Он женился по любви. «Печальная императрица», как называли Сорайю, много раз обращалась за советом к лучшим европейским и американским специалистам, но безрезультатно. На шаха

давно оказывали давление, чтобы он поискал себе другую жену и чтобы она дала ему наследника.

На седьмом году брака Мохаммед Реза Пехлеви, наконец, последовал указаниям тронного совета и решился на развод с Сорайей. Он сделал это весьма учтиво; говорят, что Сорайя получила ренту в 120.000 долларов ежегодно. «Печальная императрица», всегда бывшая излюбленной мишенью для западных журналов, сейчас находится у своего отца в Западной Германии.

Аристотелес Онассис, один из богатейших людей в мире, оцененный специалистами в 300 млн. долларов, живёт в зависимости от актуальных потребностей в пяти прекрасных домах, расположенных в пяти разных странах. Его самая любимая резиденция на суше — прекрасный маленький дворец в Монте Карло, где постоянно пребывает его жена г-жа Тина Онассис и её двое детей. Но лучше всего Онассис чувствует себя, принимает своих многочисленных гостей и раздаёт приказания с роскошнейшей яхты в мире: «Христина» (названа по имени маленькой дочки г-на Аристотеля).

«Христина» построена во время войны для Канады как «истребитель», но с тех пор много изменений произошло на её борту... На яхте 14 кают для гостей, не считая аппартаментов Онассиса и его свиты: кабины носят названия греческих островов. Передняя часть судна, покрытая великолепной мозаикой, может в течение 50 секунд — от одного нажатия кнопки — превратиться в плавательный бассейн. После нажатия другой кнопки выплывает целая флотилия миниатюрных моделей, охватывающих все известные морские суда, от Ноева ковчега до плота Кон-Тики.

Чтобы сохранять равновесие во время шторма, гости Онассиса могут хвастаться за многочисленные специальные рукоятки из китовых зубов. Китовой шкурой покрыты кресла и стулья на яхте — ножки кресел сделаны из слоновой кости. В баньках мраморные ванны имеют золотые и серебряные краны, в дамских гардеробах гребни и щётки оправлены в золото.

Библиотека «Христины» содержит много ценнейших книжек мира. Ими выложены три стены — на четвёртой висит великолепная картина Эль Греко. В столовой стоит необыкновенной ценности статуя Будды. Только три особы на земном шаре имеют равноценные фигурки Будды: Онассис, Елизавета Британская и вдова Ага-Хана.

С борта своей яхты Онассис управляет могущественной армией своих секретарей, директоров и служащих, использующих два самолёта и целый табун автомобилей. Архив Онассиса, при помощи которого он ориентируется в своём огромном состоянии, — это маленький чёрный блокнотик и золотой карандашик... Указания он даёт молниеносно. Часто покидает гостей лишь на 5 минут, решает дело необычайной важности и с улыбкой возвращается в бар, словно выходил только умыть руки.

К лучшим друзьям Онассиса принадлежит сейчас Грета Гарбо. Всюду говорят, что божественная Грета не решится ни на один шаг без предварительного обсуждения с преданным ей Аристотелем. Недоступная для многих достойнейших лиц этого мира, Грета

часами забавляется с детьми богатого грека. Эта некогда величайшая кинозвезда, очутившаяся в болезненном тяжёлом одиночестве, скрывается от людей, носит чёрные очки, красит волосы, живёт под чужим именем. Онассис (фактический владелец казино Монте-Карло) намеревался создать в Монако европейский киноцентр, который мог бы стать конкурентом Голливуда. Грета Гарбо должна была бы здесь вернуться после многолетнего перерыва на экран. Но князь Ренье категорически воспротивился этим замыслам, а Грета оказалась тяжелой нервнобольной, уже абсолютно неспособной для какой-нибудь работы в кино. Итак, отпал предлог для контактов Онассиса со знаменитой актрисой. Их соединяет просто дружба, а не выгода.

7 мая. Среда, вечером.

Эти дни я роюсь в огороде у тёти Маши. Мы копаем рядом с Шурой и ведём разговоры (подчас un peu risqués): так легче копать. Мне скучно, все мои мысли в Уфе.

Матч-реванш по шахматам достиг драматического финала. После 22-х партий счёт стал 12:10, и Смыслов ещё сохраняет шансы на лавровый венок. Он сократил разрыв до двух очков, но должен выиграть обе оставшиеся партии. Ботвинник размагнитился, он тянет на ничью, а в результате проигрывает. Он устал. Двадцать третья партия отложена из-за его болезни, но партии 8-го и 10-го мая уже не могут быть перенесены.

Апрель 1958 года. Американская газета «Балтимор сан»:

«Наши нефтяные компании готовятся к эксплуатации Сахары. Они делают это с благословения французского правительства. С Францией, которая держит сейчас в руках Сахару, заключены и заключаются контракты.

До тех пор, пока Сахара принадлежит Франции, с ней надо считаться. Дипломатия нефти часто бывает извилиста. Франция и наши нефтяные компании работают плечом к плечу».

Нью-Йорк. Статистики ньюйоркского таможенного управления указывают, что в течение последних лет из Европы ввезено свыше 3.000 картин Коро. Огромное большинство — это, конечно, фальсификаты.

Лос Анжелес. Из анкеты, проведённой в здешнем «большом свете», явствует, что «наихудше одетым мужчиной» США является великий кинорежиссёр Орсон Уэллес.

Гонолулу. На здешних дорогах местами встречаются предупреждения: «Внимание! Дорога скользкая во время опадания цветов».

Южный полюс. Советские геологи нашли в Антарктике уголь. Двести миллионов лет назад там росли тропические леса.

Париж. Мижану Бардо (Mijanou Bardot), младшая сестра «B. B.», имеет шансы стать равно знаменитой: она была внезапно ангажирована в четыре кинофильма.

«Przekroj», от 23 марта 1958 г., Роман Бужиньски, «W Moskwie i w samolocie». Приводятся цифры.

«Некоторые заработки в Москве: выдающийся передовик труда — 3 — 7.000 рублей, директор департамента 5.000, водитель автобуса 900, учительница 900, лифтёрша — 600,

уборщица в отеле 400. — Некоторые цены в Москве: гарнитур из 100 % шерсти — 1800 рублей, дамский плащ 1200, мужские ботинки среднего качества 300, летние дамские туфли 140, дамский шёлковый комплект 230, 1 кг. хлеба 2,90, пирожное (очень толстое) 2,15; 1 кг джема в банке 14,50; 1 кг масла 27,50; 1 кг мороженой щуки 4,40; лимон (1 штука) — 2,50; радиоаппарат от 740 до 2.300; телевизор от 1900 до 2.100; хороший обед в ресторане (суп, мясные блюда, кофе) — 22; 1/2 литра водки чистой 40 % — 23,20; 1/2 литра коньяку — 37,50; билет в оперу, дальние ряды, партер — 30; часы-будильник, обычный — 75; будильник украшенный, дорожный — 150».

8 мая. Четверг.

28 апреля перед участниками 46-го ежегодного съезда Американской торговой палаты выступил руководитель Центрального разведывательного управления США Аллен Даллес. Речь его называлась «Вызов Хрущёва». Кратко остановившись на политике СССР до кончины Сталина, Аллен Даллес заявил:

«Сегодня мы сталкиваемся с более тонкой политикой Никиты Хрущёва. Будет ли она более или менее действенной, чем политика Сталина, в смысле достижения основных целей международного коммунизма? Я, разумеется, не намерен преуменьшать серьёзность военной угрозы со стороны Советского Союза или того вызова, который он бросает в области науки и техники, от чего зависят новейшие системы оружия. Однако, как мне кажется, при нынешней политике СССР не намерен использовать свою военную мощь таким образом, чтобы пойти на риск всеобщей войны».

«...Мы должны предвосхитить любые попытки такого прорыва, который изменил бы соотношение военных сил.

Если же исключить такую возможность, то решающие битвы холодной войны скорее всего будут в течение довольно длительного времени вестись в областях экономики и подрывной деятельности».

Аллен Даллес указал на быстрый экономический прогресс СССР. «В то время как валовой национальный продукт Советского Союза составлял в 1950 год около 33 проц. валового национального продукта США, к 1956 году он возрос примерно до 40 процентов, а к 1962 году он может составить 50 проц. Это означает, что советская экономика развивается и, вероятно, будет и дальше развиваться до 1962 года примерно вдвое более быстрыми темпами, чем экономика США. Ежегодный общий пророст составлял в среднем 6 – 7 проц., а ежегодный рост промышленности — 10 – 12 проц. Эти темпы развития чрезвычайно высоки».

Аллен Даллес сказал затем, что, хотя потребление, определяемое в долларах, составляло в 1956 году в Советском Союзе «свыше двух третей общего потребления Соединённых Штатах». В области электроэнергии, металлургической базы и производства средств производства капиталовложения, по словам Даллеса, составляли 80 % капиталовложений США, а в 1958 год они, «вероятно, превзойдут наши капиталовложения».

Промышл[енная]. продукция СССР в 1956 г. составляла около 40 % выпуска американской пром. продукции, но «выпуск продукции советской тяжёлой промышленности был

пропорционально выше этой общей средней цифры, а в отдельных случаях выпуск продукции некоторых отраслей уже приближался к уровню Совединённых Штатов».

Ал[лен]. Даллес сказал, что в то время как в 1-м квартале 58 г. выпуск промышл. Продукции в Советском Союзе был на 11 % выше, чем год назад, индекс совета управляющих федеральной резервной системы показывает сложение в США на 11 %. В нынешнем году «советский блок», по словам Даллеса, впервые «превзошёл Соединённые Штаты по выплавке стали», причём один лишь Советский Союз выплавил свыше 75 % количества стали, выпущенного в США.

Далее он говорил об усилении торговли СССР со «свободным миром» и о привлекательности для слаборазвитых стран советской системы крадитов, а также сетовал на «секретность» Советского Союза, порождающую недоверие. «Ответом» Запада на «хрущёвский вызов» должно быть новое обращение к Советскому Союзу с призывом «положить конец секретности, порождающей подозрения и сомнения».

Подчёркивая достижения Советского Союза, которые Запад не должен недооценивать, Даллес повторил свои прежние утверждения насчёт внутренних трудностей в Советском Союзе.

Как я и ожидал, за границей «кузькина мать» была переведена как «самое грубое русское ругательство». Западные журналисты кричали: достойно сожаления, что на конференции большой четвёрки такой джентльмен, как мистер Эйзенхауэр, будет сидеть рядом с таким невоспитанным человеком, как мистер Хрущёв. Не надо было Никите так шутить. Говорят, что сначала он был довольно популярен в Западной Европе, а сейчас совсем не то. Венгрия, смещение Булганина, изгнание Молотова, концентрация власти в одних руках…

Да, у нас диктатура. При социализме режим диктатуры неизбежен. Диктатура, большая полнота власти, фактически бесконтрольное управление есть необходимая форма всех переходных периодов в истории; она возникает после каждой революции, и после неё следует обычно ослабление (Юлий Цезарь, Наполеон, Александр Великий, Тимур).

Неужели и на этот раз? Или, может быть, в игру вступят какие-нибудь новые, неизвестные исторические закономерности?

Тут нужно подумать. Вероятно, что сначала мы пройдём долгий период расцвета.

9 мая. Пятница.

4 мая газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала статью своего театрального критика Джона Мартина, где он очень высоко оценивает наш Государственный ансамбль народного танца СССР и описывает трогательную сцену, разыгравшуюся 3 мая в переполненном доотказа зале «Метрополитен опера».

«Пользовавшиеся феноменальным успехом гастроли танцевальной группы Моисеева из Москвы в “Метрополитен опера” завершились непредусмотренным программой жестом международной доброжелательности.

В заключение программы, выступая на бис, 32 танцора образовали “виргинский хоровод”, а оркестр во главе с дирижёром Гальпериным заиграл мелодию “Индюк в соломе”.

Зрители пришли в восторг, энергично отбивали такт, а когда танцоры запели "Ура, ура, все ребята собрались", стали подпевать, чем увеличили общее веселье. Вряд ли можно было придумывать более удачный конец для столь увлекательных гастролей».

(Наши корреспонденты описывали невероятное впечатление, произведённое на четырёхтысячную аудиторию театра «Метрополитен опера» неожиданным исполнением американского народного танца «виргинский хоровод»: зрители ахнули от удивления и радости, встали и в такт музыки начали хлопать в ладоши, подпевать и даже пританцовывать. Звуки американского оркестра, которым управлял советский дирижёр Самсон Гальперин, были почти заглушены пением зрителей и ритмичными ударами тысяч ладоней.)

Далее Джон Мартин пишет: «Ещё одной новостью для зрителей явился момент, когда руководитель и вдохновитель ансамбля Игорь Моисеев вызвал на сцену американского импрессарио С. Юрока и расцеловал его в обе щёки по русскому обычаю. Когда в последний раз опускался занавес, собравшиеся танцоры по своему обыкновению аплодировали зрителям и махали им руками на прощание».

Сто жизнерадостных советских танцоров — ансамбль Моисеева — покорили Нью-Йорк. В то самое время, когда москвичи рукоплескали техасскому парню Ван Клиберну, американцы бешено свистели, выражая свой восторг танцами советских народов. Сборы были рекордные. Всего было дано 15 концертов; на последний из них перекупщики продавали билеты в десять раз дороже номинальной цены. За кулисами у наших танцоров побывал Поль Робсон. В зале «Метрополитен опера» было продано столько стоячих мест, сколько позволяется по закону.

Сейчас советский ансамбль народного танца находится в Канаде. Оттуда они отправятся в турне по всему американскому континенту. В июне они снова выступят в Нью-Йорке, где для них будет резервирован самый большой зал города «Мэдисон сквер гарден» (12.000 мест).

Всё больше молодых американцев, не имеющих работы, записываются в армию, и всё больше людей, закончивших службу, изъявляют желание остаться сверхсрочно. Как заявил один американский деятель, экономический спад оказался благоприятным для армии.

А вот ещё о танцорах, история, взятая из польских журналов: дуэль в 1958 году!

Впервые после свадьбы Франсуазы Саган Париж вновь получил развлечение. Это была сенсационная ссора между известным балетмейстером Сергеем Лифаром и маркизом де Куэвас.

Сергей Лифарь, русский по происхождению, не так давно подаривший Советскому Союзу одну из рукописей Пушкина, только что сошёл со сцены. Ему 53 года, он ведёт деятельность хореографа.

Маркиз де Куэвас родился в Чили, свой титул получил от испанского короля Альфонса XIII. Он является гражданином США и знаменитым меценатом балетного искусства. Ему 73 года.

Началось с того, что Лифарь пытался воспрепятствовать премьере балета «Чёрное и белое», который финансировал де Куэвас. В антракте между ними произошёл резкий обмен мнениями, оба упрекали друг друга в плагиате. Лифарь рыцарским жестом бросил под ноги маркизу платок, на что последний ответил пощёчиной. Всё это произошло в присутствии многочисленной публики и фоторепортёров, которые запечатлели и обоих соперников, и момент пощёчины, и теснящуюся вокруг толпу смеющихся дам и любопытствующих господ.

Из снисхождения к возрасту оскорбителя Лифар предоставил ему выбор оружия. Маркиз де Куэвас выбрал шпаги. Во время фехтовальных упражнений соперники позировали фоторепортёрам, да и сам поединок происходил перед их объективами. После нескольких минут боя старшему господину удалось оцарапать руку танцора, и поединок, назначенный «до первой крови», был прерван секундантами. После этого враги сердечно обнялись, а маркиз даже уронил слёзы волнения. Дуэли во Франции запрещены, но полиция не слишком пыталась помешать схватке, очевидно, понимая, что всё это дело выглядит не очень страшно.

Атомная бомба. Первую бомбу в 1945 г. сбросил на Хиросиму американский бомбардировщик «B-29» под названием «Инола Гэй». Из его экипажа капитан Парсонс вступил в монастырь, полковник Тиббетс покончил жизнь самоубийством, а капитан Льюис живёт в Нью-Йорке.

«Przekrój», 20 апреля 1958 года. Мария Зентарова, «Письмо из Голливуда». Выдержки из письма.

[На главной артерии Голливуда — Sunset Boulevard — автор письма не нашла никаких следов столицы американского кино. Где же настоящий Голливуд? — спросила она у одного знакомого. Тот, пожав плечами, ответил, что Голливуд как таковой вообще не существует, что это фикция, созданная журналистами, но есть на карте города Лос Анжелес несколько мест, которые являются характерными для того, что мы привыкли считать центром кинопромышленности.]

Поэтому, чтобы увидеть так называемых звёзд, нужно пойти на ужин в ресторан Майка Романова [Mike Romanoff] и заплатить бешеные деньги. Чтобы увидеть восходящие или имеющие надежду взойти звёздочки, можно пойти в любое время дня и до двух часов ночи в аптеку Швабба на том же Сансет Бульвар. А чтобы уж вполне успокоить журналистское и туристское сомнение, нужно ещё обозреть известный китайский театр Граумана, где уже несколько десятков лет происходят прапремьеры всех шедевров Десятой Музы.

…Это странное здание, возведённое свыше 20 лет назад, представляет собой как бы памятник киноискусства. Эта гигантская псевдокитайская пагода, окружённая шеренгой высоких пальм, была свидетельницей премьер самых знаменитых фильмов света. Теперь это кино закрыто. Его помещения переделываются, т.к. кресла начали разваливаться, а узкий экран стал здесь таким же пережитком, как конь с бричкой.

Огромная надпись объявляет, что открытие наступит в пасхальное воскресенье, что переделка будет стоить полмиллиона долларов и что на новом экране появится «cinemiracle», или киночудо, а говоря просто, новый фильм Луи де Рошмона.

Одна вещь, которая отличает кино г-на Граумана от всех других китайских пагод мира и от всех других кинотеатров, — это маленький асфальтовый дворик перед главным входом. Там, на цементных плитах, можно увидеть автографы и отпечатки рук, ног или иных характерных частей тела известных актёров, которые приходили сюда на премьеры своих фильмов...

Грауман сделал только одну ошибку: просил актёров поместить на память также и даты премьеры в цементе. И вот мы видим, что великолепная Жанетта Макдональд была на вершине славы в 1934 г., Джоан Кроуфорд в 1932, Катрин Хепбёрн, Кэри Грант или Бйри Купер ещё раньше. Sic transit Gloria Swanson (1928 год). Сегодня это старые господа и пожилые дамы, но они всё ещё при помощи фильтров и вуалей очаровывают киноманов в ролях и так наз[ываемых]. фатальных женщин.

Туристы со всей Америки и со всего мира наклоняются над этими цементными плитами и набожно обходят оттиск очков Гарольда Ллойда, удивляются маленькой ножке Лоллобриджиды и недоумевают, почему же нет отпечатка самого знаменитого бюста в Америке, принадлежащего Джен Мэнсфилд.

Юл Брюннер был, говорят, в бешенстве, что Грауман не сумел отремонтироваться к недавней премьере «Братьев Карамазовых». Он хотел, конечно, увековечить в цементе свою лысую голову.

[Идя пешком к аптеке Шваба, корреспондентка внезапно попадает на гигантский базар, где из больших мрачных магазинов прямо на улицу выставлены прилавки, заваленные огромными кучами ношенной одежды.]

Несметное количество магазинов с обувью. Таких высоких каблуков я, пожалуй, не видела нигде на свете. Последний крик моды — туфельки из прозрачной массы, в каблуки впущены искусственные цветные розы.

Улица тянется без конца. До одурения магазины с тряпками, магазины с сувенирами «made in Japan», магазины с пластинками по сниженным ценам, рекламы, надписи. С плаката размеров двухэтажного дома смотрит на всё это огромное лицо субъекта, держащего в гигантской руке исполинскую папиросу. Конечно, реклама новых папирос с фильтром «в сто двадцать раз лучшим», чем все другие фильтры в мире....

... «Schwabb's Pharmacy». Там, конечно, нормальные аптечные прилавки с лекарствами и косметикой, затем уголок с книгами, туалетными и хозяйственными приборами — нормальная американская парфюмерная лавка, если можно так выразиться. Но есть и второе помещение. В этом втором — одни столики на две или четыре особы. Особы — молоды, обоего пола.

Парни одеты в твидовые (tweedowe) пиджаки, тесные на бёдрах, с подкороченными рукавами. Ни один не носит галстука, но за то цветные рубашки: в полосках, в клетках,

в вафельках. Башмаки замшевые. Волосы или бобриком, или волнистые и в качи купер (kaczy kuper). Выглядит или на итальянский манер, т.е. небольшие, плотные, с тёмными волосами и влажными, собачьими глазами, или высоки, худощавы, светловолосы и слегка поджарые.

Девушки в мундирчиках, или в облегающих коротких платьях, выделяющих бёдра и высокие, выпирающие, то ли настоящие, то ли искусственные бюсты.

Сидят и пьют содовую воду со льдом. Пересаживаются от столика к столику, говорят громко, просматривают специальный журнальчик, в котором находятся адреса агентов, объявления и колонка сплетен об актёрах.

Среди них кружатся кельнерши, бюсты которых неслыханно затрудняют им подавание кофе и балансирование подносами. Кельнерши — рослые, смуглые, очень светловолосые и имеют массу старательно завитых локон. Ясно видно, что они ни на минуту не забывают о том, что именно здесь, у этого Швабба Мэрлин Монро была кельнершей и что именно здесь, когда подавала порцию кофе какому-то субъекту и наклонилась низко, сидевший напротив киноагент «открыл её». О да, таких вещей не забывают и так возникают легенды. Sunset — закат солнца.

Из того же «Пшекруя».

Голливуд. Ренессанс фильмов «ужасов» — на сей раз в американском телевидении. Эти фильмы в последнее время вышли в США из моды и снимали их мало, зато сохранилась масса старых Франкенштейнов, Кинг-Конгов и т.п., которые неизвестны современному поколению зрителей, но уже могут быть показаны в телевидении (демонстрация телевидением новых фильмов запрещается на определённый срок, чтобы не делать конкуренции кинотеатрам). Фильмы с Борисом Карловым делают вновь фурор.

Париж. Брижитт Бардо отказалась работать в Голливуде. В связи с этим одна из величайших американских фирм будет финансировать её фильмы, снимаемые во Франции.

Лондон. Черчилль, который недавно болел на Ривьере, получил 17.000 писем, телеграмм и телефонограмм во время и после болезни. Тем временем в Вашингтоне происходит выставка его картин: самая меньшая из них достигла цены 2.000 долл., не говоря о больших.

Вчера игралась 23-я партия матч-реванша. Её отложили с равными шансами. Сейяас Москва передаёт последние известия. Как закончилась партия? — После домашнего анализа Смыслов убедился, что нет возможности выиграть, и перед доигрыванием предложил Ботвиннику ничью, которую тот принял. Одержав семь побед, при пять поражениях и одиннадцати ничьих, Ботвинник набрал 12 $\frac{1}{2}$ очков и вернул себе почётное звание чемпиона мира.

Плакальщикам Запада.

Нечего плакать над нашими судьбами,
Вавилонские арфы вешать на ивах.
В любых переделках спокойны будем мы,
Без трагических поз и без жестов красивых.

У нас диктатура, у вас демократия,
У вас там вдоволь и кофе и пенок,
У вас, конечно, все люди братья,
А у нас — «сплошной кошмарный застенок».

У вас ведь и нищие — в автомобилях.
У каждого свой телевизор в комнате.
А чёрные пятницы — вы позабыли их?
А годы кризисов вы не помните?

Мадьярские парни зубами пощёлкали
У неоновых окон венских кофеен.
А как обернулись вдруг серыми волками
Процветания вашего добрые феи?

Так бросьте вы плакать над юностью нашей,
Ведь мы-то не плачем и рук не ломаем.
С киркой и лопатой, с заздравною чашей,
Иль с красным знаменем радостным маем, —
В полях Казахстана, в сибирских чащах
Мы гордо идём, и не плачьте под ивами:
Здесь нет «потерянных», нет «пропащих»,
Есть только крепкие и есть ленивые.

Но мы воспитаем их, этих лентяев,
Брюзгам и эстетам у нас делать нечего.
Не ищите на картах «страну негодяев»,
Она стала страною широкоплечих.

12 мая. Понедельник.

Побывал в Уфе. Галя Киселёва по-прежнему улыбается мне очень нежно. Юрка Порой-ков явно волнуется, ревнует, но верит ей. Мне нравится его поведение, он держится, как мужчина.

Кто такая Галя Киселёва?

Она заканчивает в этом году Мединститут. Ей 23 года. Родилась она в Харбине в семье совслужащего КВЖД, в возрасте одного года её привезли в Союз. В 1937 году её отец, участник гражданской войны, коммунист, был расстрелян (это была серия расстрелов бывших служащих КВЖД). Мать Гали — уроженка Владивостока, возможно, что эмигрантка (девичья фамилия — Гейне).

Галя Киселёва — рослая, крупная девушка, рост её 1,69 метра; на каблуках она выше меня. Сложена довольно пропорционально, но тяжеловато, с уклоном в классику: массивная грудь, широкие бёдра. У неё полные женские руки. Волосы завиты, хоть не коротко. Глаза

карие, веки почти совершенно коричневые, брови правильного рисунка; небольшие, но чувственные губы; нос прямой, русский, с крохотным «выпадом». Очень славная, правдивая улыбка. Над правой бровью коричневая родинка. Цвет кожи, пожалуй, смугловатый, матовый; одевается со вкусом. Вес явно больше моего. Девушка умная, с юмором и смелостью. Кокетство заменено у неё откровенной лаской, очень товарищеской и очень женственной: я это очень люблю. Это добрая душа.

Особую прелесть, особый оттенок её жизнерадостному и обаятельному лицу с ямочками на упругих щеках и сверкающими карими глазами придаёт довольно заметная седина в каштановых волосах. Откуда это у неё? Это вносит привкус тайны и романтики. Я смеюсь над романтикой, но не могу от неё вполне освободиться. На мой вопрос Юра Поройков важно ответил: «Она очень много пережила. ТЫ ЗНАЕШЬ, она была у генерального прокурора».

Детали. На первомайском вечере мы сразу подружились, и я сказал ей, что охотно станцевал бы с ней, но на каблуках она выше, мне будет неудобно. Тогда она сказала, что наденет тапочки специально для меня. И когда я раза три станцевал с маленькой Бертой, Галя подошла ко мне и спросила: «Рома, скоро мне надевать тапочки?» И эта доброта, непринуждённость меня покорила. Против этого я безоружен. Я жестоко смеюсь над кокетками, над «фатальными женщинами», нам «вампами», над девушками-ангелами, но веселье, доброта, непринуждённость имеют на меня неодолимое влияние.

Далее. 4 мая, в день отъезда, я говорил с ней у неё в комнате, её мать входила и выходила. Мы были откровенны. Фактически, я объяснился ей в любви, не употребляя этого истасканного и для наших времён одиозного слова. «Эх, девочка!» — вырвалось у меня. — «А если не девочка?» — «Ну, что ж, всё равно,» — спокойно ответил я. Подсознательно я ожидал этого, хотя ни разу отчётливо не подумал. Да ведь героиня сочинённого мною романа («Любит — не любит») — тоже не девочка.

Ничего. Это немножко больно, но она от этого не хуже. Что же у них будет? Юра думает на ней жениться. Я был у Гали вчера, в воскресенье, 11-го. Теперь я приеду в Уфу только 25-го мая. Две недели. Пусть за это время у них всё прояснится окончательно. Пусть решится.

Не буду кривить душой наедине с самим собой и принимать изящные позы перед зеркалом. Скажу себе правду. Это у меня не первая любовь, хотя серьёзная, пожалуй, только вторая или третья. Если всё это кончится ничем, я не буду плакать, нет. Опьянение прошло. Или на расстоянии это чувство слабеет?

Последнее время лили дожди, в которых по временам мелькало солнечное небо. Дул сильный ветер изменчивых направлений. Плюнешь — и плевок, прежде чем упасть на землю, словно вибрирует в воздухе, выбирает место. Через Башкирию прошёл циклон с Атлантики. Приехав ночью на станцию Белое Озеро, я увидел чёрную ночь без звёзд и без луны, а в посёлке страшная грязь и глубокие каналы-овраги. Поэтому я вошёл в зал ожи-

дания и заснул лицом вниз на скамье. Когда я проснулся через полтора часа, я ощутил непрошенную эрекцию и увидел в окнах бледный рассвет.

Было очень грязно, но уже настал день — холодный, мокрый день без солнца. Я вышел в 5.30 утра. На шоссе гравий, грязь, лужи, свежая зелёная травка по обочинам; вдруг оказалось, что в полях густой белый туман. Ветер утих. Проходя мимо Ивановки, я слышал собачий лай и петушиный крик, но не видел даже колокольни, не видел ничего. Дорога уходила прямо в туман, горизонта не было. Туман исчез так внезапно, словно машинист гигантской театральной сцены бешено закружил рукоятку лебёдки: блоки завертелись, и занавес взвился. Показалась трогательно-влажная и юная даль, какая-то пенорождённая, с молодой зеленью склонов, с бишканскими дымками, почти вертикальными, с голубой волнистой линией гор, замыкающих горизонт. Когда я подходил к мосту через речонку, что пересекает шоссе на 22-ом километре, в сторону от дороги поднималось бишкаинское стадо: бурые и пегие коровы, чёрные козы, серые овцы. Слышалось мычанье, блеянье, хозяйственная брань пастухов и до странности сходный с этой бранью хозяйственный лай их четвероногих помощников. К полудню день разгулялся. Ветерок ещё повевал, временами наплывали облака, но солнце светило всё сильнее. Какая погода будет завтра? Идёт сев, и надо сажать картошку. Дождей уже достаточно, начало сезона благоприятное («май холодный — год хлебородный»).

Одиннадцать часов.

Женщина.

Только немного.

13 мая. Вторник.

Из журнала «Dookola swiata». № 224 от 13 апр. 58 г.

В Нью-Йорке на выставке цветов были продемонстрированы мхи, которые, по утверждению американских астрономов, растут также на Марсе.

Сороконожки тоже имеют цену: 6 шиллингов за штуку. В Малайе их используют как сырьё для изготовления любовного напитка. Прежде в этих целях производился напиток из удавов.

Иерусалим. Израильская полиция была вызвана к полной боевой готовности. Причиной демонстрации явились вооружённые демонстрации крайне ортодоксальной еврейской секты «Стражников стены», которые угрожали бомбами, если будет осуществлён проект постройки семейных бань для мужчин и женщин.

Эр Риад. — Комиссия американских финансовых специалистов, опрошенная правительством Саудовской Аравии после проведения вступительных исследований, объявила, что в этой стране проведение рационального финансового хозяйства будет невозможно до тех пор, пока государственный бюджет не будет отделён от приватного бюджета короля Ибн Сауда.

Родриго Маранес, один из шефов тайной политической полиции Испании, был официально уволен со своего поста за выявленную принадлежность его к клубу нюдистов в Мадриде.

В Западной Германии издан официальный запрет искусственного оплодотворения — операции, к которой всё чаще в последнее время прибегали бесплодные женщины.

Неизвестные бандиты проникли в атомную станцию британской армии (харуэлл) и украли 300 кг ртути.

Последняя кавалерийская часть американской армии — 287-ая компания жандармерии, расположенная в Западном Берлине, расформирована по причине слишком высокой стоимости содержания.

№ 225. 20 апреля 58 г.

Антонио де Деус, эквилибрист и престидижитатор из Лиссабона, подвергся операции желудка. Врачи извлекли оттуда 1377 грамм свинца, 436 гвоздей и 100 обломком безопасных бритв.

Токиро Сунуми, сельский хозяин, внёс формальный иск в суд в г. Осака против одного купца, который обманул его при продаже двух несовершеннолетних девочек. Только тогда Токиро узнал, что такие сделки считаются преступлением, и был заключён в тюрьму вместе с тем мошенником-купцом.

Доктор Мильфред Арнольд, руководительница детского отдела в американском департаменте здравоохранения, заявила, что в Соединённых Штатов ежегодно продаётся около 10.000 детей. Бездетные супружества платят за ребёнка от 200 до 4.500 долл.

Арнольд Шенинген, депутат Бундестага, вероятно, будет иметь судебное дело за то, что назвал «фашистом» своего коллегу, депутата СДИ (христианско-демократического союза). Этот христианский демократ, когда Аденауэр ссылался на мнения атомника профессора Теллера, крикнул: «Что нам за дело до мнений какого-то еврея!»

Эр Риад. Тронный совет Саудовской Аравии должна вскоре решить вопрос о допуске «неверных» в столицу страны. Ибо до сих пор немусульманам запрещалось пребывать на территории священных городов Мекки и Медины и столицы Эр Риад. Заграничные дипломаты пребывали в Джидде.

Токио. Институты исследования современного японского языка окончил кропотливые труды над списком иностранных слов, чаще всего употребляемых японцами. Первое место в списке занимает слово «sputnik», сразу после него идут «coca-cola», «gangster» и «girl».

Москва. В течение всего существования Брюссельской Всемирной выставки каждый день будет стартовать с московского аэродрома самолёт, везущий в Бельгию 100 кг астраханской икры.

14 мая. Среда.

Вячеслав Михайлович Молотов, 1890 года рождения, самая популярная личность в оппозиции, находится сейчас в Москве. В трамваях и метро говорят только о нём. У него был сердечный приступ, и перепуганное монгольское правительство спешно отправило его из Улан-Батора в Москву. Говорят, что жена его, Жемчужина (Пэрл), та самая, что при Сталине сидела в тюрьме как шпионка, теперь отреклась от Молотова как от антипартий-

ного элемента. Молотова в Москве очень жалеют. В мемуарах генерала де Голля Молотов оценивается очень высоко.

Кой в чём он оказался прав, этот вождь оппозиции. Он считал, что не надо осваивать целину так поспешно: сначала строить дороги и хранилища, а потом уж поднимать целину на гигантских казахских просторах. Урожай 1956 года был поистине баснословный, но из казахстанского миллиарда добрая половина сгнила на полях и в бунтах. Урожай убирали мобилизованные студенты и военные части; не было хранилищ, и грузовики везли за 200, 300 км зерно к элеваторам на железной дороге — бензину сжигали столько, что себестоимость зерна становилась чудовищной. Спиртозаводы на целине не простаивают, как у нас, за недостатком сырья: гонят спирт без передышки, некондиционного зерна много. — На целине не хватает людей, оттуда бегут по-прежнему, нет жилищ, нет хранилищ, нет никаких сельскохозяйственных построек, нет шоссейных дорог. Сейчас там всё продаётся на яйца (закуп): чулки, носки, платки, рубашки. Швейная машина — 600 яиц. У нас в Бишкаине, насколько я знаю, десяток яиц приравнивается к 4 рублям 75 копейкам. Цена явно заниженная...

А что говорил Молотов в 1954 году, насчёт Югославии? Урегулировать отношения между государствами, но не лезть в партийные браться. Не идти в Каноссу. Его не послушали. Бросились в объятия «дорогого товарища Тито». Потом пригласили его к себе, дали ему убить заповедного оленя. И вот югославский Бонапарт, гений современного маккиавеллизма, показал себя во всей красе. Он берёт деньги у США и пользуется помощью СССР, выражает благодарность Америке и дружеское расположение к России, но на VII-м съезде Союза Коммунистов Югославии говорит об «идеологической монополии» КПСС в коммунистическом лагере, утверждает возможность эксплуатации ведущей социалистической державой других стран социализма, говорит о неизбежности возникновения при социализме новой социальной силы — бюрократии, с которой СКЮ борется путём «отмирания государства».

VII съезд СКЮ в апреле 1958 года обсуждал программу партии. За несколько месяцев до этого в Москве, на праздновании 40-летия Октябрьской революции, югославы подписали Манифест мира, но отказались от участия в Совещании представителей коммунистических и рабочих партий, не подписали Декларацию. Итак, они противопоставили Декларации свой документ — программу, представляющую собой комбинацию общемарксистских положений с тезисами западного либерализма. Там есть утверждение, что политика Сталина была «основной причиной создания Атлантического пакта». Тупо. Атлантический пакт — прямой результат победы СССР в войне и укрепления коммунизма в восточной Европе. По утверждениям югославских коммунистов, их страна стоит вне лагерей социализма и империализма; они говорят, что понятие лагеря социализма связано с гегемонизмом той или иной «руководящей страны» в лагере социализма. Югославы говорят о социалистических партиях, «руководство которых привыкло получать и выполнять директивы, поступающие извне».

СССР, дескать, стремится к мировому господству... Такова наша дружба с Югославией. Молотов, видимо, был отчасти прав.

Уфа. Р. Назиров, литсотрудник газеты «Ленинец». Лето 1958 года.

Ближний и Средний Восток.

Личное. Сентябрь.

[Перевод с польского газетной статьи — Прожито.]

«Zycie Warszawy», воскресенье 20 — понедельник 21 июля, № 173 (1958 г.)

Как происходил визит Насера в Москву (От нашего постоянного корреспондента)

Каир, 19 июля.

Каирская газета «Ахбир эль Йом» публикует сегодня, ссылаясь на своего московского корреспондента, обстоятельства визита Насера в Кремль. Посол Объединённой Арабской Республики в Советском Союзе Эль Куни выехал в понедельник со своей семьёй на отдых в Грузию. В момент прибытия на место он получает демешу, рекомендующую ему немедленное возвращение в Москву. В Москве ему передают телеграмму из Белграда.

Ибо президент Насер, до которого весть о высадке американцев в Ливане дошла, когда он на своей яхте возвращался из Югославии в Египет, вернулся в Югославию. В этой телеграмме министр иностранных дел Фавзи сообщает о намерении президента Насера отправиться тотчас в Москву для встречи с премьером Хрущёвым. Эль Куни информирует об этом Громыко, а Громыко — Хрущёва.

Президент Насер прибывает в Москву в среду ночью. Его сопровождает только министр Фавзи. На аэродроме его приветствует Хрущёв. Оба руководителя тотчас отправляются в Кремль, где Насер получает в своё распоряжение те самые апартаменты, которые занимал два месяца назад. В четверг перед полуднем Насер имеет долгую беседу с Хрущёвым, при которой присутствует переводчик. Во второй встрече приняли также участие советский министр иностранных дел Громыко, Фавзи и посол Эль Куни. Всё происходило в полной тайне. Другие советские министры, прибывающие в Кремль, не знали ни о чём. Персонал посольства ОАР тоже не имел о визите Насера никакого понятия. Посол Эль Куни собственноручно зашифровывал на машине тексты.

Каир доведался о пребытии Насера в СССР таким путём: из Белграда пришли телеграфные тексты личных посланий Насера к Чжоу Энь-лаю, Неру и Сукарно. На вопрос Каира, нужно ли выслать также послание Хрущёву, из Белграда пришёл ответ: «Не высылать письма Хрущёву, т.к. встречу его лично». В первый момент Каир счёл, что текст депеши был неправильно зашифрован. Тем не менее, приказано было держать известие в абсолютной тайне.

Посол Эль Куни не спал ни минуты в течение 48 часов, так что, проводив Насера, который отлетел в Дамаск, он тотчас лёг спать. Через несколько минут один из работников посольства разбудил его, сообщая, что, кажется, президент был в Москве. Заспанный посол ответил: «Да? Это забавно...»

Рышард Война.

25 июня. Среда

Успех американского пианиста на конкурсе Чайковского был мировой сенсацией. Вот что пишет об этом «Dookola swiate» nr 232 от 6 июня 1958 г.:

«Совершенно чужие люди задерживали его на улице — обнимали и целовали. Он получал сотни писем, десятки подарков, неисчислимые вязанки цветов (в том числе и от пани Хрущовой). Женщины громко плакали на его концертах, называя его «нашим любимым Ванюшкой». Ленинградцы стояли три дня и три ночи, чтобы только достать билет на его концерт.

Со времён выступлений Листа в Петербурге сто лет назад, никто — ни один заграничный музыкант — не вызывал в России такого неслыханного, неправдоподобного энтузиазма и восторга, как 23-летний американец из Техаса — Ван Клиберн (Van Cliburn). Сам великий Рихтер, как известно, очень скупой на похвалы, сказал о нём: «Лишь немного лучших (пианистов) смогло мне дать такое переживание, как он». Для Арама Хачатуряна Ван «лучше, чем Рахманинов». «Такие виртуозы случаются только раз или два в столетие». Плача от восторга, Эмиль Гилельс расцеловал его после концерта. Этого ещё не бывало!

Во время своего турне по Советскому Союзу после выигрыша в конкурсе имени Чайковского Вана приветствовали всюду, от Риги до Киева, как героя . . . искусства. Советские меломаны попросту обезумели. А Ван перед выездом из Советского Союза доверился другу: «Это мои люди. Я думаю, что, пожалуй, всегда имел русское сердце. Я не пожалел бы для них моей сердечной крови. Никогда во всю мою жизнь я не чувствовал себя так хорошо, как здесь».

Ван оставил за собой в Америке неоплаченные счета за телефон и угасающий контракт с музыкальным импрессарио. И это, равно как свитерок, который высовывался у него из-под фрака, когда он кланялся безумствующей публике, делает его более человечным и простым.

Стоит ещё добавить, что «Ванюшка» — ревностный трезвенник и человек весьма религиозный. Двадцать процентов своих доходов от отдаёт секте баптистов, а регулярно читаемая Библия сопровождает его везде.

При всём этом молодой музыкальный гений из десятитысячного местечка Килгор (Kilgore) в Техасе — весёлый, непосредственный мальчик, которого вообще все любят.

Техника Вана ослепительна — его огромные руки, охватывающие своими пальцами полторы октавы, легко переходят от мягких трелей к мощным двойным октавам. Но Ван не является типом технического виртуоза. Тому, что играет, он придаёт форму собственного переживания, умеет своей интерпретацией извлечь новые ценности из известных произведений. При этом, как, например, в скерцо Cis — moll Шопена, случается ему иногда добавить что-то от себя, и тогда он объясняет: «Я думаю, что Шопен простил бы меня».

Интересно, что в Соединённых Штатах Ван (хоть получил в 1954 г. ценную награду имени Левентритта) не пользовался в последнее время успехом. Его импрессарио даже отнёсся недоверчиво к проекту его участия в Московском конкурсе. Какой же это контраст с триумфальным возвращением Клиберна в Штаты! Его принимали как национального героя. Сто тысяч жителей Нью-Йорка вышли 20 мая на улицы, чтобы приветствовать его. Мэр города официально провозгласил этот день «Американским Днём Музыки».»

Van Cliburn (произносится Клайбёрн) во время турне по СССР чуть не каждый день «звонил» матери в Штаты (т.е. радировал), а на обычные вопросы — как вам нравится у нас etc.? — отвечал: «очень хорошо, только скучаю по маме». Это худощавый юнец огромного роста, с тонкими пальцами больших рук.

Нет пророка в своём отечестве. Ван получил «Левентритт приз» за 1954 год, критик Бианколли назвал его очень одарённым пианистом, и всё же в 1957 году он оставался без ангажемента. Ван Клиберн был открыт в России.

13 июля. Воскресенье.

Ну, что ж, работаю. Может быть, из меня ещё получится что-нибудь вроде газетчика. В субботнем номере моя рецензия на «Три толстяка», поставленные Куйбышевским ТЮЗом. Мелкие вещи я вырезать не буду.

На просмотре в Главкинопрокате. «Разбитые мечты». Жан Маре и Дани Робен. Посмотреть на её ноги я схожу ещё раз.

«Идиот», первая серия. («Настасья Филипповна»). Говорят, второй части не будет. Замечательный князь Мышкин — актёр Яковлев. Прекрасная гордая Настасья Филипповна (Борисова). Второй план хуже. Хорош ещё Ганя Иволгин с усами и бородкой a la Napoleon le Petit. От режиссёра Пырьева никто не ожидал Такого успеха.

Анекдот о Пырьеве. Это очень грубый, мужиковатый сибиряк. Однажды он пинками ногой в живот вышиб из Дома кино певицу Русланову и её мужа — генерала, но в то же время пригрел какого-то интенданта: пил с ним, обнимался... Интендант стал смотреть на Пырьева как на божество. Желая, угодить чем-то своему великому другу, он пристал к нему: «Позвольте, я сниму с вас мерку. У нас там сейчас прекрасный материал есть. Разрешите сшить вам костюмчик.» — «Да не надо мне твоего костюмчика!» — «Ну, позвольте, ну что вам стоит...» — «Черт с тобой, шей!»...

Пырьев милостиво взял костюм и повесил в гардеробе. А надо заметить, что интендант этот служил в комитете госбезопасности в отделе экипировки. Через год Пырьева пригласили на приём в Кремль. Он схватился за голову: где взять чёрный вечерний костюм? Но вдруг вспомнил — ура, есть! Надел дарёный костюм и отправился.

На приёме закусывают в вертикальном положении. Пырьев стоит, истребляет икру. Вдруг кто-то кладёт ему руку на плечо: «Парень, начальник велел не налегать на икру.»

Режиссёр оглянулся. Перед ним стоял человек неопределённой профессии в точно таком же чёрном костюме из того же материала. А по углам маячили десять таких же чёрных костюмов...

На другой день Пырьев пинками в живот вышвырнул из Дома кино своего друга-интенданта!

У Форда спросили: «Почему вы ездите на автомобиле «Волга»?» Он ответил: «Люблю ездить вспоминать детство.» («Волга» скопирована с одной из фордовских моделей).

17 июля. Четверг.

Третья мировая война может начаться из-за арабов.

1) Гражданская война в Ливане. Президент Камилл Шамун. Из «Dookola swiata».

«Когда в 1952 г. Шамун пришёл к власти, ничто не предвещало именно такого развития событий. Это было через несколько недель после победы революции в Египте, возглавляемой генералом Нагибом и мало тогда известным полковником Насером. Лозунги этой революции достигли Ливана и оказали несомненное влияние на падение правившего в интересах аристократии президента Бихара эль Хури. Его место занял более либеральный Камилл Шамун.

Нужно сказать, что Шамун застал нелёгкую ситуацию. По сранению с другими арабскими странами полуторамиллионный Ливан — край неслыханно сложных проблем. Пятьдесят пять процентов населения — это христиане, среди которых большинство составляют т[ак] [называемые] марониты.

Остальных 45 процентов — это мусульмане и друзы. Раздел это не только религиозный. Преобладающая часть христиан находится под западными влияниями и воспитана на европейской культуре. Эти люди издавна считали себя европейцами с презрением смотрели на турок, владевших этой страной до 1918 года. Издавна их соединяло много уз с Францией и Италией, главным образом торговых и культурных. Это преимущественно зажиточный городской слой, который великолепно уживался с французами и воспитывался во французских школах. Главный лидер маронитов Шамун выгядит более европейцем, чем, например, сам итальянский премьер.

Тесные связи в культуре и в чувствах с западным миром являются причиной чувства превосходства у маронитов к миру арабскому, а значит — и к Насеру. Остальное население — это мусульмане, симпатизирующие, конечно, остальному арабскому миру и прежде всего Насеру.

По ливанской конституции президентом страны может быть только маронит. Так и президент Шамун является приверженцем этой секты. Сначала казалось, что Шамун будет вести Ливан более независимым путём.

Однако человек, который своим приходом к власти в косвенном отношении обязан Насеру, начал вести политику, подобную политике своего предшественника. Политику Шамуна отличало всё в большей и большей степени подчинение Западу. Её кульминационным пунктом было принятие Ливаном «доктрины Эйзенхауэра». В последнее время там усилилась пропаганда против Объединённой Арабской Республики.

Успехи политики Насера (особенно после Суэца), лозунги арабского единства, объединение соседней Сирии с Египтом производили однако влияние, в основном на мусульманскую часть населения, которой начал надоедать «человек Запада» и его прозападная политика.

Шамун, ныне 57-летний, изучал право в университете в Бейруте. В 1924 г. он был избран в палату депутатов. Во время последней войны выступал против французского господства и сыграл значительную роль в освобождении страны.

Нынешняя каденция Шамуна истекает в сентябре этого года. Так как ливанская конституция возбраняет повторное выставление кандидатуры, Шамун решил соответственно «подправить» конституцию. Вокруг этого дела разгорелся резкий диспут, который, как известно, перерос в открытое восстание...»

Баррикады на улицах Триполи. Взрывы бомб в ливанских городах. Бои в горах. Полиция и армия за Шамуна, но весь народ, от муфтия мусульман до патриарха маронитов, образовал широкую оппозицию, которая взялась за оружие после убийства журналиста Насиба Метни.

Почему американцы не ввели войска в Ливан сразу? Международная пресса предполагала: 1) американцы хотели бы иметь на месте Шамуна более эластичного политика, своего, но внешне независимого; 2) в последнее время наметились шансы на улучшение отношений между Каиром и Вашингтоном.

Но внезапно всё опрокинулось.

2) Ирак — пять миллионов жителей (около 80 % арабы, 15 % курды). Тигр и Евфрат. Багдад и Басра. «Тысяча и одна ночь». Гарун ар Рашид. Первое место в мире по производству фиников (на экспорт). Ячмень, пшеница, рис, хлопок. Племена бедуинов кочуют со своими стадами. Нефть. По добыче нефти одно из первых мест в мире. Главные позиции в иракской нефти занимает английский капитал.

Крупнейшей политической фигурой королевства неоднократно был Нури Саид, неоднократный премьер, один из авторов багдадского пакта (февраль 1955 г.), правивший путём террора и насилия. В противовес объединению Египта и Сирии Нури Саид создал Арабскую федерацию: Ирак и Иордания, под руководством иракского короля.

После начала гражданской войны в Ливане Нури Саид начал собирать силы для интервенции.

Однако Нури Саид не успел вмешаться в ливанские дела. 13 июля, или в ночь на 14-ое, произошла офицерская революция в новоарабском вкусе. Власть в Багдаде захватило новое правительство, его главой и верховным главнокомандующим стал Абдель Керим Касем. Король Ирака Фейсал арестован. Премьер-министр Ури Саид бежал и скрылся. Багдадское радио передало обращение командования вооружёнными силами Иракской республики к населению страны с призывом оказать содействие в розыске и аресте Нури Саида; за его задержание обещали награду в 10.000 иракских динаров. Вскоре корреспондент Ассошиэйтед пресс сообщил из Бейрута, ссылаясь на багдадское радио, что бывший премьер схвачен

народом и убит, а его труп был доставлен ко дворцу правосудия в Багдаде. Народ убил также наследного принца Абдула Иллаха, дядю бывшего короля.

Так родилась Иракская республика. Первым делом республиканское правительство денонсировало багдадский пакт. ОАР и СССР уже признали новую республику. Все западные кабинеты собрались на экстренные совещания. Факел арабской революции брошен в Ирак, один из главных нефтяных резервуаров Ближнего Востока.

Запад перестал колебаться. Американцы ввели войска в Ливан. Советское правительство издало крик ярости. Запахло дракой.

Сегодня по всему Союзу срочно начали проводить митинги в поддержку Заявления советского правительства о положении на Ближнем и Среднем Востоке3.

27 июля. Воскресенье.

В нашей армии отменены отпуска. События в Ливане и Ираке вызвали большой подъём курсов на бирже в Нью-Йорке.

Три друга-диктатора: Абдель Насер, Тито и Неру — образовали теневую большую тройку мировой политики. Они чувствуют друг в друге некое родство душ и сходство положений. Холодная война России и Америки идёт на пользу этим рассчётливым нейтралистам. Опираясь на поддержку Хрущёва Насер потихоньку сколачивет Панарабскую федерацию.

26 мая 1958 года «Unita» писала:

«Prossimo incontro di Nasser e Tito.

Cairo, 25. — Fonti autorizzate della Repubblica Araba Unita hanno affermato oggi che il presidente Abdel Nasser incontrera il maresciallo Tito ai primi di luglio a Brioni.

Nasser e Tito si sono gia incontrati a Brioni nel luglio del 1956, per una conferenza neutralista alla quale partecipo anche il primo ministro indiano Jawaharlal Nehru.»

Итак, в июле на Брионах встретились Насер и Тито. Незадолго до этого Насер послал президенту Тито в знак дружеских чувств к югославскому народу двух одногорбых верблюдов для белградского Зоо.

В Ливане шла уже гражданская война. Насер беседовал с Тито, а тем временем разразилась революция в Ираке. Король был схвачен, и судьба его оставалась неизвестна. Нури Саид бежал, его поймали и убили; улицу, где он был убит, назвали «улицей Свободы». Убили дядю короля и, наконец, самого короля Ирака. Новое правительство тотчас денонсировало антинасеровский пакт с Иорданией. Иорданский король Хусейн тотчас объявил себя главой иракско-иорданской федерации.

Когда Насер на своей яхте плыл из Югославии в Египет, он узнал об американском десанте в Ливане. Яхта тотчас взяла обратное направление. Из Белграда Насер вылетел в Москву. Встреча с Хрущёвым проходила в глубокой тайне. Затем Насер очутился в Дамаске. Англичане высадились в Иордании. Запахло порохом: планировали поход на Багдад от имени короля Хусейна.

Но это оказалось невозможно. Целый ряд причин:

1) Мощная проарабская демонстрация СССР и угроза ответного удара в случае вооружённого конфликта в этом районе.

2) Слабость опорных пунктов базы. В Ливане стрельба прекратилась, но повстанцы сохраняют свои опорные пункты. В Иордании — бесчисленные заговоры на жизнь ненавистного короля. Хусейн много раз хотел отречься, но западные друзья силой принуждали его оставаться на троне.

3) Великолепная дипломатия Ирака: «Из Багдадского пакта не выходим, собственность нефтяных компаний не трогаем, мы не коммунисты, мы мирные арабы, хотим дружить с Египтом.» и постепенно Иракскую республику признали все, вплоть до США, и Хусейн объявил, что федеративный договор Ирак — Иордания от 24 февраля 1958 г. аннулируется.

Бурная военная кампания в прессе и радио СССР прекратились. Одним из её эпизодов был «хорошо организованный» (по выражению Эйзенхауэра) погром американского посольства в Москве... Или нет, погром был после казни Имре Надя и Пала Малетера, а это просто демонстрация, плакаты на русском и английском языках, размахивание кулаками. Как только Советский Союз отменил состояние боевой готовности № 1, мир вздохнул спокойно, по словам премьера Неру, заявившего, что три недели человечества балансировало на грани войны.

Эдлай Стивенсон посетил Москву. Громыко в Нью-Йорке. Равновесие остаётся неустойчивым, но тень войны отошла, тихая паника кончилась.

28 августа. Четверг.

Редко я заглядываю в дневник. Работа в редакции плоха тем, что в свободное время уже не хочется браться за перо. В личной жизни нет изменений. Начинаю всерьёз думать о женитьбе. На ком? На Гале Кустас? Не охота. Славная девчонка, но не возбуждает меня. Мне бы надо что-то другое.

Закончилась чрезвычайная сессия Генеральной Ассамблеи ООН, созванная по нашей инициативе. Единогласно приняли проект резолюции, представленный десятью арабскими странами. Даг Хаммаршельд, видимо, 25 авг. уже выехал в Амман. Он обязан дать отчёт Асамблее.

Самое интересное Даллес энергично обвинял ОАР в «косвенной агрессии». Наблюдатели ООН не нашли доказательств импорта насеровского оружия и агентов в Ливан. И в Ассамблее Египет, Ливан и Иордания сумели найти компромисс в общем арабском лоне: просим вывести войска с Ближнего Востока. Даллес сделал хорошую мину при плохой игре и проголосовал за арабскую резолюцию.

30 августа. Суббота.

Я не уважаю себя, как же я могу уважать людей? Для меня нет никого и ничего святого. Вот так жизнь! Может быть, страстная любовь могла бы меня изменить. Но я не способен на высокое чувство, во мне живут только низкие и грязные вожделения, я ощущаю по-

требность в самоунижении путём внутреннего раздувания всех нечистых помыслов. Я их смакую — назло себе, вопреки тому лучшему, что есть во мне.

С презрением отвергая самоубийство, я культивирую ложную мечту о сумасшествии и полусерьёзно говорю друзьям, что у меня дурная наследственность и по материнской, и по отцовской линии. (Старший брат матери, обладавший огромными способностями к математике, умер шестнадцати лет в чахотке и помешательстве. Сходные примеры были ещё и у Воловичей, и у Назировых...)

Но, правда, я люблю детей, люблю человечество вообще, стариков и старух, белокурых, чёрных, рыжих, люблю зрелых, красивых женщин и мужчин, но особенно детей... а ещё особеннее люблю девочек 14 лет, белокурых, тонконогих и длинненьких, с первыми проблесками груди. Именно такая живёт в доме по ул. Сталина, 45, где помещается и редакция «Ленинца». Она часто играет с младшими во дворе. В ней всё прелесть, и я стараюсь на неё не смотреть. Это ненормально, болезненно, но я вечно, как голодный, думаю о скверном.

Однажды я сострил: «Терпеть не могу очкастых». Это только наполовину шутка. Я интеллигент, но не люблю интеллигентов и хотел бы быть рабочим. Я подл, но не люблю подлецов.

Кончено. Я излился. «Как проститутка, душу изливаю...» Да, может быть, это слишком напыщенно, но с датским принцем я чувствую нечто родственное.

Ну, хватит. Дёшево всё это звучит. Да и к чему? Лучше бы стихотворение написать за это время. Одно время получались стихи.

«Смесь». Из журнала «Przekroj» от 20 июля 1958 г.

Париж. В 1957 г. Франция получила от вывоза парфюмерной продукции 4,5 миллиарда франков, от вывоза книг и периодических изданий — 13 миллиардов, от вывоза коньяка 15 миллиардов.

Первая выставка Амадео Модильяни в 1917 году зияла пустотой. В 1958 г. в первый же день на выставку умершего в 1921 г. живописца явились 8.000 человек, один из первых был Чарли Чаплин.

Когда трансатлантик «Queen Elisabeth», идущий в Лондон, задержался в Шербуре, на его борту находилась женщина, совершенно не замеченная репортёрами — Сорайя Эстандиари — Бахтиари.

Умер французский писатель Франсис Карко, любимец Монмартра, друг многих художников. Живописец Нонда, слишком бедный, чтобы купить венок, пожертвовал свою картину, которая была положена в гроб Карко.

В Америке best-seller — книга, расходящаяся по меньшей мере тиражами в 250.000 экземпляров. Во Франции большим успехом являются уже 50.000, а в Англии бестселлер начинается с 25.000. Так, например, Kingsley Amis, которого в Англии считают эквивалентом Франсуазы Саган, не превысил 30.000. Последний бестселлер в Штатах — это «By love possessed» («Одержимый любовью»), автор — Cozzenza. Этот роман, который расхватывается также и в Англии, не понравился английской критике.

В Нью-Йорке сделаны первые попытки уничтожить скверный запах в туннелях метро. Для этого там распыляется эссенция яблоневого цвета.

В Гамбурге на аукционе распроданы 13 почтовых открыток, в сумме за 1200 долларов. Эти открытые письма написаны знаменитым писателем Францем Кафкой.

Ив Монтан не поёт больше песен и разошёлся с Симоной Синьоре. Последний раз, вероятно, они снимались вместе в «Салемских колдуньях». В этом фильме с ними выступала новая звезда, самая молодая модная во французском кино после Брижитты Бардо — это Милена Демонжо, бывшая манекенщица у покойного Диора. Сыграла роль Эльзы в фильме «Bonjour, tristesse!» (по повести Франсуазы Саган). Критики хвалят эту роль, но сам фильм оценивают невысоко. Понравилось только интересное деление фильма: всё, что происходит на Ривьере, в красках, парижские кадры — черно-белые; понравился также новый шлагер, который исполняет в фильме знаменитая певица Жюльетта Греко.

На земном шаре живёт 2737 миллионов человек. По данным ООН, в 1980 г. земля будет иметь 4 миллиарда населения, а в 2000 — шесть или семь миллиардов.

Оксфордский университет пригласил Пикассо на торжество вручения ему диплома doctor honoris causa. Пикассо ответил телеграммой: «Не имею времени для участия в таких торжествах точка не имею времени интересоваться вашим университетом точка жизнь коротка точка пишу картины точка Пикассо».

12 сентября. Пятница.

Ну, живу, работаю. За последнее время толкнул в «Ленинце» три крупных материала: «Черниковский — на вахте» (фоторепортаж с молодого нефтеперерабат[ывющего] завода — ЧНПЗ, опять с Якубовым), «Смешение жанров» (рецензия на кинофильм «Девушка с гитарой») и «Десятый выпуск альманаха». В последней рецензии я куснул уфимского «поэта» Евгения Рассказова. Это типичный арап, литературный плут, обнаглевшая бездарь, нахал, выжига и доносчик. Сегодня он уже звонил мне по телефону со своими претензиями. На обсуждении альманаха в русской секции я обязательно выступлю.

Мама отдыхает в Ялте. Мы с сестрой ведём «самостоятельную жизнь». Дину обуяла мания покупок, то, что по-английски называется «the shoping».

Мои вырезки из газет всё умножаются. Я решил складывать их в отдельную папку, вместо того, чтобы терять среди страниц дневников.

Дамаск. Жители двух сирийских деревушек в горах Антиливана до сих пор ещё пользуются арамейским языком, на котором говорило население Сирии и Палестины во времена Христа. Во всей остальной Сирии уже 1200 лет господствует арабский язык.

Бари (Италия). В необычайных обстоятельствах найдена неизвестная картина Модильяни, одного из основателей современного искусства. Десять лет назад некий инженер De Gemmis подарил своему другу картину, купленную по случаю в Париже. Другу картина не понравилась, и он спрятал её в чулан. Осмотрев её через 10 лет, он увидел, что краска осыпается, и из-под скверного пейзажа показывается женский акт. Оказалось, что это

подлинный Модильяни 1914 года. Эксперты оценили картину в 20.000 долларов. Хозяин картины скрывает своё имя, известно только, что он журналист.

14 сентября. Воскресенье.

Вчера после очень долгого перерыва я попал на вечер молодёжи в Оперном театре. Видел много знакомых ребят. Танцую с девушкой (этакая пышная, знойная брюнетка с грустными собачьими глазами) и не чувствую ни малейшей эмоции. Ну, никакой: ни дерзости, ни волнения, ни игры, ни озорства. Скукота, и только думаешь по временам: «А грудь у неё неплохо развита!»

Видимо, пылкая юность проходит, и наступает холодное злое мужество.

18 сентября. Четверг.

Кажется, я всё же нравлюсь девушкам. Почему — сам не знаю. Но это есть. Мне нужно войти в форму, привести себя в приличный вид и заняться женским вопросом вплотную. Нужно найти женщину. Именно женщину.

21 сент. Воскресенье. Мама вчера приехала из Харькова. Она была в Ялте, когда туда приезжали Хрущёв и Поль Робсон. Но об этом заранее не объявлялось, и о речи Хрущёва в Ялте она узнала из газеты «Правда».

Ближний Восток забыт, весь мир смотрит на Тайваньский пролив. Весь Китай встал под ружъё. Хрущёв побывал в Пекине. В послании Эйзенхауэру он заявил: «Нападение на Китай будет нападением на Советский Союз». В Варшаве идут переговоры между послами США и Китая. Союзники США отказались вмешиваться в тайваньский конфликт.

28 сентября Франция и заморские территории должны решить судьбу новой конституции. «Юманите» полна заголовками со словами «Non». Де Голль совершил путешествие по Африке. Французская пресса сообщала, что Мадагаскар (где во время восстания 1947 г. от рук французов погибло 80.000 малгашей) с энтузиазмом принимал генерала. «New York Times» сообщал, что французские колонисты вывозили малгашей из глубины лесов специальными грузовиками, а китайские лампионы, освещавшие дорогу от аэродрома до столицы — Танакаривы, были оплачены администрацией. Единственным человеком, который кричал «Да здравствует Франция», был сам премьер Де Голль.

11 сентября в «Экспрессе» появилась статья Жана Поля Сартра, из которой я перевожу фрагменты, опубликованные в «Zycie Warszawy»:

«Нам сказали, что мы будем голосовать. Это ложь. Сорвём завесу громких слов, прикрывающую преступление: 28 сентября будет не днём выборов, а днём насилия. И это насилие будет совершено над нами...

Я хорошо понимаю, что, по крайней мере, в самой Франции не будет контроля того, как мы голосуем. Но позднее?...

Избиратель, затерянный в «ничьей стране», отделяющей умершую республику от будущей монархии, должен сам принять решение, и это неотложно.

Говорят, что режим был прогнивший, что достаточно было его ткнуть, чтобы он рассыпался в прах, что нашим важнейшим заданием является устроение государства. Я не отрицаю этого. Но, используя это более или менее разумное положение, от нас хотят просто легализации акта насилия.

Правда, бывают события, когда это — неизбежное средство для превращения силы в право: и революционное правительство, вынесенное к власти массами, вырождается в тиранию, если по возможности скорее не уступит нормально избранной конституанте. Но кто сегодня говорит о конституанте? Ибо генерал де Голль — всё что угодно, только не избранник масс...

Нет, его правительство не вышло из революции; оно вышло просто из «пронунсьяменто»...

Не будем обманываться: никакие плебисциты этого мира не могут предотвратить акт насилия и изменить его незаконный характер. Голлистский режим будет до самого своего конца проявлять во всех областях своей деятельности результаты насилия, которое его породило.

Чтобы смешать карты, в один мешок бросают два совершенно различных плебисцита. Люди Африки на деле очень мало заботятся о том, каково по ново конституции будет отношение исполнительной власти к законодательной. Чёрный избиратель желает независимости, но ставит перед собой вопрос, допускают ли ему ресурсы и хозяйственное развитие его страны обойтись без нашей поддержки.

И поэтому «да», которое для Мадагаскара обозначает внутреннюю автономию и постепенное развитие в направлении к свободе, в Париже приобретает другой смысл: взятие под опеку французского народа и уменьшение вотума «нет». Это надвигающееся насилие выбирает своих жертв. Вследствие него страдают только демократы...

Не верю в Бога, но если бы в этом плебисците было бы нужно выбирать между Ним и теперешним претендентом, я бы скорее голосовал за Бога: Он скромнее. Он хочет нашей любви и нашего неограниченного уважения, но я склонен верить священникам, что взамен тоже нас любит и в высшей степени уважает свободу самого последнего бедняка. Зато наш будущий монарх тоже домогается, чтобы мы его уважали, но мы очень боимся, что он в свою очередь совершенно не уважает нас. Одним словом — Бог нуждается в людях, а генерал де Голль не нуждается в французах.

А может быть, однако нуждается? Ведь он сказал: «Я очень нуждаюсь в вашем доверии». Но ему будет вполне достаточно, чтобы мы уделили ему это доверие один раз, только один раз, 28 сентября...

Национальное собрание, находящееся под давлением реакционного Сената. Оно не имеет возможности самостоятельного выбора своих собственных министров. Ему отказывают или почти отказывают в праве низложения навязанного правительства. Сокращается время прений его сессий. Исключительно для себя резервируют право его роспуска или перерыва в его деятельности под предлогами, точнее не определёнными. Вы понима-

ете, французы, что это у нас, у нас всех, отбираются эти права? Референдум 1958 г. приводит на мысль слова Маркса, произнесённые 100 лет назад: «Всеобщие выборы появились в 1848 году только для того, чтобы самоуничтожиться».

Именно в этом кроется недоразумение. Ибо эта конституция на первый взгляд напоминает внутренний старательно вымеренный автопортрет некоего человека. А если к ней получше присмотреться, она оказывается результатом компромисса между силами, которые вынесли к власти этого человека: алжирских феодалов и крупного финансового капитала...

Парижские капиталисты, алжирские помещики; я не утверждаю, что эти люди слишком хорошо сговорились между собой. Но они соглашаются в одном пункте: в том, чтобы взять народ за глотку.

Я признаю, мы ещё не дошли до того, чтобы нас били возле урн. Но избирательный опрос не свободен, если избиратель терроризирован. Без этих угроз, без этих пресловутых алжирских самолётов, готовых в любой момент взвиться в воздух, чтобы сбросить на Париж транспорт парашютистов, без человека «с ножом в зубах», конституцию встретили бы взрывами смеха: настолько она мутна, настолько глупа, наивна реакционна, что никто бы её просто не принял всерьёз. Если IV Республика умерла, то прежде всего оттого, что оторвалась от народа. Можно ли верить, что лучше будет по этой причине полностью обойтись без народа? Празднество 4 сентября было картиной Франции, которую нам приготовляют: в центре площади — принц; вокруг него хор избранных; далее в тылу бригады и кордоны полиции; с очень большого расстояния — гул народа, говорящего «нет».

Я обращаюсь к тем, кто поверил человеку июля и спрашиваю их: На что эта конституция? Вы говорите, что генерал де Голль нуждается в вашем доверии — я это признаю. Вы предполагаете, что он против полковников. Что проба силы не может ему удасться, если он не имеет за собой страны... Но каким же способом, думаете вы, ваш голос будет мандатом, восстанавливающим порядок и мир в Алжире? «Да», которое вы скажете, являяется утверждением всего, что он совершил с 1 июля.

Итак, вы одобряете участие Сустеля в правительстве: но ведь Сустель полуофициально представляет Комитеты Общественного Спасения.

Одобряете вы также назначение генерала Массю? Но генерал — один из главных виновников 13 мая.

Всё обман. Если бы генерал де Голль желал вашей поддержки для проведения референдума, для конкретной деятельности, для борьбы против определённых гражданских и армейских элементов, то он начал бы с провозглашения своей программы. Допустим, он сказал бы: «Хочу вести переговоры с повстанцами» — или совсем наоборот: «Буду вести войну до самого конца», как бы это было ясно! Каждый мог бы понять свою ответственность. Вместо этого нас приглашают к рассуждениям на темы власти президента и собрания, которая — вне света воображения — ещё не существует. Франция погружа-

ется в отвратительную войну, цены скачут в гору, промышленность ищет рынков, а нам подсовывают конституцию; сверх этого — ничего, молчание или слова с двойным знаением, которых экзегеты [толкователи] силятся интерпретировать каждый на свой лад.

Нет, во всяком случае это не поддержки нашей домогается генерал, а нашего повиновения и ничего больше. Но почему, собственно, мы должны ему повиноваться? Уже 150 лет, как Франция достигла совершеннолетия. Или она нуждется в отце? Берегитесь, в своё время мы могли бы вернуться к заблуждениям детства; а совершеннолетние к этому даже слишком склонны. Вы ответите, что знаете обо всём этом, но с этим нужно смириться, так как генерал де Голль — единственный человек, способный подавить восстание алжирцев. Он — подавить его? Да ведь именно это восстание дало ему власть и удерживает её для него.

Голосуя за де Голля, можете ли вы дать ему больше, чем он имеет? Он пользуется неограниченной властью: в течение трёх месяцев он мог сделать всё, а не сделал ничего. Наоборот, вы можете только прибавить смелости ультранационалистам. Всё — фальш. Ложь и давление, шантаж, террор, непонимание — всё это поспешило к референдуму, чтобы побороть сомнение, обесценить голоса оппозиции. Если бы должны были победить ответы «да», судите сами, что бы насупило после этого? Но даже без мысли о будущем, было бы недостойно голосовать под угрозой. Но так как мы не смогли избежать этого надувательского плебисцита, мы можем дать только один ответ: «нет».

Пусть наше «нет», сказанное монархии, обозначает «Конституционное Собрание». Генералу де Голлю, тем, кто его окружает, мы отвечаем: «В одном пункте мы согласны с вами: IV Республика умерла, и мы не имеем ни малейшего намерения её воскрешать! Но не вам принадлежит дело создания V Республики. Это дело одного французского народа, его полного и целостного суверенитета.»

Газета «Монд» поддерживает новую конституцию. В этой газете Морис Дюверже пишет: «Ставка фашистского клана — усыпить критический дух французов — свести референдум к личному вопросу («да за де Голля»), лишить их возможности свободного выбора, приучить к отречению в пользу одного человека. С маккиавелистическим умением они пользуются образом генерала, который не является фашистом, для того чтобы поддержать замешательство в умах.»

Французы, считавшие де Голля «человеком 18 июня», весной надеялись, что он обуздает алжирский мятеж. 18 июня 1940 г. — светлая дата в истории Франции, заявляет Эренбург: в этот день де Голль призвал французов не подчиняться приказам предателей и продолжать борьбу против немцев. Де Голль в годы войны стремился опереться на героев Сопротивления, на антигитлеровскую коалицию. Лётчики полка «Нормандия — Неман», подчинённые ему, в советском небе защищали землю Франции. Советское правительство первым признало правительство свободной Франции, во главе которого стоял де Голль. В декабре 1944 года де Голль подписал договор о дружбе и взаимопомощи между СССР и Францией.

Католический левый еженедельник «Темуаньяж кретьен» пишет: «Одно из двух — или действительно генерал де Голль встанет во главе нового Сопротивления, ликвидируя всех банкротов Четвёртой республики и всех фашистов, военных и гражданских, которые хотят Пятой республики с тем, чтобы она не была республикой. Что ж, тогда он сможет снова рассчитывать на нас, как в годы первого Сопротивления. Или же генерал де Голль окончательно докажет, что забыл о человеке 18 июня и стал человеком 13 мая с вытекающим из этого «сотрудничеством» со всякого рода «ультрами» — с ультранационалистами, ультраколониалистами, ультракапиталистами и ультрафашистами. В этом случае генерал де Голль станет олицетворением не Франции, но анти — Франции, и мы, помня, что такое верность, выступим против него — за Францию».

Писатель Франсуа Мориак верил, что де Голль остановит мятежников. Но прошло лето 1957 г., и Мориак написал с горечью: «Генерала де Голля остановили те тёмные силы, которым Франция подчинялась последние годы и которые привели к капитуляции 13 мая... К какой роковой катастрофе мы теперь неотвратимо несёмся?..»

«Экспресс» поясняет, что не фашисты нужны де Голлю, а де Голль нужен фашистам: «Без него, будучи сильными в Алжире, они оказались бы изолированными во Франции, где фашизм не организован, где народ осуждает алжирскую войну, где огромное большинство граждан дало бы отпор попытке установить военную диктатуру, если бы она не прикрывалась авторитетом одного человека.»

Спекулируя на симпатиях мелкого французского буржуя к де Голлю и на ненависти к коммунизму, радио Алжира в мае 1958 г. вещало: «Французы, выбирайте между лотарингским крестом и звёздами Кремля.» Лотарингский крест был в годы войны эмблемой сражающейся Франции, его носили на груди лётчики полка «Нормандия — Неман». Но теперь этой эмблеме придаётся другое значение. Морис Дюверже: «Неоголлисты склонны придавать лотарингскому кресту форму свастики». В сентябре 1958 г. к генералу де Голлю в его сельский дом (Colombey des deux Eglises) приехал новый союзник — канцлер Аденауэр. Правда, Аденауэр при Гитлере сидел в концлагере, но теперь в его державе запрещена компартия и разрешена партия националсоциалистов. Канцлер и генерал сердечно беседовали. Канцлер обещал правительству «обновлённой Франции» заём «на развитие Африки».

Движение цен на биржах («Zycie Warszawy», 21 июля)

Международный рынок реагировал на последние события на Ближнем Востоке неожиданным ростом цен на многие основные виды сырья. Напр., на лондонской бирже цена на медь подскочила на 3,5 фунта за тонну, цена на цинк достигла уровня 731 фунт за тонну, т.е. вышины, давно уже не отмечавшейся. Пошли вверх цены на каучук и несколько меньше — на хлеб и хлопок. Специалисты учитывают дальнейший рост этих цен.

В мире свыше 50 миллиардов тонн исследованых запасов нефти. Из них около 64 % находятся в четырёх странах Ближнего Востока: в Кувейте, Иране, Ираке и Саудовской Аравии, 3,75 млрд.тонн (7,5 %) составляют запасы нефти в СССР и других социалистических странах, около 4,5 миллиардов тонн — исследованные запасы нефти в США.

В 1957 г. мировой оборот золота составил около 1 миллиарда 300 миллионов долларов (по цене 35 долларов за унцию золота). В этом количестве около 260 млн.долл. составляет стоимость золота, экспортированного Советским Союзом. Главные продажи золота из СССР совершались на рынке Великобритании (около 200 млн.долл.).

Охотница за скальпами.

Бесцветные глаза. Настоящая библиотека — рукописи чужих любовных писем (и мужчин, и женщин). Есть к ней: от наивных мальчиков, от сексуально-помешанных стариков с одышкой, от зрелых мужчин, к-рые сами себя презирали за эту страсть, и презрение невольно звучало в их письмах.

У неё муж в Ленинграде и, кажется, даже ребёнок, хотя в это нельзя поверить, судя по её фигуре. 26 лет, отлично воспитана, музыкальна и порочна, как сто тысяч les filles. Кипы немецк. и франц. журналов, где преподаётся искусство холить своё собственное тело.

Сказать, что она коллекционирует сердца — неточно. Она коллекционирует скальпы. На Западе таких называют американским жаргонным словом vamp (женщина — кровосос). В России есть гораздо более точное определение «сука».

Мальчик. Красавец (???), умница (???). Когда он всё понял, прочёл эти архивы, открыл тайну женщины-пантеры, он дал ей пощёчину.

Бесцветные глаза её вспыхнули. Они стали зелёными, как бериллы. Бросается на него, обвивает, гнёт к себе на грудь, расточая все свои . . .

Он вырывается. Уходит. Вечер. Пьян. Грубая девка в том стиле, как у Камилла Моклера. «Я предпочитаю это!»

И охотница за скальпами исчезнет вместе со всем багажом.

[В тетрадь вклеена статья из газеты на английском языке — Прожито.]

U.S. polar threat to Russia (Daily Worker, 05 сент.1958)

Daily Worker Reporter

This is what submarines that can go under the polar ice-cap mean to American warmongers. "What U.S. atomic subs could do to Russia from polar hide-outs" is the title of this map in the magazine U.S. News and World Report.

And on the right is Regulus II, an American missile which can be launched from submarines or surface ships [неразборчиво] targets 1.000 miles away. It is being made ready for firing at Edwards Air Force base, California.

The U.S. Navy boasts that these 57ft rockets, which can carry a nuclear warhead, can hit a target at speeds twice that of sound, with "pinpoint accuracy."

It hopes to have its nuclear-powered submarines equipped with these rockets soon, and claims they will give the U.S. Navy "superiority" over similar weapons in the Soviet Union.

THESE TARGETS could be knocked out by 1.500-mile missiles from the Barents Sea:

1) Russia's nerve center in Moscow

2) Industrial complex around Leningrad

3) Steel plants at Magnitogorsk
4) Atomic-weapons plants behind the Urals
5) Submarine base at Murmansk
THESE TARGTS could be knocked out by 1.500-mile missiles from off Siberia:
1) Big air bases at the tip of Siberia
2) Heavy-weapons factories near Lake Baikal
3) Air bases in North Central Russia
4) Naval bases in Kamchatka Peninsula
5) Strategic metal industry around Norilsk

22 сентября. Понедельник.

Летом. Уинстон Черчиль, проводящий свой отдых на Ривьере в Cap d'Ail, не знает, что стал источником заработков для окрестных владельцев прогулочных судов. Эти владельцы берут с туристов свыше 3 фунтов стерлингов за показ резиденции бывшего британского премьера. Когда Черчилль отдыхает на балконе с неразлучной сигарой, гиды требуют от пассажиров специальной доплаты.

Неделю назад, в понедельник 15 сентября, около 9.30 утра в Париже алжирцы совершили покушение на министра информации Жака Сустеля, бывшего губернатора Алжира. Это было на площади Звезды около Триумфальной арки. Осыпанный выстрелами из револьвера в своем автомобиле, чёрном «Ситроэне» нового типа (так называемый DS-19) министр Сустель избежал смерти, бросившись на пол автомобиля.

Началась погоня на покушавшегося, которого прикрывали его товарищи, стреляя из автоматического оружия. Покушавшийся скрылся в ближайшем метро, где, ранив несколько человек, пытавшихся его задержать, был схвачен.

Тем временем министр Сустель вышел из автомобиля. Легко раненый осколками стекла из простреленной рамы, он осматривается. Внезапно появляется другой алжирец и достаёт из-под габардинового плаща пистолет-пулемет. Несколько очередей. Сустель бросается на землю, снова избегая смерти. Покушавшийся тяжело ранен и схвачен. В субботу и воскресенье алжирцы совершили в Париже, Ионвилле и Метце ряд покушений на военных и полицейских: 1 убит, 6 раненых.

Министерство внутренних дел объявило в специальном коммюнике об заострении репрессий. По этому поводу коммюнике выдвигает обвинения против коммунистов и газет «Юманите» и «Либерасьон».

Покушение на Сустеля произвело громовое впечатление, а через несколько часов после него из Марселя пришли сообщения о взрыве бомбы, подложенной в здании префектуры. Взрыв причинил серьёзное повреждение здания и вызвал пожар.

Смелое покушение на Сустеля в Париже на площади Этуаль организовал специальный отдел алжирского FLN (Фронт Национального Освобождения). Покушение не удалось, но французские власти впали в некоторую панику. Ряд новых мер вошёл или войдёт вскоре

в жизнь: говорится о превентивном аресте 12.000 «подозрительных» алжирцев, о переводе из Западной Германии шести расположенных там французских соединений для охраны объектов государственной важности в самой Франции, о призвании под ружьё 15.000 резервистов жандармерии и т.д.

Не проходит дня, чтобы пресса не сообщила о новых покушениях FLN. Бомба в марсельской префектуре, другая — на заводе Ля Курнёв, уничтожение избирательных карт в Анеси, удачные покушения на полицейских, которые кружат по городу вооружённые, часто автоматами — можно говорить о настоящей волне террора.

Большинство французских газет осуждает покушения FLN. Эта акция алжирского освободительного движения возбуждает серьёзное беспокойство общественного мнения. Пытаясь использовать это беспокойство, на другой день после покушения на Сустеля коммюнике министерства внутренних дел обвинило две левые газеты — «Либерасьон» и «Юманите» в соучастии с покушающимися. За 10 дней до референдума такое обвинение играет политическую роль, что подчеркивают обе газеты в полных возмущения передовых статьях. Речь идёт о том, чтобы выставить коммунистов в глазах общества «дурными французами» и соучастниками преступников.

Однако это не удержит левых от самой активной кампании против новой конституции. Против неё недавно высказались главные политические партии Гвинеи, Нигерии и Сомали (Мадагаскар и Сенегал придерживаются мнения, что стоит проголосовать за, чтобы достичь независимости).

В самой Франции громкое «нет» относительно конституции провозгласил Союз Учителей, что сильно взнервировало такой обычно уравновешенный правый орган, как газета «Фигаро». Кроме коммунистов острую борьбу против новой конституции ведет вновь возникшая социалистическая партия, сегодня ещё слабая, но в дальнейшем, может быть, имеющая обновить социалдемократическое движение во Франции.

Многие французы хотели голосовать за де Голля, надеясь, что их «да» поможет ему закончить войну в Алжире. Такую мысль внушал на недавнем конгрессе своей партии Ги Молле, секретарь SFIO. Но 15 сент. в Алжире, выступая с речью в одном из городов Алжира, убеждённый голлист Жорж Бидо заявил: «Говорят, что голосовать да — значит голосовать за переговоры. Но по сути дела это значит как раз нечто противоположное».

Министр внутренних дел Пеллетье заявил на пресс-конференции, что в референдуме будет участвовать около 44 млн. человек: 26,5 млн. в метрополии, 4.222.890 в Алжире, 13 млн. — в заморских территориях.

Террор алжирцев во Франции. В Марселе взорвали танк, который должен был быть направлен в Алжир. Пытались взорвать газовую централь в Ля Курнёв около Парижа. Напряжение растёт. Усиленные полицейские патрули циркулируют по Парижу. В Министерстве внутренних дел идут лихорадочные совещания.

28 сентября. Воскресенье.

Сегодня референдум во Франции. В Алжире его уже провели. В Каире образовалось временное правительство Алжира. В Париже громят коммунистов. Всё ясно.

Давно уже я хотел записать в своих тетрадях несколько слов о Женьке Тарееве. Евгений Тареев родился в 1931 году в Симферополе, живет и работает в Уфе, рабочий, 400 рублей в месяц. Вечно небритый, в неприличной кепчонке, плаще, грязных резиновых сапогах. Если снять плащ, то взору предстанет пиджак — не просто мятый, а на котором все вмятины слежались. На рубашке не хватает пуговиц, и видна красная грудь. А глаза у него голубые. Если Женька не сопьётся, он станет настоящим поэтом. У нас в редакции его называют «Мартином Иденом», т.к. в числе его бесчисленных профессий была работа матросом на пароходе «Муса Джамиль» Бельского речного пароходства. Женька говорил мне, что стоит ему замешаться в толпу, как люди начинают отодвигаться и придерживать карманы.

Женька пишет так:

Ну, красива, волосы волнисты,
И косынка яркая у плеч...
Отчего желают гармонисты
Перебором страсть её разжечь?

Ах, дурные парни, в самом деле!
Хоть в дугу гармонь свою согни,
У неё давно уже истлели
Этой страсти первые огни.

И она какая-то пустая,
Красотой меня не удивить.
Я её без песен обнимаю,
Чтобы время как-нибудь убить.

Гармонисты, парни разудалые,
Как посмотришь — на подбор орлы...
У неё уж слишком губы алые,
Да и руки очень уж белы.

У Женьки много лишнего, талант его неотшлифован, но чрезвычайно ярки его стихи, огромное воображение, большая изобразительная сила. Сам он говорит, что ищет третий путь между Есениным и Маяковским. Он очень драматичен, всё у него кипит и бурлит.

Вот отрывок из его поэмы:

Снег. Снег. Снег.
Не снег, а сирень осыпается.
А люди идут, завёрнутые в мех,
И мне улыбаются.
Жду. Всё нет и нет.

Придёт, я уверен в этом.
Есть в ожиданье любимой секрет,
В котором раскаянья нету.

…Ночь. Дежурный трамвай, как в бреду,
Мечется и затихает.
К ней,
в дом,
иду.

Бегу. Тревога одолевает.
Случилось что-то! В ветер вдогон
Стонет, как в зной, горячий.
Может быть, этот стон
В жизни что-нибудь значит?
Ветер, зачем ты такой?
Молчишь, рассыпая слёзы.
И словно кричат, тряся головой,
Избитые ветром берёзы.

Вхожу. Быстро одёрнула блузку.
Улыбкой сломаны губы.
Глаза оторвав от жирной закуски,
Мужчина спросил вызывающе грубо:
— Кто это?
— Это? Знакомый.
— Знакомый? — усмехнулся. — Не муж?
Кажется мне, он ошибся домом,
И видно, что пьяный к тому ж. —
Она отвернулась, пожав плечом.
Причёска распалась. Кудри размякли.
Бутылки пустые и под сургучом,
А ласки и силы, наверно, иссякли.
Я вышел, как выдавленный нарыв.
В глазах от боли рябило.
Когда? Почему? С какой поры
Сердце тебя полюбило?

«Парень, вернись! Докажи! Убей!» —
Смеётся ветер или серьёзно?
Я помню, как еле дошёл к себе,
На миг задержавшись у паровоза.

Сегодня один. Завтра другой.
А послезавтра притащится третий.
И каждому говоришь ты: «Мой дорогой!
Ты один у меня на свете!»

Им всё равно, прожжённым гулякам,
Ты ли, другая…
А мне то, мне!
Из-за тебя вступать с ними в драку,
Чтобы не быть от тебя в стороне?
Где же любовь? В фасоне перчаток
Или в изгибе крылатой брови?
Где любовь? Где её зачаток?
В словах, в манерах, в кипенье крови?
И если не дождусь от тебя ответа,
Пойду на всё, решая вопрос.
Может быть, знают любви секреты
Тупые лезвия чугунных колёс…

У Женьки есть ошибки, есть слабости, порою вкус ему изменяет, но всё искупается великолепной верой в себя, той знаменитой уверенностью в ценности создаваемого, о которой говорил Толстой, которой были в высшей степени наделены Шекспир и Достоевский и которая в конечном счёте решает успех творчества. Эта уверенность прямо пропорциональна силе впечатлений и переживаний художника. Женька пережил многое в своей бродячей жизни. Сын многодетной семьи, шарлатан, люмпен-пролетарий, пропойца, он испытал в тысячу раз больше меня, доморощенного интеллигентненького поэтика. Оттого-то и тянет меня на завод, в Магадан, Норильск, на Ангару! Я когда-нибудь выключу свою зелёную лампу и уйду из дома в кирзовых сапогах.

И опять Тареев (из поэмы):

Уехать, как уезжают в романах,
когда влюблённому некуда деться.
Ты думал, писатель тебя обманет,
Ты думал, у тебя другое сердце?
Нет, у влюблённых сердце одно,
Одинаково бьётся в сердце счастье и в скуке.
Ты думал, влюблённые только в кино
Бросаются с моста в разлуке?

Последний бродяга любит, как гений,
И гений любит, как тот же бродяга.
Храбрый пред ней упадёт на колени

И трус загорится отвагой.
Может быть, тот, что грустит в беде,
Кто слёзы в беде глотал,
Никогда, ни разу, нигде
Силу любви не испытал.
Может быть, тот кто боится тревог,
Другим в обращении всюду грубя,
Любовь никогда не пускал на порог,
Прежде влюбившись в себя.
Я знаю, любовь очищает грязь,
Ту, что в душе нарастёт,
И если поднимет любовь — не упасть,
Всю жизнь будет памятен взлёт.
Я знаю, к виску приставляют наганы,
Я знаю, на шею бросают петлю,
Я знаю, что этого делать не стану,
Если впервые люблю.

А стихотворенье об отце Тареев кончает так:

Не в бою с врагами, не на стройке,
Не в борьбе с бедою, не в дыму —
Ты скончался на больничной койке
В самом-самом солнечном Крыму.

Это вздор! Конец придумал кто-то.
Никакого не было конца.
Жизнь кипит крутым водоворотом,
Я живу — похожий на отца.

Сильно! Талантлив Женька Тареев. Сам не понимает, что должен делать. А впрочем, может быть, колотушки судьбы как раз и спасают его от гниения и застоя, в котором очутился я? Мне ведь просто не о чем писать: всё посредственно-благополучно, ни любви, ни радости, ни горя. Ни больших врагов, ни настоящих друзей. Надо бы далеко уехать или бросить писать года на два.

4 октября. Суббота.

Во Франции 79 % проголосовали за новую конституцию — т.е. за де Голля, 21 % против. В Алжире из всех участников референдума 96 % проголосовали за! Кто-то писал, кажется, одна шведская газета, что это напоминает голосование в Бухенвальде или в каком-то другом концлагере, когда за Гитлера проголосовали 98 %. Тоже был плебисцит.

В Африке тоже голосовали «за». Но соседка Ганы — французская Гвинея — проголосовала против и провозгласила независимую республику. Мы уже признали её.

Карта Африки становится всё интереснее. Либерия, Гана, Гвинея, Судан, Египет, Марокко, Тунис — независимые государства. Из них уже три «чёрных». Кения истерзана, но ещё жива. Да, ещё я забыл Абиссинскую империю. Соединённое королевство Ливия — одна вывеска, на деле колония. В Ливии и в Сахаре ищут нефть. В Конго добывают уран. Кстати, Конго перестаёт быть оазисом покоя. Ещё лет сорок, и почти вся Африка станет формально независимой, это уж как пить дать.

7 октября. Вторник.

Хвалили мою статейку в субботнем номере «Ленинца». Название хорошее — «Базарная «академия художеств»».

21 октября. Вторник.

Работаю. Ничего нового. Напечатал рецензию на фильм Хейфица «Дорогой мой человек». Сегодня слегка поругали на партсобрании. До партсобрания в Доме партпросвещения на улице Ленина состоялась встреча с тремя гостями — иностранными журналистами: двое мужчин и одна [...]

...для публики, первым делом задали Алексею Суркову (председателю) вопрос: «Где Пастернак?»

Но пока суд да дело, в газетах наших лишь сдержанно поругивали старика, а о романе молчали. В основном крыли его стихи из тетради доктора Живаго. Эти стихи частично публиковались в журналах. В эти стихи входят виды природы, евангельский цикл и «Душа».

И вдруг разорвалась бомба: «Доктор Живаго» получил Нобелевскую премию! Второй случай в истории: первый из русских Нобелевскую премию по литературе получил в 1933 г. русский белоэмигрант Иван Бунин.

Антисоветский роман Пастернака получил Нобелевскую премию. Видимо, она была присуждена ему из политических соображений. Раздался крик возмущения. Давид Заславский, ветеран советской журналистики, который ещё в 1918 г. в меньшевистской газете «День» вместе с Максимом Горьким выступал против Ленина, теперь в «Правде» назвал Пастернака Иудой-предателем.

Пастернак — внутренний эмигрант. Пастернак клевещет на революцию. Пастернак — лицемер и предатель, замаскировавшийся буржуа. Его поэмы «1905-й год» и «Лейтенант Шмидт» были притворством, Пастернак теперь сбросил маску, он врал. Таков тон статьи Заславского. «Доктор Живаго» — пасквиль на революцию. Если бы Пастернак был честным человеком, он бы отказался от Нобелевской премии, говорит Заславский.

Ещё недавно Пастернак говорил писателям, что книга была опубликована помимо его воли, что в ней сделаны изменения, что он будет протестовать, что он уже написал письмо об отказе от Нобелевской премии и чуть было не послал его. Но это — устные сведения,

а официально Пастернак получил Нобелевскую премию и исключён из Союза советских писателей.

Наша литературная жизнь всё гуще перемежается скандалами и разочарованиями.

Ещё не всё. Что Пастернак — его не любят, почти не знают! Он не вполне наш, не из русских, никогда не производил впечатление советского.

Но вот Михаил Шолохов. Он наконец окончил вторую книгу «Поднятой целины». Действие доведено до 1937 года. В финале романа Давыдов арестован, Размётнов сошёл с ума, а Нагульнов застрелился. Книгу Шолохова в журнале приняли с полной растерянностью. Он, конечно, Шолохов, но нельзя же! И вот судьбу романа решает высшая цензура страны — комиссия ЦК партии!

14 ноября. Пастернаковский кризис миновал. Два его письма (первое — на имя Хрущёва), в которых он, сохраняя величественную позу, отказался от Нобелевской премии, несколько разрядили грозовую атмосферу.

Праздник ноября я провёл сравнительно неплохо. Но вообще личной жизни у меня нет. Нет никакой женщины, нет любви. Работа начала поглощать целиком. Не о чем писать в дневник.

Нельзя же считать личной жизнью только прочитанные книги, изредка винные бутылки, игру в карты у Шурки Охотникова да ненапечатанные рассказы, которые занимают лучшие часы мои досуга?

Нет у меня молодости. Нет любви. А любить хотелось бы. Но ранняя развращённость воображения, снисходительное презрение к уму и способностям женщины, всепоглощающие литературные увлечения сделали меня неспособным влюбляться, ставить женщину выше себя.

Нравилась Галя Киселёва — но это быстро прошло. И сейчас нравится, хорошо бы наставить Юрке рога, но любовь? Нет, это что-то другое, как говорил Жак Тибо.

В 16 лет я влюбился в Эльвиру, но после этого начал писать — стихи, повести, рассказы... На этом с любовью было покончено. Сильная страсть, в полном соответствии с теориями Зигмунда Фрейда, вылилась в писательство: к этой болезни я был предрасположен с детских лет.

Сегодня мне кажется, что быть сочинителем и быть влюблённым — несовместимые состояния.

Мне бы только найти добрую бабу с хорошей грудью, чистоплотную, молчаливую, одинокую. И всё.

Хочется закрыть дневник и не открывать до нового года. Addio, mio caro! Addio! Настало время отвлечься от самого себя.

12 декабря. Пятница.

Работаю. Трудно. Редактор Рамиль Дашкин — грубый, некультурный человек, крикун, глупый хитрец. Рамиль Хакимов, благодаря которому я попал в «Ленинец», постепенно

подлеет. Много нервов уходит на редакторат. Несколько «горячих бань» подряд привели к тому, что, когда Дашкин стоит возле меня, я чувствую в себе пробуждение зверя.

В Москве идёт первый учредительный съезд писателей Российской Федерации. Председатель Оргкомитета Леонид Соболёв прочёл доклад «Литература и наша современность». Там у него встречается и кое-что дельное, когда он говорит о мастерстве.

1) Чрезмерное пристрастие наших писателей к диалогам. В книгах последних лет литературные персонажи слишком много говорят. Разговоры эти не двигают действия, не разъясняют характера, не раскрывают мыслей. Диалог сбивается на бытовой разговор или напыщенную декламацию, а иногда и на доклад. Горький советовал: «Нужно заставить героев как можно больше делать и меньше говорить».

2) «Этому общему нашему греху близок другой — неумение рассказывать лаконично». «Капитанская дочка» Пушкина — менее 5 авторских листов. «Медный всадник» уложился в 465 строк. Впрочем, лаконизм — не количественное, а качественное понятие. «Анна Каренина» — роман не краткий, но лаконичный. Лаконизм — дитя отбора. «Утомительный грех натурализма заключается именно во всеобщем описательстве». Многословие, описательство без выводов, наблюдение без итогового образа, эрудиция без отбора...

3) Наша проза плохо владеет искусством внутреннего монолога героя. Выгодная и ёмкая форма — авторские раздумия, авторские отступления. Злоупотреблять ими не следует, но прибегать к этой форме общения с читателем полезно.

4) Необходимо сохранять признаки места и времени.

5) Юмор — это нужно и для самой серьёзной книги.

6) Наша нынешняя форма романа устарела. Без любви в романе не обойтись, но нельзя ли поискать в ней какие-то новые черты? Нужно найти в любви драгоценные черты нового сознания. Тогда исчезнет парфюмерный запах будуара, который то и дело пробивается из прошлого в наши романы.

Выражение отношения к труду также требует новой формы романа.

13 декабря. Суббота.

Политические события последнего времени. Выборы во Франции, голлистское большинство в парламенте.

Выступление Советского Союза — берлинский вопрос. Kurfurstendamme — горящая неоновыми огнями главная улица Западного Берлина — усеяна центрами шпионской и подрывной деятельности. Хрущёв заявил от имени 200.000.000, что мы больше не можем этого терпеть. Вывести из Берлина все оккупационные войска и превратить его в вольный город. Даём шесть месяцев на размышление. Если наши партнёры не пойдут на соглашение, то мы примем меры.

Запад отказался наотрез. Заговорили о силе. У нас появились мнения, что через шесть месяцев будет война. По улицам Уфы потянулись нестройные колонны парней в сапогах и телогрейках. Новый набор в армию.

В Западном Берлине паника. На аэродроме Темпельхоф оживление. Билеты на самолёты, отлетающие в Западную Германию, распроданы на много дней вперёд. «Никаких причин для паники!» — заявляет бургомистр Западного Берлина Вилли Брандт. Но западноберлинские фирмы подготавливают перевод своего оборудования и машин в Западную Германию, аннулируют свои заказы. Чеки, выданные Западноберлинским банком, не погашаются. Огромные плакаты клевещут на Советский Союз и на Социалистическую единую партию Германии.

Немцы по всей Германии приветствуют готовность Советского правительства к переговорам.

Сильные снегопады. В районах Башкирии бездорожье. В одну из снежных дней 30 % ежедневной выпечки хлеба не дошли до магазинов: машины застревали в снегу. Ряд нефтепромыслов прекратил работу из-за заносов.

На Западе «анимплоймент», безработица. Рост товарных излишков. В орбиту рецессии втягивается Западная Европа.

У нас приближается XXI съезд партии. 1959 год будет первым годом семилетки. Появилось новое слово: «Бригады коммунистического труда». Положение Хрущёва совершенно стабильно. Бури 1956-го года совершенно утихли. Жизнь стала нормальной. Конечно, лучше, чем при Сталине, гораздо лучше, но не так уж замечательно, как мы ожидали в начале пятьдесят шестого года. Внутренние процессы развития общества протекают по тем же руслам. Ничто не изменилось. Идёт накопление количественных изменений.

Из дневника 1959 года

Р. Г. Назиров

1959 год

7 января. Среда.

Новостей полно. Шарль де Голль избран президентом Франции. Микоян в Нью-Йорке уже беседовал с Даллесом (неофициальный визит, гость посла Меньшикова), сейчас поехал гулять по штатам, потом встретится с Даллесом и Эйзенхауэром.

Но главное — 2 января наши выстрелили ракету к Луне. Ракета миновала Луну и стала десятой планетой солнечной системы. Это была мировая сенсация!

Витя Торопчин уехал в Красноярск, главным инженером Красноярского участка «Союзантисептик». Муся с новорожденной Леночкой осталась в Уфе. Вряд ли он перевезёт её туда, скорее сам сорвётся через год.

Я работаю, дело идёт не очень хорошо. Требуют проблемных статей, очерков, критических материалов, а я не люблю их писать. С коллективом у меня отношения хорошие, немного лучше отношения с редактором Дашкиным.

Новый год прошёл нормально. Красное вино, столичная водка, старка. (Новоселье в Черниковске у Д. С. Гальперина).

В декабре около десяти дней стояли сильнейшие морозы. По ночам доходило до 50° ниже нуля.

Я начал писать в ноябре — декабре «Записки пессимиста». Начинаются они фразой: «Был скверный майский день. . . »

10 января. Суббота.

Ожесточённые бои в Алжире. Кровавые столкновения в Бельгийском Конго. Девальвация франка и повышение цен во Франции.

Микоян в Чикаго. Его выступление на встрече с крупными буржуями. Он обедает в доме Эдлая Стивенсона, лидера демократов. Замечательно! Насколько я понимаю, Айк — человек больной, в 1960 году не будет выставляться. Тогда Стивенсон имеет большие шансы стать президентом.

Сейчас я открыл снова книгу Жеромского «Uroda zycia». Попробую перевести портрет Татьяны Ивановны. Он мне очень нравится. В нём проявляется романтичность, рыцарство Жеромского. Вообще в отношении к женщине проявляется мировоззрение писателя.

Едва она показалась в зале, Пётр Разлуцкий ощутил необыкновенное удушье в груди, как бы перерыв дыхания. Татьяна Ивановна была законченно прекрасна. От матери, грузинской дворянки, унаследовала черты слегка кавказские, форму лица и глаз, рисунок бровей и губ, волосы не только глянцево чёрного цвета, но глубокого цвета воронова крыла. Волосы эти были длинны, едва держались на голове рассыпающимся, волнистым снопом. Больше всего однако поражали в её лице — глаза. Эти глаза были бархатно чёрными, со светлой поволокой, которая иногда переходила даже в сапфировый блеск. Таинственные и невыразимые, как ноктюрн, они уклонялись от чужого взгляда, а сами в себе содержали мир красоты. Цвет нижней губы прелестно очерченного рта, один этот цвет, если исключить всю красоту лица, составлял единственное на земле явление, которое очаровывало с первого взгляда и с первого взгляда погружало в неопределённую печаль. Татьяна Ивановна была стройной и высокой, но из того типа красивых и здоровых девушек, которые со временем развиваются в рослых и сильных женщин.

Когда по представлении ей отцом незнакомых офицеров она уселась, не смутившаяся, но скорее сознательно их не видящая, Пётр Разлуцкий случайно, среди других впечатлений, заметил её руку на зелёном платье и вновь ощутил в себе сдавливающее грудь, сосущее сразу все внутренности чувство восхищения. Эта рука была прекрасна, как осуществлённый идеал, как первый прототип дланей тех статуй, которые века назад высекали из снежного мрамора греческие художники. Недавно в Петербурге по окончании своей школы Пётр один впервые посетил галереи Эрмитажа. Ему случилось тогда мечтать о счастье перед статуей греческой танцовщицы, совершенной копии славного произведения из Ватикана, из залы delle maschere. Вот теперь он увидел живую белую руку с пальцами алебастровой прозрачности, округлыми и сужающимися к розовым ногтям — и во второй раз ощутил это омрачающее удивление, мальчишеское неверие в возможность существования явлений такой красоты.

Татьяна Ивановна была одета скромно. Она была не то что несмелой, но какой-то сонной, мечтательно погружённой в себя. Внутренняя весёлость, надменная и снисходительная ирония, собственный мир, основанный на смехе — просвечивал сквозь эту внешнюю мглу как луч. Солнце, падая сквозь большие стеклянные двери, озолотило её щёки и пронизало сноп волос надо лбом чистейшей белизны. Пётр засмотрелся в этот блеск, забылся в созерцании. Глаза Татьяны, отысканные солнечным лучом, замерцали в эту минуту почти бриллиантовым блеском, залоснились этой своей бирюзовой переменчивостью. Через минуту это снова были глаза чёрные, непроницаемые, тёмные. Их глубокий цвет объединялся или контрастировал с белизной щёк, так же как волшебный музыкальный тон объединяется или контрастирует с тишиной, которая есть перед ним и после него. Цвет щёк походил на свеже выпавший снег. В ней были все тайны цветов, когда солнце проникает сквозь снег: — незапятнанная белизна, лазурь, едва начавшаяся из белизны, и восхитительная розовость отблеска вечерней зори. Около век блуждали лёгкие тени, падающие от длинных ресниц. Там-то, в этих тенях скрывалось пугли-

вое юношеское знание. Незаметно проявлялись сны души не ведающей, предчувствующей, жаждущей познания — и исчезали, испуганные, как небесные ангелы, внешней грубостью, жестокостью и земной низостью повседневности».

Вот это портрет женщины. Чувствуется немного, говоря языком Жеромского, wykwint i przepych, но всё же сильно, всё же нравится. Культ женщины — старомодный, но всё же находящий отзвук в огрубевших сердцах двадцатого века. Всё же это трогает — стремление поставить женщину выше элементарной физической связи.

15 января. Четверг.

Из «Юманите» узнал, что Микоян в Вашингтоне, в дипломатическом салоне ожидания, больше пяти минут позировал фоторепортёрам и кинооператорам, сидя на канапе рядом с Даллесом и Михаилом Меншиковым, которого американцы прозвали «смайлинг Майк» (улыбающийся Майк). Под огнём юпитеров (sunlights) первый вице-президент Совета СССР и шеф американской дипломатии обменялись несколькими замечаниями. Микоян говорил об активности, проявленной американской прессой, а Даллес о крайне холодной температуре, царившей в это время в Соединённых Штатах.

Затем из дипломатического салона Микоян и Даллес перешли в бюро государственного секретаря, где тотчас началась беседа. С Микояном были Меншиков и советский переводчик Трояновский, с Даллесом — четверо высших чиновников, считая американского посла в Москве. Беседа длилась 1 час 32 минуты.

«Это была полезная беседа», — сказал микоян журналистам. Обсуждались в общих чертах вопросы о Берлине, Германии, разоружении и торговле.

5-го янв. вечером Микоян обедал у Эрика Джонстона, президента киноассоциации Соединённых Штатов.

В воскресенье 4-го января, едва прошло несколько часов после приезда в Вашингтон, Микоян совершил прогулку по улицам столицы. «Это внезапное решение, казалось, застало совершенно врасплох советское посольство. Багричев силился объяснить одному журналисту, что вице-президент Совета намерен немного отдохнуть, как вдруг появился предмет разговора, тепло укутанный, и направился к выходу.

Его сопровождали мадам Тамара Мамедова, атташе по культуре, известная своей красотой и элегантностью, и её переводчик Владимир Бурдин. Все трое прошли уже несколько сот метров, когда посол Михаил Меншиков и Сергей, сын Микояна, наконец догнали их.

Добрых полдюжины агентов безопасности Государственного департамента чуть не упали в обморок, когда увидели Микояна, спокойно идущего по улице. Он первый пересёк черту при встретившемся красном свете, и телохранители, едва оправившиеся от удивления, поспешили занять места впереди и позади него».

«Американские репортёры утверждают, что Микоян, пренебрегая наблюдением за сигналами, несколько раз чуть не был раздавлен и что автомобили останавливались со страшным шумом тормозов, чтобы пропустить его.

Сильный порыв ветра на углу 15 улицы и Нью-Йорк-авеню сорвал фонарь, разбившийся о тротуар в нескольких метрах от вице-президента Советского Союза. Микоян вздрогнул и повернулся спиной к ветру, чтобы избегнуть осколков стекла, летевших вокруг него.

Живой походкой, не обращая внимания на буревой ветер, Микоян подошёл взглянуть на статую польского героя американской независимости — генерала Костюшко, затем направился к памятнику Вашингтону, где выразил сильное сожаление, что не может подняться (лифт был в ремонте). Он отправился в художественный музей «Corcoran», хохотал перед некоторыми современными произведениями, но зато чрезвычайно восхищался полотнами Коро.»

6 января в Капитолии по просьбе Микояна состоялась его встреча с вице-президентом Никсоном. В свете юпитеров и в треске камер Никсон несколько раз сжал руку Микояна. Он усадил гостя и посла Меншикова за большой стол из тёмного дерева, которым некогда пользовался в Белом Доме президент Вильсон. Завязалась непринуждённая и шутливая беседа через переводчика, тогда как прессу скромно пригласили покинуть салон.

[В тетрадь вклеена статья на польском: Plotki — nie plotki и фотография Анастаса Микояна и Джона Фостера Даллеса из газеты. — Прожито.]

Затем Микоян выехал в Кливленд, миллионный город на берегу озера Эри, где побывал у Сайруса Итона и передал ему подарок Хрущёва: тройку белых чистокровных орловских рысаков с упряжкой.

Посетил он заводы Форда в Детройте, произнёс спич на завтраке у Генри Форда II, напомнил, как сотрудничал с нами его дедушка, старый Форд.

Чикаго. Обеды в деловом клубе, у ветерана встречи на Эльбе Джозефа Половского и у Эдлая Стивенсона.

Микоян приехал в Сан-Франциско. Он посетил Калифорнийский университет, а затем поехал в Голливуд на студию «Парамоунт», побывал в двух съёмочных павильонах, где шла киносъёмка, и беседовал с участвовавшими в них актёрами, в том числе с Марлоном Брандо и Джерри Льюисом. На приёме он встретился и беседовал с режиссёрами, сценаристами и артистами Голливуда.

27 января. На обратном пути Микоян чуть не погиб. Четырёхмоторный «Дуглас» летел над океаном, когда отказал один мотор, потом загорелся второй. Вынужденная посадка на американскую военную базу. Лёгкая паника в Союзе: «Вы не слышали по радио, как он там летит?» — «Он уже в Копенгагене.» — «Скорей бы возвращался.» Одна американская газета сказала, что это был самый важный политич[еский] визит после войны.

Умер писатель Виссарион Саянов.

Сегодня открылся XXI съезд КПСС.

Франко-шведский фильм «Колдунья» (1955), с Мариной Влади.

Общие впечатления.

Необычный съезд. Дружественная солидарность. Доброжелательная критика. Не было разносной критики в адрес многих членов Московской организации, которые ожидали избиения за своё участие в прегрешениях 1956-го года.

Делегаты в гостинице «Москва». Гости — в отеле «Бухарест». Оргкомитет и правление СП РСФСР на Софийской набережной. Там регистрировались.

Съезд открылся 7-го декабря. В 12 ч. в Кремле собралась многочисленная партийная группа съезда. Вёл заседание Козьмин, заведующий отделом лит-ры и искусства ЦК КПСС. Решены были венки к мавзолею, к памятникам Горького и Пушкина. Кто-то из Москвы заикнулся: венок на могилу Фадеева. В президиуме произошла маленькая заминка, решили, что не стоит: только что умер Сергеев-Ценский, почтили их двоих вставанием...

В 3 часа дня в Большом зале Кремлёвского дворца начался Учредительный съезд писателей РСФСР. Президиум ЦК.

Доклад Соболева, логичный, интересный, яркий, доказательный. Организованный ныне Союз — корабль, отправляющийся в плаванье.

Тема современности пронизывала весь съезд. Очень большое внимание съезд уделил вопросам мастерства: Конст.Федин, Е. Книпович, глава Ленинградской делегации А. Прокофьев. Язык, изобразительные средства. Книпович ставила в пример и даже цитировала «Владимирские просёлки» Солоухина.

Моральный облик советского человека: преданность партии, вдохновенный труд.

Сергей Михалков и Александр Штейн вернулись из Америки. Михалков выступал на съезде. Антикоммунистической кампании международной реакции нужно представить противопоставить наше художественное наступление: авторская позиция, авторская интонация, своё личное отношение, авторские отступления. Политический памфлет.

Приветственные телеграммы. Из Калмыцкой республики из колхоза Ленина пришла телеграмма от общего собрания: пригласить писателя в свою деревню, писать о современной колхозной жизни. Для писателя готов дом, полное хозяйство. В месяц писателю будут начислять 100 трудодней (а по райкомовской справке в колхозе «Победа» трудодень стоит 30 рублей). Съезд был растроган.

С «Красного пролетария» пришла бригада коммунистического труда. Её встретили и проводили стоя. Бригадир, выступая с трибуны, передал их пожелания писателям. Коммунистич[еский] труд становится одной из «генеральных Линий» нашей литературы.

Автобиография

Родился 4 февраля 1934 года в семье партийного работника. С полуторалетнего возраста живу в городе Уфе. С шести лет начал увлекаться чтением, позже стал сочинять. В школе учился неровно. 28 февраля 1949 г. был принят в ВЛКСМ. В аттестате зрелости у меня

восемь пятёрок — по гуманитарным предметам, остальные четвёрки и две тройки — физика и химия.

По окончании школы поступил в Башкирский госпединститут, позже преобразованный в университет. Будучи студентом, начал публиковать в республиканских газетах «Советская Башкирия» и «Ленинец» рецензии и статьи, посвящённые театру, кино, литературе и живописи. Окончил пединститут в 1957 году. Работал учителем русского языка и литературы в Бишкаинской средней школе Аургазинского района БАССР. В деревне продолжал писать, и в декабре 1957 г. «Советская Башкирия» впервые опубликовала мой рассказ из жизни сельского учителя под названием «Грубая ошибка».

В феврале 1958 года, после десятилетнего пребывания в комсомоле, я был принят кандидатом в члены КПСС.

Летом 1958 г. я был уволен по собственному желанию и поступил на работу в республиканскую молодёжную газету «Ленинец», где работаю и в настоящее время — исполняю обязанности заведующего отделом литературы и искусства.

Пишу на русском языке. Киноискусством серьёзно заинтересовался три года назад. Пишу по преимуществу рассказы — в среднем один в два месяца. Так как все мои рассказы невелики по объёму, для конкурса мной написан специальный рассказ.

В области кино мои вкусы и наклонности не определились. Три фильма в этом году привели меня в восхищение: «Летят журавли» Калатозова, «Идиот» Пырьева и «Смерть велосипедиста» Бардема. Очень люблю «Два гроша надежды» и «Неаполь, город миллионеров».

Жду Вашего ответа.

Р. Г. Назиров.

Г. Уфа, ул. Зенцова, 14, корпус 2, кв. 3.

Знаешь, Ромка, ехали мы на «целину», где «дозарезу нужны люди», а попали в шарашку, где делать нечего. Ставят на силос по 6 человек на машину и — валяем дурака. В деревне сплошная круговая порука среди начальства, не прошибёшь: родня! Кормят жутко. Вообще, странно смотреть на такие порядки...

(Из письма Р. Паля от 15 авг. 1958 г. из Калининского отделения Сибайского зерносовхоза, Баймакский район, Башкирия).

Квадратно-гнезд[овым] способом (les dents).

Дома меня ожидает...

[В тетрадь вложено сочинение, по-видимому, ученицы автора. — Прожито.]

«Потерянное счастье» Елена Лукьяновна Заслонова. Зилаирский совхоз. Средняя школа.

Может, это была и любовь. Он её уверял в час свиданий, что нет лучше, прекрасней её, справедливей и принципиальней. — Если будешь такой, я вернусь. Не меняйся, оставайся такая, как есть.

Ушёл в армию. Трудно было порою и горько, но получит письмо — и на душе спокойнее. Пишет девушка: верит ему, ждёт, мечтает, надеется, любит. Что бы с ним не случилось, она будет его ждать.

Прошли годы разлуки, влюблённые снова встретились. Она отдала ему свою руку не задумываясь. Но прошла свадьба, прошла и любовь. Что-то отравило радость. Он ввёл девушку в свой дом, мать любезно повстречала сноху, но прошёл месяц, другой... Как-то утром нахмуренный муж молча ушёл на работу, а свекровь, поглядев на неё, начинает учить понемногу: — Ты к родителям в дом не ходи. Муж есть муж, он хозяин до гроба. —

Вечерком говорит сыну: — Ни пошить, ни помыть не умеет. Выбрал жёнушку! Всё бы ей только в нарядах ходить. Смотри, сядет на шею. — Вечерами гулять бы молодым, но старуха диву даётся, всплёскивает руками: муж-то волен, он может ходить, но жена пусть в дому остаётся.

Прошёл год, другой. Теперь он один уходит выпить 100 грамм. Жена постирает, погладит, приготовит и мужа проводит. Но тайком шепчет ему: — Для того ли ты женился, Ванюша, чтобы сделать из меня прислугу? Смеёшься ты, что ли надо мной?

— Уходи, ежели не нравится! На тебе свет клином не сошёлся! — повернулся и вышел.

Прижимает к груди ребёнка, рубашонку мочит слезами. Что делать? Мальчонка растёт! Кто отцом вместо этого будет?

Другой вечер: «Нужна мне жена, если брюки погладить не может!» — надевает приготовленный ею костюм и пошёл.

Однажды сказала ему, что терпеть больше не может. Она тоже человек, она молодая, ей жить хочется. — Со стоном зарыдала над ребёнком. — Ну, и кто ж тебя держит? Иди! — Хлопнул дверью. Потом приоткрыл: — Всё равно, жить с тобой, жалеть тебя не буду. Стоит тебе уйти, завтра же другую возьму.

И ушёл. Вдруг она замолкла, побледнела, платочек свалился. Опустилась на стул и замерла: под сердцем шевельнулся второй.

Как же быть? Уйти? Но кто будет отцом её малышам? Счастье уже потеряно. Но ребёнка он как будто любит (сын похож на него). Постелила постель, прилегла, размышляя: может быть, Ваня к ней изменится? Ведь он её любил!

И опять жизнь идёт по-прежнему. День за днём глотает она слёзы, ждёт перемены в муже, вздыхает о счастье, терпеливо поднимает детей.

— Ну, а он? — Он имеет семью, дома играет только с детьми, всё готово к его услугам, и он спокойно проживает свой век.

Первенец подрастает, для него лучше папы и нет. Он ничего не понимает в трагедии матери.

[В тетрадь подшит рассказ, написанный не почерком автора дневника. — Прожито.]

— Живете на квартире или у вас свой дом?

— Нет. У нас свой дом. Сами построили. Может быть, слыхали о инициативном строительстве жилых домов по методу горьковчан? Вот так и мы строились. Трудно было.

Строили после работы, по выходным и праздничным дням. Но зато сейчас живем в своем доме, — гордо и весело сказала она.

Потом она рассказала, как она отдыхает после работы на Волге, как хорошо кататься на лодке по Волге, как поднимается и опускается вода при помощи шлюз и т.д.

Разговор наш длился бы долго, если бы не помешал нам храп рядом лежащей девочки, которая, по- видимому, сладко спала на нижней полке вверх животом. Вдруг её круглые мускулистые руки раздвинулись в обе стороны, туловище выпрямилось и громко зазевала она.

Она была в полосатой рабочей курточке, чуть закапанной пятнами известкового раствора. Платье на ней было синее с белыми горошечками. Короткие нерасчесанные волосы лежали сосульками. На ногах — капроновые чулки, цвет которых совпадал с цветом её кожи ног. Так что, если посмотреть со стороны, то можно сказать, что она была босая. Синие танкетки лежали под полкой.

— Девочка.ю почему едете босые? — шутя спросил я.

— Устали ноги. Шестые сутки в пути. Не знаю, когда доберусь до дома.

Что она давно находится в пути — это сразу было видно по её внешнему виду. Её жирное усталое лицо было не совсем чистое. Поперек шеи тянулись серые полосы высохшего пота. Она дышала тяжело, так как ноздри были забиты вагонной пылью.

— Далеко вы едете? — спросил я её.

— Домой.

— А где дом?

— В Стерлитамаке.

— Откуда едете?

— Из Карелии.

— Из Карелии?

— Да.

— Дома кто есть?

— Мать.

— А отца нет?

— Отца нету.

— В Карелию как попали? Наверное по комсомольской путевке или после окончания десятилетки.

— Нет. Я — не комсомолка. Образование у меня семь классов.

— Ну, а как попали?

— А зачем вам?

— Просто интересуюсь.

— По вербовке.

— Одни были?

— С подругой из Стерлитамака.

— Вербовались в Стерлитамаке?

— Нет, в Куйбышеве.

— В Куйбышеве работали?

— Не работала. Работала я в Стерлитамаке на швейной фабрике. Летом прошлого года я со своими подружками попала под сокращение. Работы в городе не нашла. Тогда вместе со своей подругой уехала в Куйбышев к её знакомым. Там нас не прописали. Дни летели быстро. Денег у нас оставалось мало. Вернуться домой — неудобно. Матери скажут: «Вот, деньги прокатали, а на работу не устроились». Тогда мы решили завербоваться на два года в Карелию.

В конце февраля мы приехали в молодой городок Кондапогау или по-другому называют Кивач. Городок только-что строился. Строители все молодые...

Сначала работали на разных работах. Зарабатывали мало — не более 300 рублей. Потом я перешла на железобетонный завод. Там я зарабатывала не менее 700 рублей.

— В вечерней школе учились? — спросил я её, — или, может быть, какие курсы окончили?

— Какое там учение? Э-эх, только! Ведь придешь домой, еле ног таскаешь. Устаёшь на работе, как волк. Но все же подруги говорят, что там я понравилась. А насчёт учебы — и нечего говорить. Курсов и школ никаких нет. Ведь эти вербовщики только обманывают, говорят, что можно приобрести специальность на производстве. Люди по своей специальности не могут попасть на работу.

Эх! Когда я доеду до дома?! Маменька! А мамка, наверное, и не ждёт меня. Она не знает, что я еду домой. Об этом я не писала.

— Ведь заработок-то хватал вам, — сказал я.

— Как так хватал! — сердито сказала она. — Вот поезжайте-ка сами туда, тогда узнаете, как там, хватает или нет. Там же ничего нет. Картошки, например, почти не бывает. А если привезут, то ведро стоит 30 рублей. Правда, рыбы много. Какую хочешь, такую ешь.

— Но, а насчёт остальных продуктов, как?

— Насчет продуктом там нормально. Жиры, макароны, крупы, капуста — это все есть...

Но чего же не хватало нашей Рите? Об этом я не буду говорить. Пусть каждый читатель подумает, именно, чего не хватало Рите, чтобы честно трудиться на стройке молодого города Карелии?

— Говорят, что там зима теплая? — спросил я её.

— Эх! Какой вы глупый человек! Еще раз говорю: съездий-ка сам туда, посмотри-ка, чем задавать такие глупые вопросы. Там не зима — ужас! Такие холода, что в туфлях никуда не выйдешь. А ты говоришь: зима теплая.

— А лето хорошее?

— Лето замечательное, особенно сейчас. Вокруг города растет красивый лес, а возле города расположено озеро. Вода в нем чистая, теплая. Сейчас там вся молодёжь купается.

— Клуб есть, да?

— И клуб есть, и красный уголок есть. Вообще, насчёт веселья там неплохо. Танцы бывают каждый вечер.

— Как вас зовут? — спросил я.

— А зачем вам?

— Так, просто, интересуюсь.

— Необязательно.

— Что, боитесь?

— Нет.

— А почему не говорите?

— Ну, Рита! Дальше чего ?!

— А фамилия?

— Не скажу!

— Тогда, скажите: как зовут вашу подругу?

— Ах! Какой вы любопытный человек! Еще раз говорю: вы глупы или что-то другое с вами.

— Ну, скажите, — просил я её тихо.

— Ай-яй! Какой вы человек! Ничего не выйдет. Даже и не думайте. Не скажу. И зачем же всё это вам надобно?

— Хочу познакомиться с вашей подругой, — ответил я.

— Да разве она с вами будет дружить? Не думайте и не тратьте свои нервы. Всё это напрасно...

— Почему не будет?

— Да потому, что она ждёт своего ухажора из армии. Вот почему! Ясно?! Да, притом, вы не очень... на лицо.

— А когда она приедет?

— Мы с ней договорились так: сначала я приеду, а в конце лета — она...

На этом разговор наш был прерван. Через несколько минут мы приехали в Стерлитамак. (Я был доволен) Обе мои спутницы покинули меня в Стерлитамаке. Я был доволен ими. Первой был доволен тем, что она была настоящая трудолюбивая женщина. Второй доволен тем, что с помощью её я получил неплохой материал, хотя основной герой воплощен мною не в положительную сторону. Предполагаю, что данный материал может послужить поучительным [...]

24 февраля. Вторник. В начале февраля я был послан в командировку в г. Белорецк, металлургический центр на границе Башкирии с Челябинской областью. Командировка прошла более или менее нормально. В редакции «Белорецкий рабочий» я увидел девушку моих лет, весёлую, румяную, довольно изящную. Кудри спадают ей на блестящие глаза, на щеках непрерывно две ямочки, губы свежие и красные, а нижняя — толще и ярче, как у Грушеньки Достоевского. Зовут её Тамара Васильевна Петелина. Она родилась в Якутии, выросла в Тюмени, окончила университет в Свердловске вместе с нашей Лилей Нечаевой

из «Ленинца» Тамара работает ответсекретарём у того самого Александра Ивановича Козьмина, который в 1957 г. пытался заполучить меня к себе.

Знакомство с Тамарой было для меня радостно. Но настоящего волнения я уже не испытал. Последний раз это волнение было у меня 1 мая 1958 года, ночью, когда я потерял голову от вина и в коридоре схватил за руки гальку Киселёву... Кстати, сейчас она донашивает, в начале апреля должна родить. Юрка будет отцом. Уже неинтересно.

Ну, ладно. В Белорецк я летел на «АН-2», очень красиво: сквозь облака просвечивали сосновые леса на засыпанном снегом Урале. Обратно пришлось ехать поездом. Восемь часов пришлось трястись в «собачьем ящике» Белорецкой узкоколейной дороги: настоящий Урал, красота, леса с козами, лосями, медведями и т.д. Узкоколейка доходит до станции Запрудовка. Отсюда берётся билет до Уфы с пересадкой на станции Вязовая ...

На другой день после моего возвращения редактор вызвал меня. Привычным жестом я одёрнул пиджак, приводя себя в готовность номер один. Однако канонады не последовало. Меня... назначили ответственным секретарём редакции «Ленинец».

Это был гром среди ясного неба! Я — секретарь?

Долго я не мог очухаться (и сейчас не очухался). Меня тотчас начали натаскивать на новую работу. Внезапно в воскресенье я заболел (отдал дань моде: грипп правит миром). Сейчас мне стало лучше, и я смог сделать эти записи.

Вообще это повышение. Вместо 930 руб. Оклад 1100 руб. Секретарь — третий человек в редакции. Как я справляюсь с этой работой? И смогу ли вообще писать?

Меня пугает, как много в моей жизни происходит помимо моей воли. Кажутся случайными и «Ленинец», и секретарство. Но, может быть, только мои занятия, книги и писания подготовили возможность для этих случайностей.

Однако писательство моё отдаляется за недостатком времени. Я мог писать, будучи учителем, но как писать на посту ответсекретаря (по идее самый занятой человек в газете)?

«Dookola swiata», nr 264, от 18 янв. 1959 г., под рубрикой «Перспективы 59» («Выдаём тайны будущего») опубликовал фото молодого человека артистической внешности.

«Илья Глазунов является без сомнения самым интересным и одарённым советским живописцем молодого поколения. О его поразительно смелом, экспансивном искусстве пишут в газетах и периодических изданиях многих стран, даже в Чили. Глазунова посещают художники такого масштаба, как мексиканский писатель Амаду. Даже известная звезда Элизабет Тэйлор позировала ему для портрета. Илья, впрочем, портретирует многих послов, аккредитованных в Москве.

Пан Илья Глазунов. — Это, может, будет неубедительно, но прошу мне верить, это правда. Важнейшим событием для меня в 1958 г. была находка иконы XVI века. Я считаю икону матерью современного искусства. Матисс, например, взял от иконы вот столько (Илья показывает ноготь) и уже стал гигантом. Не выношу натурализма — «цветной фотографии» — но не переношу также чистой абстракции. Живописцы не должны за-

ниматься абстрагированием предмета, только абстракцией духа. Для меня в живописи существуют 4 великих этапа — египетское искусство, икона, Эль Греко и Ван Гог.

В будущем году буду и дальше много писать. Хочу создать три больших цикла — «Сны современных людей», «Иконы» и «Библейских пророков».

Всё интервью. О Глазунове будет отдельный репортаж».

Глазунов — ленинградец, переселившийся в Москву. В 1957 году, если не ошибаюсь, его выставка в Москве имела шумный успех. Журнал воспроизводит его рисунок — «Александр Блок». За его спиной — жирные и нежное девичье лицо с огромными тревожными глазами. Мне нравится.

Михаил Калатозов, создатель фильма «Летят журавли», ставит сейчас «Неотправленное письмо». Диалоги в сценарии написаны Розовым. Оператор, конечно, Урусевский. Героиня — Таня Самойлова. Её партнёр — Смоктуновский, молодой ленинградкий актёр, блеснувший в роли князя Мышкина в инсценировке «Идиота». Калатозов прямо называет его гениальным..

Кстати, об «Идиоте». Пырьев всё-таки сделал вторую часть (нет, ошибка — *приписка автора*). Теперь он замышляет «Войну и мир». А Калатозов — «Анну Каренину».

Огромный успех имел в США Микоян. Все газеты подчёркивали «goodwill», т.е. добрую волю мистера Микояна. Ему аплодировали газетчики, а это бывает не часто. Теперь у нас гостит английский премьер Макмиллан в большой белой папахе.

В США готовится поход безработных на Вашингтон. Но вообще рецессия там несколько уменьшилась.

Цифры, принятые XXI-ым съездом, действительно грандиозны. Запланирован огромный скачок. Но пока занятость не полная: работу в Уфе или Белорецке найти нелегко. Зато, как всегда, нужны рабочие руки на восток от Урала.

16 мая. Суббота. Да, как ни смешно, я работаю секретарём редакции уже четвертый месяц и, говорят, справляюсь. Мне это дело понравилось. Газета выходит пока не особенно блестящая (Гальперин отдыхает в Кисловодске), но по временам всё же интересная. Бывают хорошие номера.

В «Комсомольской правде» ирландский драматург старый Шон О'Кейси опубликовал статью «В чистом небе поёт жаворонок». Он уничижительно говорит о современной пессимистической литературе Запада.

«Мелки и мёртвы человеческие души, жизнь не стоит того, чтобы о ней заботиться, земля — это сумасшедший дом, темница, морг — вот их напевы. В каждой фразе они отказывают живому в праве на существование, но сами прилипли к жизни, как плющ к стене. Они калечат жизнь жизнь, как только могут, но вызывают доктора, почувствовав лёгкий приступ насморка. Они служат не тем, кто видит великие перемены и светлое будущее, кто мечтает о весне человечества, как, например, я, хотя я уже стар и сед.»

Далее он пишет о наших книгах, особенно выделяя «Тихий Дон» и «Хождение по мукам», а также произведения Горького и «Повесть о настоящем человеке».

«Меня увлекает советская литература светлыми надеждами, непоколебимой верой, решительностью, храбростью...»

«Но мне кажется, что, рисуя реалистические картины, советские писатели недостаточно полно пользуются красками лирики и юмора. Некоторые подчас пугаются здорового смеха. Они будто скованы — в их описаниях не чувствуется лёгкости в хорошем смысле этого слова. Возможно, им следует позаимствовать лёгкость и юмор у Олега Попова, взять у него то, что он видит и слышит. В советских романах хочется чувствовать стремительность, которую мы видели здесь в плясках ансамбля Советской Армии, и вашу тонкую восхитительную сатиру, которой мы наслаждались, когда у нас выступал Театр кукол Сергея Образцова. Слова могут петь и танцевать, создавая такую же прекрасную картину, какую мы видели здесь по телевидению: девушки из украинского ансамбля танца грациозно и легко кружились по сцене, словно вышивая чудесный ковёр.»

Сравнения несколько наивны, но правильны по сути: наши писатели боятся здорового смеха, боятся лиризма, светлой слезы и взволнованной улыбки. Множатся произведения сырые, тяжёлые, топорные. Их деревянная напряжённость выдаёт насилие, производимое авторами над собой и свидетельствующее о равнодушии к теме.

1 июня. Понедельник. Даллес умер от рака. Состоялся третий съезд советских писателей, где с речью выступил Хрущёв. — Умер Лион Фейхтвангер.

Ничего не пишу. Надо будет через годик уйти из газеты.

Ну, разом, серия любопытных штучек из польских журналов.

«Przekroj» от 1 мая 59 г. В Гаванне устроен кинофестиваль из всех старых фильмов, в которых выступал Эррол Флинн. Дело в том, что этот актёр принимал участие в кубинской революции на стороне повстанцев.

В начале этого года в Испании начались съёмки фильма «Соломон и царица Савская» (американцы экранизируют библию). Царицу играла Джина, Соломона — Тайрон Пауэр, знаменитый голливудский любовник 30-х годов. Я видел его в «Знаке Зорро» 12 лет назад, если не больше. Во время одной из съёмок его хватил удар, и его едва успели отвезти в больницу, где он и умер. Доканчивали фильм с известным лысым любовником — Юлом Бриннером. Недавно фильм закончили. Джина Лоллобриджида пожертвовала одному обществу благотворительности кусочки пробки, которыми её забрасывали в сцене побивания камнями. Эти кусочки продаются по тысяче песо. Доход предназначен дому для престарелых.

Sonny clown, наш знаменитый Олег Попов, будет играть Кандида в советско-французском фильме по Вольтеру.

«Иностранная литература» № 4 за 1959 г.

Обозрение зарубежной прессы, стр. 233. «Дискуссия о социалистическом реализме». Чешский журнал «Нова мысль» (теоретический орган КП Чехословакии) открыл эту дис-

куссию статьёй «Заметки о художественной характеристике социалистического реализма в литературе». Автор — Радегаст Паролек. Его тезисы:

Обычно основной чертой реализма считают правдивость художественного образа. Бесспорно. «Но критерий правдивости не является специфическим для искусства. Это основной критерий любого вида познания и деятельности, а следовательно, и искусства». Кроме того, о своей эпохе и человеке правдиво рассказывали произведения прогрессивных романтиков в образах аллегорических, фантастических, экзотических и прочих символических (Байрон, Шелли, Лермонтов, Гюго, молодой Горький). «Правдивость — понятие более широкое, чем реализм».

Что ещё кроме правдивости, характеризует реализм как художественный метод?

1) Историческая конкретность. Точная мотивировка — историческая, национальная, классовая и психологическая (Бальзак, Толстой, Ирасек, Шолохов). Место и время действия.

2) Особый способ типизации в пределах исторически конкретного изображения («некрые критики... думают, что всякий исторически конкретный образ является натуралистическим».)

3) Классический, или по определению Паролека, «программный» реализм XIX века отличается от своего «стихийного предшественника» иным идейно-художественным подходом к характеру человека — человек как существо общественное. Показ его мотивирован общественными условиями, эпохой, национальностью, психологией и физиологией класса. При решении этой задачи реализм использовал достижения классицизма (отношение человека к государству) и романтизма (внутренний мир человека).

4) Ещё одна особенность реализма — его синекдохический способ отражения действительности, анализу которого Паролек в своих «Заметках» отводит специальную главу. Синекдоха — употребление меньшего вместо большего, детали вместо целого; распространённый стилистический приём.

Отталкиваясь от наблюдения Д. Д. Благого, который в книге «Мастерство Пушкина» заметил, что каждое художественное произведение есть распространённа синекдоха, чешский критик проводит стилистическое разграничение произведений объективных, реалистических и субъективных, условных.

«Оно (реалистическое произведение) показывает только часть жизни, в которой отражается сущность целого — эпохи, общества, то есть pars pro toto — часть вместо целого. Я полагаю, что это относится к первому из двух художественных методов, к практике реалистического романа, драмы или рассказа. О втором методе можно скорее сказать, что его основой является распространённая метафора, переносный смысл, что в нём фантастический, вымышленный мир заменяет мир действительный. Таким образом, эти два метода можно назвать синекдохическим и метафорическим.»

Вот очень важное замечание Паролека:

«Часто то, что считают антиреалистическим искусством, является нереалистическим искусством высокой ценности, обладающим положительными идейными качества-

ми. Поэтому не имеет смысла противопоставлять реализм и романтизм, как враждебные друг другу явления».

Реализм, даже после победы, существенно обогащался ценными накоплениями «метафорического метода».

«Без романтической школы вообще нельзя себе представить исключительное мастерство психологической мотивировки в произведениях русских реалистов от Тургенева до Чехова».

«Пути, намеченные Пушкиным в «Пиковой даме» и «Медном всаднике» и Гоголем в рассказе «Нос», не были оставлены при дальнейшем развитии русской литературы... Короче говоря, старый романтизм как направление был преодолен реалистическим творчеством, но постоянно живым наследием остался опыт этого творческого метода в изображении внутреннего мира человека, его мечтаний и любви, а также некоторые приёмы изображения, которые применяются реалистами в новой функции... »

Радегаст Паролек считает ошибкой периода культа личности стремление «втиснуть в социалистический реализм всё социалистическое искусство». Это не одно и то же. Нельзя ставить знак равенства, хотя соц.реализм — «главная, важнейшая часть социалистического искусства»

«В социалистическую эпоху, так же как на протяжении всей истории искусства, будут существовать лишь два метода изображения: синекдохический и метафориеский. И при социализме эти два метода будут иметь свой положительный и отрицательный варианты и будут различнейшим образом обогащать друг друга».

Чем же отличается соц.реализм от реализма вообще?

«Основное различие между старым реализмом и реализмом социалистическим — критерий художника, которым является социалистический и моральный идеал, то есть то, что мы называем принципом коммунистической партийности и что впервые так ясно выразил по отношению к литературе В. И. Ленин».

Но разница не только в этом (иначе не было бы повода для дискуссий). Разница есть и специфическая.

Некоторые критики считают, что романы Горького и Шолохова ничем не отличаются от традиционной формы реалистического романа.

«В действительности же дело гораздо сложнее. Следствием возникновения нового социалистического морального и эстетического идеала является и новое решение самых разных специфических художественных проблем. В первую очередь, это важнейшая из всех проблем — изображение человека».

Реалисты и раньше показывали человека как существо общественное, но почти всегда он оставался для них лишь «продуктом развития» общества. «У некоторых писателей и теоретиков, например, у Тэна, Золя, это приводило к некоему детерминистическому фатализму». Философия позитивизма.

Но ведь человек — не только продукт общественных отношений, он и активный участник в изменении этих общественных отношений. Таков человек в произведениях социалистического реализма. Искусство соц. реализма «стремится не только художественно отобразить и увековечить мир, но и перестроить его... Неотъемлемая часть его метода — поиски в современности этих романтических, героических элементов, являющихся уже сейчас предвестником будущей жизни. Изображение этих ростков коммунизма придаёт произведениям социалистического реализма ясность и притягательность революционной перспективы».

В основе художественного метода социалистического реализма остаются главн. обр. синекдохические черты, но в творчестве соцреалистов больше используются метафорические, фантастические приёмы, как дополнительные элементы, «а также самые различные комбинации обоих видов реализации отношения писателя к действительности». Одни, как Шолохов и Фадеев, чрезвычайно последовательно придерживаются синекдохического метода построения образа и произведения. «Но есть и такие, которые шире пользуются метафорическим методом (Леонов, Паустовский)». «Бывают и такие случаи, когда социалистический писатель пользуется только метафорическим методом. И на это он имеет право, если его произведение служит делу трудящихся».

«...К метафорическому принципу тяготеют такие выдающиеся поэты мирового значения, как Пабло Неруда, Назым Хикмет, Поль Элюар, то есть писатели, являющиеся сторонниками социализма. Для беспристрастного учёного ясно, что речь идёт о большой международной школе в социалистическом искусстве». У этой школы нет своего наименования. «Критики, принадлежащие к школе социалистического реализма, стыдливо и с оговорками отводят им место где-то на окраине социалистического реализма. Но именно за этими оговорками и кроется большая проблема».

Мысли интересные. Кое-что «соудруг» Паролек не договаривает, но в главном я с ним согласен.

5 июля. Воскресенье. Интересная, забавная деталька из жизни.

После дождливого июня — палящий июль. Жарко. Высунутые языки собак. Очереди за газированной водой. Томные женщины едут в трамваях купаться. Их платья надеты прямо на купальники, без сорочек, и сквозь лёгкие платья просвечивают ноги.

Жаркий перекрёсток в раскалённом городе. Мягкий асфальт под ногами. Свидание. Трамвай. Лес. Комары. Разбросанная одежда. После первой схватки полежали. Курю. Комары не унимаются.

Вышли на опушку. Здесь нет комаров. Лежим прилично, одетые: здесь недалёко жильё. Женщина лежит на спине, а я на животе (причём частично на её животе). Она заложила руки за голову, и я целую. Кто-то идёт по дороге.

Притворяемся спящими. Она лежит неподвижно, а я засунул нос куда-то в сгиб её руки. Краем глаза я успел заметить: идёт высокий мужчина, на плечах его едет маленькая дочка. Детский голосок что-то спрашивает, а мужчина отвечает: «Тётя умерла, а дядя плачет».

Отец и дочь прошли. Мы двое хохотали в траву. Очень остроумно было объяснение отца, очень правдоподобно объясняло нашу позу. Вот и всё.

Женевское совещание министров иностранных дел (сейчас перерыв).

Советская выставка в Нью-Йорке, в зале «Колизей». Открыл её Фрол Романович Козлов. Он прилетел из Москвы в Нью-Йорк на «ТУ-114» за 11 часов без посадки. Академик Туполев тоже открывал выставку. Её посетили Эйзенхауэр и Никсон.

Небольшое понижение цен (на ряд дорогих вещей). Снижены цены, между прочим, на красное вино и фотоаппараты. Уже неплохо.

Витя Гефтер, мой двоюродный брат, харьковчанин, этой осенью устраивает свадьбу.

6 июля. Понед. В «Юманите» от 8 июня 1959 г. на последней странице фото очень милой голой девушки (прикрывает руками грудь, — снимок поясной). Это «самая красивая натурщица».

[В тетради вырезка из французской газеты с фотографией. Подпись под фотографией: Au cours de la Grande Nuit de Montparnasse a eu lieu l'election traditionnelle, par un jury de peintres et sculpteurs, du plus joli modele. Cette annee, c'est une jeune Vendeenne, Mlle Elyane Tobler, 23 ans, qui a triomphe. Modele professionnel, Mlle Tobler commence egalement une carriere theatrale. — Прожито].

«Le plus joli modele. Во время великой ночи Монпарнаса (au cours de la Grande Nuit de Montparnasse) имело место традиционное избрание судом художников и скульпторов (par un jury de peintres et sculpteurs) самой красивой натурщицы. На этот год победила юная вандейка мадмуазель Элиан Тобле, 23 лет. Профессиональная натурщица, м-ль тобле начинает также театральную карьеру.»

Не могу удержаться от искушения вырезать и запрятать среди этих скучных страниц её свежее личико.

В «Unita» огромные заголовки, фотоснимки, портреты молодого Муссолини. Сенсация — открыли, что в 1915 г. Бенито, тогда социалист и редактор «Popolo d'Italia», был платным агентом русского царя.

31 июля. Пятница. Впервые после двух лет работы я в отпуске. Двенадцать дней пробыл в уфимском дое отдыха № 1. Ничего хорошего не было (дожди испортили отдых). Зато я подружился с симпатичным малым (Эдик Канторер, некогда друг Витьки Торопчина).

Муся с дочкой улетела к Витьке в Красноярск. Очень хорошо. Я доволен.

Время от времени встречаюсь со своей женщиной. Мне очень смешно, но её тело, её плоть для меня сейчас важнее всего, заслонили весь мир и целиком определяют все нюансы моего настроения. Но в общем, сейчас это ровное настроение, здоровое, без злобы.

Для четырнадцатого выпуска альманаха я написал рассказ «Верить людям». Рассказчик так себе, но в общем он неплох (по тону, по настроению). Этот осёл в погонах, импозантный и сахарнозубый дурак Иван Сотников, редактор альманаха, вернул рукопись. На первой

странице вверху слева наложена резолюция: «Это нам не годится. И. С.» На последней странице тот же карандаш с его обычной отеческой и лисьей улыбкой начертал:

«Дорогой Роман!

Задуман рассказ неплохо. Но в литературном отношении он ещё слаб, и по языку (стиль надо серьёзно выправить), и по композиции, и особенно по психологии разработки действующих лиц.

Второй рассказ молодого автора должен быть сильнее в номере. Этого пока не чувствуется.

Главное же, нам нужны сейчас рассказы, проникнутые пафосом семилетки. Очень прошу поработать над таким рассказом или очерком.

С глуб. уваж. Ив.Сотников.

26.7.59 г.»

Это документ эпохи. Такие вот всеобщие угодники, — кадящие двум богам, всё ещё делают у нас погоду.

Думаю послать рассказ в журнал «Смена».

«Эпитафия человечеству.

Так назвали новую оперу шведского композитора Карла Биргера Бломдаля «Аниара», действие которой разыгрывается в ...межпланетной ракете. Когда занавес поднимается, публика видит внутренность космического корабля, летящего с планеты Дорис (подразумевается Земля) в сторону Марса. Пассажиры — беглецы с Дорис; они предпочли двинуться в неведомое и опасное путешествие, чем остаться на родимой планете, уничтожаемой радиоактивным излучением.

Увы — за день до прибытия на Марс Аниара терпит повреждение и выпадает из солнечной системы в таинственное, никем не исследованное пространство. Одновременно электронный мозг передаёт сообщение о полной гибели планеты Дорис.

Пассажиры Аниары, надломленные и близкие к помешательству, пытаются найти забвение сначала в бешеном танце (jitterbug), позже в первобытном культе пола, выражающемся в танцах в зале зеркал... Главный инженер умирает. Его тело, удалённое с корабля, стнаоится сателлитом какого-то из солнц. После 24 лет бесконечного путешествия гибнут последние пассажиры, понимая — слишком поздно -, что в уничтоженной отеческой планете человек утратил единственный рай, какой когда-либо был ему доступен.

Пятнадцатиминутной овацией приняли «Аниару» в Королевской Опере в Стокгольме. Критики и публика были потрясены и захвачены. Опера 42-летнего Бломдаля (двухактная, длящаяся два часа) сделано по либретто, написанному на основе космических поэм Гарри Мартинсона. Причудливая и необычная партитура сочетает общепринятую музыку с электронной, а также — в некоторых партиях — с конкретной музыкой. В одном

из фрагментов Бломдаль использует мешанину записей голосов. Эйзенхауэра, Хрущёва, Гитлера, Муссолини и признаний обвиняемых в Нюрнберге...

Опера «Аниара» должна быть показана на фестивале этого года в Эдинбурге. На снимке: одна из сцен: поёт капитан «Аниары».

2 августа. Воскресенье. Сегодня несмотря на плохую погоду мы с Машей выехали за город. Расположились на обычном месте в молодой посадке, на моём светлом китайском плаще. После первого раза вдруг обнаружили прямо под руками ежевику и стали её рвать и есть. Даже плащ, оказывается, бросили на ежевику и раздавили несколько год: на плаще остались карминовые кляксы. Но хотя кровь у ежевики красная, сама ягода синяя... Когда я выкурил папиросу, на мундштуке остался влажно-голубой след от губ.

Второй заход был бесконечный, прямо-таки сумасшедший какой-то. «Ты меня замучишь сегодня», — говорит Маша. А я молча продолжаю работать. Наконец, ценою сверхестественных усилий мне удалось «облегчить» перенапряжённое тело. После этого я свалился и принялся хохотать. Боже мой, как я смеялся! Ничего смешного не было, просто щенячья радость жизни: в тучах проглянуло солнце, грудь дышала вольно. Свет, воздух, женщина! Когда-нибудь, седым старикашкой, я буду вспоминать этот смех и эту ежевику.

3 августа. Понедельник. В Уфе началась демонстрация итало-американского фильма «Война и мир». Сценарий написали пять или шесть первоклассных итальянцев, самые громкие имена. Постановщик — Кинг Видор, американец. Наташа — прославленная Одри Хепбёрн — очень мила, она покорила всех. Пьера играет костлявый и худой Генри Фонда. Он ничуть не похож на толстовского Пьера по внешности, но актёр первоклассный, даёт правильную трактовку образа — обаятельный чудак, мечтатель, философ. Муж Одри, Мель Феррер, длинноногий американец, играет — в роли князя Андрея — типичного голливудского идеального героя, очень постного и скучного. Прекрасен старый князь Болконский, хороши Долохов и Анатоль Курагин (итальянец).

Элен Курагина — знаменитая Анита Экберг, бывшая мисс Швеция, международная проститутка из мира кино: золотые волосы, массивная грудь и отличные длинные ноги.

Хорошая сцена — пари у Долохова (бутылка рому), хороша ссора за обедом и вызов, очень плох Кутузов и плох Наполеон...

Когда я после кино шёл с ребятами по улице Ленина, навстречу прошла маленькая городская психопатка, ещё молодое, несчастное существо. Она, кажется, живёт в «Архирейке» (бандитская часть Уфы между парком Матросова и рекой Белой). За ней шли плотной шеренгой архирейские жиганы. Эта дурочка внезапно хлопнула меня по животу и крикнула: «Клясотока!» Кругом раздался хохот. Первый раз в жизни меня назвали красивым.

Хорошее настроение начинает истощаться. Пора мне что-то писать. Бродил у меня в голове заголовок для рассказа: «Лето в полной силе». Чтобы там была ежевика и бодрое, трубное настроение. Женщина. Дружба. Пена за кормой и ветер в лицо. Запах травы и стрекотание цикад. Надо взяться всерьёз.

Рассказ «Верить людям» я послал заказным письмом в журнал «Смена». Думаю, что НЕ возьмут. То есть, я знаю, что должны отвергнуть, но надежда теплится. Пресловутое: «А вдруг?»...

В Харькове женится мой кузен Витя Гефтер. Он славный малый. Пусть будет счастлив. Я, пожалуй, никогда не женюсь.

10 августа. Понедельник. Видел вторую серию «Войны и мира». Ничего, неплохо для «Парамаунта». Но вообще, конечно, это далековато от Льва Толстого. Буду писать рецензию в «Ленинец».

В Уфе в нефтяном институте было дело, весьма характерное для части молодёжи. Один студент сочинял антисоветские стихи, т.е. антиправительственные. У него был также радиоприёмник, незаконно переконструированный для приёма с десяти метров (дозволенный минимум — длина волны 25 метров). Этот юноша слушал антисоветские радиопередачи. Он переписывался с друзьями — единомышленниками, жившими в другом городе. Видимо, он где-нибудь болтал, то не следует.

Года два назад под видом полузнакомых молодых людей его посетили двое в штатском. Они говорили с ним вежливо, предостерегали его и советовали отказаться от всех этих штучек и от антиправительственных настроений. После этого он, этот щенок, написал кровью клятву «никогда не прекращать борьбу за свободную Россию». Эту клятву нашли у него при аресте, в этом году.

Суд был закрытым. Мальчику дали шесть лет (жестоко, пожалуй), но его мать поехала в Москву и добилась пересмотра. Окончательный приговор — три года лишения свободы, с правом заочно окончить институт.

Да, времена всё же меняются. При Сталине этого дурачка сразу бы шлёпнули, ну в лучшем случае дали бы десять лет. В сейчас — не так уж страшно. Тоже, конечно, три года вычёркиваются из жизни, но ведь это нельзя даже сравнивать с прежним...

Всем людям нравится, что в сентябре Хрущёв поедет в Америку. Мне кажется, что Никита Сергеевич всё же многому научился на своём высоком посту. И неоспоримо — он самый активный политический деятель последних трёх — четырёх — пяти лет. Огромная энергия. Молодец.

15 сентября. Вторник. Вечер, за окном дождь. Творятся большие дела. Самолёт Хрущёва приближается к США. Событие действительно важное. Это свежо, интересно, это очаровывает.

К самому отъезду Никиты Сергеевича был приурочен пуск второй космической ракеты. На этот раз она воткнулась прямо в лунный диск, где-то в районе моря Ясности, на расстоянии 1/4 лунного радиуса от центра диска. Иными словами, наши сделали заявку на Луну, забросили на неё вымпел с государственным гербом Советского Союза. Это великолепно!

В Башкирии в этом году очень хороший урожай, но дождь сильно помешал уборке, зерно гниёт в валках. Однако всё же собрано очень много.

Только что «Ту-114» совершил посадку на вашингтонском аэродроме Эндрюсфилд. Идёт торжественная церемония встречи, сообщили по радио. Послушаем ещё. Ну, Хрущёв долетел благополучно. С ним семья, Громыко, Шолохов и другие.

(Кстати, моя рецензия на «Войну и мир» была опубликована в «Ленинце» от 15 августа 1959 г. и очень всем понравилась.)

...Музыка резко оборвалась. Снова «последние известия». На аэродроме Хрущёва встречали Эйзенхауэр, Христиан Гертер и другие. Церемония встречи продолжается. Сотни журналистов со всего мира.

Сегодня на улице я встретил Галю, жену Юрки Поройкова. Она катила а колясочке свою огромную дочку (они назвали её Ириной, при рождении она весила 4 кг с половиной). Очень мило поговорили.

Муся вернулась из Красноярска с твёрдым намерением перетащить Витьку в Уфу.

По радио по-прежнему музыка. Что они там, в Вашингтоне, чикаются? Почему не передают о встрече? Скорее бы, а то надоела музыка (хотя хорошая, светлая, торжественная) ...

Неужели и вправду кончится холодная война? На бирже в Нью-Йорке несколько раз подряд происходили падения военных бумаг.

Вот: Хрущёв и Эйзенхауэр идут по аэродрому. Гимны двух государств. Дети преподносят огромные букеты живых цветов. Гремит орудийный салют. Хрущёв машет рукой, тепло приветствует жителей американской столицы.

В августе в Москве состоялся первый международный кинофестиваль. Прилетела Джульетта Мазина! Демонстрировались «Ночи Кабирии» (фильм её мужа Федерико Феллини) и нашумевшая «Хиросима, моя любовь» (поставил её Ален Рене). Да, кажется, начинается настоящее сближение с Западом. Плохо только с переводами современной литературы.

В Югославии играется турнир претендентов. В 1960 году победитель турнира встретится с Ботвинником. Сейчас впереди Петросян, за ним идут Бенко и Фишер, оставив за собой Кереса, Смыслова и Таля. Олафсон и Глигорич, видимо, не приблизятся к первому месту.

...В субботнем номере «Ленинца», т.е. вчера, внезапно напечатали мой рассказ «Решимость» (в рукописи он назывался «Звезда среди ненастья»). Рассказ довольно посредственный, но некоторым понравился (далеко не так, как моя рецензия «Лев Толстой по-американски»).

Вскоре, очевидно, выйдет 12-й выпуск альманаха «Литературная Башкирия», где напечатан мой рассказ «Перемены в Красногоре». Когда-то его хотели напечатать в «Ленинце», но грубая правка во время вёрстки довела меня до истерики, вследствие чего рассказ сняли с полосы и срочно заменили чем-то. По-башкирски рассказ вышел, мне заплатили 250 рублей. Затем его опубликовали в альманахе: вернее, публикуют, но деньги уже уплачены — 780 рублей. Довольно мизерная плата — но это хорошо, это правильно. Если я захочу подзарабатывать на этом, то мне нужно больше писать, больше работать, больше думать.

Рассказ «Решимость» я подписал псевдонимом Н. Романов.

Сестра Дина приехала на воскресенье из города Салавата, где она сейчас живёт и работает.

Хочется писать, с осенью пришло рабочее настроение, но о чём писать? Сюжетов я складываю очень много, бродя по улицам города или бодрствуя в постели с открытыми глазами, но мне нужно увлечься сюжетом, а это бывает редко... Или я просто лентяй?

Часто расхолаживает недостаток обычных практических знаний, потому что для каждого рассказа нужны realia — вещи, детали, точные факты. Всё серьёзнее думаю: писать рассказы на основе газетных информаций и репортажей. Буду так делать, честное слово! В эту зиму я должен осуществить программу-минимум: два рассказа в «Ленинце» и два в «Советской Башкирии».

2 октября. Пятница. Прилетев из Америки, Хрущёв отправился в Китай на празднование десятилетия. После встречи с Эйзенхауэром — встреча с Мао Цзе-дуном.

Приехал в отпуск Витя Торопчин.

В конце августа я тиснул в «Ленинце» заметку об опере «Аниара» под заголовком «Пахнет мертвечиной...» [в тетрадь вложена вырезка из газеты с этой статьей — Прожито.] Вот что пишет об этом же журнал «Иностранная литература»:

Поэма самоотречения и отчаяния

В Стокгольме состоялась премьера оперы «Аниара» композитора К.-Б. Блюмдаля. Либретто оперы написано по мотивам одноименной «космической» поэмы крупнейшего шведского поэта Харри Мартинсона. Межпланетный корабль «Аниара» направляется на Марс. На его борту — восемьсот беженцев, спасающихся от атомного излучения на Земле. Неожиданно ракета сбивается с курса: она не может ни вернуться на Землю, ни попасть на Марс и осуждена вечно блуждать в межпланетном пространстве. Люди, находящиеся на борту ракеты, символизируют различные типы, свойства человеческих характеров и стремлений. Женщина-пилот Исагель олицетворяет «абстрактную красоту», танцовщица Дези Дуди — «легкомысленного человека, который спасается от пустоты, отмахиваясь от всего, что не может доставить удовольствия». Слепая поэтесса, проповедующая «культ света», — единственная из пассажиров сохраняет веру в жизнь и душевный мир до самого трагического конца.

Мартинсон утверждает, что своей поэмой он создал «видение нашего времени, изобразил путь жизни, пролегающий через нашу собственную пустоту».

Газета «Ню даг» отмечает, что в произведении шведского поэта сказалось его тревога за судьбы современного мира. Однако в отличие от таких деятелей культуры, как Ф. Жолио-Кюри или А. Швейцер, «Мортинсон не видит выхода из катастрофического положения человечества. Человек будущего у Мартинсона движется к абсолютной пустоте. Поэт мечется в безнадёжности, самоотречении и глубочайшем пессимизме».

В том же, сентябрьском номере «Иностранной литературы» внезапно всплыло имя Селина, автора знаменитого в 30-е годы романа «Voyage au bout de nuit».

«Последний номер» правительства: расист Селин выступит по телевидению!» — так озаглавила «Юманите» сообщение об интервью Луи Селина, которое было объявлено в программе предстоящих передач французского телевидения.

Сообщение это вызвало бурю возмущения среди всех честных людей Франции: Луи Селин известен как ярый фашист и коллаборационист, сотрудничавший с гитлеровскими оккупантами и проповедующий в своих книгах расистские и ультрареакционные идеи. «Юманите» присоединилась к протесту прогрессивной французской общественности. . . . .

. . . Против предоставления слова Селину выступили также Национальная ассоциация бывших борцов Сопротивления и Национальная федерация высланных, интернированных борцов Сопротивления и патриотов.

Протест общественности увенчался успехом. Луи Селин, заявивший в своё время, что он отдал бы сто тысяч Эйнштейнов за кончик ногтя арийца, вынужден был отказаться от выступления по французскому телевидению.

7 октября. Среда. Смутное, озлобленное состояние. Период деятельного беспокойства без всяких практических результатов. Факторы: 1) с наступлением осенних дождей прекратились наши встречи с Машей; 2) рассказ «Решимость» («Ленинец» от 19 сентября) хуже, чем «Перемены в Красногоре» и «Грубая ошибка» (в деревне легче пишется); 3) нас обманули, не дали нам квартиру взамен отобранной в 1938 году.

Точнее обком даёт нам в новом доме однокомнатную квартиру в 20 квадратных метров на пятом этаже. Мама отказалась. Она права.

Но сильнее всех литературных разочарований действует половая неудовлетворённость. Мне нужно женское тело, с его горячими объёмами, с его кожей, волосами и запахом, живая шевелящаяся плоть, и всё равно, что бы ни лепетали ласковые, зацелованные губы, и что бы ни выражали бессмысленно серьёзные глаза. По ряду причин мы не можем встречаться с Машей. Ни она, ни я не виноваты. Это невозможно. Негде.

Квартира? Что ж, это неплохо, если бы дали двухкомнатную, но это не главное — проживём и в шестнадцати квадратных метрах.

А в мире стоит гул: «Лунник-3» огибает луну! Люди читают газеты, слушают радио, ловят вести о лунной ракете, но работа, женщины, дети больше занимают их.

Не знаю, как же быть: порвать с Машей, признаться ей, что ждать больше чудесного случая не под силу. . . Или сохранить её, терпеливо выжидая?

Седьмое нобр не за горами, поглядим, где я буду праздновать, может быть, и придётся встретить что-нибудь подходящее.

А пока, в этой злобной неопределённости, я вступаю в осенне-зимний сезон 1959 года.

Биографический отдел

Truth is stranger than fiction. (Ложь правдоподобнее правды?).

„Stop press" – „остановка печати", условный заголовок, под к-рым газеты печатают только что поступившие сенсационные новости. У нас в таких случаях ставят: „когда вертелся номер"...

Толстой: „Гладких, жуирующих и самодовольных мыслителей и художников не бывает."

Биографический отдел

Воспоминания выпускницы филфака БашГУ Елены Петровой (Авдониной)

Со знакомства с Роменом Гафановичем Назировым началась учёба в университете. Он читал у нас курс Введение в литературоведение. Читал увлечённо. Единственная тетрадь, которая сохранилась после многочисленных переездов по Уфе, и приехала со мной в Москву.

Помню экзамен на первом курсе. Оделись мы как-то парадно. Про себя не помню, меня это всегда мало волновало, а моя подруга Маша нарядилась в кружевную белую блузку, распустила рыжие кудри и, прикрываясь насморком, спрятала в носовой платок шпаргалку. Но Ромен Гафанович был любитель женской красоты и, прохаживаясь между партами, то восхищался её цветом волос, то уточнял — настоящее ли это кружево, мешая ей подглядеть. Кстати, информация о том, что на экзамен к Назирову надо одеваться красиво, передавалась из уст в уста. Мне это сказала учительница нашей школы на встрече выпускников.

Помню, как на переменах он гулял по коридору и аккуратно, не выпячивая это, курил.

Потом он вёл у нас Историю религии. Был выбор, я пошла к Назирову.

Помню его книгу о Достоевском, пыталась её читать.

Потом был государственный экзамен по литературе на третьем курсе. За три недели до этого я родила. Зашла в первой пятерке, ассистент выдала нам билеты, сели писать. Позже пришёл Назиров со словами: «Ну, что, все уже списали? Можем начинать?» Меня пропустили первой. Ромен Гафанович сказал, что я выгляжу не очень. Моя староста Марина Эделева стала рассказывать о моей ситуации. Ромен Гафанович сказал что-то про молодых матерей и отправил меня к ребёнку.

Специализировалась я на кафедре литературы 20 века у Ольги Аркадьевны Писаревой, и рецензент должен был быть с соседней кафедры. Попросили Риму Ханифовну. Но она почему-то не смогла. И рецензировал Ромен Гафанович.

Был ещё один эпизод. Мой муж окончил БГУ В 1992 году, и в военкомате ему предложили куда-то поехать. На его отговорки о молодой жене и маленьком ребёнке пообещали найти работу и мне. Поэтому Светлана Евгеньевна подготовила бумагу, что я занимаюсь научной работой под руководством Ромена Гафановича Назирова, а его никем заменить нельзя. Это сыграло роль или что-то другое, мы остались в Уфе.

Воспоминания выпускницы филфака БашГУ Елены Челышевой

Назиров вел у нас лекции по русской литературе 19 века, принимал госэкзамен.

Моя первая встреча с Ромэном Гафановичем, как и у многих, произошла в аудитории. С первого взгляда я была очарована его обликом, голосом, речью. Интеллигентный, импозантный, невероятно харизматичный. Слушать его было одно удовольствие — материал он излагал интересно и доступно. Потом я увидела его в курилке, где он общался со студентами, и была потрясена тем, как он вел себя с ними. Конечно, определенная дистанция присутствовала, но не чувствовалось и тени высокомерия. Он шутил, смеялся шуткам других, и во всей его манере держаться и говорить было столько достоинства и в то же время простоты... В него невозможно было не влюбиться. И это навсегда.

Лекции были живые и интересные, с лирическими отступлениями и личными комментариями, на них никогда не было скучно, мне и в голову не приходило на что-то отвлекаться — слушала открыв рот.

К сожалению, это было так давно, что конкретных эпизодов я не помню, но сам его образ в моей памяти неизгладим — безупречный стиль, ироничный тон, тонкое чувство юмора.

Те студенты, с которыми я общалась, были тоже покорены им и говорили о нем как о божестве.

Колоризованные фото из архива Р. Г. Назирова

Современные нейросетевые модели неплохо справляются с задачей, которую раньше можно было выполнить только вручную: речь идёт о колоризации старых черно-белых фотографий. Мы публикуем в нашем журнале несколько удачных примеров таких графических преобразований фотодокументов из архива Р. Г. Назирова.

Использованная для колоризации модель находится в открытом доступе[1].

Список иллюстраций

1 Г. Ш. Назиров . . . 375
2 Г. Ш. Назиров . . . 375
3 Э. И. Волович . . . 376
4 Э. И. Волович . . . 376
5 Э. И. Волович . . . 377
6 Э. И. Волович . . . 377
7 Э. И. Волович с сыном Р. Г. Назировым . . . 378
8 Э. И. Волович с сыном Р. Г. Назировым . . . 378
9 Р. Г. Назиров и Д. Г. Назирова . . . 379
10 Р. Г. Назиров и Д. Г. Назирова . . . 379
11 Р. Г. Назиров справа . . . 380
12 Р. Г. Назиров справа . . . 380
13 Р. Г. Назиров, 1950-е . . . 381
14 Р. Г. Назиров, 1950-е . . . 381
15 Р. Г. Назиров, 1950-е . . . 382
16 Р. Г. Назиров, 1950-е . . . 382
17 Р. Г. Назиров, 1960-е . . . 383
18 Р. Г. Назиров, 1960-е . . . 383
19 Р. Г. Назиров, 1970-е . . . 384
20 Р. Г. Назиров, 1970-е . . . 384
21 Л. Г. Бараг и Р. Г. Назиров . . . 385
22 Л. Г. Бараг и Р. Г. Назиров . . . 385
23 Р. Г. Назиров на экзамене . . . 386
24 Р. Г. Назиров на экзамене . . . 386
25 Р. Г. Назиров на экзамене . . . 387
26 Р. Г. Назиров на экзамене . . . 387
27 Р. Г. Назиров, 1990-е . . . 388
28 Р. Г. Назиров, 1990-е . . . 388

[1] https://github.com/richzhang/colorization/tree/master/models

Рис. 1: Г. Ш. Назиров

Рис. 2: Г. Ш. Назиров

Рис. 3: Э. И. Волович

Рис. 4: Э. И. Волович

Рис. 5: Э. И. Волович

Рис. 6: Э. И. Волович

Рис. 7: Э. И. Волович с сыном Р. Г. Назировым

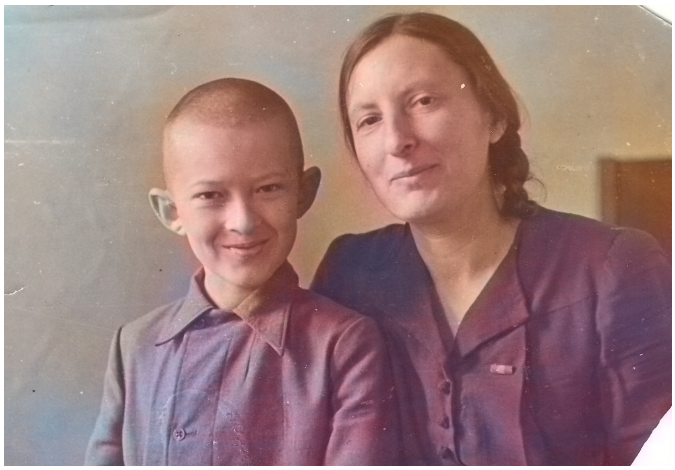

Рис. 8: Э. И. Волович с сыном Р. Г. Назировым

Рис. 9: Р. Г. Назиров и Д. Г. Назирова

Рис. 10: Р. Г. Назиров и Д. Г. Назирова

Рис. 11: Р. Г. Назиров справа

Рис. 12: Р. Г. Назиров справа

Рис. 13: Р. Г. Назиров, 1950-е

Рис. 14: Р. Г. Назиров, 1950-е

Рис. 15: Р. Г. Назиров, 1950-е

Рис. 16: Р. Г. Назиров, 1950-е

Рис. 17: Р. Г. Назиров, 1960-е

Рис. 18: Р. Г. Назиров, 1960-е

Рис. 19: Р. Г. Назиров, 1970-е

Рис. 20: Р. Г. Назиров, 1970-е

Рис. 21: Л. Г. Бараг и Р. Г. Назиров

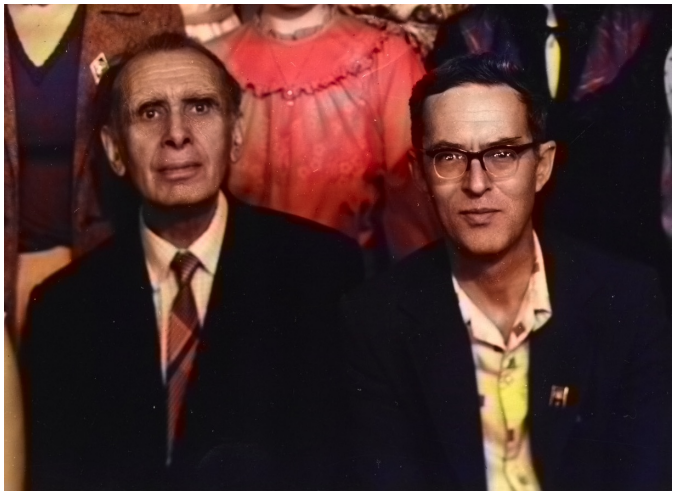

Рис. 22: Л. Г. Бараг и Р. Г. Назиров

Рис. 23: Р. Г. Назиров на экзамене

Рис. 24: Р. Г. Назиров на экзамене

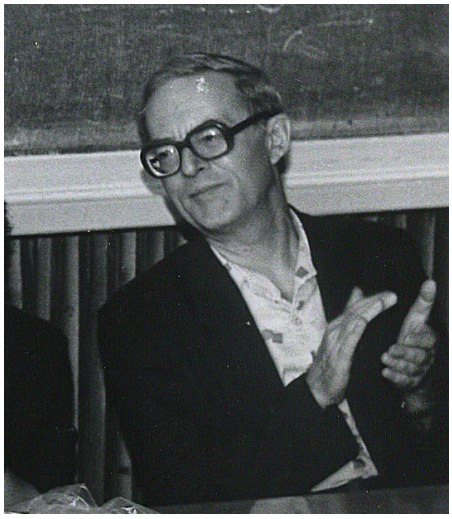

Рис. 25: Р. Г. Назиров на экзамене

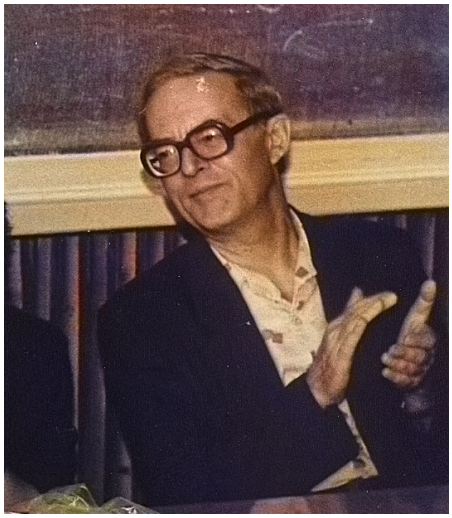

Рис. 26: Р. Г. Назиров на экзамене

Рис. 27: Р. Г. Назиров, 1990-е

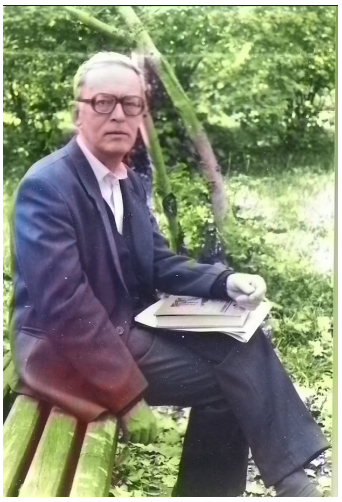

Рис. 28: Р. Г. Назиров, 1990-е

Исследования

Из письма Б. Ф. Егорова от 9 июля 1978:

„А потом Ваши «глобальные» идеи о ходе жанров и фабул. Я думал — рядом — о странностях лирических и лиро-эпических жанров, вообще о расцвете и падении лирики как рода прежде всего (придумал, что расцветает в эпохи интенсивности, любой, даже интенсивности реакции и духоты — это влияет на интроспекцию, на масштабность, на темы „чл и стра", „чл и природа" и т. д.). А внутри этих волн расцвета и упадка свои жанровые электрокардиограммы...

А у Вас подобные идеи о ходе прозы в XIX–XX вв. (точнее — о ходе рассказа и повести? роман, наверное, труднее следить, хотя Вы его подвёртываете в фабульные ходы очень браво — но тут ведь возникает, помимо фабульных эволюций, какая-то самостоятельная дорога, тем более странная, что, несмотря на все анти-целостные и анти-эпические условия, роман всё-таки процветал и процветает, пусть и с эпигонскими свойствами). <...> Во всяком случае, очень бы хорошо Вам издать книгу о пушкинских сюжетах, это было бы событие."

Исследования

Биографический нарратив о Назирове

Б. В. Орехов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Введение

Обычно в нашем журнале публикуются филологически-ориентированные материалы, что вполне естественно, учитывая, что главный герой этих публикаций — доктор филологичеких наук, известный литературовед Р. Г. Назиров. Но в этот раз мы попробуем отвлечься от привычного вектора и представить текст, основанный на комплексе методов социальных наук. Речь пойдет о качественном анализе нарративных текстов (интервью и жизненные истории), посвященных персоне Р. Г. Назирова.

На базе журнала «Назировский архив» мы в течение нескольких лет вели целенаправленную работу по сбору материалов в координатах такого научного направления, как Oral History. Мы опрашивали тех, кто был знаком с Р. Г. Назировым, фиксировали их воспоминания и публиковали их на страницах журнала. Практика Oral History также подразумевает агрегирование устных свидетельств, но чаще все же не о биографии одного человека, а о каких-то значимых общественно-политических событиях. В этом смысле для Устной Истории собранные нами материалы не вполне типичны: «В Oral History биографии могут, но не должны играть роль доминантного источника информации»[1], а наши материалы как раз были биографически ориентированы.

Тем не менее, нам представляется, что это было важной структурной частью деятельности журнала, и уже накоплено достаточно данных для того, чтобы их обобщить и систематизировать, а самой биографической работе подвести некоторый итог.

Кроме того, в процессе обработки полученных текстов стало очевидно, что вокруг фигуры Р. Г. Назирова формируется особый нарратив, имеющий сложную внутреннюю организацию и преломляющийся сообразно социальной ориентации говорящего. Вскрыть сущность этой организации как раз способна методология, выработанная в социологии для анализа нарративно-биографических интервью такими исследователями, как как Ф. Щютце, Г. Розенталь, М. Коли, Е. Рождественская и мн. др. Этот нарратив мы и попытаемся представить его в социологическом обрамлении с тем, чтобы добиться уточненного понимания, в каких

[1] Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М., 2012. С. 7.

отношениях находится фигура Назирова относительно различных общественных институтов.

В этом исследовании мы опирались на следующие источники:

1. Борисова В., Тихомиров Б., Якубова Р. Ромэн Гафанович Назиров, 1934 – 2004 // Dostoevsky Studies. The Journal of IDS. 2005. Vol. IX. P. 246 – 250.

2. Илюшин А. А. Из воспоминаний о Р. Г. Назирова // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2009. № 2 (42). С. 146 – 150.

3. Шаулов Сергей С., Орехов Б., Рыбина М. Экспромт. Парадокс. Авторитет. Предисловие к публикации авторского конспекта лекции Р. Г. Назирова // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2009. № 2. С. 133 – 136.

4. Назирова Д. Г. <Биография Р. Г. Назирова> // Назировский архив. 2013. № 1. С. 140 – 142.

5. Шаулов С. М. Воспоминание о встрече // Назировский архив. 2013. № 2. С. 115 – 116.

6. Шуганов Ю. М. Две исповеди. Уфа: Инеш, 2013. 136 с. [о Р. Г. Назирове: с. 4 – 7, 13, 16, 17].

7. А. Л. Осповат о Р. Г. Назирове // Назировский архив. 2014. № 2. С. 149 – 155

8. С. В. Белов об Р. Г. Назирове // Назировский архив. 2014. № 3. С. 150 – 152.

9. Из письма П. Валтакари об Р. Г. Назирове // Назировский архив. — 2014. — № 4. — С. 131 – 132.

10. Чернова Н. В. Он «шел» Петербургу (О Ромэне Гафановиче Назирове) // Русская и мировая литература: сравнительно-исторический подход: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Ромэна Гафановича Назирова / отв. ред. Р. Х. Якубова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. С. 5 – 7.

11. Романов Ю. А. Памятный разговор // Там же. С. 7 – 10.

12. Никольская Т. А. Воспоминания об учителе // Там же. С. 10 – 12.

13. Выналек Е. А. Воспоминания о Р. Г. Назирове // Назировский архив. 2015. № 1. С. 159 – 161.

14. Интервью с заместителем главного редактора журнала «Назировский архив» Сергеем С. Шауловым // Назировский архив. 2016. № 4. С. 96 – 109.

15. Интервью с бывшими студентами филологического факультета БашГУ // Назировский архив. 2017. № 1. С. 105 – 109.

16. Каракуц-Бородина Л. А. «Седой профессор говорил о Чехове...» // Назировский архив. 2017. № 2. С. 77 – 81.

17. Интервью с сыном Ромэна Гафановича Станиславом Назировым // Назировский архив. 2017. № 3. С. 58 – 71.

18. Интервью с сыном Ромэна Гафановича Эдуардом Назировым // Назировский архив. 2017. № 4. С. 74 – 94.

19. Интервью с бывшией студенткой филологического факультета БашГУ Екатериной Спиридоновой // Назировский архив. 2018. № 1. С. 194 – 203.

20. Гаврилова С. С. Воспоминания дипломницы Р. Г. Назирова // Назировский архив. 2018. № 2. С. 84 – 88.

21. Воспоминания студентов филологического факультета БашГУ разных лет // Назировский архив. 2018. № 3. С. 94 – 98.

22. Тупеев М. А. Воспоминания // Назировский архив. 2018. № 4. С. 36 – 38.

23. Лобанова Г. И. Воспоминания // Назировский архив. 2019. № 1. С. 60 – 61.

24. Зубарев Д. И. Воспоминания // Назировский архив. 2019. № 2. С. 130 – 142.

25. Интервью с В. Б. Катаевым // Назировский архив. 2019. № 3. С. 85 – 92.

26. Карпусь Г. Мы не догадывались даже, с каким корифеем свела нас жизнь // Назировский архив. 2019. № 4. С. 98 – 99.

27. Еникеев А. Назировское установление // Назировский архив. 2020. № 1. С. 216 – 217.

28. Воспоминания выпускницы филфака БашГУ Елены Челышевой, см. текущий номер «Назировского архива».

Следует обратить внимание, что в выборку попали биографические документы разных жанров. Здесь есть и классические интервью (*С. С. Шаулов*, *Осповат*, *Катаев*), и мемуарные заметки (*Романов*, *Выналек*, *Тупеев*), и извлечения из более обширных текстов (*Шуганов*, *Валтакари*), и некролог (*Борисова и др.*). Обычно все же исследователь имеет дело с менее пестрым жанровым составом, но, кажется, что такой подход позволит добиться лучшей репрезентативности, поскольку корпус воспоминаний о Назирове не настолько велик, как хотелось бы (об этом ниже). Тем не менее, следует учитывать, что интервью и воспоминания представляют собой разные сущности, традиционно требующие различных подходов и набора исследовательских процедур. К воспоминаниям в нашей выборке ближе всего жанр, который социологи называют «историей отдельного случая» («individual case history»), предполагающий фокусирование внимания на отдельных жизненных эпизодах, в нашем случае — на тех, в которых говорящий сталкивался с персоной Назирова. Однако

каждый из этих жанров предполагает селекцию информации, то есть отбор и репрезентация наиболее релевантных фрагментов жизненного опыта. Иными словами, общего в них всё же больше, чем различного.

Другая оговорка в том, что не все эти материалы представляют собой тексты, собранные нами для журнала «Назировский архив». Некролог для «Dostoevsky Studies» написан по инициативе авторов, воспоминания *Илюшина* опубликованы ещё до того, как началась систематическая работа коллекционирования биографических свидетельств о Назирове, а тексты *Черновой*, *Романова* и *Никольской* напечатаны в книге, к которой редакция «Назировского архива» отношения не имела. Кажется, что на это важно обратить внимание, чтобы зафиксировать: в нашу выборку попадают тексты, структура которых не была заранее запрограммирована сотрудниками редакции. Тем самым, выборка отражает наиболее общие тенденции, свободные от того вектора, который мы бы могли корректировать своей волей, задавая информантам вопросы в рамках определенной стратегии.

Последняя оговорка в том, что исследовательские практики социологов, прилагаемые к такого рода документам, обычно позволяют больше выяснить о говорящем, чем о предмете разговора. Биографические интервью и другие биографические материалы служат для конструирования собственной идентичности в социальном или политическом поле — поэтому интервьюируемые чаще говорят о себе, даже если тематика интервью заявлена как «персона Назирова» (ср., например, *Зубарев*)

Текст как минус-приём

До описания того, что говорится в биографических свидетельствах о Назирове, необходимо выделить такую важную сферу, как отсутствующие свидетельства. Мы вправе были бы ожидать, что свои воспоминания о Назирове оставят его ученики: те, кто писал под его руководством кандидатские диссертации и дипломы, а также сотрудники кафедры русской литературы и фольклора. Но ничего подобного не произошло. Более того, некоторые аспиранты Назирова прямо отказались давать о нём биографические интервью для нашего журнала[1], и при этом не опубликовали своих воспоминаний в каком-нибудь другом месте. Таким образом, можно утверждать, что ими руководила не просто неприязнь к нашему изданию, а соображения более высокого порядка, в которых мы попробуем разобраться.

Если не брать в расчёт некролог 2005 года (*Борисова и др.*), то станет хорошо видна та граница, которая проходит между группой людей, оставивших воспоминания о Назирове, и теми, кто предпочёл этого избежать. На интервью и написание воспоминаний соглашались только те, кто не включен в уфимскую университетскую систему, а конкретнее: те, кто не является сотрудником Башкирского государственного университета. Все информанты либо иногородние (*Илюшин*, *Катаев*, *Романов*, *Валтакари*, *Осповат*, *Белов*, *Зубарев*),

[1] Подробнее об этом в статье Орехов Б. В. Корпорация совести // Назировский архив. 2019. №. 4. С. 108 – 113.

либо такие уфимцы, которые не смогли или не имели амбиций закрепиться на преподавательских позициях в университете (*Рыбина*, *Шуганов*, *Никольская*, *Выналек*, *Спиридонова*, *Гаврилова*, *Тупеев*, *Лобанова*, *Карпусь*, *Еникеев*). Примечательно, что на момент публикации их материалов в нашем журнале *Каракуц-Бородина* и *С. С. Шаулов* состояли в штате Башкирского университета, но ушли из него соответственно в 2018 и 2019 годах, что, на наш взгляд, отражает их слабую включённость в эту среду. *С. М. Шаулов*, также оставивший воспоминания о Назирове, работал в другом крупном уфимском вузе — Башкирском государственном педагогическом университете, но и он был уволен в 2017 году.

Вернёмся к некрологу 2005 года. Одним из его авторов выступила сотрудник кафедры Назирова и его преемник на посту заведующего Р. Х. Якубова. На первый взгляд, может показаться, что её персона нарушает реконструируемый порядок: сотрудники БашГУ, глубоко интегрированные в свою социальную среду, к каковым, несомненно, относилась *Якубова*, тоже участвуют в создании биографического нарратива о Назирове. Но при ближайшем рассмотрении это оказывается не совсем так.

Жанр некролога (тем более в академическом журнале), в котором выступила *Якубова* вместе со своими соавторами (в том числе с В. В. Борисовой, профессором Башкирского государственного педагогического университета), предполагает весьма сухие стилевые рамки и формальные ограничения, накладываемые на биографический нарратив. Назиров предстаёт в этом тексте не столько человеком, сколько функцией — сотрудником университета, академическим работником, основателем собственной научной школы. Его образ в рамках этого текста ограничен профессиональными обязанностями: «научный руководитель, <...> администратор — многолетний заведующий университетской кафедрой — наконец, как бесспорный авторитет в среде специалистов» (*Борисова и др.* С. 248). Это жанровое повествование не расцвечено человеческими качествами, яркими эпизодами из жизни, запоминающимися деталями. Все сведения о главном герое строго шаблонные, укладывающиеся в хорошо знакомые схемы. В ряде случаев видно, что не индивидуальность Назирова формирует миф, а миф подстраивает под себя нарратив о Назирове. Например, сообщается, что «Ромэн Назиров, блестяще закончил филологический факультет Башкирского государственного университета» (*Борисова и др.* С. 246). С точки зрения мифа об учёном, учёба в университете — важная этиологическая составляющая, она уже должна представлять нам персонажа как представителя академической среды. В то же время эта мифологическая черта не соответствует действительности. От «блестящего» окончания мы ожидаем отличных оценок, но государственный экзамен по русскому языку Назиров сдает на «хорошо»[1], что заставляет усомниться в безупречности формулировки из некролога *Борисовой и др.* В целом профессор университета остается функциональной единицей, но лишается человеческого профиля и индивидуальности.

Остальные биографические свидетельства демонстрируют совершенно иную стратегию разговора об учёном. В них Назиров не сводится до своей академической функции, а пред-

[1]Запись из дневника Назирова от 29 июня 1957 г., АРГН оп. 4, д. 3б, л. 115.

стает в богато персонализированном образе через цепь биографических эпизодов и индивидуальных черт. Случаи, показывающие нетипичное поведение Назирова на экзаменах (*Марченко*, *Раздумина*), его манера курить в здании университета (*Каракуц-Бородина*, *Тупеев*, *С. С. Шаулов*, *Спиридонова*) и другие подобные детали появляются только в текстах респондентов, не ассоциированных с Башкирским университетом.

Всё это говорит о том, что в сообществе, сложившемся вокруг Башкирского университета, нет запрета на воспоминания о Назирове (с оговоркой для тех случаев, когда субъектом воспоминаний выступают такие одиозные персоны, как В. И. Хрулёв[1]). Мы видим упоминания Назирова в ряду других сотрудников университета (например, в газете «Кафедра»[2]), но не видим возможности для индивидуализированного и персонального нарратива о нём. Типично ли это для учёных-филологов? Нет, нетипично, если мы говорим об основателях столичных научных школ. Индивидуализированных воспоминаний можно найти о множестве важных для отечественной науки филологов[3]. То есть тенденция деперсонализации памяти не характерна для академической филологии вообще, она концентрируется именно в Башкирском университете.

В среде университета нет запрета на биографический нарратив о Назирове, но есть запрет на индивидуальный биографический нарратив. О Назирове можно писать в ряду других профессоров, сделавших свой вклад в историю факультета, но нельзя писать о Назирове, фокусируясь на его личности отдельно от других университетских персоналий. Социальная среда Башкирского университета максимально далека от личностной ориентированности. В случае с некоторыми другими университетами мы видим тенденцию к появлению мономифа, например, складывающегося вокруг основателя: так, Московский университет называется именем М. В. Ломоносова, на территории университетского кампуса можно найти не один памятник выдающемуся ученому XVIII века. Башкирский педагогический университет назван в честь просветителя Акмуллы, памятник которому установлен рядом с одним из учебных корпусов. Присутствуют и другие мемориальные атрибуты вроде цитат просветителя, развешенных на стенах коридоров и учебных помещений.

Но Башкирский университет всегда был имперсонален. В советские годы он назывался «им. 40-летия Октября», то есть ономастика не была личностно ориентированной в отличие от Мордовского университета им. Н. П. Огарева или Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Симптоматично, что Башкирский университет был создан на основе педагогического института им. К. А. Тимирязева, но при преобразо-

[1] Подробнее об этом в статье Орехов Б. В. Недобросовестность памяти // Назировский архив. 2018. № 4. С. 92 – 94.

[2] Там же.

[3] См. раздел «Воспоминания» в Аванесовский сборник: К 100-летию со дня рождения Р. И. Аванесова. М., 2002., Филологический сборник памяти профессора Самуила Борисовича Бернштейна: К пятилетию со дня кончины. М., 2002., Памяти Георгия Пантелеймоновича Макогоненко: Сборник статей, воспоминаний и документов. СПб., 2000. Жизнь языка II: Памяти Михаила Викторовича Панова. М., 2007 (Studia philologica)., Одинцов В. В. В. В. Виноградов: Книга для учащихся. М., 1983., Отцы и дети Московской лингвистической школы: Памяти В. Н. Сидорова. М., 2004., Виноградов В. В. Алексей Александрович Шахматов. Петербург, 1922., Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. М., 1999 и др.

вании в университет это наименование было потеряно. Возможно, как раз потому что персонализация осознавалась как сужающая концептуальный ресурс будущего университета.

В то же время некоторые личностно-ориентированные факты в структуре университета всё же присутствуют: это мемориальные кабинеты лингвистов Дж. Киекбаева и Л. Васильева. Однако Назиров не проходит того фильтра, который преодолевают Киекбаев и Васильев для получения своей индивидуальности в университетской сети (в смысле Б. Латура). Симптоматично, что у учеников Л. М. Васильева также нет идеи создания биографического нарратива. В юбилейных сборниках, которые были посвящены этому ученому, традиционно присутствовали деперсонализированные тексты о нём[1], но они были выдержаны в духе того повествования, которое мы разбирали на примере некролога 2005 года. Опять-таки совершенно иначе выстраивается нарратив о М. Л. Гаспарове[2], М. М. Гиршмане[3], А. А. Зализняке[4].

В чём разница между почитанием учителя в форме называния его именем мемориального кабинета и написанием воспоминаний о нём? Можно назвать эту разницу боязнью мифологизации. Если учитель остается в виде таблички на двери аудитории, то его образ статичен, лишен материала для создания мономифа. Миф же, как подчеркивал Назиров, сюжетен[5]. Табличка на аудитории внесюжетна, а живые воспоминания культивируют богатый повествовательный мифотворческий материал. Башкирский университет боится создания мономифа, он продуцирует язык описания, в котором роль отдельной персоналии ничтожна, и может проявить себя только в системном взаимодействии с другими акторами.

Это важно, потому что, по словам Б. Латура, «Лаборатория позиционирует себя именно таким образом, чтобы внутри своих стен репродуцировать то, что, как кажется, происходит снаружи, а затем распространить вовне, то есть на всех фермах, то, что, как кажется, происходит только внутри нее. Здесь внутренний и внешний мир могут превращаться один в другой так же легко, как это происходит в какой-нибудь теореме по топологии»[6]. Если заменить слово «лаборатория» на «кафедра» или «университет», то это утверждение станет очевидно приближено к нашим реалиям. Благодаря этим механизмам распространения описательного языка социальная среда Башкирского университета формирует систему координат, в которой нарративные персонализированные высказывания о Назирове оказываются невозможными, и включённые в эту среду фигуры последовательно воплощают этот принцип в своих социальных действиях.

Это позволяет нам разделить тех, кто потенциально мог бы оставить свои воспоминания о Назирове, на две группы. Во-первых, это представители социальной среды Башкирского университета. Во-вторых, те, кто слабо включён в эту среду, или совсем не включён

[1] Например, Система языка: синхрония и диахрония. Уфа, 2009.

[2] Новое литературное обозрение. 2005, № 73; Язык. Стих. Поэзия. Памяти М. Л. Гаспарова. М., 2006; Вечер памяти Михаила Леоновича Гаспарова (8 декабря 2005 г.): Сб. материалов. М., 2007.

[3] Теория и диалог: к 80-летию М. М. Гиршмана. Донецк, 2018.

[4] Бурас М. Истина существует. Жизнь Андрея Зализняка в рассказах ее участников. М., 2019.

[5] Назиров Р. Г. Становление мифов и их историческая жизнь. Уфа, 2014. С. 13.

[6] Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. № 5 – 6 (35). С. 14 – 15.

в неё. Первые последовательно отказываются от реализации своих возможностей на создание нарратива, вторые реализуют свою возможность и создают тексты, которые вошли в нашу выборку. Так реализуют себя структуры коллективного сознания в формате обыденного знания и субъективных действий.

Удивительно, но такая стратегия, по всей видимости, должна свидетельствовать о рассинхронизации языка Башкирского университета, сохраняющего патриархальные коллективистские принципы, и модернизационных тенденций в глобальной перспективе: «Общеевропейский процесс модернизации может быть описан в том числе и как процесс субъективирования/индивидуализации жизни (как распечатывание ранее закрытых полей, интернализация постматериальных ценностей, тенденции приватизма и т.д.), и в русле этого процесса биография становится центральным социальным измерением»[1].

Стратегии ненормализации

Другое категориальное разделение авторов биографических текстов о Назирове, которое напрашивается после прочтения и глубокого анализа нашей выборки, это наличие особой оптики, позволяющей видеть в персонаже своего рассказа уникальную фигуру. В самом деле, большинство информантов из Уфы (особенно те, кто учился в Башкирском университете) готовы признать в Назирове особую, ни на кого не похожую личность. Такого рода мотивами проникнуты воспоминания *Спиридоновой* («Ромэн Гафанович, да вы что! Они все и мизинца вашего не стоят!»), *Каракуц-Бородиной*, *Шаулова*, *Тупеева*, *Еникеева*, *Карпусь*, *Выналек* («В панике от того, что я так и не услышу легендарного лектора, я пошла в деканат и сокрушенно пожаловалась замдекана, что, мол, время на филфаке пройдет да-ром, мы так и не услышим лекции Назирова»). Такое отношение выражено не только в конкретных высказываниях, но и в общем эмоциональном тоне, сопровождающем рассказ о чём-то заведомо нетипичном.

Иную оптику демонстрируют иногородние информанты и сверстники Назирова. В рассказах большинства представителей академической среды ученый предстает одной из ряда похожих на него персоналий, в некотором смысле взаимозаменяемых. Несмотря на отдельные фразы, выделяющие Назирова из общего ряда («Рома был единственным, кто без колебаний сказал, что это Солженицын» у *Зубарева*), объект воспоминаний не обладает статусом уникального. Даже те черты, которые повторяются из текста в текст и выделяют Назирова из ряда профессорско-преподавательского состава (как, например, эрудиция), не служат основанием для его обособления: «Ну, мы все тогда вставали и ходили и этим расширяли свой кругозор» у *Катаева*.

Из этого ряда выбивается сотрудница музея Достоевского в Санкт-Петербурге *Чернова*, прямо говорящая, что «его < Назирова — *Б. О.* > восприятие Петербурга Достоевского уникально», а также *Романов*, который по его локации (Харьков) и должен быть отнесён

[1] Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М., 2012. С. 6.

к той же категории «иногородних», всё же идентифицирует себя как младшего коллегу. По всей видимости, ключевым для классификации должен быть поколенческий признак.

Одни информанты (студенты, ученики Назирова, люди младшего поколения) видят в фигуре Назирова отклонение от нормы, другие (люди старшего поколения, сверстники, коллеги, сыновья) рассматривают его в рамках своей социально-поведенческой нормы. В случае вторых очевидно, что Назиров представляет собой тот же габитус (в терминах П. Бурдьё). «Когнитивными средствами поддержания хабитусного порядка — согласно этнометодологам, а также П. Бурдье, — служат стратегии нормализации: приведение к норме и отклонение ненормативного»[1].

Ненормативное поведение Назирова демонстрируется с помощью цепи повторяющихся от респондента к респонденту мотивов, среди которых бесспорным лидером является привычка курить в здании университета. Об этом говорят *Каракуц-Бородина*, *Тупеев*, *С. С. Шаулов*, *Спиридонова*. Такое поведение, демонстрирующее готовность к нарушению запретов (в данном случае — запретов, связанных с противопожарной безопасностью), ярко выделяло Назирова среди других преподавателей. Симптоматично, что подпавшие под обаяние Назирова студенты приписывали готовность курить в запрещенных для этого местах только ему:

И это был единственный преподаватель, который курил у нас в коридоре < ... >
< Интервьюер: > *А ещё Брянцева курила прямо в аудитории в университете.*
Я не видела. Может быть, я не обращала внимания. (*Спиридонова*)

Те, для кого Назиров был скорее воплощением нормы, напротив, не замечали этой привычки профессора:

В коридорах его встречал, конечно, но не особо обращал внимание, внешность у него была обычная, экстравагантных поступков, вроде курения «Примы» у расписания, как это Л. И. Брянцева делала, за ним не замечал < ... >
< Интервьюер: > *Кстати, ты вот этого не помнишь, но Назиров курил в коридоре филфака, тушил сигарету и бросал её в угол.*
Может быть. (Муслимов)

Д. Муслимов — особенная фигура, так как он начинал учиться на психологическом факультете БашГУ, и только после нескольких курсов перешёл на филологический. С таким багажом его восприятие уже имело прививку, новых преподавателей он воспринимал на фоне ярких личностей другого факультета, так что Назиров произвёл на него не такое сильное впечатление, как на студентов, сразу поступивших на филологию[2].

[1] Рождественская Е. Ю. Документальный доступ к «субъективным микротеориям» и обыденному знанию // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2011. Т. 32. С. 94.

[2] В этом сравнении следует учитывать и что «женщины, как правило, запоминают больше эмоциональной информации, чем мужчины» Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М., 2012. С. 56.

Те, кто видят в Назирове сходный с ними габитус, напротив, склонны строить нарратив таким образом, чтобы объект воспоминаний встраивался в норму посредством аналогий. Хорошо видно, как *Осповат* видит в Назирове второго Туниманова, *Зубарев* — второго Карякина, *Катаев* — второго Турбина (в том фрагменте воспоминаний, который касается предзащиты докторской диссертации). Довольно естественно, что «Акторы, характеризуемые общностью социального положения, стремятся воспринимать социальные ситуации и действовать сходным образом»[3].

Такая нормативность фигуры Назирова в памяти информантов не позволяет им воспринимать учёного как фигуру, располагающую к особенному статусу. Схожие процессы реализуют себя и за пределами биографического нарратива, как это видно в заметке А. П. Власкина, не советовавшего в принципе публиковать незаконченный роман Назирова[1]. Практика публикации черновых текстов выдающихся авторов не может повлиять на мнение человека, не считающего Назирова выдающимся автором.

Университетская иерархичность и объективация

Ещё два повторяющихся тематических блока из биографического нарратива о Назирове могут получить социологическую интерпретацию.

Первый касается взаимоотношения преподавателей и студентов в университете 2000-х годов.

Сравним два фрагмента воспоминаний:

Позже я подошла и сделала Ромэну Гафановичу комплимент, сказав, что лекция была потрясающей. Обычно он вел себя несколько высокомерно, как человек, знающий себе цену, а тут смутился... (*Выналек*)

Потом я увидела его в курилке, где он общался со студентами, и была потрясена тем, как он вел себя с ними. Конечно, определенная дистанция присутствовала, но не чувствовалось и тени высокомерия. (*Челышева*)

В своей книге об истории университета в России Р. Р. Вахитов фактически говорит о том, что сфера высшего образования на русской почве никогда не представляла собой институции по передаче знания в чистом виде[2]. На разных этапах задачи университета корректировались, но большую часть своей истории университет представлял собой место производства чиновничества. Так как цех чиновников изначально иерархичен, на естественные иерархии, связанные с возрастом и уровнем знаний в университете накладываются социальные ирера-

[3]Рождественская Е. Ю. Документальный доступ к «субъективным микротеориям» и обыденному знанию. С. 92

[1]Власкин А. П. Сложное впечатление // Назировский архив. 2016. № 1. С. 179 – 180.

[2]Вахитов Р.Р. Судьбы университета в России: имперский, советский и постсоветский раздаточный мультиинститут. М., 2014.

хии, связанные с табелью о рангах. Приходящий в университет студент представляет собой не столько будущего учёного, сколько подмастерье на нижней ступени чиновничьей лестницы. Поэтому в университетах до сих пор сохранилась традиция приветствовать входящего в аудиторию лектора вставанием. «Первоочередной задачей для российского мультиинститута, мимикрирующего под университет, была подготовка государственных служащих < ... >. Об этом прямо было сказано в самых первых российских университетских уставах от 1804 года»[3]

По всей видимости, «высокомерие», о котором здесь идёт речь, можно переконвертировать в чувствительность к иерархичности отношений внутри вуза. Если для *Выналек* такая граница между уровнями естественна и в целом информант готов к принятию существующего положения вещей, то *Челышева* его не принимает и не готова мириться с традиционной иерархией.

Современный университет переживает перестройку традиционной модели, преподаватель в наиболее прозападных вузах уже не воспринимается как чиновник более высокого ранга, а реализует менее иерархичную стратегию тьютора-помощника при овладении знаниями. Две точки зрения на поведение Назирова в этом смысле воплощают две модели университетской организации: традиционную (в чём-то даже архаичную) и модернизационную. Какова была позиция самого Назирова по этому поводу, установить из биографических сообщений информантов уже невозможно, но так как его образ мыслей был сформирован в классической советской университетской среде, иерархичность в том или ином виде должна была быть ему присуща.

Второй мотивный комплекс нарратива концентрирует внимание на интересе Назирова к женской красоте. Фактически об этом не свидетельствует только формально выстроенный некролог. На женолюбии Назирова останавливаются *С. М. Шаулов*, *Чернова*, *Выналек*, *Каракуц-Бородина*, *Спиридонова*, *Зубарев*, *Катаев*. Наиболее осторожно высказывается *Катаев*, который дает интервью осенью 2019 года. Это время, когда активисты феминистских движений уже добились внимания к проблеме домогательств к студенткам со стороны преподавателей высших учебных заведений. Из-за повышенного внимания к домогательствам в других общественно значимых областях (прежде всего, в американском кинематографе), такая повестка актуализировалась и в сфере высшей школы. В терминах радикального феминизма поведение Назирова, по всей видимости, можно было бы квалифицировать как домогательства. Ср.:

Я помню, что он меня даже спросил (я просто рассказываю, как есть): «Катя, а у вас есть молодой человек?» < ... > И я ему как-то ответила так вот: «Ой, да у меня их много!» < ... > То есть он спросил конкретно, видимо, о серьёзных отношениях речь шла. И он сказал: «Как я им завидую!» (*Спиридонова*)

[3]Там же. С. 84.

Социологической интерпретации здесь поддаётся не собственно назировское женолюбие, не возможность переосмыслить его откровенные разговоры со студентками и внимание к ним как харассмент, а то имплицитно одобрительное отношение, которое информанты высказывают по этому поводу:

Ромэн Гафанович сделал по поводу проходящей мимо студентки замечание,обращаясь ко мне: «Видели, какая эффектная женщина?!» Было немного обидно, что оценка знатока женской красоты была обращена не в мой адрес. Впрочем, как-то и я дождалась комплимента от мэтра. Мы с девчонками, зная те дни, когда Ромэн Гафанович будет на факультете, одеться покрасивее. Мы знали, что он любит в перемену прогуливаться по коридору. Мы старались попасться к нему на глаза, чтобы он запомнил нас и оценил. (*Выналек*)

Назировский нарратив свидетельствует, что настроения радикального феминизма пока находят слабую поддержку в среде выпускников университетов, иначе мотив женолюбия в апологетических воспоминаниях о Назирове не всплывал бы так часто. Его внимание к женской красоте явно одобряется респондентами и встраивается в модель статусно-ролевого поведения.

Заключение

Процесс рассказывания служит интерфейсом между индивидуальным и коллективным, позволяет «связать отдельное сознание с социальной реальностью»[1]. Нам удалось проследить, что в отношении к биографическому нарративу о Назирове имеет смысл выделить три социальные группы.

Первая концентрируется в Башкирском университете. Это довольно естественно, учитывая, что «организации и социальные институты создают нормативные биографические паттерны. Так, в соответствии с институциональными требованиями индивид изображает свою трудовую деятельность как карьеру — заданный биографический паттерн, которым индивид может и должен пользоваться»[2]. У тех акторов, кто включён в эту социальную группу, имеются запретительные мотивы, которые не позволяют им включаться в создание биографического нарратива. Наиболее отчётливо реконструируется боязнь создания мономифа и общая архаизированная ориентация на деиндивидуализированность исторического нарратива, культивируемая в Башкирском университете.

Вторая группа — это старшее поколение сверстников Назирова, людей на несколько лет его младше, и родственников. Они воспринимают персону Назирова в терминах нормальности, которая подкрепляется аналогиями среди персоналий собственного окружения.

[1] Hammack Ph. L., Pilecki A. Narrative as a Root Metaphor for Political Psychology // Political Psychology. 2012 33 (1). P. 75 – 103.

[2] Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М., 2012. С. 45.

Третья группа — это младшее поколение студентов, успевших прослушать у Назирова курсы в университете. Их воспоминания строятся в соответствии с сюжетом отклонения от нормы: Назиров неизменно предстаёт для них как уникальная фигура, не похожая ни на кого из профессорско-преподавательского состава филологического факультета Башкирского университета.

В целом расхождения между биографическими свидетельствами минимальны и хорошо интерпретируемы. Всё это позволяет говорить о произведенной селекции[1] той информации, которая стала для нарратива о Назирове конструктивно значимой.

[1] Необходимость селекции информации таким образом проявляется в тенденции со стороны повествующего сообщать слушателю наиболее релевантную для своего жизненного опыта информацию о событиях, связях и последствиях этих событий, другими словами информацию, отвечающую критерию существенности. Журавлев В. Ф. Нарративное интервью в биографических исследованиях // Социология: 4М. 1993 – 1994. № 3 – 4. С. 37.

Библиография

В XVIII веке знатных дам в Англии и Франции так опутал демон азартной игры, что они, по словам поэта, „часто жертвовали добродетелью, чтобы сохранить честь" (уплатить карточн. долги). — Ср. «Пиковую даму»).

Разумеется, Дон Карлос был не таким, как нарисовано у Шиллера. Это был дегенерат; Филипп II запер его в тюрьму, где наследник престола умер 24 июля 1568, в возр. 23 лет.

Еврипид: „Мы знаем добро, а творим зло."

Ингмар Бергманн: „Наиважнейшая проблема — придание духовного и человечного смысла цивилизации удовлетворённых материальных потребностей."

Кинг С. Джиллет — изобретатель безопасной бритвы

Библиография

Дополнения к библиографии Р. Г. Назирова

Опубликованные труды о Р. Г. Назирове

1. Сагитов Э. Р. Рассказ А. П. Чехова «Дама с собачкой» сквозь призму сравнительной истории фабул Р. Г. Назирова [Текст] // Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами молодых ученых. Традиции и новаторство Межвузовский сборник. — Уфа: Башкирский государственный университет, 2018. — С. 77 – 85.

2. Шкурко Э. А. Евреи в Башкортостане: полтора века истории [Текст]. — Уфа: Аэрокосмос и ноосфера, 2007. — С. 91 – 92.

Правила для авторов

Рукописи в машиночитаемом виде представляются в редакцию по электронной почте nevmenandr@gmail.com. Во избежание недоразумений авторам предварительно следует ознакомиться со статьёй о принципах и целях издания (2013 № 1) до того, как посылать текст на рассмотрение редакции. Непрофильные статьи приняты к публикации не будут.

Ссылки на литературу оформляются в виде постраничных сносок. Фамилия автора цитируемой работы выделяется курсивом. Между названием работы и местом издания, а также между годом издания и страницами тире не ставится.

Вместе с представляемым в редакцию текстом следует прислать и сведения об авторе, включающие фамилию, имя, отчество, аффилиацию.

Вопрос о публикации в журнале будет рассмотрен после внутриредакционного рецензирования.

Публикация в журнале бесплатная.

В эпоху романтизма преобладает субъективно-экспрессивный стиль мышления. Ассоциации — субъективные отражения объективных представлений. Ассоциативность лирики Лермонтова; для него характерны устойч. типы ассоциаций.

Клинт Бруке считает, что поэтич. язык держится на трёх китах: метафора, ирония, парадокс.

Renato Poggioli говорил, что Дост. открыл „новое измерение действительности" и „предвосхитил Фрейда" (ст. „Д-ский и западный реализм" — Kenyon Review, 1952, № 1).